

А.С. Макаренко
ПУБЛИЧНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ
(1936 – 1939 гг.)

**Аутентичное
издание**

**Научные публикации
Елецкого и Марбургского
университетов**

А. С. МАКАРЕНКО

ПУБЛИЧНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ (1936 – 1939 гг.)

Аутентичное издание

Составитель, автор комментариев:
Гётц ХИЛЛИГ

ЕЛЕЦ
2012

УДК 37(091); 37 (092)

ББК 74.03 (2)

М 15

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина
от 31. 05. 2012 г., протокол № 3*

Составитель, автор комментариев: Гётц Хиллиг

М 15 А. С. Макаренко. Публичные выступления (1936 – 1939 гг.). Аутентичное издание. Составитель, автор комментариев: Гётц Хиллиг. Серия: Научные публикации в Елецком и Марбургском университетах. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012. – 501 с.

ISBN 978-5-94809-578-3

В настоящем издании представлены стенограммы всех известных на сегодняшний день публичных выступлений педагога-писателя А.С. Макаренко (1888-1939) в период с 1936 по 1939 г. Речь идет о 22 документах, которые впервые печатаются в аутентичном виде.

В результате анализа советских собраний макаренковских сочинений, проведенного лабораторией «Макаренко-реферат» Марбургского университета (ФРГ), было установлено, что официозные издания АПН РСФСР/СССР в семи и восьми томах (с 1950 по 1986 г.) не соответствуют источниковедческим нормам и требованиям текстологии. В значительной мере это касается публикуемых стенограмм, раскрывающих основные принципы педагогической системы А.С. Макаренко.

УДК 37(091); 37 (092)

ББК 74.03(2)

ISBN 978-5-94809-578-3

© Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя.....	5
От составителя	8
Перечень знаков сокращения	11
1. Выступление в Высшем коммунистическом институте просвещения в Москве ([начало августа 1936 г.].....	13
2. Встреча с читателями Московского завода «Шарикоподшипник» им. Л.М. Кагановича (25.10.1936 г.).....	18
3. Диспут в Московском областном педагогическом институте (27.10.1936 г.).....	53
4. Беседа с родителями – работниками Московского завода «Шарикопод- шипник» им. Л.М. Кагановича по вопросу о воспитании детей в семье (28.10.1936 г.).....	62
5. Лекция «Художественная литература о воспитании безнадзорных детей», прочитанная в политехническом музее в Москве (21.04 1937 г.)	90
6. Лекция в Московском доме учителя (22.05.1937 г.)	120
7. Цикл лекций «Проблемы школьного советского воспитания», прочитан- ных в Наркомпросе РСФСР. Лекция первая: «Методы воспитания» (10.01.1938 г.).....	127
8. Цикл лекций «Проблемы школьного советского воспитания», прочитан- ных в Наркомпросе РСФСР. Лекция вторая: «Дисциплина, режим, наказания и поощрения» (14.01.1938 г.)	146
9. Цикл лекций «Проблемы школьного советского воспитания», прочитан- ных в Наркомпросе РСФСР. Лекция третья: «Педагогика индивидуаль- ного действия» (16.01.1938 г.)	170
10. Цикл лекций «Проблемы школьного советского воспитания», прочитан- ных в Наркомпросе РСФСР. Лекция четвертая: «Трудовое воспитание, отношения, стиль, тон в коллективе» (20.01.1938 г.).....	192

11. Обсуждение «Книги для родителей» на Московском станкостроительном заводе им. С. Орджоникидзе (09.05.1938 г.).....	219
12. Беседа с начинающими писателями на тему «Как создается художественное произведение» (11.07.1938 г.)	245
13. Лекция о воспитании детей, прочитанная в редакции журнала «Общественница» (22.07.1938 г.).....	257
14. Доклад «Основы политического воспитания в советской школе» в Московском педагогическом училище ([лето 1938 г.])	280
15. Встреча с учителями начальных и средних школ Ленинграда и Ленинградской области в областном доме учителя (16.10.1938 г.).....	292
16. Обсуждение повести «Флаги на башнях» в Ленинградском дворце культуры им. С. М. Кирова (18.10.1938 г.).....	325
17. Доклад на совещании в Научно-практическом институте спецшкол и детдомов Наркомпроса РСФСР (20.10.1938 г.)	333
18. Встреча с учителями Фрунзенского района г. Москвы (08.02.1939 г.)	377
19. Речь на юбилее школы № 1 Ярославской железной дороги в Москве (18.02.1939 г.)	415
20. Публичная лекция в Московском гос. университете на тему «О коммунистическом воспитании и поведении» (01.03.1939 г.)	418
21. Доклад в Харьковском гос. педагогическом институте (09.03.1939 г.)	451
22. Выступление «Из опыта работы» на совещании учителей Ярославской железной дороги в Москве (29.03.1939 г.)	482
Указатель имен	497

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина уже несколько лет сотрудничает с руководителем лаборатории по изучению А.С. Макаренко при Марбургском университете («Макаренко-реферат») доктором философских наук, приват-доцентом Гётцом Хиллигом. О нем можно без преувеличения сказать, что его жизнь была посвящена изучению педагогического и писательского наследия выдающегося советского педагога, получившего признание не только в нашей стране, но и за рубежом.

А.С. Макаренко был очень яркой, неординарной личностью, чьи высказывания и суждения далеко не всегда укладывались в рамки идеологических стереотипов и политических установок. В 1920-е годы педагогическая система А.С. Макаренко буквально в штывы принималась руководством Наркомпроса в лице Н.К. Крупской и других. Не принимался во внимание явно успешный опыт воспитания несовершеннолетних правонарушителей и беспризорных в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, разительно отличавшийся по результативности от большинства детских исправительных учреждений и детских домов того времени.

В середине 1930-х годов А.С. Макаренко вынужден был оставить свое педагогическое поприще и есть косвенные данные, что он мог быть арестован и репрессирован из-за некоторых своих высказываний, которые его недруги трактовали как враждебные. Однако все обернулось тем, что Антон Семенович перебирается на жительство в Москву в качестве писателя и получает некоторые атрибуты признания властями предрержащими – квартиру в престижном писательском доме, возможность публиковаться и получать солидные гонорары и т.д. Тем не менее доверия, судя по всему, к нему никогда не было. За внешним благополучием московского писателя крылись напряженная внутренняя борьба, поиски себя и в последние годы неустроенность в отношении с близкими людьми.

Внезапная кончина педагога и писателя кажется, как это не прозвучит кощунственно, выходом из безысходности и решением всех проблем. В течение буквально нескольких лет после кончины А.С. Макаренко не только получает, наконец, признание властей, но и становится классиком официальной советской педагогики и ее «лицом». Если раньше педагог Макаренко (да и писатель Макаренко) нередко становился объектом разгромной критики, то после педагогической канонизации его стали превозносить и порой безо всякой меры. В конце 1980-х годов он вновь под огнем критики, которая, как кажется, не знает иных цветов, как черный и белый. И безусловное приятие А.С. Макаренко, и его полное отвержение свидетельствуют лишь о масштабе его таланта и неординарности всего им созданно-

го. В личности Макаренко как человека и педагога, в его педагогической системе была подлинность, которая привлекала учителей, радеющих за свое дело, ученых, которым претила схоластика и выхолощенность «бездетной педагогики». К его деятельности и педагогическим взглядам присматривались и за рубежом педагоги отнюдь не только левых убеждений. Это вызывало, с одной стороны, чувство гордости, а с другой, враждебное отношение к «буржуазным педагогам», высказывавшим критические замечания не столько в адрес Макаренко, сколько в адрес тоталитарной системы. Вместо конструктивной дискуссии им приклеивали хлесткие идеологические ярлыки, самый безобидный из которых – фальсификаторы «нашего Макаренко».

На деле же самыми отъявленными фальсификаторами А.С. Макаренко, как это убедительно доказали немецкий макаренковед Гётц Хиллиг и его коллеги, именно те, кто, подыгрывая властям, творили из Макаренко классика педагогики по советским идеологическим лекалам. Вероятно, наибольший урон нанесла в этом смысле жена А.С. Макаренко Галина Стахиевна, «исправляя» тексты его работ в соответствии с партийной линией и своими личными пристрастиями. Из текстов исчезали значительные фрагменты, другие переписывались, а то и создавались «заново». Да и «ученые» приложили к этому руку, делая из Макаренко самого советского педагога. Однако в годы перестройки А.С. Макаренко начали клеймить и те, кто его превозносил и славословил. К сожалению и к стыду нашему, мы так и не удосужились посмотреть, за что мы ругаем Макаренко: возможно его «сталинизм» в значительной степени на совести тех, кто его переписывал и благословлял фальсификацию.

А теперь о «десталинизации» А.С. Макаренко. Десталинизировать Макаренко вовсе не означает убрать из его текстов пассажи, которые свидетельствуют о лояльности власти, и тем более писать за него слова, делающие его борцом со сталинизмом. Он, действительно, советский педагог, хотя некоторые его педагогические воззрения нередко совсем не вписывались в советскую официальную педагогику. Мог он идти и против течения в самое опасное время: как известно, он негативно отнесся к выведению трудового обучения из школьного учебного плана. А.С. Макаренко не нуждается, особенно в наше время, в каких либо подпорках и приукрашивании: нужно начать, как это показал Гётц Хиллиг, с очищения Макаренко от фальсификаций. И его тексты, изданные в советское время с большими искажениями, вовсе не стоит изымать из библиотек и уничтожать: они по-своему также важны как документы и свидетельства прошедшей эпохи.

Г. Хиллиг провел колоссальную работу по восстановлению аутентичных текстов публичных выступлений А.С. Макаренко в период с 1936 по 1939 год. В оригинале представленные тексты, т.е. без фальсифицирующих правок, публикуются впервые за 70 лет после выхода в свет первого советского (не аутентичного) издания публичных выступлений педагога и писателя. Кроме того, уходит в прошлое конфронтация по поводу «нашего Макарен-

ко» и ученые не только нашей страны имеют право говорить о Макаренко «наш», поскольку он уже давно, как сказал немецкий ученый-педагог Л. Фрезе, некогда наставник Г. Хиллига в науке, стал достоянием и мировой науки. И науки, включая и педагогическую, нет «нашей» и «ненашей»: она может быть только настоящей и ненастоящей – псевдонаукой, обслуживающий не истину, а чьи-то партийные интересы. В этой связи весьма показательны в последние два десятилетия сотрудничество ученых из разных стран в рамках Международной макаренковской ассоциации.

Убежден, что сотрудничество университетов – Елецкого и Марбургского – даст импульс не только изучению А.С. Макаренко, но и других имен из мира педагогики и других наук.

Ректор Елецкого университета им. И.А. Бунина –
заслуженный деятель науки РФ, доктор педагогических наук,
профессор Валерий Кузовлев.

Елец, июнь 2011 года.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В настоящем издании представлены стенограммы всех известных на сегодняшний день публичных выступлений классика мировой педагогики Антона Семеновича Макаренко (1888-1939) в период с 1936 по 1939 г. Речь идет о 22 документах, которые впервые печатаются в аутентичном виде. Это также относится к включенным в стенографические отчеты, но опущенным в советских изданиях выступлениям участников прений по макаренковским докладом.

Бросается в глаза, что все представленные здесь выступления Макаренко, которые приходится на киевский (№№ 1-4) и московский периоды (№№ 5-22) его жизни, состоялись уже после кончины в июне 1936 г. его «шефа, друга и учителя Максима Горького» (так гласит посвящение автора в изданиях «Педагогической поэмы»). Это, по всей вероятности, произошло не случайно. Смерть Горького стала для Макаренко не только тяжелой утратой, но и избавила его от контроля могущественного покровителя и строгого цензора. Так, из 137 известных на данный момент прижизненных публикаций педагога-писателя 105 появились именно после кончины Горького, т.е. менее чем за три года. Долгая профессиональная обособленность Макаренко вдруг сменилась общественно-идеологической активностью, которая была вызвана не только тем, что его популярность утвердилась лишь с выходом «Поэмы» в середине 1930-х годов, но и новым статусом после смерти Горького.

Необходимость вновь издать тексты А.С. Макаренко появилась в результате тщательного анализа семитомного собрания его трудов, изданных в Москве. Ввиду того, что советская официальная педагогика не планировала представить полное издание сочинений педагога-писателя, лаборатория «Макаренко-реферат» Марбургского университета (ФРГ) с начала 1970-х годов приступила к подготовке собственного собрания его трудов. Из рассчитанного на 20 томов двуязычного Марбургского издания до начала публикации нового, восьмитомного, московского собрания трудов А.С. Макаренко, Марбург выпустил в свет восемь томов.

В процессе анализа советских собраний макаренковских сочинений выяснилось, что официозные издания АПН РСФСР (СССР) в семи и восьми томах (с 1950 по 1986 г.) не соответствуют источниковедческим нормам и требованиям текстологии. Так, «марбуржцы» обнаружили многочисленные редакторские вторжения в смысл и стилистику авторских текстов, их изменение, сокращение и даже произвольные вставки. В значительной мере это касается особенно важных в педагогическом отношении стенограмм вы-

ступлений А.С. Макаренко: подлинник частично искажается в угоду конъюнктурной политической идеологии.

В рамках подготовки Марбургского издания «Собрания сочинений» Макаренко составитель настоящего сборника изучил все стенограммы выступлений педагога-писателя, которые хранятся в московских госархивах. В результате интенсивной обработки стенограмм вдовой автора Галиной Стахивной Салько-Макаренко и ее помощниками в архивах сохранилось от двух до пяти вариантов почти каждого из этих документов.

Обращает на себя внимание такая, казалось бы, мелочь. Из текстов стенограмм московскими правщиками удалялись почти все ремарки «Смех», указывающие на непринужденное настроение в зале во время выступлений педагога-писателя, – в общей сложности около 200 мест. Вероятно, предполагалось, что такая реакция публики не подходит к образу «выдающегося советского педагога», каковым Макаренко считался с начала 1940-х годов в течение более 30 лет.

Это относится и к начальным фразам некоторых выступлений педагога-писателя, где он «кокетничает» перед учителями, например (в документе № 22) следующим образом: «Товарищи! Я очень слабый докладчик и докладов делать не умею. Никак не укладывается в моей голове, что я могу сделать доклад, тем более, что вы сами с усами и поучать вас я не имею права». Подобные «откровения» Макаренко в СССР и его государствах-преемниках никогда не публиковались.

Об объеме редакционной обработки стенограмм в различных советских изданиях трудов педагога-писателя содержатся далеко недостаточно корректные данные, которые скорее маскируют истину. Так, в комментарии к семитомнику его «Сочинений» (М., 1950-52; 2-е изд. 1957-58) говорится, что выступление от 1 марта 1939 г. на тему «Коммунистическое воспитание и поведение» (в настоящем издании документ № 20) печатается «с незначительными сокращениями». Однако проверка показала, что из 75 страниц машинописной версии стенограммы выпало в общей сложности 25, а на оставшихся 50 страницах обнаружено около 300 изменений, касающихся стилистики и содержания. Не считая восстановления нескольких наиболее обширных сокращений, почти все эти редакторские вмешательства остались и в восьмитомнике «Педагогических сочинений» А.С. Макаренко (М., 1983-86).

То же можно сказать и о публикации выступления Макаренко от 8 февраля 1939 г. на тему «Воспитание в семье и школе» (документ № 18): из 75 страниц сокращению подверглись также 25, а на остальных было внесено около 200 изменений, в большинстве значительных. И, тем не менее, в комментариях к этой публикации в семитомнике мимоходом отмечается, что речь идет о «необходимых стилистических поправках (незначительных)».

Уже эти два примера фальсификации текстов оригинала достаточно убедительно обосновывают необходимость издать, наконец, подлинник стенограмм.

Документы в настоящем издании расположены в хронологическом порядке. Тексты воспроизводятся с сохранением стилистических и языковых особенностей, а также специфики написания прописных и строчных букв. Ошибки в написании отдельных слов и идиоматических выражений сохранены, нормативная форма дается в квадратных скобках; но явные опечатки и описки исправлены без оговорок. Своеобразие аббревиатур также сохранено, однако сокращения, не являющиеся сегодня общепонятными, расшифрованы в квадратных скобках. То же относится и к сокращениям имен и фамилий. На пропуски в текстах указывается в примечаниях. В орфографии и пунктуации соблюдаются современные нормы русского правописания.

Комментарий к каждому документу содержит подробное описание источника, данные о соответствующем мероприятии (насколько это известно или удалось установить) и сведения о прежних публикациях текста с характеристикой его воспроизведения. При этом составитель не приводит доказательств редакционных изменений, обнаруженных в советских изданиях документа. Исключения составляют отдельные, наиболее значительные по объему и существенные по содержанию вставки, вписанные рукой Г.С. Макаренко и ее соратников; о таких вставках сообщается в примечаниях. Пояснения, необходимые для понимания особенностей текста, также включены в примечания. Комментарии к документам дополнены указателем имен.

В проверке и расшифровке источников, а также в работе над комментариями участвовали Валентин Бейлинсон (Франкфурт-на-Майне), Николай Белканов (Елец), Павел Белявцев (Елец), Валерий Брун-Цеховой (Москва), Наталья Высоцкая (Симферополь), Дмитрий Поляков (Елец), Владимир Резков (Витебск), Зиновий Тененбойм (Санкт-Петербург) и Юрий Токарев (Нижний Новгород). За эту помощь составитель выражает им искреннюю благодарность. Особая признательность Олегу Лукьянченко (Ростов-на-Дону) и Андрею Ткаченко (Полтава) за внимательное редактирование окончательного варианта рукописи и подготовку его к печати.

Г.Х.

ПЕРЕЧЕНЬ ЗНАКОВ СОКРАЩЕНИЯ

Абаринов/Хиллиг – Абаринов А., Хиллиг Г. Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко (1935-1937 гг.). Марбург, 2000 (OPUSCULA MAKARENKIANA, Nr.22).

ВД – Макаренко А.С. Воспитание детей в семье и школе. М., 1941.

Вт.р. – Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф.Э. Дзержинского, Харьков. Харьков, 1932.

ДАХО – Державний архів Харківської області.

ИМЛИ – Институт мировой литературы РАН. Рукописный отдел.

ИПП – Макаренко А.С. Избранные педагогические произведения. Статьи, лекции, выступления. Под общ. ред. Е.Н. Медынского и И.Ф. Сवादковского. Составил И.Ф. Козлов. М., 1946.

ИПС 1-4. – Макаренко А.С. Избранные педагогические сочинения. В 4-х книгах. Под ред. И.А. Каирова и Г.С. Макаренко. М., 1949.

«Кдр» – «Книга для родителей».

Лис./Уб. – Лисенко П.Г. і Убийвовк І.С. Антон Семенович Макаренко у документах, фотографіях, ілюстраціях. Київ, 1969.

Лыс. – Лысенко П.Г. Судьбы воспитанников А.С. Макаренко. Документально-биографические очерки. Полтава, 1994.

Мор. – Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий. Изд. 2-е, переработ. Л., 1961.

Невская – Воспитание гражданина в педагогике А.С. Макаренко. В 2 ч. / Автор монографии, примечаний, редактор-составитель С.С. Невская. М., 2006.

Переписка – Переписка А.С. Макаренко с М. Горьким. Академ. издание. Под ред. Г. Хиллига при участии С.С. Невской. Марбург, 1990 (OPUSCULA MAKARENKIANA, Nr.11).

«ПП» – «Педагогическая поэма».

ПС 1 (1983)-8 (1986). – Макаренко А.С. Педагогические сочинения в восьми томах. Ред. коллегия: М.И. Кондаков (гл. редактор), В.М. Коротов, С.В. Михалков, В.С. Хелемендик. Составители и авторы комментариев: М.Д. Виноградова, В.Е. Гмурман, Л.Ю. Гордин, А.А. Фролов. М., 1983-86.

ПС (1948) – Макаренко А.С. Педагогические сочинения. Неопубликованные произведения, статьи и стенограммы выступлений. Под ред. Е.Н. Медынского. (Составил А.Г. Тер-Гевондян). М./Л. 1948.

РГАЛИ – Российский госархив литературы и искусства.

РПЭ 1-2 – Российская педагогическая энциклопедия в двух томах. Т.1. М., 1993; т.2, 1999.

С 1 (1950)-7 (1952) – Макаренко А.С. Сочинения. Ред. коллегия: И.А. Каиров (гл. ред.), Г.С. Макаренко, Е.Н. Медынский. Подготовили к печати: В.Е. Гмурман, Г.С. Макаренко и А.Г. Тер-Гевондян. М., 1950-52.

С 1 (1957)-7 (1958) – Макаренко А.С. Сочинения в семи томах. Ред. коллегия: И.А. Каиров (гл. ред.), Г.С. Макаренко, Е.Н. Медынский. 2-е изд. М. 1957-58.

СЭС – Советская энциклопедическая словарь. Изд. 4-ое. М., 1990.

ТиП – Макаренко А.С. Теория и практика коммунистического воспитания. Составитель: А.А. Фролов. Редколлегия: М.В. Фоменко (предс.), В.М. Коротов, Л.Ю. Гордин. Киев, 1985.

«ФнБ» – «Флаги на башнях».

GW 1-5, 7, 9, 13 – Makarenko A., Gesammelte Werke. Marburger Ausgabe. Hrsg. v. L. Froese, G. Hillig; S. Weitz, I. Wiehl. Bde.1-5, 7, 9, 13. Bearbeitet v. G. Hillig; S. Weitz, I. Wiehl. Ravensburg / Stuttgart, 1976-82.

ОМ – серия „OPUSCULA MAKARENKIANA“. Марбург.

1. ВЫСТУПЛЕНИЕ В ВЫСШЕМ КОММУНИСТИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ В МОСКВЕ ([Начало августа 1936 г.]

т. МАКАРЕНКО.

Благодарю за внимание, которое вы оказали моей «П[едагогической] п[оэме]», за положительные отзывы. Ваши отзывы помогут мне. Я рассматриваю вас как представителей педагогической теории, всю свою жизнь посвятивших педагогике. Мы с вами стоим на одной позиции советской педагогики, но расположены по-разному. Нападать буду я, вы защищайтесь, но у вас оружия нет, и извинить меня может только то, что я один, а вас много. Вы говорите, что теория есть, а я прошу – дайте ее мне! Нет ни одной книги, по которой можно было бы воспитывать педагогу. Я работаю во всеукраинском масштабе, как руковод[итель] тр[удовых] коллектив[ов]. Под моим руководством работает несколько сот педагогов, и я ни одной строчки не могу рекомендовать им к руководству.

Вы говорите, а Маркс, а Ленин? Педагогика прячется за Маркса и Ленина, но ведь они не есть профессора педагогики. Не надо их превращать в педагогическую технику, не пришивайтесь к ним. Они дали задание, а вы ничего не сделали, чтобы его выполнить, ничем не ответили на задание. Высказывания М[аркса] и Л[енина] – это высокая идея человечества, но не наука.

Почему несколько лет царила теория Шульгина? Пока ЦК партии не сказал об этой антиленинской теории¹. А ведь высказывания М[аркса] и Л[енина] о воспитании были.

Почему медицина знает, как лечить рак? Ведь медицина не ждет, что скажет ЦК партии об излечении рака. А в любом вопросе педагогики нет рецепта, нет ни одного указания, как поступать в том или другом случае. Есть только основные принципы, постановление цели. Вы отдали детей на полное усмотрение практикам. Они воспитывают, а вы только говорите «не так». А как надо, никто не говорит. Теоретики говорят только «не так», а доказать ничего не могут. Нагорная проповедь, а не научная теория; на какую науку вы можете рассчитывать в нашей практике?

Теория должна своей технической стороной повернуться к практике. Возьмем теперешнюю школу. Хотя бы советскую образц[овую] школу № 2 им. Ворошилова². Там ведь нет коллектива. Ссоры, сплетни, разговоры. Я их спросил: вот вы носите имя Ворошилова, а есть среди нас ворошиловцы, Ворошилова вы видели, был ли он у вас? Оказывается, нет. Почему не захотели, чтобы был Ворошилов? А горьковцы гордились тем, что они горьковцы.

С какой стати я буду петь дифирамбы педагогике? Ведь я ничем не вооружен. Кто мне хоть чем-нибудь помог – за те 30 лет, что я работаю? Ко мне приходит молодежь, окончившая советские вузы, а она также не во-

оружена. Они знают и психологию, и физиологию, и педологию³, и педагогику, и др[угие] науки, а пусти их усмирить ...⁴ ребят, и они не знают как поступить. И, в конце концов, в работе опираются на мещанский здравый смысл.

Большая бедность в педагогической технике; не знают ничего: как надо говорить с учеником, нет умения сидеть, стоять, как надо пройти по лестнице. Вы скажете, что это пустяк. А докажете, что это пустяк. А у нас, у колонистов [у коммунаров. – Г.Х.], существует правило: «сходя по лестнице, не держись за перила», «не опирайся на стену, опирайся на свой косяк». У дзержинцев много законов, которые и не снились теоретикам.

Возьмем вопрос о наказании. Говорили, что не должно быть никаких наказаний, и что же получилось в результате? У нас с самого начала было единственное наказание: домашний арест, под честное слово. Я объезжал Киевскую область, в[о] многих детских домах мне пришлось снять железные решетки на окнах⁵. Вот до чего дошли практики.

Почему в Болшевской коммуне⁶ так хорошо? Потому что там нет ни одного человека, который прочитал бы хоть одну педагогическую книгу. Из педагогической теории можно получить общее развитие, но педагогическая теория не наука и тем более [не] техника. Мое выражение «вековечное шарлатанство»⁷ объясняется моим тогдашним состоянием, моими переживаниями, но я и сейчас стою на том, что педагогической теории нет. Если бы мне сейчас предложили кандидатуру Песталоцци, я бы с удовольствием его взял, а Руссо я не пустил [бы] и на порог.

Я изучил всего Ленина, хорошо знаю Маркса, и нигде у вас не встречал вот этих слов Ленина: «...⁸. Инициатива...⁹».

НКВД, опираясь только на Маркса, а не на педагогическую теорию, делает людей. А педагогическая теория опыт НКВД игнорирует, а только у нас принцип Маркса о соединении обучения с производственным трудом продолжен до конца. В коммуне им. Дзержинского настоящая десятилетка¹⁰. В той же школе № 2 в Москве спрашивал: «Почему у вас нет цветов?» Отвечают: «Дорого». «А почему нет оранжереи?» Даже на оранжереи труда не хватило в трудовой школе.

Возьмем другой вопрос – отношения между мальчиками и девочками, кем они направляются. Вот я был в 25-й образц[овой] школе. Там на каждом шагу можно слышать: «мой папа нарком», «мой папа комкор», «мой папа редактор»¹¹. Знаете вы, чем это искоренить? Конечно, можно послать комсорга, хорошего комсомольца, он двадцать раз ошибется, но выправит это, но где здесь ваша помощь?

Давайте говорить прямо. Если теорий нет, давайте создадим хотя бы методику, даже надо сказать методологию, т[ак] к[ак] ее тоже нет. Я вам и это докажу. Приезжает ко мне в коммуны инспектор, у дверей стоит часов[ой] колонист [коммунар. – Г.Х.], в полной форме, но, конечно, винтовка без патрон[ов]. «Зачем часовой? Это вредно!» Какая методология привела к этому выводу? Почему этот метод не хорош? Здесь логика простого усмирения, а иногда и самодурство. Все принято на веру. Методология – средство, которое бросается и никем не проверяется.

Пример со стахановским движением в школе. Это полнейшее извращение прекраснейшего начинания в производстве. Вдруг какое-то средство кому-то покажется хорошим. Начинают его применять, никогда не проверяя результаты. Возьмем историю сов[етской] школы. Сначала школа была трудовой, потом стала политехнической, а теперь и политехнизм на ущербе. Вы возражаете. Докажите, что не на ущербе. Если мальчик хулиганит в классе. Удалить нельзя, а почему – неизвестно.

Почему нехороша командирская педагогика? Потому что сравнивают жизнь коммунаров [колонистов. – Г.Х.] с казармой, да не Красной Армии, а с царской, а по аналогии идут и до аракчеевских казарм¹². Вот потому и нехороша командирская педагогика. Мне часто говорили: результаты у вас хорошие, а идеология нехороша. Ведь что получается. Скажет Шульгин: это средство хорошее – будут его применять, не скажет – не будут. Нет изобретательности мысли, нет опытной методологии, а только метод утверждения и проповеди. Я сейчас начинаю сомневаться в совместном воспитании, будучи 30 лет за него. Очевидно, к этому вопросу надо подходить разное в различных коллективах, методы проверять не на одном только коллективе.

Надо пересмотреть метод создания детского коллектива. Каким методом надо воспитывать энтузиазм, героизм? Проповедь[ю], размахиванием руками? Здесь нужна длительная работа детского коллектива.

Дело создания настоящей педагогической техники – наше дело с вами. Есть вековое наследство, которое мы используем. Мысли великих педагогов – только эстетика, а не техника. Вы обязаны создать новую педагогическую технику, не успокаиваясь тем, что дал Песталоцци. Чекиста возьмите за образец, а не Песталоцци¹³.

(Читает конец 3-й книги «Педагогической поэмы», где высказывается надежда, что лет через десять будет, наконец, создана педагогическая теория и тогда не нужно будет писать «П[едагогическую] п[оэму]»). Приглашает всех в коммуну им. Дзержинского).

КОММЕНТАРИЙ

РГАЛИ, 332-4-188, лл.34-38.

Стенограмма (конспект слушателя) заключительного слова Макаренко. Машинописная копия. 5 нумерованных листов, текст на которых расположен с одной стороны. Без заголовка и без даты. Данный материал в архиве ошибочно депонирован как не аннотированное дополнение к стенограмме последнего публичного выступления Макаренко (29.03.1939 г.; док. № 22). Определение характера мероприятия произведено по единственной в СССР публикации текста (см. ниже), а датирование – на основании его содержания и хронологии известных на сегодняшний день пребываний докладчика в 1936 г. в Москве, а также обстоятельств организации такого мероприятия в советской столице.

Публ. (под заголовком «Выступление А.С. Макаренко в Высшем коммунистическом институте просвещения»): А.С. Макаренко. Кн.7-я. Львов, 1969, с.142-47. Подготовка текста В.Е. Гмурмана и Г.С. Макаренко (умерла в 1962 г.). Соответствующий комментарий (с.142) гласит: «В мае (!) 1936 г. профессора, преподава-

тели и научные сотрудники ВКИПа пригласили А.С. Макаренко на организованное в институте обсуждение „Педагогической поэмы“». По всей вероятности, педагог-писатель выступил в Центральном институте педагогики (ЦИП), входившем во ВКИП, а именно не в мае, а в начале августа 1936 г., во время его тогдашнего пребывания в Москве (27.07.-04.08; см.: Абаринов/Хиллиг, с.124). Директором ЦИПа в июне того же года стал проф. М.М. Пистрак, который в опубликованной в центральной газ. «За коммунистическое просвещение» статье (20.07.1936 г., № 99, с.3) дал положительную оценку педагогических взглядов Макаренко (см. Абаринов/Хиллиг, с.125-26).

В комментарии к львовской публикации также говорится: «При подготовке текста к печати сделаны отдельные поправки, так как автором стенограмма исправлена не была». В противоречие к этому высказыванию сверка львовской версии с конспектом показала, что его текст был значительно переработан. Редакционная правка, вставленная в архивном варианте карандашом между строками, словосочетания и целые фразы, а также купюры позволяют сделать вывод, что данный экземпляр был рабочим текстом для публикации.

В машинописной копии речь Макаренко представлена сплошным текстом почти без абзацев, что указывает на ее характер: чувствуется, что она была очень темпераментной, это подтверждается самим содержанием выступления – атака педагога-практика на представителей педагогической теории.

¹ «Почему несколько лет царила теория Шульгина? Пока ЦК партии не сказал об этой антиленинской теории». Шульгин В.Н. (1894-1965), «в 1922-31 директор Ин-та методов шк. работы (в 1931 Ин-т марксистско-ленинской педагогики). Чл. науч.-пед. секции ГУСа (1921-1931). После 1932 науч. сотрудник ряда музеев. / В 20-х гг. разрабатывал (совм. с М.В. Крупениной) концепцию воспитания нового человека, отвечающего требованиям социалист. строя. Воспитание трактовал как сложную систему социальных связей и отношений, охватывающих все сферы жизни общества; рассматривал его во всей совокупности стихийных влияний как процесс социализации личности. Считал необходимым включить в сферу пед. анализа деятельность не только школы и семьи, но и всех гос. и обществ. институтов (партии, советов, производств. коллективов, армии и др.). [...] / Идеи Ш. в пост. ЦК ВКП(б) „О нач. и ср. школе“ (1931) были осуждены как „глупая антиленинская идея отмирания школы“. После этого он отошел от пед. деятельности» (РПЭ 2, с.596).

² Макаренко 11.02.1936 г. «на собрании учащихся VII–X классов 2-й образцовой московской школы им. К.Е. Ворошилова» выступил о «ПП» (Мор., с.114).

³ *Педология* (от греч.; букв. – наука о детях) – течение в психологии и педагогике, возникшее в конце 19 века в США. «Россия не осталась в стороне от движения за изучение ребенка и построение системы воспитания и обучения, основанной на знании закономерностей дет. развития. Рус. [Рос. – Г.Х.] наука развивалась в тесном контакте с зарубежной. Наиб. значимые заруб. исследования по этой проблематике были переведены на рус. яз. [...] / После Окт. революции изучение детства приобрело широкий размах. Стремление обеспечить наилучшие условия для дет. развития поставили П. в 20-х гг. в наиб. благоприятные условия. Развилась сеть педологич. учреждений, была издана обширная лит-ра, проведены конференция (1927) и съезд педологов (1928), выходил журн. „Педология“ (1928-32). [...] / Широчайшее распространение в качестве рабочего инструмента П. приобрел метод тестов. Некритически заимствовались образцы зап. тестов без учета специфики рос. действительности. Результаты тестирования считались достаточным основанием для психол. диагноза и прогноза. Такой подход впоследствии привел к дискредитации метода тестов на долгие годы. [...] / 4 июля 1936 ЦК ВКП(б) принял пост. „О педологических извращениях в системе наркомпросов“, после к-рого само понятие П. получило одиозный смысл» (РПЭ 2, с.133-34). С разгромом педологии даже ее ценнейшие поисковые накопления фактов уничтожены.

⁴ В тексте пропуск.

⁵ «Я объезжал Киевскую область, в[о] многих детских домах мне пришлось снять железные решетки на окнах». Речь идет о деятельности Макаренко в ОТК НКВД УССР в Киеве (см. док. № 2, прим.9).

⁶ *Большевская коммуна* – организованная в 1924 г. трудкоммуна № 1 ОГПУ (НКВД СССР) им. Ягоды, в 1920/30-х гг. всемирно известное учреждение для перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей, «старший брат» макаренковской «Дзержинки»; см. также док. № 5, прим.29, 38.

⁷ «Мое выражение „вековечное шарлатанство“ [...]». В гл. «Чернильницы по-соседски» (1-я часть «ПП») дословно говорится о педагогической науке: «Сколько тысяч лет она существует! Какие имена, какие блестящие мысли: Песталоцци, Руссо, Наторп, Блонский! Сколько книг, сколько бумаги, сколько славы! А в то же время пустое место, ничего нет, с одним хулиганом нельзя управиться, нет ни метода, ни инструмента, ни логики, просто ничего нет. Какое-то вековое шарлатанство» (GW 3, с.109).

⁸ В тексте пропуск.

⁹ Полностью цитата гласит так: «Инициатива должна состоять в том, чтобы в порядке отступать и сугубо держать дисциплину». См. сб.: А.С. Макаренко. Кн.7. Львов, 1969, с.145: «Из доклада В.И. Ленина („Политический отчет Центрального Комитета РКП(б)“ на XI съезде партии). В.И. Ленин, Соч., т.33. изд.4, стр.271».

¹⁰ «В коммуне им. Дзержинского настоящая десятилетка». Такая полная средняя школа в «Дзержинке» была организована лишь с начала 1934/35 уч. года – вместо рабфака Харьковского машиностроительного института при коммуне, который работал с 1930 по 1934 гг. и являлся гордостью Макаренко. Как следует из документа «О школьном комбинате коммуны им. Ф.Э. Дзержинского», составленного начальником ее педагогической части Макаренко, по всей вероятности, летом 1934 г. (см.: ПС 1, с.204, 358), с начала нового уч. года старшие классы общеобразовательной школы были открыты в составе «школьного комбината», включавшего, кроме семилетки (кл. III–VII), оптико-механическое и индустриальное отделения техникума и старший концентр десятилетки в составе VIII, IX и X кл. О десятилетке «Дзержинки» Макаренко упоминает также в статье «Справа партії (Дело партии)» (газ. «Юний піонер», 1936 г., № 10, 12.09, с.2). Умалчивание о существовании рабфака при коммуне в настоящем и всех других выступлениях педагога-писателя 1936-1939 гг. можно толковать как реакцию на изменение политики СССР по поводу среднего образования в середине 1930-х гг., в связи с чем рабфаки были упразднены (РПЭ 2, с.236-37, здесь – с.237).

¹¹ «Вот я был в 25-й образц[овой] школе. Там на каждом шагу можно слышать: „мой папа нарком“, „мой папа комкор“, „мой папа редактор“». Данная школа была расположена в центре столицы (организована в 1931 г. из школ №№ 38 и 68). В середине 1930-х гг. школа № 25 олицетворяла собой все то, чем должна была являться советская школа. Сталин выбрал это учебное заведение для своего младшего сына Василия и дочери Светланы, т.к. школа славилась отменным порядком и дисциплиной (см. сб.: «Иосиф Сталин в объятиях семьи: из личного архива». М., 1993, с.45-48). Там дети вождя учились вместе с детьми высших руководителей СССР: Молотова, Бубнова и проч., а также авиаконструктора А.Н. Туполева, ученого-энциклопедиста О.Ю. Шмидта (см. док. № 7, прим.10) и др. По оценке американского ученого Ларри Ю. Холмса, «обширные фонды, квалифицированные учителя и общественная известность превратили школу № 25 в учреждение, которое символизировало и узаконивало сталинское образование, сталинизм и СССР» (см.: Holmes L.E. Stalin's School. Moscow's Model School No. 25. 1931–1937. Pittsburgh, 1999). Достоин обсуждения факт, что и Макаренко после переезда с семьей в Москву определил в эту школу свою племянницу Олимпиаду, о чем она рассказывала составителю данного издания в 1970 г. Не исключено, что педагог-писатель посетил две вышеупомянутые столичные образцовые школы в 1936 г., чтобы найти адекватное учебное заведение для опекаемой.

¹² «[...] а по аналогии идут и до аракчеевских казарм». Аракчеев А.А. (1769-1834), рос. гос. деятель, с 1808 г. военный министр, организатор и главный начальник военных поселений. *Аракчеевщина* – казарменный режим, палочная дисциплина, муштра в армии и абсолютное закрепощение трудовых поселенцев, их семей.

¹³ «Чекиста возьмите за образец, а не Песталоцци». Примечательна редакция этой фразы в публикации данного выступления в сб. «А.С. Макаренко». Кн.7, Львов, 1969, с.142-47: «И в нашем творчестве мы должны брать в образец большевика, а не Песталоцци».

2. ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ МОСКОВСКОГО ЗАВОДА «ШАРИКОПОДШИПНИК» ИМ. Л.М. КАГАНОВИЧА (25.10.1936 г.)

Председатель – тов. ЕНЦОВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Открывая нашу встречу с автором «Педагогической поэмы» – А.С. Макаренко, мне хотелось бы выразить от имени читателей нашего завода благодарность А.С. за интересную, острую и умную книгу, какой является «Педагогическая поэма». (*Бурные аплодисменты.*)

Наша счастливая страна к своей 19-й годовщине приходит [с] громаднейшими историческими победами. Одной из наиболее важных побед является наша победа в деле перевоспитания человека.

Сейчас наша партия, ленинский комсомол по-особому ставят вопросы воспитания, вопросы работы с советским человеком, с советским гражданином.

Неудивительно поэтому, что наша советская общественность проявляет исключительный интерес к книге, написанной А[нтоном] С[еменовичем]. Ваша книга, А.С., выдвигает смело остро целый ряд форм и методов воздействия на коллектив, на молодежь, на детвору, используя которые можно лучше, интереснее и более эффективно ставить работу.

Хочу показать вам, как наша заводская общественность реагировала на выход «Педагогической поэмы». Вот передо мной лежит наша заводская газета «За советский подшипник»¹. Как наш читатель отзывается о книге, написанной А.С.? Прочту несколько заголовков:

«Книга жизни», – так пишет тов. Капралов.

«Только большевикам по плечу такая работа», – так пишет комсомолец т. Захряпин.

«Волнующая книга», – так пишет т. Белоусов из инструментального цеха.

Интереснее всего то обстоятельство, что тов. Белоусов в своей заметке «Волнующая книга» сам очень взволнованно, с большим чувством отзывается о ней. Вот что он пишет:

«Несколько лет тому назад тысячи граждан нашей страны были глубоко взволнованы прекрасным художественным фильмом о детской беспризорности „Путевка в жизнь“². Он заставлял смеяться и хмурить брови, негодовать подкатывающееся к горлу горе и потрясать зал громкими дружными рукоплесканиями. Война и разруха, голод и тиф унесли миллионы жизней и оставили стране, разорвавшей капиталистические узы, сотни тысяч обездоленных сирот. Сироты вступали на путь беспризорности. Беспризорные бродили по всей стране и, подстрекаемые голодом, совершали преступления. Партия и советская власть уделили огромное внимание вопросу ликвидации беспризорности. А.С. Макаренко в книге „Педагогическая поэма“

ярко и образно рассказывает об этом. В книге нет ничего надуманного. Большой, чуткий человек рассказывает о своей трудной работе в колонии им. Горького».

Я думаю, что это коротенькое место из заметки т. Белоусова «Волнующая книга» наиболее полно характеризует наше собственное отношение к книге А.С.

Приведу несколько цифр, которые показывают тот исключительный успех, который имела «Педагогическая поэма» у нас на заводе. Достаточно привести цифры, относящиеся к 1935/36 г. Книга была взята и прочитана 3 тыс. читателей. Это только официальная цифра. Значительная часть читателей говорит о том, что книгу, которую прочел тот, кто ее брал, помимо него прочли еще 3-4 чел. Таким образом, по меньшей мере, 1/3 нашего завода знакома с «Педагогической поэмой».

Это говорит о том, что книга представляет интерес не только как произведение, не только как книга, но и как документ, который поднимает целый ряд острых, волнующих проблем воспитания человека, воспитания коллектива.

Все это вместе взятое заставило нас, по настоянию коллектива, пригласить тов. Макаренко для встречи с нашим читателем и послушать самого тов. Макаренко о его хорошей, волнующей книге и о его интересной работе по воспитанию коллектива.

Предоставим слово Антону Семеновичу. (*Бурные аплодисменты.*)

А.С. МАКАРЕНКО. Дорогие товарищи, очень благодарен вам за внимание, которое вы оказываете мне и тому делу, которому служу я и вместе со мной многие тысячи людей, – делу воспитания.

Я хочу сказать вам несколько слов с таким расчетом, чтобы понятно для вас стало, как я представлял себе задачу своей книги и что рассчитывал вызвать у читателя.

Признаться, я не очень надеялся на то, что вопросы воспитания беспризорных вызовут такой интерес у общественности, как это оказалось на самом деле. Кроме того, я не надеялся на свои литературные способности. Поэтому написанная мною книга пролежала 5 лет, пока я решился – под большим нажимом и после энергичных требований А.М. Горького – отдать ее в печать³.

Чего я хотел добиться этой книгой? Я вовсе не думал писать книгу для того, чтобы у меня учились работать с беспризорными. У меня была другая цель – я хотел доказать нашему широкому обществу, а не педагогам, что эти дети, которые назывались беспризорными, – это такие же обыкновенные, хорошие, нормальные дети, как и все дети. Я хотел вызвать у читателей симпатию к этим детям и тем самым в какой-то мере улучшить нашу работу по воспитанию этих детей.

Это была первая цель.

Какова была вторая цель? Мне хотелось показать, что только в нашем обществе – обществе трудящихся, в советском обществе, даже из людей третьего сорта, последнего сорта, из тех людей, которых на Западе сваливают на свалку нищеты, огромной смертности и каторжного фабричного

детского труда, – могут получиться и получаются образцовые, настоящие советские, я бы даже сказал, – большевистские коллективы.

Мне хотелось на всей этой стихии беспризорщины отразить наш советский стиль – стиль нашей жизни.

Наконец, мне хотелось высказать громким голосом те чисто педагогические мысли, которые возникали у меня в процессе работы.

И вот, что касается педагогических мыслей, то, вероятно, меньше всего меня поняли даже педагоги, может быть, по моей вине, потому что я только между делом говорил о педагогике. Говорил между делом еще и потому, что боялся говорить, – должен вам прямо признаться в этом.

Вы прекрасно знаете, что только в этом году педология, так сказать, скончалась благополучно⁴.

Что такое педагогика? До сих пор у нас в этой области существует еще некоторая путаница в терминах. Под педагогикой мы подразумеваем вопросы образования, школьное дело, вопросы повышения человеческих знаний, т.е. все то, что входит в так называемый образовательный процесс. Кроме того, мы понимаем под педагогикой очень широкую стихию воспитания, которая проводится не только воспитателями, но и всей нашей жизнью – каждым из вас над каждым из вас. Два человека, прожившие вместе неделю, уже воспитывают один другого. Явление воспитания – чрезвычайно широкое явление. Трудно понимать его только как явление детское, в особенности в Советском Союзе, где воспитание сделалось одним из широчайших общественных дел. Вы об этом прекрасно знаете.

Если спросить, например, откуда взялась наша новая советская молодежь, то ведь прямо как будто ниоткуда, как будто у нас никаких особенных воспитательных книг не написано, как будто и Наркомпросы наши работали плоховато, во всяком случае, мы их ругали буквально ежедневно, как будто и родители наши плавают еще в вопросах воспитания, настоящего коммунистического воспитания, и любовь у нас не всегда зефиром звучала, иногда сквознячком прохватывало. Семейные формы нашего быта недостаточно утряслись. Семья наша только теперь получает свое оформление⁵.

Но вот смотрите – на наших глазах выросли десятки тысяч новых, совершенно новых, страшно интересных людей, которые фактически сейчас ведут нашу работу, – это молодежь, советская молодежь. Вот на вашем заводе средний возраст – это, наверное, 22-24 года.

Да, товарищи, воспитание – это очень широкое общественное явление, и я не осмелился бы взять на себя задачу писать законы этого общественного воспитания. Некоторые догадки, некоторые отдельные мысли, которые у меня, естественно, возникли в процессе работы с беспризорными, я позволил себе высказать в этой книжке.

Я еще раз повторяю – педагогики [педологии. – Г.Х.] я боялся настолько, что в своей книге ни разу не упомянул слова «педология»⁶, тогда как фактически моя борьба была с педологией и с педологическим уклоном в педагогике.

В чем заключается педологическая работа в педагогике? Коротко говоря – в том, что ребенок берется совершенно отдельно, как обезьяна или

кролик в биологическом кабинете, и рассматривается. При помощи разных искусственных форм наблюдения, иногда оторванных от жизни, оторванных от коллектива, от широкого общественного движения и не диалектически, этот ребенок рассматривается, и естественно в таком случае, что картина получается не социальная, а биологическая.

Этот совершенно уединенный, обособленный ребенок, по мнению педологии, давал основание для того, чтобы делать о нем разные выводы и рекомендовать методы его воспитания.

С моей точки зрения, такой подход к ребенку всегда был подходом вредным, прямо скажу – антисоветским подходом. С моей точки зрения, ребенок – это прежде всего член общества, и притом общества советского, общества трудящихся, общества социалистического.

Несмотря на то, что эта мысль как будто бы совершенно ясна, в самой работе по воспитанию на каждом шагу эту ясность нельзя было доказать очень многим людям из нашего педагогического лагеря, людям, которые в той или иной мере увлекались педологическим подходом к ребенку.

С этой точки зрения я и позволил себе высказать несколько мыслей, строго теоретических, какие было бы, может быть, даже уместнее высказать не в этой книге, а в книге научной, специально посвященной вопросам воспитания.

Коснусь только одного из всех педагогических вопросов, – вопроса, который и вас, вероятно, в известной мере занимает – вопроса о наказании. Это чрезвычайно трудный вопрос. Мы знаем, что в старой школе и в теперешней буржуазной школе не только употребляются наказания и утверждены как главный метод, но употребляются даже наказания физические. В немецкой школе порют еще сейчас, то же самое и в английской школе. Это установлено законом, допускается и считается необходимым.

После революции мы, педагоги, так широко размахнулись, что пошли прямо по линии свободного воспитания⁷. Никакого наказания. Даже слово «наказание» было запрещено. Было запрещено даже слово «методы воздействия», потому что этим можно было прикрыть вопрос наказания.

Я в своей работе с беспризорными правонарушителями сорвался на этом методе. Об этом я прямо и правдиво рассказал в своей книге. Но я сорвался, если хотите, по-советски. Я избил мальчика, но избил я его не потому, что был убежден в необходимости избить его, не потому, что я сторонник такого наказания, а потому, что я, как человек, просто сорвался.

Работать с беспризорными, в особенности с правонарушителями, очень трудно. Но сейчас я могу держать коллектив в 800 чел., и у меня нет такого момента, когда я мог бы сорваться. Это невозможно. А тогда, в 1920 году, я совершил преступление⁸. Я это иначе и не называю. Это было преступление, и меня можно было судить и осудить, и я не имел права заявлять какие бы то ни было претензии.

Я рассказал об этом в своей книге вовсе не для того, чтобы другие мне подражали и совершали такое же преступление и с преступления начинали, а для того, чтобы показать, как плохо, как губительно, как преступно я начал свою работу.

Интересно, между прочим, что я и такие, как я, – а таких очень много, в особенности много у нас, в нашем ведомстве – НКВД, которое занимается исключительно перековкой взрослых и малолетних правонарушителей, – прошли одну линию. Те, которые раньше говорили, что ребенку все позволено, что ребенок – творческая личность, что он сам себя воспитывает, а потому по отношению к ребенку не может быть никаких мер воздействия, прошли свою линию. И вот наши линии в прошлом году столкнулись. Это линия таких людей, как я, и старая, наробразовская линия. Столкнулись они тогда, когда мы, согласно постановлению ЦК партии и СНК, принимали от Наробразы некоторые колонии для правонарушителей⁹.

Мне самому пришлось принять такую колонию, которая была целиком во власти педологов, т.е. наиболее образованных, прекрасных, с их точки зрения, педагогов, – это одна киевская колония¹⁰.

За 16 лет нашей работы, стоя на позиции наказания, признавая, что наказание не физическое, конечно, а вообще – необходимо, мы фактически пришли к такой жизни, когда наказывать, собственно, не нужно, не приходится наказывать, ибо у нас есть другие методы работы.

И вот я принял эту колонию под Киевом у целой кучи педологов в таком виде: колония имела 300 мальчиков и делилась она на 3 коллектива. Один коллектив сидел буквально за решеткой и не имел права даже и носа показывать из-за этой решетки. Это были наиболее трудные дети – так называемые дезорганизаторы. Второй коллектив сидел тоже взаперти, но решеток на окнах не было, а третий коллектив бродил вокруг этих двух коллективов по двору. (*Смех.*)

К такой системе пришли на базе отрицания наказания.

Меня уверили, что посадить таких мальчишек 12-13 лет за решетку – это не наказание, а это только изолирование более трудных – дезорганизаторов – от менее трудных. Я им только сказал:

– Если бы вас посадить за решетку, как бы вы это испытывали – как изолирование или как наказание? (*Смех.*)

Мне на это не ответили и с презрением на меня посмотрели.

Что мы сделали из этой колонии? Мы в течение одного дня разрушили все 3 коллектива, всех смешали вместе, уничтожили решетки, и они и сейчас живут в этой колонии. Прекрасные дети, приветливые, ласковые, трудолюбивые, дисциплинированные и красивые. И вот они живут и живут, потому что мы их не изолируем, а наказываем так, как это рекомендовано постановлением ЦК партии¹¹.

Как мы наказываем? В крайнем случае, если вам нужно оказать какое-то давление, затормозить человека, остановить его в каком-то падении, мы позволяем себе оставить его без отпуска, не выдать ему заработанные деньги, а положить их в сберкассу на его имя; если он лентяй – поручить ему специальную работу с индивидуальной ответственностью, иногда мы лишаем его какого-нибудь удовольствия, вроде кино или поездки в театр. Вот что мы понимаем под наказанием.

В коммуне им. Дзержинского – это наша опорная образцовая коммуна на Украине – за опоздание из отпуска на пять минут коммунара посадят под домашний арест на полчаса в кабинете управляющего, а за кражу – не

накажут совсем, потому что считают, что крадешь ты потому, что привык к этому. Поставят такого пацана на середину и скажут ему:

– Ты еще два-три раза украдешь, потому что ты привык, так пускай уж скорее эти три раза пройдут. *(Смех.)*

Такой пацан начнет доказывать:

– Нет, никогда больше не украду.

– Брось, – говорят ему, – еще на той неделе, еще в том месяце украдешь, а потом перестанешь.

И что всего удивительнее, что это не только точно в смысле воспитательного метода, но это точно и в смысле прогноза. Он на следующей неделе сопрет у кого-нибудь пояс, через некоторое время у другого – 3 рубля, а потом ему скажут:

– Ну, это уже в последний раз, правда?

– Совершенно верно, в последний раз. *(Смех.)*

Обычно воровство после этого прекращается. Воровство – это результат опыта, и даже дети это понимают. Наказывать за это нельзя.

Опоздание же из отпуска – это большое преступление. Раз ты заслужил отпуск, раз ты представился перед коллективом таким, что тебя можно отпустить, а потом ты опоздал и не пришел точно, – значит, ты наврал, значит, ты не уважаешь коллектив, не уважаешь себя, значит, у тебя к себе нет достаточной требовательности, а ты должен ее иметь, ты должен требовать от себя точности. Поэтому, пожалуйста, посиди на диване в кабинете управляющего.

Видите, какие могут быть страшно интересные повороты в вопросе о наказании. Эти повороты, взятые вместе со всеми остальными приемами, должны составить ту педагогическую технику, которая должна быть техникой советской, техникой коммунистического воспитания, и мы эту технику творим, творим открыто перед всем миром.

Вот, например, 7 апреля прошлого года был издан закон, что все несовершеннолетние, совершившие преступления, отдаются под суд и судятся по всем законам обычного нашего советского уголовного права¹². В Европе тогда крик подняли:

– Смотрите, – говорят, – в Советском Союзе малышей судят по уголовному закону.

Мы не испугались этого – судим и теперь. Но у нас совсем другая стихия этого суда и этого наказания.

Вот и сейчас многие дети, большей частью семейные, потому что беспризорные сейчас перестали совершать преступления, попадают в том или ином преступлении – в краже, хулиганстве, иногда и в маленьком грабеже, и их судит суд. Выносятся приговор: 3 года или 5 лет заключения. Немедленно после суда, тут же в судебном заседании, этот мальчик освобождается из-под стражи и передается в наши совершенно открытые колонии, где запрещено иметь стены, заборы, решетки, сторожей. Приезжает он туда, и говорят ему:

– Ты освобожден [осужден. – Г.Х.], но это вовсе не значит, что тебя приговорили к страданию. Нет, это значит, что тебя осудили морально, тебе

сказали – ты заслуживаешь по своему проступку 3 года тюрьмы, но фактически ты живешь в свободной трудовой колонии, ты носишь очень почетное звание колониста – члена колонии, ты работаешь на производстве, как и всякий трудящийся, ты учишься в школе, как и каждый ребенок или юноша, ты пользуешься всеми правами гражданства. Проживешь здесь 3–4 года, затем мы тебя выпустим и снимем с тебя ту судимость, которую ты имеешь.

Принципиально оставаясь на позиции наказания, фактически вся наша советская жизнь идет к тому, что наш метод воспитания является методом не наказания, а методом трудового коллектива, так же воодушевленного общей работой, как и здесь все на заводе им. Кагановича, также ведущего свою работу по-стахановски, также идущего вперед в образовательном, политическом и культурно-просветительном деле. Одним словом, такой мальчик становится полноправным настоящим советским гражданином.

Вот видите, как можно, чувствуя общий тон нашей жизни, общие устремления, установить, как нужно воспитывать наших детей.

Это главный пункт, которого я коснулся в «Педагогической поэме». Это вопрос о методе, главным образом в смысле приемов воспитания.

Что такое дисциплина? У нас в Советском Союзе это очень хорошо знают. Образцом у нас является дисциплина нашей Коммунистической партии. Такую дисциплину надо, конечно, воспитывать и в наших детях. Если подумать над теми образцами дисциплины, которые мы имеем, то очень легко вывести педагогический метод.

Вот все, что я хотел вам сказать по вопросу о педагогике.

Все остальное, что есть в книжке, – это уже не столько педагогика, сколько живые люди, живые характеры, т.е. то, что вас, вероятно, больше всего могло привлечь и больше всего убедило в том, как нужно работать с таким народом и как нужно к нему относиться.

В настоящее время, согласно постановлению ЦК партии и СНК от прошлого года, беспризорность у нас фактически ликвидирована¹³. Сейчас наша работа заключается уже не столько в подборе беспризорных с улиц, сколько в воспитании тех, кого мы собрали за все это время, и в установлении окончательного трудового метода.

Но должен сказать вам, что в настоящее время перед нами возникла другая, чрезвычайно важная задача – это воспитание тех детей, которые выпадают из семьи. Это небольшой процент, но даже 1-2 процента нас не устраивают.

Есть такие семьи, которые с ребятами, в особенности с мальчиками, не умеют справиться по-настоящему, по-советски, не умеют воспитывать настоящих будущих граждан. Таких детей мы получаем сейчас в наши колонии, и признаться вам – они труднее беспризорных. Они труднее потому, что беспризорных портила улица и некоторые педагоги, а этих портят и улица, и педагоги, и родители.

Беспризорные, приходя к нам, видят в нас и отцов, и матерей. Больше им не к кому обращаться. Семейный же ребенок, который сбился с пути, может выбирать. Некоторые прямо выбирают наши трудовые колонии, а некоторые ребята, окончательно избалованные родителями, не приученные к

труду, а только к потреблению, к удовольствию, приученные каждый день ходить в кинотеатр, приученные с 12 лет мечтать о галстуке, о нарядах, о танцах, стараются от нас уйти, чтобы опять продолжать свою жизнь в такой семье, которая их так плохо воспитала.

Эти дети представляют сейчас предмет нашей работы, и я думаю, что всем родителям, в особенности теперь, после постановления ЦК партии о семье, о воспитании и о ликвидации беспризорности, нужно особенно заинтересоваться вопросами воспитания. Идя навстречу нужде многих родителей, я написал вторую книгу, которая печатается сейчас в Москве. Она так и называется – «Книга для родителей»¹⁴.

В этой книге я хочу рассказать родителям в простых словах, на примере разных хороших и плохих родителей, как нужно воспитывать настоящих советских граждан, каких ошибок нужно избегать, как нужно себя вести, чтобы воспитать своего ребенка как следует, как нужно найти середину между строгостью и лаской, как нужно найти тот родительский авторитет, который необходим и который является для многих родителей довольно трудным. Вы знаете, в старое «доброе» время родительский авторитет базировался на третьей заповеди: «Чти отца своего и мать твою [свою. – Г.Х.], и благо тебе будет». Сам бог приказал чтить, и за это обещалась определенная награда. Будешь чтить – будет тебе хорошо, получишь наследство, получишь приданое, получишь имение от папаши и мамы.

Так как большинство родителей не имело никаких благ, то обещать своим ребятам награду за почтение было, собственно, не из чего. Таким родителям предлагалось обещать благ со знаком минус, т.е. чтить, но если не будешь чтить, то будет тебе порка.

Выходит, что родительский авторитет был построен на законе божьем. А теперь на чем построен родительский авторитет? Никакой исповеди нет, никакого наследства, никаких благ нет – ни со знаком плюс, ни со знаком минус.

Теперьшний мальчик в подавляющем большинстве случаев не позволит папаше взять палку – не позволит, да и все. Убежит. Вот родителям и нужно найти свой авторитет, построить его на том, чтобы мальчик оставался их другом, в то же время чтобы отец и мать почитались своим сыном.

Всю эту хитрость совсем не трудно постигнуть, если хорошенько вдуматься в один главный вопрос – кого мы должны воспитывать из нашего ребенка.

Я буду очень рад, если из «Педагогической поэмы» и из моей второй книги – пусть даже незначительное число людей получит для себя какую-нибудь пользу, хотя бы даже в том смысле, что задумается над вопросом воспитания, остановится на вопросе воспитания, что-то пересмотрит, пере почувствует, – более серьезно, чем это обычно бывает.

В заключение два слова о самой книге и ее истории. Я книгу писал не как писатель, а потому не придирайтесь ко мне за некоторые промахи, может быть, чисто художественного порядка. И сейчас я себя писателем не считаю, по-прежнему работаю с беспризорными и буду продолжать работать. Поэтому все обвинения, какие будут направлены ко мне как к писателю, я

заранее отвожу. (*Смех.*) Я просто педагог, который написал так, как писалось.

Затем очень прошу, товарищи, в самую глубину вашей души смотрю с просьбой, – не нужно меня хвалить, потому что это может меня испортить, как лишние похвалы портят многих детей. Всегда в похвале нужно быть особенно осторожным. (*Бурные аплодисменты.*)

КАПРАЛОВ (Энергоцех.). Я книгу А.С. Макаренко «Педагогическая поэма» прочел два раза, и оба раза, читая ее, я не скучал. Наоборот – мне все время хотелось ее читать. Дело в том, что книга написана очень просто. А.С. говорит, что его не нужно хвалить, но нельзя... Отрубите голову – не могу. (*Смех. Аплодисменты.*)

Не могу, потому что он написал ее про меня, про бывшего беспризорника, находившегося в колонии и испытавшего жизнь этого беспризорничества.

Ведь и я мог бы быть хорошим бандитом, хорошим грабителем, а не стал. Видите, сейчас я в вашей среде, в среде рабочих завода «Шарикоподшипник», ну, как же вас не хвалить?

(*МАКАРЕНКО.* Это вас нужно хвалить, а не меня.)

Нас хвалить не за что. С 1917 г. нас много было таких, которые могли бы опуститься. Нас хвалить не за что. Ведь это педагог подошел как-то к нам так, как вы сделали это в своей колонии. Педагог объединил эту колонию и сделал из нее трудовых, хороших, нужных социалистическому обществу работников.

В возрасте 12-13 лет мы – народ качающийся. Мы еще не знаем определенной цели, определенной дороги, мы даже не выбираем себе специальности. Один день мне хочется быть летчиком, другой день – механиком, машинистом.

Много чувствуешь, а сказать всего не можешь. (*Смех.*) Самое главное что? Мне книга очень понравилась, я уже в рецензии благодарил т. Макаренко, и сейчас я от души жму А.С. руку за хорошую книгу. (*Аплодисменты.*)

БУРМЕНКО. Товарищи, все мы сейчас прекрасно видим и знаем ту большую работу, которую проводит наша партия и наше советское правительство по перековке и перевоспитанию наших малолетних правонарушителей.

Но немного об этом было сказано и написано книг, которые помогли бы нашей молодежи познакомиться с героической работой определенной группы педагогов, представленной в лице т. Макаренко.

Если посмотреть нашу литературу, то какие книги у нас есть на эту тему? Сейфуллина написала¹⁵, затем мы знаем «Республику ШКИД»¹⁶ и, наконец, «Педагогическую поэму».

Перед нашей советской литературой стоит большая задача – познакомиться мировой общественность с историей образования исправительно-

трудовых колоний и с той героической работой, которая в данный момент проводится нашей партией и советской властью.

«Педагогическая поэма» отражает любовь советской власти, любовь нашей партии к нашим людям, к нашей молодежи. Если внимательно прочесть это произведение, то бросается в глаза, что т. Макаренко в этой колонии один. У него нет других помощников. Там были, правда, некоторые педагоги, в частности Екатерина Григорьевна, но она считает работу, проводимую в этой колонии т. Макаренко, какой-то интересной игрой. Она считала, что окончится игра, все разбегутся, и все снова начнется с того, с чего началось. Недостаточная поддержка была и со стороны Наркомпроса, в то время соцвоса¹⁷.

Все же, не имея близких товарищей и друзей, которые помогали бы ему в столь сложной работе, т. Макаренко не бросил этого дела, а продолжал, потому что он понял, что это дело должно восторжествовать, что на его стороне партия и советская власть.

Я хотел бы, чтобы т. Макаренко в своем заключительном слове рассказал нам, какова судьба героев, которых мы узнали в этой первой трудовой колонии – Задорова, Горюна [Буруна. – Г.Х.] и других.

Тов. Макаренко просил не хвалить, но дело здесь не в похвале. Я должен сказать, что «Педагогическая поэма» крепко бьет всю гнилую буржуазную теорию о том, что преступность – это нечто врожденное, что если отец был плохим человеком, то дети обязательно пойдут в отца. «Педагогическая поэма» разбила эту гнилую буржуазную теорию и показала с яркой очевидностью, что только в нашей стране, только в социалистическом обществе, что только тогда, когда у власти рабочий класс и когда государством руководит Коммунистическая партия большевиков во главе с тов. Сталиным, возможна такая перековка молодых правонарушителей, возможно вырастить будущих строителей социалистического общества.

Я выражу, очевидно, мнение большинства молодежи нашего завода, если скажу, что мы искренно благодарим т. Макаренко за его столь большое дело, выразившееся в том, что он написал «Педагогическую поэму».

Товарищи, многие из нас еще помнят период 1920 г. Перед моими глазами, в частности, встает Киев, где сейчас работает т. Макаренко. Рядом с моей улицей был так называемый интернат, т.е. место, где имели право жить за определенную, правда небольшую плату в то время, хулиганы, воры, в общем те, кто убежал из дома и у кого не было ночлега. Это был действительно кошмар.

А сейчас в том же Киеве, за Киевом и под Киевом есть целая сеть трудовых колоний. Эти правонарушители, эта молодежь, которая недавно была на улице, которая недавно тащила торбы у крестьян, приезжавших в Киев на базар, сейчас изменилась. Это, прежде всего, люди, и многие из них сейчас работают инженерами в том же Киеве.

2-й раз благодарю т. Макаренко за его большой героический труд, за его большую работу, которую он проделал за все время и сейчас продолжает. (Аплодисменты.)

ШАФИР. Самую лучшую оценку сделал 1-й товарищ, бывший беспризорный, который сказал здесь, как он перевоспитался, как стал членом нашего коллектива, членом, даже очень полезным, нашего общества.

Напрасно т. Макаренко умалывает художественное значение своей «Поэмы». По-моему, ее можно с полным правом наравне с педагогической поэмой назвать художественной. Если мы сравним ее с лучшими вещами, которые мы сейчас имеем, то мы должны будем сказать, что она стоит не ниже с художественной точки зрения, чем те вещи.

Тов. Бурменко сказал, что А.С. был в этом коллективе один. Да, товарищи, он был один, но он был крепок тем, что чувствовал за собой нашу Коммунистическую партию, которая перевоспитывает людей. Это очень хорошо показано в книге, которую написал т. Макаренко.

Я читал много произведений художественной литературы, новой литературы наших советских писателей, старых классиков, и, сравнивая со всеми этими книгами «Педагогическую поэму», я должен сказать, что это прекрасная книга. Побольше бы нам таких книг, которые показывали бы, как партия переделывает людей, и побольше бы нам таких воспитателей, как т. Макаренко. (*Аплодисменты.*)

КОПАЧЕВ (Учитель 506-й школы). Педагогическое дело я еще только краешком вкусил. Но нужно сказать, что из тех педагогических книг, которые мне пришлось прочитать, лучше и понятнее всех – книга сидящего перед нами тов. Макаренко. Художественные достоинства этой книги большие.

Если бы мне, не видевшему писателя ни разу, даже на портрете, сказали – обрисуйте мне т. Макаренко, я мог бы представить его таким, каким мы сейчас его видим. Я представлял его себе только немножко худощавее. (*Смех.*)

Возьмите сценку на мельнице¹⁸. Кроме того, что это правдивая сценка, она довольно хорошо описана. Но я не совсем согласен с тов. Макаренко в следующем вопросе: он описывает в книге коллектив ребят и Макаренко. Говорят, что он чувствовал за собой партию, а где те люди, которые работали с вами, тов. Макаренко? Правда, вы касаетесь [их] в своей книге, но они проходят стороной. Этот недостаток вы, наверное, сами чувствуете.

Вначале вы в педагогике были не сильны. Только накопив опыт и случайно соединив военный строй с педагогикой, вы выбрали серединку, и это было правильно и хорошо.

«Засел я, обложившись книгами Руссо и другими, и потом двинул работу сам, когда все прочитал»¹⁹.

Это выходит так, как у нас с некоторыми левыми заскоками в педагогике. Зачем учиться, зачем учебник и, как я смотрю на это дело – так и преподаю.

Вы, тов. Макаренко, из этих прочитанных книг Руссо, Маркса, Ленина о воспитании выделили то, что нужно, соединили вместе и дали в своей прекрасной «Поэме».

Реальность описания дает большую художественную ценность вашему произведению и приносит большую пользу нам, педагогам, особенно педа-

гогам, работающим с малолетними преступниками. Мне мало пришлось работать с малолетними преступниками, но все-таки я хочу рассказать один эпизод.

Сместили преподавателя математики и физики и предложили мне временно провести несколько уроков. Прихожу к ребятам, они спрашивают:

– Что вы будете у нас делать?

– Буду вести физкультуру.

– Физкультурник у нас есть.

– Не хотите, ну, хорошо, – говорю, – буду вести математику и физику.

Просто поговорил с ребятами, я сказал им:

– Ребята, довольно, время проходит, давайте заниматься.

Занимались мы неделю – другую. Вдруг одному из мальчиков погрезилось, что я гляжу не особенно хорошо на одну из девочек. (*Смех.*)

Ведь я молодой, ребята, и вполне возможно, что ему могло что-нибудь показаться. Решил он отомстить мне, делать всякие каверзы на уроках. А это очень трудная вещь, когда педагога преследуют.

Я старшим ребятам из коллектива сказал:

– У вас зародилась такая мысль – это неправильно.

Они опомнились, и представьте себе, что к моему огорчению они завели этого мальчишку и ремнем наложили ему как следует.

Меня в этом поступке удивило то, что у этих «преступников» есть такая сознательность. Но это бывает только тогда, когда к ним сознательно подойдешь.

Отсюда я делаю такой вывод, что к тем беспризорным, с которыми очень часто встречаемся в трамваях, в вагонах, нужно все же по-человечески относиться. Очень трудно уважать человека, который вам ответил грубо, нехорошо, но приходится иногда сдерживаться. Ведь это объясняется тем, что они не понимают, что это нехорошо, а среда вокруг них заставляет их говорить грубым языком.

Тов. Макаренко, вы не собираетесь, как вы сказали, быть писателем, но я просил бы вас, чтобы вы больше занялись именно этим делом. Как педагог, я рад бы описать свой факт, но у меня нет такой художественности стиля. Есть много педагогов, которые имеют большой стаж, но они не могут воплотить свой опыт в таком художественном произведении. Если вы соедините эти линии педагога и писателя, то это даст нам большие достижения на нашем педагогическом фронте. (*Аплодисменты.*)

ЦИКИНА (Роликовый цех). Я прочитала книгу «Педагогическая поэма», и мне хочется сказать вам, что я полезно[го] извлекла для себя из этой книги.

Я всегда думала и до сих пор думаю, что к каждому человеку нужен особый подход. Нельзя же одинаково подходить к человеку более развитому и менее развитому.

Я о книге много говорить не буду. Коснусь только тех девушек, которые выведены в этом произведении.

Начну с Раисы. Если вы помните, Раиса была охарактеризована в произведении как девушка, которую трудно было воспитать. Были созданы все условия для ее воспитания. Ее готовили на рабфак. Хотелось, чтобы из нее получился полезный человек в будущем.

Раиса с охотой готовилась к поступлению на рабфак и уехала на рабфак, в Киев. Та связь, которую она держала с т. Корнеевым, помешала ей пойти по правильному пути. Мы видим, что Корнеев тоже попадает в Киев, куда уехала Раиса. Дальше мы видим, что Раиса по каким-то обстоятельствам возвращается в колонию. Ее начинают расспрашивать – почему, да как, а она скрывает. Потом все разузнали, и в дальнейшем Раиса выпадает из этого произведения, мы о ней ничего не слышим. Узнаем только, что она с кем-то встретилась, ее спросили, как она живет, и она сказала, что все старое забыто, я живу по-новому, у меня семья, у меня уют.

Это очень хорошо. Но не забывайте, что Раиса хорошей стала тогда, когда ее из колонии исключили. Ведь ее попросили выйти из колонии.

Я просила бы т. Макаренко рассказать, почему в книге не отражено перерождение Раисы. Мало тех слов, которые сказаны об этом в книге. Мы как-то не привыкли верить на слово, а на фактах мы этого не видим.

В противовес Раисе мы видим Олю Воронову – пом. агронома. Она на все смотрит совершенно по-иному. В девушке чувствовалось комсомольское настроение к работе. Тов. Макаренко говорит в книге, что она смотрела и на наши, и на соседние поля по-комсомольски. Она чувствовала глубокие проблемы и думала о будущем.

Хорошо показан, как мне кажется, тип Маруси Левченко – тоже трудно-воспитуемой девушки.

В заключение я все-таки должна сказать, что работа с девушками слишком слабо отражена в книге. (*Аплодисменты.*)

ЛАГОДА. Книга, о которой мы здесь говорим, появилась действительно в исключительно интересный момент. Вам известно, как теперь наше правительство и партия ставят вопрос воспитания молодежи, как много внимания обращается на подготовку педагогов, на выработку правильной системы воспитания и т.д. Это не случайно. В конце концов, человек является самым трудным в смысле перевоспитания и создания социалистического человека. Наверное, легче построить социалистическое производство, чем создать этого социалистического человека.

Книга т. Макаренко является очень важным вкладом в это дело, в дело создания методов педагогического подхода, в дело создания нового человека.

Создание социалистического человека затрудняется тем, что, к сожалению, мы имеем остатки прошлого. Мы привыкли к этому слову «остатки прошлого». Но когда мы конкретно подходим к этому вопросу, он становится особенно интересным и важным.

Казалось бы, так легко наше молодое поколение сделать социалистическим. Конечно, если бы это молодое поколение родилось сразу на Луне, в абсолютно социалистическом окружении, психика его складывалась бы так, как нужно. Ребенок приходит на свет без понятий, может быть с известными

ми наклонностями к той или иной темпераментности, но с определенного своего возраста он попадает под влияние семьи, т.е. взрослых, на которых старый уклад жизни оставил самый глубокой отпечаток. Поэтому ребенок, у которого нет еще критического подхода, воспринимает то, что говорят старшие, т.е. люди для него абсолютно авторитетные.

Дальше наступает школа – наша школа. Там вкладывают в него новые понятия.

Дальше наступает жизнь, т.е. самое важное, когда этот ребенок, принесший из семьи, из школы известные установки, сопоставляет [их] с реальными фактами жизни.

Война и революция своей плохой стороной отразились на этой выброшенной из семейных условий, из нормального склада жизни молодежи. Несомненно, что гражданская война со всеми ее минусами не могла не исковеркать многие жизни. И вот проблема перековки этих искривленных психик, как мы сейчас говорим, является чрезвычайно важной проблемой. Об этом нам повествуют десятки книг о Беломорском канале, о канале Волга – Москва, где перевоспитываются взрослые люди в процессе труда²⁰.

Эта проблема стояла перед тов. Макаренко, и вся ценность его книги заключается в том, что она не только повествует об этой проблеме, но подходит к ней практически именно с воспитательной стороны.

Вы, наверное, читали «Республику ШКИД» Пантелеева и Белых – замечательную книгу только о воспитании молодежи. Там этот вопрос был поставлен со стороны воспитанника. Эта книга тоже является богатым вкладом для педагогов, но это далеко не то, что дает нам книга т. Макаренко. Та книга не учила, как нужно подходить к этой искривленной психике молодежи, находящейся в переходном возрасте, чтобы создать такую психику, которая была бы согласована с той жизнью, в которую вступают эти молодые люди.

Я думаю, что в этом заключается особенная ценность «Педагогической поэмы».

Почему «Педагогическая поэма» производит на нас такое глубокое впечатление? Много есть хороших книг, но в каждой книге вы чувствуете, что это писал писатель. Хотя мы иногда глубоко переживаем каждую из особ, показанных в той или иной книге, но мы подсознательно чувствуем, что, в конце концов, это выдуманная вещь.

В «Педагогической поэме» перед нами проходят живые люди, и об этих живых людях нам рассказывают так непосредственно, так искренне, представляют не только их переживания, не только фазы истории этой школы, но дают такие мучительные искания подхода к этой молодежи, которые переживает педагог, если он искренне стремится воспитать эту молодежь.

Я думаю, что т. Макаренко напишет нам еще вещь не менее художественную, чем эта, и дальше разовьет свои мысли и свою практику. (*Аплодисменты.*)

МОРОЗОВ. Я хочу несколько слов сказать о художественной стороне данного произведения.

Основной темой «Педагогической поэмы» является старая и новая педагогика. В этой книге нам рисуют ряд людей, не имеющих квалификации, неграмотных, сбившихся с правильного пути, которым в дальнейшем предстояли Соловки или Сахалин²¹. Этим людям нужно было перестроить, перевоспитать и сделать людьми, полезными для социалистического строительства. От старых методов, какими воспитывались люди раньше, нужно было совершенно отказаться. И вот автор этой книги нашел новые методы перевоспитания молодежи.

В литературе методом для характеристики типов служит язык. Не все литературные произведения в одинаковой степени художественны. Почему же произведение заслуживает такого внимания, и почему его так много читают?

«Педагогическая поэма» написана чрезвычайно простым, народным, понятным для широких масс языком, написана ярко, выразительно, жизненно. Какими методами пользуется автор?

Это получилось ярко потому, что автор является прямым участником данного повествования, и потому, что все это является реальностью.

Очень талантливо автор в своем произведении применяет речь на украинском языке, говорит во многих местах на языке блатного мира, что дает нам яркое представление об этих людях.

Чтобы художественно изобразить предмет, чтобы он ярче вырисовался в нашем воображении, автор очень удачно сравнивает один предмет с другим и одно явление с другим. Большая яркость достигается благодаря тому, что автор удачно употребляет эпитеты и метафорические обороты.

С большим успехом т. Макаренко использует юмористические явления. Юмор звучит во всей «Поэме». Возьмем хотя бы тот же рассказ «Водолечебница»²². Думаю, что каждый смеялся, когда читал этот отрывок. Или, например, когда завхозу отказывают в лошадях и запрагают быка. Это очень юмористически написано.

Автор пользуется иронией и сарказмом. Автор же употребляет иронический прием и смеется над такими людьми, которые часто встречаются в жизни. Возьмем хотя бы этого печника, который клал печь и все время хвалился, или возьмите Вирюченко [Дерюченко. – Г.Х.] – этого преподавателя, к которому автор прямо саркастически подходит.

Автор в своем произведении [с] большим талантом рисует портреты людей. Он их не только просто фотографирует, а дает жизненное описание его характера, его личности и зачастую передает его речи.

Очень удачен портрет завоза Малины [завхоза Калины. – Г.Х.] Ивановича, портрет Маруси Левченко, портрет Родимчика.

Рисуя картины жизни людей, Макаренко с большим мастерством, я бы сказал, описывает тот пейзаж, ту природу и те помещения, среди которых разворачивается действие. Он описывает не так, как прежние писатели, для которых природа являлась местом для развлечения, для отдыха, а у него это целиком связано с ходом действия. Пейзаж иногда влияет на ход событий. Очень хорошо описано положение первой и второй колонии и Куряжа с его развалинами.

Еще одна особенность таланта т. Макаренко заключается в том, что он несколькими словами может легко, понятно и удачно закончить развернутое описание.

Отдельные эпизоды звучат как отдельные рассказы, похожие на чеховские рассказы. Ту же «Водолечебницу» можно дать как самостоятельный рассказ.

Недостатком художественного построения этой «Поэмы» является то, что в этом произведении нет сюжета. У него нет начала и нет конца – это можно писать бесконечно долго, это просто дневник жизненного пути писателя. Но это не главное, и это не может порочить данное произведение.

«Педагогическая поэма» ценна для нашей литературы как в художественном, так и в научном отношении и является большим вкладом в нашу современную литературу.

ЛАПИРОВА. Я хочу сказать об этой книге с 2-х точек зрения, как библиотекарь и как читатель. Сначала как библиотекарь.

Почти ни одна книга не вызвала такого единодушного мнения читателей, как «Педагогическая поэма». Читатель возвращает эту книгу, и она прямо из рук в руки идет к другому читателю. Тут же разворачивается большой разговор по поводу этой книги.

Читатели наши говорят, что им очень хочется видеть Макаренко не только как автора книги – бывают такие книги, когда хочется увидеть автора, а тут хочется видеть именно того Антона Семеновича, который был непосредственным участником всего того, что он описывает (*аплодисменты*), того Антона Семеновича, который проделал такую огромную работу.

Мне приходилось держать в руках очень много отзывов, написанных читателями на эту книгу. Почти во всех отзывах одно и то же:

«Спасибо тов. Макаренко за замечательную книгу, спасибо за Бурунов и Карабановых и за ту огромную работу, которую проделал т. Макаренко».

Так заканчиваются почти все отзывы, причем писали их совершенно различные люди.

Я проводила несколько раз читки отрывков из этой книги в цехах, в частности главу «Операции внутреннего характера» – это о том, как пропала пачка денег из ящика т. Макаренко, и затем «Свадьба». После этих чток из того цеха, где я читала, обязательно приходят несколько человек в библиотеку, просят эту книгу и говорят:

– Когда можно увидеть тов. Макаренко?

Эта книга вызвала единодушные отзывы всех читателей.

Хочу сказать теперь еще как читатель.

Это такая книга, герои которой становятся родными. Когда я прочла эту книгу, я целую неделю не могла ни о чем другом думать. Я все время вспоминала Тоську и Синенького, Задорова, Карабанова и др.

Когда я пришла домой и сказала сестре, что приехал Макаренко, она сказала:

– А ты спросила, что стало с Задоровым?

– Нет.

– Как же это ты не спросила? (*Смех.*)

Я прочла эту книгу, а брат еще не прочел, и я ходила и мучилась, как же это он не прочел и я не могу с ним разговаривать. Когда он прочел, я была страшно счастлива, что могу об этой книге с ним говорить.

Это такая книга, о которой хочется все время говорить и думать.

Вот, собственно, все, что я хотела сказать. (*Аплодисменты.*)

ТОНКОНОВ (Секретарь комсомольского комитета). Здесь тов. Лагода сказал, что легче построить социалистическое общество, чем воспитать таких людей, которые находились в колонии.

(С МЕСТА. Не общество, а производство.)

Это все равно. Я хотел ему сказать, что нельзя противопоставлять воспитание этих людей построению социалистического общества или стройке производства.

Тем, что т. Макаренко воспитывал этих юных преступников, как их называли, он вливал живую струю этих сознательных, воспитанных юношей и взрослых в строительство социалистического общества.

Я хотел бы сказать, что кому-кому, но нам, призванным воспитывать молодежь, нам, комсомольским работникам, труд т. Макаренко, а его нельзя иначе назвать, как величайшим трудом, – оказывает величайшую помощь в деле воспитания молодежи и подростков.

Я хотел бы сказать, что, прочитав труд т. Макаренко «Педагогическая поэма», я лично сделал такой вывод, что он это не случайно дал, что прежде, чем приступить к перековке этих людей, он имел ясную цель, что он должен, во что бы то ни стало, принять все меры и испытать все методы воспитания этих подростков для того, чтобы из них вышли люди, которые могли бы включиться в строительство, проводимое нашей страной и партией.

Это то, чего не хватает иногда многим из нас. Приступая к выполнению той или иной работы, мы не представляем себе до конца ясную цель, не представляем себе, что нам нужно сделать и что должно получиться из этого. Ясность цели красной нитью проходит по труду т. Макаренко «Педагогическая поэма». Какая цель была у т. Макаренко? Перековать людей – людей, которых многие педологи и педагоги считали невозможными к воспитанию. Надо было искать какие-то другие формы и методы подхода и воспитания этих подростков, юношей и девушек, для того, чтобы поставить их на правильный путь.

Тов. Макаренко избрал правильный путь воспитания этих подростков – воспитания на основе труда. Это не понимают многие, говорящие о воспитании.

Возьмите Антона Братченко. Он стал прекрасным знатоком лошадей, прекрасным конюхом. Он за своего коня душу отдал бы. Он с ненавистью смотрел на того, кто не так подходил к лошади, как нужно.

Тов. Макаренко был не один. Он совершенно правильно говорил, что он пришел с коллективом. Правда, у них были разные мнения и интересы, но со временем т. Макаренко сумел привить свои интересы этим колонистам.

Возьмите этот факт с Приходько, когда пришли колонисты и заявили, что Приходько накрыли где-то с грабежом на дороге. Тов. Макаренко не мог этого перенести. Когда т. Макаренко до некоторой степени потерял силу воли, чтобы реагировать на этот поступок правильно до конца, колонисты помогли т. Макаренко в воздействии на Приходько. Правда, воздействие было не совсем такое, какое пытался применять в своей повседневной работе Макаренко, но он сумел выправить ошибку колонистов и поставить Приходько на правильный путь.

В работе т. Макаренко замечательно то, что он умел сочетать требовательность с бодростью. Он умел иногда шуткой направлять на правильный путь. Шутка у него значила больше, чем серьезный подход с насупленными бровями к тому или иному нарушителю порядка.

Тов. Макаренко выработал прекрасные методы подхода к этим «преступникам», и на этой основе он сумел выковать такой прекрасный коллектив и выпустить из него десятки людей.

Методы т. Макаренко мы начали применять в своей практической работе. Я хотел бы рассказать вам один факт. В этом году у нас произошло следующее: приходит к нам в Комитет комсомола пионервожатый и приводит 3-х пионерчиков. Он говорит:

– Эти 3 пионера неисправимы. Или заберите нас, как вожатых пионерского лагеря, или заберите этих 3-х неисправимых бандитов.

Посмотрели мы, что это за бандиты. Все они свободно могли прогуляться под этим столом. Мы начали с ними беседовать, спрашиваем:

– Почему же ты, Коля, шалишь?

– Понимаешь, мне обедать давали, а я не накусался. Я влез в окошко и взял кусочек хлеба.

За это его сочли преступником.

Что было с другим пионером? Сидит этот пионерчик и рисует план.

– Вот помещение, вот окошенько, я влезу в это окошко, там есть касса, возьму деньги, пойду в лавку, куплю конфет.

Нечем было больше заниматься ему в пионерском отряде, как только рисовать этот план.

Оказалось, что эти «преступники» были прекрасными детьми наших рабочих. Это были дети, [к] которым надо было найти метод подхода, заинтересовать их, купить им какой-нибудь автомобильчик или еще что-нибудь. Мы сказали этим вожатым:

– Мы считаем, что вы трудно исправимые и плохие вожатые. Постарайтесь, чтобы эти дети были самыми лучшими в вашем отряде.

Через месяц мы получили от них письмо:

«В Комитет комсомола, тов. Тонконову.

То, что вы решили на Комитете комсомола, совершенно правильно. Мы ошибались. Коля, Ваня и Петя стали не только не дезорганизаторами, но самыми лучшими детьми в пионерском лагере, и мы их премировали».

Ничего особенного делать не надо было. Надо было только особо посмотреть за ними, найти к ним другой подход, а не делать так, как эти пионервожатые.

Прекрасные типы даны в «Педагогической поэме». Есть такие и в нашей среде.

Вот, например, Георгиевского воспитали, и он сам теперь умеет воспитывать так называемых пацанов.

У нас есть Коля Равинов, к сожалению, он сейчас в тяжелом состоянии, находится в больнице. Многие его знают. Он в свое время тоже был преступником. Его подобрала на улице редакция «Комсомольской правды». Начали с ним беседовать, прикрепили к нему корреспондентов. Коля стал прекрасным комсомольцем. Он помогает нам находить поход к отдельным товарищам, имеющим незначительные проступки. Они с ним очень откровенно разговаривают.

Мы очень многое почерпнули из книги т. Макаренко.

Почему мы так воспринимаем «Педагогическую поэму»? Я, как читатель, считаю, что эта книга мне лично и многим из нас близка, потому что многое из того, что написано в ней, в той или иной степени затрагивает душу каждого сидящего здесь, каждого читающего эту книгу. (*Аплодисменты.*)

Мы с вами в той или иной мере были заражены пережитками капиталистического общества. Вот почему отдельные штрихи жизни этих колонистов в той или иной степени имеются и у нас. Об этом надо прямо сказать.

Вот почему эта книга возбуждает интерес к себе? Она является действительно нашей книгой, отражающей жизнь нашей молодежи, отходящей от буржуазной жизни и строящей социалистическую жизнь.

Тов. Макаренко не обошел и роли комсомольской организации. Первым помощником и единственным помощником, на которого, в конце концов, опирался тов. Макаренко, была комсомольская организация.

(МАКАРЕНКО. Правильно.)

Не правы были товарищи, которые говорили – как это можно организовать комсомол там, где воспитываются преступники. Тов. Макаренко совершенно правильно настаивал на том, чтобы организовать комсомольскую организацию. Она помогает т. Макаренко в деле воспитания детей так, как того требуют партия и правительство.

Когда я начал читать эту книгу, я представлял себе Антона Братченко как дядю лет 25-ти. Когда же я дочитал до конца, то я увидел, что по существу это был подросток, даже несовершеннолетний парнишка. Но мы не будем строги к т. Макаренко, потому что он написал все, что чувствовал, от души и принес нам этим величайшую помощь.

Я хотел бы просить т. Макаренко говорить не о типах, которые были ярыми преступниками, а о тех, которые близки к нам, но имеют отдельные

недостатки. Это помогло бы нам, руководителям комсомола, и родителям применить правильные методы в своей практической работе.

То, что мы сегодня обсуждаем, – этот труд является достижением всей нашей страны под руководством нашей партии и товарища Сталина. Только в нашей стране есть возможность обсуждать производство, изучать производство. Только в нашей стране, как было указано в решениях 10-го Съезда Комсомола²³, наша прекрасная сталинская молодежь имеет право и возможность учиться, трудиться, производить и двигаться в своем развитии вперед.

Мы должны благодарить т. Макаренко за его труд, который помогает нам в практической работе.

Мы должны больше благодарить нашу партию и товарища Сталина, которые дают нам возможность свободно учиться и воспитываться.

Спасибо товарищу Сталину за счастливую и радостную жизнь! (*Аплодисменты.*)

А.С. МАКАРЕНКО.

Мне было подано много записок. Большинство записок касается одного вопроса – просят рассказать о моей жизни. Мне легко это сделать, потому что жизнь моя очень проста.

Я учитель, сын рабочего – маляра-железнодорожника. Учительствую с семнадцати лет. Батяка у меня был очень строгий и противник образования. Поэтому я получил образование только низшее и начал учительствовать в 1905 г. в ж.д. рабочей школе того самого вагонного завода, где работал мой отец.

Только в 1914 г., через 9 лет, уже после смерти отца, я смог поступить в педагогический институт²⁴ и окончил его в 1917 году.

С 1917 г. я опять учительствовал в той же школе, что и раньше, но я был уже директором школы. Это вагонный завод в Крюкове²⁵. Меня привлекло туда то, что там была очень знакомая мне среда, так как буквально все рабочее общество, до одной семьи, было мне известно.

Я в этой школе был до Деникина. Во время Деникина мне пришлось оттуда уйти²⁶. Я пошел в народную школу в Полтаве учителем²⁷. Там я проработал год, и когда мне предложили колонию им. Горького – я ее взял.

В этой колонии я работал с 1920 по 1928 г.

Мне пришлось уйти оттуда из-за разногласий с Наробразом. Я, может быть, еще боролся бы и не уходил, если бы в это время я уже целый год параллельно не заведовал коммуной им. Дзержинского, открытой ГПУ.

Я ушел в коммуну им. Дзержинского, потому что ГПУ всецело приняло мою систему и я мог работать там более эффективно. Само собой разумеется, что большинство горьковцев, оставшихся в колонии им. Горького, перебежали ко мне в коммуну им. Дзержинского (*аплодисменты*), так что с этой стороны ребята ничего не потеряли.

В коммуне Дзержинского я работал 8 лет. В прошлом году, после постановления ЦК партии о ликвидации беспризорности, меня командировали в Киев для руководства всей воспитательной работой всех колоний НКВД

Украины. Всего там 14 колоний. Эта работа меня не удовлетворяла, так как, сидя в одном месте в канцелярии, я чувствовал себя непривычно. Я привык иметь дело с живым материалом.

Сейчас я упробил свое начальство, и мне дали колонию. В Киеве строится образцовая колония, которая должна быть чем-то вроде коммуны им. Дзержинского. Мы ходатайствуем, чтобы ей дали имя Павла Петровича Постышева²⁸. Меня это дело увлекает. Правда, опять придется сначала начинать, но мне интересно, какое теперь будет начало. Я думаю, конечно, воспользоваться помощью дзержинцев.

Тут есть много записок о коммуне Дзержинского в Харькове. Если я начну рассказывать о коммуне Дзержинского, то вы и до утра не уйдете отсюда. Это, конечно, очень большое и чрезвычайно интересное дело. О нем в 2-х словах не расскажешь. Это та самая коммуна, которая, вы, может быть, слышали, производит лейки-фотоаппараты.

Коммуна Дзержинского прекрасно организована в смысле материальном. Прекрасное здание, живут они богато, но живут за свой отчет [счет. – Г.Х.] – от государства ничего не получают. Наоборот – они государству дают ежегодно 8 миллионов чистой прибыли²⁹. Производят они эти самые «ФЭДы». Завод у них, конечно, по сравнению с вашим, изящная коробочка, но производство серьезное. Требуется большая точность. Это ново и интересно для ребят, особенно оптическая часть требует страшно много всяких знаний, в том числе математических.

Имеется у них 10-летка, все они оттуда выходят, получив полное среднее образование, и большинство из них уходит в вузы. Всего из коммуны Дзержинского только одних студентов в вузах сейчас – в Москве, Харькове, Одессе и т.д. – 86 чел. Кто не идет в вуз, выходит мастером высокой квалификации, обычно 6-го, 7-го, иногда 8-го разряда.

У них свой интересный быт, но в общем повторяющий ту же систему, которая описана в «Педагогической поэме». В коммуне этой есть и девочки, и мальчики.

Иногда спрашивают о судьбе героев «Педагогической поэмы».

Нужно вам сказать, что в книге почти все фамилии даны без изменения; кроме тех, относительно которых неловко было назвать фамилию, – это те, которые попадались в воровстве и т.д.

Где они сейчас? Почти со всеми я имею связь, правда, не регулярно, потому что многие уехали очень далеко.

Задоров полгода сидит в Туркменистане, где строится большой совхоз им. Сталина – он работает там инженером-мелиоратором. Остальные полгода он сидит в Москве и подготавливает свою деятельность на дело. Он работает здесь в каком-то научном институте.

Братченко я потерял. Он окончил ветеринарный институт и уехал с каким-то полком в Сибирь. Потерял его не только я, но и другие мои ребята.

Карабанов работает у меня, заведует Винницкой трудколонией НКВД им. Косиора³⁰. Он беспризорным не изменяет.

Работает в нашем ведомстве пом. управляющего Днепропетровской колонии НКВД Марк Шейнгауз, если вы помните из 3-й части моей книги, – такой мальчик с хорошими глазами. Ему такая работа также удастся.

Бурун работает врачом в Ярославле.

Синенький недавно только вышел из коммуны Дзержинского и пошел в летчики.

Вообще в летчики ушло очень много народу – человек 30.

Митька Жевелий сейчас на штурманской работе в Арктике. Он окончил морской техникум в Мурманске.

Из девочек Оля Воронова – партийный работник в Полтаве и по-прежнему работает на селе.

Олешка Новиков – секретарь Райкома партии.

Прошли ведь сотни, а в книге я всех их не мог вывести. Были лица, которые имели не меньшее значение в колонии Горького, чем названные, и которые сейчас мне помогают.

Среди горьковцев существует большая, крепкая связь. В день смерти А.М. Горького³¹ я получил 9 телеграмм со всех концов Союза с выражением сочувствия мне. Эти телеграммы давали мне мои ребята. У них и сейчас еще существует такое стремление – устроить съезд бывших горьковцев. Это, конечно, очень трудно, так как отпуск они получают в разное время и очень далеко живут. Между прочим, сторонником такого съезда был и А.М., но так нам и не удалось его устроить.

Вершнев работает сейчас врачом в коммуне им. Дзержинского. Между прочим, очень интересная фигура, его все помнят и называют его по-прежнему Колькой. (Смех.) С этим Вершневым был недавно такой случай: он работал главным врачом в больнице в Комсомольске-на-Амуре. Так как нам врачей, умеющих воспитывать наших ребят, не хватало, то я приказал ему телеграммой приехать в Харьков, в коммуну Дзержинского. Он подчинился беспрекословно, бросил Комсомольск-на-Амуре и приехал на новое место.

Колька этот вышел самым интересным человеком из всех. В свою больницу пол натирать он полотеров не пускает, говорит – вы мне напачкаете, и сам натирает пол. (Смех.) Хорош он как врач тем, что ни один беспризорный его никогда не обманет. Никакая симуляция для этого Кольки не страшна. (Смех.)

Расскажу вам один случай; это было во время одного из наших походов – «Дзержинка» каждый год выезжает, она прошла Кавказ, Крым, Волгу и что хотите. Во время одного из походов этот самый Колька пришел ко мне, притащил зав. хозяйством и говорит:

– Что это такое, немытые груши давать ребятам?

Тот смутился и сказал:

– Хорошо, будем мыть.

Но обиделся на Кольку не только завхоз, но и вся хозяйственная комиссия, которая считала, что мыть груши – это лишнее дело. Через полчаса этого самого Кольку притащили ко мне с немытой грушей, которую он ел сам. Колька говорил:

– Какое тебе дело, если я умру, ты за меня не ответишь.

Все равно, общее собрание совета командиров постановило: раз Колька нарушает дисциплину, обязательную для всех, дать ему 3 наряда. (Смех.)

И вот Колька выполнял эти 3 наряда и лично убирал лагерь вокруг своей больничной палатки. Чрезвычайно интересный и симпатичный человек.

Спрашивают, где я работаю. Я руковожу сейчас 5-й киевской колонией, если кому нужно будет – пожалуйста. *(Смех.)*

Собираюсь ли я написать книгу? Мне писать книгу очень трудно.

В колонии работать нужно как? Вставать в 6 часов и освобождаться от работы в час ночи. Поэтому приходится писать рядом с ребятами. Слово написал и 20 слов поговори. Собираюсь все-таки книжку о взрослых написать. Меня интересуют взрослые с той же воспитательной позиции.

У нас в жизни есть много чудачков, таких как будто странных людей, иногда и дураки есть. *(Смех.)* Есть люди с мошенническими наклонностями, халтурщики, марафетчики, портачи. Очень интересно, как их воспитывает общество уже не в колонии, а в самой работе. Эта тема меня страшно увлекает.

Дурак, конечно, дураком останется, но одно дело – дурак в буржуазном обществе, и другое дело – дурак в советском обществе. Какое место занимает дурак в советском обществе? Как мы его перевоспитываем или, по крайней мере, нивелируем его глупость так, что она становится полезной – это чрезвычайно интересная тема, которая меня особенно увлекает.

Как я связан с педагогическим миром? Раньше я был очень связан, как вы знаете по книге. Были у меня противники, но большинство, в особенности члены партии, стояли на моей стороне, или, вернее, – я стоял на их стороне. Я считаю, что советская педагогика носится в воздухе. Тут не может быть двух мнений. Совершенно ясно и определено, что нужно делать.

В настоящее время в НКВД я как-то совсем отошел от педагогического мира просто потому, что у нас свой педагогический мир. Чекисты не кончают педтехникумов и вузов, а делают большое воспитательное дело. Это вы можете видеть на каждом шагу. Воспитывают они не только детей, но и взрослых. Я пока этим педагогическим миром вполне удовлетворен³².

Конечно, приходится мне встречаться с педагогами-специалистами. Должен признаться, что как я ни хочу подойти к ним ласково и с открытой душой, все-таки у них и до сих пор есть против меня какое-то предубеждение. Настоящего мира между нами нет.

Особенно меня стали ругать в 1930 г., когда я в «Дзержинке» возился, возился с воспитателями, а потом взял и в один день снял всех³³. С 1930 г. коммуна Дзержинского буквально возродилась. Работает без воспитателей, но там есть 300 комсомольцев, из которых многие оканчивают десятилетку. Комсомольский коллектив – это такой воспитатель в трудовых условиях коммуны, что я никакой нужды не испытываю в специалистах-воспитателях.

За это меня тоже начали покалывать – как это вы работаете без педагогов, где же руководящая роль педагогов?³⁴

Хорошо, я понимаю руководящую роль педагогов в школе: там педагог буквально должен быть командиром, но в коллективе, если у нас есть 300 комсомольцев и из них 50 уж, во всяком случае, настоящих, активных, – там никакой надобности в воспитателях я не испытываю.

И сейчас новую большую колонию на 1.000 чел. я думаю организовать без единого воспитателя. Я организую там комсомольскую организацию. Кое-кого из старых комсомольцев я уже переташил³⁵. (Смех.)

Насчет кустарности метода. Это чрезвычайно сложный вопрос. Я сторонник педагогической науки, но только новой науки. Как меня ни обливают холодной и горячей водой, не могу я понять, что я могу взять у Руссо. Я его читаю миллион раз, и все-таки – нет, отвращение у меня к Руссо. Ну, хорошо, Песталоцци был хорошим человеком. Он был добрым, любил детей – это мы у него давно взяли. Что же касается метода, то у него тоже ничего нельзя взять.

Когда мне говорят – а Маркса читали, Ленина читали? Я отвечаю: извините, пожалуйста, Маркс и Ленин не педагоги, это больше, чем педагоги. Если я беру что-то у Маркса, Ленина и Сталина, то это не значит, что я должен благодарить педагогов. (Аплодисменты.)

Я выписал из Ленина от первой до последней строчки все места, имеющие отношение к вопросам воспитания, такие, которые сначала, казалось бы, даже никакого отношения не имеют к воспитанию.

Когда Ленин говорит о дисциплине среди рабочих, эти места являются для меня основанием для дисциплины среди воспитанников.

Из этого, конечно, можно создать большую, настоящую педагогическую книгу, но я не решаюсь – считаю себя еще мало подкованным, чтобы заняться такой работой. Когда-нибудь обязательно сделаю это. Я считаю, что можно не читать больше ничего, кроме Маркса, Ленина и Сталина, чтобы создать новую педагогику. (Аплодисменты.)

Я при этом совершенно отделяю вопрос о методе школьном, классном. Это совсем другое дело. Есть, конечно, много прекрасных образцов в нашей и старой и новой школе, и в заграничной школе, откуда можно черпать определенные рецепты. Я же говорю о педагогике только как о воспитании. Образовательный процесс меня в данном случае почти не интересует.

«Будет ли продолжена „Поэма“?» Хватит, не могу больше «Поэму» продолжать.

«Какая судьба Наташи Петренко?» Она окончила в прошлом году Одесский медицинский институт и получила назначение на село – работает там врачом.

«Что стало с Калиной Ивановичем?» Сначала донесли до меня такие слухи, что он умер. Недавно я получил от него письмо. Он пишет:

«Так как ты меня так описал в своей книге, что будто я действительно такой хороший работник, то похлопочи для меня персональную пенсию». (Смех.)

Я это письмо с приложением «Педагогической поэмы» в прошлом месяце направил в СНК Украины и написал, что действительно человек так работал. Не знаю, чем окончится мое ходатайство.

Вот интересная записка, видно, что писал педагог:

«В последней части своей книги вы сравниваете процесс воспитания детей с технологическим процессом. Не перегнули ли вы в своих суждениях? Никак нельзя согласиться с вашим сравнением обработки металла и живого человека. Не механический ли это подход?»

Ну, понимаете, никак я не могу добиться, чтобы меня поняли. Все-таки люди верят, что есть душа, какой-то пар, который нужно особо обрабатывать.

Какая, собственно, принципиальная разница? Когда вы берете кусок металла, вы имеете цель, средства и технологический процесс. Почему невозможен технологический процесс по отношению к человеку? Пока мы не придем к необходимому уважению своей технологической науки, мы не сможем хорошо воспитывать детей.

Я в своей книге говорю, что некоторые детали человеческой личности можно штамповать на штампах. На меня педагоги страшно кричат за это место – как можно человека штамповать?³⁶ Я же не предлагаю взять живого человека и засунуть его в пресс. (Смех.)

Возьмем, например, привычку к чистоте, к точности. Это буквально штампуются в коллективе. Не нужно никакого индивидуального подхода к этому вопросу. Вы создаете общие условия, создаете ежедневный опыт. Они изо дня в день умываются, чистят зубы, моют ноги, и когда они выходят из коммуны, они уже не могут не умываться ежедневно.

«Какая особая хитрость для этого нужна?» Никакой. Это – пустяковая задача, и это действительно можно сравнить со штампом. Но, как и в штамповальном деле требуется тонкая работа самих штампов, так и здесь. Опять-таки, сравнение. Что это значит? Конечно, не то, что нужно тонко сделать штамп и бахать по человеку, а нужно тонко, точно, правильно организовать коллектив, и тогда этот штамп будет действовать.

В коммуне Дзержинского нельзя опоздать на обед больше, чем на пять минут, причем никаких талончиков нет. Если он пришел в шестую минуту – никакой охраны нет, но ему любой товарищ скажет в столовой: пожалуйста, вы опоздали.

Иногда, когда начинаются очень большие опоздания, я подхожу к двери столовой и разговариваю с каким-нибудь коммунаром. Пробегают все опоздавшие мимо – здравствуйте, А.С., – и прямо в цех.

Благодаря такому штампу многие привычки без особых хлопот прививаются человеческой личности.

Что касается других деталей человеческой личности, скажем, отношение к чести, отношение к взрослым, к работе, к своему собственному достоинству, ко всему нашему политическому достоинству, отношение к событиям в Испании³⁷, – это нельзя штамповать. Здесь требуется специальная работа в каждом отдельном случае. Но именно потому ее легко сделать, что другие вещи делаются почти механически.

Таким образом, это просто сравнение, а вовсе не механизация.

О моей переписке с Горьким. С Горьким я сначала переписывался как заведующий колонией им. Горького, а потом, когда я оттуда ушел, переписывался с ним лично, как автор.

А[лексей] М[аксимович] очень настаивал все время на том, чтобы я писал книгу, а я сопротивлялся. Хотя книга у меня была написана, но я, по совести, считал ее такой плохой и неинтересной, что думал, что не стоит ее показывать Горькому³⁸. По этому вопросу была переписка. Она потом пошла уже в порядке нашей литературной дружбы и, главным образом, – в порядке его опеки над моим литературным трудом.

«Почему вы в конце книги как бы изгоняетесь из своего правого дела?»

Почему изгоняюсь? Нет, я могу гордиться тем, что я не уступил и не угомонился.

Практический вопрос – когда видишь беспризорного мальчика или старика, надо ему помочь деньгами, когда он просит?

Беспризорному, конечно, нельзя помогать деньгами, это настоящее шахрайство³⁹. Просить на улице, – это самый плохой сорт. У тех, кто не просит, есть достоинство. Те, кто протягивает руку – это самые трудные мальчики. Особенно нельзя поощрять тех, кто в дачной местности, в вагонах поет всякие песни. Такого нужно немедленно сдать стрелковой охране, иначе из него выйдет настоящий бандит.

Большое преступление помогать беспризорным деньгами. Эти деньги они истратят на водку – больше им не на что тратить, потому что хлеба они себе украдут.

«Помогать ли старым нищим?» Я считаю, что в нашем Союзе социальное обеспечение достаточно хорошо организовано, но все-таки, если я вижу какую-нибудь жалкую старуху, которая падает с ног, я ей немного денег, может быть, дам, но я считаю, что это нехорошо. (Смех.)

«Что теперь с колонией Горького?» Помните, я в 3-й книге писал, что отправил ребят в колонию им. Горького и больше там не был. Это было в 1928 году, а в 1935 году я по поручению НКВД отправился принимать колонию им. Горького в наше собственное ведение.

К сожалению, я застал ее в очень печальном положении. Как же так ухитрились люди жить, что за 8 лет не произвели ни одного ремонта. Все облезло, поломалось. Ребята, конечно, все новые. Сейчас она у нас является 10-й трудколонией НКВД УССР им. Горького. Сейчас там дело наладилось, они скоро переходят на хозрасчет, производят они пресс Брюннля и работают довольно хорошо. Туда пришел новый персонал. Есть там кое-кто из старых горьковцев. Между прочим, с 1-го ноября туда переходит Карабанов, восстанавливать свою колонию.

«О девушках. Мне был сделан правильный упрек насчет Раисы, что в книге не показано ее перерождение».

Вообще я должен признаться, что с девушками я работал слабее, чем с мальчиками. С мальчиками у меня как-то лучше выходило, а с девушками, в особенности когда они достигают 15–16 лет и начинают влюбляться, – дело совсем плохо. *(Смех.)*

Мальчик, если влюбится, я могу подозвать его и сказать – подожди. И, конечно, он подождет. *(Смех.)*

Девушке этого не скажешь.

Хлопца спросишь – влюблен? Он скажет – влюблен. А если девушку спросишь, она говорит – ничего подобного, что вы выдумали! *(Смех.)*

Не за что взять, и потом там какая-то особенная нежность требуется, особенная паутинка, за которую нужно повести, а я для этого дела немножко грубоват, что ли. Мне с девушками трудно было работать; или я боялся разбить эти нежные организмы – они, знаете, умеют казаться нежными, – или, может быть, там нужна женщина для специальных разговоров.

Все-таки колонию без девушек я себе не представляю. Считаю, что правильное воспитание может быть только совместным. Как в жизни люди живут вместе, так и воспитываться они должны вместе, и тогда нормально будет идти жизнь девушек и мальчиков. Такова наша советская установка.

В некотором отношении с девушками легче, но зато внутренность их души так не ковырнешь, как у хлопца. С внешней стороны они причиняют меньше затруднений. Они почти никогда не крадут, никогда не убегают, не дерутся, но, правда, ссорятся гораздо больше. *(Смех.)* Как мирить их в этих ссорах – это даже для меня, с таким опытом, в значительной мере еще секрет. Так трудно добиться того, чтобы они не обиделись на тебя же и чтобы не усилить еще эту ссору.

Вообще с девушками очень трудно работать. Поэтому и книга у меня дана, может быть, без такой прямой любви к делу отражения работы с девушками.

Что касается Раисы, то я хотел сказать, что мы с ней не управились, а жизнь с ней управилась. Что ж поделаться – так бывает, не всегда уже мы такие большие мастера.

«На каком языке вы говорили в колонии, и почему книга написана по-русски?»

Это, конечно, грех. Конечно, были у нас украинцы, и школа у нас была украинская, но как-то так получалось, что говорили больше по-русски. И ребята в школе занимались по-украински, а в домашней обстановке говорили наполовину по-украински, наполовину по-русски и в некоторой части – на блатном языке.

Я стоял на точке зрения украинизации, но потом прибавилось нам больше и больше городских людей. Когда колония получила известность, к нам стали присылать ребят из Харькова, Одессы и т.д. Это уже такие ребята, у которых ничего от украинского языка не осталось⁴⁰. Коммуна им. Дзержинского работает по-русски, потому что ребята там все городские и говорят на русском языке.

Как реагировали сами ребята на мою книгу? Сказать, что они пришли в большой восторг, – нельзя. Они просто считают, что описана правда. Так было, – говорят, – так и написано. Никаких особенных вопросов у них не возникало.

«Каким образом впервые поступающий в колонию правонарушитель вливается в общий коллектив?»

Это технический вопрос. Когда ко мне привозят в колонию группу в 5-6 правонарушителей, я веду с ними беседу для того, чтобы прощупать, кто чем пахнет.

Я должен определить их установку, собирается ли он убежать, как только я его выпущу, кто хочет тут преобладать, играть какую-нибудь роль и кто чересчур пассивен и нужно будет его активизировать.

После этой беседы я вызываю подходящих командиров и говорю:

– Ты возьмешь такого-то, имей в виду, он будет убежать – следи за ним.

– Ты возьмешь такого-то – активизируй его.

– Ты возьмешь этого – он будет красть.

– А вот этот совсем хороший парень, и я даю его в нормальный, спокойный коллектив.

Первую неделю я каждый день беседую с этими командирами, даже всю бригаду собираю и расспрашиваю, как ведет себя новенький. Это самый трудный момент. При малейшем конфликте он может всегда удрать и сделать что угодно.

Когда проходит неделя – я опять вызываю новеньких и беседую с ними. Вижу, какие изменения произошли в настроении, в их тоне. Бывают трудные случаи, когда приходится наблюдать в течение полугода очень близко и ежедневно, но большинство через неделю или две в коллективе уже свои люди и нужно бояться, что они станут в коллективе чересчур своими, т.е. будут красть в коллективе и хулиганить.

«Существует ли звание колониста?»

В коммуне Дзержинского существует звание воспитанника. Месяца через 4, когда новенький покажет себя своим во всех отношениях – на работе, в школе, своим поведением, – ему дают звание коммунара. Как коммунара, он имеет некоторые преимущества. Он может получать карманные деньги, т.е. заработанные деньги на руки, а не через меня. Он имеет право уйти в отпуск с разрешения командира, а не с моего разрешения. Он имеет важное право в коммуне Дзержинского, чтобы ему верили на слово. Если он говорит – это было так, то нельзя требовать от него доказательств.

Наконец, еще очень важное право, которое заключается в том, что его нельзя наказать иначе, как только домашним арестом, в то время как воспитанника можно наказать как угодно, но только не домашним арестом.

Как совершается это наказание? Скажем, дают коммунару 3 часа ареста. Через неделю он приходит к вам в кабинет, вы уже забыли – за что наложили на него арест, он говорит:

– Антон Семенович, пришел под арест.

Я не должен спрашивать его – за что, как. Пришел – пожалуйста, садись и сиди. (*Смех.*)

Он 3 часа сидит, читает, чертит, пошлешь его с каким-нибудь поручением, потом он говорит:

– Антон Семенович, я отсидел свои часы.

– Пожалуйста, можешь уходить.

Это наказание можно наложить только на коммунара, и это очень важная привилегия.

Наконец, перед выпуском, когда человек считается совсем закончившим воспитание, он получает звание коммунара-дзержинца. Это высочайшее звание, которым все очень гордятся и которое никаких привилегий, конечно, приносить не может. В самом звании заключается все его достоинство.

«Скажите, пожалуйста, о своей биографии, и член ли вы партии?»

Я не член партии. Как-то вышло, что некогда было мне входить (*смех*) и некогда было жениться. Я женился только в 40 лет, благодаря этим таким пацанам.

«Есть ли в коммуне Дзержинского педагоги?»

Есть только учителя в десятилетке. Они работают, конечно, с кружками, но педагогов-воспитателей нет. Там день ведется просто дежурным командиром. Это такая сильная фигура, что вы себе даже представить не можете.

Сценарий на тему «Педагогической поэмы» мне предлагали написать, но я считаю, что это уж очень старая тема и есть многое поновее.

«Ваше семейное положение?»

Не знаю, нужно ли отвечать на этот вопрос? Никакого особенного положения нет, есть жена и вот мой сын. Хотя я не отец его, он мой сын и считает меня своим отцом. (*Аплодисменты.*)

Спрашивают о будущей книге – будет ли там сказано об отношениях между школой и семьей? Конечно, без этого никак не обойдешься, но о школе нужно говорить отдельно, и говорить нужно очень много. Там очень много интересных вопросов.

В записке пишут, что нужно подчеркнуть в этой книге, что должно быть созвучие отношений между отцом и матерью. Можно не подчеркивать. Само собой понятно, что если отец и мать находятся в постоянной вражде и драке, то какое же там может быть воспитание.

«Хотелось бы прочесть о похвале и наказании». Об этом нужно говорить в книге. Если воспитание ведется правильно с первого года [дня. – Г.Х.] рождения, то наказывать никогда не приходится. Наказание – это уже метод перевоспитания, а не воспитания. Товарищам родителям это нужно

очень хорошо знать. В нашем советском воспитании не должно быть никакого наказания.

Если вы настолько плохо воспитали своего ребенка, что он начинает вас крыть, ругать и не слушается вас, то вы хватаетесь за наказание, причем хватаетесь за него неумеючи. Наказание – хитрая штука, и наказывать нужно умеючи. Наказывая неумеючи, можно испортить все дело. О том, как наказывать умеючи, я в своей книге думаю кое-что написать.

Но главная задача моя и ваша должна состоять в том, чтоб воспитывать так, чтобы не нужно было наказывать. Это очень нетрудно, если вы к делу воспитания относитесь не как к забаве или игре, а как к серьезному делу, порученному на вашу ответственность, как к такому делу, за которое вы отвечаете перед всей Советской страной.

Вы должны понять, что плохо воспитанный ребенок – это брак, который вы сдаете государству. В нашем семейном производстве вы являетесь бракоделами (*смех*), пользуясь тем, что нет специального браковщика, который стоял бы возле вас. Вы подсунете обществу либо лентяя, либо шкурника, либо портача, либо лакея, либо мошенника, воспользовавшись тем, что его сразу не разобрали, а потом будут браковать, но вас уже не найдут. Если вы серьезно, с первого дня рождения сына, подумаете над вопросом воспитания, то наказывать никогда не придется.

Уж на что босяки приходят в коммуны им. Дзержинского, а ведь наказание там – очень редкое явление.

«Чем наше советское наказание должно отличаться от наказания буржуазного?» В буржуазном наказании такая логика: ты согрешил – теперь ты страдай, обязательно страдай, сиди без пищи, либо сиди за решеткой, либо палкой тебя треснут, – страдай.

У нас такой советской логики быть не может. Наше наказание должно быть таким способом воздействия, когда конфликт разрешается до конца и нового конфликта не получается. Такое наказание вполне возможно и уместно, в особенности в семье.

Вопросы все.

Теперь несколько заключительных слов.

Многие товарищи совершенно правильно указывали на недостатки моей книги, в частности тут говорили, что воспитатели плохо изображены – как-то мельком. Не думайте, что это нарочно вышло, это чисто художественный недостаток. Работа девушек отражена слабо – это тоже большой недостаток чисто художественного порядка.

Таких недостатков, конечно, много, и я считаю, что всех недостатков художественного порядка вы даже не назвали. Есть очень растянутые места, есть неправильные, неточные выражения, которые дают возможность толковать и так и этак. Возьмите хотя бы разговор о механическом воспитании. Значит, плохо изложил, не так, как следует.

Но я считаю что, так как главное мое дело все-таки педагогическое, то особенно придирайтесь ко мне никто не имеет права. Я не давал никогда и никому никакого обязательства написать художественную книгу.

Я лично убежден в том, что каждый из нас, работающий на таком большом и интересном деле, как ваше, скажет: можно писать. Я вчера был у вас на заводе. Ведь у вас прямо какая-то музыка, а не завод. Если бы вы захотели подробно, искренне и честно описать вашу работу с первого дня прихода на завод до сегодняшнего дня – ваши разговоры, ваше участие в производстве, в борьбе, – получилась бы увлекательная книжка.

Я являюсь сторонником именно такой литературы. Я не могу представить себе, как это можно в Советском Союзе писать вымышленные книжки, когда не нужно ничего выдумывать. Зачем тут выдумывать и что выдумывать? Выдумать завод «Шарикоподшипник», когда он существует, когда это реальный завод и тут есть реальные люди, реальная борьба и реальные столкновения?

Я считаю, что теперь никакой особенной заслуги в том, чтобы написать приличную и интересную книжку, нет.

Если у вас есть такие люди, которые захотят такую книгу о своей работе написать, то нужно внимательно, до мельчайших подробностей знать свое дело, следить за ним и кое-что записывать. Я не мог бы дать слова Калины Ивановича, если бы я не записывал некоторые его фразы⁴¹. Есть много подробностей, которые могут выскочить из памяти. Их нужно записывать. Через 3-4 года вы сможете написать интересную книжку.

Еще раз благодарю вас за внимание ко мне, к моей работе и книге, желаю вам от души в дальнейшей вашей работе добиваться больших успехов и о вашей работе рассказать другим людям так, чтобы она была реальна, интересна и памятна. (*Бурные аплодисменты.*)

КОММЕНТАРИЙ

РГАЛИ, 613-1-871.

Стенографический отчет. Машинописный экземпляр подлинника, напечатанный под копирку. Документ сохраняется в фонде «Массовый сектор» гос. изд-ва «Художественная литература». Заголовок: «Гослитиздат. Стенограмма встречи читателей завода „Шарикоподшипник“ им. Кагановича с А.С. Макаренко. 25/X – 36 г.» Объем: 58 нумерованных страниц, текст на которых расположен с одной стороны. Тексту предшествует список выступающих лиц («Оглавление»). Выступления участников прений по докладу публикуются впервые.

Речь идет о первом из трех выступлений Макаренко на крупном московском заводе во время его пребывания в столице СССР в октябре 1936 г. Многотиражка завода «За советский подшипник» 18 октября 1936 г. опубликовала выдержки из письма Макаренко председателю завкома Лобанову: «... Очень благодарен Вам и читательскому активу завода за внимание к моей работе и приглашение... Для меня страшно важно было поговорить с Вашими читателями, главным образом по вопросам воспитания...» (ПС 4, с.379). Судя по хранящемуся в РГАЛИ (332-4-431, л.1) пригласительному билету, данное мероприятие первоначально было запланировано на 24 октября. Второе выступление Макаренко на «Шарикоподшипнике»

состоялось 28 октября (док. № 4), а стенограмму третьего мероприятия обнаружить не удалось – об этой беседе с рабочим активом в парткабинете завода до сих пор известна лишь статья в газ. «За советский подшипник» от 3 ноября под названием «Замечательный опыт» (см.: ПС 4, с.36-38, 381).

Публ.: стенограмма выступления Макаренко от 25 октября и его ответов на вопросы под заголовком «А.С. Макаренко на „Шарикоподшипнике“» впервые опубликованы со многими сокращениями в ж. «Наш современник», 1965, № 10, с.101-09 (ред.: Вяч. Нечаев). По этому источнику материал под названием «Выступление на заводе „Шарикоподшипник“ 24 (!) октября 1936 г.» включен и в ПС 4, с.27-34, с точным датированием и в ТиП, с.62-76.

Аутентичный текст стенограммы мероприятия впервые опубликован (с параллельным переводом на нем. яз.) в сб. «Москва, октябрь 1936 г.» в рамках серии „OPUSCULA MAKARENKIANA“ (№ 7; Марбург, 1987), с.1-55.

¹ «Вот передо мной лежит наша заводская газета «За советский подшипник». Речь идет о номере газеты от 18.10.1936 г. (№ 189), где опубликованы высказывания читателей «ПП» (с.2).

² «Путевка в жизнь» – первый советский звуковой фильм (1931 г.; реж. Николай Экк), действие которого происходит в подмосковных трудкоммунах ОГПУ №№ 1 и 2 в Болшево (см. док. № 1, прим.6) и Люберцах.

³ «Поэтому написанная мною книга пролежала 5 лет, пока я решился – под большим нажимом и после энергичных требований А.М. Горького – отдать ее в печать». Рукопись первого варианта «ПП» Макаренко весной/летом 1933 г. переработал при финансовой поддержке Горького (5.000 руб.), которая дала ему возможность провести отпуск в Гаграх в доме отдыха Литфонда ССП СССР; см.: Переписка, с.171. Переработанную рукопись педагог в сентябре того же года в Москве передал писателю для публикации.

⁴ «Вы прекрасно знаете, что только в этом году педология, так сказать, скончалась благополучно». Имеется в виду постановление ЦК ВКП(б) от 04.07.1936 г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов»; см. док. № 1, прим.3.

⁵ «Семья наша только теперь получает свое оформление». Речь идет о радикальном изменении советской семейной политики в связи с постановлением ЦИК и СНК СССР от 27.06.1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». Согласно этому решению семье были возвращены ее традиционные функции в воспитании детей.

⁶ «[...] в своей книге ни разу не упомянул слова „педология“». Данное высказывание не совсем верно, потому что в 1-й части «ПП» (гл. «Шарин на расправе») содержится критическое замечание о педологии. Однако в другом месте (2-я часть, гл. «Осень») речь идет о редакторском изменении авторского текста, которое было проведено после постановления ЦК ВКП(б) от 04.07.1936 г. Имеется в виду дискуссия между инспектором Наркомпроса Джуриной и завколом Макаренко: « – Не читаете педагогической литературы? Вы серьезно говорите? / – Не читаю вот уже три года. / – Но как же вам не стыдно? А вообще читаете? / – Вообще читаю. И не стыдно, имейте в виду. И очень сочувствую тем, которые читают педагогическую литературу». Во всех советских изданиях «ПП», начиная с 1937 г. и оканчивая 1984 г. (ПС 3, с.254), вместо «педагогическая» литература говорится «педологическая» (см.: GW 4, с.143, 273).

⁷ «Свободное воспитание – «направление в пед. теории и практике, рассматривающее воспитание как помощь природе ребенка, естественно развивающегося в процессе освоения окружающего мира и свободно самоопределяющегося в нем» (РПЭ 2, с.313). Родоначальником свободного воспитания считается Ж.Ж. Руссо, а в России – Л.Н. Толстой. «После Окт. революции 1917 идеи С.в. официально рассматривались как противостоящие прежней „школе учебы“» (там же, с.314).

⁸ «А тогда, в 1920 году, я совершил преступление». Имеется в виду «случай с Задоровым» (см. док. № 3, прим.5).

⁹ «[...] мы, согласно постановлению ЦК партии и СНК, принимали от Наробраза некоторые колонии для правонарушителей». Отдел трудколоний (ОТК) НКВД УССР, где Макаренко занял пост помощника начальника и начальника отделения учебно-воспитательной работы, был органи-

зован летом 1935 г. В его подчинении находились 12 трудколоний, переданных – согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31.05.1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» – в управление НКВД из Наркомпроса, а также 19 приемников-распределителей для несовершеннолетних. Трудкоммуны НКВД УССР им. Дзержинского и им. Балицкого были переведены в распоряжение ОТК лишь в январе 1936 г. – за исключением их промышленных подразделений, которые остались в ведении Админхозуправления (АХУ) НКВД. На Украине в ведение Отдела не входили трудколонии из системы ГУЛАГа, отличавшиеся закрытостью, суровым бытом и жесткими порядками. Почти все подобные гулаговские учреждения были сосредоточены в «братских республиках» – в России и Казахстане (см.: Абаринов/Хиллиг, с.27).

¹⁰ «[...] это одна киевская колония». Речь идет о трудовой колонии НКВД УССР № 6 в Броварах, под Киевом, которой Макаренко руководил с октября 1936 г. по январь 1937 г. по совместительству, работая в ОТК.

¹¹ «И вот они живут и живут, потому что мы их не изолируем, а наказываем так, как это рекомендовано постановлением ЦК партии». В п.7 постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31.05.1935 г. говорится: «Обязать наркомпросы союзных республик разработать правила внутреннего распорядка в детских домах, определив в них как меры поощрения за хорошее поведение воспитанников, так и меры наказания за совершаемые проступки» («Правда», 1935 г., № 149, 31.05, с.3).

¹² «Вот, например, 7 апреля прошлого года был издан закон, что все несовершеннолетние, совершившие преступления, отдаются под суд и судятся по всем законам обычного нашего советского уголовного права». По постановлению ЦИК и СНК СССР от 07.04.1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» ответственность по некоторым видам преступлений начиналась с 12 лет.

¹³ «В настоящее время, согласно постановлению ЦК партии и СНК от прошлого года, беспризорность у нас фактически ликвидирована». Имеется в виду постановление от 31.05.1935 г. (см. прим.9).

¹⁴ «Идя навстречу нужде многих родителей, я написал вторую книгу, которая печатается сейчас в Москве. Она так и называется – „Книга для родителей“». Это заявление не соответствовало действительности – «КдР» в тот момент еще не была закончена, что также следует из дальнейшего выступления докладчика.

¹⁵ «Если посмотреть нашу литературу, то какие книги у нас есть на эту тему? Сейфуллина написала [...]». Речь идет о рассказе Л. Сейфуллиной «Правонарушители» (1922 г.).

¹⁶ «Республика Шкид» – повесть Г. Белых и Л. Пантелеева о петроградской школе-коммуне им. Ф.М. Достоевского для трудновоспитуемых (1927 г.). Белых был репрессирован (в 1938 г. расстрелян); поэтому переиздание данной популярной в СССР книги стало возможным лишь после его реабилитации в конце 1950-х годов.

¹⁷ *Соцвос (социальное воспитание)* – в 1920-х гг. название концепции общественного воспитания всех детей с выделением принципов единства, труда и самоуправления.

¹⁸ «Возьмите сценку на мельнице». Эпизод о колонийской мельнице первоначально был включен в гл. «Водолечебница девятого отряда» (2-я ч. «ПП»). После же изъятия этой новеллы редакторы переименовали данную главу в «Девятый и десятый отряды» (см.: GW 4, с.252).

¹⁹ «„Засел я, обложившись книгами Руссо и другими, и потом двинул работу сам, когда все прочитал“». См. док. № 1, прим.7.

²⁰ «Об этом нам повествуют десятки книг о Беломорском канале, о канале Волга – Москва, где перевоспитываются взрослые люди в процессе труда». Беломорско-Балтийский канал им. И.В. Сталина (сдан в эксплуатацию в 1933 г.), канал Волга – Москва (в 1937 г.) – водные пути, построены при управлении ОГПУ-НКВД «каналоармейцами», т.е. политическими и уголовными заключенными. Книга о строительстве Беломорско-Балтийского канала: «Большой шанс» В. Канторовича (М., 1933); сб. о канале им. Сталина «Беломорстрой» (М., 1934), который вышел из печати к открытию XVII съезда ВКП(б).

²¹ *Соловки, Сахалин* – места заключения в системе ГУЛАГа.

²² Рассказ «Водолечебница» – см. прим.18.

²³ 10-й Всесоюзный Съезд комсомола состоялся 11-21.04.1936 г.

²⁴ «Только в 1914 г., через 9 лет, уже после смерти отца, я смог поступить в педагогический институт [...]». Это не соответствует фактам: отец педагога-писателя С.Г. Макаренко умер 27.02.1916 г., т.е. на втором году учебы А.С. в Полтавском учительском институте.

²⁵ «С 1917 г. я опять учительствовал в той же школе, что и раньше, но я был уже директором школы. Это вагонный завод в Крюкове». Здесь Макаренко имеет в виду ж.д. училище, которым он руководил с 1917 по 1919 г. Крюковские мастерские лишь в советское время были реорганизованы в вагонный завод.

²⁶ «Я в этой школе был до Деникина. Во время Деникина мне пришлось оттуда уйти». Занятие Крюкова деникинской Добровольческой армией произошло 10.08.1919 г. (Рад. енциклопедія історії України, т.2. Київ, 1970, с.501).

²⁷ «Я пошел в народную школу в Полтаве учителем». Приглашение «на должность заведующего городским низшим начальным училищем им. князя Куракина», датированное «7/IX 1919 г.», Макаренко получил в Крюкове, когда еще работал на посту «инспектора Соединенного железнодорожного училища на ст. Крюков Юж.ж.д.» (РГАЛИ, 332-4-360, л.1). Полтава была захвачена деникинской армией уже 29.07.1919 г.; таким образом, он в сентябре того же года переехал из «белого» Крюкова в «белую» Полтаву. Утверждение докладчика, что он в этом городе работал не заведующим, а учителем одного из городских училищ, можно проследить также и по его анкетам, начиная с 1923 г.

²⁸ «В Киеве строится образцовая колония, которая должна быть чем-то вроде коммуны им. Дзержинского. Мы ходатайствуем, чтобы ей дали имя Павла Петровича Постышева». Постышев П.П. (1887-1939), с 1933 по 1937 г. – секретарь ЦК ВКП(б) Украины.

²⁹ «[...] они [дзержинцы] государству дают ежегодно 8 миллионов чистой прибыли». Точных данных о «чистой прибыли» от производства «Дзержинки» во время деятельности Макаренко не имеется. Однако в документе «Всесоюзная регистрация (перепись) предприятий социалистической промышленности на 1/1 1936 г.» по поводу «Трудкоммуны им. „Дзержинского“ (Харьков)», предприятия «фото-пленочное и электросверлилки», упоминается следующий заработанный в 1935 году доход: 15.400.200 рублей (Держ. архів Харківської області [ДАХО], Р-4511-1-16., л.3 с об.).

³⁰ «Карабанов работает у меня, заведует Винницкой трудколонией НКВД им. Косиора». Косиор С.В. (1889-1939), с 1928 по 1938 г. – генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины. О Карабанове см. док. № 5, прим.10.

³¹ «В день смерти А.М. Горького [...]». Горький умер 19.06.1936 г.

³² «Воспитывают они (чекисты) не только детей, но и взрослых. Я пока этим педагогическим миром вполне удовлетворен». Как свидетельствует фотография Макаренко вместе с сотрудниками библиотеки «Шарикоподшипника» (опубликованная в многотиражке «За советский подшипник», 1936, № 199, 03.11, с.4), он в Москве носил форму помначотдела НКВД, которую для «операдминсостава» ГУЛАГа и ОТК повсеместно ввели приказом наркома Ягоды лишь 25 июня 1936 г. (Абаринов/Хиллиг, с.162-64).

³³ «Особенно меня стали ругать в 1930 г., когда я в „Дзержинке“ возился, возился с воспитателями, а потом взял и в один день снял всех». См. Втр., с.24: «[1930 год]. Октябрь 16. «Уничтожение в коммуне должностей воспитателей. Коммунары уже настолько выросли и настолько выросло их самоуправление, что они уже могли в дальнейшем сами вести коммуну». Данное место из хроники «Перевернутые страницы» в семитомнике «Сочинений» АПН РСФСР изменено таким образом: «[...] что они уже могли в дальнейшем сами поддерживать в коммуне установленный порядок и дисциплину». (С 2 [1951], с.410). Ответственный редактор В.Е. Гмурман в беседе с составителем данного издания (в 1973 г.) обосновывал «уточнение» текста тем, что теперешние советские читатели уже не в состоянии понимать значение макаренковской формулы: «сами вести коммуну».

³⁴ «За это меня тоже начали покарывать – как это вы работаете без педагогов, где же руководящая роль педагогов?» О «ведущей роли педагогов» речь идет в постановлении ЦК ВКП(б) от 25.08.1931 г. «О начальной и средней школе», опубликованном в «Правде» от 05.09 того же года (№ 245, с.1). Здесь «снижение роли учителя» осуждается как «левый уклон».

³⁵ «И сейчас новую большую колонию на 1.000 чел. я думаю организовать без единого воспитателя. Я организую там комсомольскую организацию. Кое-кого из старых комсомольцев я уже перетащил». Об упомянутом здесь проекте организации новой колонии НКВД УССР им. Постышева (см. прим.28) до сих пор ничего неизвестно. По всей вероятности, после снятия секретаря ЦК ВКП(б) Украины Постышева и наркома внутренних дел УССР Балицкого с их должностей (летом 1937 г.) ОТК НКВД от таких планов отказался.

---

³⁶ «Я в своей книге говорю, что некоторые детали человеческой личности можно штамповать на штампах. На меня педагоги страшно кричат за это место – как можно человека штамповать?» Аналогии между процессами воспитания и производства, содержащиеся в 3-й части «ПП» (гл. «У подошвы Олимпа»), были раскритикованы некоторыми рецензентами. Поэтому настоящее высказывание из изданий данного произведения, вышедших в 1937 г., исключено, однако в посмертные издания оно вновь включено (см.: GW 5, с.308).

³⁷ «[...] отношение к событиям в Испании [...]». Имеется в виду гражданская война, которая началась в июле 1936 г.

³⁸ Из контекста без сомнения следует, что в упомянутой здесь «книге» говорится о «ПП». Однако в комментарии к восьмитомнику трудов Макаренко ошибочно сообщается: «Речь идет, вероятно, о незавершенном и неопубликованном романе „Ньютоновы кольца“» (ПС 4, с.380, пр.10).

³⁹ «Шахрайство» (укр.) – жульничество.

⁴⁰ «Я стоял на точке зрения украинизации, но потом прибавилось нам больше и больше городских людей. Когда колония получила известность, к нам стали присылать ребят из Харькова, Одессы и т.д. Это уже такие ребята, у которых ничего от украинского языка не осталось». См. письмо Макаренко Горькому от 14.03.1927 г.: «Опять посылаю Вам кучу наших безграмотных писаний. Стыдно мне, как учителю, за эту безграмотность, ведь с некоторыми я бьюсь не первый год, но трудно переучивать наших запущенных ребят, а кроме того, режет нас украинизация: хлопцы городские, по-украински никогда не говорили, сейчас вокруг них, даже в селе, все говорят по-русски, читают книги исключительно русские, а учатся исключительно „на родном языке“. Я удивляюсь, откуда еще у них берется охота учиться. И смотрите, письма к Вам написаны почти все по-русски. Все это наводит на чрезвычайно печальные размышления, не столько об украинском языке, сколько о нашем русском формализме, догматизме, головоутиятстве» (Переписка, с.43).

⁴¹ «Я не мог бы дать слова Калины Ивановича, если бы я не записывал некоторые его фразы». Записные книжки Макаренко 1920-х годов, в которых зафиксированы «слова Калины Ивановича», к сожалению, не сохранились.

3. ДИСПУТ В МОСКОВСКОМ ОБЛАСТНОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ (27.10.1936 г.)

По инициативе комитета комсомола и библиотеки Московского областного педагогического института 27 октября был организован общеинститутский диспут по замечательной книге А.С. Макаренко «Педагогическая поэма», так высоко оцененной еще А.М. Горьким, с которым Макаренко был лично знаком и вел большую переписку. На диспуте присутствовал сам автор, специально приехавший из Киева, где он руководит колонией НКВД. Из московских вузов были приглашены четыре его воспитанника, бывшие коммунары из коммуны им. Дзержинского:

В. Камардинов – бывший председатель совета коммунаров [командиров. – Г.Х.] и секретарь комитета комсомола, ныне студент III курса Историко-философского института; Л. Салько¹ – студент IV курса Авиационного института; Файнергольц Л. – студент II курса Авиационного института; Брайтман Р. – студент II курса Педагогического института им. Бубнова².

К диспуту велась большая подготовка с сентября месяца с. г., были проработаны кафедрой педагогики и кафедрой литературы и вывешены узловые вопросы по «Педагогической поэме», в стенгазетах печатались статьи и отзывы о книге, был выделен кафедрой литературы специальный человек (доцент Гречишников) для проведения консультаций с желающими выступать на диспуте. В библиотеке института наблюдался большой спрос на «Педагогическую поэму», запись очереди доходила до 150 чел. Желающих выступить на диспуте записалось 25 чел. У каждого имелся подготовленный конспект своего выступления.

Во время диспута большой зал института был переполнен. Присутствовало 900 чел. Это – студенты, профессора института и учителя области, которые ранее окончили наш институт и которым теперь приходится проводить многочисленные беседы по «Педагогической поэме» Макаренко со своими учениками. Председательствовала на диспуте секретарь парткома института т. Жукова.

Вступительное слово о книге Макаренко сделал декан литературного факультета т. Власов. Затем выступил Антон Семенович Макаренко. Обращаясь к студентам – будущим педагогам, как к своим коллегам, он говорил о нашем ближайшем будущем, о тех задачах, которые стоят перед школой и учителем.

– У нас нет еще полноценной теории [методики. – А.С.М.] воспитания, и мы должны ее создать. Критики, разбиравшие «Педагогическую поэму», – говорит Макаренко, – больше всего меня ругали за недооценку [переоценку. – А.С.М.] теории педагогики. Но когда я писал свою книгу, то меня не интересовала педагогика школы, классная жизнь, и о них я не хотел писать. Меня занимала проблема воспитания и перевоспитания правонарушителей.

Мой опыт воспитательской работы привел меня к тому выводу, что нам нужно создать теорию [методику. – А.С.М.] воспитания. Я получил высшее педагогическое образование³, перечитал все, что есть в <мировой> литературе по вопросам воспитания. И все это меня несколько не удовлетворило. Я не получил метода работы. Я полагаю, что в интересах дела нужно разделить школьную педагогику [методику. – А.С.М.] классной работы от педагогики [методики. – А.С.М.] воспитания. И у вас в институте создать специальную кафедру воспитания, которой у вас до сих пор нет. <Разделить эти две педагогики и определить их главные методы.>

Моя «Педагогическая поэма» доказывает одну педагогическую мысль, [В начале моей «Педагогической поэмы». – А.С.М.] я показал свою полную техническую беспомощность в [19]20-м году, когда я приступал к педагогической деятельности [к перевоспитанию правонарушителей. – А.С.М.], я не имел ни инструмента, ни метода. Я оказался в лесу с пяти-линейной лампочкой и стаей бандитов. Я оказался педагогически беспомощен, и тогда, при тех условиях, я имел право назвать [я назвал. – А.С.М.] педагогику шарлатанством...⁴

<И тогда я сделал большую ошибку тем, что> ударил своего воспитанника Задорова⁵. В этом поступке я почувствовал крушение своей личности [В этом было не только преступление, но и крушение моей педагогической личности. – А.С.М.]. Я тяжело переживал эти минуты и понял, что не нужно давать волю рукам и допускать мордобой [Я тяжело переживал эти минуты и как человек и как педагог – А.С.М.].

Теперь я считаю [Всегда я считал. – А.С.М.] подобные факты огромным [большим. – А.С.М.] педагогическим преступлением и [и за то. – А.С.М.] сам отдаю своих подчиненных под суд <и добиваюсь за такие преступления 3 лет тюрьмы>⁶.

Года через два после столкновения с Задоровым я понял и открыто сказал, что нужна педагогическая наука, но не оторванная от жизни, а связанная с ней, помогающая воспитателю в практической работе. Я уверен, что она будет, – в этом меня убедил мой 16-летний опыт. Мне пришлось быть руководителем в пяти [трех. – А.С.М.] колониях НКВД⁷.

В нашей прекрасной действительности, способной породить такое величественное движение, как стахановское, в этой действительности есть все, чтобы создать новую науку – педагогику. Мы сейчас крепко бьемся за новую воспитательную технику. И можно быть уверенным, что новая, социалистическая педагогика будет создана сегодня или завтра. Я считаю вредной мысль, что новая педагогика уже создана.

Затем т. Макаренко критикует ответы и [на. – Г.Х.] вопросы читателей, помещенные в журнале «Коммунистическое просвещение» (август 1936)⁸. В этих ответах дается совет, как бороться с недисциплинированностью учеников, с хулиганством и т.д.

– Этот вопрос задавался еще и в 20-м году, затем повторялся в 23, 25, 27, 29 гг. и сохранился до 36-го года. Когда же, наконец, будет разрешен этот деловой и простой вопрос?

Чистая педагогика показала свою полную беспомощность, если до сих пор не смогла разрешить этого вопроса. В консультации журнала «Комму-

нистическое просвещение» дается совет учителям самим быть дисциплинированными, сплоченными, самим не опаздывать в школу и т.д. Это – отписка, а не совет. Такой «консультацией» ничего не сделаешь для воспитания [воспитателя – *А.С.М.*]. Они [Здесь. – *А.С.М.*] хотели и совет дать, и ничего «страшного» не насоветовать. В 7 пункте рекомендуется учителю вести беседу с учеником, нарушающим правила внутреннего распорядка, занимающимся воровством и хулиганством, вести беседу спокойным, ровным тоном [голосом. – *А.С.М.*]!.. Наша печать ежедневно сообщает о героических людях, о страстной работе, а учителям этот авторитетный журнал Наркомпроса рекомендует спокойный, ровный тон [голос. – *А.С.М.*]!.. <Это же издевательство!

Не нужно забывать, что> со своими воспитанниками я могу говорить ласково и нежно, но могу и повысить голос, твердо сказать: «брось!». Без этого нет воспитания. Я не хочу сказать, что нужно кричать на воспитанников. Нет! Но нужны страсть, любовь, увлечение своим собственным делом в той мере, как это мы наблюдаем у стахановцев. Если я не умею волноваться, то я обязан этому научиться! При совершении воспитанником преступления – воспитатель как представитель общества должен показать свое <крайнее> негодование.

Неудивительно, что в указанной консультации ничего не говорится о коллективе как воспитательном факторе. Учителю Позднякову рекомендуется только лично побеседовать с учеником, который занимался мелкими кражами и дошел до квартирных краж. Рекомендуется взять с ученика слово, что он больше не будет заниматься подобными делами. И только. Не рекомендуют выносить этот поступок на обсуждение коллектива, так как это нанесет ребенку «тяжелую внутреннюю рану», отчего пострадает учеба, а коллектив ничего не выигрывает. Это вредная установка. Затем в данной консультации ничего не говорится о наказании. <Они> боятся этого слова. [А в постановлении ЦК нашей партии это слово называется с большевистской прямоотой и наказание не вуалируется словами «мера воздействия»⁹.] Я стою за наказание. Только надо уметь его применять, а этому надо учиться.

Весь отдел консультации журнала «Коммунистическое просвещение» отдает установками левака Шульгина¹⁰. <Данные> консультанты стремятся удивить мир фокусом <без прикосновения рук>. Они подобны покойным педологам, которые любили такие вопросы изучать, изучать; изучать и записывать, чем и путали учителя в вопросе, как ему быть с наказанием. У нас еще не освоена система наказания. Из старой школы мы не можем взять систему наказаний, чуждую нам, с ее слезкой, кондуитами¹¹, привязываниями к каждому пустяку и т.д. Применению наказания я долго учился. <Начал с мордобоя и кончил полнейшей демократией.> Сами коммунары боролись с нарушениями правил внутреннего распорядка и сами управляли всей жизнью коммуны. В коммуне им. Дзержинского в конституции записано о наказаниях, но на практике они не применяются, так как не нужны [В коммуне им. Дзержинского наказания принципиально признаны, но именно поэтому на практике они почти не применяются. – *А.С.М.*]. [С другой стороны, педологическое принципиальное отрицание наказаний на практике приводило к решеткам для «трудных».]

Такого положения мне удалось добиться при помощи использования всей воспитательной силы коллектива. <Мое> воспитание [а, следовательно,] и наказание происходят [должны проходить. – А.С.М.] через крепкий коллектив. <Когда я захожу в среднюю школу, то слышу крик, вой и ...¹².> Значит, там не создан сознательный коллектив, который [Сознательный крепкий коллектив. – А.С.М.] крайне необходимо создать в каждой школе – как живой организм с действующими органами и общими интересами. Снимать ответственность преступника перед коллективом, как советуют в журнале «Коммунистическое просвещение», значит совершать преступление перед педагогикой [значит отказываться от новой педагогики. – А.С.М.]. <В коммуне им. Дзержинского одна девочка украла деньги. Ее обсуждали на общем собрании и требовали исключения из коммуны. Она сильно волновалась и глубоко переживала в эти минуты. Тогда она почувствовала свою ответственность перед сильным, большим коллективом и через два дня принесла мне украденные деньги. В порядке опыта я могу еще сообщить, что как меру наказания я давал домашний арест. «Преступник» сидел в моем кабинете, читал газеты или книги, разговаривал со мною, но не имел права уходить. Когда я назначал домашний арест, коммунары сами являлись ко мне и садились под арест. И эта мера хорошо на них действовала.>

Я настаиваю, что и в педагогике нужно изобретать. До последнего времени не занимались изобретательством [изобретением. – А.С.М.] в педагогике, так как боялись педологии, которая отнимала это законное право у педагогики. Пусть вновь созданная кафедра воспитания разработает вопросы воспитательного значения коллектива, проблему наказания, стиля, тона и т.д.

Я уверен, что в ближайшие 10 лет мы создадим методику коммунистического воспитания.

Да здравствует коммунистическая педагогика!

Да здравствуют [наши] вожди, [великие мыслители,] помогающие нам создавать и осваивать новую педагогику!

После вступительного слова Макаренко с конкретным разбором «Педагогической поэмы» выступили студенты: Черняков (II курс литфака), Григорьев (II курс литфака), Добрынина (III курс геофака), Аксенова (II курс литфака), зав. военной кафедрой т. Сангайло, доцент педагогики т. Доброхотов и проф. педагогики т. Шимбирев¹³.

Все выступающие отметили огромное воспитательное значение книги, которая поет гимн коллективу и гимн радости педагогического труда, выковывающего нового, социалистического человека. Эта книга создает целую эпоху в педагогике. Она призывает к овладению педагогическим мастерством, к педагогическому творчеству. «Педагогическая поэма» призвана сделать переворот в области педагогики, как «Великие дидактики» [«Великая дидактика». – Г.Х.] Коменского и «Эмиль» Руссо.

Тов. Сангайло указал, что неверно обвинять Макаренко в том, что он отрицает педагогику. Макаренко критикует педагогику наробразовскую, про-

поведываемую в те годы Наркомпросом Украины, руководимым Скрыпником¹⁴ и Ефремовым¹⁵.

Доцент Доброхотов сказал, что книга Макаренко подчеркивает решающую роль педагога в деле воспитания. Она помогает до конца разоблачить осужденную партией лженауку педологию и помогает полностью восстановить в своих правах педагога и педагогику. Поэтому в данный период «Педагогическая поэма» имеет особо актуальное значение. С нею должно подробно познакомиться все советское учительство. Надо отметить, что, читая эту весьма интересную и захватывающую книгу, чувствуешь, что автор изучил педагогическое наследство прошлого и сумел использовать его по-советски. По-советски применял и принцип наказания, который был выдвинут еще классиками педагогики. Книга написана очень живо и читается с неослабевающим интересом. Неудивительно, что студенчество берет ее нарасхват в библиотеке института. Книга этого вполне заслуживает.

Проф. педагогики т. Шимбирев сказал, что «Педагогическая поэма» Макаренко должна быть высоко оценена как ценнейший вклад в советскую педагогику, который помогает бороться с вывихами и извращениями в советской педагогике. Тов. Макаренко займет почетное место в советской художественной литературе и советской педагогике. Надо помнить, что автора интересуют в данной книге вопросы воспитания, а не обучения. В своих высказываниях он незаслуженно ограничивает наследие буржуазной педагогики. Не мешает знать и т. Макаренко, что великий педагог-демократ Песталоцци занимался воспитанием правонарушителей. Он также имел срывы и ошибки, которые нужно изучить Макаренко, чтобы больше не повторять. У автора неправильно проскальзывает мысль, что не нужно использовать буржуазное педагогическое наследство. Будет грубейшей ошибкой строить советскую педагогику на голом месте. Нужно критически переработать все наследие прошлого. Не нужно строить новую педагогику воспитания отдельно от педагогики обучения. Надо твердо помнить, что мы не все время будем иметь правонарушителей. Скоро с детской беспризорностью будет покончено. Нужно усилить научно-исследовательскую работу в области воспитания и обучения. Из документов ЦК ВКП(б) о школе видно, что в дальнейшем воспитание советской детворы будет организованным с самого раннего детства и будет происходить, главным образом, через школу. Сейчас уже нельзя применять методы, которые Макаренко применял в 20 году. Теперь ученики ему самому устроили бы темную. Но «Педагогическая поэма» вооружает педагога, помогает ему выйти из положения в самых трудных моментах. Здоровым педагогическим чутьем Макаренко понял, что надо изучать самого воспитанника, ученика в процессе обучения и воспитания, а не путем анкет, как это делали педологи. Заботливое, внимательное, чуткое отношение к каждому человеку должно лежать в основе выращивания кадров. Это вытекает из книги и выступления Макаренко на данном диспуте. На этой основе, на этом фундаменте мы должны построить и построим новую советскую педагогику.

Выступающие остановились и на недостатках книги: нет типизации и центрального положительного героя, по которому могла бы равняться молодежь, не описаны рядовые учителя-энтузиасты, выпала из поля зрения автора и школьная жизнь¹⁶, заметна композиционная рыхлость, неслаженность книги и т.д.

От воспитанников Макаренко выступил Вася Камардинов, который рассказал о крепком, веселом коллективе, выкованном Антоном Семеновичем. Этот коллектив увлек Васю, ранее побывавшего во многих коммунах и убежавшего из них. Вася рассказал о своей работе в качестве председателя совета командиров и секретаря комитета комсомола в коммуне им. Дзержинского. Он на ярких примерах показал, как коллектив воспитывал коммунаров дисциплинированными, культурными, чувствующими свою ответственность перед коллективом. Коллектив перевоспитал его, сделал хорошим комсомольцем, помог окончить рабфак и поступить в историко-философский институт.

Лева Салько – воспитанник коммуны им. Дзержинского – рассказал о культурной жизни коммуны – о кружках самодеятельности, об оркестре коммунаров, который держал первое место по Украине, об увлекательных военизированных походах коммунаров по Кавказу, Волге и т.д. Тот коллектив был гораздо дружнее и сплоченнее по сравнению с коллективом в авиационном институте. Хотя и воспитание в коммуне было суровое, так как много приходилось работать и учиться, но впечатление осталось радостное. Каждый чувствовал себя хозяином. Все это говорит о том, что Антон Семенович обладал искусством руководить коллективом.

В заключительном слове т. Макаренко ответил на множество поступивших записок, в которых спрашивалось, как он воспитал в себе такую крепкую волю, как относится теперь к телесным наказаниям и где сейчас находятся герои его книги и т.п.

Тов. Макаренко сказал, что часто воспитанники съезжаются к нему, многие поддерживают письменную связь, и только часть потерялась совсем. По случаю смерти М. Горького большинство воспитанников прислало [многие воспитанники прислали. – А.С.М.] сочувственные телеграммы и письма ему.

<Калина Иванович жив и сейчас прислал письмо, в котором просит хлопотать, чтобы ему дали пенсию. Карабанов руководит крупной колонией НКВД в Виннице. Задоров – видный инженер-мелиоратор, работает в большом совхозе им. Сталина где-то за Каспийским морем. Вершнева работает врачом в коммуне им. Дзержинского. Лапоть недавно был найден Вершневым совсем опустившимся. Он имел несчастье влюбиться в очень красивую девушку, изменившую ему, и он запил. Теперь Лапоть проходит вторичное воспитание в колонии у Карабанова. Братченко окончил ветеринарный институт и работает в Сибири.>

Свою волю т. Макаренко не считает крепкой и титанической. Он имеет обыкновенные нервы, обыкновенную волю и свои слабости, присущие живому человеку.

Для воспитания воли нужен здоровый, трезвый анализ своих поступков и чувство ответственности перед коллективом, нужны любовь к нему и уважение. Он законно гордится тем, что обладает каким-то беспокойством, желанием все сделать лучше.

Тов. Макаренко ответил всем выступающим на диспуте, признав остроту и высокий теоретический уровень всех выступлений. Он согласился по поводу педагогики с профессором Шимбиревым. Он не отрицает науку педагогику. Прежнее суждение о педагогике у него сложилось в рабочем пони-

мании ее. Послезавтра он опять едет в Киев и будет руководить новой колонией НКВД, где придется столкнуться с множеством практических вопросов. Придется опираться не на старую педагогическую систему, а на новую систему завтрашнего дня. Приходится ругаться не из-за отсутствия педагогических идей, а из-за отсутствия педагогической техники [техники, которой. – Г.Х.] <мне> не хватает. Техники ему не хватает. И сейчас остается спорным вопрос механизации воспитательской работы (это он говорил не в смысле – штамповать детали людей, а как расширенное художественное сравнение). Воспитать умение чувствовать себя в рядах с другими, ощущать товарища локтем. Нужна не [только] индивидуальная, а [и обработка] при помощи коллектива, через организацию. Он допускает мысль о том, что можно механически (не в вульгарном понимании слова) воспитать привычку к точности, чистоте, аккуратности, умению чувствовать локтем товарища. [Такие «детали» личности, как привычка к чистоте, и точности, как способность к быстрой ориентировке, нельзя воспитать при помощи индивидуальной обработки, не хватит сил и времени, а исключительно методом накопления коллективного опыта. – А.С.М.]. Он выработал для себя рабочую схему, в которой разбирает 4 типа внимания [влияния. – А.С.М.] (чистое и практическое, собственное и постороннее).

– Надо уметь организовать и подчинить себе эти влияния, чтобы создать технику и полезный пучок влияний. В социалистическом обществе владеть ими будет легче – без применения наказания. Этим общая цель будет достигнута быстрее и лучше [И наконец самое главное. – А.С.М.]. Наша коммунистическая работа не может быть бесстрастной. Надо уметь работать с верой в человека, с сердцем, с настоящим гуманизмом.

Без любви к человеку не было бы и Октябрьской революции. Мирюсь с вами и по вопросу о наследстве. Глубоко уважаю старых педагогов. Много их читал и многому научился у них. Но нам нужно продолжать дело создания воспитательской методики. Эта ответственная задача лежит на нас. Многому в воспитательской работе учился у чекистов, имеющих доброе сердце и сильно любящих детей. [Они] Ежеминутно чувствуют ответственность за свою работу. Они не проявляют ни лени, ни самоанализа и ни интеллигентщины в подходе к детям, они работают уверенно, хорошо, эффективно. Я учусь у них. Их работа исключает методы мордобоя. Я соглашусь, – говорит Макаренко, – что педагогика должна быть единой наукой, но продолжаю настаивать, что необходимо разработать методику воспитания и уметь ее подчинить воспитательным целям школы.

В заключение т. Макаренко отметил большую искренность в данном диспуте и единство мыслей и стремлений огромного коллектива, болеющего за проблемы и судьбы советской педагогики. Благодарил студенчество и руководителей института за хорошую встречу и пожелал студентам в их будущей педагогической работе успеха.

– Как прекрасна работа – строить нового человека! Сколько в ней наслаждения! Я приветствую партию, дающую нам это счастье и радость! – закончил т. Макаренко.

Студенты поднесли т. Макаренко большой букет живых цветов.

Этот диспут надолго останется в нашей памяти. Он многое дал студенчеству. Партком, дирекция и комитет ВЛКСМ института выносят благодарность т. Макаренко.

[подпись:] *А. Макаренко*

КОММЕНТАРИЙ

ИМЛИ, 114-1-6.

Протокольная запись (машинопись) с правкой Макаренко. Заголовок: «Разговор о воспитании. (Диспут о „Педагогической поэме“ А. Макаренко)». Объем: 16 нумерованных страниц, текст на которых расположен с одной стороны. В протокол (единственный из известных до этого времени) Макаренко внес поправки и изменения и поставил под ним свою подпись.

На диспуте в Московском областном педагогическом институте присутствовало более 900 чел. (ПС 4, с.380).

Публ.: Вступительное слово и заключение докладчика впервые опубликованы с некоторыми сокращениями (под заголовком «Разговор о воспитании»): ж. «Советская педагогика», 1952, № 4, с.65-68 (Сундуков Н.А. О некоторых архивных документах Антона Семеновича Макаренко). Данная версия протокольной записи с заголовком первой публикации включена также и во все последующие советские издания собраний трудов Макаренко: С 7 (1952), с.461-64; С 7 (1958), с.513-17; ПС 4, с.35-36 (здесь с одним дополнительным сокращением).

Аутентичный текст оригинальной записи, без поправок и изменений Макаренко, впервые опубликован (с параллельным переводом на нем. яз.) в сб. «Москва, октябрь 1936 г.», Марбург, 1987, с.56-69. Как видно из (не печатавшегося) письма педагога-писателя неизвестному адресату от 7 октября 1936 г. (из наследия львовского ученого Ф.И. Науменко; цит. там же, с.IX), с особым интересом во время пребывания в советской столице Макаренко ожидал диспута с педагогами-теоретиками: «Для меня очень любопытно, как будут меня ругать педагоги формации 1936 г.».

В настоящей публикации авторские вставки отдельных слов и предложений в документе воспроизводятся в вертикальных, а зачеркнутые части текста – в угловых скобках.

¹ Салько Л.М. (1914-1957) – сын Г.С. Макаренко от первого брака.

² Пединститут им. Бубнова. Бубнов А.С. (1884-1938), сов. гос. и парт. деятель, с 1929 г. до 1937 г. нарком просвещ. РСФСР. После его ареста (октябрь 1937 г.) московский вуз переименован в институт им. Ленина.

³ «Я получил высшее педагогическое образование [...]». Данное замечание не соответствует действительности. Полтавский учительский институт, который Макаренко окончил в 1917 г., по положению об учительских институтах от 31.05.1872 г. был учреждением среднего педагогического образования. В советское время юридически это обозначало «неполное высшее» образование.

⁴ «[...] и тогда, при тех условиях, я имел право назвать [я назвал. – А.С.М.] педагогику шарлатанством...». См. док. № 1, прим.7.

⁵ Задоров – в «ПП» образ воспитанника определенного типа, не имевший одного конкретного прототипа. См. также ПС 4, с.381, пр.2: «Задоров А. – персонаж „Педагогической поэмы“, собирательный образ, отразивший черты нескольких первых воспитанников горьковской колонии (Зато-

нов и др.), а также П.П. Архангельского, сына воспитательницы-учительницы колонии Е.Ф. Архангельской, работавшей там с января 1922 г.».

⁶ «[...] и добиваюсь за такие преступления 3 лет тюрьмы». В феврале 1928 г. за избияния воспитанников к трем годам лишения свободы был приговорен «завкол» А.И. Остапченко, который находился в подчинении зав. Управлением детскими учреждениями Харьковского округа Макаренко. Последний выступал перед общественностью и на суде в качестве защитника Остапченко.

⁷ «[...] мой 16-летний опыт. Мне пришлось быть руководителем в пяти [трех. – А.С.М.] колониях НКВД». См. док. № 2, прим.10.

⁸ «Затем т. Макаренко критикует ответы и [на. – Г.Х.] вопросы читателей, помещенные в журнале „Коммунистическое просвещение“ (август 1936)». Речь идет о материале, опубликованном в № 4 (с.126-27) за 1936 г. этого журнала Наркомпроса РСФСР: «Вопрос т. Немченко и др.: Какие вы рекомендуете меры для исправления недисциплинированных учеников». Данная «консультация», которая в общей сложности включает 10 пунктов, касательно определенной Макаренко проблемы выглядит следующим образом: «7) Когда приходится с ребенком или подростком проводить беседу о нарушении им правил внутреннего распорядка школы, о совершении им недопустимого для школьника поступка – надо вести эту беседу спокойным, ровным тоном. Ребенок должен чувствовать, что учитель даже при применении мер воздействия делает это не из чувства злобы, не рассматривает это как акт мести, а исключительно как обязанность, которую учитель выполняет в интересах ребенка. Недопустимо, чтобы учитель выносил порицание ребенку с чувством отвращения к нему, обнаруживал презрение к этому ребенку. Особенно недопустимо применять какие-либо меры воздействия в возбужденном виде, выражать их в бранной форме. Нельзя допускать преувеличения поступка ребенка, выражать сомнение в возможности исправления. Отрицательно реагируя на поступок ученика, учитель не должен оскорблять самолюбие ученика, а наоборот, подчеркивать свое положительное отношение к личности ученика и тем стимулировать его не совершать больше отрицательных поступков».

⁹ «А в постановлении ЦК нашей партии это слово (наказание) называется с большевистской прямотой и наказание не вуалируется словами „мера воздействия“». Речь идет о постановлении ЦК ВКП(б) от 04.07.1936 г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов» (см. док. № 1, прим.3).

¹⁰ Шульгин – см. док. № 1, прим.1.

¹¹ «Кондуит (от франц. conduite – поведение), в дорев. России журнал в гимназиях, духовных уч. заведениях, кадетских корпусах для записей проступков учащихся» (СЭС, с.625).

¹² В тексте пропуск.

¹³ Шимбирев П.Н. (1883-1960), проф. педагогики, специализировался на вопросах высшего и среднего педагог. образования; зав. кафедрой педагогики пединститута им. Бубнова.

¹⁴ Скрыпник Н.А. (1872-1933; самоубийство), сов. гос. и парт. деятель. С осени 1926 г. по нач. 1933 г. нарком просвещения УССР, в 1933 г. зам. предс. СНК и предс. Госплана УССР.

¹⁵ Ефремов С.А. (1876-1937), украинский публицист, историк литературы, политич. деятель; вице-президент АН УССР. Главный подсудимый по делу «СВУ» (Спілка визволення України; Харьков, 1930 г.); осужден к ВМН (расстрелу), потом приговор был смягчен – 10 лет лишения свободы.

¹⁶ «[...] выпала из поля зрения автора и школьная жизнь [...]». В колонии им. Горького занятия проводились по комплексному методу (см. док. № 7, прим.6). После ликвидации в 1931 г. всех экспериментальных форм обучения Макаренко решил в «ПП» отказаться от описания работы в школе колонии.

4. БЕСЕДА С РОДИТЕЛЯМИ – РАБОТНИКАМИ МОСКОВСКОГО ЗАВОДА «ШАРИКОПОДШИПНИК» ИМ. Л.М. КАГАНОВИЧА ПО ВОПРОСУ О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ (28.10.1936 г.)

МАКАРЕНКО. Я бы хотел, чтобы наша сегодняшняя беседа была простой, искренней, вполне доверчивой и деловой. Я не буду делать доклада. Докладов я никогда не делал и не умею делать. Для тех, кто обо мне ничего не знает, скажу два слова: я воспитатель, педагог, много работал с так называемыми трудными ребятами, с ребятами, у которых тяжелый характер, с беспризорными, а в последнее время попадаетса много детей, которых сами родители приводят, просят поработать с их ребятами, а иногда и суды присылают таких ребят, которые уже попали на скамью подсудимых за разные «хорошие» дела.

Сейчас я закончил первую половину книги, которая так и называется «Книга для родителей»¹. В этой книге даны простые советы, необходимые для родителей.

Я думаю, что каждый отец и каждая мать хочет воспитать из своих детей настоящих советских граждан, людей, преданных нашей революции, нашей стране, нашему революционному делу, людей хороших, трудолюбивых, вежливых, спокойных и здоровых. Секретов тут нет никаких. У всех желание очень ясное, понятное и очень простое. Разговаривать о том, кого нам нужно воспитать, мы не будем. Все мы хорошо знаем, что бы мы хотели видеть в будущих гражданах, выросших из наших детей. Но как это сделать? Не всякий умеет, а может быть и сумел бы, так не знает, никто не посоветует, а может быть и знает, так не решается, сомневается, думает: а может быть так не хорошо, а может быть так лучше будет. Часто из-за таких сомнений родители пускаются на разные фокусы, хитрости и выдумки, и сплошь и рядом от таких выдумок еще хуже становится.

Я бы хотел, чтобы наша беседа приняла такой характер: я скажу в общих чертах, каким должно быть наше воспитание, но не буду давать отдельных советов, а вы потом в своих выступлениях будьте добры попросту, без хитрости и без фокусов, высказаться относительно того, какие у вас затруднения, какие вопросы смущают и интересуют вас, какие стороны характера ваших детей вас либо радуют, либо пугают. У кого дети хорошие, родители довольны детьми, может быть они нам расскажут, как они этого добились.

Сейчас я в общих чертах расскажу вам, в чем состоят главные вопросы родительской работы. Прежде всего нужно обратить внимание на одно очень важное обстоятельство. Нужно прямо сказать, что то, что вы вложили в ребенка до 5-6 лет, составляет 95% будущего человека, а что до 5-6 лет не вложили, с кем запоздали, с этим уже приходится труднее. Конечно, можно и нужно воспитывать и мальчика и девочку и в 9, и в 10, и в 11, и в 17, и в 20 лет. Советская страна перевоспитывает преступников и в 25, и в 30, и в

40 лет, но это уже перевоспитание, это уже переделка, это уже ремонт и часто капитальный ремонт. А очень часто бывает так, что если до 5-6 лет ошибок не делать, то и ремонт не нужен. Как вы хорошо ни сделаете ремонт, а все-таки это ремонт, все-таки лучше, если у вас человек вырос не отремонтированный, а настоящий, здоровый, правильно воспитанный с детства человек.

Это первая наша теорема, которую каждому родителю нужно хорошо помнить.

Вторая теорема. Никаких секретов в воспитании нет. Большая ошибка думать, что для того, чтобы воспитать сына или дочь, нужно знать секреты. Имейте в виду, каждый родитель обязан воспитать своего сына или дочь, и обязан воспитать как можно лучше. Каждому родителю это доступно и по силам. Для того, чтобы воспитать своих детей, не нужно поступать в педагогический вуз или техникум. По секрету скажу вам, только никому не говорите, что и среди нашего брата – педагогов есть родители, которые говорят: «В школе я хорошо работаю, а дома я ничего не могу сделать». Отчего это происходит? В подавляющем большинстве случаев неудача семейного воспитания происходит главным образом от невнимательного, несерьезного отношения к ребенку, к делу воспитания. И учителя такие бывают. Там пропустили, там слишком любят, там слишком мало любят, там слишком балуют, там в черном теле держат, а там просто не обращают внимания, не занимаются воспитанием.

Какое тут первое важное правило? Надо, чтобы родители смотрели на работу по воспитанию детей как на серьезное политическое дело, причем смотрели не раз в месяц, а каждую минуту, каждый час в своей жизни, помня, что на их ответственности будущий человек. Поэтому ни забыть ничего нельзя, ни пропустить, ни шутить с этим делом нельзя, ни фокусничать нельзя, нельзя махнуть рукой и сказать: «Само делается».

Никто на это права не имеет. На вашей ответственности серьезное дело. Если бы все родители так же честно и внимательно, с таким же глубоким чувством, относились к своим детям, как они относятся к своему делу на работе, к своему станку, к своему заводу, к своему промфинплану, то у нас не было бы плохо воспитанных детей; а бывает так, что кажется, что ребенок – это приятный человек, с ним весело, это почти игрушка. Это маленький ребенок, на которого приятно смотреть, которого приятно кормить, с которым приятно поговорить, а что его нужно воспитывать и как воспитывать – об этом вспоминают раз в месяц, раз в год, а то и совсем не вспоминают.

Если родители будут чувствовать, что воспитание – это деловая работа и что эта деловая работа должна быть сделана так же хорошо, так же отлично, как и всякая работа, тогда и ошибок в воспитании будет меньше, тогда волей-неволей родитель захочет узнать многое и узнает. Там он прочтет, там расспросит, там с соседом поговорит, там с приятелем посоветуется, а там, может быть, учителя спросит.

Третья уже важная теорема, хотя это уже не теорема, а аксиома – нельзя хорошо воспитать сына или дочь, если вы не чувствуете, что в этом наш долг перед Советским государством. Священнейшая обязанность гражданина – хорошо воспитать своих детей. Нужно, чтобы этот долг, эту обязан-

ность перед всем обществом и государством вы чувствовали каждую минуту, чтобы каждый момент вашей жизни вы знали, что есть Советский Союз, есть государство трудящихся, и оно от вас ожидает настоящего гражданина. Если вы это будете чувствовать, этот советский гражданский долг будете всегда помнить, то вы всегда найдете ответы на интересующие вас вопросы. А у нас, к сожалению, не всегда так бывает. Бывают родители сами по себе прекрасные граждане, герои труда, способные на большие дела, на большое напряжение, заслуживающие огромного уважения за свою работу, за свое гражданское лицо партийного или не партийного большевика, а смотришь, дома этот великий гражданский долг оказывается исключенным. В семье как будто можно отдохнуть от гражданского долга и по отношению к жене, и по отношению к детям, и по отношению к вопросу воспитания. Люди часто совершают тот или иной поступок, не вспоминая о том, что они граждане и что ребенок тоже вырастает гражданином. Это такой общий закон, что если его не знать, то не может быть правильного воспитания.

Чрезвычайно важный и большой вопрос – это вопрос о родительской любви. Любить своего ребенка – это понятно и просто, но нужно любить не любовью сегодняшнего дня, а любить будущее этого ребенка, любить его будущее счастье, его будущую жизнь, его будущую радость. Вот в этом небольшом вопросе многие ошибаются, многие решают его неправильно. Большую любовь вкладывают матери в особенности, причем не только вкладывают любовь, а буквально жертвуют своей жизнью для ребенка, отказывают себе во всем: в одежде, в пище, в удовольствиях, чтобы ребенок был сыт, часто больше чем нужно, и одет, часто лучше чем нужно, и удовольствие чтобы получил часто больше чем нужно.

Скажите, кому нужна теперь в Советском Союзе эта жертва матери? Раньше мать была сплошь и рядом подвижницей, потому что власть отца, потом власть мужа, власть хозяина, власть всего общества ставили женщину часто в такое положение, из которого она могла выйти только при помощи подлинной жертвы.

У нас этого не может быть. Все наши люди должны жить счастливо – и отец, и дети, и мать. Если вы воспитываете так вашего ребенка, что ваша собственная жизнь теряется, ваша собственная радость уничтожается, то такой ребенок нашему обществу не нужен. Ребенок, откормленный жертвой матери, воспользовавшийся ее жизнью, нам не нужен. Наш ребенок должен вырасти таким, чтобы на его глазах мать должна быть счастливым человеком.

Проявляя такое слишком большое количество любви, очень многие родители и особенно матери грешат против своих детей. У них выходят дети мало того что избалованные, а самое главное – не привыкшие считаться с человеческим трудом, с интересами своего соседа. Если ребенок будет все получать от матери, если дочка оденет [наденет. – Г.Х.] дорогие туфли, в то время как у матери туфли стоптанные, – из такой дочки не выйдет советского человека. Дочка должна знать, что мать такая же трудящаяся, как и она, причем достойная большего уважения, чем она, потому что мать уже трудилась. Именно дочка должна быть так воспитана, чтобы она заботилась о лучших туфлях для матери, чтобы она не допускала, чтобы мать одева-

лась хуже ее. Если дочь будет об этом думать, если дочь будет думать о матери как о члене своего коллектива, то из нее выйдет настоящий советский человек, который будет думать о другом человеке, а не только о себе.

В старом мире, когда все находились в борьбе друг с другом, когда люди вырывали кусок, чтобы жить, понятно, что и у детей часто воспитывалась жадность.

В нашей стране преступно воспитывать жадных детей.

Как вы поступаете в вашей семье, если у вас, допустим, праздник или вы просто купили торт или пирожное и на тарелке осталось последнее пирожное? Вы дадите ребенку, нельзя этого делать. Нужно, чтобы ребенок отдал его вам и добился того, чтобы вы его взяли, а тогда уже вы можете поделиться. Есть матери, которые говорят: это тебе одному. Этого делать нельзя! Ребенок берет пирожное и не видит, что кругом делается. Он думает, что пирожное только для него, отцу и матери не нужно, он думает, что он лучше всех.

Часто это начинается с раннего детства, когда мать приговаривает: кошке не дадим, это Вася съест. Вася думает: я – Вася, все для меня. С самого раннего детства начинается уже воспитание этой человеческой жадности, а потом вырастает жадный человек.

Конечно, у нас нет контролеров, которые контролировали [бы] наших детей, когда мы выпускаем их в жизнь. Скажем, родитель пришел и говорит: «Вот мой сын». Контролер постучал его и сказал: «Брак, получите обратно». Этого у нас нет. Мы сдаем обществу на вид как будто гражданина, а потом его раскусят, что это за брак, и ищи тогда фирму. Не только государство страдает от нас – бракоделов, а мы сами страдаем. Такой жадный ребенок вас первых обидит, он о вас первых забудет, потому что в обществе он еще постесняется показать свою жадность, а дома он себя покажет.

Если я знаю много таких случаев, то и вы знаете немало случаев, когда родители тяжело и дорого расплачиваются за свои ошибки в воспитании детей.

Задача состоит в том, чтобы наладить такую жизнь в семье, чтобы ребенок рос не жадным потребителем того, что есть в семье, а членом трудового коллектива – семьи.

Тут мы подходим к пятому важному вопросу. Мы имеем семью – трудовой коллектив. Все члены семьи должны быть членами трудового коллектива. А раньше это было? Раньше в семье был отец, он и хозяин, он и начальник, он, если хотите, и палач, если нужно выпороть или палкой треснуть – это он делает. Сейчас у нас семья – трудовой коллектив, но это не значит, что в нем нет старших. Тут возникает интересный вопрос – как должны себя поставить отец и мать. Отец по отношению к ребенку, это что – хозяин, начальник, самодержавный властелин или закадычный друг, чуть ли не собутыльник сына, а мать – это тоже власть имущая, а может быть подруга? Я видел много семей, может быть и не так много, но процент для нас недопустимый, где мать и дочь – подруги, отец и сын – закадычные друзья. Дочь называет отца Гришка и говорит: «Гришка, ты мне действуешь на нервы». А дочери 12 лет. Спрашивается, кто здесь кого воспитыва-

ет, здесь такая страшная дружба, что уже дочь воспитывает отца. Матери она говорит: «Валька, ты меня раздражаешь». Тоже дочь воспитывает мать.

Потом эта дочь вырастает и лет в 18 говорит:

– Я познакомилась с одним старичком в кино.

Мать на это отвечает:

– Как это в кино познакомилась со старичком?

– Оставь, пожалуйста, ты ничего не понимаешь, иди спать.

Дружба – это значит полное отсутствие родительского авторитета. Конечно, между родителями и детьми должна быть дружба, но у родителей, кроме того что они друзья, еще что-то должно быть. Они – воспитанники, и авторитет отца и матери должен быть для них совершенно неоспоримый. Сын на отца должен смотреть как на друга, как на своего близкого родного и в то же время как на что-то высшее, что нельзя не уважать.

Откуда берется этот авторитет? В старое время в третьей заповеди было сказано: «Чти отца твоего и мать твою». Сам господь бог сказал, а значит – чти. Наши дети такой заповеди не имеют, закон божий им не преподается, и господь бог нашим детям ничего не говорит, а тем не менее наши дети в подавляющем большинстве случаев уважают и почитают своих родителей. Откуда этот авторитет? Не от бога ведь. Это чрезвычайно важный вопрос. Я бы сказал, что большинство неудач семейного воспитания ребенка происходит от того, что неправильно построен родительский авторитет. Бывает так, что он построен на насилии, на грубости, на дерзости, на постоянном раздражении. Есть много таких родителей, которые без крика, без ругательных слов не умеют разговаривать с домашними, а если и не ругаются, то они надутые, сердитые, грубые, не приветливые. Никакого особенного авторитета такой отец не будет иметь, потому что он пугает, он слишком подавляет семью, а бывает и наоборот, «папаша» (не отец), а именно «папаша» («шляпа»), ничего не видит, что делается, куда его сын пошел, откуда пришел, как сын сказал, как он играет, как работает, как относится к матери, к сестре, какие политические мысли высказывает. Никакого участия в воспитании он не принимает. Мы имеем тут полное отсутствие авторитета, а иногда авторитет стараются купить подарками, излишней лаской, излишними удовольствиями, разрешением ходить в кино чуть ли не каждый день.

Авторитет советских родителей, авторитет отца и матери может происходить у нас только из одного источника. Все наши родители трудящиеся, все наши родители участвуют в общественном производстве, государственной жизни, несут ответственность за свою работу. Это та почва, на которой должен выработаться родительский авторитет. Ваш мальчик с 2-х, 3-х лет должен знать, где вы работаете, что у вас за дело, как вы к нему относитесь, как за него отвечаете, как болеете, радуетесь за него. При этом необходимом условии начинается зарождаться родительский авторитет. Ребенок знает, что вы советский гражданин и, как всякий советский гражданин, несете большую и важную работу, причем все равно, кто вы – директор завода, начальник цеха, квалифицированный рабочий или чернорабочий. Все равно вы участвуете в жизни государства, и ребенок с 3-х лет должен знать о вашей работе, должен уважать вас за эту работу. Вы должны себя вести перед

ним с таким достоинством, чтобы он видел в вас отца и гражданина. Не нужно для этого много разговоров, не нужно для этого много труда. Иногда поговорите с вашим мальчиком или девочкой, побеседуйте о вашем труде, покажите ваш завод, покажите то, что можно показать. Он должен привыкать к этому, он должен знать, кто вы такой.

Конечно, это вовсе не значит, что ребенок должен думать, что вы лучше всех, а бывает так. Я наблюдал это у некоторых писателей, у некоторых военных.

– Мой папа писатель.

Значит, вы все хуже меня.

– Мой папа комдив.

А вы все маленькие.

– Мой папа мастер.

А папа такого-то – чернорабочий.

Плохо, если вы впитаете в душу вашего ребенка это чувство.

Это не гордость, а тщеславие. Вы должны рассказать о своей работе, рассказать о работе ваших товарищей, тех, кто вместе с вами, с разной степенью ответственности исполняет тот же долг советского трудящегося гражданина.

Это первое условие родительского авторитета.

Второе условие родительского авторитета – это домашняя работа. Дома нужно найти такой тон со стороны отца и матери, чтобы это было приветливо, ласково, дружелюбно, но в то же время, чтобы это был тон отца. В семье не должно быть криков, не должно быть приказаний со стороны отца, но распоряжение должно быть. Ребенок должен знать, что отец распорядился или мать распорядилась. Мать сказала, и он должен принять это как распоряжение старшего члена семьи, которое подлежит исполнению.

С малых лет вы не должны ни слишком подавлять детей вашими приказами, ни оставлять их без ваших распоряжений.

Давайте ваши распоряжения редко, но надолго, чтобы дети знали, что по этому вопросу отец так сказал, по этому вопросу так, а по этому иначе, и эти распоряжения должны быть приняты к сведению. Большею частью таких распоряжений даже не приходится и давать, если вы вашего ребенка постепенно ведете по лестнице вверх. Это не столько распоряжение, сколько совет, но и совет нужно давать ребенку так, чтобы это был авторитетный совет, чтобы ребенку хотелось его выполнить, чтобы этот совет был советом более или менее обязательным.

Возвращусь несколько назад. Тонем распоряжения нужно пользоваться и в тех случаях, о которых мы говорили. Это касается проблемы последнего куска. Нужно сказать, что это пирожное съест мать, это будет распоряжение. Отец [также] может сказать: «Миша, вот осталось пирожное, кому мы его отдадим? Мы с тобой – отец с сыном».

Пусть сын понимает, что отец и сын стали как будто на одну плоскость, на плоскость дружбы, но дать пирожное кому-то другому, матери или сестре. Здесь распоряжение принимает характер как будто совещания с сыном, но сын прекрасно чувствует, что в этом совещании есть и распоряжение,

потому что отец не спрашивал его раньше: мы съедим или кому-то отдадим, а прямо сказал, кому нужно отдать.

Такой тон распоряжения должен быть на каждом шагу. Если ребенок плохо обращается с игрушкой, вы можете сказать: «Ты плохо обращаешься, так нельзя, дочка».

А иногда лучше так сказать: «Давай подумаем. Вот ты так обращаешься, а что от этого произойдет?»

Но это нужно сказать не сюсюкающим тоном, а солидным отцовским тоном.

Коснусь еще одного момента в вопросе родительского авторитета – тона. Здесь чрезвычайно важно создать тон, чтобы ребенок привык к этому тону в семье, чтобы это было и солидно, и спокойно, и не раздражительно, и не оскорбительно, чтобы ребенок сам не привыкал к плохому тону, тону крикливому, оскорбительному, обидному. Поэтому надо, чтобы отец и мать никогда не позволяли себе отступить от правильного тона, не только по отношению к ребенку, но и по отношению друг к другу. Если бы я услышал, что в присутствии сына отец ругает мать, то с таким родителем я бы мог не разговаривать, а прямо сказать, что из твоего сына толку не будет. Семейные недоразумения с женой нужно разрешать где-то подальше и потише, без крика и без «Ивана Грозного». В особенности вредна раздражительность, которая сплошь и рядом бывает у матерей. Просто много дела [дел. – Г.Х.], некогда, там не хватает чего-нибудь, и все это разрешается в раздражительном тоне: «Не мешайся, уходи» и т.д. Такой раздражительный тон гораздо труднее, чем спокойный. Заставьте себя одну минуту подумать, не будьте раздражительны и скажите: «Знаешь что, сынок, мне сейчас некогда, пойдти и поиграй».

Если вы ни разу не позволите себе по отношению к вашему ребенку раздражительного тона, тона вульгарного, то вы тем самым сохраните и свои нервы, и нервы ребенка. Ничто так не портит характера, как раздражительность в семье. Это постоянное громыхание, озлобленное шипенье, это большой грех, который нужно избегать всеми силами.

Наконец, последний вопрос, которого я коснусь как самого распространенного, это детские капризы. Вы слышали о проф. Павлове. Проф. Павлов – великий ученый нашей страны – первый обратил внимание на интересные явления в жизни, на так называемые рефлексy, или условные рефлексy. Он это испытывал главным образом на собаках. Что называется рефлексом? Он дает собаке мясо. Собака при виде мяса испытывает аппетит, и у нее начинается слюнотечение. Это рефлекс на мясо. Но можно мясо и не дать, а слюна будет все равно течь. Этот условный рефлекс возбуждается у собаки искусственно. Скажем, собаке давали мясо и в это время звонили [в] колокольчик, у нее течет слюна. Второй раз опять дали мяса и опять позвонили в колокольчик. У нее при виде мяса естественно начинается слюнотечение. Постепенно, отодвигая мясо все дальше и дальше, вы приходите к такому положению, когда звоните только в колокольчик, а у собаки все равно течет слюна. Она привыкла к тому, что раз звонит колокольчик, то будет и мясо.

Простите за такое грубое сравнение, но капризы наших детей – это вот что: ребенок увидел мать, а значит, нужно капризничать. Мать – это услов-

ный рефлекс. Ребенок голоден, хочет есть, но вошла мать, и он уже не хочет. Это делается совершенно механически. Некоторые матери так приучили своих детей капризничать, что один вид матери механически вызывает каприз. Попробуйте тут разобраться – почему ребенок капризничает. Он вас видит и поэтому капризничает.

В этом году одна моя знакомая, ваша москвичка, – обратилась ко мне и говорит: «Ничего не могу поделать с дочкой, капризничает, не ест, не пьет, все делает наоборот».

Я подумал – в самом деле, может, что случилось с ребенком. И говорю: «Пришли ее ко мне, пусть погостит месяц».

Приехала – и ест, и пьет, и что хотите делает. Я ей говорю: «Съешь все, у нас не принято на тарелке оставлять». Съела один раз, съела другой раз. Пишу матери, что все благополучно и никаких капризов нет. Приехала она домой, села за стол, увидела мать и говорит: «Не буду есть».

Нужно добиться того, чтобы не было таких рефлексов. С малых лет не приучайте детей капризничать. Ребенок чего-то не хочет – и не надо. Откуда происходит каприз? Ребенок привыкает, что мать его просит, уговаривает. Нужно так поставить дело, что не хочешь – и не надо. Ваш ребенок за 1-2 дня не умрет. Пусть не позавтракает, если не хочет. Увидите, как это хорошо подействует. Ребенок привыкнет видеть [в] вас не раздражителя, не возбудителя капризов, а мать, т.е. авторитетное лицо, которое разумно поступает.

Между тем, из капризов развиваются очень нехорошие черты характера. Сначала каприз за столом, потом каприз в учебе, потом в жизни. Развивается такой характер, когда человек начинает требовать. Левая нога так хочет, а правая так. Это хочу, а этого не хочу. Развивается принцип – я хочу, дайте мне. Развивается страшный эгоизм, от которого дети страдают больше всего.

Вот то общее, что я хотел вам сказать, а теперь я хотел бы, чтобы вы сказали мне, какие у вас недоразумения и вопросы.

Один из вопросов я отложил, потому что вы будете много говорить – это вопрос о том, что делать, если мальчик или девочка не хочет учиться, не хочет работать, ничем не интересуется.

Я думаю, что ваши вопросы будут в виде высказываний.

КОРШУНОВ. Тов. Макаренко в некоторых случаях прямо вскрывает те недостатки у ребят и родителей, которые имеются в нашей семье. Он вскрыл тут недостаток моей родной сестры. Ребенок у нее такой капризный, что просто невозможно. Для того, чтобы ребенка накормить, надо несколько стихов прочесть, несколько сказок рассказать, и тогда она покушает. В прошлом году отдали этого ребенка в детский сад. Правда, сначала она не хотела идти, а потом пошла. Там она великолепно кушает. Мать – это действительно какой-то рефлекс. Дома не кушает, а в детском саду кушает.

Я боюсь, что тов. Макаренко много времени займет на то, чтобы вскрыть наши недочеты, и мало скажет об исправлении этих недочетов. Моя просьба к тов. Макаренко, как можно больше и шире остановиться на недостатках воспитания и сказать, как ликвидировать эти недостатки.

КИРКЕВИЧ. Тов. Макаренко привел очень много жизненных примеров, но я хочу остановиться на одной стороне, которую тов. Макаренко здесь не затронул. Ведь до последнего времени у нас очень свободно разрушалась семья, и только в последнее время семья начала принимать более устойчивый характер. Последствием такого легкого разрушения семьи являлось то, что дети часто лишались одной стороны – матери или отца, и приобретали чужую мать или чужого отца. Это очень важный и очень серьезный вопрос. Бывают такие случаи, когда сходятся очень разные люди, причем у одного ребенок и у другого ребенок, и получается антагонизм, получается целый ряд новых явлений, которые усложняют воспитание ребенка. Здесь должен быть авторитет родного отца или родной матери, но должен быть авторитет отчима или авторитет мачехи, а создать авторитет отчима или мачехи гораздо сложнее. Какой бы ни был отец, он все-таки отец своему ребенку, но не отец чужому ребенку. Помимо того, что здесь уже и ребенок чувствует известный неправильный к нему подход, во взаимоотношениях между самими родителями создается настороженность. «Она лучше относится к своему ребенку, чем к своему [моему. – Г.Х.]». И наоборот.

Я бы хотел, чтобы тов. Макаренко осветил здесь этот важный и серьезный вопрос, несколько конкретизировал те моменты, которым следовало бы больше уделить внимания.

КРЕМЕР. Тов. Макаренко отметил здесь очень важные моменты, но одного момента он не отметил, я бы хотела, чтобы он этот момент отметил.

Бывает очень много случаев, когда мать не всегда может реагировать на поведение ребенка. Ребенок находится в школе, а после школы он находится совсем без воспитания. Мать на работе, а ребенок предоставлен улице. В этом случае никакого воспитательного влияния на ребенка не может быть. Мать говорит одно, а приходит домой и видит другое. Нужно найти выход из этого положения. Когда мать работает в смене, мужа нет, а дети предоставлены улице – в этом случае никакая мать не может влиять на ребенка.

У меня двое детей. Один воспитывался в детском саду и был прекрасным ребенком, а когда начал в школу ходить, то совсем изменил свой характер, мать не изменилась, а условия изменились, тут сказывается влияние улицы, после школы ребенок беспризорный. Школа и комсомольская организация не ведут работы с детьми, а эту работу следовало вести с тем, чтобы не было контраста между школой и домом. В этом отношении нужно что-нибудь сделать.

КИСЕЛЕВ. Мне о своем сыне еще немножко рано говорить.

МАКАРЕНКО. Как раз может быть время.

[КИСЕЛЕВ.] Как раз вовремя я услышал то, что говорил тов. Макаренко. Это все хорошо, надо применять в семье, и я в своей семье постараюсь применить. Но я хотел бы другой вопрос поставить, о котором тов. Макаренко ничего не сказал.

Мы живем в наших корпусах, в нашем стандартном городке. Мы очень часто видим, что идет мальчик 8-9 лет с папироской, но кто-нибудь из нас что-нибудь скажет этому мальчику? Никто ничего не говорит. Мальчик

вскакивает на подножку трамвая, мы едем в трамвае и как будто этого не замечаем. Не наше это дело, не наш ребенок, нас это не касается.

Мальчик 5-6 лет, у которого мать, может быть, работает, слышит все на улице, и он на самом деле ругается. Кто-нибудь из нас что-нибудь скажет этому мальчику, – никто ни слова.

Я хотел бы, чтобы тов. Макаренко сказал по этому вопросу. Мне кажется, что мы должны при воспитании детей так подходить: если мы видим, что ребенок плохо делает, безразлично, наш это ребенок или не наш, мы должны ему это сказать, а если знаем родителей этого ребенка, мы должны сказать, чтобы они приняли меры, чтобы ребенок этого больше не делал.

Я бы хотел, чтобы в нашем стандартном городке, в наших корпусах родители к каждому ребенку присматривались и чтобы тогда, когда он делает неправильно, они его поправляли.

СМОЛЕНКОВА. Я уже вырастила детей, у меня дети взрослые. Дети у меня близнецы – сын и дочь, но между ними очень большая разница, несмотря на то, что воспитывала я их одинаково. Я была с ними очень ласкова, я никогда тона не повысила, но все-таки между ними большая разница. Сын очень кроткий, тихий, уважительный, а дочь настойчивая, упрямая. Чем это объяснить? Меня это очень интересует. Я тесно связана с детскими садами, на протяжении четырех лет я все время бывала в детских садах и, нужно сказать, очень интересуюсь воспитанием, именно современным воспитанием наших детей. Наши мамы очень часто недовольны воспитанием, им кажется, что не так сегодня педагог сказал, не так подошла техничка, не так одела ребенка, не так завязала шарфик. Дело в том, что мы сами портим своих детей. Ведь мы отдаем детей в очень надежные руки. Так, как у нас сейчас воспитываются дети, нужно только приветствовать. За каждым ребенком повседневная забота, к каждому ребенку присматриваешься. Педагоги заинтересованы в воспитании наших детей больше, чем родители, нужно откровенно сказать.

Здесь много сидит родителей, которые часто ропщут, что плохо воспитывают детей в детском саду. Родители должны как можно чаще посещать детские сады, а то отдали своего ребенка и успокоились. Мы должны ежедневно хотя бы 10-15 мин. уделить для того, чтобы самим убедиться, как воспитывают наших детей.

Тов. Макаренко указал на очень большие недостатки родителей. Приведу один пример.

Не так давно у нас было коллективное радиослушание по вопросу о запрещении абортов². Я пригласила одну женщину, которая воспитывает детей. Что она нам рассказывала? Она нам рассказывала, что когда [вторично] вышла замуж, у него было четверо детей, а у нее один ребенок, но ребенок у нее был невозможный. В коллективе он никогда не находился. Она работала, муж был алкоголик, ребенок видел только пьяного отца, на ребенка не обращали внимания. Тогда, когда она взяла чужих детей, этот ребенок стал постепенно перерождаться. Чем это объяснить? Может быть, тов. Макаренко ответит на этот вопрос.

Мамаши, которые имеют в садах детей, должны выступить и сказать, что им не нравится в современном воспитании детей.

Мне приходилось воспитывать детей без всякой инструкции. Никто мне не подсказал, правильно я воспитываю или нет. Я воспитывала так, как мне казалось, что это будет правильно. Воспитывала я детей одинаково, а характеры у них разные. Прошу тов. Макаренко сказать – в чем тут дело.

КАЛМЫКОВА. Предыдущий товарищ говорил о том, что дети курят. Я вчера шла по улице и увидела, что 8-летний мальчик курит папироску. Я подошла, вырвала из рта папироску и начала наставление читать. А он взял большой булыжник и закатил мне в ногу. Я пошла дальше; он подговорил другого мальчика, они меня догнали и еще два булыжника закатили в спину.

Тов. Макаренко только что говорил о том, что родители не должны объясняться при детях, не должны ругаться при детях. Это все хорошо, но каждый выходной день рабочий что видит? Литр водки и кусок черного хлеба. Все это происходит у детей на глазах, так как живут в одной комнате.

Я должна сказать о нашем коллективе «Союзнефти». Родители пьянствуют, а дети шлятся во дворе. Сколько раз я говорила: «Давайте устроим детскую комнату, чтобы дети в выходной день играли и веселились». Ребенок ничего не видит вследствие этой тесноты, он не имеет даже отдельной кровати.

КУРИЧ. Тов. Макаренко действительно правильно указал больные стороны в воспитании детей. Я буду касаться не старых опытных родителей, которым свыше полвека, а родителей молодых, которые в 18-19 лет расписываются, имеют детей и не знают, как их воспитывать. Эти родители еще сами дети, а поэтому не знают, как воспитывать детей. Пусть тов. Макаренко скажет, какие нужно дать наставления таким родителям, какие советы и вообще как быть в этом случае.

Второй момент. Родители работают. Отец приходит в 4 часа, а мать в 4 часа уходит. А бывает так, что отец молодой, но руководит ответственным участком, цехом или целым техническим отделом, выдвиженец молодой. Он утром уходит и в 12 часов ночи приходит. Он совсем не видит ребенка. Какое может быть воспитание ребенка со стороны этого отца? Это тоже одна из запятых, которые мешают воспитанию детей.

Очень сильно влияют на воспитание детей жилищные условия. Тут предыдущие товарищи говорили, как будто они живут в хороших условиях, в стандартном городке, а у нас есть такие случаи, когда мать живет с ребенком в одном месте, а отец – в другом, и ребенка не видит. Другого исхода [выхода. – Г.Х.] у них нет, как отдать ребенка в детский сад.

Тут говорили, что детский сад дает хорошее воспитание. А я скажу, что в некоторых случаях в детском саду дают плохое воспитание, у ребенка зарождается антагонизм. Нужно будет указать педагогам, или педологам (смех), на то, что они должны обращать внимание на детей.

Дети не должны слышать, когда отец и мать поспорят, поругаются. В комнате 16 [квадр.] метр., живет 8 чел., из них 3 детей. Дети всё слышат. А вы знаете, что ребенок очень впечатлительный и всякое новое слово он сра-

зу воспринимает, причем воспринимает в плохую сторону. Родители проносят очень много таких слов, которых дети не должны знать.

Есть и такие случаи, когда ребенок спит в одной постели с родителями.

Вот что мешает воспитанию наших детей.

В отношении детей 9-12-летнего возраста. Тов. Макаренко сказал, что их не воспитывают, а ремонтируют. Этот ремонт нашим родителям очень плохо удастся. Он никуда не годится, потому что ремонтируют плохо, не так как нужно. Ремонтируют побоями, криками, но не уговорами и не объяснениями, потому что рассуждают так, что у ребенка в 10-11 лет уже здравый смысл, он уже хорошо понимает, знает более или менее условия жизни, знает, что отец и мать работают, зарабатывают столько-то, что трудно жить на эти деньги. Он все это понимает, и поэтому очень трудно отремонтировать такого ребенка, если он упрямый, капризный.

Возникает такой вопрос: ребенок упрямый, ребенок капризный. Родители ремонтируют ребенка не криками и палками, а беседами, объяснениями, увещаниями. Но ребенок хилый, нездоровый, и малейшее раздражение влияет на здоровье ребенка. Как подходить к нему? Совсем не раздражать – это значит поощрять его капризы. Как быть в таких случаях, когда ребенок капризный, но больной?

Если родители молодые, то опыта в воспитании детей у них нет, а литературы по воспитанию детей у нас почти что нет. Это основной недостаток, который не дает направления нашим молодым родителям. Хорошо, что тов. Макаренко пишет книгу, где дает советы родителям. Но надо было не одну книгу написать. Сейчас уже 19-й год революции и нужно было, чтобы были тысячи, миллионы книг и брошюр относительно того, как нужно воспитывать детей.

ПЕРШИКОВА. Я должна оговориться, прежде всего. Если у меня дочь неплохая, то сыном похвастаться не могу.

Мы очень часто на улице слышим, что ребенку заявляют: «Ты хулиган». Иногда и дома он это слышит. В чем выражается хулиганство ребенка? Если ребята из рогатки стреляют в воробьев, то это хулиганство или нет? Я считаю, что это свойственно мальчикам. Другое дело, что он может попасть в стекло, но я думаю, что мальчишки, стреляя из рогаток по воробьям, не стреляют намеренно в стекла. Правда, бывают такие случаи, но в большинстве случаев ребенком руководит желание поиграть.

Тут выступала одна женщина и сказала, что когда она увидела, что ребенок курит папиросу, то она вырвала папироску изо рта. Разве можно так подходить к ребенку? И она еще удивляется, что она бросила [он бросил. – Г.Х.] в нее булыжник. Как вы думаете, если бы к вам, взрослому человеку, применили такое насилие, независимо от того – правильно или неправильно вы поступили, как бы вы реагировали? Почему ребята должны выносить насилие взрослых, почему должны молчать, когда взрослые предъявляют несправедливые требования? Разрешите вам сказать, что это медвежья услуга.

У нас плохие ребята, мы распустили их, мы стараемся выправить, но нельзя перегибать палку. Если вы читали книгу тов. Макаренко «Педагоги-

ческая поэма», то вы должны знать, что из заброшенных ребят у него выростали прекрасные ребята. Эта книга – не просто художественное произведение, это книга, которая говорит о том, что было на самом деле. Эта книга и дорога тем, что факты, приведенные в ней, взяты из жизни.

Относительно нравочений со стороны взрослых. Приведу такой пример: в наш молочный ларек приходит девочка лет 6-7. Ей нужно 100 гр. сметаны. Молодые и старые мамы стоят в очереди за молоком. Ребенок подходит и просит, чтобы ему отпустили. Вполне понятно, что ребенок не будет стоять в очереди, ему не хочется. Тогда начинаются такие разговоры: «Мать небось спит, а ты будешь без очереди брать, становись в хвост».

Сколько раз приходилось мне говорить: «Как вам не стыдно, что случится, если вы дадите ребенку 100 грамм[ов] сметаны».

Пусть даже мать спит, но ребенок-то здесь ни при чем. Если подходит мужчина без очереди, то все молчат, но стоит появиться ребенку, как поднимается крик. Я считаю, что это возмутительное отношение.

Относительно школы. Если тов. Макаренко говорит, что у родителей должен быть какой-то авторитетный тон, то я считаю, что нам надо ставить вопрос о том, чтобы авторитет учителя в школе был гораздо выше, чем сейчас, чтобы авторитет учителя был выше, чем авторитет родителей.

Я в Москве всего несколько месяцев. Говорят, что у меня сын очень плохой. Я знаю, что у него есть недостатки. Мне приходилось сталкиваться со школой. Однажды трое ребят не пришли на урок немецкого языка. Это недопустимо, но я не могу сказать ребятам, что вы хулиганы, разбойники. Что делает учительница? Надо сказать, что вешалка была в классе, она забирает их шапки и пальто и несет по коридору. Ребята слышат звонок, являются как миленькие, чтобы одеться и идти домой, и видят, что их пальто уносят. Они подходят к учительнице и говорят: «Отдайте пальто». Она спрашивает, почему они не были на уроке. Ребята мнутя. Конечно, они пробегали. Она начинает кричать и говорит, что пальто и книги не отдаст. Учительница начинает вступать с ребятами в пререкания. Ребята начинают вырывать у нее пальто. В результате всех троих исключают из школы.

(ГОЛОС. Это в Москве было дело?)

Нет, это в провинции. Я своему сыну не сказала, что он был неправ, но когда я пришла в школу, то сказала, что учительница была виновата в том, что ребенок пропустил урок. Для этого существуют разные методы воздействия, но вступать в такой конфликт с ребятами – вещь недопустимая.

Я остановилась на этом моменте просто для характеристики. Сейчас мы видим в школе совершенно другое. Я думаю, что желанием всех родителей будет, чтобы авторитет учителя в школе был поднят еще выше. Очень часто нашим педагогам не хватает именно того, чего нет у нас, матерей. Если дают ребенку задание, то забывают проследить за этим. Это очень важный момент. Если ребенок привык к тому, что с него спрашивают, но не проверяют, то ясно, он никогда не будет делать.

КУЗНЕЦОВА. Я не буду здесь говорить о том, что мы родители неважные. Мы все это должны признать. Нет плохих детей, а есть плохие родители.

Я уже свой век прожила, дети мои воспитаны, но есть внучата. Действительно мы плохо к ним подходим, плохо воспитываем их.

Давайте мы с вами поможем тов. Макаренко в дальнейшем проводить среди наших рабочих то, что он нам говорил, что мы с вами усвоили. Может быть не на таких широких собраниях, а на более мелких будем все это говорить. Если мы остановимся на двух-трех моментах и расскажем своим соседям то, что слышали здесь, то сделаем большое дело. Если будем с 50-тью ребятами говорить на улице, то этим не поможем. А если будем говорить со своими товарищами, то сдвинем дело с мертвой точки. Тогда наши соседи скажут: «Действительно, мы прожили 19 лет революции, а все-таки не научились воспитывать детей».

Давайте воспитывать детей так, как нам рекомендует наш лучший педагог, который сам воспитывает детей. Я прочитала его книгу. Какие он переносил трудности с теми детьми, которых ему в первый раз прислали. Они от него бежали, дрались и что только не творили, а все-таки он их воспитал. Некоторые, может быть, стали великими людьми. Некоторые, может быть, здесь сидят. Некоторые, может быть, большими делами ведают.

Прошу вас взять хотя бы два вопроса и рассказать своим товарищам, как нужно воспитывать детей.

ДОГАЕВА. Меня очень многие знают, потому что я работаю не первый год в школе при заводе. По профессии я педагог. На нашу долю, как уже тов. Макаренко сказал, достается ремонт детей и дальнейшее их воспитание. Мы, педагоги, в своей работе переживаем большие трудности, ибо приобретение ребятами знаний – это не все. Эти знания зависят от качества воспитания ребенка. Если у ребенка благополучно обстоит дело с воспитанием, то благополучно обстоит дело и с учебой. В своей практической работе приходится наблюдать неуспеваемость тех детей, у которых в семье неблагополучно – или в семье постоянные раздоры, или в семье некультурное поведение родителей в смысле пьянки, ругани, ненужного общества и т.д. Тут школа очень часто затрудняется, что можно порекомендовать этим детям. Вы знаете, что дети находятся в школе несколько часов, остальную часть времени они проводят в своей семье, и тут семья очень плохо нам помогает. То, что школа за несколько часов дает детям, в семье это разрушается. Мы очень часто просим родителей: «Помогите нам, приходите чаще в школу, интересуйтесь жизнью вашего ребенка, интересуйтесь жизнью школы».

Мы, педагоги, никогда не скрываем своих недостатков. У нас в работе много недостатков. Вы знаете, что наши педагогические ряды каждый год пополняются новыми педагогами, которых мы должны вместе с родителями учить, которым мы должны помогать воспитывать наших ребят. Как родители поддерживают авторитет этих молодых педагогов? Ведь нет среди нас ни одного опытного работника, который бы пришел и сразу заработал бы как по маслу. Все мы добились хорошего качества работы в процессе длительного пути. Те недостатки, которые встречались на пути и заставляли нас становиться хорошими работниками...³

Часто говоришь родителям: «Если вы, присутствуя на уроке, заметите у Н.И., скажем, какой-нибудь недостаток, будьте добры поговорить об этом в

своей семье среди взрослых». Однако мамаша начинает в присутствии Н.И., в присутствии всех ребят говорить: «Ты сама ничего не понимаешь, а берешься детей учить».

Кроме того, мы просим родителей помогать нам воспитывать в детях культурное поведение в школе. Культурное поведение в школе переносится и к вам в семью. Помогите развить в детях стремление к чистоте. Это касается обращения с тетрадами, с учебниками. Это будет чистота его [их. – Г.Х.] ума, его [их. – Г.Х.] дальнейшей работы.

Приходит мамаша в школу. Ей нужно видеть, предположим, заведующего учебной частью. Она не желает снять пальто, что есть мочи жарит на второй, третий этаж. Встречается нянечка. Нянечки тоже еще недостаточно культурны, но они осознали свое значение в школе, они знают, что вместе с нами воспитывают наших ребят. Нянечка говорит: «Мамаша, будьте добры, разденьтесь».

«Подумаешь какая, еще разденьтесь, мне нужно, и все».

Она идет и случайно мне встречается. Я говорю: «Мамаша, будьте добры снять пальто».

«Ты что, псих? Тут все психи собрались».

Я не обижаюсь на таких родителей и приучила педагогов не обижаться. Естественно, что люди еще недостаточно культурны. Мы – культурный авангард, и на своих плечах приходится много выносить. Мы гордимся тем, что воспитываем достойную смену.

Обидно, что со стороны культурных родителей бросается такой упрек, что школа недостаточно воспитывает ребят. Я могу по пальцам перечесть – кто помогает школе. Это тов. Слоба и Яни. Даже когда их дети не были в школе, они очень много помогали, а остальные мимо проходят. Когда дети лезут через забор, то никому дела нет.

Вы знаете, что окружение и среда стандартного городка еще недостаточно культурны. Но я не согласна с товарищем, что скученность мешает воспитанию детей, что в комнате 16 [квадр.] метров живут 8 чел., а потому можно ругаться. В комнате могут жить 25 чел., но каждый должен сознавать, что он гражданин Советского Союза. Каждый несет ответственность не только за труд, но и за воспитание, и не только за воспитание своего ребенка, а за воспитание всех детей. Поэтому каждый должен держать себя так, как он это осознал и как он это понимает.

Конечно, бытовые условия до некоторой степени имеют значение, но основное – это поведение старших в семье. Когда с этим будет благополучно, тогда никакая скученность не сыграет отрицательной роли.

Мне хочется сказать, почему большинство ребят, приходя в школу, плохо занимаются. Тов. Макаренко умышленно оставил этот вопрос для своего заключительного слова, потому что знает, что у большинства родителей, присутствующих тут, дети школьного возраста.

Основной задачей работы школы в этом году является борьба с педологическими извращениями в системе Наркомпроса, восстановление советской педагогики и ее центральной фигуры – учителя. В этом году школа совершенно перестроилась. Так называемых трудных детей мы в этом году изучаем и уже в течение первой четверти видим положительные результа-

ты. Было огромной ошибкой, извращением то, что дети почти огулом считались педологами трудными детьми. Из практической работы в школе мы видим, что часть детей, которые были так называемыми трудными детьми, дают неплохое поведение и успеваемость. В чем тут дело? Большинство таких детей было из трудных семей. Что мы сделали? Мы уделили особое внимание этим детям. Проявили к ним особую ласку, потому что когда мы изучили семью, то увидели, что в семье, кроме ругани и побоев, дети ничего не слышат и не видят. Мы, педагоги, постарались окружить детей особой лаской и видим, что это дает большие результаты в смысле воспитания и успеваемости.

Но мне хочется вот что услышать от тов. Макаренко. Почему для этих ребят является самым большим наказанием, если говоришь:

– Ваня, ты провинился.

– Да, я не хорошо сделал.

– Пойди в класс и попроси извинения перед [у. – Г.Х.] учительницы и у класса.

– Нипочем не пойду.

– Ты понимаешь, что ты виноват?

– Да, понимаю, но я после, перед одной учительницей извинюсь.

В этом отношении бывают большие затруднения. Как уговорить ребят? Одних удастся уговорить, а других так и не удастся.

В вопросе успеваемости нам тоже плохо помогают родители. За детьми должен быть контроль. Тут родители ссылались на то, что они заняты, что приходят в 12 часов ночи домой и т.д. Во всяком случае родитель видит, когда ребенок идет в школу. Я не хочу верить, что родители не в состоянии проконтролировать своего ребенка. Это неверно. Предположим, я пришла в два часа. Имею я возможность полезть в сумку своего ребенка? Имею возможность. Имею возможность полезть в карман пальто своего ребенка? Имею возможность. Имею возможность посмотреть – как мой ребенок и как я вместе с ним как мать выполняю требования школы? Между прочим, у нас такой порядок в отношении раздевалки, что каждый ребенок должен нашить на пальто номер, свою фамилию и класс, чтобы сохранить это пальто, чтобы таким образом был порядок при раздевании и одевании. Два месяца мы прозанимались, и только 70% выполнили это требование, остальные этого не сделали.

Спрашивается, почему? Да маме некогда. Или возьмем тетради. Пусть будет самая неграмотная мать, но и она может увидеть недостатки. При желании это можно сделать.

Если мы возьмемся за это единым фронтом и будем осуществлять постоянный контроль, то мы воспитаем достойную смену, которая будет строить дальше наше коммунистическое общество.

У меня такая просьба к тов. Макаренко. В наши ряды вливается много новых педагогов. Они незнакомы с педагогической работой, опыта у них мало и нет педагогической литературы. Мы с большим увлечением читаем и перечитываем вашу «Педагогическую поэму», но желательно, чтобы было как можно больше педагогической художественной литературы.

ТОНКОНОВ. Самое главное это то, что в нашей стране нет классов, классов враждебных. Вот почему сегодня мы не говорим о буржуазных влияниях, о буржуазной идеологии. У нас в Советском Союзе нет таких семей, а если и есть, то единицы, где процветает буржуазная идеология, что мешает воспитывать ребенка в ином духе. Те, кто собрались здесь – трудящиеся нашей страны, нашего завода. У них наша советская пролетарская идеология. Мы собрались здесь для того, чтобы решить вопрос о том, как лучше воспитать детей.

У нас есть отдельные факты, которые говорят (это доказано нашей партией и тов. Сталиным) о том, что у нас нет плохих детей. Тов. Хрущев – руководитель московских большевиков – повседневно занимается вопросом воспитания детей. В решениях МК партии на основе указания тов. Сталина сказано, что у нас нет плохих детей, а есть плохие воспитатели⁴ – мы с вами, и, к сожалению, есть еще плохие родители.

Я лично не согласен с директором 28-ой школы, когда она говорила о том, что нам уже дают детей для ремонта. Это абсолютно неправильно. Я себе не представляю, как это может быть, чтобы ребенок 8 лет, который идет в 28-ю школу, был настолько испорчен, чтобы его нужно было ремонтировать. Это большая ошибка. Иногда мы не хотим быть педологами, но в своих выступлениях повторяем их теорию. Ребенок в 8 лет не может быть испорченным ребенком. Он с 8-ми лет начинает только мыслить, т.е. это как раз такой ребенок, у которого мозги как тесто. Эти ребята идут в школу для того, чтобы эти мозги направить по правильному руслу. Наши дети идут в школу не для того, чтобы их там ремонтировали, а для того, чтобы их воспитывали там. Педагоги и родители призваны воспитывать этих детей.

Какие есть источники воспитания? Их три. Прежде всего семья, затем школа и, наконец, окружающая среда, улица.

Тут выступали некоторые товарищи и говорили, что школа еще так-сяк воспитывает. Они говорили, что мы прекрасные родители, у нас прекрасные дети, а как попал ребенок на улицу – разбойником стал. Если бы школа хорошо работала, если бы родители болели за воспитание своих детей, улица не могла бы извратить детей. Не было бы этого, если бы два эти источника были на должной высоте, а я постараюсь доказать, что они не на должной высоте.

Не случайно ЦК партии вынес решение о борьбе с враждебной теорией – педологией. Прекрасные дети буквально делались идиотами, собственно говоря, педологи их делали идиотами. Это были люди, которые носили звание воспитателей, которые получали зарплату за то, что делали из нормальных детей ненормальных.

В группе, состоящей из 30 чел., педолог задает такой вопрос, на который ребенок не может ответить, потому что вопрос неправильный. Тогда он говорит: «Ты невоспитуемый». Потом вызывает второго и третьего и оказывается: «Ты трудновоспитуемый, ты хулиган, ты разбойник, а ты вообще невыносимый ребенок».

Ребенок, получив такое название: «хулиган», «трудновоспитуемый» «неисправимый», «невозможный» и т.д., уходит под этим впечатлением и ду-

мает: «Что же мне делать в этой школе? Лучше уйду да буду на трамвае кататься или пойду рыбу ловить, или стекла бить, или водку пить».

Он уходит из школы и занимается этой «профессией». Т.е. нормальный ребенок становится в ненормальные условия.

Мы беседовали с отдельными ребятами: «Что я буду делать, – говорит он, – в этой школе, если меня хулиганом обозвали?»

Эти педологи хотели нормальных детей отбросить от коммунистического воспитания, толкнуть на улицу, на преступление. Они сотни детей выбросили за пределы школы.

Хочу привести практический пример. Работая на заводе им. Войтовича⁵ – секретарем комитета, я пришел в комитет и говорю: «Что нам делать? Невозможные, невыносимые ребяташки, не успевают». С некоторых мы даже галстуки сняли. Мы побеседовали с Володей Васильковым, который руководил пионерским джазом на торжестве завода. Мы сказали ему: «Ты хороший музыкант, организуй этих ребят».

Теперь этот джаз выступает как лучший в Москве, но он построил работу так: «Приму в джаз тех, кто будет хорошо успевать». Он заинтересовал ребят музыкой и добился того, что они отлично учатся.

В этом году вожатый нам прислал трех ребяташек из лагеря, как трудно-воспитуемых, и назвал их бандитами. А этим бандитам по 8-9 лет. Как мать одного из них расправилась с ним. Мы с ними побеседовали, вожатому предложили взять обратно, но так как в комитете негде было оставить на ночь, отослали к родителям. На второй день пришел один из этих троих ребят. У него глаз не видно, кругом синяки. Мать зверски отнеслась к нему, она его избилла. Вожатый взял ребят обратно и написал через месяц, что эти ребята стали самыми образцовыми. Оказалось, что трудно исправимыми были вожатые. Мы их исправили, и ребята исправились.

В отношении работы вожатых. Мы имеем такие факты: одну вожатую мы послали в школу. Первый сбор она посвятила разучиванию одной пьесы. У ребят не совсем хорошо получилось. Вот что она сказала: «Что вы за черти? Как я вас, чертей, буду воспитывать?»

Они пришли и сказали: «Заберите от нас этого горе-воспитателя».

Человеческий организм – это сложнейшая машина. Могу привести такой грубый пример. К каждой машине нужно найти подход. Если она остановится, то нужно, может быть, масла подлить, а может быть, рычаг вывести или ввести. Если вместо того, чтобы подлить масла, мы будем бить по машине, то она сломается. Так нужно относиться к каждому отдельному человеку. Если мы не будем подходить к каждому в отдельности на основе уважения, а будем бить ребенка, то мы никогда его не воспитаем.

У нас есть все условия для воспитания детей, и тов. Макаренко поможет нам найти общий язык в этом вопросе.

Думаю, что тогда, когда встречаем XIX годовщину полным построением социализма в нашей стране, можем сказать, что у нас есть все условия, чтобы воспитать детей так, как говорит тов. Сталин и наша партия. В этом нам помогает наша советская школа, в этом помогает решение правительства, которое направлено на укрепление нашей семьи, в этом нам помогают партия и правительство и тов. Сталин. (Аплод.)

ПИЧУГИНА⁶. Воспитание детей – это очень важная проблема в построении бесклассового общества. Я сама мать, и не такая молодая. Иногда нам, родителям, кажется не таким уж очень сложным делом растить ребят, как-нибудь вырастут.

Мне хотелось бы остановиться на некоторых выступлениях. Товарищи говорят, что общежитие калечит детей. Это есть на сегодняшний день, но, в конце концов, кто тут виноват кроме нас самих, живущих в этом общежитии. Дети – это зеркало, где отражаются все наши привычки, все наши недостатки, все стороны [ис]калеченного характера отца и матери. Дети передают все это улице. Отсюда получается это название улицы, которая приучает ребят к плохим привычкам.

Мне хотелось бы отметить такой момент, как условия жилья. На старой квартире, на Шаболовке⁷, я жила в плохих условиях. С нами жили соседи, и у них была отдельная комната, хотя маленькая, но отдельная. Семья была из 5 чел. Спрашивается, в этой семье можно было воспитать детей нормально, так, как от нас требуют партия и правительство?

Что происходит каждый день на глазах у детей? Мать с отцом ругаются, один ребенок стоит за мать, другой за отца, третий держит нейтралитет. Дело доходит до драки. Дети смотрят на все это. Уж это одно является безобразным, возмутительным явлением в этой семье. Но помимо этого сама мать говорит отцу, если он обращается к сыну: «Колька, не говори с ним, черт с ним».

Это грубость, но это факт. Спрашивается, дети виноваты или нет? Дети вышли [ис]калеченными, дети потеряли авторитет к отцу и к матери. Мальчику 11 лет, а в школе он каждый год остается [на второй год], не занимается, приносит всякие гадости с рынка. Спрашивается, кто тут виноват? Мы виноваты.

Я очень часто беседовала с этой матерью:

– Подумай, Катя, кто виноват?

– Это такие ребята.

Нет, это не такие ребята.

Не имейте привычки при детях заводить ссору. Мы живем с мужем 16 лет, и ни один из моих ребят не знает, ругаемся мы с мужем или нет. А разве таких моментов не бывает? У нас нет такой привычки, чтобы я сказал[а] ребенку, что отец неправ или наоборот. Поэтому у нас и мать и отец имеют авторитет у ребят.

Однажды мне пришлось присутствовать на президиуме Райсовета, где мы слушали директоров по вопросу о работе с детьми. Там присутствовал начальник нашего районного отделения милиции. Был выдвинут очень важный вопрос в отношении некоторых детей, которых многие директора называли хулиганами. Я, как мать, как представитель общественности, прошу вас всех, забудьте это слово «хулиган». Мы не имеем права называть ребенка хулиганом. Какой же это хулиган – 11-летний ребенок? Разве мы не были малышами (многие из нас из крестьян), разве мы не лазили по садам и огородам? Что же, мы были хулиганами? Это просто неумение использовать энергию ребенка. А сейчас только и делают, что носятся с этим словом «хулиган». Что это за хулиган?

На этом вопросе очень много останавливался президиум Райсовета, где выявился резкий контраст между милицией и школой.

Начальник милиции говорит: «Арестовывать детей не буду, это не хулиганы, будьте добры работать с ними».

А школа настаивает: «Во что бы то ни стало изолируйте, заберите их от нас, оградите нас от этих ребят». Здесь правильно тов. Тонконог указал, что многие заражены педологами и сейчас еще не могут усвоить, что нет плохих ребят, а мы плохие, воспитатели плохие.

Очень характерно выступление одного директора, который показал живой пример на живых детях. Он взял под свое собственное наблюдение двух мальчиков, причем самых балов[ан]ных. Он посетил их семьи. Оказалось, что родители не могут предоставлять детям никаких развлечений. Ребята вынуждены были делать налеты на вагоны с яблоками, потому что родители не покупали ребятам яблок. Он сходил с ними в театр, и сейчас эти ребята отличники.

Таких примеров очень много и было бы еще больше, если бы подошли к живому ребенку, если бы посмотрели, чем он интересуется.

Ряд болячек в воспитании ребят происходит от слишком насыщенного воспитания ребят. Такой факт имел место в наших корпусах, когда ребенок имел все условия, родители выполняли все его требования, и он все-таки убежал от родителей. Ему 14 лет, а он уже съездил в Ленинград. Это случилось потому, что его ни в чем не ограничивали.

Сегодняшняя беседа пойдет нам на пользу. Здесь присутствуют родители и педагоги школы.

Надо сказать, что отдел Народного образования не вплотную подошел к работе по воспитанию детей, но и мы с вами не должны отгораживаться. Этой улицы не будет, если каждый будет помнить свой священный долг дать стране хорошее будущее поколение.

Советую вам читать почаще такую литературу, как «Педагогическая поэма». Там тов. Макаренко в порядке самокритики показал, как не надо было иногда подходить к детям, как не нужно было обращаться с этими детьми. Условия его работы очень жестокие. Если нас раздражают наши собственные дети, то ведь там детей ремонтируют в полном смысле слова.

Общими условиями [усилями. – Г.Х.] с нашими лучшими людьми, которые не только ремонтируют детей, но которые показывают, как нужно воспитывать, мы сумеем воспитать наше будущее прекрасное поколение.

МАКАРЕНКО. На все вопросы я и до утра не смогу ответить.

(ВОПРОС. Они, наверно, одинаковые?)

Нет, представьте себе, не одинаковые. Я не могу этого сделать, и вы не можете так долго слушать. Поскольку пришлось породниться с вашим замечательным заводом, давайте и дальше продолжать нашу дружбу. (Аплод.)

В кратких словах много не скажешь, а если родители действительно интересуются воспитанием своих детей, очень прошу вас писать мне письма, я буду отвечать очень подробно, причем ответ будет напечатан на машинке,

так что легко будет читать, но отвечать буду только в том случае, если вы напишите, что работаете на Шарикоподшипнике.

Какие важнейшие вопросы тут затронуты? Во-первых, насчет ремонта. У меня была колония, и теперь есть колония для правонарушителей. Ко мне поступают дети от 12 лет, причем большей частью семейные. Поступают дети не только из судов, но сплошь и рядом и даже большей частью просто от родителей. Родители пишут своим партийной, профессиональной и заводской организациям и при помощи этих организаций доказывают нам, что ребенок действительно испорчен и требует ремонта.

У меня 800 детей, воспитателей у меня нет, родителей у меня нет. Что же вы думаете, что я такой гениальный человек, что могу перевоспитать 800 детей? Конечно нет! Из этих 800 – 750 я по целым месяцам не вижу. Они себе ходят на работу, в школу, играют, занимаются. Что это значит? Это значит, что они вовсе не испорчены, но если их отправить к родителям, то они опять будут испорчены. Что это значит? Это значит, что в родительском коллективе вся машина испорчена, а когда вся машина испорчена, то и колеса не вертятся. Я могу назвать очень многих детей, которые буквально с первого же дня появления в колонии встали на правильные рельсы. Я и коллектив с ними не возились, а они встали на правильные рельсы и пошли. Смотришь, через год, через два их можно будет выпустить. Это нормальные люди.

Испорченных детей, которых нужно капитально ремонтировать, очень немного. Эта работа не такая трудная. В своей книге я доказал, что для меня эта работа была трудной до тех пор, пока я сам поступал неправильно, ошибался или не знал, как поступить. Так и у вас в семье. Все то, что вы здесь написали, все то, что вы здесь говорили, доказывает только отдельные ошибки, отдельные неправильности, и даже те случаи, которые приводились в ваших высказываниях как правильные, на самом деле были [не]правильные. Нельзя, например, вырывать папиросу изо рта ребенка, это оскорбительное насилие, которое ребенка раздражает и обижает, и никакого толка от этого не будет.

Вспомните, в старой дореволюционной школе курение было величайшим преступлением. Чуть попался с папироской – за поведение, второй раз попался – вон из школы, и тем не менее все курили с 14-ти лет. Курили именно потому, что у нас в школе вырывали эти папиросы изо рта.

Как поступают в моей колонии и в других колониях с вопросом курения? Возьмем, например, коммуны им. Дзержинского. Тот, кто хочет курить, подает заявление. «А ну-ка, – говорим мы ему, – дай записку от доктора, а может быть, тебе вредно курить».

Человек идет к доктору, а доктор говорит:

- Тебе нельзя курить.
- Как же так, ведь я курю с 14-ти лет.
- Значит, ты больной человек.

Одного он уговорит, другого уговорит. Дело в том, что никто ведь не запрещает. Кое-кому старшим можно разрешить курить, таким, кто все равно будет курить. Мы торжественно даем разрешение на это курение, но зато на этом основании мы говорим старшему:

– Тебе разрешили, так ты смотри, чтобы малыши не курили в твоём присутствии.

В результате старший младшему говорит:

– Что же ты куришь! Я сколько добивался, мне доктор разрешил, а ты стоишь и дымишь.

Таким образом коллектив следит за малышами.

Вынуть папиросу изо рта – это не борьба. Нужно организовать нашу жизнь так, чтобы этому мальчику, который курит, и вы, и другой, и третий, и четвертый сказали, да не как-нибудь, а вот как:

– Голубчик, ты больной ведь будешь от курения, походи к доктору, посоветуйся.

Тогда он подумает:

– Что же это такое, что все мне говорят.

И так все меньше будет курящих, а стоит уменьшить число курящих на 25%, как оно немедленно будет падать. С этим нужно бороться организованно, всем коллективом.

Вопрос относительно директора вашей школы. Я прошу простить меня, тов. директор, я не хочу поучать вас, но лично мое мнение такое, что заставлять ребенка просить извинения у общего собрания не нужно. Не нужно добиваться этого у ребенка. У ребенка это слишком большая нагрузка на самолюбие. Я могу обидеть вас, но я человек сознательный, и я скажу: «Простите меня», – а мальчику кажется, что вся его честь рушится, что его будут презирать и скажут: «Ты просил извинения, ты унижался». А толку от этого извинения не так много. Раз мальчик признался, что он виноват, поставьте точку. И дома, если мальчик сказал: «Я виноват», и вы видите, что он искренне говорит, поставьте точку, не только не наказывайте, а вины его никогда не вспоминайте. Как бы наш ребенок не был виноват, как бы вы на него не сердились, может быть наказали как-нибудь, скажем, не пустили в кино или еще куда-нибудь, после того как поговорили, разрешили вопрос – не нужно никогда больше этого вспоминать, потому что, вспоминая вину мальчика, вы вызовете в нем воспоминание о его проступке, а когда это воспоминание в человеке живет, оно вызывает желание еще раз совершить такой проступок.

Я в своей практике строго придерживаюсь этого. Если у меня мальчик, скажем, украл, большое преступление совершил, я вызываю его на общее собрание, крою его, кроют товарищи, наказывают, но на другой день я и все товарищи протягиваем руку, говорим о делах, и никто ни одним словом не вспомнит о его преступлении, а кто вспомнит, тот получит в два раза большее наказание.

И вы в своей семье никогда не говорите: «Помнишь, ты тогда-то сделал то-то». Это не воспитание, а только раздражение.

Мы должны жить счастливой радостной жизнью, а чтобы уметь жить этой жизнью, надо, чтобы человек плохого не помнил. Если будете вспоминать, кто что вчера нагрешил, то жизнь будет нерадостной. Такая забывчивость, такая деликатность необходимы и в семье.

Важные вопросы, на которые родители сплошь и рядом жалуются, это такие вопросы, о которых и здесь говорили: комната тесная в общежитии, дома не бываю, поздно прихожу, я на работе, жена на работе, соседи ругаются, пьянствуют, матерная ругань и т.д. Так называемые бытовые условия, условия тяжелые. Ребенок их тоже тяжело переносит. Но тут встает другой вопрос: насколько губительно влияние этих условий на ребенка в смысле воспитательном?

Возьмем мою колонию, а у меня 800 человек, и посмотрим, из каких условий они пришли. В большинстве случаев условия у них хорошие. Бывают очень хорошие дети при очень плохих условиях и очень плохие дети при замечательных условиях.

Я знаю по своей семье, по семье многих людей, что как бы семья ни нуждалась, как бы тяжело в материальном отношении ни строилась жизнь семьи, при желании именно эту материальную нужду, эти тяжелые условия можно повернуть так, что они будут полезны в воспитании ребенка. Если ваш сын видит в вас друга, видит в вас старшего, если у вас есть авторитет, если ваш сын вас уважает, знает ваш труд, и если вы скажете ему: «Голубчик, мы ждем того-то и того-то (скажем, вы должны получить новую квартиру), мы должны вместе добиваться лучшей жизни, стремиться к этому», – то пусть ваш сын приучается терпеть вместе с вами и сознательно отказывать себе в необходимом.

Я знаю много семей, которые жили раньше в плохих условиях, а потом стали жить в хороших условиях, и старшие их дети вышли лучше младших. Сплошь и рядом так бывает. Я знаю много семей революционеров, где отцы провели несколько лет на гражданской войне, матери голодали в это время, а вся семья пережила петлюровщину, деникинщину, гетманщину, и старшие дети – прекрасные люди, а младшие, которые воспитываются в хороших условиях, сплошь и рядом нуждаются в перевоспитании.

Спрашивается: почему? Именно потому, что в тот момент, когда отец сражался, а мать бедствовала, дети знали, за что отец сражается, знали, что впереди их ждет победа. Дети знали, что родители отдают себя работе и борьбе, а родители умели на этом воспитать своих детей.

Не думайте, что можно воспитать детей только на домашнем быту, на домашних ссорах, разговорах и домашней нужде. Воспитать детей можно только на борьбе за лучшую жизнь, за прекрасный завтрашний день.

Если вы вашего сына будете воспитывать так, что он будет идти рядом с вами, то никакая нужда, никакое общежитие, в том числе и матерная брань, его не испортят. По совести говоря, разве каждый из нас не ругался в 14 лет? Да мальчики все такие. Но это вовсе не значит, что их нужно учить ругаться, нужно потворствовать их ругани. Так уж мир устроен. Дети в 13, 14 лет узнают, как родится ребенок. Вы им не говорили, в школе не говорили, а они знают, но развратниками они не растут. Среди нашей советской молодежи миллионы молодых, прекрасных, нравственно чистых, настоящих советских людей, а вы думаете, что от них всё скрывали, что они в 18 лет все узнали? Они тоже в 12 лет узнали матерную ругань и все тайны половой жизни, и большинство из них, как это доказано, даже онанизмом занималось. Это та беда, которая остается бедой, но которая при правиль-

ном воспитании, т.е. при хорошей, трудолюбивой, сознательной и культурной семье, как-то нивелируется, очищается, как корка сваливается.

Что вы сделали для того, чтобы в общежитии не пьянствовали, не пели похабных песен, не ругались? Не знаю, что вы сделали, но сделать можно многое. Можно, скажем, повесить специальный плакат: «Не ругайтесь при детях». Один, может, послушается, другой не послушается, но ругань уменьшится, а это уже достижение. Разве трудно вашим организаторам, вашим руководителям профессиональных и комсомольских организаций прийти в то же общежитие и не то что лекцию прочитать, а сказать: «Не ругайтесь, не пьянствуйте при детях». Но еще лучше будет, если вы сами в своем общежитии начнете вести эту борьбу. Пусть кто-нибудь скажет: «Да не ругайся, видишь – ребенок». Если поссоритесь при детях на эту тему, то это еще не большая беда, но добиваться того, что я сказал, нужно всем.

Теперь такой вопрос: ребенок не видит отца, отец редко бывает дома. В старых дворянских семьях, в аристократических семьях этот вопрос тоже разрешали, и вы знаете – как? Нанимали гувернантку, которая так поступала: ребенок обедать, гувернантка обедать, ребенок гулять, гувернантка гулять, ребенок заниматься, гувернантка заниматься. Вы думаете, что был большой толк и что нужно все время за ребенком ходить и все время смотреть за ним? В этом нет необходимости. Если вы будете воспитывать ребенка так, если он будет надеяться больше на вас, чем на себя, если будете ходить и гудеть на каждом шагу: «Ты не так делаешь, сделай так, зачем так сделал, как не стыдно», вы не воспитаете ребенка. Говорите с ребенком раз в неделю, но говорите так, чтобы хватило на месяцы и годы. А ребенок, пользуясь вашим руководством и указаниями, любовью к вам и вашим авторитетам, должен помнить то, что вы ему по-настоящему сказали. То, что сказано редко, но метко, ребенок помнит всю жизнь, а то, что сказали утром, в обед сказали и вечером повторили, ребенок на другое же утро забудет. Никакой цели не достигает постоянное приставание с разговорами. Как можно меньше нравоучений, как можно меньше разговоров. Нужно, чтобы то слово, какое вы скажете, было бы очень важным словом для ребенка.

Я знал ребенка, который умел сам играть, и это очень важно. Он сидит на коврике, играет, выдумывает что-то, строит, и так целый день занимается. А это была вовсе не такая культурная семья. Отец ребенка был электромонтером цеха. Я специально ходил смотреть, как они воспитывают своего сына. Они ему давали полную возможность заниматься тем, чем он находил нужным. Иногда отец принесет какую-нибудь гаечку, какой-нибудь болтик, что-нибудь расскажет и только.

Я помню такой случай. У него был «ванька-встанька». Он день и ночь стоял на часах и охранял его игрушечное царство. Мальчику очень нравилось, что он не ложился спать. Мать при мне ему сказала: «Ваня, что же у тебя сторож никогда не отдыхает. Ты спишь ночью, а он день и ночь стоит».

Потом я видел, как этот мальчик, как только наступает утро, берет этого «ваньку-встаньку», запихивает в какую-нибудь коробку, придавливает, чтобы он не встал. Он вырывался из рук, а мальчик говорит: «Лежи и отдыхай, дисциплина на первом месте».

А в выходной день, когда отец отдыхал, он говорил: «Теперь и у «ваньки-встаньки» выходной день», и ставил для охраны своих игрушек другую куклу, которая все время падала. Тогда он говорил, что это страшный лодыр, но отдыхать в выходной день все-таки нужно.

Один раз мать, не вмешиваясь в его игру, ему сказала, и мальчик это запомнил. Это на всю жизнь останется. Если он уважает труд деревянного «ваньки-встаньки», то естественно будет уважать труд человека.

Именно такие слова изредка, но хорошо сказанные воспитывают, а не ежедневные приставания.

У нас с детьми нет никакой катастрофы. Большинство наших семей правильно воспитывают детей. Я знаю таких родителей, которые в течение дня не бывают дома, но которых дети ждут вечером. Дети бросаются к ним, рассказывают о своем дне, и в этой короткой беседе отец и мать умеют на то намекнуть, там подтолкнуть, там помочь, и смотришь – ребенок и на улице играет, и с беспризорными встречается, [но] все-таки остается хорошим ребенком.

Я думаю, что некоторые родители просто мало занимаются воспитанием и стараются это спихнуть – то служба виновата, то беспризорные виноваты, то родственники виноваты, то пища плохая, то одежда плохая. В нужде труднее воспитывать, но в нужде часто вырастают лучшие люди, чем в достатке. Нужно суметь так поставить дело, чтобы сын вместе с вами боролся с нуждой или по крайней мере хотел, но он может не только хотеть, но и бороться.

Некоторые говорят: «Почему дети не учатся?» Да потому, что они ленивые. А почему они ленивые? Потому что вы их сделали такими. Надо детей приучать к труду. Это вовсе не значит, что детей нужно нагружать такой работой, чтобы они уставали, чтобы им было не по силам или тяжело. Важен не столько сам труд в детстве, сколько трудовая забота. Ребенок в 4 года должен уже иметь какую-то маленькую заботу.

В той же семье электромонтера, о которой я рассказывал, отец сказал сыну: «Ваня, я прихожу с работы, снимаю сапоги и одеваю [надеваю. – Г.Х.] ботинки. Будь добр, приноси мне ботинки и уноси сапоги».

Для мальчика это стало обязанностью, причем очень приятной.

Такую небольшую ежедневную обязанность [ребенок] должен иметь с 4-5 лет, пустяк какой-нибудь, скажем, газеты, которые отец читает, складывать в какую-то стопку. К семейной заботе ребенок должен постепенно приучаться, и постепенно эта забота должна усложняться. Я считаю, например, что в 11-12 лет участие ребенка в трудовой жизни семьи должно быть уже значительным. Например, уборка комнат, подноска дров, ухаживание за этажеркой с книгами и т.д. Если родители приучат ребенка заботиться, а заботиться это не просто трудиться, это понимать, что ты помогаешь отцу и матери, то такой ребенок и в школе будет примером. А если ваш ребенок привыкнет только получать удовольствия и не привыкнет ни к какому усилию, то такой ребенок и в школе плохо будет учиться. Эту привычку к трудовому усилию нужно начинать еще с игрушки.

Вспомните, как ваши дети играют. Приходится наблюдать, как ребенок начинает что-нибудь делать, бросает, не заканчивает или, например, поло-

мал игрушку, а ему и горя мало. Это одна крайность, а другая крайность, когда ребенок поломал игрушку и начинается рев. Сегодня горе, завтра горе, послезавтра горе оттого, что игрушку поломал. Надо найти середину между этими крайностями. Надо приучить ребят беречь игрушки, доводить дело до конца. Скажем, ребенок вырезает что-нибудь, вы видите, что он не справляется. Почему он бросил? Потому, что ему трудно. Помогите ему, скажите: «Ты не так делаешь, сделай так». Нужно уметь в жизни вашего ребенка поймать тот момент, когда начинается трудность. Помогите ему, и дальше пускай сам делает. Если видите, что опять какая-то остановка, опять заинтересуйтесь игрой ребенка. Добивайтесь, чтобы ребенок в игре уже доводил дело до конца.

Вопросов еще много. Я не имею никакой возможности на них ответить, но вполне присоединяюсь к тем товарищам, которые говорят, что улица не страшна, да и нет у нас такой страшной улицы. Если дома родители не забыли, что они должны воспитать своего ребенка, если в школе учителя правильно работают с детьми...

(ГОЛОС. А если отца нет?)

Это, конечно, наследие того времени, когда семья никак не могла сложиться. Последнее постановление ЦК партии дает в этом смысле определенную установку⁸. Тут приходится из двух зол выбирать меньшее. Если между родителями нет согласия, если родители не могут жить вместе, лучше все-таки, чтобы они разошлись. Пусть лучше матери будет труднее воспитывать ребенка, чем жить в постоянном несогласии. Мы не можем оставить в силе старого божьего закона: «Женился, хоть издыхай, а живи вместе, потому что детей нужно воспитывать». Это не воспитание. Одна мать может прекрасно воспитать своего ребенка, как ей ни трудно, если она этого захочет. Конечно, ей нужно помочь, и в частности, общественные организации ей должны помогать. Но нельзя говорить, что одна мать не может воспитать ребенка.

Конечно, положение детей, живущих на алименты, трудно, оно трудно часто по вине самой матери. Часто дети говорят: «Эти деньги наши. Отец нас бросил и дает нам деньги».

Это последний предел той неудачи, какая может быть в семье. Тем детям, отец которых ушел и платит алименты, мать прямо должна сказать: «Отца у нас нет, вот мой заработок, а вот то, что суд заставил выдавать отца. На эти деньги мы должны жить. Мы должны стремиться заработать больше, улучшить жизнь».

Но никакого враждебного чувства к отцу не нужно вызывать, никаких жалоб не должно быть и т.д., а тем более не нужно говорить ребенку, что это отец тебе дает.

Вопрос о деньгах в семье, даже когда отец и мать есть, сплошь и рядом разрешается неправильно. У нас в некоторых семьях принято давать детям подачки карманные: «На тебе рубль, два рубля, три рубля». А когда сын пошел в фабзавуч и начал зарабатывать, то это уже собственные деньги. Это уже доказывает, что с самого начала трудового коллектива в семье не было. Надо так воспитывать детей: отец заработал и приносит домой деньги, мать заработала – тоже приносит, а если не работает, то приносит другой продукт своего труда. Ты не работаешь, но ты же приносишь отцу бо-

тинки и уносишь сапоги – это тоже полезное дело. Ты в фабзавуче работаешь, приносишь деньги, и все идет в общую кассу. В семье нужно вместе обсуждать, куда нужно затратить [потратить. – Г.Х.] деньги. Пусть сын не смотрит так, что эти 150 руб. отец заработал – это его деньги, а 50 руб., которые он сам заработал, – это его деньги. Если бюджет у семьи 200 руб., то сын должен участвовать в распределении этих денег. Тогда сын подумает, купить ли себе галстук или матери туфли.

Если вопрос относительно денег будет так поставлен, то и в алиментной семье он будет правильно разрешен.

На этом я могу закончить. Очень жаль, что те вопросы, которые поданы мне и на которые физически я не могу ответить, не сопровождаются адресом. Очень вас прошу, сегодня же вечером повторить эти вопросы, запечатать в конверт, написать мой адрес и ваш адрес и послать мне в Киев. В такой переписке и вы больше напишете, и я подробнее отвечу.

Сейчас на прощанье я скажу вам, что так называемый ремонт не по вашим силам. Ремонтировать детей очень трудно. К счастью, такого ремонта очень немного. А то, что у вас в семье есть, это только ваши ошибки, которые очень легко можно исправить, если вы ни на минуту не будете забывать вашего гражданского долга перед Советской страной дать хороших граждан. Если вы об этом не забудете, вы всегда будете знать, как поступить: когда можно приласкать ребенка, когда можно поругать, когда можно дать ребенку что-нибудь лишнее, можно побаловать, а когда, напротив, нужно приучать к терпению.

Наша советская семья должна быть прекрасной семьей, потому что это семья, основанная на взаимном труде. Это семья, основанная на том, что она составляет ячейку социалистического общества. Наша партия, наше общество и вся наша страна думают и заботятся об этой семье.

Если каждый из вас поможет в этом деле, если каждый из вас поразмыслит над всеми вопросами семейного воспитания, то наша семья действительно победит и даст нам нового настоящего человека, человека серьезно, бодрого, справедливого, человека не жадного, человека трудолюбивого.

Да здравствует наша семья и наша партия, которая об этой семье думает и за эту семью борется! (Аплод.)

КОНЕЦ

КОММЕНТАРИЙ

РГАЛИ, 613-1-814.

Стенографический отчет из фонда Гослитиздата («Художественная литература»). Подлинник (машинопись). Заголовок: «Беседа автора „Педагогической поэмы“ тов. Макаренко с родителями о воспитании детей». Объем документа: 57 нумерованных страниц, текст на которых расположен с одной стороны. Публикуется впервые.

Об этой беседе в заводской газете-многотиражке «За советский подшипник» 30 октября 1936 г. была опубликована статья Я. Кауфмана «Писатель Макаренко о воспитании детей. Беседа родителей с автором „Педагогической поэмы“». В данной корреспонденции хорошо передана атмосфера, в которой проходила встреча Макаренко с родителями-работниками:

«Простой и улыбающийся, он снова входит на трибуну. Актный зал учебного комбината не может вместить всех родителей, пришедших побеседовать с автором „Педагогической поэмы“ А.С. Макаренко.

Интересна и волнующая тема беседы: „О воспитании детей в семье“. Многие родители пришли со своими детьми. Среди сидящих в рядах зала многие уже были на первой встрече с писателем.

Ровно в 6 часов начинается беседа. Тов. Макаренко останавливается на основных вопросах воспитания детей. [...]».

---

¹ «Книгу для родителей» («Кдр») Макаренко написал, активно откликаясь на постановление правительства о радикальном изменении советской семейной политики от 27.06.1936 г. (см. док. № 2, прим.5). «Кдр» была издана частями в ж. «Красная новь» в июле-октябре 1937 г.: в № 7 (гл.1-4), № 8 (гл.5 и 6), № 9 (гл.7 и 8), № 10 (гл.9). В ноябре 1937 г. появилось отдельное издание этого произведения (GW 13, с.71-99).

² Коллективное слушание разъяснений о запрещении абортов по радио имело прямое отношение к постановлению ЦИК и СНК СССР от 27.06.1936 г.

³ Данное предложение в тексте не закончено.

⁴ Такие решения московского местного комитета ВКП(б) не удалось обнаружить.

⁵ *Вагоноремонтный завод им. В.Е. Войтовича* (осн. в 1868 г.); прежнее название: Главные вагонные мастерские Московско-Курской жд.

⁶ *Пичугина П.Н.* – председатель депутатской группы завода для выборов в Верховный Совет СССР; о ней Макаренко позже написал очерк (ж. «Октябрь», 1937, № 12, с.41-46; также в: GW 9, с.12-20; ПС 7, с.114-22).

⁷ *Шаболовка* – улица в Москве; здесь находилась главная радиостанция СССР (им. Коминтерна).

⁸ «Последнее постановление ЦК партии дает в этом смысле определенную установку». См. прим.1.

5. ЛЕКЦИЯ «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА О ВОСПИТАНИИ БЕЗНАДЗОРНЫХ ДЕТЕЙ», ПРОЧИТАННАЯ В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ МУЗЕЕ В МОСКВЕ (21.04 1937 г.)

Товарищи, я вас должен предупредить, что в сегодняшнем моем сообщении я не могу быть совершенно беспристрастным. Видите ли, тема нашей беседы «Художественная литература о воспитании беспризорных и безнадзорных» для меня очень близка, так как в разработке этой темы я сам участвовал не только литературно, но и педагогически, будучи рядовым работником жизненного фронта. В связи с этой работой у меня сложились определенные взгляды, если хотите, определенные доктрины по вопросу, как должно быть организовано серьезное коммунистическое воспитание.

В решении этой задачи комплекс моих мнений, моего опыта, моих педагогических убеждений сложился так крепко, что не из-за какой бы то ни было деликатности, не из-за какой даже товарищеской уступчивости я не могу поступиться ни одной буквой. Поэтому я в таком для меня близком вопросе, в вопросе моей жизни, могу быть только сугубо пристрастным. За это я заранее прошу у вас прощения.

Литература о воспитании у нас в Союзе не так велика, художественная литература в особенности, и, прежде всего, мы должны отметить в ней одно удивительное явление.

У нас написано несколько вещей о воспитании, несколько вещей о воспитании трудных детей, воспитании правонарушителей. Вы знаете хорошо нашу литературу; вспомните более или менее замечательные явления в этой литературе, и вы непременно вспомните почти исключительно книги о работе с правонарушителями. Художественных книг вообще о воспитании, даже о воспитании тех же беспризорных, но так называемых нормальных детей, вы, пожалуй, не вспомните или вспомните очень мало.

Почему у нас такое исключительное внимание как раз по отношению к так называемым правонарушителям? Можно было бы думать, что наше общество и наши писатели сильно заинтересовались именно воспитанием правонарушителей. Однако этого на самом деле нет. Мы одинаково интересуемся и воспитанием правонарушителей, и воспитанием нормального детства; все эти вопросы для нас чрезвычайно важны, сложны и даже дороги.

Почему же художественная литература особенно сконцентрирована только на теме о правонарушителях? Это произошло по причинам не педагогическим, не связанным с педагогической методикой. Это произошло потому, что как раз в этом пункте наиболее ярко сказалось основное отличие нашего общества от общества буржуазного или общества дореволюционного. Именно в отношении к человеку, который может считаться врагом общества, в отношении к ребенку, который растет бандитом, может быть бандитом, который нарушает права, совершает преступления, ворует, даже

убивает, – в отношении к такому ребенку наше общество стоит на диаметрально противоположной позиции, чем общество буржуазное или наше до-революционное. Здесь сказывается наша основная позиция по отношению вообще к человеку.

Мы знаем, какие базисы, какие основания имеются для преступности буржуазного мира. Мы знаем, что таких оснований у нас нет. Поэтому, если человек совершает преступление, то для нас совершенно ясно, что это зло можно вырвать, победить, ибо этого зла в самом обществе не может быть. Отсюда и проистекает совершенно исключительно яркая картина нашего отношения к правонарушителю только как к объекту воспитания, как к человеку, который должен быть переделан, а не как к преступнику, требующему изоляции. Вот поэтому-то у нас и наблюдается в жизни очень много различных методов. Одним из таких методов была литература, посвященная правонарушителям.

Но были попытки и не столь положительные. Это человеческое отношение к преступнику, уважение человека даже в преступнике, уверенность, что из каждого человека можно выработать члена общества, иногда у некоторых людей приобретает характер любования преступником. Это в особенности заметно в так называемой халтурной художественной литературе, или халтурной кинематографии, или в театре, где иногда беспризорный или преступник перестает быть объектом культуры, где [автор], ищущий в нем те черты, которые можно назвать человеческими, перестает их искать. А преступник почему? Потому что он ищет либо отражения в этом [преступнике] романтичности вкуса, либо сентиментальности, отражающей его вкус, чего как раз на фигуре правонарушителя или беспризорника нет. В некоторых наших книгах вы увидите, что автор интересуется не серьезным вопросом о характере человека, а только вопросом, насколько любопытна, насколько необычайна, насколько остроумна эта маленькая фигура преступника.

Я посвятил работе с малолетними преступниками 17 лет и знаю, что это не только тяжелый труд, но и труд, который меньше всего может быть связан с удовлетворением каких-то моих вкусов к приключениям или к сентиментам, или вкуса к романтизму. Но я, так же как и все другие работники в этой области, знаю, что ничего особенно эстетического, на чем можно было бы остановиться, у беспризорных и у преступников нет.

В сущности, каждое явление правонарушителя представляет собой явление отрицательное, со всеми деталями отдельного явления. И никакого удовольствия наблюдение беспризорного настоящему, живому человеку, культурному человеку доставить не может. Следовательно, с точки зрения эстетики, фигура беспризорника должна быть решительно отброшена. Она может представлять интерес только с точки зрения педагогической: как из беспризорного, из [право]нарушителя воспитать настоящего нового человека.

Посмотрим, как этот вопрос разрешается прежде всего в педагогике, иначе мы не сможем проверить нашу художественную литературу; мы не будем здесь вдаваться в особенно большие глубины педагогики, скажем только несколько слов.

Вы знаете, что волей нашей партии уничтожена педология¹. Педология представляла из себя особое направление, так называемое теоретическое, и педологическая мысль являлась враждебным направлением не только по отношению к нашим нуждам, но и к нашей чести, и к нашей преданной работе.

Что такое утверждала педология, и не только педология, а вообще педологическое направление? Педологическое направление было не только в самой педологии, оно как раз затягивало очень много умов, которые воображали, что никакого отношения к педологии не имели. Педология затягивает даже сейчас много умов, когда формально педологии не существует.

Основное, чем я хочу характеризовать педологию, – это определенная система логики. Система такая: надо изучать ребенка. Изучая его, мы что-то найдем, а из того, что мы найдем, сделаем выводы. Какие выводы? Выводы о том, что с этим ребенком нужно делать.

Вот основное логическое педологическое направление.

Здесь метод работы с ребенком, метод воспитания должен быть выведен из изучения ребенка, при этом не всего детства в целом, а всего детства в целом и каждого отдельного ребенка. Таким образом, вытекает, что поскольку это изучение должно привести нас к разным картинам, то и метод воспитания должен быть разный. Один ребенок оказался одним, его нужно так воспитывать, изучили другого – он оказался другим, его нужно воспитывать иначе, третьего – тоже иначе, и так, сколько детей – столько методов.

Педологи нашли очень много групп детей и умственно отсталых, и социально запущенных, и трудных детей, и правонарушителей и т. д.

Отсюда очень недалеко до чисто фашистской теории, которая утверждает, что даже между расами существуют умственные развития [различия. – Г.Х.], что отдельным расам предопределены и отдельные судьбы. Естественно, что раз отдельные исторические судьбы, то и метод воспитания у немцев должен быть один, у славян – другой, у негров – третий.

Эта теория близка к теории Ломброзо², который утверждал, что люди рождаются с преступными склонностями. Педология, в конце концов, только и могла прийти к такому заключению, что в самой человеческой натуре, в самом ребенке, в биологической картине его личности и характера заключаются такие различия, такие особенности, которые должны привести и к установке особых, отдельных методов для его воспитания.

Вот педологическая логика затягивает не только тех людей, которые себя формально называли педологами, но и очень много людей, считающих совершенно честно, что они не педологи. Вывести педагогический метод из рефлексологии³, из психологии, из экспериментальной психологии, вывести данный метод из обстоятельств данной личности – это и есть педологическое направление.

Возможна другая логика, которая метод педагогики выводит из наших целей.

Мы знаем, каким должен быть наш гражданин, мы должны прекрасно знать, что такое новый человек, какими чертами этот человек должен отличаться, какой у него должен быть характер, система убеждений, образова-

ние, работоспособность, мы должны знать все, чем должен отличаться, гордиться новый, наш, социалистический, коммунистический человек.

Раз мы это знаем, раз мы честные педагоги, мы должны стремиться всех людей, всех детей воспитывать в наибольшем приближении к этому нашему коммунистическому идеалу. Вот откуда должна исходить наша практическая педагогика. Она должна исходить из наших политических нужд и при этом диалектически, критически. Она должна исходить из нужд не только настоящей эпохи, а из нужд нашего социалистического строительства, из нужд коммунистического общества.

Предположим, раньше говорили, что нужно воспитывать гармоническую личность⁴. Это тоже была какая-то цель, но цель вне времени и пространства, цель вообще идеального человека, а мы должны воспитывать гражданина Советского Союза. В нашу сталинскую эпоху мы должны воспитывать как раз наиболее полноценного гражданина, достойного этой эпохи.

Вот из этой нашей священной цели и наиболее простой и практической цели мы должны выводить метод воспитания. А знание психологии, знание детской души, знание каждого отдельного человека только поможет нам приложить наш метод наиболее удобно в одном случае несколько от- лично от другого и т.п.

Кто из вас читал мою книгу, тот знает, что в 3-й части изображен мой последний бой с представителями педологической теории. Я в книге тогда боялся их называть педологами, но речь идет как раз о педологах. Они мне говорили в этом последнем сражении:

«Тов. Макаренко хочет педагогический процесс построить ... (читает) ...»⁵.

Что такое свобода проявления? Это и есть настоящая педология. Когда мы человека изучили, узнали и записали, что у него воля – А, эмоции – Б, инстинкт – В, то потом что дальше делать с этими величинами, мы не знаем. У нас нет цели, и естественно, нам надо умыть руки: ага, А, Б, В есть, пускай себя свободно проявляют, куда покатятся, там и будут. (Смех в зале.)

Совершенно естественно, педология была построена на воспитании при отсутствии политических целей. Педологи рассуждали так: вы теперь являетесь сторонниками пассивного наблюдения за ребенком и бездеятельного присутствия при его жизни и развитии, а ребенок пускай себе свободно развивает свои творческие силы.

Нет, мы не являемся сторонниками такого пассивного наблюдения. Мы являемся сторонниками активной большевистской педагогики, педагогики, создающей личность, создающей тип нового человека.

Но, товарищи, больше меня, наверно, никто так не уверен в страшном могуществе, совершенно беспредельном могуществе воспитательного воздействия. Я уверен, что если человек плохо воспитан, то в этом исключительно виноваты воспитатели. Если ребенок хорош, то в этом тоже повинны его воспитатели, его детство. Никаких других компромиссов, никаких других середин быть не может, и никакая педагогика не может быть столь мощной, как наша советская педагогика, потому что у нас нет никаких обстоятельств, препятствующих развитию человека.

Тем более печально, если люди, которым доверено было воспитание детей, не только не захотели воспользоваться этим великим могуществом нашей педагогики, но ограничились простым наблюдением, простым изучением ребенка, разделением всех детей на разряды, на отдельные биологические группы и т. д.

Но тогда спрашивается: откуда же взялись правонарушители? Почему же мы говорим, что всех можно воспитать, что не нужно исходить из качеств данной личности, а нужно исходить только из целей нашей педагогики; а что же такое в таком случае правонарушитель, разве это не отдельная группа, не отдельный сорт людей?

Тут, товарищи, я говорю только от себя лично, только я отвечаю за свои слова – да, товарищи, не отдельный. Вот если бы мне сейчас поручили самых настоящих ангелов с крылышками, херувимов и серафимов, я бы их воспитывал только так, а не иначе, потому что в этом заключается существо нашего социалистического отношения к человеку.

Человек плох только потому, что он находится в плохих социальных условиях, он находится в плохой социальной структуре общества. Я сам был свидетелем многочисленных случаев, когда тяжелейшие мальчики, которых выгоняли из всех школ, которых считали дезорганизаторами, поставленные в условия нормального педагогического общества, буквально на другой день становились хорошими, очень талантливыми, способными, идущими быстро вперед ребятами. Таких случаев масса.

То, что я прав, а неправы педологи, которые настойчиво требовали особых методов, доказывает лучше всего величайший, но, к сожалению, мало известный и изучаемый нашими педагогами, и игнорируемый нашими педагогами опыт колоний НКВД.

Я только что вернулся с Украины, где участвовал последние два года в организации новых трудовых колоний⁶, тоже из правонарушителей. Мы, например, не соблазнились данным нам правом иметь карцер. Во всех наших 15 украинских колониях нет карцеров, а ведь нам присылают ребят, осужденных судом, их привозят под конвоем. В украинских колониях нет не только карцеров, нет стен, нет ворот, нет калитки.

Что это значит? Это значит, что практика трудовых колоний НКВД не только платонически, а и на самом деле стоит за широкую демократию, за широкое демократическое, настоящее воспитание детей, без карцеров, без стражи, без забора и ворот.

Вот здесь, товарищи, вы видите подтверждение этой основной нашей мысли, что воспитание правонарушителей не является по существу какой-то особой задачей в отличие от воспитания всех остальных ребят.

Где-то в моей книге сказано, что самые лучшие мальчики в условиях плохо организованного коллектива очень быстро становятся дикими зверушками. Это так и есть. Соберите самых лучших детей, поставьте около них плохих педагогов, и через месяц они разнесут и колонию, и детдом, и школу, и этих педагогов.

Таким образом, проблема воспитания правонарушителей становится вообще проблемой воспитания. В практике наших колоний очень много найдено таких методов, таких организационных принципов, таких даже

художественных находок, которые применяются нашей общей педагогикой.

Я сделаю поправку: очень часто для воспитания правонарушителей люди мудрили, хитрили, придумывали разные фокусы. Почему? Только потому, что мало еще опыта, мало людей, знающих, как нужно вести себя с детьми, а не только с правонарушителями.

Вот общие положения, в свете которых мы должны рассмотреть нашу литературу о правонарушителях. В этом рассмотрении мы будем рассказывать о том, как писатель, прежде всего, расценивает сам материал, само сырье беспризорника или правонарушителя. Как он его себе представляет, что это за материал? Во-вторых, мы рассмотрим вопрос такой: что писатель думает относительно метода, как изображает метод, с одной стороны, это метод организации детства, а, с другой стороны, и творческое лицо педагога? Наконец, третий вопрос – это проблема того, как автор думает, как рисует, как изображает результаты воспитания, что получается или что должно получиться в результате воспитания нарушителя?

Начнем с классической книги Сейфуллиной «Правонарушители»⁷. Это небольшой рассказ, тем не менее, он сыграл очень важную роль, гораздо более важную, чем «Педагогическая поэма». Почему? Потому что в этом рассказе впервые, и довольно неожиданно и смело, были рассказаны вещи о правонарушителях. Первые были рассказаны истины о правонарушителях, составляющие аксиому.

Что это за истины? Читая этот рассказ, вы во всем тексте, от первой до последней строчки, чувствуете, как звучит глубокая искренняя вера в человека, вера в то, что не может быть прирожденной преступности, вера в лучшие человеческие качества, что теперь уже для нас составляет несомненную истину.

Эта вера в человека блестяще звучит у Горького, это то, что можно назвать оптимистической перспективой в подходе к человеку. Вот эта вера звучит в произведении Сейфуллиной гораздо больше, несравненно больше, чем во всех остальных книгах, посвященных правонарушителям.

Основная фигура в рассказе Сейфуллиной – мальчик, который совершил разные правонарушения, и вторая основная фигура – педагог.

Следовательно, отвечая на вопрос, как автор подходит к материалу, как он расценивает педагогическую среду, мы должны сказать, что Сейфуллина стоит на наших позициях, она стоит на позициях глубокой веры и надежды в человека, значит, на позициях оптимистического воспитания, на позициях, противоположных педологии.

Как же Сейфуллина рисует метод? Вот здесь уже не по своей, конечно, вине Сейфуллина говорит слабо. Метод она видит в совершенно неуловимых влияниях природы и труда. В то время, как писалась книга, это звучало достаточно убедительно. Для нас это как раз никак не звучит, потому что труд «вообще» не является воспитательным средством. Воспитательным средством является такой труд, который организован определенным образом, с определенной целью, который является частью всего воспитательно-го процесса.

Что же касается природы, то мы вообще можем с вами сказать, что природа прекрасная вещь, что хорошая погода – лучше плохой, солнечный день – лучше дождливого, но что природа есть какое-то особое, мощное средство, которое облагораживает или отвлекает человека от преступности, мы сказать это не можем. Мы можем сказать, что природных причин нет, а есть специальные [социальные ? – Г.Х.]

Вот этот пантеизм Сейфуллиной или Мартынова, конечно, не созвучен нашим педагогическим воззрениям.

Еще менее созвучна та картина личного творчества, которое приписывается Мартынову в изображении педагога. Между тем Сейфуллина хотела нарисовать эту фигуру как педагога-мастера.

Что это за фигура? Первый раз Мартынов появляется на сцене, когда он приходит в отдел Наробраза, Гришка увидел его впервые.

«А в комнату бородатый, долгоносый, ...» (*читает*)⁸.

Вы видите чрезвычайно неуклюжего, несобранного и какого-то чудаковатого человека. Дальше это подтверждается:

«Глаза узкие щурит и тонкие губы кривил. ...» (*читает*)⁹.

У мальчика Гришки совершенно справедливое впечатление. «Обезьяну такую в зверинце видел, похожа...» (*читает*). Дальше вы его увидите на каждом шагу кривляющегося, какого-то арлекина, который единственным средством имел в своем распоряжении вот это желание заинтересовать, рассмешить, удивить, но удивить только кривлянием, только дерганьем, трепыханьем, – словом, неестественным.

Ну что ж, может быть, в исключительных случаях такое педагогическое поведение и полезно. В некоторых случаях, очень редких, можно рекомендовать педагогу и некоторые фокусы. Например, в прошлом году мой воспитанник Карабанов¹⁰, ныне управляющий Винницкой трудовой колонией НКВД, проделал такой фокус.

Беспризорные, присланные к нему впервые, в количестве 50 чел., не захотели оставаться в колонии, потому что там старые дома, бараки и т. д. Они все двинулись по шоссе к Виннице, и в колонии все растерялись. Как их вернуть? Едут на машине, а они [не] идут обратно, да и только. Тогда Карабанов сел на коня и поехал к станции. Поравнявшись с беспризорными, он случайно, вставая с коня, поскользнулся и упал. Тут он разыграл такую сцену:

«Ой, я поломався, мабуть я не встану, несіть мене в колонію».

Беспризорные видят, что большой человек в беспомощном состоянии. Ребята небольшие, взвалили его на плечи и несут в колонию, с километр. Понесут-понесут – поменяются, кто несет, кто коня ведет – всем нашлась работа. Из простого сочувствия принесли в колонию в таком восторге, что спасли человека. Опустили на землю, а он встал на ноги и говорит:

«Вот спасибо, хлопцы, не хотелось идти пешком далеко».

Этим фокусом он купил всех, они сразу в него влюбились.

Такие отдельные фокусы разыгрывать можно, мы их в редчайших случаях рекомендуем. Это полезное дело. Мне самому приходилось сплошь и рядом разыгрывать такие фокусы; но одно дело разыграть специально, и

при том необходимо талантливо задумать и разыграть, а другое дело – постоянно кривляться. Такое дело [Таким делом. – Г.Х.] педагог может занять ребят на час, на два, на день, а потом они не будут верить ему, перестанут любить его. Такому педагогу верить нельзя, а так как ни в чем другом это творчество Мартынова не проявляется, а только в кривлянии, то, пожалуй, мы и не можем сказать, что Сейфуллина изобразила это творчество правильно и так, как нам нужно. Во всяком случае, нашим педагогам рекомендовать именно такой способ поведения ни в коем случае нельзя.

У меня есть целая школа воспитанных мною педагогов, и я всем рекомендую держать себя всегда с достоинством, искренне, весело, бодро, серьезно, но с большим торможением мускулов лица, с таким торможением, которое должно быть у каждого воспитателя.

Мы не можем обвинять Сейфуллину в том, что она исчерпала этим мастерство Мартынова. Да, собственно говоря, в таком коротком рассказе она и не могла подать это творчество как следует. Но она говорит, что Гришка полюбил Мартынова.

О методе мы говорили. Нечего и говорить, что вся книга Сейфуллиной, при ее весьма симпатичной установке, пахнет несколько педологическим анахронизмом. Это проявляется под конец, когда говорится о том, что родители не нужны, родители – это барахло, природа – мать и т.д. Весь этот педологический анахронизм ни к чему не нужен и никакого метода не показывает.

Несмотря на то, что эта книга Сейфуллиной удовлетворить нас не может, в свое время она сыграла огромную роль, она произвела огромное впечатление. Но, к сожалению, она сильно повлияла на очень многих читателей, но меньше всего повлияла на работников Наробраза.

Следующая книга, которая составила эпоху художественной литературы о правонарушителях, – это «Республика Шкид»¹¹.

Тогда книга представлялась откровением. Когда я ее читал, то думал: «Вот здорово работают люди, куда мне до этой работы». А когда читаешь ее [сейчас], и в особенно[сти] когда готовишься перед таким серьезным собранием докладывать, то удивляешься, как можно было 10 лет назад считать книгу педагогически ценной. Она имеет огромную ценность как художественная литература, и то, что в ней изображено, конечно, верно, но как педагогический труд эта книга неудачна, причем даже причины самой неудачи можно вскрыть по книге¹².

Что в этой книге изображается? Школа им. Достоевского в Ленинграде для правонарушителей. Это только школа, причем двери в этом доме всегда на замке. В доме есть заведующий – Виктор Николаевич Сорокин, Викниксор, как его зовут, и человек 100-120 нарушителей, которые ничего не делают, кроме своих занятий в школе. Они учатся, и это основной метод школы.

Что же можно ожидать от этой книги?

Давайте разберем книгу со стороны материала и со стороны результатов.

У Сейфуллиной никаких результатов нет; неизвестно, чем кончилась затея Мартынова, известно только, что Гриша полюбил Мартынова и стал хорошим человеком.

А тут что за материал? Правонарушители. Какие же это правонарушители? На стр. 34-й и 35-й описана картинка, как ребята залезли в кладовку и покрали табак. Обычный случай в детдоме. Эти страшные правонарушители украли табак, разделили между собой и запрятали. А потом табак нашел Викниксор, позвал ребят в кабинет, стукнул кулаком по столу, они испугались страшно и сказали, что взяли.

Эти правонарушители вначале совершенно как ручные дети. Надо знать, в самом деле какие правонарушения могут совершать ребята, если они разойдутся по-настоящему. Здесь материал показан довольно легкий вначале, а потом, на протяжении 200 страниц, ничего, собственно, не изображается, кроме различных проказ ребят, самых разнообразных. Причем проказы по своей моральной сущности становятся все хуже и хуже.

Можно вам перечислить главные преступления этих шкидовцев. Какие преступления? Прежде всего, развлечение убийством крыс. Крысы бегают по комнате, их убивают ногами. Дикая сцена, несимпатично характеризующая ребят.

Затем один из воспитанников – Сибенов [Слоенов. – Г.Х.], настоящий кулак, умеет так устроиться в этом детском коллективе, что весь хлеб, почти вся пища переходит в его собственность, и он держит в руках даже старшие классы. Все это терпят, и никто не может ничего против него сделать. Полное бессилие этих мальчиков против одного. Это говорит об отсутствии воспитательной работы, о полном отсутствии влияния педагога.

Затем идет так называемая «буза», избиение педагогов. Имейте в виду, что в особенности в Ленинграде это было очень модно. Я знаю много детдомов ленинградских, [где] в то время почти каждый месяц происходили избиения. В один прекрасный день воспитанники хватались за палки, за кочерги, гнали педагога по всему зданию и били. Это была дополнительная педагогическая нагрузка. *(В зале смех.)*

И здесь это описано, бьют всех педагогов. Но педагоги терпят, кое-кто удирает.

Описана кража картошки.

Потом игра «улигания», это значит «хулигания». Вся игра заключалась в том, что были организации, был почему-то совнарком и даже нарком «бузы», и все это держало в руках школу. Били окна, бросали камни.

Так до конца книги идут очень занимательные приключения. А в конце книги такая строчка, что такая шкида хоть кого изменит. Такая всемогущая шкида, что всех изменит, но в книге никакого изменения нет, и даже авторы книги выходят из школы не потому, что они закончили воспитание и приобрели какие-то черты характера, приобрели знания, квалификацию, а потому что они ставили спектакль, пропало два одеяла и им надо эти одеяла возвращать. Они уходят в жизнь, совершая воровское преступление.

Следовательно, материал – это как будто нормальные люди, но настолько распустившиеся, что ничем другим, кроме весьма сомнительных игр и развлечений, не занимаются.

Метод и творчество.

Метод – запертые двери, карцер и школьная работа. Когда Викниксор вдруг пришел к выводу, что необходимо трудовое воспитание, то он этот

вывод оформил так: нужно их послать в какой-нибудь трудовой институт, находящийся за стенами школы. У него самого никакого трудового воспитания нет, только школа. Лично у самого Викниксора никакого мастерства нет. Вообще эта фигура почти комическая, он строг, заводит летопись и отмечает положительные и отрицательные поступки и, в зависимости от количества их, назначает наказание. Авторитетом, даже уважением Викниксор не пользуется.

Каковы же результаты такого воспитания? Такой педагогический процесс, какой здесь изображен, может привести к чему угодно. На стр. 134 мы уже видим результаты такого воспитания.

Изображается пожар. Целая толпа взрослых ребят увидела дым. Что эти ребята делают?

«Началась паника. Кто-то из малышей заплакал трусливо...» (*Читает.*) Ни один из воспитанников не бросился туда, а бросилась женщина. «Минут через 5 в дверь постучали...» (*Читает.*) Женщина спасает забытого на пожаре мальчика. Чем кончилось дело? «Всех ребят перевели в дворницкую дверь». (*Читает.*) А что за пожар, кто тушил пожар – неизвестно.

Такое воспитание нам не нужно. Я не могу себе представить, чтобы в моем детском коллективе во время пожара я бросился кого-нибудь спасать. Я должен сидеть в центре и спокойно разговаривать по телефону. Все делают ребята – и спасут, и потушат, и придут, доложат, что все кончилось. Иначе в советском детском коллективе быть не может.

Эта стадная картина, наблюдение за тем, как девушка спасает, говорит за то [о том. – Г.Х.], что такое воспитание неудачно.

Я вам напомним чрезвычайно тяжкий случай, бывший недавно под Калинином¹³, в селе Давыдово: убийство учительницы одним учеником. В том, что ученик выстрелил в учительницу, нет ничего хитрого. Такие случаи личного болезненного припадка, случаи личного разложения под влиянием отца или знакомых вполне возможны. Это индивидуальный припадок, индивидуальный случай, который меня абсолютно не пугает. Но зато меня удивляет и страшно поражает, я не могу понять, как это могло быть, что 24 мальчика VII класса в панике убежали, увидев ружье в руках ученика. Я не представляю себе таких мальчиков. Я не могу понять, как же их воспитывали и чего от них можно ожидать в дальнейшем.

Этот случай напоминает картинку из «Республики Шкид», а картинка показывает, что воспитание там было поставлено плохо. Я из своей практики и моих многочисленных товарищей из разных колоний, мы прекрасно знаем, что при пожаре, при несчастном случае, при опасности для коллектива или для отдельного члена коллектива, тем более для учителя, для руководителя коллектива, бросается на помощь весь коллектив, без размышления о том, что я могу погибнуть или что мне будет неприятно. Только такой коллектив может быть назван настоящим, нашим, советским коллективом.

Вот эта картина пожара для меня является совершенно ясно показывающей отрицательный способ воспитания в практике «Республики Шкид».

Несмотря на то, что книга написана очень художественно, очень ярко рисуются все события в «Республике Шкид», само воспитание, которое бы-

ло там организовано, находилось еще на низкой стадии развития, настолько низкой, что может явиться только отрицательным примером для наших педагогов и отрицательным толчком для наших школьников.

Есть еще одна книга, которую вы, вероятно, мало читали, это «Утро» Микитенко. Написан только 1-й том, книга не окончена¹⁴. Тут уже сказано полное отсутствие эрудиции педагогической у автора. Чтобы долго не говорить, я вам прочту два места. Одно место из моей книги, не в качестве хорошего отрывка, а в качестве чисто технического, профессионального подхода.

«Все время, сидя, морщил...» (*Читает.*)

Это один разговор; другой разговор, который рисует Микитенко. Грипич [Грибич. – Г.Х.], руководитель, разговаривает с приезжим педагогом. Она говорит, что не может больше работать, и подает заявление:

«Грипич написал сбоку – „категорически против...“» (*Читает.*) Педологический кабинет, да еще в ужасном состоянии. (*Смех.*) Вот вам оружие.

Я как раз эту коммуну знаю¹⁵ и могу с уверенностью сказать, что такого разговора не было. Никакого там педологического кабинета никогда не было, ни хорошего, ни плохого. И никто такого орудия [оружия. – Г.Х.] не искал. А просто политически неприлично, как это так – педагогическое учреждение НКВД – и вдруг без педологического кабинета, надо завести.

Что же изобразил Микитенко? Ничего, кроме материала, но сырье подано шикарно. Т.е. тут не бандиты, не архибандиты, то, что у нас беспризорные называют «бандюки», это в превосходной степени бандит.

Это, оказывается, упорный народ. Им дали хорошие спальни, они спальни испачкали, кровати поломали, одеяла порвали, простыни изодрали на маленькие клочки. Для чего? Такие бандиты! Они ушли гулять в лес, и пока там гуляли, им положили все новое. Они вернулись и в знак протеста легли спать на полу. Вот какие бандиты!

Этого мало. На другой день они то же самое сделали в столовой: побили посуду, котлеты не ели, а бросали в потолок, и эти котлеты прилипали к потолку. На другой день они разгромили мастерскую, притом сознательно. И один какой-то «кукла» говорит: «Испортит нас коммуна, смотрите, уже пол...» (*Читает. В зале смех.*)

Понимаете, с такими бандитами действительно ничего не сделаешь.

А их преступления? Это какие-то джеки-потрошители, а не просто беспризорники. Миленько, на двух страницах рассказывается, как девушку, выдавшую одного из героев, они решили убить. Такая миленькая картинка! «Сказал я об этом ребятам...» (*Читает.*)

Мало вам? Можно больше. Оказывается, не убила насмерть, пришлось помирать еще раз. «Приехала она после выздоровления в Запорожье...» (*Читает.*) Вот какие страшные бандиты!

И все, что здесь написано об этих людях, показывает главным образом, какие это прекрасные бандиты, какие замечательные преступники, какие оригинальные характеры! Вот до какого падения дошли люди! А во 2-м томе мы напишем, каких мы героев из них сделаем.

На самом деле материал не такой. Я имею наибольший стаж работы в Союзе с правонарушителями, через мои руки прошло несколько тысяч, и даю вам честное слово, я ни одного такого убийцы не видел. Может быть убийство в драке, бывает убийство среди батрачков, бывало убийство в горячке, но у Микитенко нарушители такие блатные, таким идиотским блатным языком разговаривают, какого не встретишь на самом деле. В моей практике среди детей, прошедших через мои руки, не было таких убийств.

Мало того, товарищи, как это ни странно, в моей практике не было ни одного сифилитика, а сколько было рассказов о том, что половина из них сифилитики.

Вот это стремление нарисовать общество правонарушителей мрачными красками является самой отвратительной и дешевой формой безответственного романтизма, не имеющего под собой никакого обоснования.

Тов. Микитенко бросил писать книгу, потому что действительно: что можно сделать из таких бандитов? А я прилучан хорошо знаю. Бывает, что человек шел по улице и подрался, бывает, что и финку для фасона носит, удостаивают известного внимания того, что плохо лежит. Но чтобы разорвать свою собственную спальню – этого, я думаю, не бывает. Один, может быть, и захотел бы это сделать, но масса всегда настолько благоразумна, что ей хочется спать на хороших постелях, а уж тем более никогда не дойдет до того, чтобы котлеты бросать в потолок. Это уж совершенно невероятный поступок, котлету обязательно слопают. *(В зале смех.)*

На этом разрешите сделать перерыв с тем, чтобы потом остановиться на моей книге, которая, к сожалению, является самой большой из всех, перечисленных мною выше.

/ П е р е р ы в /

Я, вас, вероятно, утомил подачей сухого педагогического материала, но что поделаешь, я должен остановиться на своем произведении.

Я не могу из ложной скромности кокетничать пред вами, но считаю, что в моей книге педагогическая проблема отражена наиболее полно, гораздо более полно, чем в других книгах. Это, конечно, понятно, потому что я сам работал в этой области, состарился на педагогическом поприще, и совершенно естественно, что могу подойти к вопросу педагогически более тщательно, чем тов. Сейфуллина или тов. Микитенко. Но у них есть то преимущество, что они раньше писали, и в их книгах тема пролетарского гуманизма звучала раньше, чем у меня.

Книга Сейфуллиной на меня произвела в свое время большое впечатление и заставила остановиться на многих вопросах. Точно так же очень талантливо написанная книга «Республика Шкид» понравилась мне своим бодрым тоном, а в работе с беспризорными очень трудно сохранить бодрость тона, без поддержки же таких книг, может быть, даже невозможно.

Что вам сказать о моей книге? Если вы ее читали, то я мог бы ограничиться этим заявлением, считая, что я свое дело сделал, а вы, прочтя книгу, тоже сделали свое.

Что я могу еще прибавить? Да как будто и ничего. В моей книге есть много недостатков, которые вы тоже, вероятно, знаете.

Главнейший недостаток – это мелькание лиц, много лиц, некоторые начаты и не докончены, воспитательный персонал описал совсем слабо. Почему? По случайной причине, но я вам скажу по секрету.

Я не был никогда удовлетворен работой воспитателей. Когда книга писалась, я уже работал без воспитателей. Они постепенно растерялись, а последний персонал в коммуне им. Дзержинского я снял в один день¹⁶. Этот момент был для меня наиболее трагическим, так как я боялся, что провалился в пропасть без поддержки взрослых людей. Но спасибо комсомольцам-дзержинцам, они в течение 8 лет не только не [у]гробили дело, но подняли его на большую высоту. И даже когда в 1931 г. коммуна за одну неделю увеличила свой состав со 150 до 350 чел.¹⁷, комсомольская организация и совет командиров настояли передо мной, чтобы и в этом тяжелом случае не было приглашено ни одного воспитателя.

Для меня эта тема чрезвычайно неприятна, потому что я не могу утверждать, что в детском учреждении не должно быть воспитателей. Я не могу встать на такую позицию, на которой стоят некоторые авторы, в том числе и Микитенко, так же как и некоторые практические работники коммун и колоний, утверждающие, что ребята будут сами себя воспитывать, что воспитатели не нужны.

Это, конечно, неправильно. В детском коллективе должны быть авторитетные, культурные, работоспособные, хорошие взрослые люди, только тогда может повыситься культура детского коллектива. Откуда может привиться культура детскому обществу, если ей неоткуда взяться, если нет взрослого общества?

Воспитание в том и заключается, что наиболее взрослое поколение передает свой опыт, свою страсть, свои убеждения младшему поколению. Именно в этом и заключается активная роль педагогов, представителем которых и являюсь я.

Но в коммуне им. Дзержинского было кем заменить воспитателей. Там была школа-десятилетка¹⁸, было много инженеров, сильная партийная организация на заводе, словом, общество взрослых достаточно сильное, чтобы оказать влияние на ребят.

Вот именно поэтому я в своей книге отвел такую маленькую роль воспитательному персоналу.

Другой недостаток моей книги заключается в том, что шла постоянная грызня с Наркомпросом. Вас, вероятно, это тоже раздражало. (ГОЛОСА: «Правильно!»)

Критики уже отмечали эту сторону как несимпатичную. Но я вам должен сказать, что не мог обойтись без этого, потому что для меня это была книга моей борьбы, и когда я писал, я меньше всего ощущал себя писателем, я был все-таки педагогом.

Почему же книга вышла в виде поэмы? Только потому, что иначе я писать не умею, как умел – так и написал. Но и в художественной форме отказаться от борьбы, от высказывания своих принципов я не мог. Возможно, что широкого читателя отдельные рассуждения о разных педагогических тонкостях могут утомлять, может быть, в художественном произведении

этого не следовало делать. Это недостаток, который отмечают многие читатели.

Есть недостатки конструктивного характера. Многие меня обвинили в том, что я не описал пребывание Горького в колонии. Я просто не решился [со] своим маленьким талантом описывать такую фигуру, как Горький, не хватило у меня смелости.

Что я хотел сказать в своей книге? Я хотел сказать много, но сказано как будто меньше, чем я хотел. Я хотел сказать следующее. Во-первых, что в советском обществе, в Советском Союзе, даже люди 3-го сорта, отбросы общества, складываются в великолепные коллективы, коллективы, которые должны поражать своей красотой, потому что это новые, свободные трудовые человеческие коллективы. Это – первое.

Второе, что я хотел сказать. Я хотел показать этого так называемого правонарушителя в том освещении, в каком я его сам видел, показать его как человека, прежде всего как хорошего человека, милого, простого. Я хотел вызвать симпатию к нему у общества, хотел, чтобы общество так же ему верило, как верил я.

Третье, чего я хотел добиться в своей книге: я хотел поставить ребром вопрос о стиле, о тоне советского воспитания. Я хотел настаивать на правильности формулы, которая существует у коммунаров-дзержинцев. Они утверждали, что человека нужно не лепить, а ковать, ковать. Ковать – это значит хорошенько разогреть, а потом бить молотом. Не в прямом смысле, не по голове молотком, а создать такую цепь упражнений, цепь трудностей, которые надо преодолевать и благодаря которым выходит хороший человек.

Я много добился главным образом благодаря работе чекистов, которые находились со мной, благодаря той свободе, которую давали чекисты, а в колонии Горького – благодаря завоеванной мною свободе.

Наробразовцы меня немного боялись: сумасшедший человек – он что угодно может сделать! Они боялись и не трогали. [При] такой свободе многое [удавалось] сделать. Во всяком случае, если у меня в коммуне случится пожар, то я не должен буду вытаскивать кого-нибудь из огня. Однажды ночью в литейной, запертой на замок, вспыхнул пожар. Страсть коммунаров была так велика, что Алеша Землянский прыгнул в литейную через трубу, чтобы затушить этот пожар. Такое воспитание для меня в последние годы не составляло никакого труда, и не нужно было никаких особых изобретений.

Мальчишеский коллектив, поставленный в здоровые педагогические условия, может развиваться до совершенно непредвиденных высот. Это я говорю с полной ответственностью и легкостью, потому что в этом не моя заслуга, а заслуга Октябрьской революции.

Могущество воспитательного приема у нас, в Советском Союзе, во-первых, неизмеримо, а во-вторых, мы даже представить не можем, каково оно может быть, если дальше будут так развиваться. Многие проблемы педагогические в моей практике разрешались даже для меня, человека, думающего в этой области, увлеченного этой работой, совершенно неожиданно.

Возьмите такой важный вопрос, как вопрос наказания, над которым теперь многие педагоги ломают головы, и не только педагоги, но и семьи.

У нас еще, вероятно, от Карамзина осталось русское интеллигентское прекраснодушие: как же так наказывать, ребенок – и вдруг наказывать! И у меня было такое отвращение к наказанию. Я начал свою работу с позорного дела – с преступления, настоящего преступления, которое карается 3 годами тюрьмы¹⁹. Я начал работу с уголовного преступления, с наказания незаконного, вопиющего по своему отвратительному виду, оскорбительного и для того, кто наказывает, и для того, кого наказывают. Начал не потому, что в этом был убежден, а потому, что не мог затормозить свои страсти, свои стремления. С этого начинается «Педагогическая поэма».

За 17 лет работы в детском коллективе, в конце концов это был один коллектив²⁰ – колония Горького, которая целиком перебежала в коммуну Дзержинского после моего перехода²¹, – это один коллектив, с одними привычками, с одними фантазиями, – я изменил свой взгляд на наказание. К концу пребывания моего в коммуне Дзержинского наказание приняло совершенно иные формы. Вот здесь присутствуют дзержинцы, они чувствуют это на себе.

Воровство – то преступление, которое повергает в панику даже энергичного педагога. Что делать, когда мальчик украл? Когда у дзержинцев такой мальчик украл в первый раз, его вызывают на середину комнаты, где проводится общее собрание, и говорят, что это последний человек, что это бездна, выражаясь андреевским языком²², что его надо выгнать, что с ним нечего считаться, но фактически его никогда не наказывают. Его хотят «убить», «казнить», но все прекрасно понимают, что никаких результатов этим не добьются, что наказание за воровство не приносит никаких результатов.

Чем ограничивались? Ограничивались тем, что говорили: ты украл, ты еще украдешь, ты еще два раза украдешь, а потом не будешь.

Он отвечал:

– Больше не буду.

– Что ж его наказывать, – говорят ему, – он ничего не понимает и украдет еще раз.

– Честное слово, нет.

– Нет, ты обязательно украдешь еще два раза.

И предсторитье [представьте. – Г.Х.] себе, он обязательно крал еще раз, и ребята тогда ему говорили:

– Мы же тебе говорили, вот ты и украл, и еще раз украдешь.

И действительно, у человека складывалось глубочайшее убеждение, что он еще раз украдет, именно раз, а больше не сможет. Это такое отношение к преступлению, какое может быть только в советском обществе, в советском воспитательном коллективе, уверенном в своей силе и в силе другого человека.

Но зато, если коммунар, проживший в коммуне 3-4 года, командир, по сигналу на сбор командиров приходит с опозданием на 2 минуты, то тут уже никто не будет думать – наказывать его или нет, обязательно накажут.

Это не воровство, это хуже воровства. Опоздал на 2 минуты – это 2 наряда, это 2 часа работы – мыть уборную или еще что-нибудь другое. И тут никто не скажет, что вы делаете с мальчиком, пожалейте. Если бы наказали за воровство, то обязательно ребята сказали бы: что вы делаете с мальчиком, он же ничего не понимает, он же «сырой»!

Вы понимаете, вопрос о наказании решается по-новому, потому что по-новому ставится вопрос об ответственности. Тут ты «сырой», у тебя нет социального опыта, нет человеческого опыта, поэтому ты за себя отвечаешь в очень небольшой дозе; а здесь ты коммунары, мы тебя, 27 чел., ждали 2 минуты, ты сознательно нарушил интересы коллектива, которые тебе поручено коллективом охранять, мой 2 раза уборную.

В этом наказании есть новая логика, и в наказании у дзержинцев вдруг стало звучать следующее: не имеет никакого значения, что именно, какая нагрузка дается в наказание, а имеет значение символ, что такой-то человек наказан, что он находится под арестом на 10 минут в кабинете заведующего.

А что это за арест? Приходит человек, берет книгу, садится на мягкий диван и спрашивает: «А.С., вы не знаете, завтра будет что-нибудь вечером или нет?» Потом 10 минут прошло, отбыл арест.

Какое это наказание? Однако попробуй наложить арест безнаказанно [безвинно. – Г.Х.]. Поднимает целый хай – я не виноват. Символ осуждения коллектива составляет очень существенный момент.

В самом наказании можно найти элементы особой чести. У дзержинцев это понятие о чести в лучшем ее значении сделалось последние годы огромнейшим моментом воспитания. Например, человек, проживший в коммуне больше месяцев 4, завоевавший доверие коллектива, получает звание коммунара, а до этого он называется воспитанником. Среди его привилегий есть такая: ему обязаны верить на слово. Если коммунары сказал: я там был, то никто не имеет права проверить, был он или не был. Эта привилегия может проистекать из убежденности в честности всего коллектива.

Если дежурный командир или просто дежурный мальчик, дежурный член санкома, а туда выбираются страшные «чистюльки» или девочки, и у санкома диктаторская власть, если он, разговаривая, сказал мне: вот, Антон Семенович, в такой-то спальне сегодня грязновато, то можно возразить: нет, у нас чисто. Но если вечером в официальном рапорте дежурный поднимет руку и скажет, что в 15-й спальне грязно, то проверять нельзя, здесь уже он ошибиться не может.

Вера в то, что в известном положении человек не может сказать неправду, делает то, что никто неправду не говорит.

Это и есть советская педагогика, основанная, с одной стороны, на страшном доверии к человеку, а с другой стороны, на бесконечном к нему требовании. Соединение огромного доверия с огромным требованием и есть стиль нашего воспитания. На этом построена вся общественная жизнь Советского Союза, это дает колоссальные результаты.

В коммуне Дзержинского и в колонии Горького в последние годы этот стиль является характерной чертой. Он не был моим изобретением, это естественная находка коллектива, и только потому, что коллектив этот не

коллектив батраков, не коллектив заводов Форда, это советский коллектив, коллектив людей, живущих в свободном государстве, и только тут возможен такой стиль работы.

Этот стиль я и хотел как-нибудь передать в «Педагогической поэме», чтобы заразить им не только педагогов, но и молодежь и вообще читателей.

К сожалению, я не решался еще описать опыт коммуны им. Дзержинского, тоже 8-летний опыт, а нужно было бы. Почему? Потому что там уже можно формулировать и аксиомы, и теоремы советского воспитания, формулировать точно и открыто, и доказывать. Надеюсь, что со временем это удастся сделать, тем более теперь, что это не только моя работа, а работа многих людей, и в особенности чекистов Украины²³.

Вот что я хотел сказать о своей книге, больше прибавить что-нибудь сейчас, пожалуй, не могу.

Но если вы не устали, товарищи, то я остановлюсь еще на одном общем вопросе. Я имею в виду тот самый вопрос, который я ставил в самом начале, – о том, что наша советская педагогика должна отправляться от политических целей, а в нашем представлении это значит от того, каким должен быть новый человек.

Моя книга открывается разговором с Завгубнаробразом, где сразу ставится вопрос о новом человеке, о том, что все надо делать по-новому.

А что же такое новый человек? Мало сказать – новый, надо его знать в подробностях, и вот это в моей книге, вероятно, показано слабо. А между тем я прекрасно знаю, что надо делать, я это делаю на живых людях, я это вижу в моем представлении, а в книге показать не сумел. Это потому, что я сбился на главную цель – показать прекрасный коллектив. В будущей книге я должен показать образец воспитания, образец, к которому мы должны стремиться как к нашей педагогической политической цели.

Три дня назад я получил письмо от бывшего своего воспитанника, которое меня очень растрогало, несмотря на то, что я обычно растрогован трудом. Он пишет, что за один свой подвиг, сущность которого он в письме рассказать не может, но который заключался в том, что он не дрогнул перед смертью, за этот подвиг он получил орден. Он мне об этом сообщает и благодарит. Говорит просто: «Спасибо вам за то, что вы нас научили не бояться смерти».

Тут для меня проглянуло лицо нового человека в простом выражении. Научить не бояться смерти – до такой проблемы не может подняться буржуазное общество. Там может быть случай, что человек не боится смерти, а когда человек благодарит за то, что его научили, – это тема советская. При старом режиме такое качество рассматривалось как данное человеку от рождения. Вот я родился храбрым, это мне присуще. А этот юноша утверждает, что его этому научили.

Может быть, он от природы храбрый человек, но уверенность в том, что это достоинство, которому его научили, благодарность за это – все это качество нашего нового, социалистического общества. Когда он пишет: вы меня научили, то он не меня лично благодарит, а коллектив горьковцев, который ему это свойство дал.

Я убежден, что если в будущем кто-нибудь такой образ идеального человека даст, то и работа всех нас, педагогов, будет значительно облегчена.

Я, товарищи, считаю, что о моей книге говорить довольно, тут есть вопросы, на которые нужно ответить.

Товарищей интересует судьба моих героев.

Я в книге об этом написал²⁴. Мне трудно отвечать на этот вопрос, потому что героев очень много, сколь же времени я займу для того, чтобы их перечислить. О Карабанове я вам говорил. Ужикова²⁵ я оставил в колонии им. Горького, и куда он девался, я сказать не могу. С Лаптем произошла печальная история, о ней я расскажу.

По-моему, и в книге видно, что это очень некрасивый человек. И вот он женился на писаной красавице, в чем и состояла причина его трагедии. Она ему, конечно, изменила, а он, конечно, устроил из этого личную трагедию. Бросил институт, не кончил высшего учебного заведения и пошел работать в какой-то жилкооп. Были постоянные драмы с женой. Мы узнали три года назад, что он пьет и страдает. У меня был устроен «консилиум»: приехал ко мне Карабанов, приехал Вершневу, и мы в общем заседании решили, что делать с Лаптем. Вершневу поехал к нему в Полтаву и сказал: «По распоряжению А.С. отправляйся к Карабанову, он тебя возьмет». Тот подчинился, поехал к Карабанову и работает завхозом. В прошлом году я был там и видел, что пить он уже перестал. Работает хорошо, но меня неприятно поразила память об этой женщине. Я не мог себе представить, чтобы в одной женщине заключалось столько отравляющих веществ (*в зале смех*). Это была настоящая отравка на всю жизнь, и, конечно, помочь тут уговорами нельзя. Карабанов – большой мастер на такие разговоры, он доказывал, что у него две руки, и такие же две ноги, а также два уха, но ничего не помогало. В общем я боюсь, что еще пройдет несколько лет, пока эта женщина из Лаптя выветрится. А жаль, потому что это был огневой талант, это был огневой юмор, человек необычайной коллективности. Очень жаль, что случайная встреча повлияла на него так. Но это произошло именно благодаря его страсти, искренности чувства, преданности просто какой-то безоглядой. Это его и скрутило.

Братченко работает ветеринарным врачом в кавалерийском полку в Новочеркасске. Он не изменяет лошадям. (*В зале смех.*)

В нескольких записках у меня спрашивают мнение о «Путевке в жизнь»²⁶.

«Путевка в жизнь» – страшная вещь. В этом году моя книга была переведена на английский язык, издавало ее одно буржуазное издательство в Лондоне. Оно мне поставило условием, что издаст книгу только под названием «Путевка в жизнь». Они сказали: «Иначе мы не можем, потому что, если будет заглавие „Путевка в жизнь“ – у нас книгу раскупят, а если другое название, то кто ее знает»²⁷. И как я ни вертелся, так ее и издали. (*В зале смех.*)

Я получил несколько отзывов английских газет, и все они почти написаны так: кто видел «Путевку в жизнь» и переувствствовал то глубокое пере-

живание, которое она вызывает, тот должен прочесть «Педагогическую поэму» – она дополняет «Путевку в жизнь»²⁸.

Так избавиться от «Путевки в жизнь» я и не мог, а между тем ничего общего между «Путевкой в жизнь» и «Педагогической поэмой» нет²⁹. Я не могу признать уместным разрешать такой важнейший вопрос, как вопрос воспитания, при помощи двух-трех фокусов с ложкой и т.п.

Но ведь это все-таки кинофильм, и в свое время он имел огромное значение. В кинофильме нельзя было показать педагогической проблемы, а тот же пролетарский гуманизм, та же вера в человека, та же страсть, какая есть и в нас, там показаны.

Конечно, когда «Путевку в жизнь» смотрят дзержинцы, они только улыбаются, потому что приятно, когда поют песенку беспризорные, приятно вспомнить, что когда-то и мы пели ее, но когда лучший герой вдруг становится кондуктором, то у коммунаров разочарование: стоило картину пускать из-за того, что человек стал кондуктором, вот если б летчиком! И это верно!

Конечно, эта картина очень неудачна, и смерть Мустафы не нужна никому, ни в чем она не убеждает, и кондуктор, и игрушечный поезд – все это окрашивает картину в искусственный цвет, но основной тон все-таки взят правильно.

Сейчас я пытаюсь сделать фильм, не я, собственно говоря, а редактор, с моей помощью³⁰. Причем нам хочется взять совсем новую тему. Мы считаем, что довольно показывать героиню пройденного, не надо показывать Мартынова и т.д. Романтизм борьбы человека с беспризорным кончен. Есть уже прекрасные готовые коллективы, где по неделям не приходится делать ни одного замечания. Надо показывать готовый советский коллектив, где это «сырье» переваривается незаметно для глаза.

Я вам расскажу об одном из пополнений коммуны им. Дзержинского. Нам сказали: надо взять сегодня 30 чел. с поездов. Раз надо, – следовательно, выполняй.

Едут на вокзал 3 человека: Алеша Землянский – «Робеспьер», Робеспьером в коммуне его называли за то, что он за каждое преступление требовал выгнать из коммуны. Или выгнать, или никакого наказания. Едем: Робеспьер, я и еще 2-3 чел. На вокзале знакомимся со стрелком и говорим: «Дайте нам комнату, мы сегодня собираем пополнение в коммуну».

«Пожалуйста, вот вам комната».

Подходит один поезд, другой, третий, четвертый. Поездов много. Эта тройка заглядывает под вагоны, залезает на крыши и приглашает следовать за собой. Кого за ногу вытащили, кому просто сказали. Действуют без лишних нежностей. Вводят всех в комнату. У дверей комнаты становится часовой. Собирается 30 чел. Страшно возмущены:

– Кто вы такие, какое ваше дело, что вам надо?

В комнате всего 3 чел. против этих 30. Преимущество то, что трое организованны, а 30 – нет. После этого начинается митинг. Митинг самый простой:

– Товарищи, вы тут шатаетесь, по поездкам ездите, а у нас рабочих рук не хватает. Куда это годится? Нам рабочие руки нужны. Будьте добры, помогите нам работать.

– А что там такое?

– Завод строим, не хватает рабочих рук.

– Посмотрим...

– Да чего смотреть, идем сейчас, у нас оркестр, кино, спектакли.

Начинают интересоваться. Тогда [им] говорят:

– Вот вам Алеша, он остается вашим командиром, вот деньги на ужин, без разрешения Алеши никуда не уходить, часового снимаем. Если он [командир. – Г.Х.] разрешит выйти на 5 минут, выйдешь и через 5 минут не вернешься, лучше совсем не приходи. А мы завтра придем.

Завтра приезжает грузовик и привозит ботинки. Просто неприлично идти по улице без ботинок. Все остальное привезти нельзя, надо их обмыть, уничтожить «блондинок» и т.д. Они надевают ботинки. Одежда их обычно не застегнута, держится на плечах. Тут Алеша строит их в комнате по шести чел. в ряд, 5 рядов, командует – равняйся, держите интервал.

– В ногу умеете ходить?

– Пойдем.

Из комнаты Алеша их не пускает. Настроение ироническое: что такое, ботинки привезли, какие-то 5 рядов по шести, какой-то командир!..

А в этот момент к вокзалу подходит коммуна в парадной форме. Это значит – в белых воротниках, золотая тубетейка, галифе, словом, полный парад. Строй у них очаровательный, свободный, физкультурный, повзводно, оркестр в 50 чел., серебряные трубы и знамена.

Подошли, выстроились в одну линию, заняли всю вокзальную площадь, расчистили интервал для нового взвода. (*В зале смех.*)

– Алеша, выводи!

Вы представляете себе, пол-Харькова на этом вокзале, никто не понимает, в чем дело, почему парад, все серьезные, никто не улыбается.

Выходит Алеша со своим собственным взводом. Команда: «Смирно! Равнение налево!» Салют. Что такое? Коммунары салютуют своим новым членам.

Взвод проходит по всему фронту, все держат руку, поворачивают голов[ы], оркестр гремит им: «..... Союза».

У публики нервный шок, слезы, а для беспризорных – это все равно, что хорошая «педагогическая оглобля» по голове. Такая встреча! После этого справа по шестерке марш, через весь город. Оркестр, знаменщики, особый взвод, все в белых воротниках, мальчики, потом девочки, а в середине – этот новый взвод. Идут серьезно, видят, что дело серьезное.

Без всяких преувеличений – на тротуарах рыдают женщины. Так и надо, надо потрясти.

Приходят в коммуны, баня, парикмахер – это час. Через час это общий взвод, они уже входят в общую семью. Попробуйте любого беспризорного

остричь, помыть, одеть в парадную форму с вензелем, начищенные ботинки, галифе – и он войдет в общий строй.

И последний акт – это сжигание остатков прошлого. Одежду поливают керосином и поджигают. Прекрасное зрелище, без всякой помпы, а уже с шутками, со смехом. Потом замели метлой – и ничего не осталось.

А вечером, посмотрите на них, какие они нежные, осторожные, вежливые, боятся кого-нибудь зацепить, с каким они удивлением глазают на всех коммунаров, и на меня, и на девочек, и на педагогов, – словом, на все.

У этих 30-ти все будет в порядке. Один какой-нибудь выскочит, что-нибудь проявится, какая-нибудь привычка, его выведут на общее собрание, и обязательно Робеспьер скажет:

– Выгнать!

Он еще раз переболеет душой, и этим кончится. Что он может сделать?

Вы видите, как незаметно для глаза вся эта страшная трагедия, начавшаяся мордобоем, сейчас разрешается почти без всякого усилия.

Тут спрашивают: «Есть ли колонии для детей безнадзорных, у которых есть родители, но они заняты работой?»

Такие колонии разрешены уже постановлением ЦК партии от 1935 г.³¹, но я ни одной не знаю. Сам мечтаю как о лучшем конце моей жизни завести такую колонию. (*Аплодисменты.*)

Дело в том, что безнадзорные родительские дети гораздо труднее. Вот в последние три месяца мне поручили организовать новую колонию под Киевом и привезли ко мне исключительно таких семейных детей³², потому что родители большей частью люди либо зажиточные, либо это ответственные работники. Мое положение было очень тяжелым; потому что, когда ко мне привозили 15-20 чел. беспризорных, было гораздо проще. А тут привозили из тюрьмы 15 чел., конвой подавал истрепанную бумажку и говорил:

– Расписывайтесь.

Я расписывался и ужасался, потому что конвой снимал штыки с винтовок и уезжал, а эти 15 пацанов и я оставались друг против друга. Беспризорные у меня в руках, потому что им больше некуда ехать, а этот говорит:

– Я не хочу тут жить, тут плохо кормят, у папы лучше, у папы можно украсть 2 рубля на кино, а тут взять негде.

И кроме того, они избалованы, это почти всегда единственные сыновья. Я надеюсь, что когда-нибудь будет дан такой декрет: у кого родился сын, а через 3 года не родился второй – штраф. (*В зале смех.*)

Мне задают такой вопрос: «Сколько нужно, по-вашему, времени, чтобы раз и навсегда уже из беспризорного воспитать настоящего человека?»

Тут решает вопрос начальная стадия. Если вы берете мальчика 8 лет, то нельзя быть уверенным, что он совсем воспитан, пока ему не будет 18 лет. Сам он, лучший мальчик, вытолкнутый в жизнь очень рано, может свихнуться. Для того, чтобы ответить [на] это, необходимо, прежде всего, знать лета, затем колоссальное значение имеет образование, причем беспризор-

ным очень помогает среднее образование. Кто окончил полную среднюю школу, у того рецидивов быть не может, а у малограмотных иногда рецидивы бывают.

Где я теперь работаю, и как реагировали на «Педагогическую поэму» беспризорные, увидев свои портреты?

Я болен, у меня переутомлены нервы, и мне врачи предложили годок не работать. Поэтому я сижу в Москве, ничего не делаю и пишу книгу.

Герои «Педагогической поэмы» никак не реагировали. У них такой критерий: если написана правда, значит, хорошо. Так как написана правда, то они решили, что это хорошая книга – и все. Причем каждый из них глубоко убежден, что если бы он сел писать, то написал бы такую же книгу. Следовательно, особого преклонения у них предо мной на этот счет не было. Это хорошо.

Тут спрашивают относительно книги Шишкова «Странники»³³.

О воспитании там мало говорится, а что касается беспризорных, то эта часть там изображена неверно.

Тут написано: «Дзержинцы считают, что летчики важнее кондукторов, верно ли это?»

Во-первых, это не только дзержинцы; а во-вторых, не в важности дело. Дело в том, что у летчиков есть столько притягательных сторон, сколько у кондукторов никогда не будет. Во-первых, металл, машина, бензин; во-вторых, высота, воздух; в-третьих, опасность; в четвертых, красивая форма; в-пятых, общий букет советских летчиков. Это даже взрослого человека может увлечь. Советский летчик, летчик Арктики, сколько имен, сколько орденосцев, что ж вы хотите, чтобы мальчика это не привлекало? Кондуктор может прекрасно работать, но все-таки неплохо, если мальчик помечтает в своей юности о том, что он станет летчиком, хотя, может быть, на самом деле он будет прекрасным кондуктором.

«В чем заключалась борьба с детской беспризорностью в дореволюционное время?»

В дореволюционное время у беспризорного была одна дорога – в «мальчики». Я вышел из той социальной среды, в которой большинство моих товарищей уходило в «мальчики» – кто к сапожнику-кустарю, кто к жестянщику, маляру и т. п. Почему уходило они в «мальчики», а не на улицу? Потому что иная позиция была мальчика в семье. Теперь мальчик свободен, он чувствует себя гражданином, он настолько доверяет всей нашей жизни, что претя куда попало. Он действительно нигде не пропадет.

Я очень хорошо знаю теперешних мальчиков, у меня большой ассортимент знакомых на Украине. Что они делают? Обычно передвигаются: Одесса, Винница, Полтава, Киев, Харьков, опять Одесса и т. д. Они бродят, воруют и смотрят, где лучше. В этих поисках у них очень много возможностей.

До последнего постановления партии о ликвидации беспризорности мильтон³⁴ был враг беспризорников. За последние 2 года это отношение резко изменилось. Не нравится ему в детдоме, он удрал и идет к милиционеру. Ему он прямо заявляет, что ушел из детдома. Какой расчет? Отведут в другой детдом, может быть там лучше. Эта типичная беспризорность, теперь ликвидированная, была страшна не столько числом, сколько движением. Один и тот же беспризорный очень быстро оборачивался в разных городах, а фактически это немногочисленное войско.

Когда мы принялись за выполнение постановления партии о ликвидации беспризорности, мы боялись: сколько их, тысячи, десятки тысяч? А когда мы их взяли в руки – а это чекисты все-таки смогли сделать, – когда мы их пересчитали, переписали, карточки завели, то их оказалось не так уж много. У нас в Киеве была картотека с портретами всего этого общества, и мы прекрасно их знаем. Скажем, Павел был сначала в Днепропетровске, потом в Одессе, потом в Харькове и т. д. Мы знаем каждого, кто проходит через наши руки. Мы ждем, когда же он осядет, когда он найдет для себя место. Как знать, что ему понравится – картина ли, помещение, управляющий, товарищи, а как только понравится, так он и осядет. Осядет такой Павел, живет-живет месяц, а ему и говорят: ты инструктора оскорбил, мы тебя в другую колонию переведем. И вот, если он упадет на колени и начнет кричать, что больше не будет, конечно: значит, наш.

До революции у мальчиков никаких перспектив не было, они работали с утра до вечера, бегали за водкой и знали, что податься им некуда. А теперешний беспризорный – куда хочешь: хочешь в инженеры – пожалуйста, в летчики – пожалуйста.

Вот здесь сидит Пищик, он теперь будет летчиком. Я думал, что Пищик с таким характером: то ли выйдет, то ли нет; а теперь он поступает в летную школу. И это очень хорошо, что он туда идет, потому что он мастерски делает «мертвые петли» и в буквальном смысле, и в переносном. Он долго искал и наконец осел в коммуне.

Какую я получил награду за свою работу?

Во-первых, я получал жалованье, а во-вторых, золотые часы с надписью от коллегии НКВД³⁵.

«Женаты ли вы?»

Вопрос такой, от которого краснеть не приходится. Представьте себе, в колонии Горького мне жениться не позволяли. Как только увидят с какой-нибудь женщиной рядом, так и надулись: что ж вы, А.С., мы, конечно, для вас ничего. Поэтому до 40 лет мне было просто некогда жениться, а сейчас – женат, и гораздо более счастливо, чем Лапоть³⁶.

Какие наказания я считаю возможным применять в массовой школе?

Я не имею права отвечать на такой вопрос, потому что я скажу вам что-нибудь, а вы потом своему начальству бухнете, и меня обвинят, что я за наказание.

Если бы школа была у меня в руках, то я бы никаких мер наказания не применял, кроме двух: выговор и увольнение из школы³⁷. Надо только сделать так, чтобы не директор увольнял, а коллектив, тогда другое дело.

Поэтому говорить о наказании я не могу, не говоря вообще о детском коллективе. Увольнять должен коллектив, а уж если [провинившийся] просит – простите, больше не буду, то отмена решения производит большое впечатление. Никаких других наказаний я себе представить в массовой школе не могу.

«Дает ли положительные результаты отправка беспризорных в колхозы?»

Дает, но если это сельские дети, а не городские, а во-вторых, если в колхозах им уделяют хотя бы маленькое внимание: дают хорошую квартиру, хорошую бригаду, купают своевременно, и т. д. В таких случаях дает большие результаты. Если же в колхозы посылают городских детей, и тем более там, где колхозники к этому относятся враждебно или небрежно, никаких результатов нет.

«Каково ваше мнение о книге „Болшевы“?»

Я не имел в виду говорить о ней, потому что там иные дети и совершенно другие задачи воспитания³⁸.

«Много ли в коммуне девочек, и как складываются их отношения с мальчиками?»

Вопрос действительно серьезный. Примерно в 1930 году в коммуне пошла страшная мода на любовь. Об этом и в газете писали, и карикатуры рисовали, и вызывали на общие собрания. Сначала все были поражены такому развитию любви. Страшно против этого были настроены малыши. Если они увидят какого-нибудь взрослого в саду вдвоем, тем более один вечер парочку, да другой вечер, то обязательно поднимут на общем собрании вопрос: а пусть-ка скажет Иванов общему собранию, какие у него секреты с Верой. Иванов выходит и говорит:

– Какие секреты, я геометрию ей объяснял.

– Геометрию? А почему же в темном углу?

Сначала покраснеет человек, а потом доводят его до того, что никакого спасения. Сначала говорили: пусть скажет Кирилл, почему он все время с Варей. И Кирилл молчал. А потом вышел, покраснел, а в это время какой-то тоненький голосок пропищал: «Да он влюблен».

Тогда поручили Антону Семеновичу выяснить, влюблен или нет. Я выяснил и доложил:

– Влюблен. (*В зале смех.*)

Решили женить. Выдали гардероб, шкаф, [швейную] машину, квартиру, это стоило страшных денег, и женили их.

А потом – раз все так кончилось, всякая другая любовь пошла быстро и энергично. Я очень испугался. Думаю: чем это кончится, молодежи в 18 лет

жениться рано, что это за женитьба, а потом – откуда я наберу денег? Тем не менее, я пошел на самое отчаянное средство, и, представьте себе, оно помогло. Как только увижу парочку – женитесь. Вот вам квартира, машина – и кончено.

Представьте себе, это произвело страшное впечатление. Парень думает: неужели уже жениться, да что ж это такое, куда мы идем, погибаем! Ведь в каждой семье сразу появились отрицательные черты: нужно жить на свой заработок, на свой бюджет, а не на коммунарский, надо рассчитывать деньги, а потом в 19 лет уже пеленки – небольшое счастье. И вы знаете, как рукой сняло! Только увидишь парочку: ты что, жениться хочешь? Начинают отговариваться: да нет, мы случайно встретились. И последние 3 года почти не было браков. Публика увидела, что женитьба – очень серьезное и имеющее всякие последствия дело, в том числе и отрицательные последствия. Стали относиться к браку серьезнее.

А так, чтобы разврата какого-нибудь – в коммуне никогда не было. Просто вот не было! Может быть, и был, но я об этом не знаю.

«Не следует ли из хулиганов создавать отдельные группы и вести с ними работу?»

Я бы хулиганов не выделял, это очень опасная вещь. Если у вас есть очень сильный педагог, то он может заняться с этой группой, но самое лучшее воздействие – это воздействие коллектива.

Здесь спрашивают, какова судьба Веры и Наташи³⁹.

Вера вышла замуж, и с ней произошла интересная вещь. В один прекрасный день она заявила в совет командиров, что ее ударил муж. Совет командиров постановил развести. Решили: его выгнать с должности, которую он занимал, сына числить за коллективом, с уплатой ему из фонда совета командиров пенсии в размере 100 руб. в месяц до достижения 8 лет, а после 8 лет считать членом коммуны.

Этот муж принужден был уйти, поехал он в Сочи, а в Сочи работали шоферами два старших воспитанника. Они узнали эту историю и сказали ему:

– Ты из Сочи уезжай. Мы тебе здесь не позволим оставаться. Как ты мог ударить Веру и приехать сюда, какое нахальство!

Он ездил так, ездил и приехал в коммуну, и к Вере, на коленях – прости!

Женщина добрая, а возможно, тут и любовь, и сын, она в совет командиров его прощать:

– Я его прощаю.

– Что ты нам голову морочишь, он тебя ударил, и ты его прощать? Пускай уезжает!

Он пришел сам [в совет командиров], буквально земно поклонился и говорит:

– Никогда в жизни не трону.

Простили, восстановили семью, стипендию отменили. Пока живут благополучно и работают.

От Наташи вчера получил письмо, кончает Одесский медицинский институт и просит меня помочь ей. Пишет, что ей предстоит остаться в Одесской области, а она хочет на Дальний Восток, как бы это устроить. Я, может быть, ей помогу.

Спрашивают насчет пионерорганизации.

В этом отношении у нас всегда было сложно. Ребята 12-13 лет, а интересы уже другие. В 13 лет он токарь 4-го разряда, руководит, какой же я пионер, если я токарь 4-го разряда? А есть Лапотенко Гриша, так он руководит группой фрезерных станков, он знает настолько геометрию, что может рассчитать ...⁴⁰. Он говорил: какой же я пионер, я хочу быть комсомольцем! Вот он и ждет. Из коммуны им. Дзержинского обязательно выходят комсомольцы, а в пионеры идут неохотно. Но пионеры есть, и в последнее время они наладили свою работу.

Что касается моего опыта в массовой школе, то я считаю единственным способом передачи этого опыта только свою собственную работу в массовой школе или моих учеников. Методику я не пишу, а коротко не расскажешь.

Спрашивают о Калине Ивановиче.

Представьте себе, мне сказали, что он умер. Я поверил, а в прошлом году получил вдруг от него письмо, где написано: «Я прочел твою книгу, и так как ты обо мне пишешь очень хорошо, то похлопочи, чтобы мне дали персональную пенсию». Я хлопотал, но эти хлопоты не увенчались успехом, хотя ему и прибавили 75 рублей.

К о н е ц

КОММЕНТАРИЙ

ИМЛИ, 114-1-2.

Стенографический отчет. Организованная по поручению Лекционно-экскурсионного бюро Московского областного совета профессиональных союзов лекция была прочитана в Большой аудитории Гос. политехнического музея в Москве. Машинописный экземпляр подлинника, напечатан под копирку. Объем документа: 53 пронумерованные страницы, текст на которых расположен с одной стороны. Название: «Лекционное бюро М.О.С.П.С. Стенограмма лекции тов. Макаренко „Художественная литература о воспитании детей“». В афише тема лекции звучит более адекватно: «Художественная литература о воспитании безнадзорных детей» (РГАЛИ, 332-4-433; ПС 7, с.298-99).

Судя по афише, эта лекция была прочитана педагогом-писателем в рамках специального лекционного цикла «Литература». Причем выступление педагога-

писателя являлось уже 6-м по счету в том цикле. В данном мероприятии, кроме Макаренко, принимали участие Заслуженный артист Республики И. А. Залесский и артист МХАТ Ю. Э. Кольцов. Очевидно, их роль – чтение отрывков из цитированных оратором художественных произведений.

Публ. (в значительно сокращенном виде и с многочисленными изменениями): ПС (1948), с.207-33; С 5 (1951), с.338-67; С 5 (1958), с.358-87. Один ликвидированный там большой фрагмент, где речь идет о произведениях репрессированных авторов, максимально восстановлен под ред. М.Ф. Гетманца в 9-й кн. сборника «А.С. Макаренко» (Львов, 1974, с.100-04) и позже с дополнительными изменениями и сокращениями текста стенограммы включен и в ПС 7, с.26-50.

¹ «Вы знаете, что волей нашей партии уничтожена педология». См. док. № 1, прим.3.

² «Эта теория близка к теории Ломброзо, который утверждал, что люди рождаются с преступными наклонностями». Итальянский судебный психиатр и антрополог Чезаре Ломброзо (Lombroso; 1835-1909) являлся создателем спорного учения о «прирожденном преступнике».

³ «Рефлексология, направление в рус. психологии нач. 20 в. Создателем и признанным лидером ее был В.М. Бехтерев (1857-1927; „Основы рефлексологии“, 1920). Становление рефлексологического учения происходило под влиянием идей И.М. Сеченова о рефлекторной природе психики, а также развития физиологии» (РПЭ 2, с.259). Бехтерев – последователь учения И.П. Павлова о безусловных и условных рефлексах (лат. reflexus – отражение).

Имеется в виду наука о внешних проявлениях душевного, психического состояния в движениях, действиях, поступках, поведении, образе жизни. Виды рефлексов отличаются степенью сложности, скорости и длительности реакции. Отсюда – по Бехтереву – задачи рефлексологии: фиксация и изучение актов движений, поведения; типология таких актов по признаку частоты и силы внешнего воздействия, вызвавших определенный тип актов.

Судьба рефлексологии оказалась весьма драматичной. Использование ее базовых начал оказалось плодотворным и эффективным как в науке (физиология, медицина, педагогика, социальная психология и др.), так и в искусстве (творчество писателей-экзистенциалистов; система Станиславского в театре; фильмы Чаплина и мн. др.). Но эпигонство, грубейшая вульгаризация, слепой механический, зачастую своевольно-чиновничий подход к сложному, многоаспектному учению в Советском Союзе с 1930-х годов дискредитировали рефлексологию. Ее «поправили» с позиции сталинско-лысенковского «диалектического материализма» и вычеркнули из науки безусловные рефлексы. С разгромом биологической науки (1948 г. и далее) рефлексология в СССР прекратила свое существование.

⁴ *Гармоническая личность*. См. раздел «Цели воспитания» из фрагмента «Опыт методики работы детской трудовой колонии» (1931 г.), где Макаренко пишет: «В начале революции наши педагогические писатели и ораторы, разогнавшись на западноевропейских педагогических трамплинах, прыгали очень высоко и легко „брали“ такие идеалы, как „гармоническая личность“. Потом они заменили гармоническую личность „человеком-коммунистом“, в глубине души успокаивая себя соображением, что это все равно. Иногда они расширяли идеал и [про]возглашали, что мы должны воспитывать „борца, полного инициативы“» (ПС 1, с.167-68).

⁵ Продолжение данной цитаты: «[...] на идее долга. Правда, он прибавляет слово „пролетарский“, но это не может, товарищи, скрыть от нас истинную сущность идеи. Мы советуем товарищу Макаренко внимательно проследить исторический генезис идеи долга. Это идея буржуазных отношений, идея сугубо меркантильного порядка. Советская педагогика стремится воспитать в личности свободное проявление творческих сил и наклонностей, инициативу, но ни в коем случае не буржуазную категорию долга» (GW 5, с.243-44; ПС 3, с.442).

⁶ «Я только что вернулся с Украины, где участвовал последние два года в организации новых трудовых колоний». См. док. № 2, прим. 9.

⁷ «Начнем с классической книги Сейфуллиной „Правонарушители“». См. док. № 2, прим.15.

⁸ Продолжение данной цитаты: «[...] с губами тонкими вошел. На голове, остройверху, кепка приплюснута была на самые глаза. Ступал твердо. Точно каждым шагом землю вдавливал. И башмаки, чисто лапы звериные, вытоптались. Как вошел, на стул плюхнулся. И стул тоже в пол вдавливался» (ПС 7, с.32).

⁹ Продолжение данной цитаты: «Над всем смеялся. Как говорил, руки все тер ладонями одна о другую, ежился, ноги до колен руками разглаживал. Весь трепыхался. Смирно ни минуты не сидел. Каждый сустав у него точно ходу просил» (ПС 7, с.32).

¹⁰ Семен Карabanов – персонаж «ПП». Его прототип: Калабалин С.А. (1902-1972), педагог. Один из первых воспитанников колонии им. Горького. В 1928-31 гг. и с 1935 г. работал в воспитательных учреждениях в УССР и РСФСР (РПЭ, т.1, М., 1993, с.410).

¹¹ «Следующая книга, которая составила эпоху художественной литературы о правонарушителях, – это „Республика Шкид“». См. док. № 2, прим.16.

¹² «[...] как педагогический труд, эта книга („Республика Шкид“) неудачна, причем даже причины самой неудачи можно вскрыть по книге». Горький, который весьма положительно отзывался о «Республике Шкид» (альманах «Круг», № 6, М., 1927), при этом отмечал, что ее значение «не может быть переувеличено», рекомендовал прочитать эту книгу и написать рецензию некоторым своим корреспондентам, в т.ч. и Макаренко в письме от 28.03.1927 г. (см.: Переписка, с.47). В следующем его письме (от 25.02.1928 г.) Макаренко не откликнулся на эту просьбу, лишь через 9 лет, уже после смерти «пролетарского писателя», он негативно оценивал «Республику Шкид» – после данного выступления (21.04.1937 г.) также и в статье «Детство и литература» (написанной 06 и 08.05 и опубликованной 05.07.1937 г. в «Правде»).

¹³ Город Калинин – название г. Тверь с 1931 по 1990 г.

¹⁴ «Есть еще одна книга, которую вы, вероятно, мало читали, это „Утро“ Микитенко. Написан только 1-й том, книга не окончена». Микитенко И.К. (1897-1938; репрессирован), сов. укр. писатель – автор романа «Ранок» (кн.1; перевод на рус. яз.: «Утро», 1933). Он 28.01.1932 г. посетил «Дзержинку» и записал в «книге отзывов» (перевод с укр. яз.): «Коммуна имени Феликса Дзержинского произвела на меня такое светлое, радостное, незабываемое впечатление, какое не часто бывает в жизни. Растут прекрасные, крепкие, способные и преданные строители социализма. Очень жалею, что не был знаком с коммуной раньше [...]» (Нежинский Н.П. А.С. Макаренко и педагогика школы. Киев, 1976, с.89). В связи с работой над второй книгой своего романа Микитенко вновь приезжал в «Дзержинку» – июнь 1934 г. Вторая книга в свет не вышла.

¹⁵ «Я как раз эту коммуну знаю [...]». Действие романа «Утро» происходит в трудкоммуне № 2 им. Балицкого под Прилуками, которая с января 1936 г. подчинялась Отделу трудколоний НКВД УССР (см.: док. № 2, прим.9).

¹⁶ «Я не был никогда удовлетворен работой воспитателей. Когда книга писалась, я уже работал без воспитателей. Они постепенно растерялись, а последний персонал в коммуне им. Дзержинского я снял в один день». См. док. № 2, прим.33.

¹⁷ «[...] когда в 1931 г. коммуна за одну неделю увеличила свой состав со 150 до 350 чел.» Такой набор в коммуну им. Дзержинского в 150 (а не 200) чел. проводился в связи с расширением производства осенью 1931 г. (Вт.р., с.37).

¹⁸ «Но в коммуне им. Дзержинского было кем заменить воспитателей. Там была школа-десятилетка». См. док. № 1, прим.10.

¹⁹ «Я начал свою работу с позорного дела – с преступления, настоящего преступления, которое карается 3 годами тюрьмы». См. док. № 3, прим.5, 6.

²⁰ «За 17 лет работы в детском коллективе, в конце концов это был один коллектив [...]». Срок своей работы в колонии и коммуне (1920-1935 гг.) Макаренко здесь и в других выступлениях продлевал на один или два года – по всей вероятности, с целью умолчать о своей деятельности в аппарате НКВД УССР (до февраля 1937 г.). Этому же метода придерживалась и вдова в ее предисловиях к изданиям произведений А.С. Макаренко, а также первый биограф Е.Н. Медынский в своих монографиях, написанных в 1940-х гг. Здесь – а вместе с тем и в литературе о Макаренко до 1949 г. – отсутствует какое-либо указание на жизнь и службу педагога-писателя в Киеве.

²¹ «[...] колония Горького, которая целиком перебежала в коммуну Дзержинского после моего перехода». Это не соответствует действительности. Общее число колонистов-горьковцев в 1927/28 г. – припл. 400 чел. В момент открытия коммуны им. Дзержинского в декабре 1927 г. первая партия воспитанников из колонии им. Горького насчитывала всего 60 чел. – 50 мальчиков и 10 девочек (Вт.р., с.15). Позже к этой партии добавлялись только отдельные колонисты-горьковцы.

²² «[...] говорят, что это последний человек, что это бездна, выражаясь андреевским языком [...]». Андреев Л.Н. (1871-1919), рус. писатель. «Ранние рассказы носили демокр. и реалистич. характер». Позднее «усиливаются декадент. тенденции» (СЭС, с.56).

²³ «[...] это не только моя работа, а работа многих людей, и в особенности чекистов Украины». Это последняя ссылка Макаренко на заслуги сотрудников НКВД УССР в ликвидации преступности и беспризорности среди подростков. Через месяц, на июньском (23.-29.06.1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б), нарком внутренних дел УССР В.А. Балицкий, его многолетний покровитель, был исключен из состава членов ЦК, а 7 июля (во время командировки) арестован (Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьев В. ЧК – ГПУ – НКВД в Україні: особи, факти, документи. Київ, 1997, с.67, 437).

²⁴ «Товарищ интересуют судьба моих героев. Я в книге об этом написал». См. 3-ю часть «ПП», гл. «Эпилог».

²⁵ ПС 7, с.299, пр.10: «Здесь и далее А.С. Макаренко, называя персонажи (!) „Педагогической поэмы“, рассказывает о дальнейшей судьбе их прототипов, бывших колонистов-горьковцев: Н.П. Лапотецкого, Н.Ф. Шершнева, А. Браткевича. А. Ужиков – собирательный образ, его прототипы – Фейгельсон и один из Ивановых».

²⁶ «В нескольких записках у меня спрашивают мнение о „Путевке в жизнь“». См. док. № 2, прим.2.

²⁷ В сентябре 1936 г. в лондонском издательстве S. Nott в переводе на английский язык вышла 1-я часть «ПП», под заглавием «Road to Life» (GW 13, с.51). Мнение, что это решение издательства было принято из коммерческих соображений с желанием повторить всемирный успех фильма «Путевка в жизнь», соответствует действительности; см. публикацию английского историка Дж. Данстона (John Dunstan): „Der Weg ins Leben“ oder wie Makarenko in England bekanntgemacht wurde. Vom „Buch zum Film“ zum „Film zum Buch“ / Stand und Perspektiven der Makarenko-Forschung. Materialien des 6. internationalen Symposions (18. April – 2. Mai 1989). Hrsg. v. G. Hillig u. S. Weitz. München, 1994, с.256-77.

²⁸ «Я получил несколько отзывов английских газет, и все они почти написаны так: кто видел „Путевку в жизнь“ и перечувствовал то глубокое переживание, которое она вызывает, тот должен прочесть „Педагогическую поэму“ – она дополняет „Путевку в жизнь“». В «Лит. газете» от 15.03.1937 г. (№ 14, с.3) помещены отрывки из рецензий на английское издание 1-й части «ПП»: «Manchester Guardian», «The Times Literary Supplement», «Daily Worker», «The Christian Science Monitor», «The Granta», «Monthly Review of the USSR Trade Delegation in Great Britain», «The new English Weekly», «Reynolds News».

²⁹ «„Путевка в жизнь“ – страшная вещь». [...] между тем ничего общего между «Путевкой в жизнь» и «Педагогической поэмой» нет». Непонятное для теперешних читателей обстоятельство: как это Макаренко столь категорично отмежевывается от фильма «Путевка в жизнь»? Такой демарш, по всей вероятности, можно объяснить арестом организатора трудкоммун ОГПУ-НКВД СССР, бывшего наркома внутренних дел СССР Г.Г. Ягоды, о котором «Правда» сообщила 03.05.1937 г., т.е. за три недели до данного выступления. Интерес в этом отношении представляют слова Макаренко о настоящем мероприятии через год (!), во время его выступления на московском Станкозаводе им. С. Орджоникидзе (09.05.1938 г.; док. № 11): «До сих пор мне приходилось разговаривать с педагогами, главным образом, и случайными читателями в Политехническом музее и т.д.». Таким образом, причиной цитированного выше довольно странного высказывания Макаренко о фильме «Путевка в жизнь» после ареста многолетнего госпопечителя Болшевской коммуны мог быть страх перед неизвестной ему публикой в московском музее.

Примечательно, как составители семитомника «Сочинений» Макаренко обращались с выше цитированным высказыванием «„Путевка в жизнь“ – страшная вещь. [...] между тем ничего общего между „Путевкой в жизнь“ и „Педагогической поэмой“ нет». Первую фразу вообще исключили (лишь в восьмитомнике «Педагогических сочинений» она – по всей вероятности по ошибке – была восстановлена), а вторую препарировали по идеологическим канонам отечественной педагогики 1940-50-х гг. (в восьмитомнике эта фраза вновь дана по семитомнику): «„Путевка в жизнь“ и „Педагогическая поэма“ объединяют советские принципы отношения к человеку, а методы воспитания в этих произведениях разные»; см.: С 5 (1951), с.359; С 5 (1958), с.379; ПС 7, с.43.

³⁰ «Сейчас я пытаюсь сделать фильм, не я, собственно говоря, а редактор, с моей помощью». ПС 7, с.299, пр.12: «Говорится о сценарии, который затем стал основой для книги „Флаги на башнях“».

³¹ «Такие колонии (для детей безнадзорных) разрешены уже постановлением ЦК партии от 1935 г. [...]». Речь идет о постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31.05.1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» (см. док. № 2, прим.9).

---

³² *«Вот в последние три месяца мне поручили организовать новую колонию под Киевом и привезли ко мне исключительно таких семейных детей».* См. док. № 2, прим.10.

³³ *Шишков В.Я.* (1873-1945), рус. сов. писатель. Автор повести «Странники» (1931 г.), в котором рассказывается о жизни беспризорных в детском доме.

³⁴ *«До последнего постановления партии о ликвидации беспризорности мильтон был враг беспризорников».* «Мильтон» (жаргон) – милиционер.

³⁵ В связи с 5-летием «Дзержинки» 29.12.1932 г. Макаренко за свои заслуги перед коммунальной коллегией ГПУ УССР был награжден грамотой и именными золотыми часами. «Правление коммуны присвоило ему звание ударника с вручением значка. Наркомпрос УССР и Комиссия по борьбе с детской беспризорностью Харьковского облисполкома отметили его многолетнюю работу грамотами» (ПС 7, с.300, пр.17).

³⁶ *«[...] до 40 лет мне было просто некогда жениться, а сейчас – женат [...].»* «Макаренко (Салько) Галина Стахивна – жена педагога-писателя, его соратник в педагогической, литературной и общественной деятельности с осени 1929 г.» (ПС 7, с.300, пр.18). Как видно из их переписки, оба уже годом раньше считали себя мужем и женой. Регистрация брака состоялась лишь в сентябре 1935 г. в Киеве.

³⁷ *«Если бы школа была у меня в руках, то я бы никаких мер наказания не применял, кроме двух: выговор и увольнение из школы».* Позднее, осенью 1938 г., в одном из своих выступлений в Ленинграде (док. № 15), Макаренко говорил: то, что применялось им в практике наказания, «было бы полезно в школе».

³⁸ *«„Каково ваше мнение о книге «Болшевыцы»?“ Я не имел в виду говорить о ней, потому что там иные дети и совершенно другие задачи воспитания».* 27.08.1936 г. «Лит. газета» (№ 48, с.3) опубликовала подробную рецензию Макаренко на сборник «Болшевыцы. Очерки по истории Болшевской имени Г.Г. Ягода (!) трудкоммуны НКВД» (под ред. М. Горького, К. Горбунова и М. Лузгина; М., 1936). В своем отзыве педагог-писатель считает, что «сделана очень хорошая, очень важная и полезная книга, сделана любовно, талантливо. За границей книга должна произвести еще большее впечатление, чем у нас, в ней замечательно уверенно звучит наша философия человека, в ней хорошо показаны корни пролетарского гуманизма» (GW 7, с.236). Предложение Макаренко о переводе сборника на иностранные языки не было осуществлено. Уже через месяц после публикации рецензии Ягоду сняли с поста Наркома внутренних дел СССР и книгу изъяли из продажи и библиотек.

³⁹ *«Здесь спрашивают, какова судьба Веры и Наташи».* Речь идет о персонажах «ПП» Вере Березовской и Наташе Петренко. Макаренко рассказывает о судьбе их прототипов.

⁴⁰ В тексте пропуск.

6. ЛЕКЦИЯ В МОСКОВСКОМ ДОМЕ УЧИТЕЛЯ (22.05.1937 г.)

22/V

Я рассчитываю, что здесь собрались мои коллеги. Разрешите говорить как с коллегами.

Я не думаю, что могу вас учить. Могу дать свой опыт как образчик, но не как рецепт. Мой опыт из трудовых коммун вряд ли может быть целиком перенесен в школу. Работавшие много лет – пережившие радость педагогического труда, – могут тоже дать образцы своего опыта и нашей советской педагогической философии.

Мне выпало исключительное педагогическое счастье. Я работал 16 лет с одним и тем же коллективом¹. Люди менялись, но принцип, традиции оставались. Каждый член коллектива знал его историю, гордился им, считал своим долгом поддерживать.

Второе. Работа с чекистами. Они замечательно культурны, большей частью с высшим образованием². Настоящие большевики. Не заражены педагогической скукой (не нашей советской, а общенаучной). Они сумели найти в педагогической работе ту радость.

Мне повезло – они дали мне простор в коммуне Дзержинского.

Этот простор – в большом доверии, который оказывали работникам коммуны. Ошибаться могли мы все. Ответственность за ошибки наши больше, чем у учителя. Чекисты, умея доверять, умеют и наказывать. Полное доверие и уважение.

Последние 5 лет в коммуне Дзержинского [я] работал в оборудованном коллективе. Завод, высокое техническое оборудование. Много инженеров. План. Норма. Инструментальный цех. Институт бракеража. Большая общественная ответственность. Фотоаппараты «Фед» [«ФЭД» – Г.Х.] – большая точность. Новинка в советском производстве. Лейц³ все засекретил. Даже чекисты не могли их найти. В этих условиях принцип трудовой, не простой, а труд высокой квалификации.

Мальчик, 15 лет, руководит шипорезным станком и целой группой. Это очень ответственная работа. Шестеренка, которая там изготавливается, должна быть точной.

Поведение этих ребят в такой обстановке совершенно исключительное.

Были в моей работе и отрицательные стороны, все-таки. Мальчик, 13 лет, уже побывавший в тюрьмах, отставший, – он требует больше, чем ребенок из обычной школы. Все же в нормальной школе.

Это предисловие.

Как в условиях советского революционного общества может родиться новая педагогика? Она рождается в опыте. Появляются отдельные мысли,

предчувствия, находки. Я прошел путь от педагогического преступления – уголовного, к педагогическому достижению.

Я не видел человеческой прелести Задорова⁴.

Я начал с насилия, которое отрицает всякая педагогика.

Я и Советская власть.

Прошел за 16 лет большой путь. Инструментовка.

От позора, педагогического бессилия – к большому педагогическому могуществу.

Я сторонник *активного вмешательства* в дело создания человеческого характера.

В моем преступлении было и положительное: *активное вмешательство*. Те подъемы, радости, которые я переживал, – никакой ленивый педагог не будет переживать.

Бодрость!

Справедливость к себе!

Подтянутость внешняя.

Костюм, походка, руки.

Короткое слово!

Нельзя говорить длинных речей! Постоянный анализ мысленного. Концентрация сил на самом важном участке.

Филигранный карандашный учет (лист, разделенный на графы: актив, пассив и пр.)

Хотя и безобразное. От него я пришел к законной красивой форме: *коллектив*. О коллективе сейчас говорят мало.

Но поручить каждому учить – вовсе не безопасно.

Расстояние между ...⁵ очень бедно заполнено.

Коллектив – это большая симфония. Я не теоретик – не могу дать все-стороннего определения. Я только чувую, чувствую. Я воспитал в себе и характер, и волю, и мысль – я сам воспитанник. Я на примерах.

Личное мое – в педагогике.

Имеет большое значение. Я потому совершал известные [преступления] в 1-е дни, что не было мастерства. Этому можно научиться. Я считал бы необходимым постановку в педвузах, *постановку голоса*. Модуляция. Умение ходить. Одеваться. Умственное развитие. Я знаю одного мастера-перса [мастера – Терского. – Г.Х.], руководителя клубной работы⁶.

К сожалению, в наших педвузах не дают умения поведения.

Надо уметь играть.

Ответы на вопросы:

Моя главная хорошая черта – справедливость, работоспособность.

Чтоб отдавать себя делу – подвиг – создать огромную радость, покажу.

1) *Вопрос дисциплины* – результат, а не процесс воспитания. Не техника, а категория новой, коммунистической, коллективной нравственности. *Не торможение* – этого нельзя делать; этого нельзя, этого не делай.

Устремление, борьба. В случае кражи мы говорим: идем вперед – а это нас задерживает.

Это допускает много и в режиме, и в наказаниях, и в индивидуальном тоне.

2) Сейчас в Москве: лагеря⁷ и пр. Я смотрел без большого восторга. Проживает 300 р., приобретает кое-что. Все же прерывается здесь коллективный опыт.

А я считаю – неправильно прерывать. Расскажу, что мне дал коллектив и его пафос. Я проводил каждый год поход.

На поход надо было заработать деньги. Если финплан был 10 мл., если [то. – Г.Х.] мы отдали 2 мл. Что[бы] совершить поход, надо было еще 100 тыс. Но это не важно.

Мы побывали в Крыму, в августе возвратились. В сентябре чекисты в группе хлопцев спрашивают: куда поедете [на] будущий год? Пошел разговор в коридорах, классах. Намечаются узлы. Постепенно два варианта: Кавказ и Ленинград. Я делаю секретный доклад на педагогическом совете. Разбиваю педагогов на два лагеря. Два учителя готовят доклад. Учителя доказывают, один предполагает [предлагает. – Г.Х.] Ленинград, другой – Кавказ. Достоинства Ленинграда: революционный город, промышленность и т.д. А сторона Кавказа: Ленинград надо отложить, это не уйдет.

Решил вопрос НКВД. Там решили – *Кавказ*. Все подчинились.

Создались комиссии: маршрутная, одежная, культурная, столовая и пр. Всем работы хватило на всю зиму.

Наш *педагогический хлеб*: поход всю зиму стоит, как маяк. Нарушители. Некоторые прощаются. Многие просят прощения у общего собрания. Часть амнистируется. Часть остается. Их обслуживание предусмотрено. Все готово: 30-е июня. Все. Знамя в шелковом чехле. Это поход-шик. Надо скоординировать: шагом марш!

Такая коллективная инструментовка лагерей – это цель. В другом случае лагерь теряет для меня всю советскую прелесть. Ничего не даст такой лагерь. А я знаю, что получится. Мы попали в разгар горной весны. Дорога над Терекком. Мы прошли, – а обоз не идет. Я – обратно.

Общее собрание у башни Тамары. Все – за переход. Стояли 2 дня в 25 км.

Не представляю, как можно воспитать настоящего советского человека вне коллектива. Надо, прежде всего, и вместе с ним воспитать целый коллектив. Не группу соседей.

[3]) *О наказаниях.* Я сторонник наказания, но стараюсь быть последователем [последовательным. – Г.Х.]. Меня поносили дамы и педологи. Вся моя книга – борьба с педологами⁸. Они меня называли и Аракчеевым⁹, и жандармом. Я сторонник – не имел этой необходимости. В 1935 г. принял одну колонию для трудных детей¹⁰.

Скандал. Насчет лодки. Вызвал гараж и в лучшей машине попросил их уехать. НКВД и дети – ничего общего.

Без наказаний. 300 мальчиков – 3 коллектива. Один за решеткой – самые трудные. Другой без решеток.

По их мнению: «*не было надо наказаний*». В своей практике я стоял на позиции наказания. Коммунары убежденные. Но наказывать приходилось очень редко. Все члены коммуны делятся на воспитанников (кандидатов) и коммунаров.

Для воспитанника: наряд, без отпуска, без карманных денег и некоторые специальные наказания (без кино, театра). Воспитанникам нельзя было дать *арест*. Коммунары – никаким другим наказанием – только арест.

Содержание этого ареста (ничего плохого). Но сама моральная сторона: если несправедливо – ни за что коммунары не пойдут. (Случай с Шуркой¹¹.) *Такое наказание никто не имел права проверять.* Это уже новая, советская педагогическая мысль. Это уже результат воспитания. Такая дисциплина.

Пришлось пережить и трагедию высшей меры наказания – *изгнания*. Одни педагоги – [это] считают малодушием, другие – дай им волю – будут выгонять пачками.

В связи с преступлением одного дежурного командира *Терехова*. Случай с радиоприемником. Сам украл. Его судило общее собрание. Я получил директиву – добиться оставления. Второй случай: на пароходе из Батуми в Ялту. На верхней палубе, во время завтрака. Консервной банкой¹².

Умение иногда совершить такую жестокость – и есть настоящая педагогическая мудрость. *Изгнание без коллектива. Это некоторый террор*, но это не дает эффекта. А изгнание с коллективом говорит о его воле, – страх осуждения – большое значение.

Опыт борьбы коллектива против врагов; он дает больше, чем морализирование, голове.

Еще пример: тишина без опыта борьбы. Возможно ли воспитать борца?

Не нужно специально создавать арену для борьбы. Но борьба всегда нужна. С новенькими.

Пример с 5 рублями¹³.

Новые, уже не производили мобилизации.

Инструментовка коллектива для борьбы очень трудна!

Нужны объекты, движение вперед. Нельзя допускать покоя, успокоения – провоцировать не надо, искусственно создавать [трудности] не надо.

После перерыва

Нельзя всего рассказать.

Детали выводов. Отделы.

1) *Стиль*, тон работы.

2) Организация центра детского учреждения.

3) Личное мастерство педагога.

Стиль и тон. Это создается не нарочно.

Работу детского коллектива было бы вредно, если бы каждый отдельный педагог [создавал].

Есть стиль Советского Союза. (Северный полюс¹⁴.) Уметь в общественно-исторической жизни почувствовать основные «гвозди» и прелести их в детском коллективе!

Обвинение меня в атрибутике и военизации.

Я – за! (до последнего времени). Коммунары не могут [Коммунары могут. – Г.Х.] видеть, как возвращаются с парада.

Пример. Коммунары так не сделают, это традиция 16-летняя. (Пример.)

В такой символике больше содержания, чем в длинной проповеди.

Клей. Очень полезный.

Некоторые законы. Нельзя держаться за перила. При очень бодром тоне – тихо! «Не мешай работать другим». Не говорят с посторонним, пока не узнают, что он «свой». Я должен представить его как «гостя». *Умение* обещать и чувствовать достоинство своего коллектива.

Не трогать никого, хотя бы завтра выгонят.

Мы, педагоги, очень безжалостны и несправедливы. Мы лишаем коллектив детский истории. Я дорожил даже такой традицией, которая потеряла содержание. *Клей!* (Командиры.)

Присутствие мое на утренней проверке. Эти традиции нужно сохранять и беречь.

Коллектив – при общей советской форме – свои индивидуальные традиции. Они потом складываются в нечто особенное.

Пример. Немецкая делегация. Пример с фотоаппаратом. За ½ часа – 30 минут¹⁵.

Не представляю себе в педагогической работе единоличия¹⁶. Ничего не может пройти без педколлектива. Но я требую от педколлектива большего. Строение педколлектива: сколько молодых, сколько старых, сколько красивых и т.д. Опыт семейной солидарности необходим.

[Педколлектив] составляется без всякого научного подхода. Переход к педагогическому центру. Это техника. С этого начинаю. Должен быть капитанский мостик. (Комната.)

Взаимное.

Такой центр, несмотря на всю [весь. – Г.Х.] его кажущийся юмор, считаю необходимым. Необходима *центральная фигура*.

КОММЕНТАРИЙ

РГАЛИ, 332-4-151.

Рукописный конспект, составленный психопатологом одной из больниц столицы М.А. Барткмич. Текст написан чернилами в школьной тетради. Объем: 16 частично нумерованных страниц. Данный источник в макаренковедческой литературе до сих пор не упоминался. Публикуется впервые.

День и месяц мероприятия отмечены в начале записи (22/V), а год выступления удалось определить на основании события, зафиксированного в конспекте следующим образом: «Сев. полюс». Речь идет о покорении Северного полюса советской экспедицией под руководством О.Ю. Шмидта. По поводу возвращения этой экспедиции «Лит. газета» 26.05.1937 г. под заголовком «Большевицкий привет отважным завоевателям Северного полюса!» опубликовала некоторые восторженные статьи московских писателей, в т.ч. и Макаренко («В эти дни...»). Это подтверждается текстом на обложке тетради, написанным от руки вдовой педагога-писателя: «Макаренко Антон Семенович. Лекция, 22 мая 1937, Москва». О месте и ходе данного мероприятия свидетельствует следующая запись из дневника Макаренко 1937 г.: «22 мая. [...] Вечером диспут в „Доме учителя“ прошел довольно скучно. Мне просто надоели эти разговоры» (Невская, с.826).

Многочисленные сокращения, содержащиеся в тексте, расшифрованы без оговорок, подчеркивания выделены курсивом.

¹ «Я работал 16 лет с одним и тем же коллективом». См. док. № 5, прим.20.

² «Они (чекисты) замечательно культурны, большей частью с высшим образованием». Это не соответствует фактам. У большинства сотрудников ГПУ-НКВД было лишь начальное школьное или домашнее образование. Из чекистов в окружении Макаренко во время его работы в коммуне им. Дзержинского и в ОТК НКВД УССР только у В.А. Балицкого было неполное высшее образование.

³ *Лейц (Leitz)* – немецкая фирма (основ. в 1849 г.), специализирующаяся на выпуске оптических систем и приборов точной механики. До 1945 г. крупнейший в мире изготовитель микроскопов, фотоаппаратов, проекционной аппаратуры, биноклей и др. Мировую известность фирме принесло семейство фотоаппаратов «ЛЕЙКА» (1924 г.) – первых в мире пленочных малоформатных аппаратов.

⁴ *Задоров* – см. док. № 3, прим.5.

⁵ В тексте пропуск, по-видимому: «чистым сознанием и навыками поведения»; см.: «ПП», ч.3-я, гл. «У подошвы Олимпа».

⁶ *Терский В.Н.* (1898-1965) – соратник Макаренко с 1925 г., организатор клубной работы в колонии и коммуне. Автор многих публикаций о макаренковском опыте, в т.ч. книги «Клубные занятия и игры в практике А.С. Макаренко» (М., 1959).

В документе «Характеристики на работников учебно-воспитательной части Коммуны (2 апреля 1935 г.)», автором которого по всей вероятности являлся начальником педагогической части «Дзержинки» Макаренко А.С., говорится: «Терский Виктор Николаевич (1898 г.р., обр. среднее, в коммуне с 1928 г.). Тов. Терский преподает рисование и черчение в неполной средней школе. Одновременно с этим является руководителем кружков при клубе коммуны. К работе в школе относится добросовестно. Умеет заинтересовать ребят. Особенно ценным тов. Терский является во внешкольной работе. Он – организатор целого ряда кружков, выставок, походов, игр „развлечений“, ребусов, стендачей, стенных газет и пр. Работа его в художественном и драматическом кружке дает очень большие результаты. Ребята охотно работают под его руководством. В общественной жизни коммуны активен, проявляет большую инициативу и исполнительность». (ДАХО, р.4511-1-11, л.44.)

⁷ «Сейчас в Москве: лагеря [...]». Имеются в виду летние пионерские лагеря.

⁸ «Вся моя книга – борьба с педологами». См. док. № 2, прим.6.

⁹ «Они меня называли и Аракчевым». См. док. № 1, прим.12.

---

¹⁰ «В 1935 г. принимал одну колонию для трудных детей». Здесь и в дальнейшем имеется в виду трудовая колония в Броварах под Киевом, руководство которой Макаренко временно осуществлял лишь в октябре 1936 г. по совместительству, работая в ОТК (см. док. № 2, прим.10). С помощью изменения даты руководства Броварской колонией педагог-писатель, очевидно, хотел скрыть свою тогдашнюю деятельность в центре НКВД УССР.

¹¹ О каком случае идет речь – неизвестно.

¹² «Второй случай: на пароходе из Батуми в Ялту. На верхней палубе, во время завтрака. Консервной банкой». Как видно из док. № 21, «один довольно взрослый коммунар консервной коробкой во время завтрака другому, более молодому коммунару до крови расшиб голову. Это было сделано в присутствии команды и пассажиров». Решением общего собрания коммунаров «злодей» был ссажен с парохода – «без денег и вещей».

¹³ Что здесь имеется в виду – неясно.

¹⁴ «(Северный полюс)». Имеется в виду советская арктическая экспедиция под руководством О.Ю. Шмидта (см. док. № 7, прим.10).

¹⁵ «Немецкая делегация. Пример с фотоаппаратом. За ½ часа – 30 минут». Как видно из док. № 14, речь идет о случае промышленного шпионажа, имевшем место в «Дзержинке»: коммунары у одного из членов «фашистской» делегации «увидели „Лейку“ последнего выпуска с какими-то приспособлениями, какие у нас не делали. За 40 минут они разобрали „Лейку“, обмерили и сделали чертежи этих приспособлений, сфотографировали их и безукоризненно собрали фотоаппарат.

¹⁶ «Единоличие» – по всей вероятности авторский неологизм как антоним слову «коллектив».

7. ЦИКЛ ЛЕКЦИЙ «ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО СОВЕТСКОГО ВОСПИТАНИЯ», ПРОЧИТАННЫХ В НАРКОМПРОСЕ РСФСР

Лекция первая: «МЕТОДЫ ВОСПИТАНИЯ» (10.01.1938 г.)

Мы будем говорить на тему о воспитании. Имейте только в виду, товарищи, что я – человек не ученый, [а] работник практического фронта, и поэтому такой уклон, несколько практический, в моих словах, конечно, будет. Но я считаю, что мы живем в эпоху, когда практические работники вносят замечательные коррективы в положения наук. Эти работники у нас в Советском Союзе называются стахановцами. Мы знаем, как много изменений внесено стахановцами, работниками практического фронта во многие положения, даже более точные, чем наши производственные науки, как много новых рекордов в деле производительности труда, в деле трудовой рабочей и специальной ухватки внесено стахановцами. Эта производительность труда повышается не простым увеличением расхода рабочей энергии, а при помощи нового подхода к работе, новой логики, новой расстановки элементов труда. Следовательно, производительность труда повышается при помощи метода изобретений, открытий, находок.

Область нашего производства – область воспитания – никоим образом не может быть исключена из этого общего советского движения. И в нашей области – я в этом глубоко убежден всю жизнь – также необходимы изобретения, даже изобретения в отдельных деталях, даже в мелочах, а тем более в группах деталей, в системе, в частях системы. И такие изобретения могут идти, конечно, не только от работников теоретического фронта, но [и] от обычных рядовых работников, вот таких, как я. Поэтому я без особого смущения позволяю себе рассказывать о своем опыте и о выводах из этого опыта, считая, что его значение должно находиться также в плоскости таких коррективов, которые вносит практический работник в определенные достижения теории.

Каким багажом я обладаю, чтобы говорить с вами?

Многие считают меня специалистом по работе с беспризорными. Это неправда. Я всего работал 32 года, из них 16 лет в школе и 16 лет с беспризорными. Правда, в школе всю свою жизнь я работал в особых условиях – в заводской школе, находящейся под постоянным влиянием рабочей общест-венности, всей общественности партийной (в старое время социал-демократической, потом – большевистской).

Точно так же и моя работа с беспризорными отнюдь не была специаль-ной работой с беспризорными детьми. Во-первых, в качестве рабочей гипо-тезы я с первых дней своей работы с беспризорными установил, что ника-ких особых методов по отношению к беспризорным употреблять не нужно; во-вторых, мне удалось в очень короткое время довести беспризорных до

нормального состояния и дальнейшую работу с ними вести как с нормальными детьми.

[В] последний период моей работы в коммуне НКВД им. Дзержинского под Харьковом я уже имел нормальный коллектив, вооруженный десятилетней¹ и стремящийся к тем обычным целям, к каким стремится наша обычная школа. Дети в этом коллективе, бывшие беспризорные, в сущности, ничем не отличались от нормальных детей. А если отличались, то, пожалуй, в лучшую сторону, поскольку жизнь в трудовом коллективе коммуны им. Дзержинского давала чрезвычайно много добавочных воспитательных влияний, даже в сравнении с семьей. Поэтому мои практические выводы могут быть отнесены не только к беспризорным трудным детям, а и ко всякому детскому коллективу, и, следовательно, ко всякому работнику на фронте труда [воспитания].

Вот это первое замечание, которое я прошу вас принять во внимание.

Теперь несколько слов о самом характере моей практической педагогической деятельности, логике. Я пришел к некоторым убеждениям; пришел не безболезненно и не быстро, а пройдя через несколько стадий довольно мучительных сомнений и ошибок, и даже грубых ошибок, пришел к некоторым выводам, которые покажутся некоторым из вас странными, но относительно которых у меня есть достаточно доказательств, чтобы, не стесняясь, их доложить. Из этих выводов некоторые имеют теоретический характер. Я кратко их перечислю перед тем, как начать изложение своего собственного опыта.

Прежде всего интересен вопрос о самом характере науки о воспитании. У нас среди педагогических мыслителей нашего времени и отдельных организаторов нашей педагогической работы есть убеждение, что никакой особенной, отдельной методики воспитательной работы не нужно, что методика преподавания, методика [учебного] предмета должна заключать в себе и всю воспитательную мысль. Я с этим не согласен. Я считаю, что воспитательная область нормального – область чистого воспитания – есть в некоторых случаях отдельная область, отличная от методики преподавания.

Что меня в этом особенно убеждает? Убеждает следующее. В Советской стране воспитанию подвергается не только ребенок, не только школьник, а каждый гражданин на каждом шагу. Подвергается воспитанию либо в специально организованных формах, либо в формах широкого общественного воздействия. Каждое наше дело, каждая кампания, каждый процесс в нашей стране всегда сопровождается не только специальными задачами, но и задачами воспитания. Достаточно вспомнить недавно пережитые нами выборы в Верховный Совет²: здесь была огромная воспитательная работа, затронувшая десятки миллионов людей, даже тех людей, которые как будто бы спрятались от советской воспитательной работы, она выдвинула даже самых отсталых, самых пассивных членов нашего советского общества и втянула их в активную работу. Подчеркну особенно успешную воспитательную работу Красной Армии. Вы прекрасно знаете, что каждый человек, побывавший в Красной Армии, выходит оттуда новым человеком, не только с новыми военными знаниями, с новыми политическими знаниями, а с новым характером, с новыми ухватками, с новым типом поведения. Все это огромная советская социалистическая воспитательная работа, конечно,

единая в своем тоне, в своем стиле, в своих стремлениях и, конечно, вооруженная определенным воспитательным методом. Этот метод уже можно на протяжении двадцати лет советской власти подытожить. А если к нему прибавить огромный опыт воспитательных успехов нашей школы, наших вузов, наших организаций другого типа, как детских садов, детских домов, то мы имеем громадный опыт воспитательной работы.

Если мы возьмем давно проверенный, установленный, точно формулированный состав воспитательных приемов, утверждений, положений нашей партии, комсомола, высказывания т.т. Ленина и Сталина, то мы действительно в настоящее время, собственно говоря, имеем полную возможность составить настоящий большой кодекс всех теорем и аксиом воспитательно-го дела в СССР.

Лично мне и на практике пришлось воспитательную цель иметь как главную: поскольку мне в течение 16 лет поручалось перевоспитание так называемых правонарушителей, передо мною ставилась, прежде всего, задача – воспитать. Никто даже не ставил передо мной задачи – образовать. Мне давали мальчиков и девочек – правонарушителей, по-старому – преступников, мальчиков и девочек со слишком яркими и опасными особенностями характера, и, прежде всего, передо мной ставилась цель – этот характер переделать.

Я скоро пришел к убеждению, что переделка такого характера требует и числа других способов и школы, я был убежден, что школа – это не важно, что главное – это какая-то отдельная воспитательная работа, и главное – работа, трудовое воспитание. На такой крайней позиции я стоял недолго, всего 1-2, может быть 3 года, но другие мои коллеги по коммунам НКВД стояли довольно долго и, возможно, стояли под влиянием, во всяком случае, не вполне добросовестных утверждений. В некоторых коммунах, даже НКВД (при старом его руководстве)³, преобладала эта линия полного отрицания школы, как политического средства.

Проводилась она как будто при помощи вполне допустимого утверждения: кто хочет – может заниматься в школе, кто не хочет – может не заниматься. Практически это кончалось тем, что никто, конечно, не занимался. Стоило человеку потерпеть какую-нибудь неудачу в классе, и он мог реализовать свое право – не хотеть заниматься.

Я лично в 1925 году пришел к убеждению, что школа является могучим воспитательным средством, и в последние годы я уже подвергался гонениям за этот принцип утверждения школы как воспитательного средства. Тем не менее, хотя [в] последние десять лет я пришел к убеждению, что перевоспитание настоящее, полное перевоспитание, гарантирующее от рецидивов, возможно только при полной средней школе и сомнительно даже при неполной средней школе, – все-таки я и теперь остаюсь при убеждении, что методика воспитательной работы имеет свою логику, сравнительно независимую от логики работы образовательной. И то и другое – методика воспитания и методика образования, по моему мнению, составляют два отдела, более или менее самостоятельных отдела педагогической науки. Разумеется, эти отделы органически должны быть связаны. Разумеется, всякая работа в классе есть всегда работа воспитательная. Но выделять образователь-

ную работу, как только воспитательную – я считаю невозможным. В дальнейшем я коснусь этого вопроса более подробно.

Теперь несколько слов о том, как методика воспитания может быть взята за основу.

Я, прежде всего, убежден в том, что методику воспитательной работы нельзя опирать на предложения и выводы соседних наук, как бы ни были разработаны такие науки, как психология и биология, в особенности последняя, после работ Павлова. Я убежден, что сделать из данных наук прямой вывод к воспитательному средству мы права не имеем. Эти науки должны иметь огромное значение в воспитательной работе, но вовсе не как предпосылка для вывода, а только как контрольные положения для проверки наших практических достижений.

Кроме того, я считаю, что педагогическое средство воспитательного метода может быть выведено только из опыта (и проверено и утверждено положениями таких наук, как психология, биология и др.).

Это мое утверждение происходит из следующего: педагогика, в особенности педагогика воспитания, есть, прежде всего, наука практически целесообразная. Мы не можем просто воспитывать человека, мы не имеем права воспроизводить работу воспитания, не ставя перед собой определенную политическую цель. Работа воспитания, не вооруженная ясной, развернутой, детально известной целью, будет работой аполитического⁴ воспитания, и в нашей общественной советской жизни мы на каждом шагу встречаем доказательства в подтверждение этого положения. Большой, огромный, исключительный даже в мировой истории имеет успех Красная Армия в воспитательной работе. Поэтому такой большой, огромный успех, что воспитательная работа Красной Армии всегда до конца целесообразна, и воспитатели из Красной Армии всегда знают, кого они хотят воспитать, чего они хотят добиться. А лучшим примером нецелеустремленной педагогической теории является почившая недавно педология⁵. В этом смысле педология может рассматриваться как полная противоположность советского воспитательного устремления. Это была воспитательная работа, не снабженная целью.

Откуда же может вытекать цель воспитательной работы? Конечно, она вытекает из наших общественных нужд, из стремлений советского народа, из целей и задач нашей революции, из целей и задач нашей борьбы. И поэтому формулировка целей, конечно, не может быть выведена ни из биологии, ни из психологии, а может быть выведена только из нашей общественной истории, из нашего общественного процесса.

При этом я думаю, что вообще установить такое отношение к биологии и психологии в подтверждение воспитательного метода сейчас невозможно. Эти науки развиваются, и, вероятно, в ближайшее десятилетие и психология, и биология дадут точные положения о поведении человеческой личности, и тогда мы сможем больше опираться на эти науки. Так отношение наших общественных нужд, наших общественных целей, целей социалистического воспитания, к целям и данным теорий психологии и биологии должно всегда изменяться, и, может быть, даже оно будет изменяться в сторону постепенного участия, постоянного участия психологии и биологии в нашей воспитательной работе. Но в чем я убежден твердо, – это в том,

что ни из психологии, ни из биологии не может быть выведено дедуктивным путем, путем просто силлогистическим, путем формальной логики, не может быть выведено педагогическое средство. Я уже сказал, что педагогическое средство должно выводиться первоначально из нашей цели.

Вот в области цели, в области целесообразности – я убежден, что наша педагогическая теория погрешила прежде всего. Все ошибки, – а быть может не ошибки, а вредительские утверждения, все уклоны в нашей педагогической работе происходили всегда в области ломки целесообразности. Условно будем называть это ошибками.

Я вижу в нашей педагогической теории три типа этих ошибок: это тип дедуктивного высказывания, тип этического фетишизма и тип уединенного средства.

Я в своей практике очень много страдал от борьбы с такими ошибками. Берется какое-нибудь средство, и утверждается, что следствие из него будет вот такое; к примеру, возьмем известную всем историю комплекса. Рекомендуется средство – комплексный метод преподавания⁶; из этого средства логическим путем выводится утверждение, что этот способ преподавания приводит к хорошим результатам.

Вот это следствие, что комплексный способ приводит к хорошим результатам, утвердилось до проверки опытом; но утвердилось, что результат обязательно будет хороший; в каких-то тайниках психики, где-то будет спрятан хороший результат.

Когда скромные работники[-практики] требовали: покажите нам этот хороший результат, – нам возражали: как мы можем открыть человеческую душу, там должен быть хороший результат, это – комплексная гармония, связь частей. Связь отдельных частей урока – она обязательно в психике человека должна отложиться положительным результатом.

Значит, проверка опытом здесь и логически не допускалась. И получался такой круг: средство хорошее, – должен быть хороший результат, а раз хороший результат, – значит, хорошее средство.

Таких ошибок, проистекающих из преобладания дедуктивной логики, не опытной логики, конечно, было много.

Много было ошибок и так называемого этического фетишизма. Вот вам, например, трудовое воспитание.

И я, в том числе, тоже погрешил такой ошибкой. В самом слове труд столько приятного, столько для нас священного и столько оправданного, что воспитание нам казалось совершенно точным, определенным и правильным. И в дальнейшем нам не о чем было даже говорить. А потом оказалось, что в самом слове труд не заключается никакой логики. Как будто бы. Труд сначала понимался как труд простой, как труд самообслуживания, потом труд как трудовой процесс бесцельный, непроизводительный – упражнение в трате мускульной энергии. И слово труд так освящало логику, что казалась она непогрешимой. На каждом шагу обнаруживалось, что непогрешимости настоящей нет. Но настолько верили в этическую силу самого термина, что и логика казалась священной. А между тем мой опыт и многих школьных товарищей показал, что вывод какого-либо средства из этической окраски самого термина невозможен, что и труд в применении к

воспитанию может быть организован разнообразно и в каждом отдельном случае может дать различный результат. Во всяком случае, труд без идущего рядом [рядом. – Г.Х.] образования, без идущего рядом [рядом. – Г.Х.] политического и общественного воспитания не приносит воспитательной пользы, оказывается нейтральным процессом. Вы можете сколько угодно заставить человека трудиться, но если одновременно с этим вы не будете его воспитывать политически и нравственно, если он не будет участвовать в общественной и политической жизни, то этот труд будет просто нейтральным процессом, не дающим никакого положительного результата.

Труд как воспитательное средство возможен только как часть общей системы.

И, наконец, еще одна ошибка – это тип уединенного средства. Очень часто могут говорить, что такое-то средство обязательно приводит к таким-то результатам. Одно средство. Возьмем как будто бы на первый взгляд самое несомненное утверждение, которое часто высказывалось на страницах даже нашей педагогической печати, – вопрос о наказании. Наказание воспитывает раба – это точная аксиома, которая не подвергалась никакому сомнению. В этом утверждении, конечно, были и все три ошибки. Тут была и ошибка дедуктивного [выведения], и ошибка этического фетишизма. В наказании логика начиналась от самой страшности и опасности этого слова. И, наконец, была ошибка уединенного средства – наказание воспитывает раба. А между тем я убежден, что никакое средство нельзя рассматривать отдельно взятым от системы. Никакое средство вообще, какое бы ни взяли, не может быть признано ни хорошим, ни плохим, если мы рассматриваем его отдельно от других средств, от целой системы, от целого комплекса влияний. И наказание может воспитывать и раба, а иногда может воспитывать и очень хорошего человека, и очень свободного и гордого человека. Представьте себе, что в моей практике, когда стояла задача воспитывать человеческое достоинство и гордость, то я этого достигал главным образом через наказание.

Потом я расскажу, в каких случаях наказание приводит к воспитанию человеческого достоинства. Конечно, такое следствие может быть только в определенной обстановке, т.е. в определенном окружении других средств и на определенном этапе развития. Никакое средство педагогическое, даже самое приятное, даже такое, каким обычно у нас и называется и внушение, и объяснение, и беседа, и общественное воздействие, не может быть признано всегда абсолютно полезным. Самое хорошее средство в некоторых случаях обязательно будет самым плохим. Возьмите даже такое средство, как коллективное воздействие, воздействие коллектива на личность. Иногда оно будет хорошо, иногда плохо. Возьмите индивидуальное воздействие, беседу воспитателя с глаза на глаз с воспитанником. Иногда это будет полезно, а иногда вредно. Никакое средство нельзя рассматривать с точки зрения полезности или вредности, взятое уединенно от всей системы средств. И, наконец, никакая система средств не может быть рекомендована как система постоянная.

Вот я вспоминаю историю того же коллектива коммуны им. Дзержинского. Он рос, он начинался с 18-го [28-го. – Г.Х.] г. коллективом мальчиков и девочек в пределах восьмого класса. Это был здоровый, веселый коллек-

тив, но это не был коллектив 1925 [1935 – Г.Х.] г., когда он состоял из мальчиков и девочек до 20 лет, имел комсомольскую прослойку в 20%. Конечно, такой коллектив требовал совершенно иной системы воспитания.

Я лично убежден в следующем: если мы возьмем обычную советскую школу, дадим ее в руки хороших педагогов, организаторов, воспитателей, и эта школа будет жить 20 лет, то в течение этих 20 лет в хороших педагогических руках она должна пройти такой замечательный путь, что система воспитания в начале и в конце должна сильно отличаться одна от другой.

В общем, педагогика есть самая диалектическая, подвижная, самая сложная и разнообразная наука. Вот это утверждение и является основным символом моей педагогической веры. Я не говорю, что так уже я все проверил на опыте, вовсе нет, и для меня есть еще очень много неясностей, неточностей, но я это утверждаю как рабочую гипотезу, которую, во всяком случае, надо проверить. Для меня лично она доказана моим опытом, но, конечно, ее надо проверить большим советским общественным опытом.

Между прочим, я убежден, что логика того, что я сказал, не противоречит и опыту наших лучших советских школ и очень многих наших лучших детских и недетских коллективов.

Вот эти общие предварительные замечания, на которых я хотел остановиться.

Теперь перейдем к самому главному вопросу, к вопросу об установке целей воспитания. Кем, как и когда могут быть установлены цели воспитания, и что такое цели воспитания?

Я под целью воспитания понимаю пока условно, понимаю программу человеческой личности, понимаю программу человеческого характера, причем в понятие характера я вкладываю все содержание личности, т.е. и характер внешних проявлений и внутренней убежденности, и политическое воспитание, и знания – решительно всю картину человеческой личности; я считаю, что мы, педагоги, должны иметь такую программу человеческой личности, к которой должны стремиться.

Почему я пришел к такому убеждению? Потому что в своей практической работе я не мог без такой программы обойтись. Ничто так человека не учит, как опыт. Когда-то мне дали в той же коммуне Дзержинского несколько сотен человек, и в каждом из них я видел глубокие и опасные стремления характера, глубокие привычки, я должен был подумать: а каким должен быть их характер, к чему я должен стремиться, чтобы из этого мальчика, девочки воспитать гражданина или хотя бы юношу? И когда я крепче задумался, то увидел, что на этот вопрос нельзя ответить в двух словах. Воспитать хорошего советского гражданина – это мне не указывало пути. Я должен был прийти к более развернутой программе [воспитания] человеческой личности. И, подходя к программе личности, я встретился с таким вопросом: что – эта программа личности должна быть одинакова во [для. – Г.Х.] всех? Что же, я должен вгонять каждую индивидуальность в мою программу, в мой стандарт и этого стандарта добиться [добиваться. – Г.Х.]. Тогда я должен пожертвовать индивидуальной прелестью, своеобразием, особой красотой личности, а если не пожертвовать, то какая же у меня может быть программа! И я не [с]мог этого вопроса так просто, ум-

ственно разрешить, но он у меня был разрешен практически в течение десяти лет.

Я увидел в своей воспитательной работе, что да, должна быть и общая программа, стандартная, и индивидуальный корректив к ней. Для меня не возникал вопрос: должен ли мой воспитанник выйти смелым человеком, или я должен воспитать труса? Тут я допускал стандарт, что каждый должен быть смелым, мужественным, честным, трудолюбивым патриотом. Но как поступать, когда подходишь важно к таким нежным отделам личности, как талант? Вот иногда по отношению к таланту, когда стоишь перед ним, приходится переживать чрезвычайные сомнения. У меня был такой случай, когда мальчик окончил десятилетку. Его фамилия Терентюк. Он очень хорошо учился – на пятерки (у нас в то время была пятибалльная система), потом пожелал пойти в технологический вуз. Я в нем открыл большой артистический талант раньше этого, причем талант очень редкой наполненности комика, чрезвычайно тонкого, остроумного, обладающего прекрасными голосовыми связками, богатейшей мимикой, умного такого комика. Я видел, что именно в области актерской работы он может дать большой результат, а в технологическом училище он будет средним студентом. Но тогда было такое увлечение, что все мои «пацаны» хотели быть инженерами. А уж если заведешь речь о том, чтобы идти в педагоги, так прямо в глаза смеялись: «Как это, сознательно, нарочно идти в педагоги?» – «Ну, иди в актеры». – «Да что вы, какая это работа у актера?» И вот он ушел в технологический институт при моем глубочайшем убеждении, что мы теряем прекрасного актера. Я сдался, я не имею права, в конце концов, совершать такую ломку, тем более, что меня за всякие ломки стали поносить на всех улицах. Но здесь я не удержался. Он проучился полгода, участвовал в нашем драматическом кружке. Я подумал-подумал и решился – вызвал его на собрание коммунаров, говорю, что вношу жалобу на этого Терентюка: он не подчинился дисциплине и ушел в технологический вуз. На общем собрании говорят: «Как тебе не стыдно, тебе говорят, а ты не подчиняешься». Постановили: «Отчислить его из технологического института и определить в театральный техникум». Он ходил очень грустный, но не подчиниться коллективу не мог – он получал стипендию, общежитие в коллективе. И сейчас он прекрасный актер, уже играет в одном из лучших дальневосточных театров, в два года он проделал путь, который люди делают в 10 лет. И сейчас он мне очень благодарен.

Но все-таки, если бы теперь передо мною стояла такая задача, я бы боялся ее решить, – кто его знает, какое я имею право произвести насилие? Вот право производить такую ломку – вопрос для меня не решенный. Но я глубоко убежден, что перед каждым педагогом такой вопрос будет ставиться – имеет ли право педагог вмешиваться в движение характера и направлять туда, куда надо, или он должен пассивно следовать за этим характером? Я считаю, что вопрос должен быть решен так: имеет право. Но как это сделать? В каждом отдельном случае это надо решать индивидуально, потому что одно дело – иметь право, а другое дело – уметь это сделать. Это две различные проблемы. И очень возможно, что в дальнейшем подготовка наших кадров будет заключаться в том, чтобы учить людей, как производить такую ломку. Ведь учат врача, как производить трепанацию черепа. В наших условиях, может быть, будут учить педагога, как такую «трепана-

цию» производить, – может быть, более тактично, более успешно, чем я это сделал, но как, следуя за качествами личности, за ее наклонностями и способностями, направить эту личность в наиболее нужную для нее сторону.

Перейдем к изложению тех практических форм, которые в моем опыте и в опыте других моих коллег, я считаю, наиболее удачно воплощались в воспитательной работе. Главнейшей формой воспитательной работы я считаю коллектив. Об этом как будто бы и много писалось у нас в педагогической литературе, но писалось как-то маловразумительно.

Что такое коллектив, и где границы нашего вмешательства в коллектив? Я сейчас наблюдаю очень много школ – и здесь в Москве, и в Киеве приходится бывать и бывал, и я не всегда вижу коллектив учеников. Иногда удается видеть коллектив классный, но мне почти никогда не приходилось видеть коллектив школы.

Я вам расскажу сейчас простыми словами о моем коллективе, воспитанном мною и моими товарищами. Имейте в виду, что я был в лучших условиях, чем школа, потому что у меня ребята жили в общежитии, работали на производстве, в подавляющем большинстве не имели семьи, т.е. не имели другого коллектива. И естественно, в моем распоряжении были бóльшие средства коллективного воспитания, чем в школе. Но я не склонен к уступкам только на том основании, что были лучшие условия. В свое время у меня была школа, школа заводская – вагонного завода⁷, и я все-таки там имел коллектив со школьниками.

В школьной практике, организованной давно, направляемой в свое время старым руководством НКПроса, я вижу очень странные явления, для моей педагогической души совершенно непонятные. К примеру. Вчера я был в одном парке культуры и отдыха, где есть районный пионерский городок. В этом же районе есть дом, отдельный дом им. Павлика Морозова. И в этом же районе есть 13 школ. И я вчера видел, как эти три учреждения – школа, пионерский дворец и специальный дом им. Павлика Морозова – растаскивают детей по разным коллективам. У детей нет коллектива. В школе он в одном коллективе, в семье – в другом, в пионергородке – в третьем, в доме Павлика Морозова⁸ – в четвертом. Он бродит между коллективами и может выбрать утром один, вечером другой, в обед – третий. Наткнулся я вчера же на такое событие: в пионерском городке – танцевальный кружок, называется он несколько по-старому – ритмический: ну, просто танцуют. Комсорг одной школы заявил: «Мы не будем пускать наших девочек в ритмический кружок». Директор школы бьет себя в грудь: «Вы подумайте! Комсорг заявил, что он не будет пускать!» Эта директорша вытащила комсорга на общественный суд. «Вот так и так, смотрите, что он делает». А комсорг на своем: «Не пушу!» – Конфликт.

А я вспомнил другой конфликт, у себя в коммуне, такого же типа. Были у нас самые разнообразные кружки, и очень серьезные, были свои планы и другие всякие приспособления. И вот один мальчик, очень хороший мальчик, пионер, через пионерскую организацию вошел в [о] дворец пионеров харьковский и там участвовал в арктических исследованиях, проявил там себя хорошо, и его пионерский дворец премировал командировкой в Мурманск вместе с другими ребятами. Этот мальчик, Миша Пекер [Пеккер. – Г.Х.]⁹, в коммуне говорит:

– Вот я еду в Мурманск.

Кто-то из старших его спрашивает:

– Куда ты едешь?

– В Мурманск.

– Кто тебя отпускает?

– А меня командирует дворец!

В общем собрании старших коммунаров заявили:

– Пусть Миша Пекер даст объяснения, кто его командирует и куда он едет.

Тот сказал:

– Да, я еду в Мурманск исследовать Арктику, и меня командирует пионерский дворец.

Крик общий:

– Как смеет пионерский дворец тебя командировать! А может быть, мы тебя завтра в Африку командирuem. Во-первых, у нас поход по Волге, а ты у нас играешь на кларнете, а во-вторых, если бы даже ты не играл, что ты латаешься? Ты и тут служишь, и там служишь. Нет, никуда ты не поедешь. Раньше должен был на общем собрании спросить, можно ли тебе там премии всякие получать или нет!

Миша подчинился собранию. Но узнали об этом пионерская и комсомольская организации, пионерский дворец: «Что такое в коммуне Дзержинского делается? Мы командирuem человека в Арктику, а тут говорят: ты будешь играть на кларнете, потому что будет поход по Волге». Дело дошло до ЦК украинского комсомола. Но все было решено, собственно говоря, практически, потому что комсомольская организация коммуны заявила: ни в коем случае Миша в Арктику не поедет. Если ЦК решит, что Миша должен ехать, мы его, конечно, за полы держать не будем, мы ему выдадим стипендию и т.д., пожалуйста, переходи в пионерский дворец и будь членом дворца, а нам такие коммунары – арктические путешественники – не нужны. А если нам нужно будет, мы и сами пошлем в Арктику кого нужно, произвести нужные исследования, и поможем завоеванию Северного полюса. На данном отрезке времени, в данную эпоху это не входит в нашу программу. А что вы говорите Шмидт¹⁰, Шмидт, но мало ли что – Шмидт ездит на Север, но весь Союз не ездит на Север, и поэтому доказывать, что каждый человек должен ехать в Арктику, нельзя. Очевидно, Миша хотел спорить, но ему сказали, что довольно, «пошумел и перестань». И Миша сказал: «Я и сам не хочу».

Вот другой вопрос. Я был в нескольких лагерях в Москве. Это хорошие лагеря, в них приятно побывать, и, конечно, это прекрасные оздоровительные учреждения. Но я удивился, что в этих лагерях собираются дети разных школ, а я этого не понимаю. Я считаю, что тут нарушена какая-то гармония воспитания. Мальчик состоит в определенном школьном коллективе, а лето он проводит в сборном коллективе. Значит, его школьный коллектив никакого участия в организации его летнего отдыха не принимает. И как видите, в пионерском дворце и других местах, как я вам говорил, чувствуются трения, скрип. Я понимаю, отчего этот скрип происходит.

Правильное, советское воспитание должно быть организовано путем создания единых, сильных, влиятельных коллективов. Школа должна быть единым коллективом, в котором организованы все воспитательные процессы, и отдельный член этого коллектива должен чувствовать свою зависимость от него – от коллектива, должен быть предан интересам коллектива, отстаивать эти интересы и в первую очередь дорожить этими интересами. Такое же положение, когда каждому отдельному члену предоставляется выбор искать себе более удобных и более полезных людей, не пользуясь для этого силами и средствами своего коллектива, – такое положение я считаю неправильным. А это приводит к каким результатам? Пионерские дворцы во всех городах работают прекрасно, в Москве особенно хорошо. Можно аплодировать очень многим работникам и методам работы пионерского дворца. Несмотря на то, что они так хорошо работают и наше общество помогает им так хорошо работать, это дает возможность некоторым школам уклоняться от всякой дополнительной работы. Во многих школах нет таких кружков, которые есть в пионерских дворцах. В общем, внешкольная работа действительно делается «внешкольной» и школа считает себя вправе отказаться от нее. А предлоги, безусловно, найдутся: у нас зала нет, у нас ассигнований нет, у нас специалиста-работника нет и т.д. Я являюсь сторонником такого коллектива, в котором весь воспитательный процесс должен быть организованным.

Я лично представляю себе систему таких мощных, сильных, оборудованных, прекрасно вооруженных школьных коллективов. Но это только внешние рамки организации коллектива. Во всяком случае я считаю, что он необходим.

Этот же пионерский дворец, детский клуб, так сказать, может работать наряду со школой, но организация работы в нем должна принадлежать все-таки школе. Школы должны отвечать за эту работу, они там должны объединяться в работе. Комсорг, который возражает против участия девочек в ритмическом кружке, прав. Если комсорг отвечает за воспитание детей своего коллектива, то он должен интересоваться и отвечать за то, что делают его дети в пионерском дворце. Такое разбивание воспитательного процесса между различными учреждениями и лицами, не связанными взаимной ответственностью и единоначалием, не может принести пользы.

Я понимаю, что единый детский коллектив, прекрасно оборудованный и вооруженный, конечно, будет стоить дороже, но очень возможно, что более стройная организация детских коллективов тоже приведет к некоторой экономии средств.

Это все касается самой сетки коллективов. Я, одним словом, склонен настаивать, что единым детским коллективом, руководящим воспитанием детей, должна быть школа, а все остальные учреждения должны быть подчинены школе и подчинены единоначально.

Следующее качество коллектива. Я лично не могу вам сказать, как нужно организовать коллектив, но я убежден, что если перед коллективом нет цели, то нельзя найти способ его организации. Перед каждым коллективом должна быть поставлена общая, коллективная цель – не перед отдельным классом, а обязательно перед целой школой.

Мой коллектив был 500 чел. Там были [дети] от 8 до 18 лет, значит, были ученики 1-х классов – 10-х. Они, конечно, отличались друг от друга очень многими особенностями. Во-первых, старшие были более образованны, более производственно квалифицированы и более культурны. Младшие были ближе к беспризорности, неграмотны, конечно, и наконец, просто дети были. Тем не менее, все эти 500 чел. в последние годы работы составляли действительно единый коллектив. Я ни разу не позволил себе лишиться права члена коллектива и голоса ни одного коммунара, вне зависимости от его возраста или развития. Общее собрание членов коммуны было действительно реальным, правящим органом.

Вот это – общее собрание, как правящий орган коллектива, вызвало со стороны моих критиков и начальников протесты, сомнения. Говорили: нельзя позволять такому большому собранию разрешать вопросы, нельзя доверять толпе детей руководство коллективом. Это, конечно, правильно. Но в этом-то и дело – надо добиться такого положения, когда это была бы не толпа детей, а общее собрание членов коллектива.

Страшно много путей и средств для того, чтобы толпу обратить в общее собрание. Это нельзя делать как-нибудь искусственно, и это нельзя сделать в один месяц. Вообще погоня за скороспелыми результатами в этом случае всегда будет печальна. Если мы возьмем самую обычную школу, где нет никакого коллектива, где все разрознено, где в лучшем случае каждый класс живет обособленной жизнью и встречается с другими классами, как мы на улице встречаемся с обычной публикой, то, чтобы из такого аморфного собрания детей сделать коллектив, – конечно, нужно не год и не два, а очень длительная, настойчивая и терпеливая работа. Но зато коллектив один раз создали, и если его беречь, если за ним внимательно следить, за его движением, такой коллектив может сохраняться века. И такой коллектив, особенно в школе, где ребенок находится 8-10 лет, должен быть драгоценным, богатейшим инструментом воспитания. Но такой коллектив, конечно, легко и развалить. Вот когда вместе объединяется, с одной стороны, такая могучая сила детского коллектива, могущества почти непревзойденного, и, с другой стороны, ряд ошибок, ряд смен руководителей – очень скоро можно тоже коллектив обратить в толпу. Но чем больше коллектив живет, чем крепче он становится, тем более он склонен продолжать свою жизнь.

Здесь мы подходим к одной важной детали, на которой я хотел бы особенно настаивать. Это – традиция. Ничто так не скрепляет коллектив, как традиция. Воспитать ЭТИ традиции, сохранить, сделать их традиции – чрезвычайно важная задача воспитательной работы. Школа, в которой нет традиций, советская школа, конечно, не может быть хорошей школой, и лучшие школы, которые я наблюдал, кстати и в Москве, – это школы, которые накопили традиции.

Что такое традиция? Я встречал возражения и против традиций. Старые наши педагогические деятели говорили: всякий закон, всякое правило должны быть разумно [разумным. – Г.Х.], логически понятно [понятным. – Г.Х.]. А вы допускаете традицию, разум и логика которой уже исчезли. Совершенно верно, я допускал традицию. Пример. Когда я был моложе и у меня было меньше работы, я каждый день вставал в коммуне в 6 часов утра

и каждый день совершал поверку, т.е. ходил в спальню вместе с дежурным командиром отряда, и меня встречали салютом, командой «Отряд, смирно!». Я совершал поверку [личного] состава и состояния отряда на начало дня. В это время меня принимали как начальника коммуны, и, как начальник, я в таких случаях мог производить всякие разборы и налагать взыскания. Кроме меня, никто в коммуне правом наложения взысканий не пользовался, конечно, кроме общих собраний. Но я вот потерял возможность бывать каждый день на поверке. Первый раз я уведомил, что я завтра быть не могу и поверку примет дежурный командир.

Постепенно эта форма стала обыкновенной. И вот установилась традиция: дежурный командир в момент проверки встречался как начальник. В первое время это было понятно, а потом это утерялось. И новенькие знали, что командир имеет право налагать взыскания, а почему – не понимали. Старые-то это помнили. Командир говорил: «Получи два наряда!» И ему отвечали: «Есть, два наряда». А если бы в другое время дня или ночи этот командир полез с такими правами, ему бы сказали: «Ты кто такой?» А эта традиция сохранилась и очень крепила коллектив.

Другая традиция, тоже потерявшая свою логику. Когда-то давно был конфликт. Дежурный командир вечером, отдавая рапорт, заявил: «А Иванов съел две порции за обедом». А Иванов сказал: «Ничего подобного, я съел одну порцию». Я, проверив дело, сказал, что, по моему мнению, он съел одну порцию. И другие были за то. А дежурный командир настаивал: «Нет, я сам видел – две». Я оставил дело без последствий. Дежурный командир обжаловал мое решение в общем собрании. Он заявил: «Антон Семенович не имел права проверять мои слова: я не просто сказал ему на ушко, я ему отдавал рапорт, стоял „смирно“, с салютом, в присутствии всех других командиров. В таком случае, раз он не доверяет моему рапорту, он не должен доверять и дежурству. Если он каждый мой рапорт будет проверять следственными показаниями, тогда к чему дежурить?»

Общее собрание постановило: Антон Семенович не прав, рапорт дежурного командира не проверяется. Вот если шепчут на ухо, тогда, пожалуйста, можно проверить. И в течение 10 лет это было законом. Что угодно можно было говорить в течение дня, а когда отдается рапорт, то это уже действительно верно: он же, салютуя, поднял руку, значит, это верно, это правда, а если ты в самом деле съел одну порцию, считай, что он обсчитался.

И эта прекрасная традиция так въелась, что стало легко работать. Во-первых, ни один дежурный командир не позволяет себе соврать, потому что он знает, что ему должны верить, а во-вторых, не надо тратить время и энергию на проверку. Может быть, дежурный командир действительно ошибся, но несчастный потерпевший должен подчиниться. И когда один, комсомолец, поднял разговор – что это за правило такое, надо его отменить, потому что я действительно на работу не опаздывал, а дежурный в рапорте заявил, что я опоздал на 10 минут, и мне сказал, что проверки не может быть, – этому пацану объяснили: может быть, ты и прав, ты действительно ходил за резцами, но для нас и для тебя дорожке твоей правоты дисциплина и доверие к дежурному командиру, так что ты своей правотой пожертвуй; если мы будем каждого дежурного проверять, что он говорит, так это будет

не дежурный, а холуй, а нам нужен дежурный командир. Таких традиций в моем коллективе было очень много, просто сотни. И я их не знал все, но ребята их знали. И ребята знали их незаписанными, а узнавали какими-то щупальцами, усиками. Так надо делать. Почему так? Так старшие делают. Этот опыт старших, уважение к логике старших, уважение к их труду по созданию коммуны и, самое главное, уважение к правам коллектива и его уполномоченных – это чрезвычайно важное достоинство коллектива, и, конечно, они поддерживаются традициями. Такие традиции украшают жизнь ребят. Живя в такой сетке традиций, ребята чувствуют себя в положении своего особенного коллективного закона, гордятся им и стараются его улучшить. Без таких традиций я считаю невозможным правильное советское воспитание. Почему? Потому что невозможно правильное воспитание без могучего коллектива, уважающего свое достоинство и чувствующего свое коллективное лицо.

Я мог бы назвать очень много интересных традиций и примерно назову несколько. Вот тоже традиция, и тоже смешная. Дежурный член санкома каждый день дежурит, носит красный крест на руке и имеет большие права, права диктатора, он может любому из комсомольцев или членов коллектива предложить встать из-за стола и пойти помыть руки, и тот должен подчиниться; он может зайти в любую квартиру инженера, сотрудника, педагога, доложить на общем собрании, что в квартире такого-то педагога грязь. Причем грязью считается одна традиция. Постановили – никогда не разбираться, какая грязь: у того – вода налита, у того – пыль на подоконнике, у того – пыль на спинке стула. Постановили никогда не рапортовать подробно, не описывать беспорядка, а просто одно слово – грязь. Это было совершенно достаточно для того, чтобы возбудить преследование против нее. И вот по традиции этот «диктатор» – я даже не помню, откуда это взялось, – выбирался обязательно из девочек, обязательно девочка, обязательно младшая и обязательно чистюлька. Например, предлагают такую-то, говорят: «Да что вы, ведь ей уже 17 лет». И никто не понимает, почему 17-летнюю нельзя выбрать в члены ДЧСК. «Да она прошлый раз выходила, у нее чулок спустился – поэтому нельзя». Почему обязательно девочка? Говорят, что хлопец не всегда сам может убрать как следует, а во-вторых, логика говорит, что девчата злей. Уж если девочка скажет, то она никому – ни другу, ни недругу не спустит. Я боролся против этого: «Как не стыдно, почему вы лишаете мужчин такого права, что значит чистюлька она или не чистюлька». Все равно, со мной согласны, но как выборы – выберешь кандидатуру комсомолки, – нет – все против, давай пионерку. Пионерку выдвинут такую, что совсем ребенок, куда уж ей доверять такую работу. «Нет, – говорят, – подходящая». И эти самые ДЧСК были варварами, житья от них не было, от такой 12-летней девочки не было покоя в течение дня никому – и за обедом, и на работе, и в спальне, и везде. И ругают ее: «Жить невозможно. Ищет-ищет она пыль в спальне, никакой пыли нет, – так она перевернет стул и говорит:

– А что это?

– Волосок прицепился».

И она пишет в рапорте, что в 15-й спальне грязь. И нельзя [ничего] сказать, потому что это правда. А эта Нина – ребенок, она говорит: «Ты вот

причесывался, волосы у тебя летели, так что, я должна тебя прикрывать, чтобы потом говорили, что ты мой корешок?»

И эти ужасные ДЧСК доводили коммуны прямо до остервенения. Отчитывается такой ребенок, здоровые парни смотрят на нее. Она говорит, что было столько-то обходов квартир, столько-то сообщений и т.д. «Хорошая работа?» – «Хорошая!». И опять ее выбирают, забывши, что сами от нее страдали.

Это традиция. Коллектив чувствовал, что именно таким маленьким девочкам, наиболее педантичным, наиболее чистым, честным, не склонным ни к каким увлечениям – ни сердечным, ни иным, – именно им надо поручать такую работу. И эта традиция была такой глубокой, что и на комсомольском бюро говорили: «Нет, этот не подойдет; вот такую Клаву давайте, она маленькая, чистенькая, будет работать».

И дети – удивительные мастера создавать такие традиции.

Надо признать, что в создании традиций нужно использовать какой-то маленький, инстинктивный консерватизм, но консерватизм хорошего типа, т.е. доверие к вчерашнему дню, к нашим товарищам, создавшим какую-то ценность и не желающим эту ценность разрушать сегодняшним моим капризом.

Среди таких традиций особенно я ценю традицию военизации. Меня в свое время за это часто поносили, называли жандармом, Аракчеевым¹¹ и другими генеральскими фамилиями. И я в последнее время, настаивая на этом, всегда краснел и чувствовал, что я совершаю безнравственный поступок. Но в прошлом году здесь, в Москве, была получена 2-я часть XVI тома Маркса и Энгельса, и я с огромным наслаждением, после 16 лет мучений, прочитал, что [и] Энгельс настаивал на такой военизации. У него есть прекрасная статья о необходимости военизации в школе¹². То есть он пишет: это не только полезно для будущей военной работы человека, но указывает на физическое и нравственное влияние. Но я все-таки хочу предупредить, что это не должно быть повторением закона военной части. Ни в коем случае не должно быть подражания, копировки.

Я являюсь противником того, чем увлекаются некоторые молодые педагоги, – это постоянным маршем: в столовую идут – маршируют, на работу идут – маршируют, всегда маршируют. Это некрасиво и не нужно. Но в военном быту, особенно в быту Красной Армии, есть много красивого, увлекающего людей, и в своей истории я все больше и больше убеждался в полезности этой военизации. Ребята умеют еще больше украсить эту военизацию, сделать ее более детской и более приятной. Мой коллектив был военизирован до некоторой степени. Во-первых, терминология несколько военная, например «командир отряда». Терминология имеет важное значение. Я, например, не совсем согласен, что можно школы называть неполной средней школой¹³. Мне кажется, что об этом нужно подумать. Что значит: ученик учится в школе, а его школа называется неполная средняя школа? Такое усеченное название. Само название должно быть для него привлекательным. Я обращал внимание на эту терминологию. И когда я предлагал назвать – бригадир бригады, то ребята говорили, что это не то. Что такое бригадир бригады – бригадир на производстве, а у нас в отряде должен быть командир. Но ведь ты тоже самое будешь делать. Нет, как сказать, я

могу и приказать, а бригадир скажет, ему скажут: ты не командир, а бригадир. В детском коллективе чрезвычайно красиво организуется единоначалие.

Такой термин, как рапортовать. Конечно, можно было бы и просто получить отчет мальчика, но я считаю, что их очень увлекает некоторая законность этого отчета. Законность такая: командир на отчет должен прийти в форме, не в спецовке, не в том платье, в котором он может пробегать целый день. На отчете, когда один командир отдает рапорт, он должен салютовать, и я не имею права принимать рапорт сидя, и все присутствующие должны салютовать. И все прекрасно знают, что, поднимая руку, все отдают привет работе отряда, всего коллектива. Это подчеркивает честь, ту самую честь, о которой говорил товарищ Сталин¹⁴.

Потом многое можно ввести из военного быта в самый быт коллектива, в движение его. Например, в коммуне была прекрасная традиция начала общих собраний. Общее собрание должно было всегда открываться только дежурным командиром. Причем удивительно, эта традиция была так велика, что когда в коммуну приезжало большое начальство, нарком включительно¹⁵, то все равно никому не позволяли открывать общее собрание, только дежурному командиру. Причем собрание обязательно все десять лет по традиции имело определенный регламент. Давался общий сбор к собранию на трубе. После этого оркестр, который помещался на балконе, играет три марша. Один марш для слуха, можно было сидеть, разговаривать, приходиться, уходить. Два марша и третий марш. Когда заканчивался третий марш, я обязан был быть в зале, и я чувствовал, что я не мог не явиться; если бы я не явился, меня бы обвинили, что я нарушаю порядок. Когда кончается марш, я обязан скомандовать: «Встать под знамя! Смирно!» – причем я не вижу, где знамя, но я уверен, что оно близко и что, когда я скомандую, его внесут. И когда вносят знамя, все обязательно встают, и оркестр играет специальный знаменный салют; когда знамя поставлено на сцену, собрание считается открытым; входит немедленно дежурный и говорит: «Собрание открыто».

И в течение 10 лет ни одно собрание иначе не открывалось, и если бы оно открылось иначе, стали бы говорить, что у нас беспорядок, что у нас черт знает что происходит и т.д.

Вот эта традиция военизации украшает коллектив, она создает для коллектива тот внешний каркас, в котором красиво можно жить и который поэтому надо привлекать. Красное знамя – это прекрасное содержание для такой традиции.

По той же традиции знаменщики и ассистенты знамени выбирались общим собранием из самых лучших и достойных коммунаров и выбирались «до конца жизни», как говорили, т.е. пока ты живешь в коммуне. Знаменщика нельзя было наказать никаким наказанием, знаменщики имели отдельную комнату, они имели лишней парадный костюм, и нельзя было, когда он стоял со знаменем, называть его «на ты».

Откуда взялась эта традиция, я тоже не знаю; но то, что знаменщик – самое почетное лицо в коммуне, доказывается тем, что у меня только один из коммунаров получил орден за заслуги военного характера, и это был знаменщик.

Почет знамени – это в школе богатейшее воспитательное средство. В коммуне им. Дзержинского этот почет выражался в том, что если в комнате стоит знамя, которое по случаю ремонта надо вынести в другое помещение, то нельзя было сделать иначе, как построить весь коллектив, вызвать оркестр и торжественно перенести знамя в другое помещение.

Мы прошли почти всю Украину, Волгу, Кавказ, Крым, и красное знамя ни одной минуты не оставалось без караула. Когда об этом узнавали мои приятели-педагоги, они говорили: «Что вы делаете? Ночью мальчикам надо спать. У вас оздоровительная кампания, поход, а они стоят у вас ночами у знамени!»

Мы говорили на разных языках. А я не понимал, как это можно в походной обстановке оставить знамя без караула.

При входе в коммуну всегда стоял часовой с исправной винтовкой. Я даже боюсь об этом говорить. Патронов у него, конечно, не было, но он имел большую власть. Часто стоял тринадцати-четырнадцатилетний мальчик. Стояли по очереди. Он каждого постороннего проверял при входе – кто он такой, что ему нужно, зачем он идет – и имел право преградить ему путь винтовкой. Ночью двери в коммуну не запирались, он стоял тоже на часах, иногда трусил и боялся, но все равно стоял свои два часа. И вот один раз приехала из Украинского Наркомпроса одна из видных педологичек с чекистом с ромбами. Между ними произошел интересный разговор: «Что же, он так и стоит?» – «Так и стоит». – «Ему скучно. Книжку дали бы ему почитать». Он говорит: «Как, часовому книжку читать?!» – «Но как же, нужно время использовать и развитие получать». Разные люди: она балдеет от того, что он ничего не делает, а чекист балдеет от того, что она предлагает книжку читать. По-разному балдеют. И эта организация – это необходимая функция, и воспитывающая функция коллектива. А ребята такую функцию продолжают.

Было правило, тоже традиция: нельзя сходить по лестнице, держась за перила. Я знаю, откуда это пошло. Лестница хорошего дома, лестницу начали вытаптывать, там, где перила, – там и вытаптывают, и постановили ребята: чтобы сберечь лестницу, не нужно ходить возле [перил]. Но забыли об этом. Пришли новенькие. «Почему нельзя держаться?» Им говорят: «Ты должен надеяться на свой позвоночный столб, а не на перила». А на самом деле не имели в виду сбережение позвоночного столба, а сбережение лестницы.

Должна быть эстетика военного быта, подтянутость, четкость, но ни в коем случае не просто шантажировка.

Что касается военной подготовки, то она идет, не вполне совпадая с этой военизацией. Это стрелковый спорт, кавалерийский спорт и военное дело. А эта военизация есть этика [эстетика. – Г.Х.], и в детском обществе она совершенно необходима. В особенности она хороша потому, что сохраняет силы коллектива, сохраняет от неразборчивых, неладных движений, от разбалтывания [разболтанности. – Г.Х.] движений, от разбросанности их. В этом смысле чрезвычайно важное значение имеет форма. Вы это лучше меня знаете, и об этом есть определенная точка зрения и мнение и Наркомпроса, и партии, и об этом я говорить не буду. Но форма хороша только тогда, когда она красива, когда она удобна. Мне пришлось в отношении

формы очень много пережить разных неприятностей и неудач, пока я пришел к более или менее удобной и красивой форме.

Но что касается формы – я готов идти дальше. Я считаю, что дети должны быть так красиво одеты, чтобы они вызывали удивление, т.е. чтобы они были красочны. В старые века красиво одевались войска. Это было пышностью привилегированных классов. У нас таким привилегированным слоем общества, который имеет право красиво одеваться, должны быть дети. Я не остановился бы ни перед чем, я бы дал каждой школе страшно красивую одежду. Это очень хороший клей для коллектива. В известной мере я шел по этому направлению, но меня подстригали. У меня были вензели, золотые и серебряные, расшитые тюбетейки, отглаженные белые пикейные воротники и т.д. Коллектив, который вы хорошо одеваете, на 50% у вас в руках.

КОММЕНТАРИЙ

РГАЛИ, 332-4-168.

Стенограмма. Машинопись – экземпляр из наследия педагога-писателя (штамп: «Архив А.С. Макаренко»). Объем: 41 страница с текстом, расположенным с одной стороны. Первая из четырех лекций, которые Макаренко в январе 1938 г. читал для соответствующих работников НКП РСФСР. Недавно назначенный руководитель комиссариата П.А. Тюркин – преемник А.С. Бубнова (см. док. № 3, прим.2).

Публ. (без характеристики воспроизведения текста): «Сов. пед.», 1943, № 5-6, с.10-17 (прим. на с.10: «Стенограмма обработана женой покойного Антона Семеновича – Г.С. Макаренко»); ИПП, с.67-86; ИПС 4, с.9-31; С 5 (1951), с.105-29; С 5 (1958), с.109-33; ПС 4, с.129-33. Во всех этих версиях текст лекции в той или иной мере сокращен и изменен.

В наследии Макаренко (РГАЛИ, 322-1-21) находятся и «Тезисы» к циклу лекций, составленные им при подготовке к первому выступлению (ПС 4, с.118-21, 385-86).

¹ «[В] последний период моей работы в коммуне НКВД им. Дзержинского под Харьковом я уже имел нормальный коллектив, вооруженный десятилеткой [...]». Десятилетка в коммуне была открыта лишь в начале 1934/35 уч. г. в рамках реорганизации ее школьной системы; см. док. № 1, прим.10.

² Первые выборы в Верховный Совет СССР на основании новой, «сталинской» Конституции состоялись 12.12.1937 г.

³ «В некоторых коммунах, даже НКВД (при старом его руководстве) [...]». Имеется в виду НКВД СССР под руководством Ягоды и НКВД УССР – Балицкого.

⁴ «Аполитический» – вероятно авторский неологизм.

⁵ Педология – см. док. № 1, прим.3.

⁶ Комплексный метод преподавания – «способ построения содержания образования и организации процесса обучения на основе единого связующего стержня (напр., области детских интересов и склонностей, знакомства с определенным кругом жизненных явлений, изучения родного края, выполнения практич. заданий)» – применялся в советской школе в 1922-31 гг., т.е. до восстановления предметной системы преподавания (см.: РПЭ 1, с.459-60).

⁷ «В свое время у меня была школа, школа заводская – вагонного завода [...]». См. док. № 2, прим.25.

---

⁸ «[...] в доме Павлика Морозова [...]». Морозов Павлик (Павел Трофимович; 1918-1932). Пионер, прославленный сталинскими средствами массовой информации образ беззаветного борца с классовым врагом – «кулаками» в период коллективизации сельского хозяйства СССР. Родился в с. Герасимовка Свердловской области в многодетной (пятеро детей) семье спецпереселенцев из Белоруссии. Был организатором и председателем первого пионерского отряда в селе, который помогал властям в агитации за создание колхоза. «Павлик», случайно узнав о кулацком заговоре сорвать хлебозаготовки, и не страшась отца (тот был заодно с «кулаками»), разоблачил их намерения, за что вместе со своим младшим братом был зверски убит «кулаками» в лесу.

Павлик Морозов объявлен пионером-героем, примером верности коммунистическим идеалам и патриотизма. На его примере считалось должным воспитывать подрастающее поколение; его именем называли улицы, школы, пионерские дружины, дворцы, городки и т.д., ему были воздвигнуты памятники (первый – в Москве в 1948 г.).

⁹ См. статью Миши Пеккера «„Буду капитаном корабля далекого плавания“» в газ. «Юный пионер», 1936, № 10, 12.09, с.3 (переизд.: сб. „Ucrainica“. Hrsg.: G. Hillig; Marburg, 1982, с.267).

¹⁰ Шмидт О.Ю. (1891-1956), сов. ученый, один из организаторов освоения Северного морского пути; один из основателей и гл. ред. «Большой советской энциклопедии» (БСЭ; 1924-41).

¹¹ Аракчеев – см. док. № 1, прим.12.

¹² «У него (Энгельса) есть прекрасная статья о необходимости военизации в школе». Имеется в виду статья Ф. Энгельса «Может ли Европа разоружаться?» Том XVI сочинений Маркса и Энгельса (ч. II), в который был включен перевод этого материала, вышел в свет в 1936 г.

¹³ «Я, например, не совсем согласен, что можно школы называть неполной средней школой». Неполная средняя школа (НСШ) – в 1934-58 гг. в СССР тип общеобразовательной школы в составе 1–7-го классов, дававшей неполное среднее образование. С 1932/33 уч.г. в крупных городах, столицах союзных и автономных республик был введен 10-летний срок обучения; так полные средние школы (ПСШ) становились «десятилетками». Фактически до смерти Сталина параллельно с ПСШ существовали НСШ; эти «семилетки» предназначались для сельского населения СССР.

¹⁴ «Это подчеркивает честь, ту самую честь, о которой говорил товарищ Сталин». См. тост Сталина в газ. «Правда» от 31.10.1937 г., с.1; также в: Сталин И.В. Сочинения. Т.14; М., 1997, с.236-37 (здесь – с.237).

¹⁵ «[...] когда в коммуну приезжало большое начальство, нарком включительно [...]». Имеется в виду нарком внутренних дел УССР Балицкий.

8. ЦИКЛ ЛЕКЦИЙ «ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО СОВЕТСКОГО ВОСПИТАНИЯ», ПРОЧИТАННЫХ В НАРКОМПРОСЕ РСФСР

Лекция вторая: «ДИСЦИПЛИНА, РЕЖИМ, НАКАЗАНИЯ И ПООЩРЕНИЯ» (14.01.1938 г.)

Сегодня я вам предложу тему: дисциплина, режим, наказания и поощрения. Еще раз я вам хочу напомнить, что мои положения вытекают исключительно из моего личного опыта, который проходил в несколько особых условиях, главным образом в колониях и коммунах для правонарушителей. Но я убежден, что не только отдельные выводы, но общая система моих находок может быть применена и к нормальному детскому коллективу. В частности, логика здесь такая.

Из моих 16 лет работы во главе учреждения правонарушительского я последние 10, а может быть и 12 лет, считаю работой нормальной. Все дело в том, что, по моему глубокому убеждению, мальчики и девочки становятся правонарушителями или «ненормальными» или благодаря «правонарушительской» или «ненормальной» педагогике. Нормальная педагогика, педагогика активная и целеустремленная, быстро очень обращает детский коллектив в коллектив совершенно нормального типа, и таким образом наше советское утверждение, что никаких прирожденных преступников, никаких прирожденных трудных характеров нет; – у меня лично, в моем опыте, это положение достигло выражения стопроцентной убедительности.

В последние годы в коммуне Дзержинского я вообще решительно протестовал против какой-либо мысли о том, что у меня коллектив ненормальный, коллектив правонарушительский, и поэтому те выводы и те приемы, которые я вам сегодня предложу, мне лично представляются как приемы по отношению к нормальному детству.

Что такое дисциплина? В нашей практике у некоторых учителей и у некоторых педагогов-мыслителей дисциплина иногда рисуется как средство воспитания. Я считаю, что дисциплина является не средством воспитания, а результатом воспитания и как средство воспитания должна отличаться от режима. Режим – это есть определенная система коллектива, определенная система средств и методов, которые помогают воспитывать. Результатом же воспитания является именно дисциплина.

Я при этом предлагаю дисциплину понимать несколько шире, чем она понималась до революции, – в дореволюционной школе и в дореволюционном обществе дисциплина была внешним явлением. Это была форма властвования, форма подавления личности, личной воли и личных стремлений, наконец, в известной мере это был метод властвования, метод приведения личности к покорности по отношению к элементам власти. Так рассматри-

вас дисциплина и всеми нами, кто пережил старый режим, кто был в школе, в гимназии, в реальном училище, и все знают, что и мы и учителя также смотрели на дисциплину одинаково, – дисциплина – это кодекс некоторых обязательных положений, которые необходимы для удобства, для порядка, для какого-то благополучия, чисто внешнего благополучия, скорее типа связи, чем типа нравственного.

Дисциплина в нашем обществе – это явление нравственное и политическое. Вместе с тем я наблюдаю некоторых учителей, которые и теперь не могут отвыкнуть от старого взгляда на дисциплину. Человек недисциплинированный в старом обществе никем не рассматривался как человек безнравственный, как человек, нарушающий какую-то общественную мораль. Вы помните, что у нас в школах такая недисциплинированность рассматривалась нами и товарищами как некоторое геройство, как некоторый подвиг или, во всяком случае, как некоторое остроумное веселящее представление. Всякая проказливость не только учениками, но даже и самими учителями не рассматривалась иначе, как проявление какой-то живости характера или проявление какого-то революционного порядка.

В нашем обществе недисциплинированность, недисциплинированный человек – это человек, выступающий против общества, и такого человека мы всегда рассматриваем не только с точки зрения внешнего технического удобства, но с точки зрения политической и нравственной. Такую точку зрения на дисциплину я считаю необходимым иметь каждому педагогу, но это только тогда, когда дисциплина рассматривается как результат воспитания.

Прежде всего, как вам уже известно, наша дисциплина всегда должна быть дисциплиной сознательной. Как раз в 20-х гг., когда такой широкой популярностью пользовалась теория свободного воспитания¹ или, по крайней мере, тенденция свободного воспитания, тогда эту формулу о сознательной дисциплине расширяли, считали, что дисциплина должна вытекать из сознания. Уже в своем раннем опыте я видел, что такая формулировка может привести только к катастрофе, т.е. убедить человека в том, что он должен соблюдать дисциплину, и надеяться, что при помощи такого убеждения он может добиться дисциплины, это значит рисковать 50-60% неуспеха.

Дисциплина должна вытекать из сознания, но, определяться сознанием дисциплина не может, так как она является результатом всего воспитательного процесса, а не отдельных специальных мер. Думать, что дисциплины можно добиться при помощи каких-то специальных методов, направленных на создание дисциплины, – ошибка. Дисциплина является продуктом всей суммы воспитательного воздействия, включая сюда и образовательный процесс, и процесс политического образования, и процесс организации характера, и процесс столкновения, конфликтов, и разрешения конфликтов в коллективе, в процессе дружбы и доверия, и всего решительно воспитательного процесса, считая здесь также такие процессы, как процесс физического воспитания, физического развития и т.д.

Рассчитывать, что дисциплину можно создать только одной проповедью, одними разъяснениями, – это значит рассчитывать на результат чрезвычайно слабый.

Как раз в области рассуждений мне приходилось сталкиваться с очень упорными противниками дисциплины [среди воспитанников], и если [необходимость] дисциплины доказывать на словах, то здесь и в словах можно встретить такие же яркие и мощные выражения.

Таким образом, воспитание дисциплины при помощи рассуждений и убеждений может обратиться только в бесконечные споры. Тем не менее я первый настаиваю, что наша дисциплина, в отличие от старой дисциплины, как явление нравственное и политическое, должна сопровождаться сознанием, т.е. полным пониманием того, что такое дисциплина и для чего она нужна.

Каким способом можно достигать этой сознательной дисциплины? Необходимо сказать, что в наших школах ученики и учителя поставлены в более худшие условия, чем учителя и ученики в старой школе с этой точки зрения, и вот почему.

В нашей школе нет теории морали, нет такого предмета, нет такого лица, которое бы эту теорию морали преподавало или было бы обязано по известной программе сообщать ее детям.

В старой школе был закон божий, предмет, конечно, дикий, предмет, отрицаемый не только учениками, но сплошь и рядом самими батюшками, которые относились к нему, как к чему-то не заслуживающему уважения, но вместе с тем в нем было много моральных проблем, которых так или иначе касались. Другой вопрос, эта теория имела положительный результат или нет, но в известной мере проблематика моральная проходила перед учениками в теоретическом изложении, т.е. говорилось: «нельзя красть, нельзя убивать, нельзя оскорблять, нужно уважать старших, уважать родителей», – и такие отделы морали, христианской морали, которая рассчитывала на веру, на религиозное убеждение, вскрывались в теоретическом изложении, и требования, хотя бы в старомодной религиозной форме, перед учениками проходили.

В своей практике я пришел к убеждению, что и для нас необходима такая теория морали. В наших современных школах такого предмета нет. Есть воспитательский коллектив, есть комсорги, пионервожатые, которые имеют возможность при небольшом желании систематическую теорию морали, теорию поведения ученикам преподнести.

Я уверен, что и в развитии нашей школы в будущем мы необходимо придем к такой форме. В своей практике я принужден был такую теорию морали в определенном виде, в программном виде своим ученикам предлагать. Я сам не имел права ввести такой предмет – мораль, но я имел перед собой программу, мною лично составленную, которую я излагал моим воспитанникам на общих собраниях, пользуясь различными поводами.

Я на своем опыте даже имел уже разработанные конспекты таких бесед теоретического морального типа, имел время несколько совершенствовать свою работу в этом направлении, и я видел очень хорошие, большие результаты такой теории морали, конечно, несравненно большие, чем могли быть результаты в старой школе в руках какого-нибудь, хотя бы и просвещенного, батюшки.

Возьмем вопрос о воровстве. Мы имеем возможность теорию честности, теорию отношения к вещам чужим, своим и государственным развить с бесконечной убедительностью, с очень строгой логикой, с большой внушаемостью, и вся конкретная теория поступков по отношению к вещам, теория запрещения воровства по своей убедительности и силе не имеет сравнения со старыми разглагольствованьями о том, что нельзя украсть, так как старая логика, что нельзя украсть, так как бог накажет, мало кого убеждала. Она могла сотрясать представление о воровстве, но не действовать как торжество.

Сдержанность, уважение к женщине, к старику, уважение к себе – вся теория поступков, которые относятся к целому обществу или к коллективу, может быть предложена нашим ученикам в чрезвычайно убедительной и сильной форме.

Я считаю, что такая теория поведения, теория советского поведения, имеет настолько много данных в общественной жизни, в нашей общественной практике, в истории нашей гражданской войны, в истории нашей советской борьбы и в особенности в истории Коммунистической партии, что немного нужно усилий, чтобы такой предмет, как теория поступков, мораль, мог быть легко, красиво и убедительно предложен нашим ученикам.

Я могу утверждать следующее, что коллектив, перед которым такая теория морали излагается, несомненно воспримет все это, и в каждом отдельном случае каждый отдельный ученик и воспитанник должен сам для себя находить какие-то обязательные формы и формулы морали. Никто ему не предложит, не поможет и не подскажет этих форм.

Я помню, как быстро и радостно возродился мой коллектив в отдельных моральных случаях и проблемах после единственной беседы на такую моральную тему. Целый ряд бесед, целый цикл таких бесед производил просто большое философское оздоровление в моем коллективе, в моем детском обществе.

Какие общие положения могут служить доводом в такой теории морали?

Я пришел к следующему списку общих моральных положений. Прежде всего дисциплина как форма нашего политического и нравственного благополучия, дисциплина должна требоваться от коллектива. Нельзя рассчитывать, что дисциплина придет сама благодаря внешним мерам, приемам или отдельным разговорчикам. Нет, перед коллективом задачу дисциплины, цель дисциплины нужно требовать прямо, ясно и определенно.

Эти доводы, требования дисциплины подсказывают такие моменты. Прежде всего, каждый ученик должен быть убежден, что дисциплина является формой для наилучшего достижения целей коллектива. Та логика достижений цели целого коллектива, утверждающая, что без дисциплины коллектив своей цели добиться не может, если она излагается четко и горячо (я против холодных рассуждений о дисциплине), такая логика будет первым камнем, положенным в основание определенной теории поступка, т.е. определенной теории морали.

Во-вторых, логика нашей дисциплины утверждает, что дисциплина ставит каждую отдельную личность, каждого отдельного человека в более защитное [защищенное. – Г.Х.], более свободное положение. Представьте

себе, что это парадоксальное утверждение, что дисциплина есть свобода, понимается самими ребятами очень легко, и на практике ребята вспоминают это утверждение, на каждом шагу получают подтверждение, что оно верно, и многие говорят в своих активных выступлениях за дисциплину, что дисциплина – это свобода.

Дисциплина в коллективе – это полная защищенность, полная уверенность в своем праве, путях и возможностях для каждой отдельной личности.

Конечно, в нашей общественной жизни, в нашей советской истории очень много можно найти доказательств этого положения, и сама наша революция, само наше общество являются подтверждением этого закона. Мы для того и сделали революцию, чтобы личность была свободна, но форма нашего общества – это дисциплина.

Это второй тип общеморальных требований, который нужно предложить детскому коллективу, и такой тип требования помогает потом воспитателю разрешать каждый отдельный конфликт. В каждом отдельном случае нарушитель дисциплины обвиняется не только мною, но и всем коллективом в том, что он нарушает интересы других членов коллектива, лишает их той свободы, на которую они имеют право.

Между прочим, это происходит, может быть, оттого, что как раз беспризорные и правонарушители, бывшие у меня, в самом значительном числе случаев побывали в таком детском коллективе, где нет дисциплины, и они на своей шкуре испытали всю страшную тяжесть такой бездисциплинированной жизни. Это – власть отдельных вожаков, так называемых глотов, более старших, сильных беспризорных, которые посылали малышей на воровство и хулиганство, которые эксплуатировали этих детей, и дисциплина для этих детей, страдавших от бездисциплинированного состояния, являлась действительным спасением, действительным условием человеческого расцвета.

Я бы, если было бы время, рассказал вам об очень ярких случаях почти мгновенного человеческого возрождения благодаря тому, что мальчик попал в дисциплинированную среду. Но я расскажу сейчас один случай.

В 1932 году я взял на вокзале в Харькове, по распоряжению НКВД, со всех проходящих через Харьков скорых поездов 50 беспризорных. Я взял их в очень тяжелом состоянии. Прежде всего, что меня поразило, – они все друг друга знали, хотя я взял их с разных поездов, главным образом идущих с Кавказа и из Крыма, но все они были знакомы. Это было «курортное общество», которое разъезжало, встречалось, пересекалось и имело какие-то внутренние отношения.

Эти 50 чел., когда я их привел, помыл, подстриг и т.д., на другой день передрались между собой. Тот у того-то украл, тот не заплатил проигрыш, тот не поделился добычей, тот оскорбил, тот не выполнил слова, и я сразу увидел, что в этой группе [из] 50 чел. есть вожаки, есть эксплуататоры, есть власть имущие и есть эксплуатируемые, подавленные. Это увидел не только я, но и мои коммунары, и мы увидели, что допустили ошибку, слив эти 50 чел. в одной стороне, пытаюсь создать из них отдельный маленький коллектив.

На другой день вечером мы их распределили между остальными 400 коммунарами, причем распределили, придерживаясь правила, кто позлее – в сильный коллектив, а тех, кто помягче, – в более слабый.

Мы в течение недели наблюдали, как при встречах они старались еще сводить прежние счеты. Но под давлением коллектива эти счеты были прекращены, но несколько человек убежали из коммуны, не будучи в состоянии перенести свои расчеты с врагами, более сильными, чем они.

В комсомольской организации мы этот вопрос крепко продискутировали и выяснили очень многие обстоятельства этой недисциплинированной жизни, этого страдания отдельной личности от отсутствия дисциплины, причем, в конце концов, воспользовавшись этим случаем, мы провели целую кампанию по разъяснению этого морального принципа, что дисциплина является свободой для отдельной личности, и кто с наибольшей страстностью, убедительностью и наибольшей слезой выступал за утверждение этого принципа, это как раз новенькие, которых я подобрал на харьковском вокзале, которые рассказывали, как трудно жить, когда нет дисциплины, которые доказали за две недели новой жизни на своем примере, что такое дисциплина.

Это произошло потому, что мы подняли эту кампанию, провели дискуссию. Если бы мы об этом не говорили, они могли бы ощущать всю тяжесть бездисциплинированной жизни, но понять этого они не могли бы.

Из таких детей, пострадавших от анархии беспризорного общества, у меня вырастали наибольшие сторонники дисциплины, наиболее горячие ее защитники, наиболее преданные ее проповедники. И если я вспомню всех юношей, которые были у меня правой рукой в моем педагогическом коллективе, то это как раз те дети, которые в своей жизни больше всего претерпели от анархии недисциплинированного общества.

Третий пункт морального теоретического утверждения, который должен быть предложен коллективу и всегда быть ему известен и всегда направлять его на борьбу за дисциплинированность, это такой: интересы коллектива выше интересов личности. Казалось бы, вполне понятная для нас, советских граждан, теорема. Однако на практике она далеко не понятна очень многим интеллигентным, образованным, культурным и даже социально культурным людям.

Мы утверждаем, что интересы коллектива стоят выше интересов личности там, где личность выступает против коллектива, но когда дело приходит к практическому случаю, дело решается часто как раз наоборот.

В моей жизни был такой сложный случай. В коммуне Дзержинского в последние годы не было воспитателей, работали педагоги-учителя, а в самом коллективе отдельных воспитателей у нас не было, и вся воспитательная работа велась старшими коммунарами, главным образом комсомольцами, причем этому помогала структура коллектива. Коллектив делился на отряды, во главе которых стояли командиры. Один из командиров отвечал за всю работу коллектива в течение дня – уборка, обед, прием гостей, порядок, чистота, вся работа школы, прием пищи и производство. Назывался он дежурный командир, носил красную повязку и имел очень большую власть, которая была ему необходима для единоличного руководства порядком дня. Власть заключалась в том, что его приказы должны были выполняться

беспрекословно, и только вечером он мог дать отчет о всех своих приказа-ниях. Никто не имел права разговаривать с ним сидя, а должен был стоять, и никто не имел права возражать ему в какой-либо форме. Обычно дежурным командиром был уважаемый, заслуженный товарищ, и никаких конфликтов с ним не происходило.

Однажды дежурным командиром был мальчик, которого условно назовем Ивановым. Он был комсомолец, один из видных культурных работников, член драмкружка, хороший производственник, пользовался полным уважением всех, в том числе и моим, один из старейших беспризорников, имевший большой стаж правонарушений и бродяжничества, которого я лично подобрал в Симферополе.

Этот дежурный командир вечером во время рапорта доложил мне, что у мальчика Мезяка украден только [что] купленный им радиоприемник. Это был первый радиоприемник в коммуне. Мезяк заплатил за него 70 р[ублей], которые собирал в течение полугода из своего заработка. Радиоприемник стоял около кровати в спальне и оттуда исчез. Спальня не запиралась, так как замки в коммуне были запрещены, но в течение дня вход туда был не разрешен, и коммунары не могли войти туда, так как были на работе.

По моему предложению было созвано общее собрание, на котором дежурный командир разобрал вопрос, куда мог деваться радиоприемник. Он очень тактично вел разговор, указал, кто мог бы войти в спальню за инструментом и т.д., высказал несколько подозрений, предложил избрать комиссию, уговаривал общее собрание выяснить до конца это дело, так как было жалко Мезяка, и затем тревожил поступок – кража вещи, на которую человек полгода собирал деньги из своего заработка.

Но ничего не удалось открыть; и с тем и легли спать. Мезяк – мальчик лет 12.

Наутро ко мне пришли несколько пионеров-малышей и сообщили, что они встали в 5 часов, обследовали всю коммуну и нашли под сценой радиоприемник. Они попросили освободить их от работы, чтобы они могли наблюдать, что там происходит.

Они стояли весь день, потом пришли ко мне и сказали прямо – радиоприемник украл Иванов, так как они видели, как он один подходил несколько раз к суфлерской будке, стоял там и что-то слушал. Больше никаких доказательств они не имели. Только то, что он стоял, не будучи дежурным командиром, над этой дыркой и слушал.

Я сыграл ва-банк. Я позвал Иванова и говорю:

– Ты украл радиоприемник, и баста!

Он побледнел, сел на стул и говорит:

– Да, я украл.

Этот случай сделался предметом обсуждения общего собрания. Комсомол исключил его и передал дело на общее собрание коммунаров. Общее собрание происходило под председательством мальчика, которого называли «Робеспьер», он всегда предлагал одно – выгнать из коммуны. На этот раз также постановили выгнать, но постановили выгнать буквально – открыть двери и спустить Иванова с лестницы.

Я возражал против изгнания, вспоминал всякие случаи, что и тебя хотели выгнать, что тебя хотели выгнать, но ничего не добился. Я позвонил в НКВД и сообщил, что есть такое постановление общего собрания, что выгнать, и выгнать символически таким-то образом. Они мне ответили, что этого постановления не утвердят и что я должен добиться отмены его.

Я обладал очень большим авторитетом у коммунаров и мог добиться, чего хотел, иногда очень трудных вещей. Тут я ничего не мог сделать – они меня лишили слова в первый раз за всю жизнь коммуны:

– Антон Семенович, мы вас лишаем слова!

И кончено. Я все-таки им сказал, что они не имеют права выгнать, пока они не получают утверждения НКВД. Тут они со мной согласились и перенесли вопрос на завтра с тем, что придут представители НКВД, а они при них подтвердят свое решение.

Я имел неприятности, меня упрекали, как всегда, как я этого не добился. Но на другой день несколько видных чекистов приехали в коммуны. Их встретили так:

– Вы чего приехали? Защищать Иванова?

– Нет, добиться справедливости.

И тут произошел у меня в кабинете между коммунарами и чекистами диспут о дисциплине, который может и теперь служить для меня каркасом для разработки этой важнейшей проблемы.

На общем собрании чекисты так говорили:

– Что вы хотите показать вашим постановлением? Иванов ваш передовик, ваш активист, вы его вооружили доверием, вы ему доверяли коммуны, вы подчинялись его распоряжениям беспрекословно. А теперь, когда он один раз украл, вы его выгоняете. И затем, куда он пойдет? Он пойдет на улицу, а это значит – бандит! Неужели вы так слабы, что не можете перевоспитать Иванова?

Причем сам Иванов, «бандит», в истерике бьется целый день. С ним больше доктора возятся, чем комсомольцы.

Показывают на него:

– Вот человек болен! Вы, такой сильный коллектив, вы перековали столько человек, неужели вы боитесь, что он плохо на вас повлияет? Ведь вас 456 чел.! А он один.

Это убийственные доводы, это единая логика.

И вот что отвечали им коммунары, не такие опытные, не такие нравственные люди, но люди, отвечающие за свой коллектив, тот же Робеспьер и другие. Они говорили:

– Если Иванов пропадет – правильно. Пусть и пропадает. Если бы он украл что-нибудь – одно дело. Но он был дежурным командиром, мы ему доверили коммуны, он председательствовал на общем собрании и упрашивал нас – говорите то, что знаете. Тут не воровство. Это он один нахально, цинично, нагло пошел против всех, соблазнившись 70 рублями, пошел против нас, против Мизяка, который 6 месяцев собирал по 10 рублей из своего заработка. Если он пропадет, нам не жалко его!

И, во-вторых, мы с ним, конечно, справимся. Мы его не боимся, но нас это не интересует. Мы потому и справимся с ним, что мы можем его выгнать. И если мы его не выгоним и другого не выгоним, тогда наш коллектив потеряет всю силу и ни с кем не справится. Мы его выгоним, а таких, как он, у нас 70 чел., и мы с ними справимся, именно потому, что мы его выгоним!

Чекисты возражали, что вы все-таки теряете члена коллектива, у вас пятно на коллективе, он пропадет. Им возражали беспризорные: посмотрите на такую-то колонию, на такую-то колонию, где нет дисциплины, сколько она теряет в год. Там бежит в год 50%. Значит, если мы настаиваем так резко на дисциплине, то потеря будет больше, а здесь мы согласны его потерять, но зато справимся с другими.

Спор шел долго, целый вечер. Наконец коммунары перестали возражать и даже аплодировали хорошим речам чекистов. Но когда дело доходило до голосования и председатель говорил: «Кто за то, чтобы выгнать Иванова?» – все сразу поднимали руки. Опять брали чекисты слово, опять убеждали, и я видел по их лицам, что они улыбаются, потому что знают, что все равно Иванова выгонят. И в 12 часов ночи постановили: выгнать именно так, как постановили вчера, – открыть двери и спустить с лестницы. И единственно, чего мы добились, что не физически выгнать, а взять под стражу и отправить в Харьков.

Так и выгнали. Конечно, потом я и другие приняли меры, чтобы Иванова отправить в другую колонию, но чтобы никто не знал, так как когда через год узнали об этом, то меня спрашивали, как это я нарушил постановление общего собрания, – мы постановили выгнать, а он ходил и хлопотал.

Этот случай явился для меня толчком, после которого я долго думал, до каких пор интересы коллектива должны стоять впереди интересов отдельной личности. И сейчас я склонен думать, что предпочтение интересов коллектива должно быть доведено до конца, даже до беспощадного конца – и только в этом случае будет настоящее воспитание коллектива и отдельной личности.

На эту тему я в конце буду говорить. Сейчас только скажу, что этот беспощадный конец на самом деле должен быть беспощаден только в логике, т.е. физически беспощадным он может и не быть, т.е. нужно так организовать технику беспощадности, чтобы интересы коллектива стояли впереди интересов личности, но и чтобы личность не оказалась в тяжелом, катастрофическом положении.

Наконец, четвертая теорема, которая должна быть внушаема и предлагаться детям как чистая теория: дисциплина украшает коллектив. Эта сторона дисциплины – красота дисциплины, эстетика дисциплины – является очень значительной. Как раз в нашем детском коллективе, насколько я знаю, делается в этом отношении очень мало. У нас порой бывает дисциплина, выражаясь беспризорным языком, «занудная», скучная дисциплина разглагольствования, понукания, надоедания болтовней. Вопрос о том, как сделать дисциплину приятной, увлекающей, задевающей за живое, является вопросом просто педагогической техники.

Я в своей истории не так скоро пришел к окончательной форме такой красивой дисциплины, причем, конечно, здесь есть опасность, чтобы дис-

циплина не была просто внешним украшением; [а] чтобы красота дисциплины вытекала из ее сущности.

Во всяком случае, в последнее время я имел уже у себя довольно сложную распланировку такой эстетической стороны дисциплины. Для примера приведу несколько приемов, форм, которыми я пользовался уже не для воспитания дисциплины, а для проверки и поддержания эстетичности.

Например, опоздал завтрак. Дали сигнал на завтрак по вине кухни, или по вине дежурного, или по вине кого-нибудь из воспитанников, так как они проспали, на 10 минут позднее. Является вопрос: как же поступать дальше – задержать ли сигнал на работу на 10 минут, задержать ли работу или поступиться завтраком? Вопрос на практике бывает очень тяжелый.

У меня было много наемного персонала: инженеры, мастера, инструкторы – до 200 чел. персонала², который также дорожит своим временем. Они пришли в 8 часов на работу, и в 8 часов я должен дать гудок. А тут завтрак опоздал на 20 минут, коммунары не выходят, и получается, что я должен задержать на 20 минут рабочих и инженеров. Многие живут по железной дороге, опаздывают на поезд и т.д. И вообще тут закон точности.

Я не сомневался ни разу за последние годы, как поступить, и у ребят также не было сомнения. Опоздал завтрак. Я даю гудок ровно в 8 часов – в столовую. Многие ребята бегут, некоторые еще только начинают завтракать. Я прихожу в столовую и говорю: «Завтрак окончен». Я прекрасно понимаю, что я их оставляю без завтрака, и прекрасно знаю, что и физически это нехорошо, и как хотите. Но тем не менее у меня ни разу сомнений не было. Если бы я поступил так с коллективом, не чувствующим красоты дисциплины, мне бы кто-нибудь сказал:

– Что же, мы голодные будем?

Мне никто никогда не говорил таких вещей. Все прекрасно понимают, что нужно так поступить, и то, что я могу войти и потребовать, показывает, что я доверяю коллективу, требуя, чтобы он не завтракал.

Как-то стали обращаться ко мне дежурные, говоря, что ребята задерживаются в спальней и не спешат приходить в столовую, опаздывают на завтрак. Я никогда не поднимал по этому поводу никаких теоретических рассуждений и никому ничего не говорил. Я просто подходил к столовой на другой день и начинал разговаривать с кем-нибудь, рядом стоящим, по совершенно другому делу, и все опаздывавшие 100-150 чел., обычно старшие комсомольцы, спускаясь с лестницы, не заворачивали в столовую, а прямо на завод. «Здравствуйте, Антон Семенович!» И никто не делает вида, что опоздал на завтрак. А вечером только иногда скажет:

– Ну и проморили вы нас сегодня!

На этой основе я мог проделывать такие упражнения. Ждут картину «Броненосец Потемкин». Пришла картина, сели в зал. Идет третья часть. Я говорю:

– Первый, второй, третий отряд, выйдите из зала.

– Что такое?

– Я получил сведения, что какие-то подозрительные личности ходят вокруг коммуны. Проверьте.

– Есть, проверить.

Они не знают, ходят или не ходят подозрительные личности, допускают, что это проба, но если кто-нибудь скажет, что это проба, то другие его взгреют. Пойдут, проверят, возвратятся; пропустили часть любимой картины, и никто ничего не скажет, что пропустили любимую картину, а идут и смотрят дальше.

Это такое упражнение. Таких упражнений может быть много.

Всегда, в частности, известно, какой отряд в коллективе лучший. У нас была традиция: лучшему отряду поручать самую тяжелую и неприятную работу при распределении уборки. А уборка – это довольно напряженное дело, так как в коммуне каждый день несколько иностранных делегаций и коммуну нужно было держать в лоске, доводить до полного блеска.

– Какой лучший у нас отряд?

– Шестой.

Значит, самую неприятную уборку производит шестой отряд за то, что он самый лучший. За это ты и совершай самую неприятную работу. И это было у нас вполне естественной логикой. Это самый лучший отряд, и ему поручается самая тяжелая работа.

Или в походах очень часто бывало тяжелое положение, требующее физического напряжения, быстроты, энергии. Какой отряд посылается? Самый лучший, и этот лучший отряд терпел очень много, но этим он гордился. Трудно представить, что это лучший отряд, и я бы постеснялся поручить ему лишнюю нагрузку, внеочередное задание. Я именно ему это поручаю без всякого сомнения, без всяких слов потому, что он лучший, и он это доверие чувствует. Он чувствует в этом особую красоту, эстетичность.

Эта эстетичность к себе будет последней филигранной работой дисциплинированности, и не каждый коллектив придет к ней, но если коллектив к ней пришел, и если логика такова, что чем выше ты стоишь, тем больше от тебя требуется, если эта логика делается настоящей, живой логикой, [э]то значит: вопросы дисциплинированности и воспитания доведены до известного удовлетворительного предела.

Наконец, последнее теоретическое общее положение о дисциплине, которое я считал необходимым своим воспитанникам предлагать как можно чаще, это такое – в простой форме, доступной для детского понимания: если человеку нужно сделать что-нибудь для себя приятное, он всегда сделает это и без дисциплины; дисциплина именно то, когда человек делает и неприятное для себя с удовольствием. Это очень важное дисциплинарное положение. Его также нужно отметить и подчеркивать как можно чаще, подчеркивать при всяком случае.

Вот коротко та общая теория поведения, мораль, которую необходимо детям предъявлять как определенное знание, о котором нужно всегда говорить, подчеркивать и добиваться понимания этих теорем и положений. Только таким образом, при таком общем теоретизировании дисциплина будет получаться сознательной.

Во всех этих теоремах и аксиомах дисциплины нужно всегда подчеркивать главное и основное – это политическое значение дисциплины. Здесь наша советская действительность дает очень много блестящих примеров.

Наибольшие достижения, самые славные страницы нашей истории связаны с великолепным блеском дисциплины. Вспомните наши арктические походы, папанинскую группу³, все подвиги Героев Советского Союза, возьмите историю колхозного движения, возьмите историю нашей индустриализации – здесь даже в художественной литературе вы увидите блестящие примеры, которые вы можете предъявить вашим воспитанникам как пример советской дисциплины, основанной именно на этих 5 принципах дисциплины.

Все-таки я уже сказал, что такая сознательность, такая теория поведения должны сопровождать дисциплину, должны идти параллельно с дисциплиной, а не быть основанием дисциплины.

Что же является основанием дисциплины?

Говоря просто, чтобы не зарываться в глубь психологических изысканий, основанием дисциплины является требование без теории. Если бы кто-нибудь спросил, как бы я мог в краткой формуле определить сущность моего педагогического опыта, я бы ответил, что как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему. Я убежден, что эта формула есть формула вообще советской дисциплины, есть формула вообще нашего общества. От буржуазного общества наше общество именно отличается тем, что мы к человеку предъявляем гораздо большие требования, чем буржуазное общество, и наши требования шире по объему. В буржуазном обществе можно открыть лавочку, можно эксплуатировать, спекулировать, быть рантье и жить на проценты. Там предъявляется гораздо меньше требований, чем у нас.

У нас к личности предъявляются глубокие, основательные и общие требования, но с другой стороны, мы нашей личности оказываем и необыкновенно большое, принципиально отличное уважение. Это соединение требований к личности и уважения к ней – не две разные вещи, а одно и то же. И наши требования, предъявляемые к личности, выражают и уважение к ее силам и возможностям, и в нашем уважении предъявляются в то же самое время и требования наши к личности. Это уважение не к чему-то внешнему, вне общества стоящему, к приятному и красивому. Это уважение к товарищам, участвовавшим в нашем общем труде, в нашей общей работе, это уважение к деятелю.

Не может быть, конечно, ни создан коллектив, ни создана дисциплина коллектива, если не будет требований к личности. Я являюсь сторонником требования последовательного, крайнего, определенного, без поправок и без смягчения.

Кто из вас читал мою книгу «Педагогическая поэма», тот знает, что я начал с таких требований, тот знает историю с побоями воспитанника Задор[ов]а. Эти побои были, конечно, преступлением и показали, во-первых, плохую мою подготовленность как воспитателя, плохую мою вооруженность педагогической техникой и плохое состояние нервов, отчаяние. Но это не было наказание. Это также было требование.

В первые годы моей работы я доводил требования до предела, до насилия, но никогда не наказывал моих воспитанников за проступки, никогда не наказывал так жестоко и таким крайним образом. То мое преступление, которое я описал, было не наказанием, а требованием.

Я не рекомендую вам повторять мой опыт, потому что сейчас не 1920 г., а 1938 г. и потому что едва ли кто-нибудь из вас, из товарищей, которыми вы руководите, окажется в таком тяжелейшем, одиноком, затрудненном положении, в каком оказался я. Но я утверждаю, что не может быть воспитания, если нет требования. Требование не может быть половинчатым. Оно должно быть большевистски предельным, доведенным до возможного предела.

Эта организация требования, конечно, очень трудная вещь, но она вовсе не требует воли, как многие думают. Я лично человек вовсе не волевой, и никогда не отличался такими достоинствами сильной личности. Во все нет. Обыкновенный интеллигент, обыкновенный учитель. Я был только убежден в том, что играть и кокетничать моей интеллигентностью я не имею права, и кокетничанье своей интеллигентностью у воспитателя часто происходит от незнания той линии, которую нужно утвердить. Я убежден, что эта линия, которую нужно утвердить, есть требование.

Конечно, это требование должно дальше развиваться. Но я уверен, что пути тут всегда одинаковы. Если вы хотите взять коллектив детей недисциплинированных или дисциплинированных только с внешней стороны, не начинайте никаких споров. Вам нужно будет начинать с ваших индивидуальных единых требований.

Очень часто бывает, и в большинстве случаев даже бывает так, что достаточно просто выразить решительное, непоколебимое, негнущееся требование, чтобы дети вам уступили и поступили так, как вы хотите. Тут есть некоторая доля внушаемости и некоторая доля сознания того, что вы правы. Все в дальнейшем будет зависеть от вашего интеллекта. Нельзя предъявлять грубые требования, нелогичные, смешные, не связанные с требованиями коллектива.

Я боюсь, что я буду не логичен. Для себя лично я создал такую теорему. Там, где я не уверен, можно ли потребовать чего-либо, правильно или неправильно, я делал вид, что я ничего не вижу. Я ожидал случая, когда и для меня становилось очевидным, и для всякого здравого смысла становилось ясно, что я прав. В таком случае я и предъявлял до конца диктаторские требования, и так как они казались лучше от такой очевидной правды, я действовал смелее, и ребята понимали, что я прав, и легко мне уступали.

Я считаю, что такая логика требований на первых порах должна быть законом. Тот воспитатель, который дает простор своей воле и обращается в самодура в глазах коллектива, требует того, что коллектив не понимает, тот победы не одержит.

Я от своего первого коллектива не требовал, чтобы они не крали. Я понимал, что я тут не могу убедить их ни в чем. Но я требовал, чтобы они вставали, когда нужно, выполняли то, что нужно. Но они воровали, и на это воровство я смотрел до поры до времени сквозь пальцы.

Во всяком случае я еще раз говорю, что без искреннего, открытого, убежденного, горячего и решительного требования нельзя начинать воспитание коллектива, и тот, кто думает начать с колеблющихся, подмазывающихся уговариваний, тот делает ошибку.

Наряду с требованием должно идти и развитие теории морали, но оно ни в коем случае не должно подменять требование. Там, где вы нашли случай теоретизировать, рассказать детям, что нужно сделать, там вы должны это сделать. Но там, где вы должны потребовать, вы никаких теорий не должны разводить, а должны требовать и добиваться выполнения ваших требований.

В частности, я был во многих школах, большей частью киевских. Что меня поражало в детских школьных коллективах, так это страшная крикливость, егозливость, несерьезность, истеричность детей, беганье по лестницам, разбивание стекол, носов, голов и т.д.

Я не выношу этого крика. У меня нервы здоровые настолько, что я мог писать «Педагогическую поэму» в окружении ребят, в толпе. Разговоры мне не мешали. Но я считаю, что крик и визг, беганье не нужны детям. А вместе с тем я встречал такие рассуждения среди педагогов: ребенок должен бегать, должен кричать, в этом проявляется его натура.

Я возражаю против этой теории. Ребенку это совсем не нужно. Как раз этот общий крик в школе только расстраивал все время нервы, больше никакой пользы не приносил. Наоборот, на своем опыте убедился, что в детском коллективе проводить можно с успехом движение упорядоченное, с торможением, с уважением к соседу, к имуществу, к дверям, к окнам и т.д.

В моей коммуне вы не могли бы встретить такой галдеж. Я добился полного порядка в движении на улице, на площадке, в здании. Я требовал полного упорядочения движения.

Потребовать такую вещь в наших школах совсем не трудно. Если бы я получил сейчас школу, я поставил бы себя в положение организатора. Я всех собрал бы, сказал, чтобы больше я этого не видел. Никаких доказательств, никаких теорий! Потом я поднес бы им теорию, а тут теория могла бы только повредить. Я бы приступил в решительной форме – чтобы я больше этого не видел! Чтобы я не видел ни одного кричащего ученика в классе.

Такое требование, высказанное в форме, не допускающей возражений, необходимо на первых порах в каждом коллективе. Я не представляю себе, чтобы можно было дисциплинировать разболтанный, изнервничавшийся коллектив без такого холодного тона требования отдельного организатора. А дальше это идет гораздо легче.

Вторая стадия развития этого требования, когда на вашу сторону перешли первый, второй, третий, четвертый активист, когда около вас организуется группа мальчиков или девочек, которые сознательно хотят поддерживать дисциплину.

Я спешил с этим. Я, не глядя на то, что эти мальчики или девочки имеют также много недостатков, старался скорее набрать такую группу активистов, которые поддерживали мои требования своими требованиями, высказываемыми на общих собраниях, в своей группе, своим мнением. Это вторая стадия развития, когда около меня образовалось такое ядро.

И наконец, третья стадия развития этого требования, когда требует коллектив. Это – тот результат, который вознаграждает вас за нервный труд первого периода. Когда требует коллектив, когда коллектив сбился в из-

вестном тоне и стиле, работа воспитателя становится математически точной, организованной работой.

В последние 5 лет в коммуне Дзержинского я уже ничего не требовал. Напротив, я выступал уже как тормоз для требований коллектива, так как обычно коллектив разгоняется и требует часто очень многого от отдельной личности.

Вот тут-то, когда уже требует коллектив, тут для вас и будет простор для развертывания теории морали. Тут каждый понимает, что требования морали, политической морали и нравственной – основные, и общий итог требований, когда каждый воспитанник требует от себя и больше всего интересуется своим поведением.

Этот путь от диктаторского требования организатора до свободного требования каждой личности от себя на фоне требований коллектива, этот путь я считаю основным путем в развитии советского детского коллектива. Я убежден, что тут не может быть постоянных форм. Один коллектив может стоять на первой стадии развития, и там нужно иметь фигуру диктатора-воспитателя, и как можно скорее этот коллектив должен переходить к форме свободного коллективного требования и к требованию свободной личности к самой себе.

Конечно, нельзя ограничиваться только одним требованием. Требование – необходимый элемент дисциплинирования коллектива, но не единственный. Впрочем, все остальные элементы здесь также по существу будут требованиями, но высказанными не в такой решительной форме. Кроме требования, есть привлечение и понуждение. Эти две формы есть выражение как бы в слабой форме требования. И наконец, более сильная форма, чем обыкновенное требование, это угроза.

Я считаю, что все эти формы должны употребляться в нашей практике.

Что такое привлечение? Оно должно испытывать некоторое развитие. Одно дело – привлечение подарком, наградой, премией или какими-нибудь благами для отдельной личности, и другое дело – привлечение эстетикой поступка, его красивой внутренней сущностью.

То же самое понуждение. В первом случае понуждение может быть высказано в более примитивной форме, в форме доказательства или убеждения. В более совершенном случае понуждение высказывается намеком, улыбкой, юмором. Оно – что-то ценное и видное для детей.

То же самое угроза. Если в начале развития коллектива вы можете угрожать наказаниями, неприятностью, то в конце развития коллектива – это уже не нужно. Такой угрозы в развитом коллективе нельзя допускать, и в коммуне Дзержинского я не позволял себе угрожать: я то-то сделаю с тобой! Это было бы ошибочным с моей стороны. Я угрожал осуждением, что поставлю вопрос на общем собрании, причем на общем собрании самым страшным являлось это осуждение.

Понуждение, привлечение и угроза могут иметь самые различные формы в развитии коллектива. В коммуне Дзержинского в последние годы, когда премировались воспитанники за отдельные достижения на производственном, нравственном или бытовом участке, была такая лестница в премиях – подарок, денежная премия и самая высокая награда – благодарность в при-

казе перед строем, и за эту благодарность в приказе перед строем, которая не сопровождалась никакими подарками, никакими материальными удовольствиями, за нее дрались самые лучшие отряды. За что дрались? За то, что специально в этот день все по приказу надевали парадные костюмы с белыми воротниками и вензелями и по приказу на площадке строилась вся коммуна в военно-строевом порядке. Выходит оркестр, приходят все преподаватели, инженеры, инструкторы, становятся отдельной шеренгой. Дается команда: «Смирно!» Выносятся знамя, оркестр играет салют, и после этого выхожу я и тот, кому выносятся благодарность, и читается приказ:

«На основе постановления общего собрания коммуны за то-то и за то-то такому-то выражается благодарность».

Это высшая награда. И такая благодарность записывалась в дневник отряда, в дневник коммуны и на Красную доску, что такой-то отряд или такое-то лицо в строю такого-то числа получили благодарность.

Это высшая награда, которая возможна в богатом эмоциями, в богатом чувствами, нравственными достоинствами и уважением к себе коллективе. Но к этому нужно стремиться, а начинать с этого нельзя. Начинать нужно с понуждения более примитивного типа, с некоторых материальных и других удовольствий в каждом отдельном случае, например, театр и т.д. Хороший воспитатель, конечно, для каждого случая найдет очень много нюансов, мелких движений, когда он сможет применить и привлечение, и понуждение, и угрозу, и требование.

Вопрос – что требовать? Здесь я предложил бы такую теорему, которая даже, пожалуй, не развивается, а должна быть всегда одна и та же. Прежде всего, единственное, чего нужно требовать, – это подчинения коллективу. Коммунары меня этому научили. Они, развивая свой коллектив, пришли к очень интересной форме.

В последние годы мы не наказывали за воровство. Для меня это явилось также несколько неожиданным. Я натолкнулся вдруг на такой случай. Один из коммунаров, молодой еще парень, лет 16, украл у товарища 5 рублей из шкафчика. Это было на четвертом году [месяце. – Г.Х.] его пребывания.

Его пригласили на общее собрание. Он должен был стать на середину. Среди многих коммунарских традиций у нас была такая старейшая традиция. Зал вроде этого, только больше, и он имеет бесконечный диван под стеной. На этом диване все сидят, а середина свободная, и всякий, кто должен делать отчет перед общим собранием, должен выйти на середину, стать точно под люстрой. Было определенно установлено, существовал такой определенный кодекс, кто должен выходить и кто не должен выходить на середину. Например, если спрашивали кого-нибудь как свидетеля, то тот не выходил. Если командир отвечает за отряд, он не выходит на середину, но когда он отвечает лично за себя, он должен выйти на середину, причем я не помню, чтобы разбирались поступки иначе. Отказ выйти на середину рассматривался как отказ подчиниться коллективу. Он мог бы совершить какое-нибудь мелкое преступление, и его отпустили бы с маленьким наказанием, но, если он отказался выйти на середину, его судили бы как нарушителя высшей степени – восставшего против коллектива.

Этот парень вышел на середину. Его спрашивают:

– Крал ты?

– Крал.

– Кто желает высказаться?

На середине полагалось стоять смиренно.

Один берет слово. Это тот самый Робеспьер, который всегда требовал выгона. Берет слово, и вдруг он говорит:

– Что нам с ним делать? Он дикарь. Как же он может не украсть? Слушай, ты еще два раза украдешь!

Всем это понравилось. Все говорят:

– Правильно, он еще два раза украдет. Пустите его с середины.

Тот обиделся:

– Как это я еще два раза украду? Честное слово, не украду!

Робеспьер говорит:

– Ты слушай, что тебе говорят. Ты еще два раза украдешь.

Тот ушел. Приходит ко мне вечером и говорит:

– Черт знает, что такое! Даже не наказали, бандиты, издеваются, говорят, что я еще два раза украду!

Я говорю:

– Ты докажи, что над тобой издевались.

Представьте себе, что прошла неделя, и он украл резец из шкафчика соседа, даже не для продажи, замок свинтил и т.д. И вот он опять стоит на середине, и когда председатель ему говорит: «Украл резец?» – все хохочут.

Встает Робеспьер и говорит:

– Я тебе говорил, что ты еще два раза украдешь, ты и украл. Зачем же ты по коммуне ходил и обижался? Ты еще раз украдешь!

Тот ушел. Месяц он держался, а через месяц зашел на кухню и украл пирожок.

Когда он опять стоял на середине, то на него смотрели сочувствующими глазами, радостно. И Робеспьер говорит:

– Ну, в последний раз?

Тот просит слова и говорит:

– Теперь я вижу, что в последний раз.

И его отпустили и оказались правы, больше он не крал.

Так всем понравилась эта история, что сделалось обычаем, когда воровство, так у нас сакраментальная фраза:

– Ты еще два раза украдешь.

Я говорю:

– Что вы придумали! Говорите, что еще два раза украдешь! Ведь у нас в коммуне 450 чел., и каждый по три раза украдет – во что вы коммуны превратите?

Они говорят:

– Не бойтесь.

И действительно, не нужно было бояться, так как это было убийственно, – такая сила убеждения коллектива, что ты украл и еще два раза украдешь, – что прекратилось всякое воровство, и когда один украл, то он на коленях просил не ставить его на середину, никогда не будет больше красть, а то будут говорить, что он еще два раза украдет, и оказывается, что он сам раньше эти слова говорил.

За такое преступление, как мелкое воровство, мы не наказывали. Считали, что это человек больной, что у него еще старые привычки, он никак не отвыкнет и не может не украсть.

И затем мы не наказывали за грубость, за некоторые хулиганские наклонности, если они проявляются у новенького, недавно к нам пришедшего.

И еще не наказывали вот за что. Например, такой случай. Девочка, старая коммунарка, командир отряда, комсомолка, хорошенькая, живая, одна из ведущих девочек в коммуне, пользующаяся всеобщим уважением, отправилась в отпуск и не вернулась обратно ночевать, а ее подруга позвонила по телефону, что Шура заболела и осталась у нее ночевать.

Дежурный командир, приняв по телефону это сообщение, пришел ко мне и доложил, что вот Шура заболела и осталась ночевать там-то и там-то.

Я испугался. Я сказал бывшему воспитаннику Кольке Вершневу, врачу коммуны, поехать туда и посмотреть, в чем дело. Он поехал и никого не застал, ни Шуры, ни ее подруги. А на другой день Шура стала на середину.

С одной стороны, это было девичье смущение, а с другой, было что-то другое. Она говорит:

– Мне захотелось пойти в театр, а я боялась, что мне не разрешат.

И при этом такая застенчивая приятная улыбка.

Но я вижу – нет. И все коммунары видят – нет. Улыбкой тут не пахнет. Робеспьер, как всегда, предложил ее выгнать из коммуны, так как если каждый командир отряда будет уезжать в город и «заболевать», а мы будем посылать докторов и т.д., и т.п.

Я посмотрел – ну, как...

– Нужно голосовать, – говорит председатель.

Я говорю:

– Вы обалдели. Ведь она у нас столько лет в коммуне, а вы будете ее выгонять...

Робеспьер говорит:

– Да, мы немного перехватили, но нужно дать ей 10 часов ареста.

Так и решили – 10 часов ареста, а затем комсомольская организация за нее взялась. Вечером ее на комсомольском собрании «варили», и партийная организация должна была вмешаться, чтобы ее не выгнали из комсомола, так как говорили, что лучше бы ты украдала, а то ты комсомолка, командир отряда – и вдруг по телефону звонишь дежурному, что ты заболела, а на самом деле ты не заболела, а куда-то отправилась, ты же солгала – это преступление.

Такая логика приходит не сразу, а постепенно и разворачивается по мере развития коллектива. Я и говорю, что наибольшие требования должны предъявляться в том случае, когда человек выступает против коллектива более или менее сознательно. Там, где поступок происходит от природы, от характера, от несдержанности, от темноты политической и нравственной, там требование может предъявляться не такое резкое. Там можно рассчитывать на положительное влияние опыта, на постепенное накопление привычек. Но там, где личность сознательно выступает против коллектива, отрицая его требование и его власть, там требования должны быть предъявлены решительные до конца, до тех пор пока личность не признает, что нужно подчиниться коллективу.

Теперь несколько слов о наказаниях. У нас по отношению к наказаниям выходит не совсем хорошо. С одной стороны, мы уже признали, что наказания бывают и нужными и полезными. Наказание можно допустить, но, с другой стороны, у нас есть такая установка, чисто наша, интеллигентская, главным образом, конечно, педагогов, что наказание это допустимо, но лучше обойтись без наказания. Все-таки наказывать можно, но если ты наказываешь, то ты плохой педагог. Тот педагог хорош, который не наказывает.

Я уверен, что такая логика дезорганизует педагога. Нужно установить точно, что такое наказание. Я лично убежден, что наказание не такое большое благо. Я убежден в следующем, что там, где нужно наказывать, там педагог не имеет права не наказывать. Наказание – это не только право, но и обязанность в тех случаях, когда наказание необходимо, т.е. я утверждаю, что педагог может наказывать или не наказывать, но если его совесть, его техническая квалификация, его убеждение говорят, что он должен наказывать, он не имеет права отказаться от наказания. Наказание должно быть объявлено такой же естественной, простой и логически совместимой мерой, как и всякая другая мера.

Нужно решительно забыть о христианском отношении к наказанию, наказание – допустимое зло. Взгляд на наказание как на зло, которое допустимо почему-то, в известной мере, я считаю, не соответствует ни логическим, ни теоретическим взглядам. Там, где наказание должно принести пользу, там, где другие меры нельзя применить, там педагог никаких разговоров о зле иметь не должен, а должен чувствовать своим долгом применить наказание. Такое убеждение, такая вера, что наказание есть допустимое зло, превращают педагога в доску для упражнения в ханжестве. Никакого ханжества не должно быть. Никакой педагог не должен кокетничать, что вот я – святой человек, обхожусь без наказания.

А что делать тому человеку, который искренне видит, что нужно наказывать? Он сидит и тужит: вот какой педагог, такой ханжа и обходится без наказания, и что же скажут про меня. Скажут, что я педагог второго сорта.

Такое ханжество я считаю нужным отбросить. Там, где наказание должно быть применено, где оно может быть применено с пользой, там педагог должен его применить.

Однако это вовсе не значит, что мы утверждаем желание наказания во всех случаях и всегда.

Что такое наказание? В области наказания я считаю, что как раз советская педагогика имеет возможность найти очень много нового. Мы имеем возможность все наше общество так устроить, так много уважения у нас к человеку, так много гуманности у нас к человеку, что мы имеем возможность прийти к той счастливой норме, какая может быть по вопросу о наказании. И эта счастливая норма должна быть такой: наказание должно разрешить и уничтожить отдельный конфликт и не создавать новых конфликтов.

Все зло старого наказания было в том, что наказание, уничтожая один конфликт, создавало другой конфликт, который приходилось разрешать еще более сложным путем. Я утверждаю, что не выработано еще наказание, уничтожающее конфликт до конца. Ясно, что наказание в одном случае имеет смысл, а в другом случае не имеет смысла.

Каковы же отличия советского наказания от других? Во-первых, ни в каком случае оно не должно иметь в виду причинения страдания. Обычная логика говорит, что я тебя накажу, ты будешь страдать, а другие будут смотреть и думать: «Вот ты страдаешь, и нам нужно воздержаться от этого поступка».

Никакого физического и нравственного страдания не должно быть. В чем же сущность наказания? Сущность наказания в том, что человек переживает то, что он осужден коллективом, зная, что он поступил неправильно, т.е. в наказании нет подавленности, а есть переживание ошибки, есть переживание отрешения от коллектива, хотя бы минимального.

Поэтому и к наказанию нужно прибегать только в том случае, когда вопрос логически ясен, и только в том случае, когда общественное мнение стоит на стороне наказания. Там, где коллектив не на вашей стороне, там, где коллектив вы не перетянули на свою сторону, наказывать нельзя. Там, где ваше решение будет решением, отрицаемым всеми, там наказание производит не полезное, а вредное впечатление. Только когда вы чувствуете, что коллектив за вашими плечами и коллектив думает так же, как и вы, и осуждает так же, как вы, только тогда можно наказывать.

Это то, что касается сущности наказания.

Теперь, что такое форма наказания?

Я противник каких бы то ни было регламентированных форм. Наказание должно быть чрезвычайно индивидуальным, чрезвычайно приспособленным к отдельной личности, тем не менее и в области наказания могут быть определенные законы и формы, ограничивающие право наказания.

Я в своей практике считаю, что прежде всего наказывать может либо весь коллектив, его общее собрание, либо один человек, уполномоченный коллектива. Я не представляю себе здорового коллектива, где может наказывать, имеет право наказывать 10 чел.

В коммуне Дзержинского, где я руководил и производством⁴, и бытом, и школой, только я один мог наказывать. Это необходимо. Необходимо, чтобы была единая логика наказания и чтобы наказание не было частым.

Во-вторых, в наказании должны быть также известные традиции и норма для того, кто применяет наказание.

В коммуне Дзержинского был такой закон. Каждый новенький имел звание воспитанника. Когда он становился известным и когда все видели, что он идет параллельно с коллективом, не возражая ему, он получал звание коммунара и значок с надписью ФЭД. Этот значок утверждал, что он коммунара.

Воспитанника я мог наказать так – наряд. Это получасовая работа, главным образом на кухне, по уборке, в оранжерее, но не на производстве. Затем лишение отпуска в выходной день, лишение карманных денег, т.е. заработанные карманные деньги не выдавались, а шли в сберкассу на его имя, а получить из сберкассы деньги он не мог без моей подписи. И самое страшное наказание, которое можно было применить, – это увольнение с производства и перевод на хозяйственные работы.

Вот наказания, которые я мог применить и имел право применить только по отношению к воспитанникам.

По отношению к коммунарам я не имел права применять эти наказания. Там было только одно наказание – арест. Воспитанник же не мог быть арестован. Арест – это единственная форма наказания, которую я мог применить к коммунару. Но если он коммунара, он имел значок и потерял значок, то я не имел права его арестовать. Я никогда всех на память не знал. Ведь у меня было 500 чел. Но говорили так:

«Потерял значок – не теряй».

Обычно старших воспитанников я знал всех. Так вот по отношению к коммунару арест – это единственная форма.

Эта система имела огромное значение. Каждый старался как можно скорее получить звание коммунара. Тогда он получал такую привилегию – быть арестованным. А я арестами не стеснялся. За мелочь, за маленький проступок, за то, что пуговица не застегнута, – час ареста. Я не имел права садиться или сидеть, наказывая коммунара. Я должен был встать и сказать по отношению к нему:

– Такой-то, получай час ареста.

И он говорил:

– Есть, час ареста.

И я мог до 10 часов наказывать.

Что это значит?

В выходной день обязательно он отдаст пояс дежурному командиру, приходит ко мне в кабинет и говорит:

– Я прибыл под арест.

А раз он прибыл, я не мог его отпустить, так как в 1933 г. меня общее собрание лишило права прощать. Сегодня я прощу, а завтра накажу, какой же порядок. Поэтому я прощать не мог, и он имел право сидеть и заниматься в моем кабинете. Разговаривать с ним мог только я, больше никто не имел права с ним говорить, причем тут нельзя было говорить о его проступке. Это считалось дурным тоном, это считалось вульгарным, если бы я заговорил с ним о его проступке. Он сидит под арестом, он отдувается, и разговаривать об этом было в высшей степени неприлично.

Обычно мы разговаривали о коммунарских делах, о производстве и т.д. Я не имел права напоминать ему, что он арестован, и не имел права смотреть на часы, сколько он просидел, и считалось, что он сам должен был организовать свой арест. И то, что это поручалось ему самому, меня очень устраивало.

Вы не знаете, что это такое – арест. Просидеть в течение целого выходного дня у меня в кабинете, разговаривать со мной.

Попробуйте-ка даром наказать. Никто ни за что не сядет, а ведь это приятный арест. На общее собрание пойдет. Считалось, что это нарушение его личного права.

Девочки относились к аресту с каким-то ужасом, сесть под арест – это значило быть опозоренной перед всей коммуной. Поэтому девочки-коммунарки, имеющие значок, обычно никогда не попадали под арест. Не допускалось такого случая, чтобы девочка попала под арест, была арестована.

Когда я одну хорошенькую, умненькую, приятную девочку, командира отряда, посадил под арест на 2 часа, она все 2 часа плакала у меня в кабинете: как теперь появится перед общим собранием. Она теперь драматическая актриса в харьковском театре.

Арест – это применение той теоремы, о которой я говорил: как можно больше требований к человеку и как можно больше к нему уважения, и арест был делом священным.

Когда я был срочно, в течение одного часа, откомандирован по телеграмме из Киева из коммуны Дзержинского и должен был уехать в Киев⁵, я имел только полчаса в своем распоряжении, чтобы проститься с коллективом, с которым я провел 8 лет. Конечно, говорить тут было невозможно, и мне, и им было трудно. Девочки плакали, состояние было нервного потрясения, и все же рефлекс сыграл свою роль. Я прервал свою прощальную речь, увидев, что рояль в пыли, и говорю:

– Кто дежурит по театру?

– Первый отряд.

– Командиру первого отряда пять часов ареста.

Командир первого отряда – мой давний соратник. Все 8 лет мы с ним вместе провели. Но почему пыль... Он недосмотрел – и вот получай 5 часов ареста.

Я сел и уехал, а через 2 месяца приехал с ревизией, и командир первого отряда является в кабинет:

– Прибыл под арест.

– Почему?

– За пыль на рояле.

– А почему ты не отсидел до сих пор?

– А я хотел отсидеть, когда вы приедете.

И я должен был сидеть из-за него 5 часов, пока он кончит арест.

Это то, что относится к формальному наказанию.

Там, где коллектив объединен в общем тоне, в стиле доверия, там наказание может быть очень оригинальным и интересным, если накладывается общим собранием.

На общем собрании коммунаров был такой случай: старший комсомолец выругал матом инструктора. Он был прав, но выругал неприлично. Общее собрание постановило: «Пионеру Киренко (самому маленькому) объяснить комсомольцу такому-то, как нужно поступать в таких случаях».

Серьезное постановление. И после этого дежурный командир приглашает Киренко и этого комсомольца и говорит:

– Садись и слушай.

И тот объяснил, причем пионер сознательно выполнил свои обязанности, а тот сознательно слушал.

На собрании дежурный командир доложил:

– Постановление общего собрания Киренко выполнил.

– Ты понял, что тебе говорил Киренко?

– Понял.

– Иди.

И все кончено.

Другое постановление: гулял с девочкой[-коммунаркой] один коммунар, увидел, что в публике началась драка. Он не удержался от драки и также вступил в драку. Дело кончилось скандалом.

Постановили:

«В следующий выходной день такого-то числа в 3 часа 5 минут такому-то подумать над своим поступком и доложить об этом командиру».

Поневоле будешь думать. Ведь нужно же будет сказать, что надумал. И вот заставили целую неделю думать. И в конце концов он придумал, пришел и доложил.

Такое наказание является не наказанием, а толчком, где коллектив, шутя, играючи, показывает свои силы. Но, конечно, главным в моей практике было не наказание, а беседы индивидуального характера. Хотя я и был обязан применять наказание, но оно становилось украшением дисциплины, и главным в моей практике были не наказания.

КОММЕНТАРИЙ

РГАЛИ, 332-4-170.

Стенограмма. Машинопись, напечатана под копирку – экземпляр из «Архива А.С. Макаренко». Объем: 43 нумерованных страницы, текст на которых расположен с одной стороны.

Публ.(без характеристики воспроизведения текста): «Учит. газ.», 1941, № 3 (05.01), с.5, и № 4 (08.01), с.4; ВД, с.108-29; ИПП, с.87-107; ИПС 4, с.32-58; С 5 (1951), с.129-60; С 5 (1958), с.133-63; ПС 4, с.139-61. Во всех этих версиях текст лекции в той или иной степени сокращен и изменен.

В наследии Макаренко (РГАЛИ, 322-4-169) находится и «План лекции „Режим и дисциплина“» – автограф, на первом листе: «Доклад в Наркомпросе» (ПС 4, с.121-22; 386).

---

¹ *Свободное воспитание* – см. док. № 2, прим.7.

² «У меня было много наемного персонала: инженеры, мастера, инструкторы – до 200 чел. персонала». Речь идет большей частью о репрессированных специалистах крупных харьковских предприятий, которых (начиная с 1932 г.) посылали в коммуну им. Дзержинского для создания промышленности.

³ «Вспомните наши арктические походы, папанинскую группу [...]». Папанин И.Д. (1894-1986), сов. полярник, начальник и парторганизатор первой сов. дрейфующей станции «СП-1» (Северный полюс-1; 1937-38 гг.).

⁴ «В коммуне Дзержинского, где я руководил и производством [...]». В противоположность этому утверждению, Макаренко после реорганизации структуры управления коммуны (весной 1932 г.) руководил лишь ее педагогической частью; так он стал помощником начальника коммуны. Об изменениях в служебном положении бывшего заведующего «Дзержинки» свидетельствует запись в следующем документе: «Детская / Трудкоммуна / ГПУ УССР / им. Ф.Э. Дзержинского / 15/IV – 1932 г. / Харьков / Удостоверение № 198 / Дано сие т. Макаренко / Антон Семенович / в том, что он находится на службе / в Детской Трудовой Коммуне имени / Ф.Э. Дзержинского и работает / пом. нач. коммунны [!]. / В чем подписью и приложением печати / удостоверяю. Действительно по 15/X 1932». [Печать коммуны; 2 подписи, неразборчивы]. В удостоверении сделана специальная пометка (печать): «Имеет право входа на завод во всякое время» (Лис./Уб., л.40).

⁵ «Когда я был срочно, в течение одного часа, откомандирован по телеграмме из Киева из коммуны Дзержинского и должен был уехать в Киев [...]». См. док. № 2, прим.9.

9. ЦИКЛ ЛЕКЦИЙ «ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО СОВЕТСКОГО ВОСПИТАНИЯ», ПРОЧИТАННЫХ В НАРКОМПРОСЕ РСФСР

Лекция третья: «ПЕДАГОГИКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ» (16.01.1938 г.)

Сегодня я рассчитывал предложить вам вопрос об индивидуальном влиянии, о педагогике индивидуального действия, но переход от коллективного воздействия, от организации коллектива к личности, к организации личности особым способом для меня в первые годы моего опыта был понят ошибочно. Я полагал, что нужно иметь в виду воздействие на целый коллектив, во-первых, и воздействие на отдельную личность как корректив к развитию коллектива, во-вторых.

В развитии моего опыта я пришел к глубокому убеждению, которое было подтверждено потом практикой, что непосредственного перехода от целого коллектива к личности нет, а есть только переход через посредство первичного коллектива, специально организованного в педагогических целях.

Мне кажется, что будущая теория педагогики особое внимание уделит теории первичного коллектива. Что же нужно разуметь под этим первичным коллективом?

Первичным коллективом нужно называть такой коллектив, в котором отдельные его члены оказываются в постоянном деловом, дружеском, бытовом и идеологическом объединении. Это тот коллектив, который одно время наша педагогическая теория предлагала назвать контактным коллективом.

В школах наших такие коллективы, естественно, существуют: это класс, и недостаток его в нашей школе, пожалуй, заключается только в том, что он не играет роли первичного коллектива, т.е. связующего звена между личностью и целым коллективом, а очень часто является и последним коллективом. В некоторых школах мне приходилось наблюдать, что класс завершает коллектив школы, и целого коллектива иногда и не наблюдается.

У меня были условия более благоприятные, так как у меня была коммуна с общежитием, с производством, и мои коммунары имели много логических и практических оснований интересоваться делами общего коллектива и жить интересами общего коллектива. Но зато у меня не было такого естественного первичного коллектива, каким является класс. Я его должен был создать. В дальнейшем у меня развернулась десятилетка, и я мог бы основываться на первичном коллективе типа класса. Но я не пошел на этот путь вот почему. Класс объединяет детей в постоянной дневной работе, и соблазн воспользоваться этим обстоятельством приводил к тому, что такой первичный коллектив отходил от интересов общего коллектива. Слишком

много, слишком солидные основания для того, чтобы уединиться от общего коллектива в границах отдельных классовых интересов. Поэтому в последние годы я отказался от построения первичного коллектива по признаку класса и даже от построения первичного коллектива по признаку производственной бригады. Моя попытка организовать коммуну в виде все-таки таких первичных коллективов, объединенных такими сильными скрепами, как скрепы класса и производства, приводила к печальным результатам. Такой первичный коллектив, объединенный в своих границах, всегда имеет тенденцию отойти от интересов общего коллектива, уединиться в своих интересах первичного коллектива. В таких случаях первичный коллектив теряет свою ценность как первичный коллектив и становится поглощающим интересы общего коллектива, и переход к интересам общего коллектива оказывается затруднительным.

Я пришел к этому через ошибки, и ошибки эти сказывались на моей воспитательной работе. Я поэтому имею право говорить, что и многие школы, слишком ограничивающие свои интересы интересами целого [первичного. – Г.Х.] коллектива, приходят к тем же воспитательным результатам.

Об этом можно говорить долго, но вообще нужно сказать, что коллективное воспитание не может проводиться через контактный коллектив, ибо такой коллектив, в котором дети объединены постоянным бытовым сотрудничеством, когда они в течение дня видят друг друга, объединяется в семейный коллектив, и получается тот род воспитания, который нельзя назвать советским воспитанием. Только через большой коллектив, интересы которого вытекают не из простого общения, а из более глубокого синтеза, только через естественный коллектив возможен переход к широкому политическому воспитанию, когда под коллективом подразумевается целое советское общество.

Опасность замыкания ребят в коллектив дружеский есть опасность группового, а не широкого политического воспитания.

В чем выражаются потери при такой организации коллектива, когда он является слишком контактным или единственным, я скажу потом.

На чем я остановился? Я остановился на том, что первичный коллектив не покрывал ни классовых, школьных интересов, ни производственных интересов, а являлся такой ячейкой, в которой и школьные, и производственные интересы приходили от разных групп. Вот почему я в последнее время остановился на отряде или на такой бригаде, в которую входят и школьники разных классов, и работники разных производственных бригад.

Я очень хорошо понимаю, что для вас логика такого строения недостаточно убедительна. Я не имею времени развивать ее подробно, но вкратце укажу на некоторые обстоятельства. Например, меня интересовало практически, и я исследовал в статистике, в движении, в поведении такой вопрос. Возьмем вопрос возраста. Я в первое время своей работы тоже был большим сторонником строения первичного коллектива по возрастному принципу. Это вытекало отчасти из школьных интересов, как исторически тогда понимал. Но потом я увидел, что это ошибка.

Малыши, обособленные от старшего возраста, попадают, казалось бы, в наиболее правильное и естественное положение. В таком возрасте ребята 11-12 лет должны находиться в одном коллективе, иметь свои интересы,

свои органы, и мне казалось, что это наиболее правильная педагогическая точка зрения. К этому меня приводило и некоторое влияние педагогической литературы, которая считала, что возраст является одним из логических ходов.

Но я увидел, что малыши, обособленные от других возрастов, попадают в искусственное состояние. Выражалось это в том, что у них не организовывалось влияния более старшего возраста, не получалось преемственности поколений, не получалось морального и эстетического импульса, который исходит от старших братьев, от людей более опытных и организованных и, главное, от людей, которые в известном смысле составляют образец.

Когда я попробовал в качестве опыта объединить разные возрасты, малышей и более взрослых, у меня получилось лучше. Я на этой форме и остановился. Мой отряд в последние 7-8 лет состоял обязательно из самых старших, наиболее опытных, политически развитых и грамотных комсомольцев и из самых маленьких моих коммунаров, включая и некоторые средние возрасты. Такой коллектив, составленный по типу различных возрастов, приносил мне гораздо больший воспитательный эффект, во-первых, а во-вторых, в моих руках получался коллектив более подвижный и точный, которым я мог легко руководить¹.

Коллектив, составленный из ребят одного возраста, всегда имеет тенденцию замыкаться в интересах данного возраста и уходить и от меня, руководителя, и от общего коллектива. Если все малыши увлекаются, допустим, коньками в зимнее время, то это коньковое увлечение, естественно, их замыкает в чем-то отдельном, обособленном. Но если у меня составлен коллектив из разных возрастов, то там типы увлечений разные, более сложная, более трудная жизнь первичного коллектива, требующая больше усилий от отдельных его членов, более старших и более молодых, предъявляющая большие требования и, следовательно, допускающая больший эффект, большие результаты.

Такой коллектив, составленный из разных возрастов, я составил в последнее время по принципу «кто с кем хочет». Сначала я сам испугался этого принципа, а потом увидел, что это наиболее естественная и здоровая постановка, при том условии, что в таком естественном первичном коллективе у меня будут представители разных групп и разных школьных бригад.

В последние годы я пришел к окончательной организации такого первичного коллектива, которая заключалась в следующем. В отряде 10-12 чел., добровольно объединившихся. Это делалось, конечно, постепенно, и всегда в общекоммунарском коллективе оставались мальчики, с которыми никто не хотел добровольно объединяться. Для меня это было удобство в том, что я сразу видел, кто является элементом, с трудом втягивающимся в общий коллектив. Таких мальчиков набиралось на 500 чел. 15-20, которых ни один отряд в своем составе иметь не желал по добровольному принципу. Девочек бывало меньше, с которыми не желали объединяться в первичном коллективе, в отряде. Их находилось на 150 чел. человека 3-4, несмотря на то, что обычно у девочек отношения менее дружественные, чем у мальчиков. Происходила такая разница потому, что мальчики были как-то принципиальнее девочек и иногда поэтому впадали в различные загибы, не желая брать такого-то: «Он нам будет портить коньки, обижать малышей».

Девочки были более оптимистичны в своих надеждах на воспитание, более ласковы и скорее соглашались принять в свой коллектив лицо, относительно которого есть некоторые сомнения.

Что я делал в таких случаях? Я приводил их на общее собрание и говорил:

– Вот вам 15 чел., которых ни один отряд не хочет брать. Вот Землянский. Он хотел быть в первом отряде, первый отряд от него отказался. Он хотел быть во втором отряде, второй отряд от него отказался. Он хотел быть в пятнадцатом отряде, пятнадцатый отряд отказался. Как поступить?

Обычно прения идут по такому пути. Поднимается представитель какого-нибудь отряда и говорит:

– С какой стати первый отряд будет отказываться его брать, второй тоже, пятнадцатый тоже. Почему они не берут? Они должны дать объяснение.

Объяснение дается кратко.

– Если вы так говорите, то возьмите в свой четырнадцатый отряд. Ответьте за него и возитесь с ним!

В таком случае находятся аргументы такого порядка:

– Мы с ним дела не имели. Он был у вас. Он корешок такого-то. Ты хвастался, что с ним что-то сделаешь!

И выясняется, что ни один отряд не желает его брать.

Это был мой педагогический хлеб. Что я с ними делал? Естественно, что отряд, который не желает его брать, переживает положение трудное и неприятное, тем более что никто ничего не говорит, но говорят – пусть тот возьмет, пусть тот возьмет, а он стоит как человек, которого коллектив не принимает. Он начинает клясться, божиться и обещать всякие блага и подвиги в дальнейшем. Но нужно как-то кончать. И тогда обычно руководящие лица, члены комсомольского бюро, командиры начинают высказываться, в какой отряд его лучше всего поместить. Обычно такие разговоры кончаются ничем.

Переходят к Иванову, Романченко, Петренко и стараются распределить 15 чел. между всеми отрядами по одному.

И тогда начинается другой процесс. Каждый из 15 отрядов хочет из этих 15 получить более сносного. Тогда делается перерыв, и после перерыва командир какого-нибудь отряда говорит:

– Я возьму такого-то.

Самый сносный является уже приманкой для остальных, и получается, что тот самый Землянский, которого никто не хотел брать, сейчас делается объектом аппетита всех отрядов, так как есть еще Петренко и Шаповалов, которые хуже Землянского в 30 раз, и такой Землянский отдается буквально по жребию, так как голосовать никто не хочет, каждый голосует за свой отряд.

Получает первый отряд. Тогда мы говорим:

– Вы за него ручаетесь. Вы его выпросили, вы за него отвечаете.

Затем переходим ко второму. Вторым является также лучшим из оставшихся 14, и за него снова идет борьба. И так идет дальше, пока не остаются

двое: Воскобойников и Шаповалов. Из этих двух каждый отряд старается схватить наименее вредного.

Этот процесс распределения давал возможность мне видеть всех. Они образовывали для меня особое общество, которое я заносил на особый лист, и этот лист лежал у меня под рукой каждый день, и я знал, что эти 15 составляют мой наиболее опасный состав, хотя преступлений за ними не вошло, но для меня важно было указание, что некоторых не хотели брать.

Ребята, составляя отряд, очень хорошо чувствуют глубинную сущность Петренко, и если они не желают его брать, значит, он заслуживает моего особого внимания.

Затем я выигрывал в том отношении, что отряд, выбравший Петренко, естественно, за него отвечает.

Так составлялся первичный коллектив. Тут, конечно, нужна была еще очень сложная инструментовка, чтобы такой первичный коллектив приносил наибольшую пользу. Она заключалась в тоне и стиле организации отряда.

Что такое первичный коллектив – отряд? В нашей практике в коммуне [колонии. – Г.Х.] Горького и в коммуне Дзержинского мы пришли к такому положению. Я, как центр коммуны, и все коммунарские органы, и комсомольское бюро, и совет командиров, и общее собрание обычно старались дела с отдельными личностями не иметь. Это формально. Мне очень трудно вам эту логику доказывать. Я называю эту логику логикой параллельного педагогического действия. Мне очень трудно объяснить, так как я никогда не писал об этом, поэтому не искал и не находил формулировок².

Что такое параллельное педагогическое действие?

Мы имеем дело только с отрядом. Мы с личностью не имеем дела. Такова официальная формулировка. В сущности, это есть форма воздействия именно на личность, но формулировка идет параллельно сущности. На самом деле мы имеем дело с личностью, но утверждаем, что до личности нам нет никакого дела.

Каким образом это получается? Мы не хотели, чтобы каждая отдельная личность чувствовала себя объектом воспитания. Я исходил из тех соображений, что человек 12-15 лет живет, он живет, наслаждается жизнью, получает какую-то радость жизни, у него есть какие-то жизненные впечатления.

Для нас он объект воспитания, а для себя он живой человек, и убеждать его в том, что ты не человек, а только будущий человек, что ты явление педагогическое, а не жизненное, было бы мне невыгодно. Я старался убедить, что я не столько педагог, сколько я тебя учу, чтобы ты был грамотным, чтобы ты работал на производстве, ты участник производственного процесса, ты гражданин, а я твой уполномоченный, старший, который в каждом учреждении руководит жизнью при твоей же помощи, при твоём же участии. Меньше всего я старался убедить его, что он только воспитанник, т.е. явление только педагогическое, а не общественное и не личное. На самом [же] деле для меня он явление педагогическое.

Так же и отряд. Мы утверждали, что отряд есть маленькая советская ячейка, которая имеет большие общественные задачи. Она имеет общественные задачи, она старается коммуну доводить до возможно лучшего

состояния. Она помогает бывшим коммунарам, она помогает бывшим беспризорным, которые в коммуну приходят и нуждаются в помощи. Отряд – общественный деятель и первичная ячейка общественной работы.

Чтобы не вытачивать искусственное педагогическое содержание ребенка, чтобы оставить его для моего педагогического мышления, чтобы он себя чувствовал, прежде всего, гражданином, чтобы он чувствовал себя, прежде всего, человеком, мы с моими сотрудниками-педагогами пришли к глубокому убеждению, что прикасаться к личности нужно с особо сложной инструментровкой. В дальнейшей нашей работе это сделалось традицией.

Петренко опоздал на завод. Вечером я получаю об этом рапорт. Я вызываю командира того отряда, в котором находится Петренко, и говорю:

- У тебя опоздание на заводе.
- Да, Петренко опоздал.
- Чтобы этого больше не было.
- Есть, больше не будет.

На второй раз Петренко опять опоздал. Я собираю отряд.

- У вас Петренко опаздывает второй раз на завод.
- Я делаю замечание всему отряду. Они говорят, этого не будет.
- Можете идти.

Затем я слежу, что там делается. Отряд сам будет воспитывать Петренко и говорить ему:

- Ты опоздал на завод, значит, наш отряд опаздывает!

Отряд будет предъявлять огромные требования к Петренко как к члену своего отряда, как к члену всего коллектива.

Мы довели это требование к отряду до совершенного вида. Например, совет командиров. Туда приходили командиры, избранные общим собранием люди, лица, уполномоченные советом. Но у нас был закон: сидят ли в совете командиров командиры или кто-нибудь другой, мы проверяли, представлены ли в совете все отряды. Обычно это проверял председатель совета. Есть первый отряд? Есть, но не командир, а другое лицо, так как командир занят, и это лицо имело право участвовать в собрании и иметь голос как командир отряда.

Затем, например: Волков украл, с Волковым ведется отдельная работа в этом случае, но замечания, известные минусы, ставятся не Волкову, а отряду. Отряд отвечает целиком за то, что Волков что-то украл.

И дальше. В отряде в большинстве отличники. Из 12 чел. 10 отличников. Отряд выдвигается на первое место. Отряд получает известные преимущества, премию или наслаждение, например, несколько походов в оперный театр. Мы имели каждый день несколько билетов в театр. Все равно, идет весь отряд. И отличники идут, и те, которые не имели «отлично», а имели даже плохие отметки. Они пользуются тем, что получил отряд.

Казалось бы, несправедливо, а на самом деле чрезвычайно полезно, так как такой Петя, который среди 10 отличников идет в театр, чувствует себя неловко. Он не заработал, а пользуется и получает то, что заработали его

товарищи, и это является для него молчаливым нравственным обязательством. На следующий месяц он из кожи вылезет, а выйдет.

Иногда такой Петя приходит и говорит:

– Переведите в другой отряд. Там все отличники, а я не хочу. Они все в театр идут и мне говорят: «Вот билет, что он пропадать, что ли, будет, иди».

Такое авансирование личности через отряд нам очень помогает, и если в отряде 12 чел., из них 5 хорошо, нормально работают, и 7 тянут отряд вниз до того, что отряд занимает последнее место, то весь отряд отвечает за это.

У нас было 30-35 отрядов. Каждый месяц отряд, получивший по всем показателям лучшее место, объявлялся первым. Каждый месяц отряд, получивший наихудшие показатели, объявлялся последним. На диаграмме это известным образом показывалось. Второго числа каждого месяца устраивалось собрание, на котором лучший отряд прошлого месяца в присутствии всего собрания под команду «Встать – смирно!» передавал знамя лучшему отряду этого месяца как победителю. Это специально сделанное, богатое, прекрасное знамя, которое отряд держал у себя в спальней. А последний отряд предыдущего месяца передал последнему отряду этого месяца рогожное знамя так же под сигнал «Встать!», но «вольно». При этом оркестр играл «Чижика»³. Выходили представители отряда, где было иногда только 5-6 чел. плохих, становились против владельца рогожного знамени, давалась команда – «вольно!», и оркестр играл «Чижика», на балконе, не громко. Они получают это дырявое рогожное знамя, причем они обязаны содержать и это знамя в порядке, следить, не порвалось ли где, чтобы передать потом другому отряду.

И в других случаях отряд получал за отдельные личности. И, например, заключалось соревнование по бытовому порядку, или по дисциплине, или еще по чему-нибудь. Я вам говорил, что первые 7 отрядов получали билеты в театр. Мы никогда не жили на государственный счет, всегда жили за счет своего заработка. Поэтому мы были богаты. Поэтому мы могли иметь в Харьковский оперный театр, в драматический театр, в молодежный театр 31 место каждый день. Это значит, что лучший отряд получал 7 билетов, следующий 6 билетов, затем 5, затем 4, затем 3, 2 и 1. Это значит, первый отряд получал на целую шестидневку каждый день, получал по 7 билетов, второй отряд получал 6 билетов и т.д. Мы не следили за тем, кому эти билеты даются, ходят ли те, которые тянут отряд вперед или которые тянут отряд назад. Это дело не наше. Ходили все. Каждый день подавался автобус, и все, имевшие билеты, подходили к автобусу, а дежурный командир проверял билеты, имеет ли он билет, одет ли по форме и имеет ли он рубль, чтобы воспользоваться буфетом. Вот три требования, которые предъявлялись к идущим в театр: билет, костюм и рубль, и никто не спрашивал – ты в отряде последний или первый?

Такое значение имел отряд и при всех других случаях. Например, при распределении уборки. В коммуне не было уборщиков, а коммуны нужно было содержать в чистоте, так как она была на большой дороге, и там бывает много наших и иностранных делегаций. В 1935 г. только «Интурист» чествовал [нас] за тысячную делегацию⁴. Это помогало держать коммуны в блестящем виде, но, чтобы держать в чистоте, натирать полы, чистить мед-

ные ручки, зеркала, иметь всегда свежие цветы, нужно было производить огромную работу, и эта работа выполнялась не отдельными лицами, не уборщиками. Все 500 чел. с четверти седьмого до без четверти семь на работу.

Такую работу, чтобы она протекала хорошо, было трудно организовать. Нужно было иметь известный опыт по работе. Организация достигалась тем, что работа распределялась на полгода вперед между отрядами. Менять работу часто нельзя. Один отряд получал щетку, ведро, тряпку, для уборной он получал другие приспособления, для уборки театрального зала он получал все, что нужно для чистки и натирки полов и уборки пыли. И затем при распределении обязанностей принималось во внимание, какой отряд – хороший или плохой. Например, лучший отряд получал задание привести уборную в порядок, на это требовалось 12 минут, а худший отряд получал театральный зал, который нужно было убирать очень долго, и чтобы привести в порядок, надо было потеть почти всем. Обычно самый плохой отряд получал работу самую чистую, но самую объемистую, причем за плохо произведенную уборку садился под арест только командир отряда. Мы не интересовались, кто не вытер пыль на батарее. Получает арест командир, он получал наказание за то, что делалось в отряде.

Во всех случаях жизни отряд являлся тем местом, с которым я как старший в коммуне имел тесное соприкосновение, но для меня становилось вопросом проверять внимательно психику отряда. И здесь выступает на первый план личность воспитателя, прикрепленного к этому отряду. Об этом мы будем говорить потом.

Я мог бы долго говорить о таком значении первичного коллектива, но не имея времени, я хочу вот что сказать. В школе у нас меньшая возможность звучания такого первичного коллектива. Там должна быть какая-то другая методика. Но, тем не менее, я убежден в следующем. [Во-первых,] первичный коллектив не должен оттеснять общий коллектив и заменять его, и, во-вторых, первичный коллектив должен быть основным путем прикосновения к отдельной личности. Это общая моя теорема, а более детальный метод для коммуны должен быть один, а для школы совершенно другой.

Только через такой первичный коллектив официально мы прикасались к индивидуальности. На деле мы всегда имели в виду, прежде всего, отдельного воспитанника.

Как организовал я и мои коллеги работу с отдельным воспитанником, с отдельной личностью?

Для того чтобы работать с отдельной личностью, нужно ее знать и ее культивировать. Если в моем представлении отдельные личности будут насыпаны, как отдельные горошины, без коллективного масштаба, если я буду подходить к ним без этой коллективной мерки, я с ними не справлюсь.

У меня было 500 личностей. Тут было такое важное обстоятельство. В первый год я как начинающий педагог совершил обычную ошибку. Я обращал внимание на личность, выпадающую из коллектива. У меня был неправильный взгляд, направленный в самые опасные места, и я этими опасными местами занимался. Естественно, моим особым вниманием пользовался тот, кто украл, тот, кто хулиганил, кто идет против коллектива, кто хочет убежать, т.е. то, что выбрасывалось из коллектива, как выпадающее.

Естественно, что я на этих людей направлял свое особое внимание. Так я делал как педагог, убежденный, что он педагог и умеет работать с отдельной личностью, т.е. каждого вызывал, с каждым разговаривал, убеждал и т.д.

В последние годы я изменил такой тон работы. Я увидел, что наиболее опасным элементом в моей работе является не тот, который обращает на себя особое внимание, а тот, кто от меня прячется, а таких было больше половины. Это я видел.

Почему я пришел к мысли об этом? Потому что уже я выпустил людей, я выпустил 15 выпусков, и я следил за этими выпущенными и видел, что многие из тех, которых я считал самыми опасными и плохими, в жизни идут активно, по-советски, иногда совершают и ошибки, но в общем они удовлетворяли меня вполне как продукт воспитания. А те, которые у меня в классе, в коллективе учились удовлетворительно, не хулиганили, не крали, не имели конфликтов, в жизни идут совсем как мещане, из комсомола обычно выходят, теряют всякую связь, обращаются в сереньких существ, относительно которых нельзя сказать, что они такое или «чем они пахнут». А в некоторых случаях я замечал даже медленное глубокое гниение. Кто хату начинал ставить, кто свиней начинает разводить, на собраниях не бывает, газет не читает, а тот, глядишь, и в мелкую спекуляцию пустился.

Такие случаи в первые годы своей жизни [работы. – Г.Х.] я наблюдал много, и я пришел к глубокому убеждению, что именно тот, кто от меня прячется и старается не попадаться на глаза, тот является самым опасным объектом, на того я должен обратить особое внимание.

Между прочим, натолкнули меня на это сами коммунары. В некоторых случаях они прямо утверждали, что тот, кто покрывает матом инструктора, все-таки он коммунары, тот, кто сидит в своем отряде, зубрит, но на собраниях не выступает, не высказывается, в случае пожара также сидит и зубрит или свой радиоприемник чинит, это самый вредный, так как он достаточно умен, достаточно «дипломатичен», чтобы не попадаться на глаза и вести свою тихую линию и выйти в жизнь нетронутым и невоспитанным.

Когда я пришел к известному успеху, когда меня перестали потрясать воровство и хулиганство, я понял, что цель моей воспитательной работы не заключалась в том, чтобы привести в порядок 2-3 воров и хулиганов, а положительная цель моей работы в том, чтобы воспитать определенный тип гражданина, выпустить боевой, активный, жизненный характер, и эта цель может быть достигнута только в том случае, если я воспитаю каждого, а не только приведу в порядок отдельную личность.

Такую ошибку совершают и некоторые педагоги в школе. Есть педагоги в школе, которые считают своей обязанностью возиться с теми, кто либо протестует, либо отстают, а так называемая норма сама идет. Но куда она идет и куда она выходит – это вопрос.

Мне помогли коммунары даже в терминологии. Постоянный анализ коллектива, записанный на листе бумаги, известный всей коммуне, производился не мною, а советом командиров. Все коммунары в моих глазах делились на такие группы:

1. действующий актив,

2. резерв актива.

Действующий актив – это те, которые явно для всех ведут коммуну, которые на каждый вопрос отзываются с чувством, со страстью, с убеждением, с требованиями. В обычном смысле – они коммуну ведут. Но в случае опасности, большой кампании, штурма или реагирования на какой-нибудь скандал у них всегда есть резерв, который еще не актив, не командир, не имеет еще формально официального места, но который приходит к ним на помощь немедленно. Это тот резерв актива, который всегда сменяет действующий актив.

Затем у меня была отмечена группа здорового пассива. Это те, которые не доросли, но в кружках участвуют, и в физкультурной работе, и в фотокружке, и в стенной газете, но которые идут послушно за более старшими.

Затем у меня была группа гниющего актива. Это получалось так. Он командир, он член комиссии, он член бюро комсомола, но мы видим, я и ребята видим просто по глазам, по походке – и для них, и для меня даже не нужны были факты, – мы видим некоторую тонкую дипломатию – там интрига, там клевета, там смахлял, уклонился от работы⁵, там станок не убрал, а за него убирает какой-нибудь малыш, назавтра опять то же самое; и гниение начинается с пользования привилегиями, с уклонений, с требовательного тона. Иногда такое гниение доходит до более солидной величины. Смотришь, от него пахнет вином, а к вину у нас было беспощадное отношение. В коммуне был такой закон: за первый случай пьянства – на все четыре стороны! Спросишь его, почему пахнет вином.

– Я был в городе, выпил стакан пива.

Стакан пива – это не страшно, но является подозрение – пиво ли это? Был ли он в городе или в притоне в деревне, где бывали такие целые групповые пьянки.

Таков гниющий актив. Мы туда формально не заносили людей, но секретарь комсомольского бюро и два-три человека из комсомольцев знали, что тут начинается какое-то гниение.

Наконец, была группа, которую некоторые коммунары называли красочно – «шпана». Это значит – держи карманы, и все внимание нужно остановить на них. Эти могут и кассу взломать, и залезть на завод, и детали украсть. Обычно это новенькие более старшего возраста. Таких бывало человек 15-20. Они ничего не делали, но все знали, что это «шпана», и если ее выпустить из глаз, то обязательно что-нибудь устроит.

И наконец, термин, подсказанный Великой французской революцией, – «болото». Здесь человек 50, которые кое-как бредут, кое-как выполняют нормы, а чем они живут и что у них в голове и на душе, как они относятся к коммуне, не знаешь.

Являлось особенно радостным и приятным наблюдение за этим составом, наблюдение за движением. Мы видим, что такой-то Петров был у нас в болоте, причем мы говорили ему, что ты у нас в болоте, ты ничего не делаешь, ничем не болеешь, ничем не интересуешься, ты скучный, вялый, тебя ничего не волнует, а отряд дальше его активизирует. Смотришь – он чем-то себя проявил, чем-то заинтересовался, еще раз себя проявил, и вот он уже переходит в резерв актива или в здоровый пассив.

Вся наша задача в том и заключается, чтобы совершенно уничтожить этот элемент «болота» и элемент «шпаны».

Со «шпаной» шел бой в лоб. Там никаких прикрытий не было. «Шпану» брали прямой лобовой атакой. С ней говорили по каждому пустяку, вызывали на общее собрание. Это была работа настойчивости и требований.

Что касается более трудных моментов, т.е. «болота» и гниющего актива, то приходилось вести тут разнообразную индивидуальную работу.

Переходим к индивидуальной работе. Здесь-то и является важнейшим институтом педагогический коллектив. Очень трудно определить работу педагогического коллектива в каких-нибудь точных выражениях. Это, может быть, самый трудный вопрос в нашей педагогике – работа педагогического коллектива. У нас сплошь и рядом и в педагогической литературе слово «воспитатель» появляется в единственном числе: «воспитатель должен быть таким-то», «воспитатель должен так-то действовать», «воспитатель должен так-то разговаривать».

Я не представляю себе, чтобы педагогика могла рассчитывать на обособленного воспитателя. Конечно, без талантливого воспитателя [Конечно, талантливого воспитателя. – Г.Х.], способного руководить, обладающего зорким глазом, настойчивостью, обладающего умом, опытом, одним словом, хорошего воспитателя найти трудно. Но в воспитании 35 миллионов наших детей и юношей можем ли мы делать ставку на случайную картину таких воспитателей?

Если делать ставку на отдельного воспитателя, то, значит, идти сознательно на то, что хороший воспитатель будет воспитывать хорошо, а плохой – плохо. Кто подсчитывал, сколько талантливых воспитателей и сколько бесталанных? И затем давайте решим вопрос – воспитатель должен быть сам воспитан. Как он должен быть воспитан, что у него за характер, чем он руководствуется, чем живет? Сколько таких воспитателей, против которых нужно ставить такие минусы, никто не подсчитал. Может быть, 80% таких плохих воспитателей. А мы делаем ставку на воспитателя в единственном числе.

Так как мне в своей жизни главным образом приходилось ставить ставку на воспитательные цели и проблемы, я очень страдал от этого вопроса. Воспитатели мне попадались, обычно, сами невоспитанные. Я потратил несколько лет жизни и работы, так как в высшей степени глупо надеяться, что этот невоспитанный воспитатель будет мне кого-то воспитывать. Только потом я пришел к глубокому убеждению, что лучше совсем не иметь воспитателя, чем иметь воспитателя, который сам не воспитан, и потом я бы уже очень строго...⁶ Я считал, что лучше иметь в коллективе 4 талантливых воспитателей, чем 40 бесталанных и невоспитанных. Я видел сам примеры, когда 40 таких бесталанных, невоспитанных людей работали в коллективе. Какие результаты могли быть от такой работы? Только разложение коллектива. Других результатов не могло быть.

Значит, чрезвычайно важным является вопрос о выборе воспитателя. Как же выбирать, по каким признакам? У нас почему-то на этот вопрос обращают мало внимания. У нас считают, что любой человек, любой, кто угодно, стоит его только назначить на должность воспитателя и заплатить воспитательское жалованье, он может воспитывать. А между тем эта работа

самая трудная, в итоге, возможно, работа самая ответственная и требующая от личности не только наибольшего напряжения, но и больших сил, больших способностей.

Никто так не вредил, никто так не портил моей работы, никто так не сбивал в сторону налаженной годами работы, как плохой воспитатель. Поэтому я в последние годы пришел к твердой линии – работать без воспитателей совсем и пользовался только теми воспитателями, которые действительно могут воспитывать. Это была неожиданная прибавка к моему плану.

Потом я совсем отказался от отдельных воспитателей. Я обычно пользовался помощью одних школьных учителей⁷, но и над ними нужно было вести большую работу, чтобы научить их воспитывать. Я убежден, что научить воспитывать так же легко, может быть, как научить математике, как научить читать, как научить быть хорошим фрезеровщиком или токарем, и я учил.

В чем заключалась такая учеба? Прежде всего в организации характера, воспитании его поведения, а затем в организации его специальных знаний и навыков, без которых ни один воспитатель не может быть хорошим воспитателем, не может работать, так как у него не поставлен голос, он не умеет разговаривать с ребенком и не знает, в каких случаях как нужно говорить. Без этих моментов не может быть хорошего воспитателя. Не может быть хорошим воспитатель, который не владеет мимикой, который не может придать своему лицу необходимого выражения или сдержать свое настроение. Воспитатель должен уметь организовывать, ходить, шутить, быть веселым, сердитым. Воспитатель должен себя так вести, чтобы каждое движение его воспитывало, и всегда должен знать, чего он хочет в данный момент и чего он не хочет. Если воспитатель не знает этого, кого он может воспитывать?

Я убежден, что у наших педагогов в будущих педагогических вузах обязательно будет преподаваться и постановка голоса, и поза, и владение своим организмом, и владение своим лицом, и без такой работы я не представляю себе работы воспитателя. Конечно, постановка голоса имеет значение не только для того, чтобы красиво петь или разговаривать, а чтобы уметь наиболее точно, внушительно, повелительно выражать свои мысли и чувства. Все это вопросы воспитательной техники.

Например, относительно голоса, как нужно делать выговор, в каких границах вы имеете право показать свой гнев или негодование, имеете ли право показать или не имеете права, и если имеете право, то как вы должны показать. Это постоянное действие организма и есть воспитание. Воспитанник воспринимает вашу душу и ваши мысли не потому, что знает, что у вас в душе происходит, а потому, что видит вас, слушает вас, и если мы идем в театр и любимся актерами, которые играют прекрасно, то там эта игра – это наше эстетическое наслаждение, а здесь воспитанник имеет перед собой такой же живой организм, но не играющий, а воспитывающий.

Я не могу долго останавливаться на этом вопросе. Важно, что воспитатель должен быть активно действующим организмом, сознательно направленным на воспитательную работу.

Во-вторых, ни один воспитатель не имеет права действовать в одиночку, на свой собственный риск и на свою собственную ответственность. Здесь

должен быть коллектив воспитателей, и там, где воспитатели не соединены в коллектив и коллектив не имеет единого плана работы, единого тона, единого точного подхода к ребенку, там не может быть никакого воспитательного процесса. Поэтому лучше иметь 5 слабых воспитателей, объединенных в коллектив, воодушевленных одной мыслью, одним принципом, одним стилем и работающих едино, чем 10 хороших воспитателей, которые работают все в одиночку, как кто хочет.

Здесь может быть очень много всяких искривлений. Вы, наверное, знаете такое явление, как явление любимого учителя. Я учитель в школе, и я воображаю, что я любимый учитель, а все мои коллеги – нелюбимые. Незаметно для самого себя я веду определенную линию. Меня любят, я стараюсь заслужить любовь, я стараюсь понравиться воспитанникам. Вообще, я любимый, а те – нелюбимые!

Какой это воспитательный процесс? Уже человек выбил себя из коллектива. Человек вообразил, что его любят, и поэтому он может работать, как ему нравится и как он хочет.

Я уважал своих помощников, а у меня были просто гении в воспитательной работе, но я их убеждал, что меньше всего нужно быть любимым воспитателем. Я лично никогда не добивался детской любви и считаю, что эта любовь, организуемая педагогом для собственного удовольствия, является преступлением. Может быть, некоторые коммунары меня и любят, но я полагал, что 500 чел., которых я воспитываю, должны выйти гражданами и настоящими людьми, зачем же к этому еще прибавлять какую-то припадочную любовь ко мне дополнительно к моему плану.

Это кокетничанье, эта погоня за любовью, эта хвастливость любовью приносят большой вред воспитателю. Я убедил себя и своих товарищей, что этого привеска...⁸ не должно быть в нашей жизни, и я с гордостью должен сказать, что хотя я выпустил 2.000 чел.⁹, и они благополучно живут и работают, я никакой особенной любви от них не получаю и очень рад, что они вышли свободными людьми, не отравленными никакими чувствами ко мне, они живые, свежие люди. Они меня уважают, но любовь эта во всех законах должна быть запрещена, так как плохой воспитатель сплошь и рядом сознания своего прибавляет в погоне за этой любовью.

Любовь может прийти, если вы приятно улыбаетесь, у вас голос приятный и физиономия приятная. Пусть любовь придет незаметно от ваших усилий. Но если человек видит цель в любви, то это только вред, [и] этого привеска – любви не должно [быть]. Ведь ни один рабочий не добивается, чтобы деталь, которую он делает на фрезерном станке, пылала к нему чувством. Так и педагог, работая над воспитанием своих воспитанников, не должен добиваться их любви, то он может быть требовательным и справедливым и по отношению к воспитанникам, и по отношению к самому себе.

Такой коллектив, объединенный общим мнением, убеждением, помощью друг друга, свободный от зависти друг другу, свободный от индивидуальной и личной погони за любовью воспитанников, только такой коллектив и может воспитывать детей. Поэтому я горячо приветствую напечатанное в газетах сообщение, что у вас в Наркомпросе сейчас серьезно поставлен вопрос об увеличении влияния и власти директоров школ и заведующих

учебной частью¹⁰. Это будет способствовать увеличению коллективности в работе педагогов.

Недавно мне прислали из редакции издательства «Советский писатель» книгу, написанную одним московским педагогом. В этой книге изображается учительница, работающая в школе, изображается учебный год, педагогический состав, ученики и она. Книга написана от первого лица.

В «Советском писателе» мнения по поводу этой книги разделились. Одни сказали, что это пошлость, а другие сказали, что это замечательная книга. Меня выбрали арбитром.

Книгу следовало бы издать. Там такая отвратительная фигура учительницы, что, собственно говоря, очень полезно, чтобы люди читали и видели, какой не должна быть учительница. Но она описана с похвалой автора. Автор в восторге от этой учительницы.

А это – педагогическая бестия, которая только и занимается тем, что гонится за любовью воспитанников. И родители там все ужасные, она их не называет иначе, как «папаши» и «мамаши», с глубоким презрением, что родители – серая семья, а она – педагог. Все учителя также отрицательные: один задавлен своей гордостью, другой интересуется, как он нравится девочкам, третий – интриган, четвертый – ленив; директор бездеятелен и туп. Одна она гениальна.

При этом все написано в самом мерзком вульгарном тоне. Даны такие учителя, «у которых развязности много и есть работоспособность, а таланта мало». И на каждом шагу нежные вздыхания в стиле Вербицкой¹¹. Погоня за любовью, и такое описание учеников: вот эта девочка «наводит тень на ясный день». И затем особенное внимание, нездоровое внимание к половым вопросам.

Пожалуй, в этом и заключается все содержание: какой мальчик поглядел на какую девочку, какая девочка написала записочку, и как она [педагог. – Г.Х.] гениально разбила эти попытки влюбленности, и как ей были все благодарны.

Такие педагогические бестии, которые кокетничают в одиночку и перед учениками, и перед обществом, они никого воспитывать не могут. И чтобы из педагогического персонала получились ответственные, серьезные воспитатели, есть только один путь – объединение их в коллектив, объединение их вокруг определенной фигуры, центра педагогического коллектива. Это тоже очень серьезная проблема, на которую наши педагоги также должны обратить большое внимание.

Если так много нужно потребовать от воспитателя, то еще больше нужно потребовать от того лица, которое объединяет воспитателя [воспитателей. – Г.Х.] в коллектив.

Чрезвычайно важным является такое обстоятельство – длительность педагогического коллектива, и я считаю, что наши педагоги уделяют этому вопросу мало внимания. Если у нас в коммуне живет энное количество коммунаров и средний срок пребывания их в коммуне 5 лет, то и средний срок пребывания одного воспитателя и одного педагога в коммуне не может быть меньше 5 лет. Это закон, так как если коллектив живет и сбит по настоящему, то каждый новенький является новеньким – не только воспи-

танник, но и педагог; и воображать, что сегодня пришедший педагог может воспитывать, – это ошибка. Это [Успех воспитателя. – Г.Х.] зависит от того, насколько он старый член коллектива, насколько у него заложено в прошлом сил и энергии, чтобы вести коллектив, и если коллектив педагогов будет моложе коллектива воспитанников, естественно, что он будет слаб. Но это не значит, что в коллектив нужно собирать только стариков. Тут наши педагоги должны заняться вопросом об особенностях звучания старого педагога и новенького педагога. Поэтому коллектив должен быть собран не случайно, а составлен разумно. Должно быть определенное количество стариков, опытных педагогов, и обязательно должна быть одна девочка, только что окончившая педагогический вуз, которая еще и ступить не может. Но она должна быть обязательно, потому что тут совершается мистерия педагогики, так как когда такая девочка приходит и попадает в старый коллектив и педагогов и воспитанников, то начинается неуловимо тонкая [м]истерия, которая определяет успех педагогический. Такая девочка будет учиться и у старых педагогов, и у старых учеников, и то, что она будет учиться у старых педагогов, сообщает и им ответственность, и ее нормальную работу.

Нужно разрешить вопрос, сколько должно быть женщин и сколько мужчин в педагогическом коллективе. Об этом нужно серьезно подумать, так как бывает преобладание мужчин, и это создает нехороший тон. Слишком много женщин – также какое-то однобокое развитие.

Я бы сказал, что очень большое значение имеет еще и просто внешний вид педагога. Конечно, желательно, чтобы все педагоги были красивы, но, во всяком случае, хоть один красивый молодой педагог, одна красивая молодая женщина обязательно должны быть.

Я так делал. У меня 12 чел. педагогов и есть одна вакансия. И я вижу, что остались все такие, как я, а нужно, чтобы ребят увлекала еще эстетика, красота в коллективе. Пусть они будут немного влюблены. Эта влюбленность будет самого хорошего типа, причем не полового типа, а приятная для глаз, некоторая эстетика.

Нужно обсудить вопрос, сколько должно быть из педагогов людей веселых и сколько угрюмых. Я не представляю себе коллектива, составленного из угрюмых людей. Должен быть хоть один весельчак, хоть один остроумец. По законам построения педагогического коллектива в будущей педагогике должен быть составлен целый том.

У меня был педагог – Терский¹². Я дрожал, как бы его у меня не сманили. Он был удивительно веселый человек. Он меня заражал и воспитанников заражал своим буйным весельем. Он был несобран, ленив, но я добился, что он стал хорошим, настоящим педагогом. Иногда он был возмутителен. Он был семейным. Например, идем мы в театр, он тащит годовалого ребенка на руках. Я говорю: «Зачем ребенка тащить в театр?» – «А нужно, чтобы он с году привыкал слушать музыку!»

Я говорю: «Носи, когда коммунаров не будет».

Или у него начинается паника – голод, есть нечего. Он швыряет шапку, пальто и т.д. Он делает это дико.

Но потом получился из него замечательный человек. Он без веселья и минуты не мог ничего делать, причем он оказался удивительным мастером на всякие выдумки, ребусники и т.д. Например, ребусник – это большой плакат на полстены. Я даже удивлялся гению этого человека, как можно так много придумать! Весь плакат забит разными вопросами: и короткими, и длинными, и с рисунками, и с чертежами, и вопросами типа шуток. И не он один придумывает эти вопросы, а у него человек 150 работает, целая коллегия редакционная, находят в журналах, тащат, сами придумывают и т.д. И там целая система была. Висит задача – за задачу тысяча очков. Решит задачу один человек – тысяча очков тому, кто решил, и тысяча тому, кто ее предложил. Решат задачу 100 чел., – значит, по 10 очков на каждого, потому что задача более легкая.

Вокруг этих ребусников он сумел объединить всех коммунаров, и сюда он не мог не внести своей огневой бодрости.

Например, серия кончается. Налеплена такая задача: «Я буду в выходной день на северо-восток от коммуны на расстоянии 4 км, и у меня в правом кармане будет интересная вещь. Кто меня найдет, тот получит тысячу очков».

И вот в выходной день вся коммуна отправляется за 4 км на северо-восток от коммуны и ищет Терского. Ребята запасаются компасами, завтраками. Но он исчез. Я отменяю обед.

– Где ребята?

Оказывается, ищут Терского на северо-востоке от коммуны.

А сколько там интересного, и перечислить невозможно!

Кончилась эта серия. Он объявляет: «Такого-то числа в таком-то часу у заведующего производством Соломона Борисовича Когана¹³ нужно развязать шнурок на ботинке. Кто это сделает, тот получит столько-то очков».

Соломон Борисович Коган – с брюшком, солидная фигура. Он уже знает и возмущается. Но в три часа Соломон Борисович уже окружен всеми коммунарами. Он говорит:

– Что, вы будете класть меня на лопатки? Это не годится!

И действительно, не годится, нужно с хитростью развязывать. И как-то один раз удалось.

Я характеризую этого человека [Терского. – Г.Х.], как он наполнен бодростью, как он умеет занять ребят на каждом шагу.

Как вдруг он объявляет коммунарам и всей коммуне:

– Собственно говоря, перпетуум-мобиле можно сделать. Наверно, можно сделать такую машину, которая всегда будет двигаться.

И он так убежден и так сумеет сыграть, что, смотришь, и инженеры находятся под его влиянием, инструктора, все начинают делать перпетуум-мобиле. Я ему говорю:

– Зачем это вы? Ведь всем же известно, что нельзя сделать перпетуум-мобиле.

А он отвечает:

– Ну пускай попробуют, а может быть, кто-нибудь и сделает.

И я сам чуть ли не начинаю верить, что можно сделать перпетуум-мобиле.

А с другой стороны, нужна «собака», которая никогда не улыбнется, а всегда рычит. Такая «собака» также должна быть. Такой весьма суровый человек, который никому не прощает и которого не послушаться невозможно.

И я поэтому наслаждаюсь. Дежурит сегодня девочка, которая вчера только кончила педагогический институт. Мобилизуется вся коммуна, так как всегда найдутся воспитанники, которые готовы ее надуть, и ей надо помочь:

– Лидия Петровна, я опоздал на работу, так как у меня ботинок нет!

И готово, она уже растерялась. И немедленно тут же кто-нибудь:

– А ну, ты врешь!

И это мобилизует весь коллектив.

Завтра дежурит «собака». Он ровно в 6 часов появляется, не дает никому проспать, откроет дверь и только усом поведет, и все знают, что он не спустит.

В моей практике я был убежден, что педагог, воспитатель или учитель, не должен иметь права наказания, и я никогда не давал ему права наказания, даже выговора. Во-первых, это очень трудная вещь. Во-вторых, я считал, что право наказания должно быть сосредоточено у одного лица, чтобы не путать и не мешать друг другу. Их работа делалась труднее, ибо они не имели никаких прав, а затем они должны были иметь авторитет.

Говоря об авторитете, многие педагоги убеждены, что авторитет либо дается от бога, – родился человек с авторитетом, все смотрят и видят, что он авторитетен, либо должен быть искусственно организован. Поэтому многие [воспитанники] говорят: «Что это вы при мне сделали замечание учителю. Вы подрываете его авторитет».

По-моему, авторитет проистекает только от ответственности. Если человек должен отвечать за свое дело и отвечает, то вот его авторитет. На этой базе он и должен строить свое поведение достаточно авторитетно.

Работа педагога должна заключаться в наибольшем приближении к первичному коллективу, в наибольшей дружбе с ним, в товарищеском воспитании. Инструментовка педагога вообще сложная и длительная история. Например, если один член коллектива нарушил дисциплину, показал себя не с хорошей стороны, я требовал, чтобы педагог добивался, прежде всего, чтобы отряд занялся этим вопросом. Его работа должна заключаться в возбуждении активности отряда, в возбуждении требований коллектива к отдельной личности.

Я не могу останавливаться на методике работы отдельных преподавателей, это потребовало бы много времени, но я скажу, как я сам с воспитанниками, с отдельными личностями работал как воспитатель.

По отношению к отдельной личности я предпочитал и рекомендовал другим предпочесть все-таки «удар в лоб». Это значит, если мальчик совершил плохой поступок, отвратительный, я ему так и говорю:

– Ты совершил отвратительный поступок.

Тот знаменитый педагогический такт, о котором так много пишут, должен заключаться в искренности вашего мнения. Я не позволю себе ничего скрывать, маслить, я говорю то, что я на самом деле думаю. Это наиболее искренне, просто, легко и наиболее эффективно, но как раз не всегда можно говорить.

Я считаю, что разговор меньше всего помогает. Поэтому, когда я раз увидел, что мои разговоры не нужны, я уже ничего не говорил.

Например, мальчик оскорбил девочку. Я об этом узнал. Нужно об этом говорить? Для меня важно, чтобы и без разговора он понял, в чем дело. Я ему пишу записочку в конверте.

Нужно сказать, что у меня были такие «связисты». Это 10-летние мальчики с глазами сложными, как у мухи: они всегда знают, где кого можно найти. Обычно такой связист, хорошенький мальчик, имеет большое значение. Я передаю ему конверт. В конверте написано: «Тов. Евстигнеев, прошу тебя зайти сегодня в 11 веч.».

Мой связист прекрасно знает, о чем написана записка, что случилось, почему я его зову и т.д., всю подноготную знает, но и виду не подает. Я ему говорю:

– Отдай записку.

И больше ничего не говорю.

Я знаю, как это делается. Он придет в столовую.

– Вам письмо.

– Что такое?

– Вас Антон Семенович зовет.

– Почему?

– Я сейчас тебе объясню. А помнишь, как ты вчера крыл такую-то?

А в половине 11-го этот связист придет.

– Ты готов?

– Готов.

– Тебя ждут.

Иногда этот Евстигнеев не вытерпит и зайдет ко мне не в 11 часов веч., а в 3 часа дня.

– Антон Семенович, вы меня звали?

– Нет, не сейчас, а в 11 часов веч.

Он идет в отряд. А там уже спрашивают:

– Что такое? Отдуться?

– Отдуться.

– А за что?

И до 11 часов веч. его разделают в отряде под орех. В 11 он приходит ко мне, бледный, дрожащий, испуганный всем сегодняшним днем. Я его спрашиваю:

– Ты понял?

– Понял.

– Иди.

И больше ничего не нужно.

В других случаях я поступаю иначе. Немедленно бросить все, станок и т.д., и я говорю связисту:

– Немедленно явиться!

И когда он приходит, я говорю все, что думаю. Если же это человек трудный, который мне не верит, против меня настроен, который недоверчиво ко мне относится, я с тем разговаривать не буду. Я соберу старших, вызову его, предложу папиросу и в самом официальном, приветливом тоне буду с ним говорить. Для меня важно не то, что я говорю, а как другие на него смотрят. Он на меня поднимает глаза, а на товарищей боится смотреть.

Я говорю:

– А дальше товарищи тебе расскажут.

И товарищи расскажут ему то, чему я их раньше научил, и они будут ображаться, что это они сами придумали.

Иногда требуется особая система. Были случаи, когда я приглашал весь отряд, но чтобы не показать виду, что я приглашаю весь отряд для того, чтобы разделаться с одним, я приглашаю весь отряд на чашку чаю, т.е. чай, пирожные, ситро. Обычно каждую неделю какой-нибудь отряд бывал у меня. И обычно отряд не знает, в чем дело, и страшно интересуется. И тут в беседе, за чашкой чаю, за шутками, они думают, кто же виноват. И иногда даже и виду не покажешь, кто виноват, а они сами в разговоре расскажут, кто в чем виноват, и тут же за чаем пошутят, и после чая с хорошими чувствами, настроениями идут в спальню.

– Все было прекрасно, но вот видишь, как ты нас подвел.

И на следующую шестидневку я опять приглашаю этот же отряд чай пить. Они понимают, что это проверка, проверочное чаепитие. И они сами рассказывают мне, как они с ним поговорили, что он дал обещание, что назначили ему шефа:

– Не беспокойтесь! Все будет благополучно!

Иногда такое чаепитие бывает школьное.

И так как обычно отряды не знают, когда будет чай и кто будет приглашен, то они готовятся все, чтобы быть хорошо одетыми, одеколон у них был, и обычно такой отряд и отдельные лица стеснялись, что вдруг они будут приглашены к чаю, а у них полный развал в отряде.

И один раз был такой случай, что началось чаепитие, и вдруг обнаружилась такая гадость, что дежурный командир предложил прекратить чай. И это было заслужено. И весь коллектив страдал на другое утро, так как его встречали вопросом:

– Ну, были в гостях? Пили чай?

– Нет...

Это все формы индивидуальной обработки. Особенно важны такие формы, которые приходят от самого воспитанника. Это обычно мальчик или девочка, которые приходят и говорят:

– Мне нужно поговорить с вами по секрету.

Это самая дружеская и лучшая форма.

Но в некоторых случаях я позволял себе изменить ту систему удара в лоб, фронтальную атаку, а заняться обходным движением. Это тогда, когда против личности восстановлен весь коллектив. Тогда бить фронтально человека нельзя, он остается без защиты. Коллектив против него, я против него, и человек может сломаться.

Был такой случай. Была девочка, милая, хорошая, но побывавшая на улице, побывавшая в руках мужчин. Далась нам она очень трудно, но через год начала выправляться, и вдруг пропали 50 рублей из тумбочки у ее подруги. Все сказали, что их взяла Лена. Я дал разрешение на обыск. Произвели обыск. Не нашли. Я предложил историю считать исчерпанной.

Но через несколько дней в клубе, в читальне, эти деньги были найдены под гардиной, спрятанные в особые приспособления для закрывания окон, и ребята сказали, что они видели, как Лена вертелась около этих окон и даже в руках что-то держала.

Совет командиров вызвал ее, и все ребята сказали:

– Ты украла!

Я вижу, что ребята действительно убеждены. Они требуют увольнения за кражу. Я вижу, что ни один человек не склонен стоять за нее, даже девочки, которые обычно в таких случаях защищают свою подругу, и те настаивают на увольнении, и я вижу, что действительно она украла. Это вне всяких сомнений.

В таких случаях приходится применять обходное движение. Я говорю:

– Нет, вы не доказали, что она украла. Я не могу разрешить уволить.

Они смотрят на меня дикими глазами.

Я говорю:

– Я убежден, что украла не она.

И пока они доказывают, что украла она, я доказываю, что украла не она.

– Почему вы убеждены?

– По глазам вижу!

А они знают, что я действительно вижу по глазам.

Она приходит ко мне на другой день:

– Спасибо вам, вы меня защитили, они напрасно на меня нападали.

Я говорю:

– Как это так? Ведь ты украла!

Тут я ее взял этим неожиданным поворотом. Она расплакалась и призналась. Но этот секрет, что мы только двое знаем, она и я, что я на общем собрании лгал, чтобы ее защитить, зная, что она украла, отдал ее в мое полное педагогическое распоряжение.

Это ложь. Но я гнев коллектива видел. Ее могли выгнать, и, чтобы этого избежать, надо было пойти на такую штуку. Я противник таких обходных движений. Это опасная вещь, но девочка поняла, что я лгу, я обманул общее собрание для нее; у нас есть общий секрет, и это отдает ее целиком мне как педагогический объект. Но эти обходные движения очень трудны и сложны. И на них можно решаться только в редких случаях.

КОММЕНТАРИЙ

РГАЛИ, 332-4-171.

Стенограмма. Машинопись [экземпляр из наследия педагога-писателя]. Объем: 39 нумерованных страниц, текст на которых расположен с одной стороны.

Публ. (без характеристики воспроизведения текста): «Учит. газ.», 1941, № 6 (12.01), с.3, и № 8 (17.01), с.2; ВД, с.91-107; ИПП, с.108-28; ИПС 4, с.58-84; С 5 (1951), с.160-86; С 5 (1958), с.163-90; ПС 4, с.161-80. Во всех этих версиях текст лекции в той или иной мере сокращен и изменен.

¹ «Такой коллектив, составленный по типу различных возрастов [...]». ПС 4, с.387, пр.13: «Разновозрастные отряды появились в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского с осени 1929 г., наряду с ними создавались постоянные первичные коллективы по производственному принципу».

² «Я называю эту логику логикой параллельного педагогического действия. Мне очень трудно объяснить, так как я никогда не писал об этом, поэтому не искал и не находил формулировок». В противоположность к этому утверждению, о данном новаторском методе речь идет уже в макаренковском материале «Методика организации воспитательного процесса», написанном в 1935 г. и опубликованном в качестве служебного издания НКВД УССР (см. ПС 1, с.267-69; Абаринов/Хиллиг, с.70-73).

³ «При этом оркестр играл „Чижика“» – популярная детская песня: «Чижик-Пыжик, где ты был? На Фонтанке [речка в Петербурге. – Г.Х.] водку пил».

⁴ «[...] и там (в коммуне им. Дзержинского) бывает много наших и иностранных делегаций. В 1935 г. только „Интурист“ чествовал [нас] за 1.000-ную делегацию». О таком огромном числе зарубежных посетителей «Дзержинки» до сих пор из имеющихся источников ничего не было известно. Внимания заслуживает поразительное преобразование данной цифры в советских изданиях трудов педагога-писателя: «2000-ю» (ИПП, с.115; ИПС 4, с.67), «200-ю» (С 5 [1951], с.169; С 5 [1958], с.172; ПС 4, с.167). В макаренковской хронике «Перевернутые страницы. (Вехи, события, факты)» (дек. 1932 г.) говорится о том, что «за время существования трудкоммуны им. Ф.Э. Дзержинского последнюю посетило 214 делегаций», в т. ч. 127 зарубежных (Вт.р., с.31).

Иностранные делегации и туристы приезжали в коммуну не только через акционерное общество «Интурист» (осн. в 1929 г.), но также через профсоюзы и Отдел приема иностранцев Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС, осн. в 1925 г.). Как видно из письма харьковского филиала этой организации (Всеукраїнське товариство культурного зв'язку з закордоном) в Правление ВОКСа в Москве от 28.12.1932 г., коммуна лишь в этом году была включена в перечень объектов украинской столицы для показа иностранным делегациям (см.: Госархив Российской Федерации, 5283-8-118, л.107). Там она представлена следующим образом:

«Детская коммуна им. Дзержинского

Белгородское шоссе, 3 клм. от площади Дзержинского, трамвай №№ 5, 12, 19.

350 детей (258 мальчиков, 92 девочки). При коммуне электроинструментальный завод и 3-х летний рабфак с техническим уклоном, по окончанию которого воспитанники имеют возможность поступить в ВТУЗы. Основана в декабре 1927 г. на средства работников Г.П.У. Первоначально объединяла 60 детей – бывших беспризорных. Перевоспитание беспризорных с самого начала существования коммуны проводится на основах внедрения трудовых навыков. Для этого при коммуне сначала были организованы мебельные мастерские, которые затем были заменены небольшим заводом электросверликов типа „Петравец“, намечено производство фотоаппаратов типа „Лейка“ (с 1 июля 1933 г.).

Коммуна существует на основах самоуправления (совет командиров), широко развито социалистическое соревнование» (там же, л.110). Из содержания данного материала можно сделать вывод о том, что его автором был начальник педагогической части «Дзержинки» Макаренко А.С.

⁵ «[...] там интрига, там клевета, там смахлял, уклонился от работы [...]». «Смахлять», по всей вероятности, коммунарное аргю – «смухлевать».

⁶ Предложение не закончено.

---

⁷ «Потом я совсем отказался от отдельных воспитателей. Я обычно пользовался помощью одних школьных учителей [...]». См. док. № 2, прим.33.

⁸ Возможно, в тексте пропуск.

⁹ «[...] я выпустил 2.000 чел. [...]». Об общем числе выпускников колонии и коммуны по 1932 г. в незавершенном произведении «Опыт методики работы детской трудовой колонии» говорится: «Все[го] же передо мной прошло за двенадцать лет около двух тысяч пятисот молодых людей [...]» (ПС 1, с.167). Однако в рукописи данной работы речь идет о 2 000 чел.

¹⁰ «[...] у вас в Наркомпросе сейчас серьезно поставлен вопрос об увеличении влияния и власти директоров школ и заведующих учебной частью». Официальных документов, подтверждающих эти слова Макаренко, в печатных и архивных источниках обнаружить пока не удалось. Вероятно, имелась в виду общая тенденция к «закручиванию гаек» в период набравших ход репрессий, в частности и усиление власти школьной администрации.

¹¹ «И на каждом шагу нежные вздыхания в стиле Вербицкой». Вербицкая А.А. (1861-1928), рус. писательница. «В центре ее романов, ориентированных на массового читателя, – проблемы женской эмансипации, отношения полов» (СЭС, с.210).

¹² Терский В.Н. – см. док. № 6, прим.6.

¹³ Коган С.Б. – с декабря 1929 г./января 1930 г. зав. производством коммуны им. Дзержинского. Вызывает удивление: фамилия этого важнейшего для развития коммуны деятеля, как и его предшественника Кропачева, почему-то не упомянута в хронике «Перевернутые страницы» (см. прим.4).

10. ЦИКЛ ЛЕКЦИЙ «ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО СОВЕТСКОГО ВОСПИТАНИЯ», ПРОЧИТАННЫХ В НАРКОМПРОСЕ РСФСР

Лекция четвертая: «ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ, ОТНОШЕНИЯ, СТИЛЬ, ТОН В КОЛЛЕКТИВЕ» (20.01.1938 г.)

Я хочу остановиться недолго на вопросе о трудовом воспитании, чтобы потом перейти к заключительному отделу – к отделу о стиле и тоне.

Как вы помните, с начала нашей революции наша школа называлась трудовой, и все мы, педагоги, находились под впечатлением не столько трудового метода, сколько под обаянием самого слова «труд» и под обаянием трудового принципа. В колонии возможности труда были, конечно, больше, чем в школе, но за 16 лет моей работы в колониях им. Горького и им. Дзержинского мне пришлось пережить очень сложную историю развития и моего отношения к труду, и организации трудовых процессов, и даже понимания самого трудового метода. В 1920 году я никак не мог представить себе ту трудовую обстановку, которая была в коммуне им. Дзержинского в 1935-1936 гг.

Я не могу сказать уверенно, что путь трудовой организации, ее развития, который я прошел, был путем правильным, так как я не был самостоятельным в этой области и находился в зависимости от многих мнений и точек зрения людей, временно прикасавшихся к моей работе, вносящих в нее свою точку зрения, свои изменения и формы. В течение всех 16 лет мне приходилось идти рядом и приспосабливаться к тем обстоятельствам, в которых я находился.

В колонии им. Горького мне приходилось приспосабливаться главным образом к нужде и выводить трудовой принцип из необходимости, из обстановки нужды. В колонии [коммуне. – Г.Х.] им. Дзержинского мне приходилось приспосабливаться и даже бороться с отдельными течениями, исходящими от моего начальства¹.

Я считаю, что были некоторые моменты в истории моего коллектива, которые я с известным правом могу назвать вполне идеальными моментами. Этот момент в коммуне им. Дзержинского [наступил] приблизительно в 1930-31 гг.

Почему я называю этот момент идеальным? Это был момент, когда все мои коммунары работали уже на настоящем производстве, т.е. была такая организация, в которой был промфинплан, стройный порядок, в которой присутствовали все формы серьезного завода – планово-финансовый отдел, нормировочный отдел, точнее – нормы для каждого дела, стройная зависимость между всеми рабочими местами, очень строго разработанный сбор-

ник на детали, снабженный не только количеством выпускаемых деталей, но и нормами выпуска, нормами брака и нормами качества.

Тогда это было у нас вполне рентабельно, окупало не только себя, но и коммунарский коллектив в его бытовой жизни и приводило к накоплению, т.е. у нас было настоящее производство, и в то же время коммунары не получали заработной платы. Это, конечно, спорный вопрос, и он остается спорным вопросом. Я не знаю других учреждений, которые проводили бы такой опыт.

Я был в то время противником заработной платы. Поднятие производительности труда, исходящее из интересов коллектива, поднятие трудового энтузиазма постоянного наполнения, не энтузиазма штурма и не энтузиазма ближайших целей этой шестидневки² или этого месяца, а энтузиазма спокойного, ровного, видящего далекие перспективы коллектива, и под влиянием этого энтузиазма совершение огромной работы, требующей огромной мобилизации психической, физической и идеологической педагога и, кроме того, энергичного воспитателя. Я считал такой энтузиазм наиболее ценным воспитанием, и я глубоко был уверен, что заработная плата эту картину нравственного благополучия должна несколько испортить и расколоть.

Я не могу сказать, чтобы введение заработной платы привело к каким-либо дополнительным достижениям, и поэтому я продолжал отстаивать свою точку зрения. Я указывал на то, что [коммунары] работали без заработной платы и делали все, что нужно, превышая норму и превышая план, и находились в полном благополучии с материальной стороны.

Но я был как раз окружен настолько влиятельными противниками, отнюдь не заинтересованными в моих педагогических устремлениях, но уверенными в том, что заработная плата повысит интенсивность труда и заинтересованность воспитанников в труде, и настолько эта точка зрения поддерживалась моим руководством, что я не имел возможности и сил бороться с этой тенденцией, и поэтому последние 4 года я прожил в обстановке заработной платы.

Поэтому я сейчас могу отбросить другие положения и считать, пожалуй, их негативными положениями трудового воспитания. Это такое положение, когда нет производства, когда нет коллективного труда, а когда есть отдельные усилия, т.е. трудовой процесс, имеющий целью дать якобы трудовое воспитание.

Я не представляю сейчас себе трудового воспитания вне условий производства. Очень возможно, что такое воспитание также возможно, т.е. воспитание в труде, не имеющем производственного характера. Такое воспитание я пережил [переживал. – Г.Х.] сравнительно недолго, в первые годы в колонии Горького, когда поневоле из-за отсутствия производственной арены, производственного оборудования мне пришлось довольствоваться, так сказать, производственным самообслуживанием и так называемым производственным процессом. Правда, я никогда не имел хорошо оборудованного учебного производства. Когда я его стал иметь, оно не играло самостоятельной роли, а было подспорьем по отношению к коллективному производству. Во всяком случае я уверен, что труд, не имеющий в виду создания ценностей, не является положительным элементом воспитания, так что

труд, так называемый учебный, и тот должен исходить из представления о той ценности, которую труд может создать.

В колонии Горького просто из-за нужды я торопился перейти к производству. Это было производство сельскохозяйственное. В условиях детских коммун сельское хозяйство почти всегда является убыточным. Мне удалось в течение двух лет, и только благодаря исключительным знаниям и умению агронома Фере, прийти к рентабельному хозяйству, и не к зерновому, а к животноводческому. Главной ареной у меня была свинарня. В последние годы мы имели до 200 маток и производителей и несколько сот молодняка. Свинарное хозяйство было оборудовано Фере по последнему слову техники. Была специально выстроенная свинарня, в которой чистота была, пожалуй, не меньше, чем в коммунарских спальнях, которая промывалась при помощи солидной системы водопроводов и сливов, стоков и кранов, где даже не было запаха. Свиньи и поросята купались, вероятно, чаще, чем многие граждане в старой России, и сами свинари имели вид франтов. Вот такое хозяйство, оборудованное по последнему слову техники, снабженное подходящей базой, уже приносило нам большой доход и позволяло жить более или менее шикарно. Мы уже имели возможность не только хорошо есть и одеваться, но [и] имели возможность очень усиленно пополнять наше школьное хозяйство, библиотеку, имели возможность построить и оборудовать хорошую сцену; мы за эти деньги приобрели инструменты для духового оркестра, киноаппарат, все то, что в 20-х годах мы не могли иметь ни по какой смете.

Кроме того, мы имели возможность помогать бывшим воспитанникам, которых становилось все больше и больше, студентам, и бывшим воспитанникам, оказавшимся в нужде, помогать очень многим, выходящим замуж или вступающим в брак. Предпринимать путешествия, принимать гостей – тоже дорогая очень штука. Мы бывали очень часто в театрах, – в общем имели все те блага, которые и должен иметь советский гражданин, выполняющий свои трудовые обязанности.

Вот все эти блага, которые я перечислил, они были настолько убедительным импульсом для повышения производительности труда, что я даже не вспоминал тогда о заработной плате.

Правда, я признавал необходимость для воспитанников иметь карманные деньги и вообще являюсь большим сторонником карманных денег. Человек, вышедший в свет, должен иметь некоторый опыт личного бюджета, дополнительного личного бюджета, и должен уметь тратить деньги. Он не должен выходить в жизнь такой институткой, которая не знакома с тем, что такое деньги. Но тогда Украинский Наркомпрос категорически возражал против выдачи карманных денег воспитанникам колонии, считая, что таким образом я буду воспитывать меркантильность. Поэтому я мог выдавать карманные деньги только тайно, предварительно договорившись с воспитанниками, что они никому не будут об этом говорить, и должен был проводить эти карманные деньги тоже более или менее мошенническим образом³.

Но эти карманные деньги я выдавал не в зависимости от производственного труда в каждом отдельном случае, а в зависимости от общих заслуг воспитанника по отношению к коллективу.

В таком же положении я находился в коммуне Дзержинского, где было не сельское хозяйство, а производство. Там зависимость коммунаров от производства, там эффективность интересов была еще больше. Колония Горького получала деньги по смете, а коммуна Дзержинского не получала ни копейки, и, мне кажется, за все время своего существования она не взяла от государства ничего. Поэтому не только дополнительные блага в коллективе, но и нормальная пища, простая сытость коммунаров исключительно зависела от их труда в коллективе.

Мне пришлось начинать в очень тяжелой обстановке в коммуне Дзержинского, в гораздо более тяжелой, чем в колонии Горького, где все-таки была смета. Коммуну Дзержинского построили очень шикарно. Она была организована в несколько благотворительном стиле в первые годы. Хотели увековечить память Ф.Э. Дзержинского и выстроили дом, очень красивое здание, одно из прекраснейших произведений архитектуры известнейшего архитектора в Советском Союзе, где и теперь нельзя найти никакой дисгармонии ни в плане, ни в рисунке фасада, ни в украшениях дома, ни в рисунке окон и т.д. Там были прекрасные спальни, был великолепный вестибюль, ванны, души, прекрасные классные комнаты, широкие, красивые. Коммунаров одели в богатые костюмы, суконные, и запас дали достаточный. Но не поставили ни одного порядочного станка. Не было у нас ни огорода, никакого участка земли⁴, и сметы также не было. Предполагалось, что как-нибудь устроится.

В первые годы коммуна жила на отчисления, которые производили чекисты Украины из своего жалованья в размере $\frac{1}{2}$ %. Это давало в месяц около 2.000 р. А мне нужно было до 4.000-5.000 р. в месяц, только чтобы покрыть наши текущие расходы, считая школу. Остальные 2.000-3.500 р. мне достать было негде, так как и работать было негде. Были по недоразумению те мастерские, на которые еще с Адама и Евы Наркомпрос возлагал свои надежды, – это сапожная, швейная и ручная столярная. Эти мастерские – сапожная, швейная и столярная, – как вы знаете, считались альфой и омегой педагогического трудового процесса, причем сапожная мастерская состояла в том, что в ней было несколько пар колодок, несколько табуреток, были шилья, молотки и не было ни одного станка, не было кожи, и предполагалось, что мы будем выращивать ручных сапожников, т.е. тот тип мастерового, который нам сейчас абсолютно не нужен.

Такое же было оборудование и [в] столярной мастерской, где было несколько фуганков, рубанков, и считалось, что мы будем выпускать хороших столяров, делая все вручную.

Швейная мастерская тоже была построена по дореволюционным нормам, и предполагалось, что мы будем воспитывать хороших домашних хозяек, которые смогут в случае чего подрубить пеленки, положить заплату и сшить себе кофту.

Все эти мастерские вызывали у меня отвращение еще в коммуне [в колонии. – Г.Х.] Горького, а здесь я совсем не понимал, для чего они устроены. Поэтому я со своим советом командиров закрыл их через неделю, кое-что оставив для своих собственных небольших нужд.

В первые три года коммуне им. Дзержинского пришлось пережить очень большую нужду. Были моменты, когда мы в течение дня ели один хлеб.

Насколько велика была нужда, можно было судить по тому, что я первые 8 месяцев не получал жалованья, должен был кормиться тем самым хлебом, которым кормилась и коммуна. Так я этих денег и не получил, между прочим, мое начальство – тогда это [воз]можно было – не догадалось мне заплатить, а я не догадался напомнить. Были моменты, когда в коммуне не было ни копейки и когда надо было ходить «позычать», как говорят украинцы⁵. Представьте себе, эта нужда, несмотря на то, что мы переживали ее тяжело и с обидой, – она-то и была прекрасным стимулом для развития труда. Чекисты – я им за это очень благодарен – никогда не соглашались перейти на смету и просить помощи у Наркомпроса: дайте нам денег на содержание воспитанников. И действительно, было стыдно: построили коммуны, а содержать хлопцев не на что. И поэтому все наши усилия направились к тому, чтобы заработать самим – самое неприкрытое стремление заработать на жизнь.

Первый год мы очень много работали в своих столярных, мы делали все то, что требуется для домашнего обихода, – стулья, шкафчики [шкафчики. – Г.Х.]. И были заказчики. Делали очень плохо, заказчики обижались, и обычно мы были в убытке. Стоимость материалов, электроэнергии, гвоздей, клея – все это только-только совпадало с той ценой, которую мы назначали заказчикам, а труд наш не оплачивался.

Помогло нам одно счастливое обстоятельство. Мы пригласили заведующего производством С.Н. [С.Б. – Г.Х.] Когана⁶, человека весьма беспринципного по отношению к педагогике, но чрезвычайно энергичного. Я очень благодарен этому товарищу и считаю, что мне когда-нибудь надо специально поблагодарить его за те совершенно новые педагогические принципы, которые он внес в мое дело, несмотря на полную свою педагогическую беспринципность.

Прежде всего он поразил меня первыми своими словами. Это толстый такой человек, с животиком, с одышкой, очень напористый и совсем не жук по натуре. Просто беспринципный. Он мне показался беспринципным. Придя в коммуны, он сказал:

– Как? 150 коммунаров, 300 рук не могут себе заработать на суп! Как это может быть? Они должны уметь зарабатывать себе на жизнь, и не может быть иначе.

Это был принцип, в котором я раньше сомневался. Он доказал мне через месяц, что он прав. Правда, мне пришлось уступить ему во многих моих педагогических тезисах.

Прежде всего он начал с некоторой авантюры. Он отправился в строительный институт, в управление строительством строительного института и предложил:

– Я вам сделаю мебель для института.

Он никаких оснований не имел для такого предложения. Мы не умели делать мебели, и для производства мебели у нас не было оборудования, не было станков, не было материала. У нас был только Соломон Борисович Коган и 150 коммунаров.

К счастью, люди оказались доверчивые и наивные и говорят:

– Пожалуйста, сделайте!

– Давайте напишем заказ.

Написали заказ – столько-то тысяч разных предметов для аудиторий, столько-то столов, столько-то стульев, шкафов и т.д. Когда я просмотрел этот список на 200.000 р., я подумал, не позвонить ли врачу и не смерять [измерить. – Г.Х.] ли температуру у Соломона Борисовича. Я говорю:

– Как это вы взяли?

Он говорит:

– Сделаем.

– А все-таки, с чего мы начнем? Ведь нам нужны деньги, а денег нет.

Он говорит:

– Всегда бывает, когда у человека нет денег, он говорит – нет денег! А потом откуда-то достает, и мы достанем.

– Откуда достанем? Кто же тебе даст?

– А разве мало на свете дураков, которые дадут? Умный не даст, а дураков 50%, а разве нельзя найти среди 50% дураков одного дурака, который даст?

И представьте себе, он нашел. В том же институте оказался, простите за выражение, дурак, который пошел на его предложение. Соломон Борисович говорит:

– Мы мебель сделаем, а куда ее складывать? У вас только фундамент роют! Хорошо, мебель у нас скоро будет готова, но куда ее сложить?

Тот отвечает:

– Да, действительно некуда складывать.

Соломон Борисович говорит:

– Ну, мы можем ее у себя сложить.

– А у вас есть куда сложить?

– Нет, но мы можем построить складское помещение. На это надо 50.000 р.

– Получайте 50.000 р.

Получили 50.000 р., но и я, и коммунары, и Соломон Борисович решили, что мы складского помещения строить не можем, так как мы не были уверены, сделаем ли мы мебель. На эти деньги мы купили станки деревообделочные, купили материал. Соломон Борисович взял еще аванс и стал производить отнюдь не оборудование для строительного института, а всякие вещи, которые могли быть проданы на рынке. Он стал делать обыкновенные стулья для продажи на рынке, причем сначала делал стулья корявые, никуда не годные, но Соломон Борисович говорил, что пока коммунары стул делать не умеет, он будет делать проножку, и пока он не научится делать проножку, он будет делать проножку. А другой будет делать планку, а третий еще что-нибудь. И он ввел разделение труда. Я очень сомневался.

Он ввел такое разделение – один строгал, другой пилил, третий чистил, четвертый шлифовал, пятый брал на контроль и т.д. Но никакого учебного процесса не получалось, и мои коммунары обратили внимание и говорят: мы тут ничему не научимся. На общем собрании говорили, что это нужное дело, что для коммуны нужно поработать, но нужно, чтобы и польза была, и учение было, а на этих планках и проножках научиться нельзя.

Соломон Борисович оказался действительно знающим в своей области. Он разбил этот стул на 150 процессов, и каждый коммунар производил один-единственный процесс. Но благодаря этому мы стали выпускать стульев видимо-невидимо.

Скоро весь наш двор был завален стульями, правда, очень плохого качества сначала. С.Б. больше полагался на всякие поправки: когда стулья были сделаны, он изобрел специальную замазку из клея и опилок, и этой замазкой он замазывал все дырочки, шлифовал и т.д. Во всяком случае, через полгода он 50 тыс. основного капитала превратил в 200 тыс. Тогда он купил еще станки, лесу и пошел на производство театральной мебели. Строительный институт был уже закончен, и к нам обратились: давайте мебель. Только тогда С.Б. взялся за эту мебель. Все это были сложные вещи, делались они долго, но все-таки после разных скандалов мебель была подготовлена. Представлен счет, где стояло 100 тыс. за хранение мебели в течение полутора года [лет. – Г.Х.]. Там звонили: как, за какое хранение? – А вот, мы давно делали мебель, а вы все строились.

– Как, мы ведь ждали вас?

– Нет, у вас машин тогда не было, а в договоре сказано, что мы должны хранить мебель.

– Но мы дали вам 50 тыс. на постройку складского помещения.

– А что же вы думаете, что коммуна им. Дзержинского – это складское помещение?

Представьте, те уплатили деньги за хранение, так что возвращать им 50 тыс. не пришлось.

В дальнейшем С.Б. отошел на второй план и сделался начальником снабжения – должность, наиболее соответствующая его специальности и таланту; пришел новый инженер, и все-таки я убедился, что такое строгое разделение труда по отдельным мельчайшим процессам – полезная вещь. Когда смотришь на него в лоб расширенными зрачками, оно производит угнетающее впечатление, а когда рассматриваешь его во времени, оно ничего страшного из себя не представляет. Конечно, каждый отдельный мальчик или девочка в каждый данный момент производит только одну операцию, которая, казалось бы, не дает никакой квалификации, но в течение нескольких лет, которые коммунар проводит в коммуне, он проходит через такое большое количество различных операций, переходя наконец к сложнейшим операциям – сборке и др., что он действительно делается очень квалифицированным работником, необходимым для широкого общественного производства, а не для кустарного.

Конечно, если бы я так и остался сидеть на деревообделочном деле, то мои коммунары могли бы выходить только производителями для деревообделочной фабрики, и то только для фабрики с большим разделением труда. Но именно успех коммерческий, успех в смысле производительности позволил нам настолько основательно удовлетворить наши потребности, что мы уже через год после пришествия С.Б. поблагодарили чекистов и [по]просили их прекратить отчисление своих процентов, а уже через год мы еще имели накоплений 600 тыс. чистых в банке.

Вот что нам дало наше производство. А имея 600 тыс. рублей, мы уже имели лицо не благотворительного учреждения, а серьезного предприятия, которому можно верить. И банк нам доверил ссуду на 40 лет на строительство. В 1931 г. мы построили первый завод, уже основательный завод металлообрабатывающей промышленности, на котором производили электро-сверлилки – очень сложные машинки, до того времени импортные. Очень быстро освоили, несмотря на то, что эта машинка имела свой мотор, 150 деталей, много всяких шестеренок, так что требовались и фрезерные, и зуборезные станки, очень сложная сборка, литье, и все-таки мы имели возможность, пользуясь опытом разделения труда на дереве, очень быстро освоить производство на металле. Эта психология человека, работающего на одной детали, но доводящего этот процесс до совершенства, – она пригодилась и на металле. Нам понадобилось месяца полтора, чтобы освоить очень сложные станки, причем на станках стояли коммунары 13-14 лет.

Работа на металлообрабатывающем заводе была настолько успешной, что мы начали строить завод фотоаппаратов. Это очень сложный завод, причем завод был построен на собственном оборудовании. Нынешний завод фотоаппаратов коммуны является своим заводом, причем там вы можете встретить станки, которые не на всех заводах имеются, причем там очень сложный процесс точности тысячной микрона, т.е. требующий очень сложных инструментов, подбора инструментария, научно оборудованной и придирчивой техники контроля, вообще сложнейшее производство.

Я убежден, что мы не [с]могли [бы] прийти к нему, если бы не начали со столов и стульев, основанных на разделении труда. Я понимал, что суть не в том, с чего начинать, а в логике, с чего начинать, в логике производства, основанного на последних данных, а таковыми являются разделение труда и план.

Для непроизводственника трудно понять, что такое план на производстве. План не заключается в том, сколько надо сделать столов и стульев. План – это страшно тонкое кружево норм и отношений. Это кружево всяких деталей, это кружево всяких частей, от станка к станку. Это кружево процесса приспособления качества материала, подачи материала, подачи инструмента, его заточки, его пополнения и, наконец, контрольных требований, а в хорошем производстве контроль – это также набор всяких приспособлений, норм и условий. Это сложнейшее «оборудование» человеческой деятельности. И такое «оборудование» нужно воспитывать у наших граждан, поскольку они участвуют не в кустарном производстве, а в большом государственном масштабе, организованном по последнему слову техники производстве.

Конечно, после этого оборудования в коммуне Дзержинского я не могу представить себе не только сапожной или швейной мастерской, но и деревообделочной на ручном станке, и я считаю, что это будет разврат, а не трудовое воспитание наших граждан.

То, что трудовое воспитание постепенно у нас перешло в производственное воспитание, я не ожидал сам, к чему оно может привести. Но в последние годы я не удивлялся, когда у меня мальчики 13-14 лет руководили группой фрезерных станков, где без трансформатора не обойдешься, где нужны и математика, и очень тонкое соображение.

Я уже не говорю, что здесь надо знать и качество материала, и качество резца, и качество чертежей и т.д. Рядом с мальчиком 14-15 лет, который уже сам прекрасный фрезеровщик и руководит группой фрезерных станков, вы видите мальчика лет 16-17 – начальника цеха, правда, может быть, цеха более простого, а уже в 19-20 лет юноша руководит сложным цехом. Вот Володька Козырь, бывший мой связист, который умел только побежать и найти товарища, руководил сложным механическим цехом.

Этот путь, который для взрослого человека, может быть, потребует 10 лет, для мальчика на производстве потребует 1-2 года. Этот путь, к которому я перешел, не так легок, и сразу трудно поверить, что мальчики и девочки на своем производстве достигают такой большой квалификации. По отношению к девочкам надо сделать такую поправку: они также быстро достигают стахановских пределов выработки, только не в металлическом производстве, а в производстве сборки, в особенности в производстве монтажа и оборудования, в производстве с легкой физической работой, в особенности на производстве оптическом: в производстве линз, они мальчиков обгоняли там, где требуется больше чистоты и внешней точности; в части точных движений и внимательности они мальчиков обгоняли. Мальчики преобладали своими способностями конструкторов, а девочки – своими способностями в точности и организованности в сложных и ответственных процессах. Мальчики никогда не могли справиться с производством линз, и все производство это было передано девочкам. В процессе сборки тончайших узлов, где нужны не только точность движения рук и точность глаза, но еще очень строгое расположение частей на столе, там тоже девочки мальчиков обгоняли не только в производстве, но и в организации производства.

Мальчики вообще были убежденными металлистами, девочки – нет, металл у них не вызывал таких эмоций. У мальчиков железо, металл [медь. – Г.Х.], никель – все сотрясения души производят всегда. Девочки отдалялись от станков фрезерных, револьверных, в особенности от станков, где работа связана с эмульсией, с брызгами, грязью.

Само собой, девочки никогда не пробовали работать в литейном цеху.

Вот этот [тот. – Г.Х.] вид труда, к которому перешел мой коллектив к последнему своему году. Если рассматривать этот процесс с точки зрения обычного понятия педагогического процесса, т.е. вот отдельный человек – воспитанник, а вот его воспитатель, то, пожалуй, производство может показаться неправильно оборудованным педагогическим процессом, но если его рассматривать в коллективе и во времени, то оно кажется очень притягательным.

Всякое сложное производство уже тем хорошо, что оно дает простор выбору кусков и наклоностей.

В таком производстве, как производство «Леек»⁷, у нас большой чертежный цех, где у нас работает несколько десятков чертежников, и плановый отдел, и контрольный отдел, и большой инструментальный цех, коммерческий отдел, и поэтому каждый воспитанник мог иметь выход для своих наклоностей. Конструкторское бюро, где конструктора и чертежники, целиком обслуживалось коммунарами. Значит, туда шли те, у кого эти наклоности и способности к работе были.

Наибольшую квалификацию дает инструментальный цех, т.е. мальчик пройдет все цеха и отделы и увенчивает свое производственное образование в инструментальном цехе, откуда он может выйти лекальщиком, т.е. добиться наивысшей квалификации инструментальщика.

Я вижу полезность этого процесса производства в каждом отдельном пункте его наблюдения, но также и в характере человека, вышедшего из коммуны. У меня бывают часто коммунары, вышедшие из коммуны, учащиеся в вузах и приезжающие из города меня навестить. Это все люди, получающие или получившие высшее образование. Там есть и историки, и геологи, и врачи, [и] инженеры, и конструктора и т.д. Но у всех в характере есть особая черта широты и разносторонности взглядов, привычек, точек зрения и т.д.

Недавно приезжал ко мне врач. Я помню, что он был у нас замечательным шлифовальщиком на большом шлифовальном станке Келленбергера, где деталь доводится до последней степени точности, до сотой миллиметра. Он работал так. Ему мастер говорит:

– Пожалуйста, сними на сотую миллиметра – на «сотку».

Он вставляет в станок деталь и, не производя никакой проверки, не работая никакими измерительными приборами, он говорит:

– Пожалуйста, вот «сотка».

Глаз, рука и станок у него были так сработаны, что он работал, не проверяя, и мастер иногда не проверял его. Чуткость его к станку была совершенная. Этот прекрасный шлифовальщик теперь врач, но в его философии и сейчас я чувствую страшное уважение к точности. И, наблюдая коммунаров, я вижу сейчас это отражение тех навыков, которые приобрели они на всяких пройденных ими организационных и производственных работах.

Коллектив, имеющий у себя завод и отвечающий за завод, страшно много приобретает навыков организаторских, т.е. тех навыков, которые, может быть, наиболее нужны для гражданина Советского Союза. В [на. – Г.Х.] каждом общем собрании, в [на. – Г.Х.] каждом производственном совещании, в [на. – Г.Х.] каждом совещании командиров, просто в [на. – Г.Х.] сборах и [в] группах, в цеху, во время будничного разговора всегда упражняется эта оргспособность, и всегда коллектив привыкает требовать ответственности не только от каждого отдельного рабочего, но и от каждого коммунара как организатора. Если вы должны представлять себе всю сложность производства, то вы должны представлять себе и всю сложность отношений человека к производству. На общем собрании, где сидят ученики из механического цеха, и оптического, и сборного [сборочного. – Г.Х.] одного, и сборного [сборочного. – Г.Х.] другого, и инструментального, кто-нибудь поднимает вопрос о недостатке какой-нибудь детали, и высказывается сборный [сборочный. – Г.Х.] цех, прося высказаться людей, которые никакого отношения к сборному [сборочному] цеху не имеют, и эти люди высказываются, т.е. они понимают, чего там не хватает, они высказываются как организаторы.

Еще большее упражнение организаторских способностей происходит в самом цехе во время работы. То же самое руководство группой фрезерных станков требует умения организатора-единоначальника.

Я понимаю, что не так легко организовать такое производство, но нельзя же говорить только о легких вещах. И для меня организовать такое производство стоило 16 лет труда и 16 лет неудач, нужд[ы] и борьбы. Ну что же, я уверен, что и любой детский коллектив, если бы он захотел перейти на серьезное производство, тоже истратит не меньше 10 лет, и, конечно, первые поколения, которые будут бороться за это производство, уйдут, не испытав еще всех его благ. Следующие испытают.

Тут не надо думать, что первые поколения уйдут обиженные. Ведь бороться за цели, поставленные на будущие годы, – это уже стоит многого в смысле квалификации и воспитания. Может быть, во всем этом процессе главным является эта коллективная борьба, это устремление вперед, марш к ясно поставленным целям.

Я счастлив, что мой коллектив всегда имел перед собой ясно поставленные трудные цели и шел к ним, и не просто передвигался в пространстве, но преодолевал трудности, даже нищету и трения внутри своего коллектива. И когда есть марш к ясно поставленным целям, если поставить эти слова сознательно, именно «движение к ясно поставленным целям», тогда вопрос о заработной плате не имеет уже такого принципиального значения. В хозяйственном коллективе, где слишком явны достижения труда, где слишком явное благополучие, где каждый рубль накопления сулит что-то на завтра, там уже не нужно стимулировать каждого человека его личной заработной платой.

Заработная плата у меня была потом введена, но мне удалось сохранить и коллективный тон и нивелировать тот вред, который могла бы принести заработная плата в таком маленьком возрасте. Зарплата у взрослого человека, у которого есть семья, ответственность перед семьей, детьми, – это одно. В детском коллективе я разорвусь на части, чтобы он был одет. Я отвечаю за то, чтобы он был одет, за то, чтобы он был в тепле, за его школу. Поэтому зарплата все-таки является некоторым дополнительным удовлетворением, а это достигается и без заработной платы в хорошем коллективе. Я добился того, что вся заработная плата поступала в мое распоряжение. Это – постановление общего собрания. И коммунары интересовались не столько получением денег на руки, сколько уже накоплением их в сберкассе на будущую жизнь.

Последние нормы в этом отношении были такие. Во-первых, каждый коммунары из своего заработка 10% отчислял в фонд совета командиров. Это не пустяки: 10% заработной платы – это очень большая сумма.

И таким образом у нас образовался большой фонд очень быстро. Этим фондом распоряжался уже совет командиров. Фонд не считался принадлежащим отдельным коммунарам. Фонд предназначался главным образом на усиление культурной работы, на помощь бывшим коммунарам.

Вы себе представить не можете, что это такое, когда совет командиров постановляет:

– Вот Ваня Волченко обладает большими музыкальными способностями – командировать его в консерваторию и выдавать дополнительно, до окончания консерватории, 100 р. в месяц.

И таких стипендиатов в коммуне Дзержинского несколько десятков. В тот год, когда я оставил коммуну, до ста человек получали стипендии. Стипендия, получаемая студентом в вузе, вполне достаточна, если человек связан с семьей, с отцом, с матерью. Но если он одиночка, она не удовлетворяет всех его потребностей. В коммуне, давая 50-100 р. в месяц стипендии в зависимости от успеваемости и от курса, совершали большое полезное человеческое дело.

Из этого же фонда дается помощь также оказавшимся в нужде коммунарам, если видно, что эта нужда произошла из действительных причин, а не из простой лени. И такой фонд позволяет коммуне держать в своих руках судьбу всех своих воспитанников до того момента, пока они окончательно не вступят в жизнь.

А это заработок коммунаров. Ни один коммунар за все годы, проведенные мною с ними, ни разу не выразил недовольствия ни в скрытой, ни в явной форме, что 10% его заработка идут в фонд командиров. Имейте в виду, что из этого фонда каждому коммунару, выпускаемому из коммуны, дается «приданое» – кровать, одеяло, пальто, полдюжины белья, костюм, то, что дает каждая семья своему сыну, когда он уходит от нее.

Этот фонд позволял руководить жизнью коммунаров, а такой фонд дороже стоит, чем тысяча наших педагогических аргументов, не проверенных в [на . – Г.Х.] опыте.

Остальная часть заработной платы коммунаров обычно шла в сберегательную кассу, и считалось, что каждый коммунар, выходя из коммуны, должен иметь в сберегательной кассе не меньше тысячи рублей. Этих денег он не мог получить в коммуне, и вообще они не могли быть выданы ему без моей подписи. Были коммунары, которые получали по 2.000-2.500 р. – это те накопления, которые производились за 5-6 лет жизни в коммуне; и наконец, небольшая часть денег выдавалась на руки как карманные деньги, и то здесь получился такой опыт. Мы каждый год совершали походы. Я им придавал большое значение, и не просто походы, а очень большие предприятия [мероприятия. – Г.Х.]. В коммуне мы совершили 6 походов⁸. Эти походы мы совершали так. Под походом разумелось: железная дорога, обязательно пеший марш на расстояние не меньше 80-100 км, лагерь и обратный марш и железная дорога. Такие походы назначались с осени. Для меня этот поход был важен как летняя перспектива, то же самое, когда вы имеете перед собой, думая, куда вы поедете в отпуск летом, мечтаете и готовитесь. Так и коллектив готовился к походам. Когда заводы останавливались, мы знали, как мы проведем эти летние каникулы.

Для меня этот поход имел огромное значение, потому что в течение всего года я мобилизовал вокруг похода и каждого человека, и весь коллектив, и материальные условия, и культурную и всякую другую подготовку. Например, чтобы совершить поход по Кавказу – на Владикавказ, Тбилиси, Батуми, надо было целую зиму готовиться, надо было посылать разведчика, чтобы узнать, где можно ночевать, кормиться, с кем можно договориться. В разведку посылались коммунары. В последние годы мы дошли до такой тонкости подготовки походов, что, например, мы знали, выходя из Харькова коллективом в 500 чел., на каком километре, возле какого километрового столба коммунар Иванов передаст коммунару Петрову бас, который надо

было нести по всей Военно-Грузинской дороге. Он не может нести его на расстояние 400 км, он играет, когда это надо, а несут этот бас все воспитанники, каждый по 10 км. И точно было известно, возле какого километрового столба какому коммунару должен быть передан бас.

Даже такие мелочи надо предугадать для того, чтобы поход не превратился в каторгу. А уже более серьезные вещи – посадка в поезда, остановки на ночлег и т.д. – так, чтобы была крыша, рядом вода, люди, с которыми можно переговорить и устроить митинг, – все это тоже требует предварительной поездки и разведки.

Самый наш большой поход был Харьков – Нижний Новгород – Сталинград – Новороссийск – Сочи – Одесса – Харьков⁹. Он занял полтора месяца и потребовал очень большой подготовки. По Волге мы плыли 15 дней, и каждый день капитан спрашивал коммунаров:

– Плыть или стоять?

Ему отвечали:

– Жарь на Каму, возвращайся на Оку!

Капитан даже водку пил только с нашего разрешения. Страшный был пьяница, и мы его вызвали на общее собрание после того, как он посадил на мель пароход около Самары. Хотя всем это дало большое наслаждение, конечно, но мы просили его больше водки до конца похода не пить.

Каждый коммунар собирал себе на поход, откладывал карманные деньги, потому что предполагалось, что в походе много будет драгоценностей в пути, которые можно будет купить. Обычно получалось так, что никаких особенных драгоценностей не было, покупали бумажники, кошельки, пили ситро, ели конфеты – все то, что можно было купить и в Харькове. Но конфеты, съеденные в Ульяновске, кажутся вкуснее, чем те, которые можно съесть в Харькове.

И каждый коммунар откладывал деньги не у себя, а у меня в кассе. И я всегда в поход возил целый чемодан денег: 50-60 тыс. рублей.

Так что все эти приспособления позволяли уменьшить ту жадность на деньги, на заработок, которая в коллективе, совершенно обеспеченном, могла бы быть очень тяжелой, неприятной прибавкой в воспитательном процессе.

Я забыл сказать вам, что в вопросе об отношении школы к производству и производства к школе я был постоянным противником какой бы то ни было увязки, и за это я подвергался достаточным гонениям. Таким противником я остался и нахожусь в глубоком убеждении, что если у вас в районе или в колонии есть десятилетка со всеми требованиями Наркомпроса к десятилетке, которые Наркомпрос предъявляет, – а эти требования увеличиваются у нас каждый день – я считал, что не нужно не только никакой увязки с производством, но даже полезно не иметь никакой увязки.

Я глубоко убежден, что те проповеди увязки, которые кем-то высказываются, есть остатки веры в комплекс¹⁰, а я к комплексу всегда имел отвращение, так как считаю, что некоторую роль надо предоставить и свободному образованию ассоциаций, и только такое свободное образование может дать личность, а там, где мы стараемся активизировать личность по [гото-

вым] ассоциативным отношениям, мы можем создать только скучную, неинтересную личность.

Поэтому в моей практике я допустил единственное отклонение от своих убеждений – это то, что прибавил в школе в каждом классе два урока черчения, а обычно наша школа руководилась педагогическим советом, как и всякая школа, и никакого отношения к производству не имела. У нас имеются свои законы, свои требования, свои цели, и эти требования должны удовлетворять каждого равно.

В результате получалась самая здоровая и самая естественная увязка. Выходил человек, знающий производство, знающий организацию производства, процессы производства, и, кроме того, образованный человек, получивший среднее образование.

И когда мне возражали представители теоретической мысли, я им говорил, что среднее образование и квалификация револьверщика VII разряда – это прекрасная комбинация, и никаких дополнений к этой комбинации не надо. Нельзя [ведь] пожаловаться, если человек умеет обращаться с фрезерным или револьверным станком.

Вообще скажу, что я считаю – перековка характера и перевоспитание правонарушителя возможны только на условиях среднего полного образования. Я вам говорил, что неполное среднее образование не дает такой уверенности, как полное.

Теперь перехожу к заключительной части моего доклада – это об основном виде и характере личности, которая должна выработаться в таком воспитательном коллективе. Я считаю, что в этом пункте мы, педагоги, еще не все додумали до конца. Я глубоко убежден, что качество нашей советской личности принципиально отличается от качества личности в буржуазном обществе, и поэтому и наше воспитание должно быть также принципиально отличным.

Воспитание в буржуазном обществе – это воспитание отдельной личности, приспособление к борьбе за существование. И совершенно естественно, что такой личности должны сообщаться качества, необходимые в такой борьбе, в том смысле, чтобы сообщались и качество хитроумия и жизненной дипломатии, и качество обособленной борьбы, обособленного борца за самого себя.

И совершенно естественно, в старой школе и во всякой буржуазной школе и воспитывается этот комплекс зависимостей человека, которые необходимы в буржуазном обществе. Человек в этом обществе находится в совершенно иной цепи зависимостей, чем у нас.

Вы вспомните, как мы, старики, учились. Нам на каждом шагу не говорили, что ты будешь зависеть от богатого класса, от царского чиновничества, но это пропитывало всю суть нашего воспитания. И даже когда говорили, что богатый должен помогать бедным, то в этом, казалось бы, таком прекрасном, даже красивом требовании, в сущности, заключалось определенное указание на ту зависимость, которая существует в жизни между богатым и бедным. То, что богатый будет мне, бедному, помогать, означало, что богатый имеет богатство, что он в силе мне помочь, а я могу только рассчитывать на его помощь, его подачки, на помощь богатого человека. Я, бед-

няк, являюсь объектом его благотворительности. В этом и заключалось глубокое внушение той системы зависимостей, которая должна была меня встретить в жизни. Зависимость от состояния, от доброй воли, от богатства, от милостыни и жестокости – вот та цепь зависимостей, к которой готовился человек.

Наш воспитанник тоже готовится к определенной системе зависимостей. Страшное заблуждение полагать, что, освободившись от системы зависимостей в буржуазном обществе, т.е. от эксплуатации и неравномерного распределения жизненных благ, наш воспитанник вообще независим от всякой цепи зависимостей. В советском обществе существует иная цепь зависимостей, это зависимость членов общества, находящихся не в простой толпе, а в организованной жизни, стремящихся к определенным целям. И в этой нашей организованности есть процессы и явления, которые определяют и нравственность нашего советского человека, и его поведение.

И все мы по мере того, как живем в советском обществе, растем, мы растем как члены коллектива, т.е. как люди, находящиеся в определенной системе зависимостей. Я не знаю, до конца ли я дошел в своей работе в этом отношении, но эта суть воспитания меня всегда интересовала больше всего. Я уже говорил немного об этом, когда вспоминал о дисциплине.

Для того чтобы яснее представить себе эту проблему, посмотрим коллектив в действии, именно коллектив, а не толпу, т.е. коллектив, имеющий перед собой определенные общие цели. В этом коллективе зависимости страшно сложные, каждая отдельная личность должна согласовать свои личные стремления с[о] стремлениями других: во-первых, целого коллектива, во-вторых, своего первичного коллектива – ближайшей группы, должна согласовать так, чтобы мои личные цели не делались антагонистичными по отношению к общим целям. Следовательно, общие цели должны определять и мои личные цели. Эта гармония общих и личных целей является характером советского общества. Для меня общие цели являются не только главными, доминирующими, но и связанными с моими личными целями. Очевидно, детский коллектив только так может быть построен. Если он построен не так, я утверждаю – это не советское воспитание.

В практике такого коллектива на каждом шагу возникают эти вопросы – противоположения¹¹ правильного и ошибочного, личных и коллективных целей и вопросы гармонирования этих целей. Если в коллективе чувствуется это противоречие между целями общими и частными, личными, значит, коллектив не советский, значит, он организован неправильно. И только там, где личные и общие цели совпадают, где нет никакой дисгармонии, там коллектив советский.

Но разрешить этот вопрос нельзя, если отойти от практических будничных деталей каждого сегодняшнего дня. Этот вопрос может разрешаться только на практике каждого отдельного коммунара и каждого отдельного коллектива. Практика – это то, что я называю стилем работы. Я считаю, что вопрос о стиле педагогической работы должен быть сочтен достойным иметь отдельные монографии, настолько важен этот вопрос.

Возьмем такую деталь, как отношения коммунаров между собой, отношения товарища к товарищу. Как будто вопрос не новый, а между тем он слабо у нас разрешается в нашей педагогической теории. Этот вопрос почти

не мог существовать в дореволюционной педагогике. В дореволюционной педагогике, как и в дореволюционном обществе, отношения человека к человеку разрешались как отношения индивидуума к индивидууму, т.е. отношения двух свободных самостоятельных миров, и можно было говорить о воспитании хорошего человека, о воспитании доброго человека, о воспитании такого-сякого человека.

В нашей педагогике можно говорить о воспитании товарища с такой-то фамилией, об отношении члена одного коллектива к члену другого коллектива, т.е. очень далеких миров, которые не свободны, которые не вращаются в пустом пространстве, а которые связаны своими обязательствами и отношениями с коллективом, своим долгом по отношению к коллективу, своей честью по отношению к коллективу, своими движениями по отношению к коллективу. Это отношение, организованное, членов одного коллектива к членам другого коллектива, должно являться решающим в постановке воспитания.

Что такое коллектив? Это не просто собрание, не просто группа взаимодействующих индивидуумов, как учили те же педагоги¹². Коллектив – это есть целеустремленный комплекс личностей, организованных, обладающих органами коллектива. А там, где есть организация коллектива, там есть органы коллектива, там есть организация уполномоченных лиц, доверенных коллектива, и вопрос отношения товарища к товарищу – это не вопрос дружбы, не вопрос любви, не вопрос соседства, а это вопрос ответственной зависимости. Даже если товарищи находятся в равных условиях, идут рядом в одной шеренге, коллектив, исполняя приблизительно одинаковые функции, связывается не просто дружбой, а связывается общей ответственностью в работе, общим участием в работе коллектива.

А в особенности интересными являются отношения таких товарищей, которые идут не рядом в одной шеренге, а идут в разных шеренгах, и особенно интересные отношения тех товарищей, где зависимость не равная, где один товарищ подчиняется другому товарищу. В этом наибольшая хитрость в детском коллективе, наибольшая трудность – создать отношения подчинения, а не равностояния. Это то, чего больше всего боятся наши педагоги. Товарищ должен уметь подчиняться товарищу, не просто подчиняться, а уметь подчиняться.

И товарищ должен уметь приказать товарищу, т.е. поручить ему и потребовать от него определенных функций и ответственности.

Такое умение подчиниться товарищу, причем это не подчинение богатству, и не подчинение силе, и не подчинение в порядке милостыни или подачки, а подчинение данных членов данного коллектива, – это чрезвычайно трудные задачи не только для детского общества, но и для взрослых. Если еще остались пережитки старого, то все они умещаются в этом самом месте. И в особенности трудно приказать, т.е. [приказать] равному себе, только потому, что меня уполномочил коллектив. Здесь чрезвычайно сложный комплекс. Я только тогда сумею приказать товарищу, поручить ему, пробудить его к действию, отвечать за него, когда я чувствую ответственность перед коллективом и когда я знаю, что, приказывая, я выполняю волю коллектива. Если я этого не чувствую, то у меня остается только простор для

личного преобладания, для властолюбия, для честолюбия, для всех иных чувств и тенденций не нашего порядка.

Я в особенности много обращал внимания на эту сторону дела. Я поэтому шел на очень сложный принцип зависимостей и подчинений в коллективе. К примеру, вот этот самый мальчик, дежурный командир, который сегодня руководит коллективом, а завтра уже подчиняется новому руководителю, он как раз является прекрасным условием для такого воспитания.

Я уходил еще дальше в этом отношении, я старался как можно больше переплести зависимости отдельных уполномоченных коллектива друг с другом, так, чтобы в подчинении и приказании [они] как можно чаще встречались бы, чтобы не получилось немотивированного подчинения.

Вот почему я так настаивал на некоторой военизации и строил систему первичных коллективов, причем на правах единоначалия, которые я давал своему командиру. Я старался дробить отряды по 10 чел., чтобы число уполномоченных было как можно больше, я старался создавать как можно больше разных комиссий, а в последнее время пришел к такой форме – поручения отдельному лицу.

Я не пропускал ни одного случая, чтобы не использовать этой формы. Беру первое, что я вспоминаю. Вот нужно перевести ребят из одной спальни в другую, перегруппировка по спальням в зависимости от прибытия новых ребят и т.д. А новенькие всегда вкраплялись в старые отряды. Совет командиров постановлял: перебраться из спальни в столько-то часов, разрешается брать с собой только постели, не разрешается брать с собой ни кроватей, ни столов, ни портретов, ни шкафов; ответственным за правильность переселения назначается, скажем, Козырь. И вот первое время это было не так легко. Этому Козырю не подчинялись, махали руками, он сам не знал, как ему 400 чел. подчинить.

В последнее время я добился не только того, что все это удавалось, но и того, что Козырь и остальные были на своих местах и Козырь, стоя в коридоре, одним движением пальца, бровей, глаз делал то, что было нужно, и все прекрасно понимали: Козырь отвечает за успех; если такой-то унес лучший портрет в свою спальню, отвечать будет Козырь, если он прозевал, не заметил.

Скажем, мне нужно взять 20 беспризорных с вечернего поезда. Всегда совет командиров выделял специальную сводную бригаду в 5-6 чел. Командиром бригады назначался, допустим, Землянский. И он прекрасно понимал, что он командир бригады, и все 5-6 чел. из отряда подчинялись немедленно всем его распоряжениям. В этом [и] для него [есть] также какое-то удовольствие. [И] они видят, что у них есть центр, который руководит ими и отвечает за них.

И такой Землянский понял, что всю операцию возложили на его плечи, и бригада также поняла, и на вокзалах, где нужно снимать и с крыш, с поездов, где нужно было выбирать хороших пацанов, т.е. боевых, на которых можно было бы положиться, а не слюнявых и сопливых, они и выбирали таких боевых пацанов. Землянский выполнил эти обязанности. Я не мог следить. Он должен был выполнить это поручение, и за такое поручение Землянский должен был отчитаться.

Я не имею времени, но как ни поздно, как ни трудно, но я не упускал возможности выслушать отчет и признать работу удовлетворительной, хорошей или неудовлетворительной. Больше никакого решения не выносилось.

Не было такого дня в коммуне, чтобы для определенного случая, возникшего сегодня, не нашелся ответственный человек и ему в помощь несколько мальчиков из разных отрядов. Поссорились хлопцы и не мирятся. Немедленно назначается товарищ, который должен выяснить всю сущность спора, помирить их и отчитаться в поручении.

Серьезная ответственность являлась таким воспитательным средством для разрешения многих стоящих проблем. Само собой разумеется, что все это было дополнительно по отношению к общей системе отряда. Это был действительно штаб, отвечающий за работу, а не только показывающий [приказывающий. – Г.Х.].

Я наблюдал, как в некоторых детских домах и в пионерских организациях позаботятся о такой организации работы, но не позаботятся о точности и строгой ответственности. А без ответственности не может быть настоящей работы. В то же самое время очень важно, чтобы ответственность эта требовалась и на производстве, и в классе, и в школе, в сводной бригаде, в группе лиц. Даже в таком случае, как баня, – значит, сегодня должен быть ответственный по бане. Эта ответственность должна сливаться с единством ответственности всего коллектива. Если такого единства ответственности нет, если нет полной гармонии ответственных лиц, то может получиться игра, а не серьезное дело.

Из всех этих поручений, из всех этих приемов и создается стиль работы, стиль коллектива. Я уже сказал, что об этом стиле нужно писать монографии.

Отличительными признаками стиля советского детского коллектива я считаю следующие:

Во-первых, мажор. Я ставлю во главу угла это качество. Постоянная бодрость, никаких сумрачных лиц, никаких кислых выражений, постоянная готовность к действию, радужное настроение, именно мажорное, веселое, бодрое настроение, но вовсе не истеричность. Готовность к полезным действиям, к действиям интересным, к действиям с содержанием, со смыслом, но ни в коем случае не к бестолочи, визгу и крику, не к бестолковым зоологическим действиям.

Такие зоологические действия – крик, визг, беготню – я решительно отрицаю. И в коммуне Дзержинского, где жило 500 чел. мальчиков и девочек, вы никогда не слышали бы визга и крика. И в то же время вы видите постоянно бодрость и уверенность в своей жизни, в своем настроении.

Этот мажор не может, конечно, создаваться специальными методами, это результат всей работы коллектива, всего того, о чем я говорил.

Следующее – это стиль, это ощущение собственного достоинства. Это, конечно, нельзя сделать в один день. Эта уверенность в своем собственном лице вытекает из представления о ценности своего коллектива, из гордости за свой коллектив.

Если вы приезжаете в коммуну, вас очень вежливо, очень приветливо встретят; никогда не бывало, чтобы вы прошли и вас не заметили. Первый, кого вы встретили, обязательно вам поклонится, скажет:

– Здравствуйте! Пожалуйста, что вы хотите?

И каждый насторожен:

– А кто вы такой, а что вам угодно?

Никто не станет вам жаловаться на коммуну. Я наблюдал поразительное явление среди коммунаров. Вот его только что взгрили, человек расстроен до последней степени. И вдруг он оказался лицом к лицу с приехавшим, посторонним человеком. Он весь изменился, он приветлив, радостен, он проводит вас, куда можно; если нельзя – он скажет:

– Пойдемте, возьмем разрешение.

Он занят своим несчастьем, своей ошибкой, но он бросит все и ни за что не покажет, что он только что пережил что-то. А если его спросят:

– Как живете?

Он скажет:

– Прекрасно живем.

Он это делает вовсе не потому, что он хочет кому-то понравиться, а потому, что он чувствует свою ответственность за коллектив, гордится своим коллективом, даже наказанный.

Вот какого-нибудь пацана за вредные действия только что взгрили, и вот приехала экскурсия:

– Какой хороший мальчик! Как он у вас?

Никто ни слова не скажет, что он нагрешил и наказан. Это считается дурным тоном, это дело наше, а по отношению к другому мы его [не] выдадим.

Вот этот тон достоинства очень трудно воспитывается, для него нужны, конечно, годы. Вежливость к каждому гостю, к каждому товарищу должна быть доведена, конечно, до совершенства. Но эта вежливость должна сопровождаться постоянным сопротивлением проникновению в коммуну, в коллектив каких-то посторонних, просто шляющихся элементов, а тем более врагов. И поэтому в коммуне очень вежливо встретят и проводят, но первым долгом спросят:

– Кто вы такой? Зачем вы пришли?

И если увидят, что, собственно, никакого дела нет, то очень вежливо скажут:

– Нет, мы не можем вас принять; если у вас будет дело какое-нибудь, – пожалуйста.

А охотников пошляться, поглазеть на коммуну было всегда очень много. Вот эта вежливость вытекает из очень важной способности, которую надо воспитывать нам у каждого гражданина. Эта способность – ориентировка. Вы, наверное, видели, как очень часто в детском коллективе или в толпе нет этой способности ориентироваться. Человек видит то, что у него перед глазами, а то, что за затылком, не видит.

Эта способность чувствовать, что находится вокруг тебя, кем ты окружен, эта способность чувствовать также все то, чего ты не видишь, что делается в других комнатах, чувствовать тон жизни, тон дня – это способность ориентироваться – она воспитывается с очень большим трудом.

И нужно прилагать очень большие усилия и постоянно помнить, чтобы эту способность к ориентировке воспитать. Тот визг и крик, который часто бывает в детском коллективе, – это прежде всего полное отсутствие ориентировки, ощущение только себя и своего движения. Нет ощущения окружающего. А настоящий советский гражданин должен всеми своими нервами почти бессознательно ощущать, что кругом происходит. Одно дело, когда ты находишься среди своих друзей. Тогда ты можешь себя вести таким-то образом. Другое дело, когда ты находишься среди новичков-коммунаров, когда ты видишь, что тут есть пацаны, которые только вчера прибыли. Если коммунары видят это, они не скажут того, что не должны услышать такой пацан. Одно дело, когда он видит, что женщина или девочка проходит мимо. Она ему не нужна, но он должен изменить поведение. Если я нахожусь около, он должен и обязан знать и ощущать, что я – центр коллектива – нахожусь близко. Или если это другой педагог, инструктор, инженер, представитель центра, по отношению к каждому человеку должна быть ориентировка.

Это не значит приспособляться и подделываться. Это значит – ощущать, в каком месте коллектива ты находишься и какие твои обязанности по отношению к поведению из этого вытекают.

Мне приходилось видеть, что большею частью детские дома и колонии очень несимпатичный тон принимают по отношению к тем, кто к ним приезжает. Они, кто бы ни вошел, начинают жаловаться и на воспитателей, и на завхоза, и друг на друга, не зная, кто я такой. Я добивался, чтобы коммунары с такими жалобами к посторонним лицам не обращались. Самокритика – это одно дело, а эта слезливость, а эта способность, как говорят коммунары, «канючить», «пищать» в присутствии кого угодно, это недопустимо.

Очень часто коммунары были недовольны то одним, то другим, то третьим. Но об этом они говорили на совете командиров, но никогда не позволяли себе жаловаться и «пищать» в присутствии других лиц, по отношению к которым коллектив являлся целым. Стремление жаловаться – это не самокритика. Это состояние лица, чувствующего себя несчастным в коллективе, и слезливость коллектива, слезливость отдельных лиц. Идея защищенности должна особенно присутствовать в коллективе и украшать его стиль. Она должна быть создана там, где есть гордость коллектива, где есть требование к каждой личности, т.е. где каждая личность чувствует себя защищенной от насилия и самодурства, от издевательства.

И эта защищенность вытекает из опыта. Я добился, что самые маленькие, самые нежные мальчики и девочки 10-12 лет не чувствовали себя младшими членами коллектива. В работе – да, в деле – да, но в самочувствии, в уверенности в себе они чувствовали себя прекрасно защищенными, так как они чувствовали, что никто не сможет его [их. – Г.Х.] обидеть, так как каждый обиженный будет защищен не только своим отрядом, бригадой, мною, а более того – первым встречным товарищем.

Очевидно, что такая идея защищенности все же сама не придет, тоже ее надо создавать и над ней работать. Создавая в этом стиле постоянный мажор, способность к движению, к энергии, к действию, надо одновременно создавать и способность к торможению. Как раз это то, что сравнительно редко удается обычному воспитателю. Тормозить себя – это очень трудное дело, особенно в детстве, оно не приходит от простой биологии, оно может быть только воспитано. И если воспитатель не позаботился о воспитании торможения, то оно не получится. Тормозить себя нужно на каждом шагу, и это должно превратиться в привычку. И коммунары прекрасно знают, что человек без тормоза – это испорченная машина. Это торможение выражается в каждом физическом и психическом движении, в особенности оно проявляется в спорах и ссорах. Как часто ссорятся дети потому, что у них нет способности торможения.

Воспитать привычку уступить товарищу – это очень трудное дело. Я добился этой уступчивости исключительно из соображений коллективной пользы. Я добился того, что раньше, чем дети перессорятся, – стоп! Тормоз! И уже ссора не происходит. Поэтому я добился того, что в коммуне по целым месяцам не было ссор между товарищами, а тем более драк, сплетен, интриг друг против друга. И я добился этого не упором на то, кто прав, кто виноват, а исключительно умением тормозить себя.

Каждый из вас понимает прекрасно, каких случаев жизни это касается и к чему это может привести. Конечно, все эти данные стиля, его особенностей воспитываются во всех решительно отделах жизни коллектива, но они воспитываются и в правилах и нормах внешнего поведения – то, над чем многие смеялись, рассматривая мою работу, и не могли помириться – это внешние нормы поведения.

Я до сих пор считаю чрезвычайно важным условием то, что коммунары не должны держаться за перила лестницы, не должны прислоняться к стене, вот так вот со мной и другими разговаривать (*показывает*), то, что он всегда должен надеяться на свою талию, и для этого она крепко стянута у него ремнем; то, что он мне, командиру, обязан на всякое приказание ответить: «Есть!», и пока он этого не сказал, считается, что он не понял приказания.

Все это имеет очень большое значение. Так у нас было принято. Сегодня Землянский назначен командиром домашних работ. И он говорит:

– Николай, пойдя принеси мне бумагу и карандаш.

И если тот побежал, он скажет:

– Ты как же идешь?

– Есть, принести бумагу!

Эта внешняя подтянутость, чувство формы, оно определяет и внутреннее содержание поведения. Тот же Землянский и Николай могли потом целый день играть в лапту, в футбол, но здесь он командир над своим товарищем. И должна быть определенная внешняя форма их отношений.

И если я накладывал взыскание, я не считал, что его приняли, если мне не скажут: «Есть!»

Эта установленная форма вежливости в деловых отношениях чрезвычайно полезна, она мобилизует волю, она заставляет человека себя чувствовать собранным, она подчеркивает тип деловых отношений, она учит человека

различать: это дружба, это соседство, это любовь, это приятельство, а вот это – дела. И это вызывает особое уважение к делу.

Я считаю, что, может быть, без этого можно обойтись, конечно, но это наиболее экономная форма делового воспитания, внешняя форма деловых отношений. А внешняя форма часто определяет и самую сущность.

Потом в коммуне это сделалось настолько повседневным, естественным совершенно явлением, что иначе и быть не могло. У самых маленьких пацанов рефлекс салюта так точно выработался, что никто никогда в конце концов не сказал бы: это вы шутите, играете, – а как только он становится в деловые отношения, у него это естественно вытекает, этот рефлекс делового отношения.

Тут же мальчик играет на площадке, увлечен, разгорячен. И случайно, проскальзывая мимо своего дежурного командира, слышит какое-то небольшое распоряжение. Он обязательно сразу вытянется. И я считаю, что это очень важно и полезно.

Вот эти нормы внешнего поведения не имеют смысла, если нет и не воспитывается общий определенный стиль. И там, где захотели бы ввести такую внешность, не воспитывая ни способности ориентироваться, ни способности торможения, ни ответственности, ни четкости в работе, ни единоначальной ответственности, ни идеи защищенности, – там, конечно, такой внешней формы не будет, иначе говоря, она будет работать впустую. И только там, где есть общий стиль, стиль, построенный на постоянном коллективном движении и содержании, там, конечно, форма внешней вежливости, может быть, несколько напоминающая военизацию, но в общем не выходящая даже за принцип пионерского движения, там она необходима, полезна и чрезвычайно украшает коллектив. А украшая коллектив, она уже производит повторное, обратное действие, она уже делает коллектив притягательным и с эстетической стороны.

Я не представляю себе коллектив, в котором ребенку хотелось бы жить, которым он гордился бы, не представляю себе такой коллектив некрасивым с внешней стороны. Нельзя пренебрегать эстетическими сторонами жизни. А как раз мы, педагоги, очень часто страдаем некоторым нигилизмом по отношению к эстетике.

Эстетика костюма, комнаты, лестницы, станка имеет несколько не меньшее значение, чем эстетика поведения. А что такое эстетика поведения? Это именно поведение оформленное, получившее какую-то форму. Форма сама является признаком более высокой культуры.

Поэтому здесь еще один отдел забот: приходя к эстетике как к результату стиля, как [к] показателю стиля, мы эту эстетику потом начинаем рассматривать и как фактор, сам по себе воспитывающий.

Я не могу вам перечислить всех норм красивой жизни, но эта красивая жизнь должна быть обязательной. И красивая жизнь детей – это не то, что красивая жизнь взрослых. Дети имеют свой тип эмоциональности, свою степень выразительности духовных движений. И красота в детском коллективе не вполне может повторять красоту коллектива взрослых.

Вот хотя бы игра. Игра обязательно должна присутствовать в детском коллективе. Детский коллектив не играющий не будет настоящим детским

коллективом. Игра должна заключаться не только в том, что мальчик бегает по площадке и играет в футбол, а в том, что каждую минуту своей жизни он немного играет, он приближается к какой-то лишь ступеньке воображения, фантазии, он что-то из себя немного изображает, он чем-то более высоким себя чувствует, играя. Воображение развивается только в коллективе, обязательно играющем. И я, как педагог, должен с ним немножко играть. Если я буду только приучать, требовать, настаивать, я буду посторонней силой, может быть, полезной, но не близкой. Я должен обязательно немного играть, и я этого требовал от всех своих коллег.

Конечно, разговаривая сейчас с вами, я совсем иной человек, но когда я с ребятами, я должен добавить немного этого мажора, и остроумия, и улыбки, не какой-нибудь подыгрывающей улыбки, но приветливой просто улыбки, достаточно наполненной воображением. Я должен быть таким членом коллектива, который не только довлел бы над коллективом, но который также радовал бы коллектив. Я должен быть эстетически выразителен, поэтому я ни разу не вышел с невычищенными сапогами или без пояса. Я тоже должен иметь какой-то блеск, по силе и возможности, конечно. Я тоже должен быть таким же радостным, как коллектив. Я никогда не позволял себе иметь печальную физиономию, грустное лицо. Даже если у меня были неприятности, если я болен, я должен уметь не выкладывать все это перед детьми.

С другой стороны, я должен уметь разрядиться. В прошлом году я читал в вашем педагогическом журнале, каким тоном надо разговаривать с воспитанниками¹³. Там сказано: педагог должен разговаривать с воспитанниками ровным голосом. С какой стати? Почему ровным голосом? Я считаю, что это такая «зануда» получится из педагога, что его просто все возненавидят. Нет, я считаю, что педагог должен быть весел, бодр, а когда не то делается, должен и прикрикнуть, чтобы чувствовали, что если я сердит, так сердит по-настоящему, а не так что – не то сердится, не то педагогическую мораль разводит.

Это требование относится ко всем педагогическим работникам. Я без жалости увольнял прекрасных педагогических работников только потому, что постоянно такую грусть они разводили. Взрослый человек в детском коллективе должен уметь тормозить, скрывать свои неприятности.

Коллектив надо украшать и внешним образом. Поэтому я даже тогда, когда коллектив наш был очень беден, первым долгом всегда строил оранжерею, и не как-нибудь, а с расчетом на гектар цветов, как бы дорого это ни стоило. И обязательно розы, не какие-нибудь дрянные цветочки, а хризантемы, розы. И я, и мои ребята кохались¹⁴ об этих цветах до предела. У нас был действительно гектар цветов, и не каких-нибудь, а настоящих. Не только в спальнях, столовых, классах, кабинетах стояли цветы, но даже на лестницах. Мы делали из жести специальные корзинки и все бордюры лестницы уставляли цветами. Это очень важно. Причем каждый отряд вообще не получал цветы по какому-нибудь наряду, а просто – завял цветок, он идет в оранжерею и берет себе следующий горшок или два.

Вот эти цветы, костюмы, чистота комнат, чистота обуви – это должно быть в детском коллективе. Ботинки должны быть всегда вычищены, без этого какое может быть воспитание? Не только зубы, но [и] ботинки. На

костюме не должно быть никакой пыли. И требование прически. Пожалуйста, носи какую угодно прическу, но прическа должна быть действительно прической. Поэтому раз в месяц ДЧСК брал машинку и шел по спальням. Чуть не причесан – провел машинкой, иди в парикмахерскую. Поэтому всегда ходили причесанные.

Вот это требование чистоты должно очень строго проводиться. Через полгода после того, как я оставил коммуны им. Дзержинского, я приехал туда с ревизией из Киева¹⁵. Конечно, все выбежали, пожимали мне руки, было милое отношение и т.д. Я пошел по спальням. Вижу, что-то не то: пыль, там носовой платок валяется у самого лучшего моего командира Яновского, открыл шкаф – оттуда целую кучу грязи можно вывезти. Я тут ровным голосом ничего не говорил, а настоящим голосом сказал: «10 часов ареста, а больше я никуда не иду, завтра утром буду принимать уборку сам». И вот они присылают за мной в полпятого машину в Харьков, и когда я приехал, я не мог найти ни пылинки. Я спрашиваю: «Когда же вы успели?» Говорят: «Спать не ложились».

Я же понимаю, что у меня требования такие, а у другого требования другие. Чуть уменьшил требования – нет тона, нет стиля. Все это надо помнить. В классе во время урока ДЧСК прежде всего обращается к учителю: «Вы довольны чистотой в нашем классе?»

Вот положение учителя – скажет «Доволен», – а ДЧСК найдет тысячу недостатков. Учитель доволен, а там грязь, у того ногти не стрижены, парта изрезана. Так что поневоле каждый учитель требовал в классе чистоты.

И я не допускал к уроку учителя, неряшливо одетого. И поэтому у нас вошло в обычное дело ходить на работу в лучшем костюме. И я сам выходил на работу в лучшем своем костюме, который у меня был. Так что все наши педагоги, инженер и архитектор ходили франтами.

Все это очень важно. Вот стол. Можно положить клеенку – хорошо, гигиенично, можно что угодно положить, а потом вымыл, и чисто. Нет, только белая скатерть, только белая скатерть может научить есть аккуратно, а клеенка – развращение. Скатерть в первые дни всегда будет грязная, вся в пятнах, а через полгода она станет чистой. Невозможно воспитать умение аккуратно есть, если вы не дадите белую скатерть.

Так что серьезные требования надо предъявлять ко всякому пустяку, на каждом шагу – к учебнику, к ручке, к карандашу. Объединный карандаш – что это такое? Карандаш должен быть очищен прекрасно. Что такое заржавевшее перо, которое не пишет, что такое муха в чернильнице и т.д.? Ко всем педагогическим устремлениям, которые у вас есть, прибавьте миллиарды этих мелочей. Конечно, одиночка за ними не уследит, а когда коллектив за этим следит и знает цену этим мелочам, с этим вполне можно справиться.

В дверях стоит человек с винтовкой, и есть дежурный сторожевой отряд. Он стоит в парадном костюме. В парадном костюме должны находиться дежурный командир, дежурный трубач, весь отряд. На его обязанности – он должен следить, чтобы каждый вытирал ноги. Все равно – сухо на дворе или грязно, – ни один человек не может прийти в комнату, не вытерев ноги. И этот коммунары, который следит за этим, стоя на часах, прекрасно понимает, почему он должен следить за этим, – потому что он каждый день вы-

тирает пыль, а если вытирать ноги, пыли не будет в коммуналке совсем. Поэтому напоминать коммунарам об этом не приходится. А посторонние часто удивляются:

– Зачем мне вытирать ноги, я прошел по чистому тротуару.

И мальчик должен ему объяснить:

– Да, но вы приносите нам два грамма пыли.

Или такая мелочь, как носовой платок. Как это не дать человеку чистого платка или не переменить [переменить. – Г.Х.] его каждый день! Я видел детские дома, где носовые платки меняются раз в месяц, т.е. специально приучают человека вытирать нос грязной тряпкой. А ведь это же пустяк, это же стоит гроши.

Плевательница. Казалось бы, какое достижение санитарии – в каждом углу расставить плевательницы. Для чего люди должны ходить и плевать? Ребята так и говорят:

– Ты хочешь плевать? В больницу ложись, ты болен, ты заболел какой-то верблужьей болезнью, а здоровый человек никогда не плюется.

– Я курю.

– Какой же ты курильщик, бросай курить, хороший курильщик никогда не плюет.

И если человек продолжает плевать, его тащили к Кольке такому:

– Что такое? Плюет и плюет!

И этот Колька обычно помогал, убеждал, что это лишь рефлекс.

А я видел детские дома, где стоят плевательницы. И они обозначают только то место, которое можно заплевать. И вся стена около действительно заплевана.

Вот таких мелочей в жизни коллектива очень много, из них и составляется та эстетика поведения, которая должна быть в коллективе. Мальчик, который не плюет, который не вычищает нос при помощи двух пальцев, – это уже воспитанный мальчик. И эти принципиальные мелочи должны быть не только доведены до конца, но должны быть строго продуманы и сгармонизованы с какими-то общими принципами. Сюда относятся многие мелочи, которые нельзя здесь перечислить, но все они могут исполняться красиво, здорово и в связи с общим движением коллектива.

На этом и заканчиваю. Я считаю, что то, что делал я и мои сотрудники, это делалось очень многими людьми в Советском Союзе. Я от них отличаюсь только тем, что я чувствую потребность требовать этого от всех, т.е. чувствую потребность проповедовать вот такие обычные положения, не мои личные положения, а имеющиеся у очень многих педагогов Советского Союза.

Я чувствую тоже потребность их систематизировать. Я сам наблюдал очень красивый опыт во многих наших школах, у нас есть прекрасные коллективы, очень хорошо организованные, с центром, со стилем, с красотой. Я думаю, что этот опыт требует систематизации. Жалко, если этот опыт, большой советский педагогический двадцатилетний опыт, будет потерян. Только поэтому я и считаю себя обязанным как можно больше писать.

Причем я очень часто, может быть, путаю, ошибаюсь. Но это дело надо двигать, дело пропаганды советского педагогического опыта.

Я считаю, что в особенности ваша обязанность, деятелей Наркомпроса, принять какие-то меры по подытоживанию этого опыта и пропаганде лучших пед[агогических] советских учреждений.

КОММЕНТАРИЙ

РГАЛИ, 332-4-172.

Стенограмма. Машинопись [экземпляр из наследия педагога-писателя]. Объем: 50 нумерованных страниц, текст на которых расположен с одной стороны.

Публ. (без характеристики воспроизведения текста): «Учит. газ.», 1941, № 16 (02.02), с.4; ВД, с.79-91; ИПП, с.129-58; ИПС 4, с.84-118; С 5 (1951), с.187-221; С 5 (1958), с.190-224; ПС 4, с.180-203. В первых двух публикациях высказывания о трудовом воспитании отсутствуют (заголовок: «Отношения, стиль и тон в коллективе»), а во всех версиях текст лекции в той или иной мере сокращен и изменен.

¹ «В колонии [коммуне] им. Держинского мне приходилось приспосабливаться и даже бороться с отдельными течениями, исходящими от моего начальства». См. ПС 4, с.387, пр.18: «Примером такого расхождения с правлением коммуны им. Ф.Э. Держинского может служить факт, относящийся к августу 1932 г., когда А.С. Макаренко возражал против тенденции форсировать развитие производства, пренебрегая задачами развития воспитательного коллектива. Его соображения обычно учитывались правлением коммуны». Имеется в виду письмо Макаренко М.М. Букшпану (ПС 8, с.48-50).

² *Шестидневка*. В СССР в 1930-е годы наряду с традиционными неделями использовались так называемые шестидневки – с выходными днями 6, 12, 18, 24 и 30 числа каждого месяца.

³ ПС 4, с.387, пр.19: «С просьбой о разрешении выдачи воспитанникам карманных денег А.С. Макаренко обращался к областному инспектору Харьковской области в марте 1924 г. Это ходатайство было передано для рассмотрения в Главсоцвос НКП УССР» и в конце концов разрешено.

⁴ «Не было у нас (в коммуне) ни огорода, никакого участка земли». В действительности «Держинка» в первый год своего существования пользовалась соседским земледельческим хозяйством – совхозом «Красные зори».

⁵ «Позичити» (укр.) – взять в долг.

⁶ Коган С.Б. – см. док. № 9, прим.13.

⁷ «Лейка (Leica)» – см. док. № 6, прим.3.

⁸ «В коммуне мы совершили 6 походов». Под руководством Макаренко было четыре похода (московский – июль 1929 г., крымский – июль-август 1930 г., кавказский – июль-сентябрь 1931 г. и волжско-черноморский – июнь-август 1933 г.) и два лагеря (около Бердянска – август 1932 г. и около Славяногорска [сейчас Святогорск], на берегу Донца – июль-сентябрь 1934 г.).

⁹ Речь идет о кавказском походе (1931 г.).

¹⁰ «[...] есть остатки веры в комплекс». См. док. № 7, прим.6.

¹¹ «Противоположение» – авторский неологизм.

¹² «Что такое коллектив? Это не просто собрание, не просто группа взаимодействующих индивидуумов, как учили те же педагоги». Тут имеется в виду украинский ученый-педагог А.С. Залужный (1885-1938; репрессирован). В статье «Педагогижимают плечами» (1932 г.) Макаренко цитирует Залужного следующим образом: «У одного из подобных теоретиков коллектив, например, определяется так: „Коллектив есть группа взаимодействующих лиц, совокупно реагирующих на те или иные раздражения“» (Вт.р., с.39; ПС 1, с.137). Дословное же определение Залужного, под влиянием теории «бихевиоризма», таково: «[...] мы называем коллективом такую

взаимодействующую группу лиц, которая выявила свою способность совокупно реагировать на тот или иной раздражитель или на целый комплекс этих раздражителей» (Залужный А.С. Учение о коллективе. Детский коллектив. М.-Л., 1930, с.212). Известно, как Макаренко прокомментировал его – уничижительно резко: «Для всякого непредубежденного человека очевидно, что это определение коллектива лягушек, обезьян, моллюсков, полипов, кого хотите, но только не коллектива людей» (Вт.р., с.36-37; ПС 1, с.137).

¹³ «В прошлом году я читал в вашем педагогическом журнале, каким тоном надо разговаривать с воспитанниками». См. док. № 3, прим.8.

¹⁴ «Кохатися» (укр.) – любить, любовно заботиться, нежиться.

¹⁵ «Через полгода после того, как я оставил коммуну им. Дзержинского, я приехал туда с ревизией из Киева». В 1935-37 гг. Макаренко работал в ОТК НКВД УССР; см. док. № 2, прим.9.

11. ОБСУЖДЕНИЕ «КНИГИ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ» НА МОСКОВСКОМ СТАНКОСТРОИТЕЛЬНОМ ЗАВОДЕ ИМ. С. ОРДЖОНИКИДЗЕ (09.05.1938 г.)

МАРКОВ [МАКАРОВ. – Г.Х.], зам. редактора газеты «Большевик Станкозавода».

Наша партия Ленина-Сталина и Советское правительство уделяют исключительное внимание воспитанию подрастающего поколения. Для этого в нашей стране созданы все условия. Если вы помните, когда весь народ обсуждал проект постановления правительства о запрещении аборт¹ и о пособиях многодетным матерям¹, это вылилось в волну огромного желания и партии, и правительства, и всего советского народа поставить вопросы воспитания в центре внимания.

У нас, товарищи, как ни в одной стране мира, созданы прекрасные детские ясли, прекрасные детские сады, школы, пионерские дворцы, пионерские клубы. Огромные суммы денег правительство вкладывает на [в. – Г.Х.] воспитание будущих строителей коммунизма.

Вот почему вопросы, поднятые писателем Макаренко и в первом его произведении, и во втором, которое предстоит нам обсуждать сегодня, чрезвычайно всколыхнули общественность, трудящихся нашей страны, нашли огромный отклик, потому что это вопросы, которыми интересуется весь советский народ, желающий как можно лучше поставить воспитание подрастающего поколения.

Я вам, товарищи, напомню, какое внимание этому вопросу уделял В.И. Ленин. Он говорил (читает: «Задачи борьбы пролетариата еще не закончены тем...»²).

Вот эти последние слова, товарищи, которые не раз подчеркивались в отдельных решениях нашей партии по вопросам коммунистического воспитания подрастающего поколения, и лежат в основе той огромнейшей работы, той огромнейшей деятельности наших организаций, призванных воспитывать наших детей.

Но в первую очередь, товарищи, роль в воспитании нашего подрастающего поколения, конечно, принадлежит родителям, потому что там начинается мирозерцание на подрастающего молодого человека: там, где родители правильно создают условия для воспитания этого поколения, там закладывается прекрасная обстановка для воспитания наших ребят.

Тов. Макаренко на ряде случаев в «Книге для родителей» показал значение этой семейной обстановки, значение отношения родителей к воспитанию детей. Роли родителей, как решающего элемента в этом деле, отводится большое внимание, потому что все эти детские организации, начиная от детских яслей и кончая школами, призваны к тому, чтобы помочь родителям воспитать будущих строителей коммунистического общества.

Поэтому совершенно не случайно в своем предисловии тов. Макаренко пишет такие слова (читает: «Наша молодежь...»³).

Вот острота постановки тех вопросов, которые приведены в многочисленных фактах книги писателя Макаренко.

Товарищи, дело воспитания подрастающего поколения – дело серьезное и значительное. Вот почему мы не раз будем возвращаться к этому выводу, вот почему эти вопросы будут нас со всей остротой волновать. Это потому, что мы не безразличны к тому, к кому перейдет дело Ленина-Сталина, кому мы доверим завершение того огромнейшего дела социалистического строительства в нашей стране и во всем мире, которое в 1917 году начал великий рабочий русский класс под руководством Ленина и Сталина и в котором он был поддержан крестьянскими трудящимися массами. Мы сейчас подводим первые итоги XX-тилетия, говорим о том, что у нас построено бесклассовое социалистическое общество, но продолжение этого дела, построение коммунизма будет зависеть от того поколения, которое воспитывается сегодня в семье, в школе и в наших детских организациях.

Позвольте, товарищи, открыть нашу заводскую читательскую конференцию, посвященную обсуждению «Книги для родителей», и приветствовать ее автора А.С. Макаренко. (*Аплодисменты.*)

Слово имеет писатель Макаренко. (*Апл.*)

МАКАРЕНКО.

Товарищи, я никогда не думал раньше, что мне придется писать «Книгу для родителей», так как сам я не родитель, детей собственных у меня нет⁴ и никогда вопросами семейного воспитания, мне казалось, я заниматься не буду.

Но по своей работе в трудовых колониях и в коммунах за последние годы мне приходилось получать детей от родителей, [детей-] правонарушителей, преступных детей, уже не беспризорных, а главным образом из семей. Как вы сами знаете, в настоящее время у нас беспризорных нет, но дети, нуждающиеся в особом воспитании, в колониях имеются, и в последние годы мне главным образом присылали таких детей.

Поэтому я подошел вплотную к вопросам о тех явлениях, какие имеются в нашей семье. Сплошь и рядом мне пришлось сталкиваться с такими случаями, что в том, что ребенок вступил на преступный путь, виновата семья, но в большинстве случаев мне приходилось встречаться с другими вариантами, когда трудно было даже разобраться – виновата семья или нет, когда как будто и семья хорошая, и люди в семье советские, и ребенок неплохой, настолько неплохой, что у меня он становился хорошим на другой день после прибытия. А вот он совершил преступление. Он страдает на всю жизнь и семья – их жизнь испорчена.

Таким образом, я поневоле должен был задуматься над вопросом о семейной педагогике.

Последние два года мне пришлось исключительно уже работать с семьей. Я занимался исследованием и помощью семье в ее воспитательной работе. И вот у меня накопилось очень много впечатлений, наблюдений, опы-

та, мыслей, и я с большой, правда, трусостью, прямо скажу, приступил к этой книге.

Книга задумана в четырех частях. Пока вышла только первая часть.

Почему мне захотелось написать такую книгу? Казалось бы, чего проще взять и написать – воспитывайте так, так и так, дать определенные советы. В небольшой такой книжонке очень много можно сказать. А если возьмешься писать художественное произведение, давать иллюстрации приходится, очень много времени и бумаги тратить на описание детских игр, всяких разговоров и т. д. Почему я это сделал? Искусство воспитывать – это все-таки искусство, такое же искусство, как искусство хорошо играть на скрипке или рояле, хорошо написать картины, быть хорошим фрезеровщиком или токарем. Нельзя научить человека быть хорошим художником, музыкантом, фрезеровщиком, если дать ему только книжку в руки, если он не будет видеть красок, не станет за инструмент, за станок. Беда искусства воспитания в том, что научить воспитывать можно только на примере.

У меня было много десятков молодых педагогов, которые у меня учились. Я убедился, что, как бы человек успешно ни кончил педагогический вуз, как бы он ни был талантлив, а если не будет учиться на опыте, никогда не будет хорошим педагогом. Я сам учился у более старых педагогов, и у меня многие [учились].

Так же и в семье учатся сыновья и дочери у родителей будущей работе воспитания, часто даже для себя незаметно, так что педагогическое искусство может передаваться главным образом через образец, через пример, через иллюстрацию. Я поэтому пришел к убеждению, что и «Книга для родителей» должна быть написана в виде таких примеров, в виде художественного произведения.

Почему я боялся этой темы? Потому что ни в русской, ни и в мировой литературе нет таких книг, так что не у кого поучиться, как такую книгу писать. А взять на себя такую тему и задаваться, что вот я ее сделаю, у меня такой смелости не было. Я хотел написать книгу, думал – от нее хоть маленькая польза будет; а теперь, когда я встречаюсь с родителями, получаю письма – я получил около полторы тысячи [полтора тысяч. – Г.Х.] от родителей на эту книгу⁵, причем в этих письмах как раз родители не занимаются тем, что хвалят меня или ругают, а все пишут о своих детях – плохие дети или хорошие, почему такие, задают разные вопросы; т.е. мы имеем не переписку советского читателя и писателя, а переписку родителей с педагогом.

И вот, по всем этим письмам и моим многочисленным встречам с родителями я вижу, насколько этот вопрос глубок и важен, и чувствую свою обязанность не оставлять этого вопроса. Плохо будет дальше или хорошо, читатели скажут, может быть, я начну плохо, главная беда – начать, другой сделает потом лучше.

В первом томе я не хотел ничему поучать, я хотел только коснуться первого вопроса – о структуре семьи. У нас как раз в педагогике этого вопроса просто никто не затрагивал, а я по тем многочисленным примерам, которые я наблюдал, в особенности по примерам тех детей, которые ко мне попадали, вижу, что вопрос о структуре семьи, о составе ее, о характере имеет кардинальное значение.

Я уже писал в своей книге и сейчас скажу – через мои руки прошло таких семейных детей, вероятно, человек 400-500, и это редко были дети из многодетных семей, а в большинстве случаев – единственные дети. Отсюда для меня уже нет сомнения, что единственный ребенок является более трудным объектом воспитания. Конечно, есть случаи, когда и единственный ребенок прекрасно воспитан, но если взять статистику, то такой единственный ребенок в наших условиях – трудный объект для воспитания. Я и решил коснуться этого вопроса.

В первом томе я еще ни о какой педагогике, собственно, не говорю и поэтому решительно отвожу какие бы то ни было обвинения, почему о школе я не сказал, о чтении, о культурном воспитании и т. д.⁶ Не сказал, потому что это у меня будет сказано в других томах, я не мог сказать все в первом томе. Здесь я хотел сказать о структуре семьи.

Что я пытался сказать? Прежде всего я пытался сказать, что семья есть коллектив, т.е. такая группа людей, которая объединяется общими интересами, общей жизнью, общей радостью и общим горем. Я хотел доказать, что советская семья должна быть трудовым коллективом.

Во-вторых, я хотел коснуться нескольких тем, касающихся структуры этого коллектива.

Что меня в этой структуре заинтересовало? Прежде всего, величина семьи. Я являюсь сторонником большой семьи. Здесь я избрал семью Веткиных, исключительно сложную, вообще я здесь ничего не выдумывал, все это взято из тех многочисленных примеров, которые я наблюдал. Семья Веткиных – это действительный случай из жизни одного из моих друзей, правда, я фамилию изменил, так как он не дал разрешения писать о его семье⁷.

Большая семья, часто даже бедная, переживающая и нужду, и большую борьбу, и всякие лишения и неприятности, все-таки очень хорошая вещь, в особенности если отец и мать нормальные, здоровые и трудящиеся люди, если никто не пьянствует, никто никому не изменяет, нет всяких таких любовных происшествий, если все идет здорово, то большая семья – это очень замечательное явление, и сколько я таких семейств ни видел, люди из них выходят хорошие. В такой большой семье, где 12-13-14 ребят, стоит шум, хаос, ребята шалят, безобразничают, неприятности, огорчения, а все-таки к 17-ти-18-ти годам дети вырастают хорошие.

Вот я и описал такую большую семью вовсе не с той целью – вот как Веткин воспитал, учитесь у него, а только для того, чтобы кое-кому, может быть, аппетиту придать иметь большую семью. Это была моя цель – возбудить аппетит к большой семье, а показывать, как нужно эту большую семью воспитывать, я буду в других томах, а не в этом.

Точно так же я изобразил семью с единственным ребенком не для того, чтобы показать, как неправильно его воспитывают⁸, а для того, чтобы вызвать у читателя отвращение к единственному ребенку, чтобы и читатель побоялся иметь одного ребенка. У нас это очень распространено. Как говорят: заимеем одного ребенка и стоп. Говорят – будет лучше одет, обут, лучше будет питаться. А это нехорошо. Ему скучно, у него нет настоящего общества. Я показал, что происходит от этого. Это тоже вопрос структуры семьи.

Потом вопрос структуры семьи это вопрос о том, когда семья распадается. Наиболее болезненные явления – это, конечно, уход одного из супругов из семьи в другую семью. Я прекрасно понимаю, что мы не можем вернуться к старой норме, когда родители должны были жить всегда вместе, независимо от их отношений, как говорят украинцы – «бачили очі що купували, їйте хоч повилазьте». Я как раз на этом не настаиваю. Но все-таки я вижу по отдельным примерам, что уход из семьи у нас часто происходит легкомысленно. Если бы люди посерьезнее, построже к себе относились, если бы у них было бы больше тормозов, может быть, не уходили бы. Посмотришь, и любовь возвратилась бы. Любовь нужно тоже уметь организовывать, это не то, что с неба падает. Если талантливый организатор, то и любовь будет хорошая. Нельзя любить без организационных усилий.

Это отдельный вопрос, о нем можно отдельно говорить, но вот, например, мои коммунары так относились к «Ромео и Джульетте» Шекспира. Они говорили: «Плохие организаторы. Подумаешь, девушке каких-то порошков дать, потом хоронить, что это за организаторы? Потом кого-то послали с известием, не пустили в город. Плохие организаторы, вот и любовь плохая. А у нас такого Лоренцо так отдули бы на общем собрании, чтобы он таких фокусов не устраивал бы».

Коммунары были совершенно правы. У нас большая общественная ответственность, и поэтому мы можем лучше организовать наши чувства и нашу любовь.

Я получил писем сорок от мужей, платящих алименты, которые обрушились на меня со страшным гневом, как это я смел сказать, что алиментщик иногда враг по отношению к своему ребенку: «Что же, вы хотите восстановить старый нерасторжимый брак? А эту свободу – сегодня люблю одну, а завтра другую – зачеркнуть?»

Этого я не хотел сказать. Я хотел сказать, что там, где отец или мать уходят из семьи, там семья как коллектив разрушается и воспитание ребенка затрудняется. Так что, если вы чувствуете долг перед своим ребенком, то перед тем, как уйти, вы серьезно подумайте. Я всего не сказал в книжке, но вам по секрету скажу, что если у вас есть двое ребят и вы разлюбили вашу жену и полюбили другую, потушите ваше новое чувство. Плохо, трудно, но вы обязаны потушить. Можете вы стонать, но будьте добры, останьтесь отцом в вашей семье. Вы это обязаны сделать, потому что в вашем ребенке растет будущий гражданин, и вы обязаны пожертвовать в известной мере своим любовным счастьем.

К структуре семьи я отнес вопрос и о родительском авторитете. Я вовсе здесь не хотел говорить о том, как этот авторитет делать. Я хотел только показать, что если у вас нет авторитета или авторитет ложный, придуманный, фокусный, то у вас в семье идет все немного кувырком.

К структуре семьи я отношу отчасти и вопрос о половом воспитании.

Я не считаю, что должны быть особые методы полового воспитания. Я уверен, что половое воспитание есть отдельная отрасль дисциплины и режима. С этой точки зрения я и ввел главу о половом воспитании в этом томе.

Наконец, к структуре семьи я отношу также неправильное расположение семейных сил, если мать превращается в прислугу своих детей, – эта структура семьи неправильная, мать должна быть матерью, а дочь – дочерью. Ни в коем случае мать не должна быть только домработницей. Можно было больше сказать по этому вопросу, но я боялся чересчур раздуть книгу. Можно было сказать, что есть [если. – Г.Х.] мать обращается в простую прислугу, то дочь или сын живут как господа на базе труда матери, а с другой стороны, мать теряет прелесть своей личной жизни, полнокровной своей личной жизни, и поэтому как потерявшая эту полнокровность жизни становится матерью уже «второго сорта». Настоящей матерью, воспитывающей, дающей пример, вызывающей любовь, восхищение, желание подражать, будет только та мать, которая сама живет настоящей, полной, человеческой, гражданской жизнью. Мать, обращенная в прислугу, и есть только прислуга, раба, а не мать воспитывающая.

Я коснулся еще одного вопроса, касающегося структуры семьи, – вопроса о солидарности в семье, и хотел показать, что эта солидарность иногда на пустяках начинает разрушаться. Отец не съел пирога, сын этот пирог стащил. В этом мелком вопросе – а жизнь проявляется в мелких вопросах, – уже трещинка в семейной солидарности. У сына нет ощущения, что он и отец – члены одного коллектива и нужно думать не только о себе, но и об отце. В этой семье эта трещинка налезает из-за общественных явлений наводнения, но не всегда ведь будет наводнение⁹. Я хотел показать, что на такие трещинки в семейной солидарности нужно обращать серьезнейшее внимание, потому что в последнем счете неудачи в семейном воспитании всегда объясняются забывчивым отношением к мелочам. Думают люди – на крупном хорошо сделаем, а если сын съел пирог отца, этого не замечают, и здесь уже много теряют.

Повторяю, в этой первой книге я хотел только коснуться вопроса о структуре семьи и о тех причинах, которые эту структуру в той или иной мере разрушают, иногда катастрофически, как уход одного родителя в новую семью, иногда по мелочам, как история с этим пирогом.

Второй, третий и четвертый тома, – второй у меня сейчас закончен, третий, вероятно, будет написан зимой, а четвертый еще не знаю[, когда], – посвящаются вопросам воспитания воли и характера, воспитания чувства, т.е. эмоции нервов, воспитания чувства красоты, причем под этим я понимаю не воспитание чувства красоты неба, картин, одежды, а красоту поступков, эстетику поступков. Поступки могут быть красивыми или некрасивыми.

Все это, вместе взятое, по моему мнению, составляет фундамент большого, настоящего, гражданского политического воспитания.

В следующих томах я, вероятно, не буду делать никаких таких поучений от себя, – это может читателя очень раздражать и злить, – а буду давать только картину, а [и. – Г.Х.] пусть читатель как хочет, так и думает, потому что навязываться, поучать, как показал опыт этой книги, не всегда удачно, читатель иногда как бы отказывается от поучений.

Еще раз скажу, что трудно надеяться, что при помощи книг можно научиться воспитывать, но научиться мыслить, [под]толкнуть человека на эту арену воспитания, мне кажется, можно. Я только на то и рассчитывал,

что эта книга поможет читателям самим, на своих примерах, задуматься над вопросами воспитания и прийти к тем или другим решениям.

Вот все, что я хотел сказать в[о] вступительном слове. Теперь я послушаю вас, и если будут вопросы или замечания, в заключительном слове отвечу.

[П Р Е Н И Я]

ДОРТМАН.

Сейчас у меня дело немного осложнилось. Прежде чем послушать самого автора, я имел в виду совершенно другое. Для меня теперь книга стала понятнее, но тогда я не понимаю смысла этой конференции. Одно дело, если она имела целью пояснить читателям, что автор собирается делать в дальнейших частях книги. Для меня не ясно, чего автор хочет от данной конференции.

МАКАРЕНКО.

Автор приглашен на данную конференцию, что вы хотите от автора?

ДОРТМАН.

Мы хотим как раз то, что вы нам преподнесли. Во-первых, вы нас успокоили, что будут еще три тома, в которых мы, очевидно, найдем тот материал, который очень волнует нас, родителей. Вопрос, конечно, не о рецепте, как воспитывать ребенка, а в том, что вы натолкнете нас на мысль, как каждый родитель должен подойти в том или другом случае.

Скажу о книге. В книге есть очень много материала, сейчас, после выступления автора, книга сделалась более понятной, но на некоторых случаях я хочу остановиться.

Если взять вопрос о многосемейной [многодетной. – Г.Х.] семье. Об этой семье Веткина я хочу, чтобы автор дал точные пояснения. Автор на нас нагоняет аппетит, но надо сказать, что аппетит приходит во время еды. Автор хочет нас предостеречь от кустарей-одиночек. Я нахожусь посередине – у меня четверо ребят. Я считаю, что развивать сильный аппетит на этом примере рискованно. Нам нужны люди в советской стране, но не надо забывать сложность воспитания большой семьи. Я не понимаю, почему взята эта большая семья бывшего педагога, сейчас кузнеца, в 13 чел. Очень интересная семья. Я считаю, что эта книга – это не роман, а книга, наполненная одними фактами, взятыми из жизни, причем я чувствую, что из украинской жизни, [так] как сам украинец. (МАКАРЕНКО. Да).

Я, как председатель Совета содействия школы, встречаюсь не только со своими детьми, а еще с полутора тысячью примерно детей, и из этих встреч с детьми и с их родителями я беру материала, какой подход должен быть к этим родителям и детям.

Когда я взял книгу, я был страшно обозлен, что книга не дает того материала, который нужен, но сейчас, после предупреждения автора, я не имею права на это нападать.

МАКАРЕНКО.

В книге написано, что это только первый том.

ДОРТМАН.

Я хотел в первом томе получить то, что мне нужно.

Вообще вся моя подготовка в связи с[о] вступительным словом автора пошла насмарку. Я складываю оружие, без всякого боя сдаюсь. Я только буду просить автора, как можно скорее выпустить вторую книгу, с учетом писем, которые у автора имеются, и замечаний, которые будут сделаны. Это вопрос актуальный, настолько необходим, как воздух человеку.

Мы имеем очень много фактов, о них лучше всех знает сам автор, поскольку он был воспитателем в трудовых колониях. Очень много внимания уделяют этим вопросам партия и правительство, но очень мало уделяют внимания другие организации, как комсомольская, пионерская, педагоги, школа.

Вот, например, у меня имеется комсомольская газета от 11 апреля. Я ее храню как зеницу ока. Здесь затронут вопрос о том, что необходимо объявить борьбу грубости и хулиганству¹⁰. Все-таки я считаю, что очень мало мы занимаемся этими вопросами, а материалов по этому вопросу непочатый край в нашем Советском Союзе.

Надо учесть трудности для родителей, у которых много детей. И материальное положение неважное, и законы Советского Союза внесли известные трудности. Ребенка нельзя отдать на предприятие не только если ему 10-11 лет, но даже если 14-15 лет. Если ему 17 лет, то только через ЦК Союза с разрешения Здраводела и детских учреждений примут на работу. Ребенок не загружен работой, у него время свободное, он не знает, как его использовать, а автор как раз предусматривает случай, когда все дети загружены и не имеют возможности отвлекаться для безобразий. Поэтому я считаю, что если раньше бедные семьи своих детей отдавали на эксплуатацию для того, чтобы, с одной стороны, легче было жить, а с другой стороны, чтобы ребенок не катался по улице без дела, то в наших условиях совершенно другое. Правда, у нас много школ, детских яслей, садов, но что получается? Спрашиваешь родителей, у которых 3-4 детей, почему у вас такое положение? – Я работаю, жена работает, дети на произвол судьбы. – Для чего вы работаете? – Для того, чтобы воспитывать детей. – А вы их не воспитываете. – А как же, здесь обути надо, прокормить надо. Как видите, история разбивается на две части – одно дело прокормить, другое дело воспитывать. Я сказал – бросите работать, получите от этого только пользу. – Пользу, ты прав, придется жену освободить, а я буду работать, буду тянуть эту лямку.

Встречаешь довольно невзрачное положение в семье. Приходишь, не с кем разговаривать: отец пьян, а мать ломает руки, не знает, что делать со своими детьми, ей нужно воспитывать мужа, некогда воспитывать детей.

Так что здесь положение бывает очень разнообразное. Я считаю, что автор в следующих книгах должен дать какой-то рецепт, если не навязывающий, то по крайней мере вносящий ясность, чтобы можно было применить этот способ по желанию того или иного родителя, может быть даже общественной организации, которая захочет помочь родителям.

У меня было подготовлено много материала по школе. Я хотел сказать, как школа воспитывает детей.

Когда я очутился в школе, как совсод¹¹, передо мной встал вопрос – чем мы должны заниматься, так как Отдел народного образования и школа нам не дали соответствующих указаний. Мы с директором школы решили, что мы сами начнем работать. Я предложил вниманию директора такую формулу [форму. – Г.Х.] для заполнения. Мы решили взять самых худших учеников по дисциплине и не [и с ними. – Г.Х.] заниматься. Директор, который заинтересован в поднятии дисциплины в школе на известную высоту, дал распоряжение всем педагогам заполнить эту форму. Мы попросили дать характеристику о поведении в школе, успеваемости, о поведении на улице, о семейном положении, если оно известно, о том, что сделали пионерская и комсомольская организации.

Так Совет содействия школы подошел к воспитанию детей.

Бывали в школе такие трудные случаи. Мальчик безобразничает и говорит: я у вас ломаю пол, мешаю заниматься, дезорганизатор вашей школы, а вы меня не выгоняете. Я хочу, чтобы вы меня выгнали. Директор, наконец, обратился в ЛОНО, чтобы этого мальчика убрать. ЛОНО прислало обратно с предписанием – взять его и воспитывать. Этот мальчик хочет вырваться, все делает для этого, а его держат. Его выставляют в коридор, он мешает заниматься всему коридору, а не только своему классу.

Очень много таких больных вопросов, мы не знаем, как нам быть, что делать. Эта книга является началом очень трудной работы, но я считаю, что это дело в условиях Советского Союза все-таки разрешимо, если мы возьмемся помочь автору, во-первых, материалом, а затем поможем тот материал, который он преподносит нам, – проявить и донести до наших соседей, которые эту книгу, может быть, не прочитают или не поймут так, как мыслит сам автор.

БЕРЕЗНЕВ.

Товарищи, тот общественный резонанс, который вызвала книга Макаренко, эти полторы тысячи писем, полученные писателем от родителей, целый ряд диспутов, организованных на страницах печати, на предприятиях, в учреждениях, свидетельствуют о том огромном интересе, который проявляет к этой книге советская общественность, свидетельствуют о том, что налицо серьезное литературное произведение, мимо которого нельзя пройти спокойно.

В самом деле, книга волнует, книга заставляет очень много думать, книгу каждый читатель в уме дописывает после того, что [как. – Г.Х.] он прочел тот или иной пример, у него естественно возникает потребность эти примеры развить дальше, применительно к тем фактам, которые он наблюдает сам.

Это свидетельствует о том, что книга произвела необходимый эффект, достигла цели.

Мне кажется, что книга неровно, неодинаково написана, и мне наиболее врезались в память и оставляют наиболее сильное впечатление своей убедительностью три эпизода, изложенные в этой книге.

Это, во-первых, воспитание, которое дети получают от Николая Николаевича Вабыча¹², который отвешивает гривенники на трамвай своим детям. Это такой черствый сухарь, в котором [который. – Г.Х.] иногда в каждом из нас живет, который точно высчитывает, сколько надо ребенку на кино, вызывая большое раздражение против себя со стороны своего ребенка. Этот факт показан ярко, выпукло и настолько ярко критично, что позволяет каждому из нас в той или иной мере узнать себя, и это действует, как ушат отрезвляющей воды, потому что написано очень хорошо. Такие родители, вероятно, войдут в память своих детей как может быть войдут в нашу память те два кассира, которые сидят у нас [на заводе], выдают зарплату, но никаких эмоций не вызывают. Завтра будут другие кассиры, и мы этого даже не заметим. Создается такое охлаждение к родителям, и в этом большое педагогическое значение этого эпизода.

На меня лично произвел большое впечатление еще и рассказ о том, какое чудовище воспитали Кетовы¹³. Помните, вероятно, этого единственного замечательного сына, такого умного, такого способного, такого прекрасного сына. Заслугой писателя является то, что как ни присматриваться к тому, как написан этот эпизод, не заметишь никакой передержки. В других местах это есть.

Все идет хорошо. Замечательные родители, прекрасные советские люди, очень серьезно подходят к вопросам воспитания, серьезно воспитывают ребенка, вкладывают в него всю душу. Ребенок растет без малейших уродливых отклонений, все в порядке, и совершенно закономерно вырастает то чудовище, которое гораздо больше сосредоточено на необходимости достать пятерку, чтобы пойти в театр, чем на то, что отец его, по сути дела, умирает. При такой структуре семьи совершенно закономерно, неизбежно вырастет то, что выросло из этих Кетовых.

Этот эпизод мне представляется убедительно сделанным.

Наконец, третье – Евгения Александровна Жукова, брошена с двумя детьми своим мужем¹⁴. Хотел Макаренко или не хотел, но по сути дела затронул и другую проблему, мимо которой мы часто проходим – что же с этой женщиной, которая осталась с двумя детьми? Здесь показано, какая огромная ломка для детей, когда семья разбивается, после того, как она получает записку: «Катя, я люблю другую, прощай, 200 рублей будешь аккуратно получать». Здесь затронуто не только то, что происходит с детьми, но вместе с тем показано и другое, над чем я впервые задумался, несмотря на то, что это мимо меня проходило каждый день.

Что получается с молодой, здоровой, интересной женщиной, у которой двое детей на руках и к которой кто-нибудь [никто. – Г.Х.] не рискует близко подойти, потому что не рискует взять на себя всю тяжесть большой ответственности воспитания детей, да к тому же чужих детей, что гораздо труднее, чем воспитывать детей, с которыми растешь [которых растишь. – Г.Х.] с самого раннего момента. Вот этот тупик, глухая стена, которая образуется у этой женщины. Читатель как-то радуется, когда в конце концов ей повезло, приехал из Саратова этот человек, с которым она сходится и живет. Радуешься, что так произошло, хотя чувствуешь, что это не столько произошло потому, что это закономерно, сколько потому, что писатель Макаренко этого захотел. Это, конечно, ни в какой мере не снимает очень яр-

кого образного показа этой стены, которая оказалась перед этой женщиной, когда у нее на руках осталось двое детей.

Показаны хорошо еще некоторые моменты. Есть, конечно, ряд недостатков, которые, надо сказать, в значительной мере сглажены вступительным словом.

Это вступительное слово не дает возможности шире размахнуться, потому что дан большой аванс. Мы подождем выхода книги, которую мы будем читать с большим интересом, но заранее мы не можем говорить о тех книгах, которые еще только выйдут.

Но уже в том, что есть, имеются известные недостатки. Я думаю, что писатель Макаренко будет нам больше благодарен, если мы постараемся эти недостатки показать, чем если будем хвалить то, что он сам признает, как удавшееся.

К этим недостаткам я отношу следующее.

Во-первых, когда пишется книга, надо иметь представление, научное это произведение или художественное. Между тем и другим существует известная грань, выражающаяся в том, что научное произведение дает обобщения, доказательства, анализирует явление, а художественное произведение не доказывает, а показывает, действует образами.

А здесь имеется такое сочетание в этой книге. Когда я шел на конференцию, я видел статью Шкловского, который говорит, что это законное право писателя¹⁵. Нас интересует не эта сторона вопроса, а другая: выигрывает от этого произведение или проигрывает. Мне думается, что проигрывает, потому что гораздо убедительнее звучат доказательства, представленные в фактах, портретах, образах.

Возьмите такое произведение, как «Война и Мир» Толстого. Все-таки наиболее слабой частью являются те места, где Толстой переходит к философским рассуждениям, и не только потому, что здесь отражена сама слабость к этой [слабость этой. – Г.Х.] философии, но и потому, что сам по себе такой способ менее убедителен, чем аргументация образами.

Когда ищешь в этом произведении, как оно называется, – рассказ, повесть, роман – нигде ответа не находишь – «Книга для родителей». Я думаю, что при том богатстве образов, которое дано в этой книге, если бы писатель Макаренко ее доработал, он имел бы возможность те практические сентенции, которые он тут разбрасывает, подать через образы в более густом и ярком виде, или через рассуждение персонажей, которые у него фигурируют.

Теперь относительно самого показа нашего воспитания, который дан в этой книге.

Мне лично кажется, что писателю Макаренко значительно больше удалось показать, как не надо воспитывать, нежели как надо воспитывать. Я думаю, что это старая песня, которая относится ко всей нашей советской литературе, которой вообще с трудом даются положительные образы и которая гораздо легче и более выпукло дает образы отрицательные. Можно указать только одного Николая Островского, у которого отрицательные персонажи оказались менее удачные, чем положительные¹⁶. Обычно бывает наоборот.

Если тов. Макаренко показывает, как Назарова берет на буксир Кандыбин и тот превращается в хорошего родителя¹⁷, то я верю тов. Макаренко, что такой факт был, но меня в художественном отношении это не убеждает. Убедительно этот факт до читателя не дошел.

Или возьмем этого Назарова, которому лет 6, который в школу не ходит и имеет у себя ключ от квартиры. Я думаю, что я по этому пути не пойду, вам не рекомендую, и если бы у тов. Макаренко были дети, я бы и ему не рекомендовал. Тогда преступники дали бы пароль – ребята равняйтесь на 6-ти летних пацанов, и в квартирах ничего не останется. Здесь Макаренко идеализирует и убедительно не показывает, как создается такое положение, что ребенку 6-ти лет можно доверить ключ от квартиры.

Еще менее убедительно получается в истории с Тамарой Коробовой¹⁸. Вначале она вызывает не только раздражение, возмущение, но и в ней чувствуешь потенциального врага. Писатель Макаренко этого не скрывает, и когда является этот знаменитый фрезеровщик Стоянов, он прямо обращается к Вере Игнатьевне и говорит – врага воспитываешь. Проходит несколько страниц, обругал Стоянов эту девчонку, и вдруг такие чудеса – эта девица превращается во что-то совершенно несусветное. Получается, что ребенок испорчен воспитанием может быть полутора десятка [в течение полутора десятков. – Г.Х.] лет, а вдруг пришел этот Стоянов, поговорил и сразу все трудности, – а они несомненно огромнейшие, – разлетелись. Это получается неубедительно.

Вы говорите, что вы не собирались в этой книге давать рецептов, но вы все-таки показали исходное положение и последующее. Нас, родителей, это прежде всего интересует. Что бывают плохие дети, из которых можно сделать хороших, это мы знаем, а как – это тот вопрос, который у многих, очевидно, останется недоуменным до следующей книги. Не о рецептах речь идет, а об указании конкретных живых примеров, которые сами раскроют пути подхода к детям, чтобы ясно понимать, как их воспитывать.

В заключение относительно Веры Игнатьевны Коробовой. Хотя это, видимо, не составляло задачи автора, но он хорошо сделал, что показал тип скромного работника, о которых говорил Сталин¹⁹, о малых и средних командирах, честнейших тружениках, которые делают большое дело культурно-политического воспитания. Этот тип удался хорошо писателю Макаренко, и он, несомненно, на нашем заводе многим хорошо известен.

Я кончаю тем, что я лично книгу Макаренко использовал и использую очень хорошо в практических целях. Я думаю, что это делают и другие многие читатели. Писатель Макаренко вооружил нас, особенно меня, который является в семье сторонником многосемейности [многодетности. – Г.Х.], дал возможность иметь больше веских аргументов.

Тов. Макаренко показал нам необходимость воспитания тормозов у детей, чего очень часто недооценивают. У нас часто говорят – не надо раздражать ребенка, он хочет пойти по грядкам, пусть пойдет, не надо раздражать. Правда, в статье, которую он недавно опубликовал²⁰, он меня лично удивил тем, что там большой гром и довольно малый дождь о необходимости наказания. (МАКАРЕНКО. Гром мой, дождь не мой.) В сущности там и наказания ничего [никакого. – Г.Х.] не было.

Наконец, последнее, меня признаться несколько удивило то, что писатель Макаренко, работая на материале трудовых коммун, организованных в свое время ОГПУ, не взял исходных позиций для своей книги из чрезвычайно ценных педагогических указаний Феликса Дзержинского о том, как надо воспитывать детей и чего не надо в них воспитывать из его записок в тюрьме. Если в последующих книгах писатель Макаренко возьмет эти мысли исходным своим положением, то можно заранее представить, какой большой интерес представят эти его книги. *(Апл.)*

СВИРИДОВ.

Товарищи, воспитание поколения социализма и коммунизма это, конечно, большая проблема. Ее, конечно, не разрешит тов. Макаренко сам, мы ему в этом деле должны помогать, и в этой части придется, конечно, годы и годы работать всей нашей стране, всем родителям.

Я, товарищи, хочу начать с таких зарисовок. У меня сейчас двое детей – мальчик 8-ми лет и девочка 11-ти лет, и недавно народилась еще одна девочка. Таким образом, у меня уже трое.

Когда дети стали подрастать, я задал себе вопрос, как их воспитывать, что из них может выйти.

Когда я начал возвращаться к своему детству, к своему воспитанию, то, конечно, мне было очень горько думать, чтобы мои дети так воспитывались, как я. Я воспитывался очень тяжело. Отец у меня был грузчик и, надо сказать, – большой пьяница, мать была прачкой. Нас было 7 детей, один одного меньше, и вот мы в этом мешке и воспитывались как котята. Кто куда. Когда мне было лет 6-7, я с утра уходил на Дон, брал с собой кусок хлеба, там купался и делал все, что хотел. Придешь домой, мать посылает искать отца. Ходишь, ищешь по трактирам, где отец пьяный валяется. Приходит отец домой, начинается побоище матери. С 14-ти лет я работал на заводе, потом попал на империалистическую войну, а потом на войну гражданскую. Весь этот тяжелый путь моего воспитания поставил передо мной такой большой вопрос – как же я буду воспитывать своих детей.

Надо сказать, товарищи, что у тов. Макаренко очень интересно описана семья Веткиных. Меня там очень обрадовали такие штрихи, что жена очень веселая, является большим другом для своего мужа. Но, товарищи, когда вы будете иметь другую картину, когда жена отсталая, не может по своему пониманию вникнуть в целый ряд культурных вопросов, тем более по части воспитания детей и т.д., то это очень трудно.

Вот у меня такой именно конфликт и имеется. Я жене говорю – давай общими силами воспитывать детей, примерно по такому методу, путем ласки, путем убеждения и т.д. Соглашается. Но как только у детей какой-нибудь проступок, мать начинает пускать в ход кулаки, дает подзатыльники.

Однажды произошел такой случай – ребенок запачкал книги, пальто, пришел грязный. Она разозлилась, кричит – я на тебя стирать буду и т.д., начинает репрессии применять, настаивать, чтобы поставить в угол на час-полтора. Я не соглашался с этим, стал ее убеждать, а она не соглашалась со мной, я взял и ушел. Прихожу, ребенок стоит в углу. Я вызвал ее в коридор,

говорю – нехорошо, брось, ты в нем чувство унижения воспитываешь. Убедил ее. Ребенок с большой радостью ушел.

Вот такие факты. Когда я прихожу домой, я с детьми очень много беседую. Сын очень интересуется не только жизнью советской страны, тем, как мы работаем на заводе, но часто очень настойчиво требует, чтобы я ему рассказал о прошлой жизни. Он, например, задает вопрос – что из себя представляет буржуй, расскажи, как ты этих буржуев убивал, как строил советскую власть. Начинаешь ему рассказывать, это ему очень интересно. Таким образом, он у меня уже сейчас имеет кое-какое представление о том, как мы жили раньше, что такое капиталист, буржуй, за что мы воевали, почему у нас советская власть и т.д.

Правда, он меня сейчас и ругает, вот за что. Почему ты, папа, был военным, был в армии Буденного, Ворошилова, и теперь не военный. Фашисты будут с нами скоро воевать, а ты не военный. И сам хочет быть военным. Это, видимо, такая психология у детей. Он всегда вооружен ногантом, как он его называет, всегда строгаёт сабли, они играют на двое в войну.

Я ему разъясняю, что не всем быть военными, надо кому-нибудь работать на заводах, чтобы создавать обувь, одежду, станки и т.д. У него сейчас такое настроение, что он хочет быть, конечно, инженером.

С дочерью другая постановка. Дочь обязательно хочет быть, видимо, балериной. Она очень хорошо сложена, танцует. А сейчас она как будто зав. детским садом или его филиалом. Она всегда собирает детей меньше себя возрастом, расставит столики и организует примитивный детский сад, начинает их воспитывать в духе коллективизма. Вероятно, из нее получится все-таки организатор, который будет заниматься, возможно, воспитанием детей.

[МАКАРОВ.]

Слово имеет тов. Макаренко.

МАКАРЕНКО.

Я очень благодарен всем за указания и говорю это не для комплимента, а по существу. Дело в том, что это первое обсуждение моей книги на заводе. До сих пор мне приходилось разговаривать с педагогами, главным образом, и случайными читателями в Политехническом музее²¹ и т.д. Я очень рад, что моя книга вызвала справедливое отношение, не хвалебное, а деловое, что для меня наиболее важно.

Я, собственно говоря, книгу хотел написать исключительно с точки зрения ее пользы, и поэтому не думал о ней как о художественном произведении, которое принесло бы мне славу. Я прекрасно понимаю, что на такой теме писательской славы не заработаешь и, как ни напишешь, все равно будут ругать. Чтобы приобрести популярность, для этого есть много легких тем, где можно развернуть свои писательские склонности. Эта тема острая, деловая, и я к ней так и подхожу.

Я очень рад, что вы в лице вашего председателя тов. Макарова высказываете желание и дальше продолжать работу вместе, и даже призываю вас. Давай[те] при вашем заводе откроем постоянную работу по организации семьи.

Будем хотя бы каждую шестидневку собираться. Эта работа будет иметь значение и поможет также не только вам, а поможет и всему советскому обществу, прежде всего московскому. Это вопрос чрезвычайно политически важный и жизненный. Неудачно воспитанный ребенок – это, прежде всего, сам человек несчастный и несчастные родители. Это – горе значит. Правильное воспитание – это организация счастья. Поэтому не стыдно потратить на такое дело какие угодно силы.

Я, прежде всего, отвечу на ваши пять вопросов.

Есть ли возможность родителям написать книгу под моей редакцией? Я не знаю. Книгу надо написать для широкого читателя. Проще всего мне было бы сказать: конечно, можно, давайте напишем. Но для того, чтобы написать книгу так, чтобы другой читатель читал с интересом, увлекся, надо все-таки написать, а как написать, какой будет язык книги, все будет зависеть от вашего таланта. Если найдутся люди, которые способны написать хорошо, ярко, интересно, книга получится, но, чтобы я стал писать вместо вас – не годится. Так что, если есть у вас литературный кружок, если будет подходящий материал, я готов отдать силы на редактирование и помощь, и уверен, что Гослитиздат в печать такую книгу примет.

Теперь насчет обсуждений моей рукописи. Дело в том, что хороший сценарий имеет 70-80 страниц, а в моем втором томе будет 300-400 страниц. Так что это очень трудно, хотя я готов в отдельных выдержках у вас прочитать, но думаю, что всю книгу прочитать невозможно.

Теперь следующий важный вопрос. Почему, в самом деле, я должен писать книгу, что нехорошо ругаться, а вы на заводе здесь молчите? Вы должны и обязаны поднять кампанию. Я уверен, что у вас на заводе найдется процентов девяносто таких людей, которые, хотя сейчас сами ругаются, эту кампанию поддержат.

Следующий вопрос о детской литературе. Завтра в два часа дня в редакции «Литературной газеты» заседание совместно с Детгиздатом о том, какой должна быть книга для детей, где я делаю доклад²². Приходите завтра, требуйте от имени завода, и ваш голос прозвучит лучше, чем голос любого писателя, потому что вы будете говорить от имени многотысячного коллектива вашего славного завода.

Теперь о некоторых вещах, затронутых вами. Я не стану оправдываться по отдельным указанным недостаткам, особенно художественным. Тут нельзя оправдываться. Я получаю сотни писем, и нет ни одного места [в книге], о котором бы все одинаково говорили: один говорит – это лучше всего, другой – это. Здесь читатель пусть судит как хочет, а я буду говорить по педагогическим вопросам.

Я коснусь нескольких тех тем, которые я разрабатываю во втором томе, который вы прочтете, когда Гослитиздат издаст, а он не очень быстро издаст: «Педагогическую поэму» полтора года издавал. Давайте будем говорить о педагогике.

Здесь я, прежде всего, остановлюсь на вопросе, поднятом одним из ораторов, о том, что воспитание человеческое предопределяется в младшем возрасте до пяти лет. Каким будет человек, исключительно зависит от того, каким вы его сделаете на пятый год его жизни. Если вы до пяти лет не воспита-

ете как нужно, [то] потом нужно перевоспитывать. Казалось бы, какие могут быть события в жизни мальчика до пяти лет. Водку пить он не будет, хулиганить не будет, матюгаться не будет, казалось бы, [все] хорошо. А в десять-одиннадцать лет все это начинает расцветать полным цветом, и родители ищут, кто испортил мальчика. Сами они его регулярно портили от первого до пятого года.

Этой теме я посвящаю половину своего второго тома. У меня не было собственных детей, но чужих я в своей семье воспитал все-таки как своих, так что известный опыт у меня есть, но не обязательно писать о своем опыте, я писал, как другие воспитывают – хорошо или плохо.

Нельзя думать, что до пяти лет должны быть какие-то особые принципы воспитания, отличные от принципов воспитания в десятилетнем возрасте. Принципы те же самые.

Главный принцип, на котором я настаиваю, – найти середину – меру между воспитанием активности и воспитанием тормозов. Если вы технику этих двух вещей хорошо усвоите, вы всегда хорошо воспитаєте вашего ребенка.

С первого года, даже с первых месяцев ребенка нужно так воспитывать, чтобы он мог быть активным, стремиться к чему-то, чего-то требовать, добиваться, обязательно требовать, чтобы он не просто спал спокойно и был доволен своим спокойным состоянием, а чтобы мог требовать, кричать, пищать, добиться, и в то же время так нужно воспитывать, чтобы у него постепенно образовывались тормоза для таких его желаний, которые уже являются вредными или уводящими его дальше. Найти это чувство меры между активностью и тормозами – значит решить вопрос о воспитании. Это можно доказать примером из сегодняшних выступлений.

Вот говорили, что не нужно давать детям деньги, потому что они будут разворачиваться и тратить как угодно и куда угодно. Да, конечно, в том случае, если вы дадите детям деньги и позволите тратить как угодно и сколько угодно, вы воспитаєте только активность, а тормозов не воспитаєте. А вот надо так давать деньги, чтобы они могли тратить, куда хочу – юридически, а на самом деле, чтобы на каждом шагу тормозили свое желание.

Только при таких условиях карманные деньги принесут свою пользу. «Вот тебе рубль, трать куда хочешь», – и тут же рядом воспитывать такое чувство, что, хотя можно купить мороженое, и [но. – Г.Х.] взял и купил что-нибудь другое.

Это воспитание активности и тормозов должно начинаться с первого-второго года. Если ваш мальчик что-нибудь делает, а вы говорите на каждом шагу – не бегай туда, там травка, не иди туда, там мальчики тебя побьют, вы воспитываете только одни тормоза. В каждой детской шалости вы должны знать, до каких пор шалость нужна, выражает активность и здоровое проявление энергии, и где начинается плохая работа тормозов и силы тратятся впустую. Каждый родитель, если захочет, научится видеть эту середину. Если вы этого не увидите в своих детях, вы никогда их не воспитаєте. Нужно только начать искать это чувство меры, и маленький опыт в течение месяца вас научит находить. Вы всегда поймете границу, где активность должна быть остановлена тормозами самого ребенка, воспитанного вами.

Сюда же относится вопрос, который вызвал сомнение у многих читателей, в особенности у педагогов. Как это так, говорят, Тамара была плохая, потом вдруг пришел фрезеровщик, и она стала хорошая. А я говорю, что именно так и бывает. Если человек растет так, что ему удержу никакого нет, его можно затормозить только таким образом. Я как раз являюсь сторонником такого быстрого торможения. Я на своем веку перековал много сот, даже до двух тысяч людей. Это можно делать только взрывом, атакой в лоб, без всяких обходов, без всяких хитростей, решительным категорическим потоком требований. Это не значит, что надо брать человека за шиворот и его вертеть.

Пока я был молодым педагогом, я старался каждого беспризорника обходить, разговаривать, изучать, думать за него. Он отвечал и сейчас же крал, убежал, и все приходилось начинать сначала.

Вот возьмите Вершнева²³. Он сейчас главный врач в больнице Комсомольска-на-Амуре. Он меня три раза обкрадывал, пока я догадался поступить гораздо круче – поставил вопрос ребром. Моя такая медленная забота о нем проявилась в том, что он поступил на рабфак Медицинского ин-та, но и оттуда убежал. Я поймал его в Ростове, привел к себе, кулаками стучал, потом крыл, извините за откровенность, хотя никогда не ругаюсь. Я решил здесь, что решил его крыть матом, потому что другие слова на него не действуют. Я преследовал его до тех пор, пока не добился того, что он только меня боялся, и больше ничего. (*Голос*: Слово боялся – случайное?) Нет, иногда бояться не плохо. Дело в том, чтобы он боялся [не] моих побоев, а моего негодования, осуждения. В дальнейшем я уже понимал, что нужен взрывной метод. В Харькове в течение часа приходят 5-6 скорых поездов, и в течение нескольких часов мы собрали 30-40 чел. беспризорников. Я их оставлял на ночь под стражей, оставлял двух-трех ребят для разговоров, и им говорили – за вами завтра придут.

На следующий день в 12 час. я приводил к вокзалу всю коммуну – 500 чел. в парадных костюмах, со знаменем, с оркестром в 60 чел., выстраивал их против вокзала, и когда беспризорники выходили, не зная ничего, мы салютовали и играли марш – так встречали 30 новых товарищей. Им как колом по голове. Потом их строили в пары и через весь город провожали с маршем. На тротуарах режут женщины. Потом их везут в баню, и пока они купаются, мы ждем. Они выходят стриженные, бритые, в таких же костюмах, становятся рядом, мы перед ними всю их одежду поливаем керосином, устраиваем костер. Потом приходит дворник, все это замечает, и я говорю – вот все, что унесли, это все, что осталось от вашей прежней жизни.

Это было взрывом, производило страшное впечатление. Из них $\frac{3}{4}$ с этого часа становились хорошими мальчиками – ласковыми, вежливыми, приветливыми, и они считались со всяким словом, которое потом мы говорили, принимая это как нерушимый закон, потому что это шло от той организации, которая так парадом, оркестром, салютом 2-х тысячной толпы встречала их на Харьковском вокзале.

Так и в индивидуальном порядке. Если были случаи счастливого перелома личности, то только путем взрыва, но никогда не постепенно.

Потом иногда бывало, что если [воспитанник] украл три рубля, пришел с душком, выпил, я делал вид сначала, что ничего не замечаю, как будто все благополучно. Я жду, пока соберется основательный материал, и тогда под-

нимаю шум на всю коммуну. На общем собрании он выходит посередине, требуют его выгнать немедленно, перед ним стоит опасность, что его выгонят, а потом его немного накажут, и он считает, что счастливо отделался.

Так и с Тамарой. Такие случаи я наблюдал и в семейной жизни. Если ваш ребенок разболтался, не думайте, что вы его постепенно исправите. Нужно как-то умеючи накопить материал и потом поднять настоящий крепкий процесс, такой, чтобы мальчик или девочка понимали, что вы в гневе, доведены до крайнего возбуждения, что вы решительно решили прекратить это, и вы увидите, как ваш сын или дочка станут на ноги. Многие в это не верят, но попробуйте!

Но, конечно, я говорю: такой способ – это крайняя мера, и вообще перевоспитание в семье дело очень трудное. Я смог перевоспитать 500 чел. один, а в семье перевоспитать ребенка очень трудно. Поэтому в семье чрезвычайно важным является воспитание до пяти лет.

Теперь второе положение, на котором я настаиваю. Многие думают, что воспитание состоит в цепи мудрых и хитрых приемов, а я решительно возражаю против этого. Я считаю, что приемов мудрых и хитрых нет. Если кто-нибудь долго пользуется такими приемами, он часто воспитывает очень плохо.

Я недавно натолкнулся на одном совещании пионервожатых на такую картину. Несколько звеньев пионерских отрядов соревнуются между собой в том, кто составит лучший альбом об Испании. Все пионервожатые в восторге, что они делают хорошее педагогическое дело. Я посмотрел на эту работу и сказал: кого вы воспитываете? В Испании ужас, трагедия, смерть, геройство, а вы заставляете ножницами вырезывать [вырезать. – Г.Х.] картинки «жертвы бомбардировки Мадрида» и устраиваете соревнование, кто лучше наклеит такую картинку. Вы воспитываете так хладнокровных мерзавцев, которые на этом страшном деле испанской борьбы хотят подработать себе [баллов] в соревновании с другой организацией. Только хладнокровных циников можно так воспитать.

Я помню, как у меня возник такой вопрос о помощи китайским пионерам. Я сказал своим коммунарам: хотите помочь – отдайте половину заработка. Они согласились. Получают они 5 рублей в месяц, стали получать 2 р. 50 коп. Так они отдали сознательно свой труд в пользу пионеров без фасона, без шика, как здесь когда этот альбом делали. А им казалось, что они делают замечательное педагогическое дело, дают политическое воспитание. Казалось бы, у них педагогическая логика есть. Я видел девчонок, которые дома говорят матери: почему у Лиды крепдешиновое платье, а у меня нет? Почему вы идете на «Анну Каренину», а я нет, вы все видели, а я ничего не видела. Эта девочка, наверное, вырезывает [вырезает. – Г.Х.] картинки «жертвы бомбардировки Мадрида», и там получает политическое воспитание. И там и там она просто хищник.

Эта самая мудрая педагогическая логика, которая думает, что вот это средство хорошо, потому что тут такое рассуждение можно применить, часто подводит.

Между прочим, я считаю, что, если родители получают удовольствие, ходят в театры, ходят в гости, шьют себе хорошее платье, то это и есть хорошее воспитание. Родители на глазах у детей должны жить полной радостной жиз-

ню, а родители, которые сами ходят обтрепанные, в стоптанных башмаках, отказывают себе в том, чтобы пойти в театр, скучно добродетельно жертвуют собой для детей, – это самые плохие воспитатели. Сколько я ни видал хороших веселых семейств, где отец и мать любят пожить, не то, что[бы] развратничать или пьянствовать, а любят получать удовольствие, там всегда бывают хорошие дети. У вас растет мальчик. Ему три-четыре года, пять-шесть лет, он каждый день видит перед собой счастливых, веселых, жизнерадостных отца или мать, к которым люди приходят в гости, и [если] тут же в присутствии вашего пятилетнего вы поставите графин с водкой, не напивайтесь пьяным, но чтобы было весело, никакого вреда от этого нет. Это самочувствие родителей является, с моей точки зрения, главным методом воспитания.

Я в своей коммуне применял этот метод. Я был веселым или гневным, но не был никогда сереньким, отдающим себя в жертву, хотя много отдал жизни и здоровья коммунарам, из-за них не женился до 40 лет. Я никогда не позволил себе сказать, что я собой для них жертвую. Если вы будете такими счастливыми, это очень хорошо. Я чувствовал себя счастливым, смеялся, танцевал, играл на сцене, и это убеждало их, что я правильный человек и мне нужно подражать. Ведь метод подражания во [в. – Г.Х.] воспитании главное. Как же ребенок будет вам подражать, если вы будете все время с кислой физиономией, с таким видом, что вы жертвуете вашей жизнью.

Если вы будете жить полной, жизнерадостной жизнью, в таком случае вы найдете правильные приемы, особенно если будете помнить, что вы должны найти меру между активностью и тормозами. Если вы веселы, жизнерадостны, не скучаете, не тужите, даже если трудно, то вы так же весело скажете – нет, стоп, этого делать нельзя. Вы не позволите себе сесть и сказать:

– Детка, я тебе расскажу, как нужно жить, вот ты этого не делай.

А нужно прямо сказать:

– Этого больше не делай, баста.

– Почему?

– Вот потому, что я не позволяю.

Это будет сильнее действовать, потому что весь авторитет вашей жизни будет поддерживать ваши требования.

Тут разрешается и другой вопрос, который задавали, – жена и муж. Я стараюсь их не разделять, в конце концов – это одна сатана. Но если они как-то расходятся между собой, то весь процесс воспитания становится под удар. Если у вас жена отсталая, женились случайно на отсталой, то почему вам не выбрать жену не отсталую. Вы уже отвечаете за воспитание детей, когда выбираете жену. Я от своих коммунаров настойчиво требовал: влюбился, этот человек будет матерью твоих детей, если будет хорошей матерью – влюбляйся дальше, а если ты видишь, что она не способна воспитать детей, – тормози назад!

Допустим, вы уже выбрали себе жену отсталую. Прежде всего, что такое отсталая? Вы читаете газеты быстро, а она медленнее. Научите ее грамоте. Но вопрос не в этом. Для воспитания детей не так важно, насколько ваша жена развита по сравнению с вами. Надо, чтобы ваша жена и мать [ваших детей] была тоже довольна жизнью. Пусть она радуется своей жизни. Если вы поднимете жену до себя, то поднимайте так, чтобы это ей доставляло удоволь-

ствие, а если вы будете делать так, что я высокий, а ты поднимайся, никакой воспитательной работы не будет. Пускай она поднимается весело, пускай это будет для нее радостью, а если вы не можете это сделать с радостью, то не поднимайте, пускай она останется на этом узком [низком. – Г.Х.] уровне, но пускай живет полной человеческой жизнью. В таком случае тот, кто выше, пускай найдет в себе мужество не очень гордиться своей высотой и не показывать ее на каждом шагу. Пускай он всем своим поведением доставит своей жене радость.

У меня есть новелла, которая называется «Секрет воспитания»²⁴. Там секрет воспитания заключается в том, что он [муж. – Г.Х.] всегда хотел жене дать счастье, и поэтому дети у него были прекрасные. Везде, где муж хочет жене счастья, а жена – мужу, там дети хорошие, – конечно, если дело не [sic!] идет о двух толковых людях. Есть известный предел интеллекта у родителей, ниже которого опускаться нельзя. Два каких угодно счастливых дурака едва ли воспитают хорошего ребенка. Все-таки известный интеллект – ум, рассудок, активность, внимание должны быть.

Здесь и вот я [И вот здесь я. – Г.Х.] вернусь к тому утверждению, которое некоторые неправильно поняли, – насчет жены «второго сорта». Я не покажусь вам отсталым человеком, если скажу, что мать, которая не работает на заводе или в конторе, но воспитывает четырех детей дома, делает большое, хорошее дело, и говорить о том, что она не занимается общественной деятельностью, что она – «второй сорт», нельзя, это преступление. У нас в литературе, даже в официальной литературе, в газетах, даже во всяких постановлениях партии ясно было сказано, что мать, воспитывающая двух-трех детей дома, совершает большое государственное и общественное дело, и упрекать ее в том, что она не ходит на завод, никто не имеет права, но нужно, чтобы она жила общественной жизнью. Пусть она читает книги, работает в домкоме. Вот идет кампания по выборам в Верховный Совет, пусть найдет такой кружок, где она будет работать. Но не обязательно, чтобы она была на производстве, потому что здесь она будет общественницей. Какая общественная работа, если она дома детей не видит, на заводе сидит 8 часов за станком, знает только свое дело, а потом приходит домой, моет посуду и стирает белье. Все, она здесь не общественница.

Я называл женой «второго сорта» ту жену, которая дома обращается в прислугу.

Тут мы переходим к вопросу о трудовом воспитании.

В моей теореме об активности и тормозах без трудового воспитания обойтись нельзя. Здесь затронули вопрос о мальчике, который говорил: ты мне игрушек не покупаешь, ты плохая мать. Мальчик говорит правду, это плохая мать, потому что у хорошей матери такого вопроса мальчик не задал бы. Не надо стесняться сказать:

– Да, мы бедные, меньше зарабатываем, не можем купить. Вырастешь, поможешь, купим или я стану больше зарабатывать, ты помоги, помой посуду, а [я] книжку читаю, поступлю, подготовлюсь.

Надо, чтобы это было общее семейное дело, и тогда ребенок не скажет: ты плохая мать.

Если вы знаете вашего мальчика и любите его, вы найдете также слова, чтобы объяснить ему:

– Мы с тобой живем вместе, у нас общие дела, общие радости, и ты не думай, что если я тебе не купила лошадку, это только для тебя горе, это наше общее горе. Поэтому давай добиваться лучшей жизни, помоги мне, чтобы я хотя бы нервы не трепала.

С двух лет ребенок должен быть членом коллектива, разделяя ответственность за счастье и несчастье.

Очень нетрудно с ребенком об этом поговорить, а не отталкивать, как здесь говорили:

«Отстань, я читаю Конституцию, а ты мне мешаешь».

Я согласен с одним из товарищей, который говорил, что как можно ближе должны быть родители к детям²⁵, но не допускаю бесконечной близости. Должна быть близость, но должно быть и расстояние. Приблизиться совершенно вплотную к ребенку, чтобы не было никакого расстояния, нельзя. Чем-то в глазах ребенка вы должны быть выше. Он должен в вас видеть что-то, что больше его, выше, отлично от него. Такое расстояние, некоторая такая почтительность небольшая, неофициальная должна быть.

Именно поэтому я не допускаю слишком откровенных разговоров о половых вопросах. Вот я – твой отец, ты – мой сын, но об этом я с тобой стесняюсь говорить. Простое чувство стеснения в некоторых вопросах необходимо. Без этого вы будете собутыльником, приятелем, но не отцом. Это расстояние должно быть, и в некоторых случаях ребенок должен это понимать. Если он не будет этого понимать, вы не будете авторитетом и ваши приказания не будут иметь никакой действительности.

Это чувство расстояния необходимо воспитывать с первых дней. Это не разрыв, не пропасть, а только промежуток. Если ребенок с трех лет будет в вас видеть какое-то высшее существо, авторитетное по отношению к нему, он будет выслушивать каждое слово с радостью и верой. Если он будет уверен в три года, что между вами никакой принципиальной разницы нет, все ваши слова он будет принимать с проверкой, а какая у них проверка, вы знаете. Он убежден, что он прав. Нужно, чтобы иногда правота приходила без доказательств, потому что [это. – Г.Х.] вы сказали. Тот ребенок, которому все доказывают, вырастает обязательно циником. Во многих случаях ребенок должен принимать на веру ваше отцовское утверждение, здесь у него вырабатывается то качество, по которому мы верим нашим вождям. Не всегда мы проверяем все. Если нам говорят, что Донбасс выполнил программу на 101%, мы верим этому, потому что есть какой-то авторитет, которому мы верим, и это уважение к авторитету нужно у ребенка воспитывать с самых малых лет.

Вот вопросы, которые я здесь отметил.

Что касается ключа от квартиры, то, если хорошее, правильное воспитание, почему нельзя дать детям ключа. В коммуне все ключи были [у них] на руках, причем не обязательно у старшего. (*Голос*: «У него вытащить легко».) Воспитайте так, чтобы нельзя было вытащить. (*Голос*: «У вас у самого вытащат».) Очень нетрудно воспитать это чувство ответственности. Это идет наряду с воспитанием очень важной способности, без которой успеха воспитания быть не может, и о чем как раз в педагогике нигде не говорится. Это способность

ориентировки. В пять лет ваш мальчик должен иметь эту способность. Он с нами разговаривает так-то: пришла гостья, он должен знать, о чем можно говорить, о чем нельзя. Он должен ухом чувствовать, что за спиной делается.

А у наших детей в школе этой способности ориентировки совершенно нет. Они кричат, вопят и не видят – сзади свой или чужой сидит. Это ощущение своего или чужого нужно воспитывать с трех-четырёх лет. Нужно воспитывать способность разбираться в окружающей обстановке и знать, что где происходит. Если вы это воспитаете, тогда ключ можно дать.

Еще вопрос моего второго тома, это тоже вопрос, поднятый одним из наших читателей, – вопрос о том, как часто родители любят детей для себя. Вы, наверное, видели часто картину, когда по улице идут отец с матерью, ребенок разряженный, и вы видите по выражению глаз родителей, что его вывели, чтобы похвастать. Для них это игрушка, которой можно похвастать. Разве тот отец, который, когда приходят гости, вызывает ребенка, чтобы заставить его остроумно отвечать на вопросы, делает это не для себя? Особенно часто это у матери бывает: похвалиться своим ребенком, т.е. себе доставить удовольствие. А на самом деле он ничего не стоит, потому что избалован.

Я недавно ехал в Минск, и в одном купе со мной ехала мать. Ей захотелось похвастать своим ребенком. Ему два года, он даже не говорит, а она его тормозит, чтобы он плакал. Она кричит: черт, такой-сякой, почему ты плачешь?

Он смотрит с удивлением – что это за идиотка? Ей удается заставить его улыбнуться. Она своего ребенка два года держит для себя, чтобы в купе поезда мне, совершенно случайному, ненужному ей человеку, показать способность ребенка улыбнуться после ее мудрых приемов. Такая мамаша до семнадцати лет будет воспитывать ребенка напоказ. Он выйдет боссяком, хулиганом, шкурником, а она будет им гордиться. Такое воспитание ребенка для собственного тщеславия – это не педагогика.

Мне остается ответить на записки.

«Почему не показаны положительные женщины?» Как не показаны?! Там, где положительный отец, там и положительная женщина. Вообще, товарищи, вы меня простите, я люблю счастливые концы. Я чувствую, что читатель будет обижен, и я всегда даю счастливый конец. Пусть он будет как-нибудь привязан, но все-таки счастливый, я знаю, что читателю это приятно. (*Голос:* «Значит, несчастные родители не могут воспитывать детей и у них не могут быть хорошие дети?») Да, но ведь от вас зависит быть счастливой. (*Голос:* «Не всегда».) Всецело от вас. Я не представляю себе такого случая, который мог бы сделать вас несчастной. У вас уже возраст счастливый. Сколько вам лет? (*Голос:* «38 лет».) Замечательный возраст! А мне 50 лет. Я охотно меняюсь с вами, со всеми моими литературными заслугами, беру ваш возраст, со всеми вашими несчастьями. То, что вам кажется несчастьем, – это просто нервы, дамская болезнь.

Дальше, насчет одного ребенка. Бывают случаи, когда один ребенок вырастает хороший. Я не говорю, что обязательно нужно тринадцать. Я хотел показать, что если тринадцать хорошо, то как же [также. – Г.Х.] будет хо-

рошо, если только шесть. Все-таки легче – шесть. Я вовсе не настаивал – имейте чертову дюжину детей.

Затем, товарищи, вот, кажется, женщина пишет, – хотя некоторые товарищи здесь говорили, что [в «Книге для родителей»] не нужно публицистики, – пишет, что как раз нужна некоторая публицистика: иллюстрация иллюстрацией, но скажите, как нужно делать? Вот она пишет: стоит ли воспитывать чувство любви к отцу, оставившему семью? Я считаю, что здесь не может быть никакого вопроса. Отец ушел из семьи, надо забыть о нем раз [и] навсегда, прекратить о нем разговоры. Если мальчик спросит – есть ли отец, сказать нет, спросит – где, – умер. Если мальчик спросит – плохой [отец] или хороший, – не знаю, не интересуюсь. Другое дело, если отец хочет помогать в полной мере, как-то дружба сохраняется. Но если только издали следит, не отвечая ни за что, я бы таких отцов судил уголовным процессом, они страшный вред приносят своим детям. Во всяком случае, если появится новый отец и мальчик будет называть его отцом. Я считаю, что это единственный выход из положения. Почему дети должны отвечать за своих любвеобильных отцов?

«Не отражаются ли квартирные условия на воспитании?» Конечно, отражаются, но не обязательно в дурную сторону. Там, где у ребенка отдельная комната, иногда воспитание идет хуже. Но бывают, конечно, трудные условия, когда в одной комнате несколько семейных пар, и с этим нужно бороться.

«Была книга задумана как художественное произведение или нет?» Нет, просто была задумана как книга для родителей. Как вышло, так и вышло. Затем это не имеет значения.

«Если отец арестован, нужно ли у ребенка вызывать чувство ненависти к отцу?» Если ребенок маленький, он забудет, но, если он сознательный и политически разбирается, нужно, чтобы он считал этого отца врагом своим и своего общества. Нужно воспитывать логику, что не только он хорош, потому что он отец. Конечно, воспитывать специально чувство ненависти не нужно, потому что это может расстроить ребенку нервы и измочалить его, но вызывать чувство отдаленности, чувство, что это враг общества, нужно, иначе быть не может, иначе ваш ребенок останется в таком разрыве: с одной стороны – враг, с другой стороны – отец. Тут нельзя никаких компромиссов допускать.

Одна мать пишет: *«Не такое большое дело, если отец оставил семью. Я сама могу воспитать»*. Пожалуйста. Если появится второй отец, тоже совсем не плохо.

«Как быть с ребятами, которые предоставлены самим себе?» Я видел много таких случаев: мать и отец на работе – и все-таки ребенок растет хорошо. Это потому, что до пяти лет его воспитывали правильно. Я склоняюсь к такому положению. После пяти-шести лет можно уже позволить

службу отца и матери, но до шести лет лучше, чтобы с ним кто-нибудь был. Если до шести лет ребенок воспитывается правильно и в нем воспитаны определенные привычки активности и торможения, тогда уж это не страшно, на такого ребенка никто не подействует. В таких случаях обычно говорят: за ним не смотрим, а он хорошо развивается, наверное, наследственность. На самом деле, не наследственность, а пять лет воспитания.

.....²⁶: «Около половины жизни вы отдали на человечество. Профессия это или ваша большая любовь к этому человеку?»

МАКАРЕНКО.

Вот человек работает на токарном станке, работает бухгалтером, хорошо делает свою работу – это любовь к своему делу или профессия? Не может быть профессии без любви. Но это не значит, что каждый родится бухгалтером или педагогом. Конечно, я сначала был плохим педагогом.

Между прочим, воспитание детей – это легкое дело, когда оно делается без трепки нервов, а в порядке здоровой, спокойной, нормальной, разумной и веселой жизни. Я как раз видел всегда, что там, где воспитание идет без напряжения, там оно удается. Там, где идет с напряжением и всякими припадками, там дело плохо.

Спасибо вам за внимание, надеюсь, что мы с вами продолжим нашу работу.

КОММЕНТАРИЙ

РГАЛИ, 332-4-173.

Стенографический отчет. Машинописный экземпляр подлинника, напечатанный под копирку, с пометками Г.С. Макаренко. Объем: 71 (51 + 20) нумерованная страница, текст на которых расположен с одной стороны. Выступления председателя встречи и участников прений по докладу публикуются впервые.

Публ. вступительного и заключительного слов Макаренко под заголовком: «О „Книге для родителей“» (так во всех советских изданиях материала): ж. «Семья и школа», 1948, № 9, с.8-10; № 10, с.13-16 – с комментарием (№ 9, с.8): «Материалы эти, подготовленные к печати вдовой Антона Семеновича – т. Г.С. Макаренко, публикуются впервые», а также: ПС (1948), с.234-50. В этих двух публикациях материал в значительной мере переработан. Позже текст макаренковского выступления частично восстановлен: С 4 (1951), с.437-54; С 4 (1957), с.437-55 – с некорректным комментарием: «публикуется по стенограмме», или без всякой характеристики воспроизведения материала: ПС 7, с.145-57.

---

¹ «Если вы помните, когда весь народ обсуждал проект постановления правительства о запрещении абортов и о пособиях многодетным матерям [...]». Проект постановления ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным [...]» печатался в газ. «Известия ЦИК» от 26.05.1936 г.

(№ 121, с.1). В связи с этой публикацией редакция газеты обратилась к своим читателям с призывом «высказаться по поводу проекта или его отдельных частей».

² Цитата из исторической речи Ленина «*Задачи союзов молодежи*», с которой он выступал на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г. Дословно этот отрывок гласит: «Значит, задача борьбы пролетариата еще не заключена тем, что мы свергли царя, прогнали помещиков и капиталистов, а в этом и состоит задача того порядка, который мы называем диктатурой пролетариата. / Классовая борьба продолжается; она только изменила свои формы. Это классовая борьба пролетариата за то, чтобы не могли вернуться старые эксплуататоры, чтобы соединилась раздробленная масса темного крестьянства в один союз. Классовая борьба продолжается, и наша задача подчинить все интересы этой борьбе. И мы свою нравственность коммунистическую этой задаче подчиняем. Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов».

³ Полностью эта цитата из гл. 1-й «КдР» гласит: «Наша молодежь – это ни с чем не сравнимое мировое явление, величия и значительности которого мы, пожалуй, и постигнуть не способны. Кто ее родил, кто научил, воспитал, поставил к делу революции? Откуда взялись эти десятки миллионов мастеров, инженеров, летчиков, комбайнеров, командиров, ученых? Неужели это мы, старики, создали эту молодежь? Но когда же? Почему мы этого не заметили? Не мы ли сами ругали наши школы и вузы, походя ругали, скучая, привычно; не мы ли считали наши наркомпросы достойными только ворчания? И семья как будто трещала по всем суставам, и любовь как будто не зефиром дышала у нас, а больше сквозняком прохватывала. И ведь некогда было: строились, боролись, снова строились, да и сейчас строимся, с лесов не слезаем» (ПС 5, с.8).

⁴ «[...] *сам я не родитель, детей собственных у меня нет [...]*». ПС 7, с.306, пр.2: «В семье А.С. Макаренко воспитывались его племянница – Олимпиада Витальевна Макаренко и сын Г.С. Макаренко – Лев Михайлович Салько».

⁵ «[...] *а теперь, когда я встречаюсь с родителями, получаю письма – я получил около полторы тысячи [полтора тысяч. – Г.Х.] от родителей на эту книгу [...]*». Часть этих писем сохранена в макаренковском фонде (№ 332) РГАЛИ.

⁶ Имеется в виду отрицательная рецензия на «КдР», опубликованная – под заголовком «Вредные советы родителям о воспитании детей» – в марте 1938 г. в журнале «Советская педагогика», органе Наркомпроса РСФСР. Автор Н.П. Стороженко приходит к следующему выводу: «ЦК ВКП(б) в ряде постановлений указывает на необходимость борьбы со всеми антинаучными вылазками против педагогики и педагогов, указывает на необходимость восстановления в правах „педагогики как науки и педагогов как ее носителей и проводников“ (из постановления [«О педологических извращениях в системе Наркомпросов»] от 4 июля 1936 г.). В свете этого решения „Книга для родителей“ Макаренко является попыткой оспорить права педагогики в семейном воспитании, опорочить учителя и советскую школу, попыткой, вредной для дела воспитания. Макаренко выступает с уже осужденных, старых, разбитых позиций, используя для этого фронт художественной литературы. Мы надеемся, что читатель быстро разберется в его „теориях“, сумеет за напыщенными псевдореволюционными фразами разглядеть подлинную сущность содержания его книги» (Сов. педагогика, 1938, № 3, с.124-28, здесь: с.128). В этой критике Макаренко видел «показатель наркомпросовских настроений» и отмечал 15.04 того же года в своей записной книжке: «Злобно, мелко, не скрываясь враждебно. Надо писать ответ. Где печатать? [...] Вообще педагогическое одиночество продолжается, стоишь, как перед стеной» (Невская, с.831).

⁷ Прототипом Веткиных стала семья Пенкиных. У Николая Тимофеевича Пенкина, который работал в коммуне им. Дзержинского, было 13 детей (Лыс., с.168).

⁸ «*Точно так же я изобразил семью с единственным ребенком не для того, чтобы показать, как неправильно его воспитывают [...]*». Здесь Макаренко отвечает на упрек С. Советова, который в своей рецензии на «КдР», опубликованной в ж. «Лит. критик» (1938, № 3, с.128-39), отрицательное отношение педагога-писателя к семьям с единственным ребенком оценил как «антинаучную, педологическую позицию», потому что даже и там, где ребенок живет лишь со своей матерью, «хорошее советское воспитание не исключено».

⁹ См. гл. 9 «КдР». В основе данного сюжета лежит наводнение на Днепре в Крюкове, свидетелем которого Макаренко стал в юношестве.

¹⁰ «Вот, например, у меня имеется комсомольская газета от 11 апреля. [...] Здесь затронут вопрос о том, что необходимо объявить борьбу грубости и хулиганству». На эту тему «Комсомольская правда» 11.04.1938 г. опубликовала целую полосу.

¹¹ *Совсод* – совет содействия, родительская организация при школе, содействующая ее воспитательной, хозяйственной и общественной работе.

¹² «[...] воспитание, которое дети получают от Николая Николаевича Вабыча [...]». Речь идет о гл. 4-й «Кдр».

¹³ «[...] рассказ о том, какое чудовище воспитали Кетовы». Говорится о гл. 5-й «Кдр».

¹⁴ «[...] Евгения Александровна Жукова, брошена с двумя детьми своим мужем». См. гл. 5 «Кдр».

¹⁵ «Когда я шел на конференцию, я видел статью Шкловского [...]». Речь идет о подробной рецензии на «Кдр» известного писателя В.Б. Шкловского (1893-1984), опубликованной в «Лит. газете» от 30.12.1937 г. (№ 69, с.6).

¹⁶ *Островский Н.А.* (1904-36), рус. сов. писатель. «Участник Гражд. войны, был тяжело ранен. Слепой, прикованный к постели, созд. ром. о становлении Сов. власти и героич. жизни комсомольца Павла Корчагина „Как закалялась сталь“ (1932-34) – одно из лучших произв. социалистич. реализма» (СЭС, с.957).

¹⁷ «Если тов. Макаренко показывает, как Назарова берет на буксир: Кандыбин и тот превращается в хорошего родителя [...]». См. гл. 6-ю «Кдр».

¹⁸ «Еще менее убедительно получается в истории с Тamarой Коробовой». См. гл. 8-ю «Кдр».

¹⁹ «[...] он хорошо сделал, что показал тип скромного работника, о которых говорил Сталин [...]». См.: «Речь на первом Всесоюзном совещании стахановцев» (1935 г.; см. док. № 20, прим.24).

²⁰ Имеется в виду статья «Проблемы воспитания в советской школе», опубликована в газ. «Правда» от 23.03.1938 г. (№ 81, с.4); также в: ПС 4, с.203-07.

²¹ См. стенограмму выступления Макаренко от 21.04.1937 г. в Политехническом музее – док. № 5.

²² Стенограмма совещания от 10.05.1938 г. в редакции «Лит. газеты» с докладом Макаренко до сих пор неизвестна. Можно предположить, что текст доклада стал основой для статьи «Воспитательное значение детской литературы», опубликованной в «Лит. газете» 15.05.1938 г. (см. ПС 7, с.306, пр.5).

²³ *Вершнев* – персонаж «ПП». Прототип: воспитанник колонии им. Горького и врач коммуны им. Дзержинского Н.Ф. Шершнев (1907-1972).

²⁴ «У меня есть новелла, которая называется „Секрет воспитания“». О таком произведении до сих пор ничего не известно.

²⁵ «Я согласен с одним из товарищей, который говорил, что как можно ближе должны быть родители к детям [...]». Подобного выступления слушателя в стенограмме нет.

²⁶ Из способа написания в данной версии стенограммы – ряд точек вместо фамилии выступающего – можно заключить, что соответствующее лицо в момент печатания документа уже было арестовано.

12. БЕСЕДА С НАЧИНАЮЩИМИ ПИСАТЕЛЯМИ НА ТЕМУ «КАК СОЗДАЕТСЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ» (11.07.1938 г.)

Тов. МАКАРЕНКО.

Товарищи! Я, как вам известно, молодой, начинающий писатель. Вам будет очень полезно, как начинающим писателям, обменяться со мной опытом вашей работы. Совершенно серьезно, без всякого кокетства, говорю, что я – начинающий писатель. То обстоятельство, что я написал «Педагогическую поэму», еще ничего не говорит.

Если вы читали мою «Педагогическую поэму», вы знаете, что там прекрасный материал. Я не имел дела с теми затруднениями, которые вытекают из выдуманной темы, надуманного сюжета. Я не думаю, чтобы вам было бесполезно узнать о моем опыте, потому что я убежден, что настоящее художественное произведение может возникнуть и родиться только из опыта.

Давно, в 1915 г., я написал рассказ¹ (мне было тогда 27 лет). Сюжет этого рассказа я взял из действительной жизни, составил этот рассказ как умел, не имея никакого понятия о том, что такое художественное произведение. О художественном произведении никаких других понятий, кроме понятий читательских, у меня не было. Свой рассказ я послал А.М. Горькому в журнал «Летопись»². Горький ответил мне, что рассказ серьезный по теме, но написан слабо – не написан фон, слабая фабула, не выяснен драматизм переживаний. Горький посоветовал мне попробовать написать что-либо другое³.

Я решил выбросить из головы мысль о написании рассказов, решил, что это не мое дело, и продолжал заниматься своей педагогической работой, которая представлялась мне не менее почетной, чем писательская.

Так прошло 13 лет. Снова я встретился с А.М. у себя в колонии. Я беседовал с Горьким как руководитель колонии, как педагог о вопросах воспитания, не затрагивая литературных вопросов. Мне и в голову не приходило поднимать вопрос о том рассказе, который я ему посылал, а А.М. тоже забыл о нем; это было в 1928 г.

«Педагогическую поэму» я написал немедленно после отъезда Горького⁴.

Очень хорошо помню и сейчас написанное им письмо. Оно произвело на меня такое впечатление, что я совершенно бессознательно в течение 12 лет готовился к тому, чтобы быть писателем. Оказывается, я проделал огромную работу, – могу рассказать, какую.

Когда я начал писать, я почувствовал, что у меня есть понятие не только о фоне, о драматизме, но есть и определенное умение, определенное представление о качестве художественного произведения, о его технике.

«Педагогическая поэма» показалась мне настолько плохим произведением, что я и не подумал о том, чтобы напечатать ее. Я спрятал «Педагогическую поэму» в ящик стола, через полгода достал ее и спрятал в [на. – Г.Х.] чердак, где она и пролежала 5 лет, и я все не решался послать произведение Горькому: мне все вспоминалось его письмо об отсутствии у меня фона и диалога (о слабости написанного мною произведения). Только случайно удалось напечатать это произведение. Один бухгалтер (далеко не литературный критик) донес о существовании «Педагогической поэмы» А.М., который вызвал меня телеграммой в Москву⁵.

Когда я работал над «Педагогической поэмой», я не только не думал о том, что я что-то в литературном отношении знаю, но не сомневался в том, что у меня получится очень плохое произведение, и даже не читал его жене, близким людям.

Тем не менее, «Педагогическая поэма» была напечатана, издана, понравилась читателям, вызвала много хороших отзывов. Если и были отрицательные отзывы, то они заключались в том, что меня ругали за мои педагогические ереси, но не за художественную часть.

Казалось, я стал уже опытным писателем, но, наоборот. Я написал после этого три книги, каждую из них писал с большим напряжением и трудом, хотя не меньше души вкладывал в эти книги. Я не могу сказать, что я знаю, как писать художественное произведение, но могу сказать, как я буду писать свои художественные произведения в дальнейшем.

Постараюсь скромно рассказать, какие я испытывал затруднения, какие трудности мне приснятся [пришлось. – Г.Х.] преодолеть.

Главное достоинство художественных произведений – это сделать [так], чтобы они не были скучными. Когда я писал свою «Педагогическую поэму», мне казалось, что она должна быть скучной: кому нужны беспризорные, кому нужны мои педагогические страдания? Вопрос материала в художественном произведении всегда является решающим. Многие молодые писатели думают, что нужно только придумать тему и можно написать на эту тему рассказ. Тему можно придумать самую разнообразную: помещик, у которого красивая жена и красивая крепостная; помещик влюбляется в крепостную и женится на ней.

Можно написать рассказ или роман на эту тему, но можно и не написать ничего.

Я не представляю себе, чтобы можно было написать рассказ без специального научного изучения эпохи (в данном случае без изучения эпохи Александра II). Я не представляю себе, чтобы можно было написать рассказ о революционном движении 1905 г., не изучив этой эпохи. Материал должен быть совершенно знаком и изучен.

В Союзе писателей Украины председатель этого союза, враг народа⁶, требовал от писателей – не сидеть на месте, ездить, путешествовать, собирать впечатления. Было много сторонников этого мнения⁷. Я неоднократно вступал с ними в спор и утверждал, что нужно сидеть на месте и знакомиться с жизнью, с людьми; как это можно из командировок узнавать жизнь. Вы приехали в какой-нибудь город, поговорили с человеком на ра-

боте, записали, что он вам сказал, – и уехали. Можете ли вы о нем написать рассказ? – Не можете.

Если же вы с человеком сталкивались на работе (допустим даже, что он рабочий, а вы – начальник планового отдела), если вы с ним не один раз, а раз 5-6 поссорились, из одной рюмки водку пили, помирились с ним, побывали с ним в одном доме, – тогда совершенно ясно, что он стоит в вашей памяти, как живое существо.

Тема эта – очень интересная. Когда с человеком бываешь, живешь мирно, а иногда и поспоришь, и поработаешь вместе, вместе и отдохнешь – тогда только можно описать человека, нужно пережить с человеком и неприятности, и радости, чтобы не написать шаблона.

Я лично во многом рассчитываю на свою память. Я сравниваю людей, с которыми я теперь работаю, с людьми, с которыми я встречал[ся] прежде, – иначе я не представляю себе творчества. Но спорить с людьми, которые представляют себе творчество по-другому, я не могу.

Я считаю, что мало только наблюдать за жизнью и участвовать в ней, – нужно и записывать все впечатления жизни.

Я с 1915 г. регулярно веду запись в книжку, и я убежден, что такая запись является важнейшим условием для успешной работы писателя. Думаю, что, не записывая в книжку все впечатления, нужно быть гениальным человеком, для того чтобы запомнить все.

С 1915 года по сегодняшний день я веду записную книжку, и это дело организовано у меня очень хорошо (солидно). У меня большая книжка, куда за определенным порядковым номером (сейчас идет 4000-й номер) я записываю отдельной короткой строчкой те или другие свои мысли и впечатления⁸. Я не могу всегда носить такую большую книгу с собой, так как я люблю записывать полностью и хорошо, чтобы легче было писать. В своей маленькой книжке я записываю быстро, что нужно, чтобы потом записать более подробно.

Что я записываю в своей книжке? Все, что я считаю необходимым записать: все возникающие споры, мои афоризмы, сентенции, фамилии людей, которые можно приспособить, отдельные разговоры. Выделяю в своей записной книжке отдельные лица, отдельные разговоры, отдельные словечки, пейзажи.

Вы все знаете, что такое художественное произведение, знаете, что такое деталь, портрет, натюрморт. Самое трудное дело в романе – это портрет, лицо. Много лет пишет писатель, описывает людей, не обезьян. Ассортимент – очень небольшой. Лицо человека, по современному состоянию нашей литературы, можно описывать только в движении, нужно научиться изображать мимику лица. Только по движению мы можем себе представить физиономию героев художественного произведения.

Описание может происходить в 2-3 словах, если я вижу занятое лицо – красивое или безобразное – с красивыми движениями, когда я замечаю, как дрожат мускулы рта, складки на лбу – я свои впечатления заносу в свою записную книжку.

Такая запись в книжке нужна не только для того, чтобы написать роман, но и для того, чтобы научиться наблюдать и видеть. Если вы не научитесь

заносить свои впечатления в книжку, вы не научитесь наблюдать и видеть. Прожив на свете 27 лет, я научился наблюдать и видеть только тогда, когда стал заносить свои впечатления в записную книжку.

Отсюда вывод, что талант писателю не обязательно иметь от природы, можно его воспитать напряженной и кропотливой работой.

Должен вам сказать, что очень трудно вести записную книжку, нужно себя заставить это делать, как заставил и приучил себя сделать я.

Скажу о пейзаже. В области изображения пейзажа – мы не мастера, были такие непревзойденные мастера пейзажа, как Тургенев и Бунин, который дошел до необычайных тонкостей в пейзаже.

Пейзаж описывать очень трудно. Я не говорю только о ландшафте, – описаний ландшафта я в свою книжку не заносил. Я научил свой глаз видеть рождение и умирание красок, их образование.

Записная книжка нужна для диалога. Нет ничего труднее диалога. А.М. написал мне в ответ на мое письмо, что диалог, составлен[ный] мною, был [не] интересен. И теперь, когда мне становится очень грустно, я достаю свой рассказ и думаю, каким я был раньше плохим писателем. Только благодаря тому, что А.М. обратил на меня внимание, указал мне на ошибки, – я стал работать над собой, работать над диалогом.

Не надо записывать в записную книжку всякий разговор, нужно записывать только диалог интересный, который несет ясное ощущение эмоции, юмора, колорита.

В моей «Поэме» диалог сделан лучше, чем что-нибудь другое, а ведь именно за диалог меня ругал Горький. Значит, хорошо, интересно написать диалог – не природное дарование, – этого можно добиться напряженной упорной работой.

Я – терпеливый человек, терпел в течение 12 лет, писал, записывал и думал все время о том, что когда-нибудь я смогу хорошо писать.

Продемонстрирую перед вами записи в мою записную книжку, которую я купил несколько дней тому назад: «Страсть, большая страсть и большой талант, но нет вкуса». – Чтобы это записать, нужно было рассмотреть человека. Это было усилие, которое я производил над собой. Для того, чтобы занести эту запись, нужно было произвести над собой известное усилие.

Другая запись (иногда я допускаю грубые выражения): «Девушка, обнятые бедра, стонет у телефона, стесняется своего разговора». – Вы видите, что эта девушка представляется в моем воображении признаком несимпатичного существа, и когда-нибудь я воспользуюсь этим образом. – Опять повторяю, что важна не самая запись, а то усилие, которое я делаю над собой, когда заносу эту запись в книжку.

Вот еще одна запись в книжке: «Гости на даче. Он и она тают от голодного восторга, у этого человека всегда восторг». Эта моя запись изображает приживальщика, тип приживальщика, который тает от восторга перед своим хозяином.

Сейчас меня очень интересуют дураки, которые рядом с нами живут и работают, которые мыслят и высказывают свои мнения, иногда решают чужую судьбу. Для меня интересен дурак – не как существо ненормальное, а как живущее в обществе, действующее, работающее. Когда я слышу гру-

бые слова, вижу грубые действия, я их записываю у себя в книжке, потому что они представляют для меня очень большой интерес.

Здесь важно не то, что записано в книжке, важен тот метод, при помощи которого воспитываешь свой организм, чтобы лучше мыслить и понимать.

В моей «Педагогической поэме» одним из действующих лиц является Калина Иванович. Я записал очень много слов для него; теперь я могу говорить его языком, могу произносить речи, которых он никогда не произносил. Его язык звучит у меня как язык живого человека.

Нет никаких трудностей в том, чтобы записать диалог детей. В течение 32 лет я его записывал и в книжке, и в действительности. Записывал в многообразных оттенках, нюансах, – разговор детей на любую тему, я не управлял ни одной буквой.

Чрезвычайно важное значение имеет длительность той среды, в которой вы живете. Если вы будете готовить себя к писательской деятельности в течение 15 лет, будете все это время учиться, вы будете прекрасно писать, но вы не хотите писать через 12 лет, вы хотите писать сейчас, чтобы вас хвалили критики. Вы думаете, что если вы напишете рассказ, то вас будут хвалить и чувствовать – рассказ будет хороший, но, если вы этот же рассказ напишете не сейчас, а через 5 лет, он будет еще лучше.

Я, конечно, убежден в том, что вас нельзя заставить не писать. Вы специально учитесь работать. Для вас имеет значение техника работы. Очень возможно, что не у всех одинаково происходит развитие мысли, работа над диалогом и сюжетом. Может быть, что для того, на что мне понадобилось 12 лет, вам понадобится гораздо меньше. В работе писателя есть своя своеобразная техника.

Как я работал над своей «Педагогической поэмой»?

В начале работы у меня не было никакой техники. Если бы не Алексей Максимович, произведение было бы плохим. Когда стали «Педагогическую поэму» печатать, больше 10 печатных листов печатать не разрешили. Три четверти материала было выброшено⁹. Нужно писать произведение так, чтобы ничего не приходилось выбрасывать. Я тогда находился в ужасных условиях, заведовал трудовой колонией, вставал в 6 часов, ложился в 2 часа, иногда выбирал 15 минут для того, чтобы пообедать, иногда даже и не обедал; когда я шел обедать, меня возвращали опять на работу.

Я не могу писать в тишине и сейчас, потому что, когда я писал, кругом было движение, и эта привычка писать в сплошном шуме сохранилась у меня и сейчас.

Для того, чтобы написать роман, мне нужно 15 дней, но подготовка к этому роману у меня занимает 7-8 месяцев. Такое продолжительное время мне нужно на собирание материалов, обдумывание плана, выработку характера героев. В результате такого собирания материалов получается огромная папка, где все готово для писания романа. Самая приятная работа – планирование романа. Потом начинается самая тяжелая пора – когда роман нужно написать, роман этот нужно написать быстро, я начинаю ворчать, ругаться, рычать.

Я считаю, что нельзя написать роман, не составив хорошего плана. Я поэтому и составляю план очень подробно и разработанно, прежде всего я

выписываю все замечания из моей записной книжки в отдельную книжку. Затем вырабатываю список действующих лиц, числа описания, подробно выписанные из моих записей в записную книжку. Нахожу прототипов своих героев, записываю общее направление их мысли, – кому эти люди являются врагами, кому друзьями, с кем они находятся в столкновениях, в каких комбинациях встречаются с другими людьми, в каких комбинациях моих героев интереснее осветить. Такая запись занимает у меня примерно 2 часа.

Затем я строю план фабулы, событий романа и сразу перехожу к плану глав; в каждой из глав намечаю, кто из действующих лиц участвует, по 5-и балльной системе. Если мой герой является главным действующим лицом, он получает оценку на 5 баллов, если он только упоминается, а не участвует – он получает оценку «на единицу». Стараюсь, чтобы действующие лица были распределены равномерно. Когда план готов, можно легко писать.

Говорят, что хорошо собственное произведение положить на полгода, а затем его вычитать. Я был сторонником такого мнения: когда я написал роман «РВ-1» [«ФД-1». – Г.Х.], я спрятал его на полгода, но когда я затем снова прочитал его, он мне до такой степени не понравился, что я совершенно выбросил его¹⁰. Свое произведение я не могу читать, мне противно это. Править свой роман я не могу.

Я совершенно не могу работать над слогом. У меня эта привычка, неумение работать над слогом компенсируется напряженной работой над планом, у меня складывается текст, и поправить его очень тяжело.

Несколько слов об отдельных деталях – о плотности. Что [Это то, что. – Г.Х.] я называю той или другой подробностью изложений событий, иначе говоря: насыщенностью. Насыщенностью является понятие о том, что нужно изображать более насыщенно, что проходит с меньшей значимостью, на чем писатель останавливается меньше. Художественное произведение [бывает] большой и малой плотности.

Обладать чувством меры в изображении – чрезвычайно трудное искусство. Не знаю, кто им владеет в совершенстве. Большой насыщенностью и искусством проникнуты произведения Л. Толстого, Чехова. Не совсем достигнута насыщенность у наших северных авторов¹¹. В рассказе достигнуть чувства меры гораздо легче, в романе же оно очень трудно достигается.

Для примера: я закончил роман, план которого преодолевал очень долго. Мне нужно описать события, которые происходили в течение 3-х лет. Могу ли я совершенно одинаково описывать все дни в течение 3-х лет? Могут ли они описываться одинаково плотно? Конечно, нет, потому что некоторые дни будут описываться либо очень коротко, либо совсем не будут описываться. Такое описание для меня представляет наибольшую трудность.

Еще одним наиболее трудным вопросом, который приходится решить [решать. – Г.Х.] при составлении плана, является композиционная работа над планом.

Что меня еще затрудняет в моей работе над художественным произведением? Я говорю о затруднениях, потому что не знаю, чем похвастать. Очень плохо получается, если в описаниях отсутствует лирика. В лирическом описании жизни много прелести, много движения и столкновений.

Мне очень трудно уловить это озвучение [звучание. – Г.Х.] жизни, очень трудно затронуть язык. Не знаю, как происходит это у других писателей. Для меня очень сложно улавливание со стороны движения, как будто у меня не хватает слов; приходится употреблять слова, которые надоели, стали обыденными, ищешь новых слов для выражения своей мысли.

Редактор не пропускает новых слов, выбрасывает и вместе с этим меняет смысл выражений. Очень неприятна эта боязнь редактора. Я себя утешаю только чтением больших авторов, вроде Льва Толстого, который не боится повторяться, повторять одни и те же выражения и не боится редактора. Когда читатель читает наше произведение, ему и в голову не приходит [мысль] о наших неприятностях и невзгодах. Очень мало слов для описания движения человека, выражения тона, голоса, все имеющиеся выражения заезжены, а новых слов нет.

Гораздо легче при описании пейзажа, массового движения; гораздо больше слов, чем при описании человеческого движения.

О сравнениях. Я стыжусь писать красивые сравнения. Мне кажется, что так люди не говорят. Если у меня и появляются весьма редкие сравнения, я их немедленно вычеркиваю, во [в. – Г.Х.] моей книге сравнений не найдете. Может быть такая стыдливость необходима, она заключается в болезни лезущих в глаза выражений.

Несколько слов о юморе, который украшает книгу.

Говорят, что у меня есть юмор. Когда я пишу, я этого юмора не замечаю. Один профессор-литературовед сказал, что юмор в моих произведениях напоминает юмор произведений Диккенса – его сантименты по отношению к грустным типам. Когда профессор мне об этом сказал, я был несколько оскорблен, так как очень не люблю Диккенса¹².

Я написал роман «Честь»¹³, в котором, по мнению критиков «Литературного обозрения»¹⁴, нет юмора; в другом моем произведении юмор составляет его неотъемлемую часть. Это говорит о каком-то подсознательном процессе, который руководит нами и который нужно организовать, когда составляешь план романа. В некоторых произведениях юмор говорит о любви писателя к своим героям, его любовании ими.

Последнее, что я хотел сказать о себе: моим недостатком является то, что я не люблю грустных сценок, не выношу печальных событий. Я люблю красивых людей. Мне все люди кажутся красивыми, я не нахожу некрасивых физиономий. Когда начинаю описывать людей, они мне все кажутся красавцами. Все это происходит из-за моего отношения к жизни.

Как возникает тема? Я мог бы назвать темы, миллион тем в течение двух часов подряд.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ.

Если не читать, не повышать свой культурный уровень, никакая запись в книжку не поможет. Нужно читать не только беллетристику, но и научные книжки. Горький знакомился со всеми отраслями знания, и его примеру должны следовать и все начинающие писатели. Писатель должен ориентироваться не только на записную книжку, но и на собственные знания, на

собственное мирозерцание. Нужно читать историю, такое чтение познакомит вас с очень серьезным и интересным материалом.

Тема должна возникать из синтеза чувств. Сейчас меня интересует проблема любви. Недавно мне одна очень красивая девушка рассказывала о своих отношениях с мужем, который после отъезда не писал ей в течение 2-х месяцев, несмотря на пламенную любовь и беспокойство о ней, сквозившие в его первой после отъезда открытке. Эта невыясненность отношений в любви, психика их мне очень интересна.

Юмор нельзя запланировать в план [запланировать. – Г.Х.], сатира – это нечто совсем другое.

Несомненно, печальные события в жизни существуют, но к ним нужно уметь мужественно относиться. Недавно я выступал по педагогическим вопросам перед рабочими Электростанции¹⁵. Ко мне обратилась женщина с вопросом, как ей быть, ее бросил муж, оставив на руках двоих детей. Несомненно, это тяжелое обстоятельство, но к нему нужно мужественно подходить. Я и предложил молодой красивой женщине поменяться: я возьму ее детей и ее возраст (27 лет), а ей оставлю свой пятидесятилетний возраст.

Очень важным в языке является музыкальное ощущение. Для этого нужно ходить на концерты, читать наших великих поэтов. Я не выношу некоторых слов, которые употребляются нашими начинающими писателями: они заменяют, например, слова: «мальчик», «юноша», словами «парень», «парнишка». Это – упрощенческие слова. Если писатель не знает музыки, не читает Пушкина, [то] не дотянется до поэзии.

Я очень люблю Козина, в произведениях которого звучит музыка¹⁶. Сейчас я задумал роман из эпохи Владимира Мономаха, с которым я живу, когда читаю книги о нем, вместе с ним живу в Переславле, в Киеве, живу его жизнью¹⁷.

Я кончил 3 класса городского училища¹⁸. В высшей начальной школе был один год, затем учился на педагогических курсах, кончил это училище¹⁹, учительствовал 13 лет²⁰, получал жалование 40 р. в месяц²¹, которые я тратил только на книги, за исключением 10 руб. в месяц на питание.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВ. ....²²

Из беседы с товарищем Макаренко нам нужно сделать выводы для нашей дальнейшей работы. На этом совещании присутствуют кружки трех объединений. Те из вас, которые пережили болезнь, свойственную всем начинающим писателям, подтвердят, что это чувство им знакомо. Все из вас страдают необычайным нетерпением. Стоит только поговорить с кем-нибудь из писателей, чтобы он через 24 часа принес написанный рассказ. Это говорит о том, что человек мало работает над собой, мало задумывается над своим произведением. Об этом говорит и тов. Макаренко, и это должно послужить уроком в дальнейшей работе начинающих писателей. Надо работать над своим произведением в виде записи в книжку, нужно вынашивать свой материал, как вынашивали его настоящие писатели – потом и кровью. Произведение может быть хорошо написано только благодаря упорной работе над ним. Нужно упорно, кропотливо работать над про-

изведением и знать тот материал, ту тему, по которой пишешь произведение.

Я знаю, что многие из наших кружков критикуют начинающих авторов, которые пишут события из дореволюционной эпохи, события 1906 года. Говорят, что эти события можно иметь только из жизни, а не по изучению соответствующих материалов. Мне кажется такое мнение неверным: если человек, который прожил на свете 30 лет, описывает события из монастырской жизни, которой он не знает, или из жизни тунгусов, которых он никогда не видел, почему же он не может описывать события из дореволюционной эпохи? Может, конечно, он должен только хорошо изучить соответствующий материал. <Люди не рассказывают жизни, а рассказывают о ней>.

Это очень большой вопрос. Если писать о прошлом, нужно писать так, чтобы видеть это прошлое.

Часто произведение получается очень растянутым. Получается это потому, что произведение не насыщено интересными жизненными событиями, потому что автор пишет о вещах малоизвестных.

Как нам работать в дальнейшем? Тов. Макаренко назвал себя начинающим писателем, несмотря на то, что он работает в течение 10 лет. Что же может сказать о себе человек, который пишет только в течение 2-х лет? Когда человек не знает материала, получается неправдоподобный материал.

Произведение Алексея Толстого «Петр I-й» – очень хорошее произведение, и получилось оно таким хорошим, потому что Толстой подошел к своему произведению с точки зрения настоящих событий.

Если автор торопится с[о] своим материалом, не знает его, не изучит как следует, получается серость языка.

Я очень люблю сравнения. Но это не значит, что все писатели должны забрасывать сравнениями. Если в произведении говорится, что человек высок, как семафор, – это неверное сравнение.

Я читаю сейчас произведение Макаренко «Честь». Мне кажется, что в этом произведении есть юмор, потому что этого требует сюжет, но это не значит, что все произведения должны быть проникнуты юмором.

В чем сила «Педагогической поэмы»? Сила в том, что автор осветил огромное событие, имеющее великое значение в нашей жизни – воспитание и перевоспитание людей.

Тов. Макаренко сказал, что у него все люди – красавцы. У меня напрашивается другая мысль – есть люди, которые живут пафосом любви и ненависти. Макаренко живет пафосом любви, и в его представлении все люди – красавцы.

Мне вспоминается 1918 год, собрание в Большом театре и выступление Владимира Ильича. Мартов²³ критиковал советскую власть²⁴. Тогда выступил Владимир Ильич и сказал свои замечательные слова: «Да, все верно, но мы находимся в каком-то театре, – где половина мест занята, половина мест – пустая. Большевики видят только пустые места, а мы – большевики, только занятые».

Так и тов. Макаренко видит только положительные черты людей, исходя из своего отношения к жизни.

Я не сомневаюсь в том, что сегодняшняя беседа принесет большую пользу начинающим авторам.

КОММЕНТАРИЙ

РГАЛИ, 332-4-174.

Стенограмма выступления Макаренко с записью ответов на вопросы слушателей и заключительного слова руководителя встречи. Машинопись [экземпляр из наследия педагога-писателя]. Название документа: «Беседа писателя Макаренко с начинающими писателями – 11 июля 1938 г.» Объем: 15 нумерованных страниц, текст на которых расположен с одной стороны. Публикуется впервые.

Значительно обработанная оратором версия этого выступления была опубликована в ж. «Литературная учеба», 1938, № 10, с.93-100 (переиздана: С 7 (1952), с.157-67; С 7 (1958), с.152-62; ПС 7, с.177-84).

¹ «Давно, в 1915 г., я написал рассказ [...]». См. продолжение этой фразы в опубликованной версии настоящего выступления: «[...]», который назывался „Глупый день“» (ПС 7, с.177). В статье «Максим Горький в моей жизни» (1936 г.) рассказ датирован 1914 г. (см.: GW 7, с.185; ПС 4, с.12). См. также прим.2.

² «Свой рассказ я послал А.М. Горькому в журнал „Летопись“». Лит.-обществ. ж. «Летопись» в Петрограде начал выходить в декабре 1915 г. (Балабанович Е. Антон Семенович Макаренко. Человек и писатель. М., 1963, с.67). Из этого можно сделать вывод, что Макаренко послал свой рассказ Горькому, по всей вероятности, лишь в 1916 г.

³ «Горький посоветовал мне попробовать написать что-либо другое». Незначительно отличающиеся версии этого письма цитируются в статье «Максим Горький в моей жизни» (GW 7, с.185; ПС 4, с.12) и в переработанном варианте настоящего выступления (ПС 7, с.177).

⁴ «„Педагогическую поэму“ я написал немедленно после отъезда Горького». В письме от 22.11.1928 г. Макаренко сообщает своему возвращающемуся в Италию патрону: «Сейчас я занят книгой, которую почти закончил. В ней я описываю историю работы и гибели колонии и стараюсь изложить свою воспитательную систему. Книга получается большая и кажется интересною, но я боюсь, что ее предварительно отправят на заключение Наркомпроса и там съедят. Называю я ее „Педагогическая поэма“» (Переписка, с.64). Данный вариант «ПП» не сохранился.

⁵ «Один бухгалтер (далеко не литературный критик) донес о существовании „Педагогической поэмы“ А.М. (Горькому), который вызвал меня телеграммой в Москву». В переработанном варианте выступления этот эпизод передан более подробно и точно: «[...] один из моих друзей, начальник финансовой части коммуны, в какой-то служебной папке нашел несколько страниц „Педагогической поэмы“, прочитал их и заинтересовался. Он настойчиво потребовал от меня, чтобы я дал ему почитать книгу, которая в то время не имела даже названия. Я не особенно сопротивлялся, в самом деле, пусть читает! Я был очень удивлен его читательскими восторгами, но они не вскружили мне головы. Я думал: провинциальный читатель, да еще бухгалтер, что он там понимает в литературе. Неожиданно я получил письмо, а потом и телеграмму от Алексея Максимова с требованием немедленно представить книгу. Делать было нечего, я собрался в Москву и повез с собой названную уже „Педагогическую поэму“» (ПС 7, с.179). Здесь говорится о Кононенко Константине Сергеевиче (1889-1964), репрессированном экономисте, работавшем с марта 1932 г. в коммуне им. Дзержинского начальником финансовой части. См.: Свидетельства искренней дружбы: воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко. Издатели: Г. Хиллиг, В. Марочко. Марбург, 1997 (ОМ, № 20).

⁶ «В Союзе писателей Украины председатель этого союза, враг народа [...]». Речь идет об А.Г. Сенченко. Под заголовком «У Спілці радянських письменників УСРР» (В Союзе советских писателей УССР) 17.11.1936 г. украинская «Литгазета» сообщила: «Освобожден от поста председателя Союза писателей УССР А.Г. Сенченко» (см.: Абарин/Хиллиг, с.176).

⁷ «[...] требовал от писателей – не сидеть на месте, ездить, путешествовать, собирать впечатления. Было много сторонников этого мнения». Имеется в виду «новый тип писателя, активного участника социалистического строительства». При этом речь идет о требовании не Союза писателей УССР 2-й половины 1930-х гг., а Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) конца 1920-х – начала 1930-х гг. – ввиду «роста промышленной продукции, обгоняющего предложения пятилетки, неслыханного темпа коллективизации деревни, создания новых гигантов индустрии, социалистического соревнования, непрерывного производства, культурного подъема» (из передовой статьи «Современные задачи пролетарской литературы» / «Печать и революция», 1929, № 9, с.4). Однако в то время Макаренко работал не на вершинах всесоюзной теории культуры, а в глубинах украинской педагогической практики – почему он и не был осведомлен о требованиях к «новому типу» советского писателя.

⁸ «С 1915 года по сегодняшний день я веду записную книжку, и это дело организовано у меня очень хорошо (солидно). У меня большая книжка [...]». Данная «большая книжка», а также записные книжки до 1929 г. не сохранились.

⁹ «Когда стали „Педагогическую поэму“ печатать, большие 10 печатных листов печатать не разрешили. Три четверти материала было выброшено». Это утверждение преувеличено. Как показывает сравнение 1-й ч. «ПП», напечатанной в альманахе «Год XVII», с книжными изданиями, текст для первой публикации действительно был значительно сокращен. Так, в альманахе за недостатком места не напечатаны следующие 6 глав: «„Подвижники Соцвоса“», «Сражение на Ракитном озере», «На педагогических ухабах», «Чернильницы по-соседски», «„Наш – наилучший“», «Шарин на расправе». Однако общий объем глав и отдельных мест, не включенных в альманах, составляет, как говорится в письме Макаренко Горькому от 07.03.1934 г., лишь «около 4-х печатных листов» (Переписка, с.78).

¹⁰ «[...] когда я написал роман «РВ-1» [«ФД-1». – Г.Х.], я спрятал его на полгода, но когда я затем снова прочитал его, он мне до такой степени не понравился, что я совершенно выбросил его». Повесть (очерк) «ФД-1» о коммуне им. Дзержинского Макаренко написал в 1932 г. Как свидетельствует его жена, «часть рукописи» он действительно «уничтожил, некоторые страницы употребил для черновиков» (ПС 2, с.504), в том числе «ФнБ». Фрагментарный машинописный вариант «ФД-1» был опубликован в посмертных собраниях трудов педагога-писателя.

¹¹ «Не совсем достигнута насыщенность у наших северных авторов». Здесь Макаренко, по всей вероятности, имеет в виду писателя М.М. Пришвина (1873-1954), который родился в Орловской губернии, но своей поэтической родиной называл Север.

¹² «[...] очень не люблю Диккенса». Уже в 1922 г., будучи зав. колонией им. Горького, Макаренко в своем заявлении в Центральный институт организаторов народного просвещения им. Е.А. Литкенса в Москве писал: «[...] терпеть не могу Диккенса» (ПС 1, с.10).

¹³ Первые две части повести «Честь» были опубликованы в 11-й и 12-й книжках за 1937 г. журнала «Октябрь» (GW 13, с.92, 103).

¹⁴ Имеется в виду рецензия К. Зелинского в двухнедельнике «Лит. обозрение» от 05.04.1938 г. (№ 7, с.13-18).

¹⁵ «Недавно я выступал по педагогическим вопросам перед рабочими Электростанции». О выступлении Макаренко на этом московском предприятии (очевидно, в июне/июле 1938 г.) до сих пор ничего не известно.

¹⁶ «Я очень люблю Козина, в произведениях которого звучит музыка». Имеется в виду Козин В.Р. (1900-1967), рус. сов. писатель, прозаик.

¹⁷ «Сейчас я задумал роман из эпохи Владимира Мономаха, с которым я живу, когда читаю книги о нем, вместе с ним живу в Переславле, в Киеве, живу его жизнью». О том, что педагог-писатель действительно начинал писать такое произведение, до сих пор не найдено документальных подтверждений.

¹⁸ «Я кончил 3 класса городского училища». Как видно из аттестата (1904 г.), Макаренко «обучался с 1901 года по 1904 год и окончил полный курс учения в Кременчугском 4-классном городском училище» (Лис./Уб., л.5).

¹⁹ «В высшей начальной школе был один год, затем учился на педагогических курсах, кончил это училище [...]». В «высшей начальной школе» Макаренко никогда не учился. По свидетельству (1905 г.) он в течение 1904-05 уч. г. являлся «слушателем Педагогических курсов при Кременчугском городском 4-х классном училище» и «удостоен звания учителя начальных училищ с правом

преподавания в сельских двухклассных училищах Министерства Народного Просвещения и обучения церковного пения» (Лис./Уб, л.6).

²⁰ «[...] учительствовал 13 лет [...]». В действительности Макаренко работал 12 лет учителем и руководителем школ (1905-14 и 1917-20 гг.). В 1914-17 гг. он проходил курсы повышения квалификации – Полтавский учительский институт, о чем в настоящем докладе почему-то не упоминает.

²¹ «[...] получал жалование 40 р. в месяц [...]». Это имеет отношение к работе Макаренко учителем ж.д. училища в Крюкове (1905-11 гг.). См. также док. № 21, прим.2.

²² Из способа написания в данной версии стенограммы – ряд точек вместо фамилии выступающего – можно заключить, что соответствующее лицо в момент печатания документа уже было арестовано.

²³ *Мартов Л.* (Цедербаум Ю.О.; 1873-1923), участник рос. рев. движения; с 1917 г. руководитель левого крыла меньшевиков; в 1919 г. чл. ВЦИК; в 1920 г. эмигрировал.

²⁴ «Мне вспоминается 1918 год, собрание в Большом театре и выступление Владимира Ильича. Мартов критиковал советскую власть». В томах Полного собрания сочинений Ленина, содержащих документы, относящиеся к 1918-1919 гг., о подобном событии сведений нет.

13. ЛЕКЦИЯ О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ, ПРОЧИТАННАЯ В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОБЩЕСТВЕННИЦА» (22.07.1938 г.)

Я, товарищи, лектор слабый, и никакой лекции вам сегодня я читать не буду. Потому что не совсем даже понимаю, как можно читать лекцию по этому важнейшему вопросу, уложившись в какой-нибудь час, и затронуть все самое главное. Люди работают над этим вопросом века, и каждый из вас этому вопросу посвящает в известной мере свою жизнь, и я посвятил жизнь этому вопросу. Мне нужно написать книгу для родителей, она задумана в четырех томах; я один том написал, а второй все пишу, пишу. Вы знаете – страшно трудная штука эта педагогическая проблема. А здесь мне говорят – в течение одного часа все принципы изложить, подсчитать, подчеркнуть и подвести итоги, и все будет хорошо: «Вы прочтете лекцию, а родители пойдут домой и начнут правильно воспитывать».

В этом вопросе много всяких недоумений, и поэтому я лекции не могу читать, потому что, если перечислить только названия тем, и то я в час едва ли уложусь. А мне хотелось бы в виде беседы поговорить о главнейших вопросах, какие сейчас нас всех беспокоят, и в этом смысле я, может быть, какую-нибудь маленькую пользу принесу. Почему? А вот почему. После того как вышла «Педагогическая поэма», ко мне все стали ходить: бывшие беспризорники и всякие бандиты, люди, искривившиеся в жизни и даже не искривившиеся, а ищущие какой-то правды, и спрашивают, как нужно поступить.

Пришел ко мне один ученый, представьте себе, и говорит: «Меня командуют для научной работы на Кавказ или в Сибирь, – что мне выбрать?»¹

Но после «Книги для родителей» я не знаю, куда спастись. Стали ходить родители, исключительно неудачники. Чего ко мне пойдет родитель, у которого хорошие дети? А приходят такие родители, приходят отец и мать:

– Мы оба члены партии, общественники, я – инженер, она – педагог, и у нас хороший сын был, а теперь ничего с ним сделать не можем. И мать ругает, и из дому уходит, и вещи продает.

Невелика номенклатура детских преступлений: дома не ночует, мать ругает, вещи продает – все это одно и то же.

Что нам делать? И воспитываем его хорошо, и внимание оказываем, и комната у него отдельная, и игрушек всегда было сколько хочешь, и одедали, и обували, и всякие развлечения предоставляли. И теперь (ему 15 лет): хочешь в кино, хочешь в театр – иди в театр, хочешь велосипед – на велосипед. [И] посмотрите на нас: нормальные люди, никакой плохой наследственности быть не может. Почему же у нас такой плохой сын?

Что мне с ними говорить? – думаю я. И для них даже [не]ясно, что они ко мне пришли?

– Вы после ребенка постель убираете? Всегда?

– Всегда.

– Ни разу не пришло вам в голову предложить ему самому убрать постель?

Пробую папаше задать вопрос:

– А вы ботинки вашему сыну чистите?

– Чищу.

И я говорю:

– До свидания. И больше не ходите ни к кому, а сядьте на бульваре, на какой-нибудь тихой скамеечке, и вспомните, что вы делали с сыном, и спросите [себя], кто виноват, что сын вышел такой.

Действительно, [отец] ботинки сыну чистит, каждое утро мать убирает постель. Какой сын может получиться?

Я много возился с ребятами, не то что с беспризорными, а хуже – из семей избалованных и большей частью из семей интеллигентных и сплошь и рядом из семей ответственных работников. Дети таких родителей, [из] самых лучших семей, какие только могут быть, через три-четыре года будут такими, как они [как о них – Г.Х.] рассказывают. Здесь дело не в каких-то педагогических законах, не в каком-то таланте воспитания, а в здравом смысле. Здравый смысл – это такая обыкновенная штука, которая есть у каждого человека, а у родителей начинает почему-то исчезать.

Второй том «Книги для родителей» я посвящу этому вопросу, почему люди здравомыслящие, могущие работать, учиться, даже получившие высшее образование, – значит, с нормальным разумом и способностями, часто общественники, которые могут руководить целым учреждением, ведомством, какой-нибудь фабрикой или каким-нибудь другим предприятием, которые умеют с очень разнообразными людьми поддерживать какие-то нормальные отношения, и товарищеские, и дружеские, и какие угодно, – почему они, столкнувшись со своим собственным сыном, делаются непригодными людьми, не способными разобраться в пустяке? Потому что они в этом случае теряют тот здравый смысл, тот жизненный опыт, тот самый разум, ту самую мудрость, которую они накопили за всю свою жизнь. Перед сыном они останавливаются как люди «ненормальные», не способные разобраться в таком пустячном вопросе. Почему? Оказывается, единственная причина – любовь к собственному сыну. Это самое великое чувство, которое вообще творит чудеса, которое творит новых людей, которое создает величайшие человеческие ценности, которые могут быть созданы только человеческим духом, – это самое чувство делается причиной брака, т.е. причиной создания негодных людей и, естественно, приносящих вред всему обществу и прежде всего семье.

Если точно обозначить наш вывод, то придется просто прямо сказать: любовь нужно подавать в каких-то дозах. Любовь требует какой-то дозировки, как хинин, как пища. Никто не может съесть 10 килограммов хлеба и гордиться тем, что он так хорошо поел. И любовь требует дозировки, требует меры.

За что бы мы ни ухватились в деле воспитания, мы везде придем к этому вопросу – к вопросу меры, а если точнее – к середине. Это слово для нас не-

приятно звучит. Что такое середина, что такое средний человек? Многие педагоги, которые так восхищенно мыслят и живут, всегда указывали мне на это как на мою ошибку: если вы рекомендуете середину, то будете воспитывать среднего человека: ни злого, ни доброго, ни талантливого, ни бесталанного – ни то ни се.

Такие возражения меня не смущали. Я начинал проверять, не ошибаюсь ли я, не воспит[ыв]аю ли я таких средних людей, и если я говорю, что в моем педагогическом методе должна быть середина, то не выйдут ли из-под моей воспитательской руки люди средние, люди неинтересные, скучные, могущие благополучно жить, но не способные ни создать великое, ни пережить настоящие высокие человеческие душевные переживания? Я проверил это на деле, и за мои 32 года учительской и педагогической деятельности и последние 8 лет в трудовой коммуне им. Дзержинского НКВД УССР я пришел к выводу, что этот метод правилен [правильный. – Г.Х.] и должен быть приложен к семейному воспитанию.

Слово «середина» может быть заменено другим словом, но я пришел к убеждению, что для того, чтобы создать настоящего человека, способного на великий подвиг, на великие дела и великие чувства, способного, с одной стороны, стать героем нашей эпохи, с другой стороны, вовсе не «шляпу», вовсе не человека, который все может раздать, без ничего остаться и хвалиться – вот я какой добрый человек. Даже в нашем идеале, против которого никто не может спорить, присутствует принцип какой-то середины, какой-то меры, какой-то дозы. И я понял, почему слово «середина» меня не смущает. Конечно, если сказать, что «середина» – это смесь белого и черного, тогда – правильно, смешайте черную краску с белой, и получится краска серая. Такая середина как будто бы и убийственна. Но если вы не будете гнаться за словами, а просто подумаете о человеке, то вы сразу увидите, какого человека мы считаем самым лучшим, самым идеальным, и таким человеком, каким должны были бы быть и наши дети, и если мы не будем ни в какую сторону уклоняться, если мы не будем увлекаться никакой излишней словесной философией, мы всегда скажем, какими должны быть наши дети. Каждый скажет: я хочу, чтобы сын был способен на подвиг, чтобы это был настоящий человек с большой душой, с большими страстями, желаниями, стремлениями, и в то же время я хочу, чтобы это не был раззява, который может все раздать, потому что [он], видите ли, добрый очень, остаться нищим и в нищете оставить жену и детей и растерять даже духовное богатство от такой доброты. Для нас такой Франциск Ассизский² не идеал. Мы говорим, что мы считаем необходимым в нашем человеке наличие определенной дозы эгоизма. Мы не говорим, что наши люди должны быть альтруистами, т.е. способными раздать все блага и остаться нищими.

То человеческое счастье, которое завоевала наша революция и которое будет увеличиваться с каждым годом, – это счастье должно принадлежать всем, и я – отдельный человек – на это счастье имею право. Я хочу быть героем и совершать подвиги, как можно больше дать государству и обществу, и в то же время я хочу быть счастливым человеком. Такими должны быть наши дети. Они должны отдать себя, когда это нужно, не оглядываясь, не подсчитывая, не имея никакой бухгалтерии действий, или счастья, или горя, а с другой стороны, они должны быть счастливыми.

Я, к сожалению, не вполне проверил, но вот что я вижу: самые лучшие дети бывают у счастливых родителей. Счастливые люди – и дети прекрасные, несчастные люди – и дети плохие. Причем счастливые родители – это не значит, что квартира с газом, и ванна, и все удобства. Вовсе нет. Я вижу много людей, у которых квартира в пять комнат и с газом, и с горячей и холодной водой, и две домашние работницы, но неудачные дети. То жена бросила, то муж бросил, то на службе не так, то хочется шестой комнаты или дачи отдельной. И я много вижу счастливых людей, у которых многого не хватает. Это я вижу и в моей собственной жизни, а я очень счастливый человек, и мое счастье не зависело ни от каких благ. Вспомните свои самые прекрасные времена, когда и того не было, и другого не было, а было духовное единение и силы в душе, и влечет вперед³.

Необходимый аксессуар счастья – это уверенность в том, что живешь правильно, что за спиной не стоит ни подлость, ни жульничество, ни хитрость, ни подсиживание и т.д. Счастье этого человека дает большой процент не только этому человеку, а прежде всего его детям. Поэтому позвольте сказать вам: хотите, чтобы были хорошие дети, – будьте счастливы. Разорвитесь на части, используйте все свои таланты, ваши способности, ваших друзей, знакомых, но будьте счастливы настоящим человеческим счастьем. А бывает так, что человеку хочется счастья, и он хватается какие-то камни, из которых потом счастье будет строиться. Я и сам одно время так ошибся. Мне казалось, что вот, если я возьму эту штуку, это еще не счастье, а на этой штуке потом счастье построится. Ничего подобного. Эти камни для фундамента, для того, чтобы потом на этих камнях построить дворец счастья, – эти камни потом очень часто обрушиваются на голову и оказываются просто несчастьем.

[Не]трудно представить себе, что у счастливого родителя, который счастлив своей общественной деятельностью, своей культурой, своей жизнью, который умеет этим счастьем распоряжаться, – у такого родителя всегда будут хорошие дети, и он всегда их правильно воспитает.

В этом вопросе лежит корень этой формулировки, о которой я сказал с самого начала: и в нашем педагогическом действии должна быть середина. Середина лежит между нашей большой, отдающей себя обществу работой и нашим счастьем, тем, что мы берем от общества. Какой бы метод семейного воспитания вы ни взяли, нужно найти меру, и поэтому нужно воспитывать в себе чувство меры.

Возьмем самый трудный вопрос (я так вижу, что у людей это считается самым трудным) – это вопрос о дисциплине. Строгость и ласка – это самый проклятый вопрос. Прямо хоть в Америку посылать за нормой строгости и ласки; может быть, американцы нормировали [и] это дело. У нас люди не нормировали этого.

По многим вашим глазам я вижу, что у вас прекрасные дети. Но в большинстве случаев люди не умеют нормировать ласку и строгость, а это умение в воспитании совершенно необходимо. Очень часто наблюдается, что люди как раз [не] разбираются в этих вопросах, но думают: это правильно, строгости должна быть норма, ласке должна быть норма, но это нужно тогда, когда мальчику шесть-семь лет, а вот до шести лет можно без нормы. На самом деле главное воспитание совершается до пяти лет, и то, что вы

сделали до пяти лет, – это 90% всего воспитательного процесса, а затем воспитание человека продолжается, обработка человека продолжается, но в общем вы начинаете вкушать ягодки, а цветы, за которыми вы ухаживали, были до пяти лет. И поэтому до пяти лет вопрос о мере строгости и ласки – самый главный, важный вопрос. Даже в первый день жизни вашего ребенка вопрос о норме строгости и ласки, т.е. вопрос о дисциплине и вашей нежности должен быть поставлен в порядок дня. Мы часто можем наблюдать, что ребенку очень много позволяют плакать. И здесь вы можете наблюдать отсутствие нормы строгости и ласки. Конечно, и в пять, и в шесть, и в семь лет эта норма, эта золотая середина, какая-то гармония в распределении строгости и ласки должны быть всегда.

Мне на это возражали уже опытные люди, что тут «неправильно у вас: вы говорите о мере строгости, а можно воспитать ребенка без всякой строгости. Если вы будете все делать разумно и ласково, так и жизнь проживете и никогда не будете строги с ребенком».

Я под строгостью не понимаю какой-нибудь крик или гнев какой-нибудь истерический. Вовсе нет. Строгость хороша только тогда, когда она не имеет внешнего выражения истеризма.

И в своей практике я начал «Педагогическую поэму» буквально с мордобоя. Строгость была необходима. А потом я научился быть строгим при очень ласковом тоне. Я мог сказать совершенно вежливо, ласково и спокойно [слова], от которых бледнели люди – мои колонисты. Строгость не предполагает обязательно крик или визг. Это лишнее. А вот ваше спокойствие, ваша уверенность, ваше твердое решение, если вы его ласково выразите, оно еще большее производит впечатление. «Пошел вон» – это производит впечатление, а сказать «будьте добры уйти» – тоже производит впечатление, может быть, даже большее.

Первое правило – это правило какой-то нормы, особенно в вопросе о степени вашего вмешательства в жизнь ребенка. Это чрезвычайно важный вопрос, который в семье часто решается неправильно. Какую долю самостоятельности, свободы нужно предоставить ребенку, и в какой мере нужно «водить его за ручку», в какой мере и что можно ему разрешать, и что запрещать, и что предоставить собственной воле?

Мальчик вышел на улицу. Вы кричите: не бегай туда, не ходи сюда. В какой степени это правильно? Если представить себе безмерную свободу для ребенка, это одинаково пагубно. [Но] если ребенок должен обо всем спрашивать, всегда к вам приходить, всегда получать ваше разрешение и поступать, как вы сказали, то у ребенка не останется никакого простора для своей инициативы, для собственной находчивости и собственного риска. Это тоже плохо.

Я сказал слово «риск». Ребенок в семь-восемь лет должен уже в своем поведении иногда и рисковать, и вы должны видеть этот риск, и вы должны допустить [допускать. – Г.Х.] известную долю риска, чтобы мальчик был смелым, чтобы он не приучался все под вашу ответственность складывать [на вас всю ответственность перекладывать. – Г.Х.]: мама сказала, папа сказал, они все знают, им и книги в руки, а я буду поступать так, как они скажут. При такой предельной степени вашего вмешательства сын не вырастет настоящим человеком. Иногда, правда, из него вырастет безвольный, не

способный ни на какое решение, не способный ни на какой риск и дерзания человек, а иногда бывает наоборот: он подчиняется, подчиняется вашему давлению до какого-то предела, но силы, бурлящие и требующие исхода, иногда взрываются, и дело кончается домашним скандалом: «Был хороший мальчик, а потом что-то с ним сделалось». А на самом деле с ним делалось это все время, когда он подчинялся и слушался, доставляя вам удовольствие и себе доставляя удовольствие, но силы, заложенные в нем природой и развивающиеся по мере роста и учебы, производили свое действие, и сначала он тайно начинает сопротивляться, а потом явно. Дать точный рецепт в такой короткой лекции я не могу, да и никогда не [с]могу. Я пишу об этом второй том «Книги для родителей».

Если вы внимательно присмотритесь к таким явлениям, вы найдете тот предел, дальше которого идти нельзя.

Бывает и другая крайность, тоже часто встречающаяся, когда считают, что мальчик должен проявлять полную инициативу и поступать как хочет, и совсем не обращают внимания, как мальчик живет и что он делает, и он приучается к самостоятельной жизни, к самостоятельному мышлению и решениям. Многие думают, что в таком случае у ребенка развивается большая воля. Как раз нет. Никакой воли не развивается в таком случае, потому что настоящая большая воля – это вовсе не умение чего-то пожелать и добиться. Большая воля – это не только умение пожелать и добиться, но и умение заставить себя и отказаться от чего-то, когда это нужно. Воля – это не просто желание и [его] удовлетворение, а это и желание и остановка, и желание и отказ одновременно. Если ваш ребенок упражняется только в том, что он свои желания приводит в исполнение, и никогда не упражняется в тормозе, у него никогда не будет большой воли. Без тормоза не может быть машины, и без тормоза не может быть никакой воли.

Мои коммунары очень хорошо были знакомы с этим вопросом. «Почему ты не затормозил себя, ты знал, что здесь нужно остановиться» – спрашивал я у них, и требовал в то же время: «Почему ты успокоился, почему ты не решился, ждал, пока я скажу?» Тоже виноват.

В детях нужно вырабатывать умение остановить, задержать себя. Конечно, это не так просто. В своей книге я подробно об этом напишу.

Рядом [Наряду. – Г.Х.] с этим нужно вырабатывать чрезвычайно важную способность, которую не так трудно выработать: это способность ориентировки. Она проявляется сплошь и рядом, иногда в пустяках. Вы обратите внимание вашего мальчика, как нужно ориентироваться. Он что-нибудь говорит. В это время кто-то пришел чужой или, может быть, не совсем чужой, но дополнительный элемент вашей семьи: тетя или бабушка. Он должен знать, ваш мальчик, что эти слова сейчас не нужно говорить (например, не нужно говорить при бабушке о старости, так как ей это неприятно). Умение детей чувствовать, в какой они обстановке, и чувствовать моментально, – это умение чрезвычайно важно воспитывать и нетрудно воспитывать. Достаточно остановить внимание на двух-трех случаях и поговорить с сыном или дочерью, как ваш толчок произведет чрезвычайно полезное действие. Действие этой способности ориентировки – приятное действие для того, кто его производит. [Но] оно усложняет человеческую жизнь.

Для меня в коммуне это было более трудное дело, чем в семье. В коммуне было много детей, и обстановка была гораздо сложнее. Всегда в толпе приходили и свои, и посторонние люди, и инженеры, и рабочие, и строители, и гости, экскурсии и т.д. И то я добивался в этом довольно хороших результатов, а в семье таких результатов можно добиться еще быстрее. Это – умение ощущать вокруг себя изменяющуюся обстановку – проявляется везде: мальчик перебегает улицу, он должен видеть, где кто идет или едет; и на работе он должен видеть, где самые опасные и хорошие места. Такая способность ориентировки помогает ему выбрать, где нужно пустить в ход свою смелость и волю, а где нужно пустить тормоз. Все это [я] сегодня поясню в грубой форме, а на самом деле ориентировка нюансируется, утончается, когда дело доходит до жизни.

Возьмите такой пример. Ваши дети вас любят, и им хочется эту любовь выразить. И вот тут тоже: это выражение любви – это тот же закон о действии и тормозе. Как часто неприятно видеть девочек (это у них большей частью бывает) – подруг: одна в 8-м классе одной школы и другая в 8-м классе другой школы, они виделись два раза в жизни, на даче, а они уже целуются, они уже стонут от любви друг к другу. Вы думаете, что они на самом деле любят друг друга? Очень часто это воображаемое чувство, игра в чувство, а иногда это уже делается привычной формой такого любовного цинизма.

Вы знаете много знакомых, где есть дети, вы знаете, как выражают дети любовь к родителям. В некоторых семьях это постоянные лобзания и нежные слова, постоянное проявление чувств, постоянное настолько, что возникает подозрение, есть ли за внешними проявлениями какая-нибудь любовь, или это привычная игра.

В других семьях какой-то холодный тон, как будто бы все живут отдельно, как будто бы нет никакой любви. Мальчик пришел, довольно холодно обратился к отцу или к матери, ушел по своим делам, как будто бы нет никакой любви. И только в очень редких приятных случаях вы можете видеть, как при холодных внешних отношениях мелькнет любовный взгляд и скроется. Это настоящий сын, который любит отца и мать. Это умение воспитывать, с одной стороны, проявление любви откровенное, искреннее, от души, а с другой стороны – сдерживание своей любви, чтобы любовь не подменялась внешней формой, не подменялась лобзаниями – это чрезвычайно важная способность. На одной этой способности, на проявлении любви к отцу и матери можно воспитать человеческую душу.

Я был предметом любви моих коммунаров. Они любили меня так, как можно любить отца, и в то же время я добивался того, чтобы никаких нежных слов, нежных прикосновений не было. Любовь вовсе не страдала от этого. Они учились проявлять свою любовь в естественной, простой, сдержанной и сдержанно не циничной форме. Они находили способ проявить любовь ко мне без всяких лобзаний и нежных слов. Я думаю, что вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Это важно и не только потому, что это воспитывает человека внешним образом, а это важно и потому, что закладывает тормоз и силу движения, которые пригодятся в каком угодно деле.

Здесь мы опять подходим к основному принципу: это – норма, чувство меры.

Это же чувство меры проявляется и в таком сложном, трудном вопросе, как вопрос делового, материального поведения. Недавно ко мне пришла группа женщин из одного дома. В доме произошла драма. Две семьи дружили, и в той и в другой семье были дети. Один мальчик Юра (он учился в 7-м классе) подозревался, что он взял что-то в доме без спросу, какую-то вещь или деньги.

И вот у соседей или знакомых в тот момент, когда мальчик был в гостях, пропала дорогая готовальня. Никого не было, кроме этого мальчика. Подозрение пало на него. И вот эти две семьи, очень культурные, вполне отвечающие за свои поступки люди, как-то вдруг, неожиданно для себя, увлеклись процессом следствия. Им нужно было во что бы то ни стало установить: украл он готовальню или не украл. Они три месяца занимались этим делом. Правда, они не вызвали собаку, они не вызвали никакой посторонней силы, но они проверяли, допрашивали, снова допрашивали, подсылали каких-то свидетелей, находили и тайные разговоры вели. Наконец они стали требовать:

– Скажи, мы тебя не будем наказывать.

Отец бил себя кулаком в грудь.

– Пожалей меня, я хочу знать, вор у меня сын или не вор!

Про мальчика забыли. Отец был объектом, его нужно было спасти от страданий.

Пришли ко мне:

– Что дальше делать? Мы дальше так не можем жить!

Я с ворами имел много дела [имел дело много раз. – Г.Х.], и для меня воровство давно перестало быть самым страшным делом. В Дзержинке ежедневно [проводились] общие собрания, на которых разбирались разные поступки. Опоздал на час из отпуска старый коммунар:

– Что это такое? Что за дисциплина? Как ты смел опаздывать? На пять часов под арест!

Все:

– Правильно!

– Виноват. Есть пять часов под арест!

И следующий выходит: украл. Украл три рубля у товарища.

– Ну что же, еще два раза украдет. Может идти.

Никакого гнева. Знают, привык человек красть. Все прекрасно знают и уверены, что он перестанет красть.

Воровство – это не такая страшная вещь. Это предрассудок, который идет от тех пор, когда собственность была священной и неприкосновенной.

Я попросил мальчика привести ко мне. Я вовсе не такой уж мудрец, что по глазам вижу, украл он или не украл, но я сказал ему:

– Ты ничего не украл. Готовальни ты не брал и не позволяй больше задавать себе вопросов о готовальне. И вы бросьте об этом разговаривать.

Они меня чуть не избили. Но я сказал им:

– Готовальни нет, исчезла, кто бы ее ни украл. Вас мучит вопрос, вор у вас сын или не вор. Вы читаете детективный роман, и вам хочется знать, чем кончилось, кто – вор. Отбросьте это любопытство. И раньше мальчик что-то крал, и теперь, он, может быть, украл. Эта склонность есть у него, воспитывайте его. Но забудьте этот случай и не мучайте себя и мальчика.

В некоторых случаях как раз чрезвычайно важно, если вы проследите мальчика, что он что-то украл, в некоторых случаях, если можете доказать и если чувствуете, что нужно поговорить, – поговорите. Но если вы ничего не имеете в руках, кроме подозрения, когда вы не уверены, что он украл, защищайте его от всех подозрений.

Одна девочка в трудкоммуне, взятая мною из проституток, действительно украла. Я вижу, что украла. Я вижу, что и ребята все уверены в этом, и она смущается. Оставалось мне последнее слово сказать. Я знаю, что она так привыкла красть, что для нее это так обычно, что, если мы скажем ей – как тебе не стыдно, на нее это не произведет впечатления. И я в совете командиров – а это серьезные люди, с которыми нельзя шуткой обращаться – сказал:

– Чего вы к ней пристали? Я убежден, что она не крала, и у вас нет доказательств.

Они кричали, кричали, но мое взяло верх. Отпустили ее.

И что вы думаете? Эта девочка сначала страшно заволновалась, посматривала на меня серьезно, с расстроенным видом; она тоже человек неглупый, что ведь дело ясное – как я так поверил, и неужели я поверил ей, как я мог так поверить? Я играл, или что я глубоко убежден? И когда я должен был давать ответственные поручения, я давал ей.

Так продолжалось месяц. Девочка переживала боль моего доверия. Через месяц зашла ко мне, заплакала:

– Какое вам спасибо, как меня все обвиняли, вы один защищали меня. Все думали, что я украла, а вы один думали, что я не украла.

Я ей тогда сказал:

– Это ты украла, именно – ты, я прекрасно знаю это и знал. Вот теперь ты больше не украдешь. Я никому не скажу, и ты не украла, разговор между нами замнем.

Конечно, она после этого вовсе не крала.

Такие ходы – это тоже ходы нелживые, они исходят из чувства меры, и они должны найти применение в семье. Не всегда в семье нужно злоупотреблять правдой. Всегда детям нужно говорить правду, в общем это правильный закон, но в некоторых случаях приходится детям говорить неправду. В тех случаях, когда вы знаете, что он вор, но уверенности нет, скройте. А в некоторых случаях, когда вы убеждены и доказательства есть, сыграйте на вашем доверии. Это только чувство меры. Там, где вы касаетесь личности ребенка, там вы не можете выражать ваши чувства, ваше негодование, вашу мысль без меры.

Я уверен, что среди ваших детей нет воров (*смех в зале*). Не видно, чтобы у вас это было. Но в других семьях это очень часто происходит. И очень часто родители думают: отчего наши дети крадут?

Я убежден, что это самый легкий вопрос. Так воспитать детей, чтобы они не крали, – это наиболее легкое дело. Гораздо труднее воспитать характер: смелость, тормоз, умение руководить своими чувствами, умение преодолевать препятствия. А воспитать уважение к вещам (не брать) – это легче всего. Если у вас в семье постоянный порядок и отец и мать знают, где что лежит, никогда в вашем доме воровства не будет. А когда вы сами не знаете, где что положили, бросили деньги на шкаф или положили кошелек под подушку и забыли, у вас дети могут начать красть. Раз в семье вы держите в беспорядке ваши вещи, то ясно, что и ребенок этот беспорядок видит. Он видит, что вся система вещей не держится в центре вашего внимания, и он уверен, что, если он какой-нибудь пустяк из этой системы возьмет, вы не заметите.

Первый случай детского воровства – это не воровство, это «взял без спросу». А потом это делается воровством. Если ваш ребенок точно знает, что он может взять, не спрашивая, то это значит, что ребенок никогда не будет красть. Простая штука, какое-нибудь пирожное, оставшееся от обеда или от гостей, которое стоит в буфете и не заперто, и никто не запрещает его взять. Но если мальчик взял его тайно, взял без спросу, это уже воровство. И если постановлено в доме так, что мальчик этого пирожного без спросу не возьмет, это хорошо. Хорошо, если он не будет выпрашивать как раб господина, а так, чтобы вас поставить в известность, чтобы он не выпрашивал у вас, а ставил вас в известность. В таком случае не разовьется и воровство.

Если же вы все запрещаете, и пирожное ребенок будет просить с самочувствием человека, которому могут дать, а могут и не дать, и от этого развивается воровство. Если вы позволяете все брать и выносить или если он ничего не может взять в доме, когда у него никакой воли [нет, и на] все должно быть разрешение, и в том и в другом случае может развиваться воровство.

Кроме того, очень важны в доме порядок и чистота, отсутствие пыли, отсутствие лишних, изломанных, разбросанных вещей. Это все чрезвычайно важно, гораздо более важно, чем кажется. Если в доме много вещей, которые мешают жить, но которые жалко выбросить, либо потому, что они чего-то стоят, либо потому, что они что-то напоминают, и поэтому торчат и обрывки старых платьев, и пыль, и ковер, который только потому лежит, что куда вы его денете, то в таких случаях воспитывается атмосфера беспорядочности, отсутствие ответственности за вещи, которое принимает, в конце концов, форму воровства. Если в вашем доме только необходимые вещи, которые нужны действительно, которые на что-нибудь полезны и приятны, если не торчат старые, истрепанные, изношенные края, тогда воровство развивается с большим трудом. Эта ответственность за вещь, которая в вашем внимании к вещи, которую вы поставили или выбросили, когда она не нужна, – эта ответственность за вещь воспитывается и у ребенка, и принимает форму уважения к вещи, и служит иммунитетом воровства [к воровству. – Г.Х.].

Я сказал о самом главном, что я считаю важным в нашей воспитательной работе: это чувство меры в любви и строгости, в ласке и в суровости, и да-

же в самой действительной правде и в вашей игре, и в вашем отношении к вещам и хозяйству. Это главный принцип, на котором я настаиваю.

Я подчеркиваю, что именно при таком принципе воспитания могут вырастать люди, способные и к большому терпению, без плача и без слез, и к большому подвигу, потому что этими формами вы будете вырабатывать волю.

ВОПРОСЫ К ТОВ. МАКАРЕНКО.

ГОЛОС С МЕСТА. К тов. Макаренко очень много вопросов. Все мы читали его книгу, и у всех нас есть наболевшие вопросы, и нам всем интересно поговорить с т. Макаренко в другой обстановке. Можно ли с ним лично посоветовать[ся] или написать письмо?

Относительно воровства. У меня это наболевший вопрос. По этому поводу я два месяца тому назад написала вам письмо, но отправить не решилась. Я просила в «Правде» указать ваш адрес. Мне сказали, что вы на даче и что вы никого не принимаете.

У меня два мальчика. Условия воспитания одинаковые, а ребята разные. Одного не интересуют деньги, а другой не может видеть денег, чтобы не взять. Никакие замки не помогают. Трудовая обстановка в семье, родители живут дружно. Но если оставить варенье, он обязательно съест. Если оставишь кошелек с 30-40 рублями, возьмет последние.

[Старший] парень хороший. Чужое не возьмет, свое отдаст. Не знаешь, как к нему подойти. Отец возмущается, когда об этом говоришь. Мальчику шестнадцать лет, а физически развит, как в восемнадцать. В 10-м классе. Старший – комсомолец, а этого комсомол не интересуется. Очень красив собой. Девочки нравятся ему. Учиться не хочет и не учился с первого класса. Переходит из класса в класс на «посредственно». Процесс труда ему ненавистен, но он [за] все хватается.

– Что, ты хочешь учиться?

– Да.

– Почему же не учишься?

– Не учится.

– Не хочешь учиться – иди работать. Чего ты вообще хочешь в жизни?

– Не знаю.

Футбол любит. Приходит домой в три часа ночи.

– Где ты был?

– Где был – там нет.

Чужим не грубит – [в] семье грубит. И вот это воровство.

Как быть с ним? Отец говорит – он не брал, а я говорю – брал. Отец играет на этом доверии, но никакого толку от этого нет.

Сейчас перешел в 9-й класс. Я думаю – может быть отдать его в военную школу. Но берут только в кавалерийские школы. Я считаю, что это страшно ограниченная область, у которой ни будущего, ни настоящего.

Тов. МАКАРЕНКО. На ваш вопрос дать ответ невозможно. Если бы я познакомился с мальчиком, я мог бы поговорить и дать совет, но заглазно, не зная вашей обстановки, не зная ваших ошибок, и ошибок в тоне и других, не зная ваших знакомств и быта, не могу взять на себя ответственности дать какой-либо совет.

Но вообще должен сказать – неутешительная штука. В «Книге для родителей» я стараюсь говорить на эту тему, а как нужно воспитывать, я ни в «Книге», ни сегодня не пытался говорить. Для семьи это чрезвычайно трудная вещь. Чтобы воспитывать, необходимо изменить весь тон коллектива, в котором он живет; ваш мальчик в коммуне был бы самый легкий мальчик, поскольку он и грамотный, и нормальный, и красивый, а вы в семье потерялись действительно, что можно с ним сделать. Вы бросаетесь из стороны в сторону, вы то одно попробуете, то другое попробуете. Но я уверен, что если мы с вами побеседуем, то мы придем к какому-нибудь результату, если вы примете меня к себе в гости. У меня много таких домов, где я бываю в виде ходячего педагога. Это мой хлеб, это для меня важно: я расширяю сферу наблюдений. Это никакое не одолжение, вы не стесняйтесь со мной. Я никогда не выезжал и не выезжаю. Всегда звоните по телефону: В-1-78-96. Звонить лучше утром до 11-ти или в час ночи. Причем прошу не стесняться и не думать, что вы обращаетесь ко мне, как к ученому-педагогу, а я оказываю вам какое-то содействие. Вы мне поможете, а я вам помогу.

С МЕСТА. У меня девочка, ей шесть лет. Я хотела бы воспитать из нее смелую хорошую девочку, но, несмотря на все мои усилия, а я избегала запугивания ребенка, все-таки у меня ребенок несмелый, боязливый. Когда ложится спать, всегда спрашивает: «Какие мне будут сниться сны?» Как будто бы она боится и просыпается, когда видит сны.

Каким образом воспитать смелость в ребенке? Я много старалась, но результатов нет.

Тов. МАКАРЕНКО. Здесь вам нечего бояться. У девочек в шесть лет сплошь и рядом бывает нервность. Девочка в шесть-семь лет несмелая, а в одиннадцать станет таким буйном, что не удержите.

Тут вам нужно обратиться к врачу. Нет ли у вас домашней работницы, которая рассказывает о чертях?

(С МЕСТА. Снов. Какие сны она будет видеть?)

Я не представляю себе, что это за тип страха. А может быть, это воображение? Иногда это страшно развитое воображение.

Здесь врач больше поможет. Вы никаких данных для определения девочки не даете. Не познакомившись с девочкой, будет халтурой с моей стороны говорить о ней. Вы разрешите зайти к вам, а сами лучше поговорите с врачом, не с психиатром, а с самым обыкновенным врачом по нервным болезням. Может быть, здесь какие-нибудь гланды или что-нибудь такое.

С МЕСТА. Как быть в таком случае? Дома с мальчиком беседуешь, что можно, чего нельзя. Прививаешь ему навыки. И отпускаешь его в группу ребят, т.е. не ограничиваешь его в том, чтобы он был среди ребят. Знаешь, с

какими детьми он находится, знаешь, что учиться ругаться, знаешь, что разговаривает с ними и о воровских делах, хотя дети в возрасте старше этого ребенка на 2-3 года. Не отпускать ребенка не можешь, тогда его нужно посадить дома, смотреть за ним и лишить его всяких удовольствий. Отпускать его – знаешь прекрасно, что от этой группы детей получишь много всяких неприятностей.

Тов. МАКАРЕНКО. Вы задаете мне такие вопросы... Мне нужно заболеть зазнайством. Я не египетский [египетский. – Г.Х.] мудрец. Вопрос страшно трудный.

Эррио приезжал в Союз, приехал и к нам в коммуны⁴. В коммуне ему очень понравилось. Он плакал целый час, пока оркестр играл Бетховена. Он не мог себе представить, что уличные мальчишки играют ему Бетховена. Решил познакомиться ближе.

– Все бы хорошо, – сказал он, – но с одним я не согласен: как вы допускаете, что нормальные, хорошие дети воспитываются рядом с ворами, фальшивомонетчиками и шпионами?⁵ (С границы нам прислали всяких перебежчиков.)

И завели спор в присутствии всего Наркоминдела.

Меня дергают за рукав – кончай! Тогда я сказал коротко:

– В жизни как – живут хорошие люди рядом с плохими? Смотришь – мошеник, получил то, что не полагается, а живет среди нас.

Готовить детей, чтобы они могли жить только в обществе идеальных людей, мы не можем. Такого мальчика воспитаєте – он скиснет, как только попадет в общество. Ваш мальчик должен приучаться к обществу какому угодно. Он должен и к таким типам приспособляться, и чем он больше окружен всеми условиями жизни, тем лучше. Изолировать, не пускать – это может принести большой вред. Он так приучится к семейному инкубатору, что каждый его сможет обмануть и провести. Нужно воспитывать сопротивление. Для этого есть единственный способ: это тон вашей семьи. Если в вашей семье настоящий хороший тон, если вы имеете авторитет, если мальчик верит, что вы есть самая красивая, самая справедливая, самая аккуратная, самая веселая и в то же время самая серьезная, то не нужно его убеждать – если вы то высшее существо, авторитет которого для него самое главное. А раз вы начинаете уговаривать и убеждать, он думает: ты, значит, не такое высшее существо, раз ты меня убеждаешь. А вы скажите: «Ты должен знать, что этого делать нельзя». А если он все-таки сделал – «Объясни». Пусть он вам объясняет, а не вы ему. Этот момент распоряжения, не подлежащего сомнению: «Нельзя» – это уже будет первый шаг.

Если тот мальчик плох, с которым он играет, вы не запрещайте с ним играть, но подойдите поближе к этому мальчику, узнайте, чем он нехорош, и узнайте, когда тот мальчик так себя проявляет. Сделайте так, чтобы не убеждать мальчика, а произведите на него впечатление вашей уверенностью, вашим спокойствием, чтобы сын не видел, что вы трепещете, что он таким же сделается. Здесь дело не только разума и души, но и глаза.

С МЕСТА. Как объяснить ребенку, что тебе рано некоторые книжки читать, тебе рано читать Мопассана или Драйзера?

Тов. МАКАРЕНКО. Я вам отвечу, но вы никому не говорите. Если в Наркомпросе узнают, что я сказал – мне и так жизни нет. – Все можно читать. Вы Мопассана запрячете, а то, чем он интересуется в Мопассане, он найдет в гораздо худшей форме. У Мопассана это подано художественно, красиво, и это его облагораживает, а в другом месте он найдет эти вещи гораздо хуже.

[С МЕСТА]. У меня мальчик, учится в 4-м классе. К родителям относится идеально. В каком смысле? Если он заболевает, то мать он не разрешит себе ночью позвать:

– Ты устала, я сам встану.

Ребенок дисциплинированный. В школе педагог периодически подсаживает к нему детей недисциплинированных. Я не имела ничего против этого. Но у ребенка развивается какая-то неприятная черта. Он приходит домой и говорит:

– Знаешь, а сегодня мой «питомец» получил уже отлично. Так его, вероятно, пересадят, а ко мне Петрова или Иванова подсадят. Надо будет и его вытягивать.

Я не знаю, насколько это полезно для него или бесполезно и как ему объяснить, что все-таки он не педагог еще, а такой же мальчик.

Другой случай. В семье, которую мне пришлось наблюдать, рос мальчик. Я знаю его с полутора лет. Рос хороший мальчик. Задатки были хорошие. Отец был артистом. Мать – никаких занятий не имела. Отец умирает, мальчику двенадцать лет. Он остается таким же хорошим. Сестра – очень хорошенькая девочка. Мальчик ее маленькую жалел. Сейчас он не жалеет ни мать, ни сестру, когда умер отец. Почему так получилось, что из хорошего мальчика вдруг со смертью отца получился грубый, дерзкий шестнадцатилетний малый?

Тов. МАКАРЕНКО. Если мать отдает сыну пищу – это наибольшее преступление. Сын должен матери отдавать пищу, сын должен отказывать себе для матери. Пусть мать начинает борьбу. Это трудная борьба.

Слышал я, что в Англии есть такое правило, что в трамваях дети уступали место взрослым. Это правильно.

И вот здесь, по этому поводу приходится часто спорить с родителями. Я дальше не стал говорить, а я глубокий сторонник того, чтобы в семье все лучшее было, прежде всего, родителям. Если у вас есть шелк, надо шить платье матери. Если у вас есть сто рублей и стоит вопрос, кому поехать прокатиться по каналу «Волга – Москва» – родителям или детям, то самое лучшее – в первую очередь родителям, а потом уже детям. Это вовсе не значит, что вы о детях перестанете беспокоиться. Вы можете о них беспокоиться, но так, чтобы сын был убежден, что в первую очередь должна быть забота о родителях.

Я часто слышу такие рассуждения. Комсомолки, да еще отличницы, говорят матери: когда решается вопрос, кому шить шелковое платье:

– Да что тебе нужно? Тебе тридцать восемь лет, что тебе осталось жить, а я молода, мне нужно жить!

У меня дочери нет, но племянница у меня жила и воспитывалась⁶. Если у жены четыре-пять платьев, а у племянницы два, я настаивал, чтобы жена сшила себе пятое платье, а она [девочка. – Г.Х.] пусть подождет третьего. Я предложил бы девочкам до шестнадцати лет делать только ситцевые платья. А окончит десятилетку – получай простенькое шелковое. Имей два-три ситцевых платья, да еще сама их зашивай, и гладь, и перешивай, если нравится, и это норма. А если такой-то пошили такое-то платье, так и мне нужно – это не годится. Так нужно сделать, чтобы дочь гордилась ситцевым платьем и гордилась тем, что матери уступила⁷.

Что же касается «педагога»-мальчика, то раз здесь вмешались школа и педагог, что я могу сделать? Там ведь понимают, что делают, люди ученые.

Я сам поручал своим коммунарам наблюдение за более слабыми. Но это нужно инструментировать иначе. Другая инструментовка должна быть. То есть я не говорил, что ты лучше, а тот хуже, а я говорил:

– Ты того-то не сделал, так я тебе даю нагрузку: повозись с этим отстающим человеком. А если не сделаешь, так я тебя взгрею, что плохо сделал. Когда человеку помощь оказал, [то] он не чувствует себя педагогом, он исполняет [данное ему] поручение.

В вашем случае плохо то, что и другие мальчики не занимаются этим. Если одни другим помогают, то никто не будет воображать, что он педагог. Все это зависит от стиля учительской работы. Общего закона здесь придумать нельзя. Вредно, если он зазнается, очень вредно. Ему нужно сказать: «Учитель немножко ошибся, тебя самого нужно еще подтягивать».

Если учитель делает ошибку – что я могу поделаться? Это очень грубый, дешевый метод.

Тов. ЛЮБИМОВА⁸. Сегодня я с большим нетерпением сюда шла послушать тов. Макаренко о воспитании детей, и все то, что сказал тов. Макаренко, полностью совпадает с воспитанием моих ребят. Это, очевидно, потому, что у меня не один ребенок, а трое ребят.

Относительно счастья родителей. Как понимать счастье родителей? Что счастье заключается не в любви и в комфортабельности наших помещений, а в том, чтобы родители работали и эту работу дети видели и ощущали.

Мой муж работает, я тоже работаю – общественной работой занимаюсь. Я нахожу моральное удовлетворение в этой работе, и я счастлива, что я цель вижу в воспитании моих ребят.

Как я начала их воспитывать? Почему такое сходство с тем, что сказал тов. Макаренко? Ребенок у меня с рождения никогда не был на руках. Действительно, с пеленок, все трое ребят не были на руках. Если ребенок лежит в коляске, его нужно кормить, – беру, кормлю. Если ложусь спать, с собой не кладу. Сажусь обедать или пить чай, ребенка не беру, в гости с собой никогда не беру. Если ребенок проснулся, ему нужно играть, ему предоставлена кровать. Если плачет, я выявляю причину, отчего плачет. И дети до года совершенно на руках не были.

Что получается сейчас? Сейчас тоже режим дня. Бывают отклонения, но приходится уходить. Старшему одиннадцать, второму восемь и четвертому [третьему. – Г.Х.] четыре года, три мальчика. Своих детей очень люблю. Я

все для них делаю: одеваю, кормлю хорошо их, все приятное доставляю, и наказание заключается в том: если ребенок что-нибудь плохо сделал, я лишая какого-нибудь удовольствия. Это для него такое наказание. Если он сегодня не пойдет гулять, он должен завтра это исправить.

Я вожу их в театр, в кино, иду с ними в лес, собираю ягоды.

Мы, родители, должны, прежде всего, воспитывать своих детей, а у нас зачастую бывает так: сегодня мы режим нарушили, а завтра – по-другому. Это очень отражается на ребенке. Мне трудно бывает, но я не отклоняюсь от режима дня, и я его всегда привожу в исполнение.

Если я куда-нибудь ухожу, я даю им [детям. – Г.Х.] указания, что они будут делать, а когда прихожу, то я премирую тех, кто лучше себя вел. Премирую хорошей конфеткой или игрушкой.

В отношении авторитета. Родители должны быть авторитетны. А для этого мы должны свое слово всегда приводить в исполнение и правдиво приводить в исполнение.

Один маленький пример. Я вела общественную работу в школе. Был такой случай. Своих ребят, ребят школы, где учится мальчик, я водила неоднократно в театр. Я шефствовала над одним классом. Мне говорят, что там пять хулиганов. Я спрашиваю:

– Ребята, кто пойдет из вас в театр? Кто будет хорошо вести себя, всех в следующий раз возьму в театр.

Раз я говорю, я должна привести в исполнение.

На следующий раз, когда я прихожу в класс, обращаюсь к одному из тех мальчиков, которые считались хулиганами:

– Ну как, Сироткин, вел себя хорошо?

Он вел себя хорошо.

– Деньги есть?

Вынимает деньги.

Когда вела ребят в театр, мне говорят:

– Он убежит от вас, каждый педагог говорит, что [он] хулиган, хулиган – никто не сказал ему ласкового слова.

Когда приехали в детский театр, мне говорят:

– Вы его одного не отпускайте.

А я ему говорю:

– Иди и гуляй, но только знай свое место.

Когда в антракте я стала подходить к своему месту, я увидела позади себя мальчика: он ходил за мной и смотрел, куда я пойду.

Я на него не обращала внимания, но здраво говорила с ним, и он великолепно встал в пару и хорошо себя вел, а когда мы доехали на трамвае и стали расходиться по домам, он сказал мне:

– До свидания, тетя!

Индивидуальный подход к ребенку и ласка, прежде всего, должны быть.

В отношении своих ребят. Я довольна, что частица того, что сказал тов. Макаренко, отражается в моей жизни. Но мне кажется, я бываю строга. Нужно ли эту строгость продолжать в таком духе?

Тов. МАКАРЕНКО. У меня впечатление, что к своим вы очень строги, а к чужим ласковы.

Тов. ЛЮБИМОВА. Иногда ребенку чего-нибудь хочется, я отказываю, или ему хочется пойти, а я говорю: «Без меня не можешь пойти, не можешь самовольно уходить» и т.д. Может быть, я не предоставляю такого широкого права. Ему одиннадцать лет.

В отношении воровства. Недавно был такой случай. Я взяла новую прислугу. Когда бабушка высыпала сахар и ребята его не таскали, она удивилась и говорит:

– У той хозяйки дети всегда таскали сахар.

У меня ничего не запирается и нет того, чтобы ограничивать ребят, но если ребенок что берет, он ставит меня в известность: я взял то-то.

С МЕСТА. Ваш муж вам помогает или подрывает вашу дисциплину?

Тов. ЛЮБИМОВА. Муж такой авторитет для ребят! Он никогда не скажет им, но в выходной день он встает и говорит:

– Ребята, одевайтесь, поедem гулять.

Мы поехали на лыжах, а мальчик провинился. Он ничего не сказал ему, кроме так:

– Ты на лыжах не поедешь.

Вот все, что было сказано. Прошло некоторое время. Мы собираемcя идти на лыжах. Мальчик спрашивает [меня]:

– Я пойду?

– Я ничего не знаю, спрашивай папу.

Тот сказал: «Нет, нет». Мальчик неистово кричал – мама, не берут на лыжах, но мы его так и не взяли. Он не поехал на лыжах, несмотря на то, что это полезно ему – бегать на лыжах. Свои слова всегда нужно приводить в исполнение.

Тов. МАКАРЕНКО. Это страшно интересно.

С МЕСТА. Многие матери, в том числе и я, к чужим детям более ласковы, чем к своим, т.е. к своим строже. И сын делает замечание:

– Ты как будто бы того больше любишь.

Я отвечаю:

– У него нет папы и мамы (на этот раз это было так), а у тебя есть мама. Хоть я тебя и поругаю, все-таки я твоя мама.

А по отношению к другим детям я не знаю, что ответить.

Тов. МАКАРЕНКО. Потому что я тебя больше люблю, поэтому я строже.

С МЕСТА. А у меня девочка четырнадцати лет. Она растет замкнутой. У нее нет подруг. Второй год она работает в кружке собаководов, она дрессирует собак. А мы с отцом смотрим на это так: ну что девочка собак гоняет.

Когда начинаешь говорить девочке: когда ты кончишь гонять собак, она отвечает: или я собак буду гонять, или по задворкам буду гулять. Но отец и я смотрим, что это пустяковое занятие. Мы это жутко переживаем.

На туалеты не обращает внимания, лишь бы было чистое. Перешла в 7-й класс, «посредственно» имеет только по русскому письменному. Она хочет быть собаководом, работать по биологии.

Тов. МАКАРЕНКО. Я удивляюсь вашему беспокойству. Это шикарный случай. До чего неприятна та молодежь, которая ничем не интересуется, лишь бы только вечер провести. Это самый несчастный случай. А если девочка увлекается собаками, это шикарно, и пусть увлекается. Собаки – это прекрасные существа, с ними общество никогда не вредно.

С МЕСТА. Одна из товарищей, говоря о воспитании своих детей, сказала, что она премирует ребят за хорошие поступки. Правильно ли это?

Тов. МАКАРЕНКО. Я это записал. Что касается премирования шоколадкой, я против этого. В семье одно премирование должно быть: «Ты поступил правильно». Вы можете дать шоколадку независимо от поступков.

В последнее время беспризорные стали жить богаче, чем многие дети в семье. Они делали фотоаппараты. Мы построили прекрасное здание: паркет, зеркала, прекрасные картины. Вы можете прочитать «Флаги на башнях», печатается в «Красной нови»⁹. Этот вопрос о премировании меня всегда занимал. Как это просто – подкупить ребенка: сделаешь это – получишь премию. Я всегда сопротивлялся. Никакой премии, никогда. Самая большая премия: «Правильно поступил». Еще бóльшая премия: благодарность в приказе. Это высшая награда, и никто из коммунаров никакой другой награды никогда не получал.

Если какой-нибудь мальчик поступил безобразно, некрасиво, я его накажу. Как я мог наказывать? Под арест или в наряд, но лишить его пищи или сладкого, не дать чего-нибудь – этого я себе не позволял. Шоколад всем полагается, и ты получи, как бы ты ни был плох. Ни премирование, ни наказание при помощи сладостей – недопустимы.

Это небольшая опасность, но это приучает к бухгалтерии, расчету. До одиннадцати лет эти «бухгалтера» [себя] не проявляют, а когда им будет 18-20 лет, вы увидите неприятные последствия. У вас прекрасная норма строгости и ласки, но в шоколадках что-то есть.

Тов. ЛЮБИМОВА. Я не премирую их каждый день. Мне нужно идти на собрание, домработницу я отпустила. Я им говорю:

– Ребята, будете вести себя хорошо, я вам вкусных вещей принесу.

Тов. МАКАРЕНКО. В этом случае вы поступаете, как старомодная мамаша. Вы такая сильная мать, вы можете без этого обойтись. У вас это вреда не приносит, потому что у вас и без этого хорошо, а у кого слабовато, это может вред принести.

Тов. ЛЮБИМОВА. Ведь лучших стахановцев на заводе премируют, и они [дети. – Г.Х.] знают, что и папу премируют. Вот папу премировали, а почему не меня?

Тов. МАКАРЕНКО. Если вы дадите задание длительное на год вперед, – вот вам такое задание за перевыполнение плана – премия. Но при этом должна быть не конфетка, не шоколадка, не велосипед, а что-нибудь такое, что ему нужно для работы: инструмент или молоток. Тут выбирать не так легко. А это – «будешь хорошо вести – дам конфетку» – я не применял бы.

И часто вы хвалите? А если редко хвалишь, то похвала страшно действует. Иногда я приглашал того или другого коммунара официальной запиской: «Прошу прибыть в 11 часов». Я вставал и говорил в таких случаях: «Ты поступил правильно», – и это для всей коммуны было событием. Я признал его поступок правильным.

И в семье это легко.

Я остановлюсь в этом разрезе вот на каком вопросе. Муж и жена. Семья состоит не всегда из двух равномерных компонентов: иногда жена мягче, муж строже, а иногда наоборот: муж такой сахарный, ласковый, что никакого спасения, а жена зато все в руках держит. Я прихожу к такому заключению: это как-то нужно упорядочить – в семье должны быть две инстанции: низшая и высшая. Кто больше уделяет внимания детям? Жена? – Пожалуйста. Муж должен быть в запасе. Он должен посматривать, не вмешиваться, ничего не говорить или говорить очень редко. Такой разговор в «высшей инстанции» должен иметь вид маленького «скандала». Когда ребенок плохо поступил – лучше мужу не говорить, а когда мальчик «перебрал» в своем поведении, тогда можно [звать] на помощь «тяжелую артиллерию». Это необходимо. А когда на мальчика одновременно «набрасываются» и отец и мать, это непосильная нагрузка детям. И здесь нужно распределить, кто будет апелляционной инстанцией, кто кассационной, а кто постоянно действующей.

С МЕСТА. Я хочу, чтобы ребята были хорошие, и воспитываю их в другом духе (чрезмерная любовь портит ребенка), но муж подрывает мне воспитание.

Я материально обеспечена, я неплохая хозяйка. Ребенок может пойти в кино, может пойти в театр, а завтра еще куда-нибудь, может купить мороженого. Я считаю, что я имею возможность это делать, но не делаю. Я не покупаю каждый день конфет, потому что этим я его порчу. У него появляется возможность всегда купить и иметь.

И еще развинчивает ребенка, если мы не работаем вместе с детьми. Если я сказала: будем стелить постели, и они стелют, и я стелю. Если я уйду на огород, и они вместе с[о] мной работают. А если я скажу: сделайте одни, и уйду, то они делать не будут. Нужно лучше вместе работать, тогда и ребенок научится работать. Не одна любовь портит детей, а все это вместе.

С МЕСТА. У меня детей нет, и [но. – Г.Х.] я страшно люблю их. У нас в доме 36 ребят, с которыми я занимаюсь. Эти дети не так слушают родителей, как меня.

У меня детство было тяжелое, воспитывали не так, как сейчас, и я все это учитывала. Несмотря на то, что мы жили в большой строгости, родителей мы очень любили. Они оказали мне много внимания, и условия были дру-

гие. Я все это учла, и подхожу к детям по-иному. Когда я прохожу по двору, то мне дети всегда кричат, где бы я ни проходила: «Здравствуйте, тетя Маня». И если они сотворили что-нибудь, они приходят ко мне, как к судье: «Тетя Маня, он сделал то-то – что ему будет за это?» Я не стану на него кричать, а скажу, что он ошибся, плохо сделал, но не надо его отталкивать, ребята.

Я бы сказала, что за 17 лет я от детей, многие из которых подросли и стали комсомольцами, чувствовала очень большое внимание, и я просила бы матерей, что к детям нужно относиться бережно, надо учиться не слишком крепко ласкать их, но и не быть суровым, а главное – нужно создать себе авторитет.

С МЕСТА. Я попала в конец, ухватила лишь последние слова т. Макаренко и о них буду говорить.

Вы сказали, что очень большое значение в воспитании ребят имеет и домашняя обстановка. Что вы считаете излишним в семейной обстановке и что не считаете лишним? Если я буду воспитывать ребенка в «голой» обстановке, правильно ли это? Допустим, что много вещей не полагается и что все они должны лежать в строго определенном месте. Каждый из нас старается это делать, потому что непорядок в доме – это значит непорядочно воспитывать ребят.

И вот у меня висят картины. Я не скажу, чтобы у меня была скудная обстановка. Я сама художница. Завесить всю комнату картинами – это, может быть, негигиенично, а много лишних вещей иметь – нельзя. Может быть, хорошо было бы, если бы я сняла картины?

Мой сын попал на квартиру к преподавателю математики. С точки зрения класса этот преподаватель несносный, сухой, такой педант, придирчивый, бездушный человек. Но вот мой сын попадает в домашнюю обстановку этого преподавателя. И какое же впечатление она на него произвела? (Мальчику восемнадцать лет.)

Он сказал:

– Я думал, что он сухой, неинтересный человек, а когда я к нему зашел, мне стало так приятно сидеть у него. У него висят такие хорошие картины, потом у него старинные диваны, старинный стол, так приятно, все это ласкает глаз – не хотелось уходить, а в классе ждешь не дожدهшься, когда он уйдет из класса.

Другой случай. У меня для мальчиков ширмами выделена отдельная комната. Я старалась в их комнате меньше вешать картин. А недавно, в пушкинский юбилей, один знакомый художник подарил портрет Пушкина со старинной картины. Я поместила его в простую раму и повесила у мальчиков в комнате.

– Как приятно – Пушкин! – сказали они. – Нельзя ли еще что-нибудь повесить?

Как [Так. – Г.Х.] настроение создается. Хорошая обстановка, хорошие вещи облагораживают ребят, а вы сказали – лишних вещей не нужно. Я боюсь, что я не так поняла. Что считать лишними вещами?

Тов. МАКАРЕНКО. На этот вопрос лучше всего художник ответит. Лишние вещи – это вещи, которые лишние. Портрет Пушкина нравится, производит впечатление – это не лишняя вещь. Лишняя вещь – это та вещь, которая не нужна, никакого впечатления ни на кого не производит, торчит в комнате. Разве вы не знаете квартир, которые похожи на мебельный магазин. Кажется – роскошь, а на самом деле мебельный магазин. Если вы просто повесите вашу комнату картинами, то из них половина будет лишними.

Не должно быть вещей, пришедших в изношенность. Не должно быть книг, которых никто не читает, не должны лежать прошлогодние журналы, не должны стоять диваны, на которых никто не сидит и которые только загромождают комнату. Если вы повесите один портрет Пушкина, [а затем] и второй, и третий, и пятый, и десятый, то как бы Пушкин ни был велик, – девять из его портретов нужно снять. Лишнего, пыльного, истрепанного быть не должно, а вообще красивая богатая обстановка – почему же, это не так плохо.

С МЕСТА. Я педагог. Мне приходится сталкиваться с детьми по линии учебной. Вызываешь родителей, говоришь, что ребенок не систематически готовит уроки. Родитель рвет и мечет. Но добиться, чтобы родители следили за дневником ребенка, чтобы ребенок регулярно садился за уроки, не удается. Один из важнейших принципов – чтобы не действовать наскоками на ребят, а чтобы проводили в отношении ребенка определенный метод, предъявляли бы к ребенку требования и постоянно соблюдать их.

У тов. Макаренко именно этот принцип. Я была у него в колонии, когда была еще студенткой, и на всю жизнь вынесла яркое впечатление. Я видела, что ребята отлично знают, что они могут делать, чего не могут. Такой образцовый порядок, который давал вам возможность воспитывать ребят, должен быть в семье. Больше всего мешает эта несистематичность, когда мать то кричит на ребенка, то бьет его, то позволяет ему делать что угодно. То, что обещания не выполняются, это тоже чрезвычайно важный момент.

Тов. МАКАРЕНКО. Я никакого заключительного слова говорить не буду. Что такое заключительное слово? Этот вопрос закончить никогда нельзя, и мы долго можем об этом разговаривать.

На один только вопрос мне хочется ответить: это насчет материальной обеспеченности и необеспеченности. Насчет карманных денег. Это корректив чрезвычайно важный в семье, когда вы сами никогда не покупаете, а даете детям смету, и в эту смету они должны укладываться. Конечно, деньги нужно давать не в излишнем количестве.

Иногда говорят, что трудно воспитывать детей, когда нет материальной обеспеченности. Я не скажу, чтобы среди бедных семей я видел худшее воспитание, чем среди богатых. Процент брака одинаковый. Все это зависит от родительской заботы и родительского внимания. Мой коллега правильно заявил, что нужно систематически воспитывать, а не то что раз в месяц воспитывать. Систематическое воспитание очень важно.

Что же касается школы и семьи, то этого вопроса я не касался и не хочу касаться, потому что мы с вами не сойдемся. Я никогда не вызывал родителей. Я 16 лет учительствовал, я педагог. Я считал, что если мальчик у меня

воспитывается, я – педагог, квалифицированный воспитатель, так я не только не буду вызывать родителей, но я мальчика заставлю вносить положительное влияние в семью.

Попробуйте стать на эту точку зрения, и вы увидите, как будет легко, когда вы мальчика научите чувствовать ответственность за семью. Нужно детей в школе так воспитывать, чтобы они вносили в семью какую-то дополнительную здоровую струю, не то, чтобы перевоспитывали семью, а чтобы они шли в семью как представители государственной школы.

Вопрос страшно дискуссионный. До следующего раза. Спасибо вам за внимание, крепко жму руки. (*Аплодисменты.*)

КОММЕНТАРИЙ

РГАЛИ, 332-4-175, лл.1-44.

Стенографический отчет. Машинопись (лл.1-22 подлинник, лл.23-44 [«Вопросы к тов. Макаренко»] – напечатанная под копирку); экземпляр из наследия педагога-писателя. Заголовок: «Редакция журнала Общественница. „Стенограмма лекции тов. Макаренко А.С. о воспитании детей“». Объем: 33 нумерованные страницы, текст на которых расположен с одной стороны.

Вместе со 2-м экземпляром документа (маш. копия; РГАЛИ, там же, лл.46-78) сохранился маленький, написанный рукой вдовы педагога-писателя листок (л.45): «Напечатано дословно со стенограммы. Все исправления карандашом внесены Макаренко Г.С. и Кононенко К.С. для сборника материалов научно-педагогической сессии Харьковского городского института совершенствования учителей. [Подпись] (Макаренко Г.С.). [Подпись отсутствует] (Кононенко К.С.). 31/1 41 г.» Опубликовать данный сборник там, где жил соратник Галины Макаренко – Кононенко, не удалось, т.к. началась война.

Публ. стенограммы выступления в значительно сокращенном виде в «Учит. газ.», 1944, № 14 (29.03), с.2; ответов на вопросы слушателей частично в ж. «Семья и школа», 1948, № 11, с.11-14 («О „Книге для родителей“»); лекции и прений по 3-му варианту стенограммы (маш. копия; РГАЛИ, 332-1-27) со многими сокращениями и изменениями в ИПС 1, с.98-122, а также в С 4 (1951), с.455-78, и С 4 (1957), с.456-81, частично восстановлены в ПС 4, 211-29, со ссылкой на этот же переработанный 3-й вариант источника. Опубликованный в настоящем издании подлинник документа Г.С. Макаренко, очевидно, не отдала в распоряжение своих сотрудников по московской лаборатории А.С. Макаренко при работе над семитомником «Сочинений»; а составители восьмитомника «Педагогических сочинений», подготовленного уже после смерти вдовы педагога-писателя, отказались от проверки всех сохранившихся в РГАЛИ вариантов стенограмм данного мероприятия. Иначе этот отказ никак нельзя объяснить.

¹ Вставка в С 4 (1951), с.456 [также в: С 4 (1957), с.457; ПС 4, с.211]: «Я ему ответил: „Поезжайте туда, где наиболее трудная работа“. Он уехал на Памир, и недавно я получил от него письмо, в котором он благодарил меня за совет».]

² «Франциск Ассизский (лат. Franciscus Assisiensis) (1181 или 1182-1226), итал. проповедник, основатель ордена Францисканцев, автор религ. поэтич. произв.» (СЭС, с.1446).

³ Вставка в С 4 (1951), с.459 (начало нового абзаца) [без слов «и великому Сталину» также в: С 4 (1957), с.460; ПС 4, с.214]: «Полная возможность такого *чистого счастья*, необходимость его, обязательность завоевана нашей революцией и обеспечена советским строем. В единстве нашего народа, в верности партии и великому Сталину – счастье наших людей. Надо быть честным, партийным в своих мыслях и действиях человеком, потому что [...]».

⁴ «*Эррио приезжал в Союз, приехал и к нам в коммуны*». Как видно из сообщений печати, французский политический деятель, бывший премьер-министр Эдуар Эррио (Herriot; 1872-1957) посещал коммуны им. Дзержинского 28.08.1933 г. Поездка Эррио в СССР была предпринята во время голода на Украине – с целью показать мировой общественности, что как такового массового вымирания населения не существует. Следов голода во время своего пребывания на Украине Эррио не заметил, что и нашло отражение в его книге о поездке на Восток «Orient» (Paris, 1934). Вывод заграничной прессы был однозначен – гостю во время его пребывания в Советском Союзе показали «потемкинские деревни».

⁵ «– *Все бы хорошо, – сказал он (Эррио), – но с одним я не согласен: как вы допускаете, что нормальные, хорошие дети воспитываются рядом с ворами, фальшивомонетчиками и шпионами?*». Беседа гостя с Макаренко нашла отражение в отчете спецкорреспондента газ. «Известия ЦИК» (1933, № 213, 29.08, с.1), а также в мемуарах Эррио «Orient» (с.176-77). В последних говорится: «Несовершеннолетние преступники вместе с беспризорниками: разве это сочетание не опасно? „Нет, – отвечает мне начальник учебной части. – Наша дисциплина не позволяет никакого уклона; мы опасаемся изоляции детей с преступными наклонностями; мы подходили к воспитаннику так, как будто бы он ранее и не был осужден; мы хотим, чтобы он забыл свое прошлое, как это делаем и мы; мы проектируем интересы воспитанника в его будущее. Когда мы сталкиваемся с патологическим случаем, то направляем такого человека в другое учреждение [...]“».

⁶ «*У меня дочери нет, но племянница у меня жила и воспитывалась*». В семье педагога-писателя с 1935 г. по 1938 г. в Харькове, Киеве и Москве проживала его родная племянница Олимпиада Витальевна Макаренко (1920-2001).

⁷ «*Так нужно сделать, чтобы дочь гордилась ситцевым платьем и гордилась тем, что матери уступила*». См. ПС 4, с.389, пр.4: «Вопрос одежды А.С. Макаренко рассматривал как важный элемент педагогически целесообразной организации быта [...]».

⁸ *Любимова*. Обнаружить данные об этом лице, которое единственное из всех участников прений упомянуто в стенограмме, не удалось. На основании того, что в советских изданиях трудов Макаренко ее фамилия обозначена лишь инициалом – «тов. Л.», можно предположить, что она (руководитель мероприятия?), была репрессирована (хотя в московском обществе «Мемориал» нет сведений об этом).

⁹ «*Вы можете прочитать „Флаги на башнях“, печатается в „Красной нови“*». Часть 1-я этого романа была опубликована в июне 1938 г. в № 6 данного журнала (см.: GW 13, с.114-16).

14. ДОКЛАД «ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ» В МОСКОВСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УЧИЛИЩЕ ([Лето 1938 г.]

Прежде всего, маленькое замечание. Я очень плохой докладчик и не умею говорить так, как полагается докладчику. У нас будет не доклад, а беседа. Пугает меня также и заглавие – «Основы политического воспитания». Заглавие не вполне будет соответствовать моему докладу, потому что основы политического воспитания заключаются в самой политической науке, которую вы хорошо проходите, изучаете в известной мере марксизм и ленинизм, изучаете другие науки этой области. Вот там и заключаются основы политического воспитания. Я буду рассказывать только о небольших практических выводах, какие у меня, практического работника, остались после моей педагогической работы.

Второе замечание – я ни в коей мере не ученый, тем более – не ученый-педагог. То, что я говорю, не имеет никакого теоретического значения. Это просто такой же опыт, какой [и] вы будете иметь в своей работе. К сожалению, вы начинаете, а я кончаю, но все-таки я с большой радостью согласился бы быть на вашем месте – начинать педагогическую работу.

Я работал 32 года в педагогической области, из них 16 лет в школе¹. Сначала в начальном училище, высшем и среднем, потом в рабочей и заводской школе. Последние 16 лет я работал с правонарушителями в колониях им. Горького и им. Дзержинского НКВД УССР².

В старой школе трудно говорить о политическом воспитании. Там был «закон божий», батюшка, который его преподавал. То, что он делал, никто не знал, не интересовались ни ученики, ни учителя, и этот предмет не отражался на воспитании.

Известно, что из духовных семинарий, где готовились будущие священники, сами дети священников, где все внимание обращалось на то, чтобы воспитать религиозных детей, выходили людьми неверующими. Я видел много попов, но верующего не видел ни одного. Вот вам политическое воспитание в старой школе. Оно было очень напряженное, ему уделяли много времени, но толку было мало.

Из моих учеников без всякой антирелигиозной пропаганды не выходили верующие люди.

В старой школе нет ничего, что можно было бы уподобить политическому воспитанию. Были попытки, осужденные рабочим обществом, воспитать людей, преданных царю и отечеству.

Опыт настоящего политического воспитания мы имеем в советское время, и о нем можно говорить.

У меня опыт исключительно бандитский, правонарушительский, и я не вполне уверен, что вы его можете использовать.

У вас будут дети из семьи, к вам они придут в 8-летнем возрасте. Вы будете вести работу рядом с семьей, а я получал мальчиков и девочек в возрасте старше 13-ти лет, побывавших на улице, в тюрьме, в суде, часто неграмотных, запущенных, и, конечно, этот контингент, по сравнению с тем, который вы будете иметь, был совершенно иным.

Но все же советское воспитание остается советским, и те основы, какие были у меня, могут и должны быть у вас.

Я хочу сделать еще маленькое замечание. В своей практике я различал и различаю теперь политическое образование и политическое воспитание и думаю, что большую ошибку делают педагоги, которые ставят и перед собой только вопрос политического образования. Есть много таких педагогов, комсомольцев, пионервожатых, которые считают: если мальчик или девочка знает политграмоту, если знает историю Октябрьской революции, историю гражданской войны, знает последние победы индустриализации, знает историю последних лет, построение социализма, могущество военное и промышленное, то эти дети, по их мнению, политически воспитанные.

К сожалению, мне приходилось и в своей, и в чужой практике наблюдать, что эти знания сами по себе не делают еще человека политически воспитанным, и как раз очень часто бывали случаи двух родов, когда мальчик прекрасно знает, что полагается ему знать по школьной программе, читает газеты, может делать доклады и выражаться в своих речах весьма приятно, а по своему поведению, по своему отношению к коллективу, коллективу колонии или коммуны, коллективу всего государства проявляет часто лицо политического врага. Мне приходилось это наблюдать.

Конечно, приходилось наблюдать и противоположные случаи, когда юноши или девушки, казалось бы, отстали в деле политического образования, путающихся [путаются. – Г.Х.] в съездах, датах, не разбирающих [разбираются. – Г.Х.] часто в легких вопросах политической истории, а по своему характеру, по своей душе, по своей личности явно для меня были «нашими». Вот такие случаи первого и второго рода мне приходилось наблюдать, и, естественно, я задумался над этим, в чем дело, почему мальчик не только знает все, что ему нужно знать, но и другому помогает, а по своему характеру и поведению меня не удовлетворяет.

Я помню, как однажды одно событие остановило мое внимание. Событие было пустяковое, может быть вам не стоит о нем рассказывать, но, чтобы вы поверили, как иногда маленькое событие может много показать, я вам расскажу.

Событие заключалось в том, что у нас, в коммуне им. Дзержинского, вечером был киносеанс (у нас было свое кино). Сидело коммунаров 500 чел. и педагоги. И вот на картине трудно было разобрать (картина изображала военное событие), что за войска приближаются с горизонта, и тут все в зале начали спорить (музыки у нас не было). Спорили не так – белые или красные, а спорили – белые или наши. И вот эта терминология – «наши», а не красные – для меня много показала. Когда люди в горячем споре, где они не выбирают слов, не беспокоятся о точности выражения, а говорят, как душа подсказывает, когда говорят «наши», значит, действительно видна родственная связь с людьми, которые приближаются с горизонта, и людьми, которые сидят в зале.

С этого случая я поставил целью проводить такое политическое воспитание, чтобы в душе моего воспитанника, в его личности и разуме это слово «наши» возникало без борьбы, без напряжения, без дипломатии, без хитрости, чтобы оно шло от самой души. И воспитать такую способность человека быть преданным нашему обществу, нашей революционной истории, нашему делу – я поставил себе целью.

Сегодня я буду говорить только о политическом воспитании, считая, что вопрос политического образования остается вопросом первейшей важности, считая, что без политического образования не может быть политического воспитания, но думаю, что этот вопрос для вас более или менее известен, поскольку он в вашем училище разбирается детально, а в своей часовой беседе буду говорить о том, что я называю политическим воспитанием, отдельно взятым.

Я буду говорить об очень узкой области, которую скорее можно назвать воспитанием политического характера человека, имеющего политическую ценность. В особенности в моей практике меня этот вопрос занимал больше, чем занимает педагогов нормальной школы. В школу приходят дети получать образование. Ко мне приходили дети, которые настолько были уже испорчены, что не могли жить в нормальном обществе, и передо мной ставился вопрос о таком воспитании, чтобы они могли жить в нормальном человеческом обществе. Для меня это был главнейший вопрос. Человека, моего воспитанника, у которого я не мог преодолеть характер, у которого политически характер не был воспитан, – я не имел права выпустить из колонии. Я мог выпустить [только] такого, который явно для моей чести и ответственности был советским гражданином.

Я поставил себе целью выпускать комсомольцев, и в последние семь лет выпускал комсомольцев. Но этого было для меня мало. Я должен был выпускать таких людей, чтобы их характер был политически воспитан.

Что такое политически воспитать характер? Как раз этот вопрос в нашей теперешней школе [находится] в загоне. Вопросу воспитания характера не уделяется внимания ни Наркомпросом, ни педагогической литературой. Я считаю, что это самый важный вопрос. Воспитать настоящий большевистский характер, значит воспитать человеческое чувство. Я уверен, что если мы не воспитаем человеческого чувства как нужно, то, значит, мы ничего не воспитаем. А чувство и воспитание чувства лежит в известном вопросе, который можно назвать «личность – коллектив». Вот этому вопросу – личности и коллективу – тоже почти никакого внимания не уделяет педагогическая литература.

Каждый человек стремится к лучшей жизни. Каждому хочется жить лучше, богаче, красивее и веселее. Совершенно естественное стремление. Это стремление есть и в нашем советском обществе, и в буржуазном обществе. Но как это желание и стремление удовлетворить?

В нашем обществе это стремление удовлетворяется совсем не так, как в буржуазном. Это различие, как удовлетворить стремление к лучшей жизни, должно вызвать и различие в воспитательном процессе.

В буржуазном обществе говорят: «Ты свободен, т.е. ты можешь какими угодно способами бороться, ты можешь сталкивать своих противников, ты можешь добиваться такой силы, чтобы получить способность эксплуатиро-

вать других людей и за счет их труда улучшать свою жизнь, ты можешь сваливать в кучу и эксплуатировать десятки и сотни тысяч и наживаться на них, ты не имеешь никаких обязательств перед этими людьми, кроме самого необходимого приличия. Но ты имеешь право бороться [не] только с эксплуатируемыми, ты имеешь право валить на землю и своих конкурентов, таких же буржуев, как и ты».

Вот закон капиталистического общества. Закон беспощадной борьбы за благополучие со всеми остальными людьми.

Надо сказать, что в нашей среде, в среде нашего юношества и детства, очень часто приходится наблюдать такие инстинкты – силой пробить дорожку себе. Если воспитать такую энергию – это значит воспитать³ хитрого, сильно вооруженного эгоиста. Такого эгоиста, который мог бы всех побеждать, воспитать мы не можем, потому что все стараются так жить, и для этого нужно много силы. Такого сверхчеловека, жадного, сильного животного мы воспитать не можем. Это не значит, что мы должны воспитывать слунтяев, мягоньких, добреньких ангелочков, которые всем уступают и кланяются. Христианское воспитание тоже не в нашем духе. Мы должны воспитать борцов, а не слунтяев.

Вот цель воспитания у нас и может быть так сформулирована – воспитание борца-коллективиста⁴.

Это слова старые, и в педагогике давно говорились, но как воспитать этого борца, об этом не говорили. И теперь вы можете услышать еще среди некоторых педагогов такие слова, что нужно воспитать советского героя, способного на героизм. Это очень трудно. Привезите им в школу Папанина⁵, Кренкеля⁶, устройте беседу, уже вы кое-что сделали. Почитайте о Папанинцах, о Челюскинцах – тоже воспитали. Прочитали о гражданской войне – тоже пример. Вот на таких примерах советского героизма, говорят, можно воспитать таких борцов. Правда здесь есть, но не вся.

Представьте себе, что в нашем советском обществе, в самой нашей революции, в деятельности коммунистической партии, в деятельности таких гениев нашей революции, как ЛЕНИН и СТАЛИН, конечно, можно найти блестящие образцы героизма, гениального творчества, больших исторических действий. И поэтому среди нашей молодежи есть порыв к героизму, любовь к героическому поступку. Никто из этих детей никогда не скажет, что им не нравится героический поступок, и каждый мечтает, что он будет героем. Я уверен, что если бы вдруг неожиданно нашим детям сегодня [предложили] проявить свою любовь к Советскому Союзу, пожертвовать жизнью, то они, пожалуй, пожертвовали бы.

К такому служению нашей родине наша молодежь всегда готова. Нельзя сказать, что это мы, педагоги, воспитываем. Их воспитывает вся наша история, и, конечно, Папанин и его четверка признаны самыми выдающимися педагогами Советской страны, настолько они много принесли пользы своему [нашему. – Г.Х.] делу.

Но хуже дело обстоит, когда от человека требуется не героическая вспышка, не героический неожиданный подвиг, а длительная, мучительная нажимная работа, часто даже очень тяжелая, неинтересная, грязная и даже причиняющая неприятные ощущения в организме. На такую работу наш характер не очень воспитан, а между тем, [если бы] в тех же Папанине,

Кренкеле увидели не только людей, живущих на льдине, а обратили внимание на всю их биографию, то увидели бы, что раньше, чем совершить подвиг, они прошли дополнительный путь неизвестных, терпеливых, молчаливых и тем не менее героических усилий. Они не могли бы взойти на высший гребень героизма, если бы вся их биография, весь их труд не были тоже по существу героичными.

Такой героичности, мало заметной, терпеливой, настойчивой, протекающей медленно, незаметно для всех, которая потом увенчается всемирной известностью, в Советском Союзе много, и мы должны воспитывать ее в наших детях.

Это воспитание заключается в правильной организации и темы ЛИЧНОСТЬ И КОЛЛЕКТИВ. Выражаясь проще, вопрос решается в организации коллектива, дисциплине, порядке ежедневного быта и т.д. На эту сторону я обращал главнейшее внимание в своей работе. Вы об этом читали в «Педагогической поэме».

Окончательно мой детский коллектив был организован в коммуне им. Дзержинского, где я работал восемь лет, но эта коммуна не явилась новым учреждением. Благодаря несогласию с украинским Наркомпросом мне пришлось уйти из колонии им. Горького⁷.

Дальнейшие события заключались в том, что когда я перешел в коммуну им. Дзержинского, туда в течение месяца перебежали все воспитанники коммуны [колонии. – Г.Х.] им. Горького⁸.

Делали они это незаметно, приходили утром 10-15 чел. и даже не говорили, что они перебежали. Вечером, когда все ложились спать, они меня спрашивали: «Можно у вас переночевать?» – «А почему вы не в колонии?» – «Видите ли, мы из колонии ушли совсем». – «Куда же вы ушли?» – «Не знаем. Конечно, если бы вы нас приняли, мы бы остались». После этого я говорю: «Довольно болтать, идите спать». На другой день прибежали опять и т.д. Кончилось тем, что прокурор Харьковского округа привлек меня к ответственности за развал колонии им. Горького. И только письмо А. М. Горького защитило меня от уголовной ответственности⁹. Я, собственно, колонию совсем не развалил, там осталось все помещение [остались все помещения. – Г.Х.], комнаты... только перешли живые люди ко мне. Вот эти люди составили коммуну им. Дзержинского.

Первые годы они с трудом называли себя дзержинцами, никак не могли привыкнуть.

Вот этот коллектив в коммуне им. Дзержинского, – продолжение коллектива, описанного в «Педагогической поэме», составил основную цель моего организационного внимания.

Чтобы не говорить теоретических вещей, я расскажу, [как] в этом коллективе проводилось воспитание политического большевистского характера.

Желаю вам, когда вы поработаете пять-шесть лет в школе, чтобы вы добились таких успехов и чтобы у вас был такой коллектив. Стоит только захотеть. Хитрости никакой нет, только большая работа, любовь к этому делу принесут успех.

Вы идете в начальную школу, это ваше счастье. Начальная школа тем хороша, что там маленький коллектив, можно всех знать в лицо. Каждый виден не только насквозь, но на полметра, как говорят коммунары. Легче, чем в большой школе, где не знаешь, где Петя, а где Ваня. Вам можно позавидовать, насколько у вас счастливые условия работы.

Я не буду морочить [вам] голову разными советами, а расскажу, как был организован коллектив коммуны им. Дзержинского, причем [в этом] чести моей не так много. Большое значение имела комсомольская организация. На третьем году существования коммуны комсомольская организация имела такое значение, что я снял всех воспитателей и оставил только педагогов-учителей, а раньше были воспитатели, которые ничему не учили, а только воспитывали¹⁰.

Внешний каркас моего коллектива – это дисциплина. Я очень [не]доволен дисциплиной в школе. Это дисциплина – «не кричи, не кури, не пей водки, не оскорбляй педагога», вообще «не, не, не». Это мораль, утверждающая, чего не нужно делать. Я называю такую дисциплину дисциплиной воздержания или торможения. Я считаю, что дисциплина в советском детском коллективе должна иметь один характер – стремление вперед, [это] дисциплина победы, дисциплина преодоления. Такой дисциплиной, которая говорит только о том, чего нельзя делать, гордиться нельзя. Гордиться можно такой дисциплиной, которая куда-то ведет, чего-то требует от человека, чего-то большего, чем воздержание. Это цель. Такая дисциплина существует в коммунистической партии. Коммунист должен добиваться победы, а не воздержания от чего-то неприятного. Такая дисциплина должна быть [и] в школе. Такая дисциплина будет тогда, когда вы перед каждым мальчиком поставите определенные требования, причем вы будете это требовать не от вашего лично имени, а от имени всего коллектива, от имени коллектива вашей школы, вашего города, всего советского общества.

Я не знаю, может быть, вы обвините меня в некоторой жестокости по отношению к детям. Я никогда себя в этом не обвинял, но, например, я поднимал своих ребят в 6 часов утра, я не позволял задерживаться в постели ни на одну минуту, я не позволял опаздывать на завтрак, на завод или в школу. Я предъявлял к своим ребятам самые строгие требования. Я мог это делать потому, что эти требования предъявлял весь коллектив, потому что все дети были убеждены, что так нужно. Это[го] не могло быть, если бы у детей не было коллектива, если бы они не считали, что интересы коллектива выше их личных интересов, или интересы коллектива есть их личные интересы.

Конечно, такой дисциплины, такой преданности нельзя добиться в течение нескольких месяцев. Это нужно делать постепенно, и вы сами не заметите, как будет рождаться успех за успехом.

Я заметил это только тогда, когда общее собрание однажды постановило: «Антон Семенович, Вы имеете право наказывать, но мы отрицаем ваше право прощать, потому что вы накажете, а через час прощаете».

Это сказано по-большевистски. И последние пять лет, если мне приходилось наказывать на пять часов ареста и [ареста, то я. – Г.Х.] только через пять часов [мог] прощать. Никакая сила не могла уменьшить эти пять часов.

Когда я увидел, что общее собрание потребовало законное, я понял, что комсомольское собрание уважает наказание не меньше, чем удовольствие.

А потом увидел, что каждый новенький, как только он вошел в коллектив, ходит и мечтает, когда его, наконец, накажу я. Он считает, что с той минуты, как я наказал его в первый раз, он свой – что я не смотрю на него как на чужеродного. Раз я его наказал, и он ответил «есть!», то мы с ним друзья на всю жизнь. Я в их глазах был представителем интересов их коллектива – и в этом наказании они видели признание, что коллектив считает его настоящим членом коммуны.

Был у нас один случай. У нас был плохой литейный цех, и заведующий производством не хотел ставить вентиляцию, а в цехе был медный дым. Мой доктор Колька Вершневец прочитал в словаре Брокгауза и Эфрона [Ефрона. – Г.Х.]¹¹, что литейный дым очень вреден и может возбудить литейную лихорадку. Он прибежал ко мне с книгой и говорит: «Что это за травля пацанов, не позволю травить пацанов».

Раз доктор не позволяет, я обратился в совет бригадиров. И совет бригадиров постановил – снять с работы всех шишельников¹². Прибежал зав. производством со скандалом: «Что вы делаете, не будет литья, станут сбороочный и никелировочный цеха» и т.д.

Зав. производством Соломон Борисович Блюм¹³ вечером поймал пацанов и говорит: «Что вы обращаете внимание на приказ, пойдем, сделаем шишки, ведь сейчас нет дыма, никто не узнает, закроем двери и ставни». Они согласились и пошли. Но через полчаса в литейной открылись двери, и мой связист (который все знал и слышал), «лейтенант» 12 лет, сказал: «Заведующий требует вас немедленно». Пришлось пацанам идти под арест. Сняли с них пояса и посадили на диван на общем собрании. Они очень испугались, потому что не я их арестую, а общее собрание, а оно строже меня. Среди этих пацанов было четыре старых колониста со значками, а один был новенький, Ваня. Когда на общем собрании их вывели на середину, кто-то сказал: «Зачем Ваня стоит, ведь он новенький». Тогда он возмутился: «Как это я не отвечаю?» Пришел случай наказать, а тут отвод. Он в слезы: «Как вы меня оскорбляете, почему хотите отпустить?» И собрание решило, так как он хлопец хороший и ничем плохим себя не проявил, – прощать нельзя, нужно наказать.

Вот этой логики я тогда не понимал. Когда собрание постановило, пошли у Вани слезы, и он очень виноватым голосом оправдывался, что наказать его нужно, что у него нет никакой литейной лихорадки, что он беспокоился об общих интересах. А против них выступали, что они бандиты и т.д. и что их нужно взгреть, и даже предложили снять звание коммунаров и значки. Ограничились тем, что 1-го Мая, когда построятся идти на парад, перед строем, при знамени прочитать им выговор. Для них это было большое преступление – неподчинение приказу, и потом трепались по колонии, что их слишком строго наказали, но оскорбиться от наказания считалось большим позором.

Вот такая ответственность перед коллективом, когда она приобретает такой характер спаянности, что освобождение от ответственности считается освобождением от коллектива, вот такого рода дисциплина показывает сбитость коллектива.

Конечно, бывали случаи очень жестоких наказаний, которые я никак не мог одобрить, но не отрицаю того, что эта жестокость наполняла коллектив единством, глубокой гордостью, что человек принадлежит коллективу.

Как-то раз у меня случилось большое несчастье. Дежурный бригадир, который вел коммунарский день, которому оказывалось большое доверие, с которым в течение дня нельзя говорить без положения «смирно», заявил, что у мальчика Мизяка пропал радиоприемник, купленный на его заработанные деньги.

Вечером на общем собрании (а общее собрание было ежедневно) этот самый дежурный бригадир Иванов разбирал это дело. Вора найти не могли. Воровства в коммуне вообще не было. На другой день утром пацаны пришли и сказали мне, что на сцене под суфлерской будкой под полом стоит радиоприемник. Они сказали: «Мы спрячемся за кулисы и посмотрим, кто его возьмет». Они три дня простояли за кулисами не выходя, стояли не дыша и дожидались. Тот, кто украл, тоже был осторожен. Иванов придет, станет на сцене, потом прыгнет вниз, постоит и уйдет. Так продолжалось несколько дней. Фактически никаких доказательств нет. Пацаны больше терпеть не могут. И они решили. Когда вошел Иванов, они все хором сказали: «Ты взял радиоприемник». И тот был пойман.

Его судило общее собрание, и не за то, что он украл и сам разбирал дело, а за то, что он спрятал радиоприемник в самой колонии и мучил бедных пацанов и хотел продать приемник. Собрание постановило – выгнать. Выгнать из коммуны – это значит под открытое небо. Я не утвердил постановление. Они кричали возле моего кабинета целый вечер, что я зажимаю самокритику, что разрушаю коммуну, и по телефону заявили протест в НКВД о моих неправильных действиях.

Прибыли из НКВД, уговаривали их: «Что вы делаете, нельзя выгнать». Они слушают, слушают, аплодируют, а голосуют за то, чтобы выгнать. На третий день приехал начальник и пристыдил их. «Не стыдно ли вам, что в коммуне живут изверги?» и т.д. Все и смеются. Тогда этот чекист говорит: «Преклоняюсь перед вашим единством, перед вашей уверенностью в себе. Неправильно мы слюняйничали, нельзя прощать таких врагов. Правильно вы поступили». Его [Иванова. – Г.Х.] выгнали, но тут же за воротами его взял милиционер и перевез в другую колонию (конечно, коммунары об этом не знали и считали, что уже выгнали на все четыре стороны). И теперь еще, когда я говорю уже со студентами (бывшими коммунарами), что он пропал, они говорят, что так ему и надо, что таким нечего жить на земном шаре.

Это жестокость, с которой нужно бороться, и я с ней боролся по мере сил, но эта жестокость говорит о том, что здесь есть коллективный интерес, коллективный характер. Ведь эти 500 чел. так наладили каждый свой характер, что получился общий характер. Разумеется, есть разница, пока он в коллективе – у него один характер, наедине – у него другой характер, но по мере развития колонии личный характер делается все ближе к общекоммунарскому идеалу. Этот характер проявлялся в некоторых коммунарских законах. Я перечислю некоторые законы.

Никогда коммунары не просят прощения. Пока ты не наказан – ты можешь доказывать, что ты прав, но как только тебя наказали, считается не-

приличным доказывать, что ты прав. Считалось, например, что коммунару обязаны верить на слово. Коммунаром назывался каждый воспитанник через 4 месяца после его поступления в коммуну, носящий значок, и у такого коммунара были привилегии, ему обязаны были верить на слово. Также неприлично было проверять рапорт. Дело доходило до чертиков в области чистоты. Проверка чистоты происходила утром, и постепенно чистота улучшалась, и наконец дошло до того, что дежурному члену Санкома¹⁴ выдавался платок – смотреть, нет ли пыли. Он вытирал портреты, стулья, и если на спинке стула оказывался волосок, то отмечалось, что в такой-то спальне грязь. Сказать «не верим» – это было нельзя, за это полагалось три часа ареста за возражение рапорту, и если бы я не налагал ареста, то мне сказали бы, что я распускаю коммуну. Считалось, что в этот момент человек соврать не может, и пускай десять свидетелей говорят, что дежурный все [же] не прав, но раз он сказал во время дежурства, значит, он соврать не мог. Вот эта убежденность, что человек соврать не может, уже называется этикой.

Вообще коммунары ввали, бывали также Хлестаковы, но когда он делает то, что делает фактически не он, а уполномоченный коллектива, – он соврать не может, и это действительно было так.

Вот так надо поднять значение уполномоченных коллектива и у вас. Если вы добьетесь такого положения, что ваш староста или уполномоченный в глазах коллектива не может врать, – значит вы добились коллективного рефлекса, уважения к своим собственным регистраторам. Это возникает после длительного коллективного воспитания – это дружба, и даже не просто дружба, а обычай дружбы.

Считается также неприличным, когда два члена коллектива подерутся в стенах коммуны. В коммуне им. Дзержинского были драчуны, но они должны были выйти за границу коммуны и там подраться, а в коммуне было неприлично и стыдно драться. Потом случалось, что приводят коммунаров в синяках, измазанных, грязных. Я спрашиваю: «Вы дрались?» – «Нет». – «Вдвоем дрались?» – «Нет». – «Вы были в ссоре?» – «Нет». – «Ведь все же знают». – «Вам об этом никто не может сказать, за то, что делается за границей коммуны, мы не отвечаем». Этот закон не был нигде написан, но он строго исполнялся.

Для того чтобы это было, необходимо воспитать особое чувство, без которого не может жить настоящий большевик, и это чувство называется ориентировкой. В нашей теоретической педагогике не пояснено, что такое способность ориентировки. Вы должны чувствовать, кто стоит позади вас, – друг или враг. У нас это в школе не воспитывается, и учащиеся не чувствуют того, что их окружает. Умение знать, где ты находишься, как нужно вести себя в данный момент. Я придавал этому огромное значение и потом об этом не жалел. Мы совершили семь походов по всему Советскому Союзу – Кавказу, Волге, Крыму и т.д.¹⁵, и там эта способность ориентировки очень пригодилась. Умение ориентировки – умение найтись и знать, что делать в любой обстановке.

К нам приехала немецкая делегация. Мне позвонили по телефону, чтобы я был осторожен, т.к. эта делегация была явно фашистская. Я собрал бригадиров и сказал им, что делегация подозрительная. На другой день подъеха-

ла машина, в ней было чел. 20. Дежурный бригадир встретил и пригласил гостей и тут же шепнул мне: «Задержите их в цехах минут на сорок, потом объясню». И все показал, кроме секретных цехов¹⁶, и вообще был осторожен. Через сорок минут вывел их на улицу к машине, при мне подходит коммунар и говорит немцам: «Возьмите вашу „Лейку“¹⁷, спасибо». Оказывается, они приехали что-нибудь у нас узнать, но когда они вышли из машины, коммунары увидели «Лейку» последнего выпуска с какими-то приспособлениями, какие у нас не делали. За 40 минут они разобрали «Лейку», сняли с нее чертежи, зафотографировали и собрали ее – это способность ориентировки. Ведь это было очень трудно сделать. Надо было увидеть «Лейку» [и] не только ее взять, надо было собрать специалистов-сборщиков и ничего не испортить – это нужно было [сделать] так, что[бы] ничего не было заметно, потому что это дипломатическое дело. И это была не боязнь, а представление о чести своего коллектива.

Вот так же они принимали Эррио¹⁸. Они были недовольны разучить «Марсельезу» – ведь это же буржуазный гимн – и вышел маленький скандал. Эррио зашел в зал, оркестр заиграл «Марсельезу». Пацаны мои молчат – чувствую, что они делают это нарочно. Как только заиграли «Интернационал»¹⁹, они сразу запели – Эррио был страшно обижен, насилу мы его уговорили, что ребята не знали, что это играли, и потом, когда Эррио им понравился (он ревел, когда они играли Бетховена), они его пожалели и сказали, что подарят ему сверлилку. Я говорю: «Зачем ему сверлилка?» – «Нет, мы ему подарим». Подарили ему, положили в машину, а с другой стороны в это время вытащили ее обратно. Они сумели коробку с украинской рубашкой, которую мы не делали, поднести Эррио и сказать, что это их собственная работа, тут же у меня на глазах – ведь это открытое очко-втирательство. В этом выражается ориентировка – [как] принять постороннего человека. Это важно воспитать в наших юношах. Эта ориентировка может быть воспитана только тогда, когда человек знает, что он член коллектива, что каждое движение в коллективе для него дорого, дороже своего личного интереса. Вот это я называю настоящим большевистским воспитанием характера.

Чрезвычайно важный вопрос – это уметь приказать товарищу и уметь товарищу подчиниться. Это та трудность, которую меньше всего у нас умеют воспитывать, и никогда нельзя было бы воспитать, если бы мы не создали коммунистического коллектива, а в коммунистической этике на этом все построено. У нас полное равенство, и поэтому у нас начальство – товарищ, и подчиненный – товарищ, и уметь товарищу приказать и подчиниться, значит сделать большое достижение в области политического воспитания.

Я для этого дела не жалел никаких трудов и опытов, и помогали мне в этом и комсомольцы, и старшие коммунары. Мы иногда выбирали командиром 12-летнего мальчишку. Мы понимали, что он командир слабый, но он из[о] всех сил старается быть командиром хорошим. Дежурный по коммуне имел большую власть. Утром он обходил все спальни, и когда подавалась команда отряду «Смирно!» – он говорил: «Здравствуйте, товарищи!» Он являлся начальником на сегодняшний день. Представьте себе, что этот пацан имел право встретить члена бюро комсомольской ячейки и сказать: «Видишь, тряпка лежит, надо ее убрать», и ему отвечали: «Есть, товарищ командир!» И если ему не отвечали как следует, он писал рапорт. Конечно,

этот командир принимал все это всерьез. И в дальнейшем мы этому придавали огромное значение – уметь подчиниться товарищу не потому, что он сильнее физически, не потому, что он умнее, а потому, что его уполномочил коллектив, и потому, что он за коллектив отвечает. Это явление марксистско-ленинского порядка.

Точно так же очень многое можно воспитать в характере по отношению к труду. У очень многих среди молодежи есть такое представление, что труд плохой, это чистый труд, это грязный труд.

Последние годы в коммуне было правило (уборщиц там не было): убирали коммуну авральной работой. Кто натирал паркет, кто мыл стекла, кто мыл пол, убирал уборную и т.д. На всю уборку выкраивалось 15 минут. Сначала, за месяц [до того] спорили, кому какая уборка: кто будет убирать театр, кто клуб, кто мой кабинет, а кто будет уборную мыть. Конечно, самой противной уборкой была уборная, и давалась эта уборка самому худшему отряду. Потом решили, что это большая морока, каждый раз вытягивать номерки, и решили тянуть жребий, потом тянули жребий на полгода. Потом как-то случилось так, что такой-то отряд выделился в июне. Говорят: «Это героический отряд, давайте им дадим мыть уборную». – «А что же вы думаете, не возьмем?» И стал, как правило, лучший отряд мыть уборную, и это считалось его привилегией, и они этим гордились: «Вы что, пол натираете, а вот попробуйте заработать уборную убирать».

Вот такое отношение к труду должно быть воспитано не только по отношению к коллективу, но и по отношению ко всему Советскому Союзу. Это очень легко распространяется.

Такой человек, который живет интересами коллектива, – если он еще политически образован, подкован марксистско-ленински, то это есть настоящий большевистский характер. Но без такой закалки, без воспитания чувства преданности коллективу и простого ясного понимания внутриколлективных отношений политическое воспитание невозможно.

КОММЕНТАРИЙ

РГАЛИ, 332-4-181.

Стенограмма. «Машинопись с правкой неустановленного лица [1938-1939]» (экземпляр из наследия педагога-писателя). Название документа: «Основы политического воспитания в советской школе. Доклад тов. Макаренко А.С.». Объем: 11 нумерованных страниц, текст на которых расположен с одной стороны.

Датируется на основании упоминания в докладе имен И.Д. Папанина и Э.Т. Кренкеля, ведущих членов полярной станции «СП-1» (июнь 1937 – март 1938 гг.).

Публ. (под заголовком: «Доклад в педагогическом училище», без ссылки на источник) в: С 7 (1952), с.308-21; С 5 (1958), с.407-19, с многочисленными сокращениями, которые частично восстановлены в: ПС 4, с.68-77, со ссылкой на источник и датированием (с.392): «Относится к концу 1938 – началу 1939 г.».

¹ «Я работал 32 года в педагогической области, из них 16 лет в школе». ПС 4, с.392, пр.1: «А.С. Макаренко проработал в школе 12 лет».

² «Последние 16 лет я работал с правонарушителями в колониях им. Горького и им. Дзержинского НКВД УССР». ПС 4, с.392, пр.2: «В колонии им. М. Горького и в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского А.С. Макаренко проработал 15 [14!] лет и 9 месяцев». См. также док. № 5, прим.20.

³ Вставка в С 7 (1952), с.312 – также в С 5 (1958), с.411; ПС 4, с.271: «[...] пренебрежение к интересам другого человека, полное презрение к интересам коллектива, это значит, воспитать [...]».

⁴ «Вот цель воспитания у нас и может быть так сформулирована – воспитание борца-коллективиста». «Борец-коллективист» – такую формулу использовала Н.К. Крупская в своем докладе на I Всероссийском съезде по всеобучу (22.02.1931 г.), опубликованном под загл. «Борьба за качество школьной работы» (М.-Л., 1931). Там говорится: «Мы растим в нашей школе борцов и строителей социализма, борцов со старым строем, покоившимся на эксплуатации, борцов со старыми предрассудками и всяческим дурманом, борцов-коллективистов, умеющих сознательно относиться к окружающей жизни, понимающих, что кругом делается, и принимающих сообща, организованно непосредственное участие в социалистической стройке».

⁵ Папанин – см. док. № 8, прим.3.

⁶ Кренкель Э.Т. (1903-71), сов. полярник; радист полярных станций и арктических экспедиций, в т.ч. «Челюскин» и «СП-1».

⁷ «Благодаря несогласию с украинским Наркомпросом мне пришлось уйти из колонии им. Горького». Главный упрек НКП УССР в адрес зав. колонией Макаренко относился к «военизации» данного воспитательного учреждения, а также к самовластию членов его совета командиров и в связи с этим превышению их полномочий, например, применению физических наказаний.

⁸ «[...] когда я перешел в коммуну им. Дзержинского, туда в течение месяца перебежали все воспитанники коммуны [колонии. – Г.Х.] им. Горького». См. док. № 5, прим.21.

⁹ «[...] прокурор Харьковского округа привлек меня к ответственности за развал колонии им. Горького. И только письмо А.М. Горького защитило меня от уголовной ответственности». Подтверждения этого события до сих пор нет.

¹⁰ «На третьем году существования коммуны комсомольская организация имела такое значение, что я снял всех воспитателей и оставил только педагогов-учителей, а раньше были воспитатели, которые ничему не учили, а только воспитывали». См. док. № 2, прим.33.

¹¹ *Словарь Брокгауза и Ефрона* – «рус. универс. энциклопедия. Выпущена акц. издат. об-ом Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон (Петербург, 1890-1907, 82 осн. и 4 доп. тт. [...]. В 1911-1916 предпринималось новое издание (вышло 29 тт. из намеченных 48)» (СЭС, с.170). Словарь имел устойчивую репутацию одной из лучших в мире универсальных энциклопедий.

¹² *Шишельники* – литейщики, отливающие «шишки» (декоративные металлические детали рамы кровати).

¹³ «Зав. производством Соломон Борисович Блум [...]». Персонаж произведения «Мажор». Прототип – С.Б. Коган; см. док. № 9, прим.13.

¹⁴ Санком – санитарная комиссия.

¹⁵ «Мы совершили семь походов по всему Советскому Союзу – Кавказу, Волге, Крыму и т.д. [...]». См. док. № 10, прим.8.

¹⁶ «И все показал, кроме секретных цехов [...]». В связи с реорганизацией структуры управления «Дзержинки» (весной 1932 г.) ее производственная часть – «секретные цехи» – была передана в ведомственное подчинение АХУ НКВД УССР (см. док. № 2, прим.9). Это касалось электроинструментального и фотоаппаратного заводов коммуны.

¹⁷ «Лейка» – см. док. № 6, прим.3.

¹⁸ Эррио – см. док. № 13, прим.4.

¹⁹ «Интернационал» – международный пролетарский гимн, в 1918-43 гг. также и гимн Советского государства.

15. ВСТРЕЧА С УЧИТЕЛЯМИ НАЧАЛЬНЫХ И СРЕДНИХ ШКОЛ ЛЕНИНГРАДА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ОБЛАСТНОМ ДОМЕ УЧИТЕЛЯ (16.10.1938 г.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: т. ГОРЕЛОВА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, разрешите вечер, посвященный творчеству Антона Семеновича Макаренко, считать открытым. *(Апл.)*

Все вы с увлечением читали такие замечательные произведения Антона Семеновича, как «Педагогическая поэма», «Книга для родителей», «Флаги на башнях», поднимающие целый ряд крупных для учителя вопросов в области воспитания детворы.

Мы обратились к Антону Семеновичу с просьбой приехать в Ленинград; он дал согласие и приехал.

Порядок сегодняшнего нашего вечера намечается следующий:

1) вступительное слово тов. Вольпе о творчестве Антона Семеновича Макаренко;

2) выступление Антона Семеновича Макаренко;

3) выступления учителей и студентов, желающих побеседовать о творчестве А.С. Макаренко, и

4) заключительное слово А.С. Макаренко.

Нет возражений против такого порядка дня? (Нет.) Тогда разрешите предоставить слово тов. Вольпе.

ВОЛЬПЕ. Товарищи, я не буду поднимать тех педагогических вопросов, которые стоят в связи с книгами А.С. Макаренко. Я думаю, что товарищи сегодня на всех этих проблемах будут подробно останавливаться и спорить по существу этих вопросов. В мою задачу входит – охарактеризовать литературный смысл этих работ.

Я хотел бы начать со следующего.

Существуют книги, по отношению к которым нам безразлично, что представляет собою писатель. Когда мы читаем эти книги, нас никак не беспокоит ни физиономия писателя, ни что он думает, ни его вкусы и пристрастия. Книги А.С. Макаренко относятся к противоположному типу книг. Может быть потому, что он сам является героем своей первой книжки, а может быть потому, что он сам в этой области работает, но для нас прежде всего возникает вопрос о писателе. Это очень существенно, потому что от этого зависит в известной степени и восприятие его книг.

В «Книге для родителей» автор выступает, например, с определенными предложениями, с определенными формулами, имеющими обязательный характер, с выводами из целого ряда наблюдений в виде небольших новелл.

В «Книге для родителей» есть разные эпизоды, часть этой книги посвящена вопросу об однодетной семье; причем из этого рассказа вытекает очень категорическое предложение – ни в коем случае нельзя, чтобы в семье был один ребенок. Если вы не можете произвести еще ребенка, найдите себе второго ребенка. Есть ли это точка зрения, которую отстаивает А.С. Макаренко? – Нет, это говорится больше с провокационной целью.

Еще один факт. – Там есть эпизод, посвященный уходу отца из семьи. Отец бросает семью, посылая затем ей деньги. Деньги эти унижают человеческое достоинство матери, возбуждают неуважение к ней со стороны детей. В конце концов она бросает отцу эти деньги в лицо, и, когда он спрашивает: «Как это понимать?» – она говорит: «Понимайте это как пощечину».

Вывод из этой новеллы, казалось бы, такой, что отцы ни в коем случае не должны бросать свою семью и, если вы женились, то на всю жизнь оставайтесь в этой семье. И тут же опять встает вопрос – что же, это есть точка зрения А.С. Макаренко? – Мне кажется, при обсуждении этого приходится иметь в виду одну особую форму книжек, при которой писатель, возмущенный такой постановкой вопроса, противопоставляет ей свою собственную. Можно принять эти простые рецепты за истину, и тогда очень нетрудно против них и выступить. Но, мне кажется, вопрос здесь сложнее.

Второй вопрос, который возникает с темой книги, связан с тем, что «Книга для родителей» не отвечает всем вопросам, которые этой темой раскрываются. Правда, писатель пишет, что будет еще второй том. Но мне Антон Семенович говорил, что он предполагает выпустить четыре тома: I т. – коллектив и семья, II т. – нравственное воспитание, III т. – вопросы интернационального [профессионального. – Г.Х.] воспитания и IV т. – вопросы эстетического воспитания в широком плане.

Таким образом, если подходить к этой книжке с точки зрения того, все ли вопросы там разрешены из числа стоящих в семейном коллективе, – то надо сказать, что не все разрешены. В критической литературе делали нападения на нее и по этой линии.

Форма этой книжки такова: она представляет собой небольшие новеллы с постскриптумами, написанными статейным языком. После живого беллетристического рассказа выводы, преподнесенные статейным языком, режут слух, привыкший к свободному изложению. Вот почему некоторые родители и читатели склонны обвинять А.С. Макаренко в менторском тоне. Я думаю, что это вытекает из самого принципа композиции. Может быть, он откажется от этого принципа композиции, а может быть, он эти резюме так и оставит, потому что они в этой книге являются очень органической [органичной. – Г.Х.] частью, и вообще, когда мы имеем дело с разным планом литературы, лучше всего пользоваться разным языком. Есть масса классических примеров, когда язык служил лучшим средством композиции (возьмем, скажем, «Мертвые души», где два языка Гоголя создают два движения вещи).

Затем, мне кажется, потому что книжка преследует такую очень точную задачу, все отступления в новеллах производят впечатление некоторых длиннот. Скажем, когда рассказывается о библиотекаре, то идет подробное описание книг и как они себя чувствуют. По контексту эти куски могли бы

и не быть. И вот эти куски являются наиболее уязвимой стороной в плане литературной конструкции.

«Книга для родителей» также написана от первого лица и также представляет нам писателя, выступающего с определенной программой.

Исключением из этой струи книжек его повесть «Честь». Это повесть, которая разрослась в роман, и я думаю, что это – наиболее слабое произведение Антона Семеновича. Там есть очень хорошие куски, но вся вещь в целом написана в той манере, которая совершенно не дает возможности представить нам автора. А так как эта книга претендует все-таки на постановку проблемы чести, как представляли себе, что такое честь, до Октября, как все это трансформировалось во время Октябрьской революции, то читатель ждет прямых ответов на поставленный вопрос, произведение должно на эту тему ответить. Но так как само развитие действия не связано с этой темой, то писателю приходится заставлять героев разговаривать на эти темы. Это делает вещь неподвижной, и те сильные стороны, которые существуют в произведениях Макаренко, в этой вещи пропали. Вот почему данное произведение разительно отличается от всех остальных. Там есть, конечно, замечательные куски. Например, там дан замечательный портрет Теплова, но, потому что тема чести не центральная для этого материала, – если брать события с точки зрения их идейного смысла, – потому что тема чести не разрешена в этом произведении – именно поэтому данное произведение можно выделить из тех вещей, о которых мы говорим, и это произведение, в котором личность писателя Макаренко в наименьшей степени получила отражение.

Обращаюсь теперь к двум другим произведениям А.С. Макаренко: первая книжка – «Педагогическая поэма» и вторая – «Флаги на башнях». Первая рисует жизнь и быт колонии им. Горького, вторая – колонии [коммуны. – Г.Х.] им. Дзержинского. События, развивающиеся по второй книжке, относятся к периоду с 1928 по 1936 г., после чего А.С. Макаренко был назначен руководителем по борьбе с безнадзорностью и из колонии им. Дзержинского ушел.

Первая книжка, я бы сказал, гораздо драматичнее по сюжетному развитию и по самому характеру материала, потому что там вы ощущаете, что стоит вопрос о существовании колонии; там имели место такие трагические эпизоды, которые заставили ставить вопрос о существовании колонии, и можно думать, что дело может рухнуть.

Во второй книжке этого нет. Вторая книжка – это уже работа на готовом опыте. А.С. Макаренко перешел работать в колонию [коммуна. – Г.Х.] им. Дзержинского, переведя туда некоторое количество колонистов колонии им. Горького; остальные тоже стали к нему перекочевывать, и перекочевало около 75%¹. Так что это было продолжение работы, и в этом смысле это благополучный коллектив, коллектив, в котором есть отдельные сложные драматические события и отдельные сложные задачи, но в общем – коллектив этот совершенно уверенно идет к выполнению намеченной задачи, задачи построения завода, который выпускает советские «Лейки»², фотографические аппараты. Задача эта произведением решается. Читается оно с необычайным интересом и отличается теми же свойствами, как и «Педагогическая поэма».

Если говорить о том, что представляют собой эти вещи как художественные произведения, то я бы сказал, что они относятся к тому виду художественной литературы, которая появилась у нас в самые последние годы. Это книги новых писателей, выросших уже в советской действительности, и советская действительность характеризуется ими прежде всего.

Здесь я хотел бы сделать такое маленькое отступление.

Несколько времени [Некоторое время. – Г.Х.] тому назад в «Правде» была статья, в которой была подвергнута жесткой критике опера Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Она была охарактеризована, как «Сумбур вместо музыки»³. Смысл этой критики очень важен в истории наших литературных споров. Критика эта имела огромное значение и для самого Шостаковича. После этого он написал пятую симфонию – одно из замечательных произведений нашей эпохи, которое обе столицы нашего Союза слушали с необычайным энтузиазмом. И вот, характеризуя «Леди Макбет», статья в «Правде», собственно говоря, характеризовала определенный путь в современном искусстве. Шостакович тогда полагал, что задача революции в области искусства есть задача революции в области изобразительных средств. Следовательно, задача композитора-новатора в том, чтобы разложить классическую гармонию. Именно в этом он видел революцию форм. Если бы повезли «Леди Макбет» за границу, то так называемые «левые» художники с удовольствием бы ее слушали и говорили: «Да, это очень интересно, но ведь это то, что есть и у нас. У нас делают то же». «Правда» боролась за то направление нашего искусства, которое придало бы нашим художникам настоящее отличительное лицо, которое сделало бы художников художниками Советского Союза. И когда у нас встал вопрос о народности искусства, то это была борьба не только за доступность и популярность искусства. Конечно, очень хорошо, когда писатель пишет просто. Но дело не только в популярности искусства, а дело в каких-то отличительных признаках, которые за границей невозможны, аналогичных которым за границей произвести не могут.

Я позволю себе проиллюстрировать это одним примером.

Во время происходившего у нас кинофестиваля одна критика [критик. – Г.Х.] мне рассказывала, как в Нью-Йорке она смотрела «Чапаева»⁴. Это совпало со временем обострения кризиса в Америке, и поэтому кинематографы были, как правило, совершенно пусты, и только в двух кинематографах на Бродвее, главной улице Нью-Йорка, стояли огромные очереди, билеты можно было достать [только] за 3 дня. Там шел «Чапаев». «Чапаев» шел так, как он был выпущен, т.е. на русском языке, а внизу были сделаны надписи на английском языке для американцев. И вот она рассказывает, что когда Чапаева спрашивают: «Ты за какой Интернационал – за Второй или за Третий?», и он, не желая провалиться, говорит: «Я за тот, в котором Ленин», – то весь зал начинает со страшной силой аплодировать. А как удивительно слышать в американском кинотеатре аплодисменты! Они аплодировали тому, чего они сами произвести не могут – социалистическому содержанию советского искусства.

Еще один пример, относящийся к этому же факту.

Маршак⁵ мне рассказывал, что одна маленькая девочка ходила смотреть «Чапаева» 17 раз. Ей говорят: «Пора и честь знать. Ты и книжку прочла, и

фильм смотрела не один раз. Что же ты ходишь?» Она посмотрела на спрашивающих и говорит: «Знаете, я надеюсь, что он все-таки выплывет!» (Смех, аплодисменты.)

Это небольшой факт, но он имеет принципиальное значение: он показывает, что сила этой картины исключительно велика – зритель не может говорить, что люди, делающие такое дело, могут погибнуть. И это есть тоже содержание нашего искусства. И вот, когда мы говорим о народности советского искусства, мы говорим именно об этой стороне, которая отражает лицо советского искусства. И у нас есть такие книги. Они написаны по большей части людьми, которые сделали большое дело в истории нашего строительства.

Я бы назвал 3 книжки: первая – «Чапаев» Фурманова, которая построена на материале личной работы Фурманова в чапаевской дивизии; вторая – «Как закалялась сталь» Островского и третья – «Педагогическая поэма» А.С. Макаренко, потому что эта книга также есть результат огромного дела, о котором читаешь с совершенным удивлением и о котором потом, я думаю, с полным основанием, будут складывать легенды.

Эти книжки написаны часто не профессионалами. А.С. Макаренко говорил мне, что когда он написал эту книжку, он не считал ее художественным произведением и забросил на чердак, и только потом кто-то из его друзей ее оттуда вытащил⁶.

Я должен сказать, что если говорить о книжках А.С. Макаренко, то следует отметить, что в литературном плане они обладают огромным достоинством – мы обнаруживаем в них необычайное умение автора видеть человека насквозь. В нескольких словах писатель дает такое представление о герое своего произведения, что вы потом ни с кем его не смешаете. Это есть и в «Педагогической поэме» и во «Флагах на башнях».

Следующее большое достоинство произведений А.С. Макаренко – необычно живой диалог. Благодаря этому умению, писатель Макаренко и создал вещи, которыми наша художественная литература с полным основанием гордится и которые она отмечает как наиболее важные симптоматические явления, характеризующие становление стиля нашей народной литературы.

Разрешите мне на этом свое краткое вступительное слово закончить. (Апл.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Предоставим слово для выступления Антону Семеновичу Макаренко. (Продолжительные аплодисменты.)

А.С. МАКАРЕНКО. Дорогие товарищи и коллеги!

Я немножко боюсь вас. (Смех.) Боюсь не за «Книгу для родителей». Там, я думаю, нет таких моментов, где бы мы с вами слишком категорически расходились. Например, по вопросу об алиментщиках⁷. Я получал очень много писем от этих алиментщиков, и очень ругательных, где так и пишут: «Вы идете против любви». (Смех.) Я оправдываюсь в некоторых случаях, если вижу, что алиментщиков много. Но всем известно, что среди педагогов наименьший процент алиментщиков. (Смех.)

Так что с этой стороны я не боюсь вас.

А во-вторых, я рассчитываю, что в случае нужды вы будете на моей стороне. Ибо, почему у нас, педагогов, меньше алиментщиков? Да потому, что мы привыкли относиться к детям с определенным уважением, а если мы с определенным уважением относимся к чужим детям, то с тем большим уважением мы относимся к своим.

Что касается единственного ребенка, то у педагогов это тоже редкое явление (*смех*), и если даже он единственный, то опасность плохого воспитания не так велика, ибо отец или мать – педагог⁸.

Значит, со стороны «Книги для родителей» я если и боюсь вас, то не очень, а вот со стороны «Педагогической поэмы» и других моих писаний, я боюсь, что вы будете меня ругать⁹. А потому, чтобы предупредить тех товарищей, которые на меня нападут (*смех*), я бы предпочел сам подставить свой лоб под нападение, и поэтому думаю, что мы будем сегодня вести разговор не о литературных достоинствах «Педагогической поэмы», а только по вопросам педагогической тематики.

Если вы на это согласны, то я не буду ничего читать и позволю себе в очень кратком слове сделать некоторые чисто педагогические выводы из моего опыта¹⁰ и предложить его [их. – Г.Х.] вашему вниманию как специалистов и моих коллег. Согласны вы на это? (С МЕСТ. *Пожалуйста.*)

В течение всей своей жизни и работы я прежде всего был всегда убежден, что я вовсе никакой не педагогический талант, что я не белая ворона и что со мной вместе более или менее одинаково думает все наше советское учительство. В этом я продолжаю быть убежденным и на сегодня. И поэтому я никогда не считал себя ни новатором в педагогической области, ни реформатором, ни чудачком, ни тем более еретиком. Сколько мне ни приходилось встречаться с учителями, я не помню, чтобы между мною и ими были какие-нибудь принципиальные расхождения. Бывали учителя ленивые, и были неленивые; и ленивые со мной иногда ссорились, но не принципиально. Точно так же, встречаясь очень часто и на Украине, и в Москве с учительским обществом, я не помню еще ни одного случая какого-нибудь категорического расхождения с моими взглядами, высказанными в «Педагогической поэме».

Однако до сих пор мне не приходилось видеть такой школы, десятилетки или семилетки, где бы мои педагогические убеждения были претворены и понимались так же глубоко, как они претворены в детских колониях и в коммунах, в особенности в тех коммунах, которыми мне приходилось руководить.

Очень возможно, что методика работы с бывшими безнадзорными чем-то должна отличаться от работы с нормальными детьми. Но это только возможно, в этом я до сих пор не убежден, и у меня самого есть такая задирка – попробовать: а может быть, можно применить те методы, которые я применял к правонарушителям, и к нормальным детям?

Почему мне в этом хочется быть убежденным? – Потому что в самой логике моей работы я никогда не исходил из элемента правонарушения или беспризорности и считал, что если бы я вырабатывал свои методы по логике, где большой посылкой являлось бы преступление или, более того, пре-

ступный характер, то тем самым я уходил бы от нашей советской идеологии и приближался бы к ломбровской идеологии¹¹. И поэтому такого соблазна – решить, что получилось преступление и произошло искривление характера в сторону преступления, исходя из чего и надо было бы вывести метод, – у меня никогда не было. Это проистекает из моей излишней доверчивости к человеку или, скорее, из любви к нему.

Меня некоторые критики упрекают, заявляя: «Почему у вас все молодые люди и девушки и все люди вообще красивые?» А я такие упреки встречаю с широко раскрытыми глазами, в свою очередь спрашивая: «А разве вообще все люди не красивы?» Действительно, по крайней мере, молодежь мне всегда кажется красивой. Трудно представить себе юношу или девушку, чтобы они казались безобразными. Ну, в нашем возрасте всякие случаи бывают (*смех*), а молодежь всегда красива, если она правильно воспитывается, правильно живет, правильно работает, правильно радуется.

И вот, может быть, мой оптимизм и подвигнул меня на то, что с самого первого дня, с самого несчастного дня, когда я ударил Задорова, – и тогда я считал, что Задоров – прекрасный человек и должен поступать, как всякий человек, настолько должен, что считал себя вправе требовать от него правильного поступка, а не готовить его к правильному поступку.

Вот в этой формуле, если хотите, может быть, и заключается ересь. Но какая же? – Я считаю, что каждый советский педагог, каждый советский человек от каждого советского нормального гражданина и ребенка должен требовать нормального поступка, а ненормальными мы считаем только тех, которые физически ущемлены.

В своей практике я такое вполне развернутое, без всяких скидок, требование и предъявлял к моим воспитанникам и считаю, что это должно быть законом правильной советской педагогики: непреклонное, ясное, прямое, категорическое требование.

Мне кажется при этом, что в этом требовании иногда (а может быть, и всегда) мерещится риск, и поэтому страшновато предъявить такое категорическое требование: а вдруг личность взвоят, а вдруг личность «побежит вешаться»? И вот именно на фоне этого страха у нас и развернулись педологическая наука и педологическая тенденция. В чем они заключаются? – В том, чтобы никакого рискованного требования не предъявлять, а приспособить такую серию средств, чтобы сам черт не разобрал, к чему эти средства ведут, и чтобы потом нельзя было установить, а кто в случившемся виноват. Воспитывал человека, учил, учил, а вышло – хулиган. Можно предъявить требование к профессору педагогики, создавшему такую систему? – Нельзя. А к учителю? Тоже нельзя, потому что нет никакого действия, а есть только рассуждения о действиях и аргументация.

Так вот, раз мы откажемся от логики, вытекающей из каких-то наших гражданских требований, мы тем самым откажемся и от воспитательной работы.

Моим основным принципом (а я считал, что это принцип не только мой, но и всех советских педагогов) всегда было: как можно больше требований к человеку, но вместе с тем и как можно больше уважения к нему. В нашей диалектике это, собственно говоря, одно и то же: нельзя требовать большего от человека, которого мы не уважаем. Когда мы от человека много тре-

буем, то в этом самом и заключается наше уважение, именно потому что мы требуем, именно потому что это требование выполняется, мы и уважаем человека.

Если это положение провести по всем линиям воспитательной работы, то мы увидим, как воспитательная работа начнет принимать строгие и четкие организационные формы. Еще раз повторяю – всегда при этом будет присутствовать некоторый страх риска. Вы обратили, вероятно, внимание на то, что недавно в «Правде» появилось несколько статей о производственном риске¹². Нужно сказать, что у педагогов эта проблема выглядит, конечно, страшнее. Можно рисковать материальными ценностями, можно рисковать продукцией, хотя преступно рисковать и там, где дело касается материальных ценностей (разве можно рисковать, когда мы делаем самолеты или танки?). Но мы признаем риск, если в нем заложено стремление к какой-то правильной, советской цели.

Возможен ли такой риск в педагогическом процессе? Если мы спросим об этом человека, сидящего в кабинете за книжками, то он скажет: «Рисковать человеком в педагогической работе нельзя»; а если вы спросите меня, человека, работающего практически, у которого несколько десятков этих живых людей, то я скажу: «Обязательно, потому что отказаться от риска – значит отказаться от творчества». А мы имеем право отказаться от творчества в нашей воспитательной работе? – Нет. Поэтому я утверждаю, что в педагогической работе педагог имеет такое же право на смелость и даже на риск, как и всякий другой работник.

Возьмем простой обыкновенный средний случай. Да, пожалуй, даже не нужно брать никакого случая: возьмем одну из консультаций, которая была напечатана (правда, года три назад) в педагогическом журнале. Один педагог задает вопрос: «Каким тоном нужно разговаривать с учеником, который нарушил дисциплину?» И консультант «всем, всем, всем», на весь Союз отвечает: «Надо разговаривать с ним ровным голосом, чтобы ученик понял, что вы делаете ему замечание не потому, что на него гневаетесь или сердитесь, а потому, что вы так должны поступить»¹³. Конечно, при таком способе, применяемом в отношении ученика, нарушившего дисциплину, нет никакого риска! (Смех.) Какой же тут риск, и что бы ни случилось, ученик потом опять будет нарушать дисциплину: будет бить окна, оскорблять учителей, товарищей, бросит школу, станет хулиганом. Спросим этого учителя, который последует совету консультанта: «Почему у тебя вышел такой хулиган?» И он ответит: «Не знаю, я применял правильные приемы: я с ним разговаривал ровным голосом, я ему показывал, что у меня нет гнева, что я сделал все, что я обязан делать». Вы скажете: «Да, он не виноват, он все делал ровным голосом». А если бы он разгневался (потому что бывают такие поступки учеников, которые должны вызвать негодование), показал бы ученику, что вы негодуете, и у вас не может быть ровного голоса, раз есть нарушение дисциплины и интересов коллектива, то это не повторилось бы. Но тут будет риск! Какой риск? Риск, вызванный отсутствием так называемого педагогического такта. Вот вы разгневались, показали ученику, что вы гневаетесь, а у него произошли какие-то трансформации, что-то у него в душе начало переворачиваться-переворачиваться и – пропал человек.

Но, по моему глубокому убеждению, ни вопрос о риске, ни вопрос о такте не может быть разрешен на одной паре, на одном примере, когда, с одной стороны, стоит воспитатель, а с другой – воспитанник. И все споры, которые были у меня с педологами и со старыми наркомпросовскими работниками¹⁴, и проистекали из такого представления о паре – учитель плюс ученик. Повторяю, такой пары нет. А что есть? Есть школа, организация, коллектив, общий стиль всей работы. И если у вас в школе будет правильный стиль, правильный тон, правильный коллектив, то никакой риск не делается страшным и всякий риск необходим и возможен.

Это второе положение моей теории, если хотите: никакой метод не может быть выведен из представления о паре: учитель плюс ученик, а может быть выведен только из общего представления об организации – школы и коллектива.

В таком случае вопросы воспитательной работы никогда не могут быть разрешены порядком рекомендации метода каждому отдельному учителю по отношению к отдельному ученику, а могут быть разрешены рекомендацией формы, стиля и тона для всей организации.

И первой такой формой, необходимой у нас, в советском воспитании, является коллектив. Ни для кого не секрет, что задача нашего воспитания сводится к тому, чтобы воспитать коллективиста.

Какие мы отсюда сделали выводы? До сих пор многими делаются только такие выводы, что с учеником нужно говорить о коллективе, воспитывать его в смысле политических представлений и идей. Но они будут правильно усвоены только тогда, когда и на практике вы будете следовать этим идеям и принципам. А для того, чтобы наше политическое воспитание и на практике немедленно претворялось в жизнь наших учеников и учителей, нельзя обойтись без коллектива. Наша советская педагогическая логика не сможет выдержать никакой критики, если мы вычеркнем в логическом построении коллектив.

Тогда поставим вопрос: а что такое коллектив? Нельзя представить себе коллектив, если взять попросту сумму отдельных лиц. Коллектив – это социальный живой организм¹⁵, который потому и организм, что он имеет органы, что там есть полномочия, ответственность, соотношение частей, взаимозависимость, а если ничего этого нет, то нет и коллектива, а есть просто толпа или сборище. И вот я все свои 16 лет советской педагогической работы с беспризорными главные свои силы потратил на решение вопроса о строении коллектива, его органов, о системе полномочий и о системе ответственности.

При этом я [с]делал еще один вывод: я не представлял и не представляю себе – можно ли воспитать коллективиста или, по крайней мере, детский коллектив, если не будет коллектива педагогов. Совершенно несомненно, что нельзя воспитать коллективиста, если 15 педагогов будут каждый воспитывать, кто как умеет и как кто хочет. Понятно поэтому, что должен быть и коллектив педагогов.

А что у нас написано о коллективе педагогов? Что мы, я и вы, знаем о нем? Если нас спросить с научной точки зрения о коллективе педагогов, то мы не знаем ни одного слова, хотя нам прекрасно известно, что там, где

есть коллектив, там работа идет успешнее, там и вопрос о дисциплине не ставится, пожалуй.

Я готов идти еще дальше: я готов разобрать и такие вопросы, как вопрос [о] длительности [существования] педагогического коллектива, как вопрос о длительном сроке занятий педагогической работой отдельных членов коллектива, потому что если вы построите весь коллектив из педагогов с одногодичным стажем работы, то, несомненно, что это будет слабый коллектив. И вот этот вопрос, вопрос о соотношении, о том, сколько должно быть старых и новых педагогов, – тоже научно-педагогический вопрос.

А можно идти еще дальше. Я очень часто переживал в своей работе напряжения следующего порядка: вот у меня имеется одно вакантное место педагога. Кого пригласить? И очень часто решался этот вопрос так: «Никого не приглашайте! Используйте человека, которого мы вам прислали», – говорили мне. Я спрашивал: «А почему именно этого человека вы прислали?» – «Да подвернулся под руку». Вот этот случайный принцип комплектования педагогического коллектива бывает иногда удачен, иногда нет.

Я помню – иногда я знал, что мне обязательно нужно пригласить молодого человека (стариков у меня достаточно), а иногда я втайне грешил (это я побоялся написать даже в «Педагогической поэме») – я считал, что мне нужна хорошенькая девушка в коллективе. Почему? Да потому, что собрались все такие вот вроде меня, и у учеников глазам отдохнуть не на чем. (*Общий смех.*) Эта хорошенькая девушка внесет и молодость, и свежесть, и известный задор. Пусть даже пойдут разговоры, что в нее вот такой-то педагог влюбился. Это только оживит общий тонус. А кто подсчитал – какое значение имеет общий тонус? У нас еще не успели этого подсчитать за 20 лет, в Западной Европе тоже ничего в этой части не имеется.

Надо, чтобы в коллективе был и сердитый, строгий дед, который никому ничего не прощает, который никому не делает никаких уступок.

Нужно, чтобы была и «мягкая душа» – человек несколько слабовольный, который всех любит, всем все прощает, всем ставит пятерки. (*Смех.*) Такой, честное слово, нужен. Теперь это смешно, а я не смеялся и искал такого старика. Я знал, что такой человек уменьшит трения, возникающие иногда в коллективе.

Я говорю с вами, товарищи, как с коллегами, потому что обо всех этих вещах нужно долго и писать, и говорить, и подсчитывать, но в практической работе полезно иногда, положившись на собственную интуицию, не взять опытного педагога, а взять молодую девушку, и всякий ответственный директор это прекрасно знает.

Так вот, коллектив учителей и коллектив детей – это не два коллектива, а один коллектив, и, кроме того, коллектив педагогический. Причем я не считаю, что нужно воспитывать отдельного человека, я считаю, что нужно воспитывать целый коллектив – это единственный путь правильного воспитания. Я сам стал учителем с 17-ти лет и сам долго думал, что лучше всего организовать [одного] ученика, воспитать его, воспитать второго, третьего, десятого, и когда все будут воспитаны, то будет хороший коллектив. А потом я пришел к выводу, что нужно иногда не говорить с отдельным учеником, а сказать всем, построить такие формы, чтобы каждый был вынужден находиться в общем движении. Вот при этом мы воспитываем коллектив,

сбиваем его, придаем ему крепость, после чего он сам становится большой воспитательной силой. В этом я глубоко убежден. И меня убедила в этом не колония им. Горького, – там я был во многом [педагогом], – а вторая коммуна – «Дзержинка». В «Дзержинке» я добился того, что коллектив сам стал замечательной, творящей, строгой, точной и знающей силой. Это нельзя сделать законом, такой коллектив нельзя создать и за два, и за три года, такой коллектив создается за несколько лет. Это дорогая, исключительно дорогая вещь. Но когда такой коллектив создан, тогда нужно его беречь, и тогда весь воспитательный процесс проходит очень легко.

Но тут встает вопрос, наш педагогический вопрос: а как же беречь людей? Представьте себе, что вы, группа учителей, воспитали коллектив, создали традиции, создали законы, которым все верят, добились того, что каждый в каждую минуту своей жизни физически чувствует, что за ним стоит коллектив. И вот перед вами задача – как это не потерять. Это чрезвычайно нервная, чрезвычайно сильная вещь. А развалить его, испортить, перемешать части может первый попавшийся самодур. Как спасти коллектив от самодура? А ведь он может выскочить из-за любого угла, предъявить вам мандат и сказать: «Делайте так, делайте так, делайте так». И вот тут-то необходимы наши общие формы, наши общие советские традиции, и у нас они нарастают. Сейчас это еще во многих случаях принимает форму болезненного явления, но я убежден, что через самый короткий промежуток времени у нас будут такие традиции воспитательной работы, которые не скоро поломаешь. Их немного, но у нас они уже есть, и они делают свое дело.

Вот то, что я хотел сказать о коллективе. Отсюда вытекает и вопрос о дисциплине – самый больной вопрос нашего педагогического сегодня.

Как раз по вопросу о дисциплине я переболел больше всех, и раньше вас начал болеть. Я начал с преступления. Если вы читали «Педагогическую поэму», – вы знаете. Это был удар, это было избиение воспитанника. Это было очень тяжелое переживание, тяжелое во всех отношениях. Я уже не говорю о том, что это было уголовное преступление против нашего советского уголовного закона и что я имел все шансы на то, что меня могут на три года посадить¹⁶. Не это меня мучило, а другое – я испугался самой мысли, что, может быть, это – педагогический закон: не ударишь – не поедешь. Причем я находился в таком положении, когда я не мог мучиться, заперевшись в комнате, я должен был работать. Таким образом, для меня стояла ясная проблема – бить дальше или, испугавшись, отступить? – Что делать? Вот такой вид приняла для меня проблема дисциплины – вид отчаяния, позора и преступления. И я, дав слово Алексею Максимовичу писать только правду¹⁷, написал: без всяких утаек, как было дело; я написал: да, ударил и все-таки махнул рукой и сказал – пойдём дальше! И я только через три или четыре года понял, что и мой удар, и моя растерянность, и все мои мучения проистекали оттого, что у меня в руках ничего не было: ни знания, ни навыков, ни привычек, ни мастерства.

Вот рядом с коллективом и нужно поставить мастерство. Даю вам честное слово: – я себя не считал и не считаю сколько-нибудь талантливым педагогом. Говорю вам это попросту. Но я много работал, считал себя и считал работоспособным, я добивался освоения этого мастерства, и сначала даже не верил – да есть ли такое мастерство, или нужно говорить о так

называемом педагогическом таланте. Но разве мы можем положиться на случайное распределение талантов? Сколь[ко] у нас таких особенно талантливых воспитателей? И почему должен страдать ребенок, который попал [к] неталантливому педагогу? И можем ли мы строить воспитание всего нашего советского детства и юношества в расчете на талант? – Нет! Нужно говорить только о мастерстве, т.е. о действительном знании воспитательного процесса, [о] воспитательном умении. Я на опыте пришел к убеждению, что решает вопрос мастерство, основанное на умении, на квалификации.

Но и здесь я пришел к некоторым, если хотите, новым убеждениям. Я считаю, что наших педагогов в вузах, где они учатся, нужно по-иному воспитывать. Для меня в моей практике, как и для вас, многих опытных учителей, такие «пустяки» стали решающими: а как стоять, а как сидеть, а как подняться со стула за столом, а как повысить голос, а как улыбнуться, а как посмотреть. Нас этому никто не учил, а этому можно и нужно учить, и в этом есть и должно быть большое мастерство. Здесь мы сталкиваемся с той областью, которая всем известна в драматическом или даже в балетном искусстве: это искусство постановки голоса, искусство тона, взгляда, поворота. Все это нужно, и без этого не может быть хорошего воспитателя. Это пустяк, а есть много таких признаков мастерства, прямых привычек, средств, которые каждый педагог, каждый воспитатель должен знать.

У нас в школах, – вы сами знаете, – иногда у одного учителя хорошо сидят на уроках, а у другого – плохо. И это вовсе не потому, что один талантлив, а другой нет, а просто потому, что один мастер, а другой – нет.

И нужно воспитывать педагогов, а не только образовывать. Какое бы образование мы ни давали педагогу, но если мы его не воспитываем, то, естественно, мы можем рассчитывать только на его талант.

Кроме мастерства здесь требуется еще и большое знание самой организации. Поднимается ли у нас в нашей педагогической теории вопрос о таком «пустяке», как школьный центр? – Не поднимается, и мы совершенно не знакомы с этим вопросом¹⁸, а между тем функционирование школьного центра, зависимость отдельных элементов этого центра во многом решают вопрос о дисциплине.

Я не знаю, как это можно сделать в школе, но у меня в коммуне был центр, во-первых, на определенном, самом лучшем месте, а во-вторых, он никогда не оставался без ответственного лица. Каждый коммунары знал, что в мое отсутствие на моем месте сидит лицо, которое отвечает за данную колонию [коммуну. – Г.Х.], все мои коммунары знали, что есть центр, который не прекращает работу, и что всегда есть кого позвать, к кому обратиться. А от этого центра идут какие-то уполномоченные лица. Таким уполномоченным лицом у меня в коммуне был дежурный командир. Это мальчик, самый обыкновенный, который дежурит два раза в месяц. Вообще он не имеет никаких прав, но, когда он надевает повязку, он получает очень большие права. И если у вас в коллективе создана традиция, утверждающая, что эта «магистратура» нужна и что эти права идут на пользу коллективу, если вы воспитали в коллективе уважение к своему уполномоченному, – тогда ваша фигура делает очень большое дело. Это лицо, отвечающее за рабочий день, за каждый случай в течение рабочего дня. И уже одно то, что среди воспитанников или школьников этот мальчик умеет провести

свою власть как власть коллектива, не поступившись этой властью, не оскорбивши ее, не позволив ее никому оскорбить, – уже одно это делает колоссальные повороты.

Этот мальчик в коммуне имел право приказа, и приказа безапелляционного. Мы не побоялись на это пойти. Вот такой 15-тилетний дежурный командир может приказать старшему комсомольцу: «Убери тряпку!». Потом его могли «проветрить» в комсомольском бюро, но отказаться выполнить приказ было нельзя.

Мы пошли дальше. Полномочия этого мальчика были настолько почетны, что общее собрание постановило: рапорт дежурного командира проверять нельзя, полное доверие его рапорту. Если ко мне дежурный командир или бригадир придет и за столом скажет что-нибудь, я могу проверить, но, если он мне рапортует в определенной торжественной обстановке, подчеркивающей, что он говорит не просто как живая личность, а как уполномоченный коллектива, считалось, что в этом случае командир соврать не может, и правильно, не может, как бы он ни хотел соврать. И вот эта идея уполномоченного с большими функциями и строгой ответственностью, – разве это не та смола, на которой дальше сбивается коллектив?!

Это все относится к вопросу организации центра.

Я не стану вас затруднять такими моментами, которые, может быть, для школы не подойдут. Я обращаю ваше внимание на то, что вопрос о том, кто у вас в центре и в какой зависимости эти уполномоченные стоят, вовсе не простой вопрос.

Имейте в виду, что функции этого центра затрагивают другую очень важную область педагогики, которую мы все давно признаем и уважаем, но в серьезной государственной школьной организации не всегда применяем, – это наши взгляды на детскую игру. Мы считаем, что ребенок должен поиграть, и игрушек у нас сколько угодно, но, в то же время, мы почему-то убеждены, что для игры должно быть какое-то отдельное место, и этим все участие игры в воспитании ограничивается. А я утверждаю, что детская организация должна быть пропитана игрой. Учтите, что речь идет о детском возрасте, у него есть позыв к игре и его нужно удовлетворить, и не потому, что делу время – потехе час, а потому, что как ребенок играет, так он будет и работать. И я был сторонником того, что вся организация детского коллектива должна быть проникнута этой игрой, и вы, педагоги, должны в этой игре принимать участие.

Когда ко мне приезжали наркомпросовские комиссии и [с] крокодиловыми глазами [слезами. – Г.Х.] наблюдали систему моих рапортов, конечно, в душе я увядал, потому что прекрасно представлял себе, что они смотрели на меня и думали: господа, как будто бы и взрослый человек, как будто бы и не дурак, а посмотрите, что он выделяет! (Смех.) А я говорил: «Есть! Есть! Есть! Есть!» И так я «играл» 16 лет, и не в этом только случае, а во многих случаях, в ту самую пресловутую военизацию, за которую меня в свое время «ели», – в этих командиров, в эти салюты и т.д.¹⁹. Настоящая военизация была в стрелковых кружках, а это была игра, в которой я принимал участие, принимал участие потому, что я пришел к убеждению, что без такой игры труднее создать настоящий веселый и бодрый коллектив.

Причем я с удовлетворением отмечаю, что эта «игра» постепенно внедряется. Возьмите, например, школу подготовки артиллеристов. Там уже ввели немножко эту игру. Это уже не специальные учебные упражнения, это специальная эстетика, которая в детском коллективе необходима.

А вы думаете, мы с вами не играем? – Играем! Возьмите все эти галстучки, булабочки, кошечки, собачки! Это тоже игра. Как будто бы это принято, а на самом деле мы играем – иногда играем в важность в своем кабинете, иногда играем в книжность, когда мы обставимся книжками и думаем, что у нас есть библиотека. Ведь играем же мы в библиотеку? Играем. Разложим книжки, а очередной номер журнала держим под подушкой. А в гостиную разве не играем? Играем. И в столовый прибор, и в ножички для разрезания лимона и апельсина играем, хотя никогда никакого лимона и апельсина этим ножом не разрежешь! (Смех.) А почему, как только дети – так сплошная серьезность, сплошная мораль, учеба и учеба? А поиграть? «Он на перемене поиграет», – говорит педагог. «Пойди, побегай, но только смотри, чтобы стекло не разбил, грязи не нанес, чтобы нос не разбил!» (Смех.)

И вот я считаю, что это привлечение игры в детский коллектив совершенно необходимо. Я должен [дошел. – Г.Х.] бы еще до больших чертиков в этом отношении, но, во-первых, мне не позволяли, а во-вторых, я чувствую, что я буду играть один, потому что никто больше не хочет. (Смех.)

Между прочим, когда меня спросили в НКВД, какую форму для коммунаров выдумать, то я постеснялся сказать, но вам скажу по доверию, в расчете что вы никому не расскажете. Я считал: почему дамы носят страусовые перья, почему только им это можно? А по-моему, нужно отобрать у них страусовые перья и оставить их для школьников. Пусть идет школьник по городу и перо у него болтается. (Смех.) Во всяком случае, в костюме, может быть, не в перьях, но в какой-то пуговице, в какой-то выпушке, в каком-то покрое должна быть игра. Мы знаем, что в нее играют не только маленькие, но и взрослые: многие носят форму, а многие мечтают, что будут когда-нибудь носить. В этом есть что-то приятное. Скажем, человек одет в железнодорожную форму, но она свидетельствует о том, что он – железнодорожник. А для ученика это еще важнее. И совсем не нужно для этого никаких дорогих материй, и разговоры о том, что у нас нет сукна, совершенно излишни.

Но вот, наконец, еще два важных обстоятельства, на которых я хотел остановиться, – это наказание и труд.

Если вы помните, я написал для «Правды» о наказании два фельетона²⁰. Один из них так и назывался «Наказание». Но как-то так случилось, что пока этот фельетон писался и оформлялся, самое наказание из него понемногу исчезало, исчезало и, наконец, его не осталось совершенно. (Смех.)²¹ Я не скажу, насколько это нужно в школе, и, пожалуйста, прошу не принимать моего слова как рекомендации какого-то наказания. Я скажу, какие наказания я применял и какая от этого была польза, а по секрету вам скажу: я лично убежден, что это было бы полезно и в школе.

Я применял два вида наказаний.

Все мои коммунары делились на два отдела: огромное, подавляющее большинство – коммунары, а те, кто не получил такого звания, – воспитанники. («Мы тебя воспитываем, а коммунары уже воспитаны».) И вот воспи-

танника я мог наказывать – «греть», как у нас говорили: я мог дать ему вне очереди наряд.

Что такое «наряд»? Наряд – это самая разнообразная работа, которая от меня даже не зависела. Я имел право назначить наряд. Дежурные командиры всегда записывали: такой-то имеет, скажем, два наряда, такой-то – один наряд. Причем никто никогда не гонялся за имеющим наряды, а было так: нет работы – «нарядные» находятся в запасе, а пошел, скажем, дождь, нужно поставить бочки – пожалуйста, ставь бочки; или нужно поехать в город получить деньги – отправляйся в город; или уборка на кухне – помогай на кухне.

Воспитанника я мог оставить без отпуска, в выходной день он не мог никуда уйти; я мог удержать воспитаннику выдачу карманных денег, т.е. не дать ему денег на руки из его заработка, а положить в сберкассу, откуда он без моей подписи ничего получить не мог.

Накладывать такие наказания на коммунаров я не мог, не имел права. Для коммунаров было одно наказание – арест, а на воспитанника я не мог наложить арест, он еще до этого не дорос. (Смех.) Коммунар мог ходить в отпуск без разрешения, доложив только, до какого часа; он мог быть избран уполномоченным, а воспитанник – нет.

И еще одним правом пользовались коммунары: коммунару я обязан верить на слово: если он сказал, что он дал слово, то неудобно, неприлично не верить на слово.

Значит, коммунар мог быть наказан только арестом. Что такое арест? Так же как и в случае с нарядами, я мог только наложить арест, причем считалось законом, что я должен в это время встать, т.е. я не мог сидя, развалившись в кресле, сказать: «Два часа ареста!», а [коммунар] должен был мне ответить обязательно салютом: «Есть, два часа ареста!» Если коммунар не сказал, значит, он не принял моего наказания, значит, он не согласен, и тогда я имею право передать вопрос на общее собрание. Но должен вам сказать, что я не помню такого случая. И обычно наказание накладывать нужно очень редко. Получив арест, коммунар уходил, и никто никогда это не записывал: наряды дежурный командир записывал и следил, чтобы они были выполнены, а арест – нет. Сам коммунар должен помнить, сам должен выбрать для себя удобное время, чтобы отбыть наказание. Вот тогда он приходил и говорил: «Прибыл под арест!» Арест заключался в том, что он приходил и должен был сидеть положенное время в моем кабинете. Арест – это внешняя инструментовка, а главное – это то, что кабинет – центр, где протекает вся жизнь колонии: где звонит телефон, куда приходят заказчики и т.д. И вот сидящий следит, как проходит жизнь. Причем мне заказывается очень важная методика: я все разговоры веду так, что то и дело вверну что-нибудь специально для отбывающего арест коммунара. Если он, скажем, разбил стекло, то я в разговоре с кем-нибудь скажу: «Если будете ехать в город, купите, пожалуйста, ящик стекла, а то вот у нас стекла стали бить. (Смех.) Вы говорите, денег нет? Как же так, что же мы будем делать?» и т.д. Если он девочку затронул или оскорбил, то на эту тему нужно несколько раз пройтись. Но я никогда не позволял себе допекать провинившегося прямо в глаза: вот, ты сделал то-то и то-то, как это нехорошо! В коммуне было такое правило: раз наказан и сказано «Есть!» – больше о проступке

говорить нельзя, это считалось неприличным. Пока наказание не наложено, тут мы и собрания устраиваем, и чего только ни говорим, но как только есть постановление, как только наложено определенное наказание, – конечно, считалось совершенно неприличным, «неэтикетным» говорить о том проступке, за который уже наложено наказание. Это весьма важная традиция, она спасает наказанного от каких бы то ни было издевательств над ним.

Это то, что касается наказания.

Но тут я бы внес такой корректив. Я считаю совершенно неправильной такую постановку вопроса: «Наказывать, конечно, надо, но...» Эти «но» сводятся к тому, что, во-первых, надо стараться не наказывать, а во-вторых, хороший учитель никогда не будет наказывать. Старайтесь сделать без наказания, «педагогическим тактом», а в крайнем случае (значит, в скобках, – если вы никуда не годный учитель) – наказывайте. Дело обстоит совсем не так. Во-первых, плохой учитель не должен наказывать ни в коем случае. Право наказания у меня в колонии имел только один человек, право наказания должно быть сосредоточено в одном геометрическом центре, чтобы было какое-то единство, а во-вторых, наказывать необходимо всегда, когда нужно наказывать, ни в коем случае нельзя заменять наказание простым разговором.

Логика такая: если нужно наказание, если наказание в данном случае полезно, значит, оно и должно быть применено. Ибо, что такое «педагогический такт» в том понимании, в каком это у нас часто употребляется, т.е. в кавычках? Педагогический такт часто – это особый способ увильнуть от воспитательной работы и от ответственности, и только. (Смех.) Больше никакого значения это слово не имеет. А учитель не имеет права отворачиваться ни от работы, ни от ответственности.

Я лично тем не менее считаю, что много наказаний быть не должно, но по другой логике: наказания не должны оглушать весь коллектив и делаться бытом в коллективе, наказания должны быть настолько редки, чтобы весь коллектив обратил на наложенное наказание внимание. Только поэтому наказания необходимо применять не часто. Поэтому, если у вас [нас. – Г.Х.] случался такой отрезок времени, когда что-то в коллективе расстроилось, – я бил наказанием просто без остановки, пока не наступало изменение.

Это наказание накладывал, как правило, я как старший уполномоченный коллектива. Но самое строгое и жестокое наказание, такое наказание, как исключение из коллектива, я всегда считал необходимым проводить через общее собрание.

Тут мы подошли к очень интересному вопросу – общее собрание. Я не знаю, насколько это в школе возможно. На практике я этого не испробовал и сомневаюсь, потому что в школе слишком большая разница в возрастах, кроме того, там слишком недостаточное общение между старшими и младшими возрастами, и я не знаю, какой вид могло бы иметь общее собрание в школе, но я уверен, что если бы в школе был единый, сплоченный коллектив, то это было бы возможно.

Я имел право в колонии уволить воспитанника, но я никогда этим без общего собрания не воспользовался. Конечно, вы понимаете, что на общем

собрании вы должны добиться такого постановления, какое вы считаете необходимым, а если коллектив вас уважает и понимает вас, то общее собрание всегда будет на вашей стороне. Для чего же тогда нужно общее собрание? Я считаю, что общее собрание нужно не столько для того, чтобы наложить правильное наказание, сколько для того, чтобы каждый член общего собрания считал себя ответственным за решение. Вот это переживание ответственности воспитывается в коллективе с наибольшим трудом, но зато, когда оно воспитано, оно творит чудеса. А это переживание ответственности вырабатывается очень большой точностью работы и четкостью.

В коммуне на общих собраниях был установлен такой регламент: речь могла продолжаться одну-две минуты. И вот даже в этом пустяке воспитывалась ответственность.

Ее можно воспитывать еще при помощи, главным образом, персональных поручений. В школе мне не приходилось наблюдать такие персональные поручения, а я их практиковал очень часто. Это значит – в каждом случае обязательно поручается кому-нибудь что-нибудь сделать с обязательным отчетом на общем собрании и с обязательной проверкой; не сделал – под арест. Я не стану затруднять вас слишком детальным описанием таких поручений, но я уверен, что каждый директор школы и каждый коллектив педагогов всегда найдет, что поручить.

Наконец, я хочу обратить ваше внимание еще на один момент – на значение личного центра. Я лично убежден в том, что во главе школьного педагогического коллектива должен стоять полномочный педагог-директор. В своей практике (а я 16 лет работал в больших колониях и хозяйствах) я имел право пригласить заведующего педагогической частью и [, но. – Г.Х.] никогда его не приглашал, и считаю, и буду и дальше считать на месте директора²², что всю воспитательскую и хозяйственную власть необходимо объединить в одних руках, как бы трудно, как бы тяжело это ни было.

Через год такой работы директору станет гораздо легче: он все держит в своих руках, он все знает. Вообще в педагогическом детском и учительском коллективе я не могу понять логики, по которой центр разбивают на несколько ответственных лиц. Я считаю, что и воспитателем и хозяйственником должно быть одно лицо. Это нелегко, я тоже вставал в 6 часов утра и ложился в 1 час ночи и не имел выходных дней (я думаю, что такая доля готовится и директору школы) – но... Но как это ни трудно, все-таки лучше истратить это предельное время, а сохранить качество детского коллектива, оно дороже даже здоровья.

Вот, товарищи, все, что я хотел сказать по основным, главным вопросам.

Прошу вас, ни в какой мере не смотрите на это, что я сказал, как на какие-то советы или как на какую-то рекомендацию. Это то, что делал я в исключительных условиях и в исключительном коллективе, воспитывая правонарушителей, беспризорных или детей, выбывших из семьи.

Кроме того, учтите одно важное примечание: для того, чтобы создать все эти формы, нужно несколько лет. Ни в коем случае нельзя думать, что можно прийти, изобрести и осуществить это в течение нескольких дней. Но если бы меня спросили, с чего бы я начал в нормальной школе, я сказал бы: я начал бы не с формы и не с нарушения традиций, а начал бы с хорошего общего собрания, где так, от души, в лоб сказал бы ребятам: во-первых,

чего я от них хочу, во-вторых, чего я от них требую, и, в-третьих, я предсказал бы им, что у них будет через два года. Я убежден, что хорошо сказанное детям деловое, крепкое слово имеет громадное значение, и, может быть, у нас так много ошибок в организационных формах, потому что мы еще и говорить часто с ребятами по-настоящему не умеем. А нужно уметь сказать так, чтобы они в вашем слове почувствовали вашу волю, вашу культуру, вашу личность. Этому нужно учиться.

Заканчивая, я от души желаю вам в вашей работе успеха. Уверен, что у вас в вашей практике и в ваших головах не меньше всяких мыслей и изобретений, чем, скажем, у меня, только я отличаюсь многословием – пишу книги, а вы, может быть, помалкиваете, хотя у каждого из вас есть очень интересные новеллы. (*Продолжительные аплодисменты.*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, есть два предложения. Первое – Антон Семенович может прочитать несколько маленьких отрывков из своего произведения «Флаги на башнях» (*аплодисменты.*)

И второе – после этого есть товарищи, которые желают выступить.

Вопросы просьба задавать в письменном виде.

Итак, какое будет мнение – с чего мы начинаем: с чтения или с выступления товарищей?

(С МЕСТА. Пусть Антон Семенович почитает.)

Итак, мы попросим Антона Семеновича прочитать нам то, что он хочет.

МАКАРЕНКО. Тут есть отрывок с педагогическим уклоном, и есть о любви. Что вы хотите, чтобы я прочитал?

(С МЕСТА. И то и другое.)

Большинство, кажется, хочет, чтобы я прочитал о любви. (*Смех.*)

Разрешите начать. (Читает отрывок из «Флаги на башнях».)

«Молодые инженеры Комаров и Григорьев еще не сталкивались с колонистами в деле, но многие, особенно их характер и деловые качества, были уже нанесены на неписанные личные карточки... А в четвертой бригаде ни один колонист и не думал плакать»²³. (*Аплодисменты.*)

ОБМЕН МНЕНИЯМИ

КЛЯЧКО. Товарищи, когда я читала «Педагогическую поэму», мне почувствовалось, что автор близкий и родной человек, и когда я узнала о том, что сегодня состоится встреча с А.С. Макаренко, мне захотелось поделиться своими впечатлениями.

Я почувствовала в вашем выступлении, Антон Семенович, действительно близкого и родного человека, который живет интересами и жизнью того маленького человека, который вступает под ваше руководство.

Тов. Макаренко говорит о том, что он не является талантом, что он только много работал над собой. Я не знаю – назвать ли это мастерством или талантом, но во всяком случае я почувствовала в выступлении Антона Се-

меновича то основное, что украшает жизнь учителя, что дает удовлетворение. Я почувствовала большую близость его к ученику и творчество в его обращении с учащимися, в данном случае, с коммунарами.

Сколько у Антона Семеновича живости и умения переключаться, чтобы не дать возможности слушающим устать! Ведь вот мы пришли сюда усталыми, – я, например, к себе домой не попала, – и думаю, что среди нас много таких, мы выслушали сегодня большое выступление, целый ряд серьезных моментов принципиального порядка, выслушали прекрасный отрывок из произведения А.С. Макаренко, но мы настолько заинтересованы, что не чувствуем своей усталости.

Чем это объясняется? Это объясняется мастерством вашего выступления, Антон Семенович. И я чувствую, что ваше мастерство вам очень помогало в вашей действительно многосложной и трудной работе.

Что нас особенно прельщает в вашем произведении? Я не буду говорить о специальных моментах художественности в вашем произведении. Во вступительном слове товарищ докладчик останавливался отдельно на моментах композиции и прочих деталях. Я не хочу на них останавливаться, я хочу подчеркнуть актуальность тех вопросов, которые ставятся вами в ваших произведениях. И не может быть сомнения в их художественности ни в какой степени, даже в отношении мелочей, потому что эти произведения нас захватывают, мы от них не можем оторваться, в них решаются коренные основные вопросы, являющиеся вопросами жизни для воспитателя и для учителя.

Основное ваше положение: учитель должен быть оптимист[ом]. Я думаю, что этот тезис мы должны безоговорочно принять. Если в учителе нет этого глубокого, я сказала бы, оптимизма, то ему за дело воспитания юношества и приниматься не следует. Этот оптимизм помогает нам открывать способности, моменты даровитости в каждом учащемся, который попадает в наши руки.

Чрезвычайно ценно подчеркиваемое вами положение о том, как мы должны подходить к ученику, к нашему воспитаннику. Прежде всего, – говорите вы, (как кратко и замечательно сказано!) – как можно больше уважения и как можно больше требовательности. Мой личный опыт подсказывает, что иначе и быть не может. Если у нас нет достаточного уважения к нашему учащемуся, если хотя бы на минуту учащийся чувствует с нашей стороны недостаточное признание его личности, – под нами ускользает педагогическая почва.

Как ставить вопрос о требовательности – этот вопрос в применении к школе вам надо было бы раскрыть более конкретно. Я подчеркиваю и принимаю полностью ваши высказывания о том, что у нас у очень многих учителей действительно отсутствует риск в кавычках, отсутствует часто свое, оригинальное творчество, мы как-то скованы, мы боимся идти против установленного мнения, против установленного принципа. Я не буду говорить, что является причиной такого положения. Но я хочу подчеркнуть важность высказанных вами принципов.

Что такое коллектив, и что такое толпа? Мне кажется, что этот вопрос, вопрос об этой разнице должен непременно подчеркиваться в красивой, увлекательной форме на каждом предмете и в каждый момент воспитания.

А ведь вопрос о коллективе и вопрос о толпе часто ускользает от нашего внимания.

Очень существенен вопрос, подчеркнутый вами, о важности создания традиций и о необходимости их поддержания. Я хочу расшифровать, как я это понимаю.

Вот мне приходится сейчас руководить школой, школой-новостройкой, школой, не имеющей еще никаких традиций. И вот практическое применение моего взгляда сказалось в том, что я не отдала ни одного класса из тех классов, которые мне были поручены, хотя школа растет, теперь уже 22 класса, два новых приема. Но я не согласилась отдать ни один класс, который ко мне попал. Вот это соблюдение традиций сказывается на наших ребятах. Когда я приступила в прошлом году к этой работе, я поставила себе целью узнать каждого ребенка в отдельности, и выяснилась такая картина, что очень большое количество учащихся побывало уже в четырех-пяти школах, и это не так называемые нарушители, а просто дети, переходящие из школы в школу в силу разных обстоятельств: они были полгода в одной школе, затем классы комплектуют, ребят выбрасывают, они попадают в другую школу и т.д.

Я хочу подчеркнуть, что традиции в школе являются могучим орудием и могучим фактором в нашей работе. Эти традиции мы должны сохранять и укреплять, а вопрос о том, что было сделано с 34-й школой Октябрьского района является, по-моему, нарушением традиций.

Я хотела бы только отметить, что не совсем ясно такое несколько ироническое отношение к педагогическому такту. Мне казалось бы [казалось. – Г.Х.], что оно несколько чревато опасностями.

Затем я хочу сказать, насколько я ценю произведения тов. Макаренко. Я поставила себе необходимым условием использовать его произведения не только для педагогов (у нас уже два года существует педагогический кружок и был поставлен доклад о «Педагогической поэме»), но и для родителей. У нас, например, получила распространение такая форма, как читка отдельных новелл на собраниях родителей из «Книги для родителей», и когда приходится консультировать и беседовать с отдельными родителями, то мы делаем на это указания. Причем я считаю, что печатные новеллы Антона Семеновича часто гораздо убедительнее покажут на правильность воспитания в той или иной семье, чем нотации и сухие убеждения со стороны учителя.

Заканчивая, я должна сказать, что сегодняшний вечер всех нас чрезвычайно удовлетворил. И я лично буду счастлива, если и Антон Семенович придет к нам еще раз, поделится своим глубоким опытом и порадует нас своими новыми и многочисленными произведениями. (Апл.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разрешите предоставить слово курсанту Военно-морского училища им. Дзержинского т. Герцкович, воспитаннику А.С. Макаренко. (Апл.)

ГЕРЦКОВИЧ. Товарищи, мне приходится впервые выступать перед такой аудиторией, поэтому, если у меня будут какие-нибудь ошибки, прошу меня поправить.

Я лично знаю Антона Семеновича 8 лет, начиная с 1938 [1928. – Г.Х.] года. Из этих 8-ти лет [Все эти 8 лет. – Г.Х.] я находился под руководством Антона Семеновича в коммуне им. Дзержинского.

Я очень рано лишился материнской ласки – это было в 1924 году, и жил во многих коллективах и детских домах, но такой коллектив, каким была коммуна им. Дзержинского, мне пришлось видеть только один раз в жизни. Этот коллектив был очень хороший, очень твердый. Этим коллективом можно было дорожить. Во всяком случае я лично, находясь в коммуне, дорожил этой жизнью, потому что я знал, что когда я выйду из коммуны и встану действительно на ноги, то жизнь в коммуне будет для меня лучшим воспоминанием. И это действительно так, потому что, находясь даже в Военно-морском училище, я вспоминаю коммуны Дзержинского, как образец. Антон Семенович умел дать юноше почувствовать, что молодой человек в Советском Союзе должен быть примером, достойным подражания и в работе, и в учебе, чтобы на примере этих молодых людей училась молодежь всего мира.

В своей деятельности Антон Семенович привил каждому находящемуся в коммуне любовь к труду, это первое; ответственность за порученное дело – второе. Антон Семенович в коллективе учил нас заботиться о товарищах, учил уметь жить в коллективе, т.е. учил не жить в коллективе эгоистом, а бороться всем за одного и одному за всех.

Теперь я скажу о том, кто вышел из коммуны. Из коммуны вышли инженеры, из коммуны вышли летчики, из коммуны вышли люди самых различных профессий: буквально во всех уголках Советского Союза находятся коммунары-дзержинцы, они работают в промышленности, они учатся в стенах институтов. И я выражаю глубокую благодарность и глубокую признательность Антону Семеновичу за то, что он сумел сделать из нас достойных советских людей. (*Продолжительные аплодисменты.*)

ЗАВИТАЕВА. Тов. Горелова приветствовала здесь Антона Семеновича от лица собравшихся ленинградских педагогов. Я позволю себе еще раз приветствовать его появление здесь.

События, описываемые в «Педагогической поэме», относятся к 1920 году. Это время было для меня особенно интересным, потому что в этот самый год у нас в Ленинграде начало расцветать то начинание, о котором пишет в своей «Педагогической поэме» Антон Семенович, начало расцветать, и, к сожалению, не дошло до своего настоящего развития.

В течение 1920-21-22 и отчасти 1923 года здесь работал Центральный карантинный пункт, через который проходили вот те самые беспризорники, о которых я читала в «Педагогической поэме». И точно живые встали передо мной бывшие воспитанники нашего пункта, когда я читала о Задорове и целом ряде других описываемых в «Педагогической поэме» людей.

И вот, пользуясь сегодня встречей с Антоном Семеновичем, выражая ему искреннюю признательность за то, что он написал такую глубоко волнующую книгу, я позволю себе обратиться к нему с несколькими вопросами.

Первый вопрос – вопрос о педагогическом гневе и о ровном тоне, о ровном голосе. Почему меня этот вопрос волнует? Потому что в том же самом

Центральном пункте, где собрался необычайно дружный и сердечный коллектив, мы считали для себя главным вопросом – способы воздействия на наших питомцев.

В самом начале книги Антон Семенович говорит, что он рассердился на Задорова, его охватил гнев, когда он увидел такое отношение со стороны Задорова ко всему тому, что насаждалось в коммуне [колонии. – Г.Х.].

Мне пришлось в свое время быть свидетельницей такого события: мы единодушным голосованием изгнали из нашего педагогического совета одного старого педагога. Почему произошло это изгнание (я не боюсь этого слова)? Потому что она ударила ученика, и когда при разборе этого факта ее спросили, почему она это сделала, она ответила: «Он вывел меня из себя». И тогда человек, стоящий во главе нашего коллектива, сказал: «Если бы вы сказали нам, что это есть один из способов педагогического воздействия, то, может быть, мы стали бы с вами спорить, что-то доказывать, но вы говорите – вывел из себя, и вот мы не можем согласиться с тем, что ученик может вывести из себя педагога».

Читая интереснейшее произведение Антона Семеновича «Педагогическую поэму», я с волнением подошла к сцене с Задоровым, вспомнила сцену с учительницей, о которой я говорю, и подумала: почему из этого факта у Антона Семеновича вышло хорошее? Да потому что Задоров почувствовал, что к нему отнеслись по-человечески, он рассердил педагога, и педагог рассердился, а не было ровного тона, не было того педагогического воздействия, о котором сегодня упоминалось. За моими плечами довольно много лет воспитательской и педагогической работы, и я должна сказать, что ничто так не нервирует наших питомцев, как так называемый ровный педагогический тон. И я скажу, что мы должны выходить из себя, сердиться и кричать. Мне пришлось работать в одном, теперь уже несуществующем, учреждении, где тоже были чрезвычайно трудные воспитанники и где во главу педагогического воздействия был поставлен этот ровный тон. Придя в это учебное заведение, я пробыла там ровно два дня и ушла, потому что именно там я встретилась с исключительным пренебрежением к питомцам, с таким странным для нас, педагогов, отношением к юной человеческой душе, к юной человеческой единице.

И вот сейчас я работаю здесь в Доме просвещения в целом ряде кружков живого слова, выразительного чтения, и мы много занимаемся так называемым подтекстом, т.е. иногда мы говорим какое-то предложение, под которым скрывается совершенно другой внутренний смысл. Ведь можно сказать: «Сядь, милая девочка», и это можно сказать так, что она почувствует, что она никому не нужна. И ее можно выбранить, но так, что она поймет, что делает что-то дурное, а человек, указывающий ей на это, делает добро, делает то, что принесет ей пользу.

И для меня в «Педагогической поэме» важно, что на Задорова подействовало то, что нам кажется страшным. Причем я думаю, что если бы с таким Задоровым говорить спокойным, ровным тоном, то из него хорошего человека потом не вышло бы.

Второй вопрос: меня интересует – Вера Березовская тоже существовала?
(МАКАРЕНКО. А как же!)

Так вот интересно, что с ней стало дальше. Опять-таки чрезвычайно интересное и внимательное отношение в этом чрезвычайно трудном и первом и втором случае у меня рождает сомнение, и меня интересует, что с ней было дальше.

Заканчивая свое выступление, я хочу сказать, что, несмотря на то, что мне сегодня было очень трудно прийти и я попала сюда ценою больших усилий, я все-таки чрезвычайно рада, что мне пришлось встретиться с Антоном Семеновичем, в такой живой и увлекательной форме сообщившем целый ряд своих достижений.

А самым радостным для меня было выступление питомца Антона Семеновича, из которого, мы видим, вышел человек и выйдет еще более интересный и нужный советский человек. Для нас это уже совершенно ясно, и надо думать, что такие [таких. – Г.Х.] будет много. Если сегодня удалось прийти одному, что [то. – Г.Х.], вероятно, таких много. (*Аплодисменты.*)

МАРТЬЯНОВ. Я работаю комсоргом школ гор. Ленинграда и от лица комсоров Ленинграда, пользуясь присутствием Антона Семеновича, выражаю ему глубокую благодарность за его «Педагогическую поэму».

Во время трехлетней работы педагогом до прочтения этой книги у меня было очень много неясностей. И вот, прочитав два раза подряд «Педагогическую поэму», я почувствовал всю ценность этой книги как руководящей книги в работе учителя, в работе по воспитанию молодого поколения. И нашел там много чрезвычайно ценных указаний, которые начал применять в практической жизни. И должен сказать, что чувствую себя сейчас гораздо увереннее и вижу результаты. Словом, – тот, кто не читал эту вещь, должен ее прочесть.

С мнением автора я совершенно согласен, и у меня есть только один непонятный вопрос после прочтения этой вещи. В книгах Антона Семеновича пишется о коллективе, который пришел с улицы и который больше не связан с родителями, с семьей; мы же работаем с коллективом, который связан с семьей. Вот как быть здесь? Воздействие семьи на коллектив очень большое, тем более что по времени это воздействие значительно больше, чем воздействие школы. У меня было бы просто желание поговорить с Антоном Семеновичем лично по этому вопросу.

Повторяю, что если говорить о книге, то, помимо литературных данных, нужно сказать, что она написана с большим интересом к жизни, с большим чувством завтрашней радости. Это заставляет жить завтрашней радостью, и, работая в коллективе, Антон Семенович добивается этой радости и для себя, и для других. Эта книга воспитывает преподавателей так, как Антон Семенович воспитывал своих ребят. (*Аплодисменты.*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово для заключения имеет А.С. Макаренко.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО А.С. МАКАРЕНКО

Я думаю, что не нужно никакого заключительного слова, а я просто отвечаю на вопросы и записки.

Вот одна записка, касающаяся очень важного вопроса: «В Ленинграде был случай: ученик [от]реагировал на плохую отметку учителя самоубийством – выбросился из окна класса. Как быть с такими „накладными расходами“?»

Совершенно правильно поставленный вопрос. Но в самом вопросе заключается и ответ. Какой риск был в том, что ученику была поставлена плохая отметка? Это совершенно законная, нормальная, средняя мера.

Никто же не думает, что как только ставишь отметку, так и отнимай у ученика нож или смотри, чтобы он не выбросился из окна. Это самая нерискованная мера, а все-таки ученик выбросился. Что это значит? Это именно и значит, что какие-то другие меры, еще менее рискованные, в общей сумме привели к тому, что маленькая плохая отметка оказалась только лишь последней каплей. Вот это есть самый безобразный риск, который часто у нас имеет место. Мы накапливаем в своей работе мелкие, совершенно нерискованные влияния, будучи уверены, что в каждом из них нет риска. Мы гладим мальчика по голове, мы портим ему нервы хотя бы тем, что у нас в школе содом и визг. Может быть, мы своим «ровным» голосом вызываем у него отвращение к жизни, и потом ко всему этому прибавляется еще совершенно нерискованная мера – плохая отметка, и мальчик бросается из окна! Я и думаю, что гораздо больший риск, по сути дела, часто заключается в нашем непротивленчестве, чем в прямой, искренней и открытой борьбе с некоторыми тенденциями в его развитии [в развитии ребенка. – Г.Х.].

У меня тоже были самоубийцы, но они были именно тогда, когда я думал, что нет никакого риска. И ошибался я чаще всего тогда, когда я был мягкотелым, неискренним, неправдивым. Учтите следующее важнейшее обстоятельство: если ваши ученики знают, что вы, директор, и все ваши помощники, учителя, весь педагогический коллектив – люди с открытой душой, люди справедливые, прямые, то в таком школьном коллективе не может возникнуть мысль о самоубийстве. Как бы вы ни поступали, у учеников всегда будет ясное представление, что это сделали вы – человек, известный каждому ученику как открытая личность, и всегда у него возникает мысль о том, что вы правы, и именно к вам он пойдет за советом, поговорить, подумать о том, что ему делать. А вот когда вы прячетесь от ученика за ровным голосом, он никогда к вам не пойдет, он самое тайное, самое опасное переживание обязательно от вас спрячет. Да и кого же потянет к человеку с ровным голосом!

Я в своей жизни из коммуны им. Дзержинского за 8 лет выгнал безжалостно на все четыре стороны, наверное, чел. 15, причем выгнал, не замазывая ничем. Им было сказано: «Выгоняем на все четыре стороны, потому что ты негоден, ты оскорбляешь и обижаешь нас своим существованием. Мы прямо говорим, что [ты] низко стоишь как человек». И что вы думаете, я не дрожал несколько ночей, думая, чем все это кончится? Дрожал, но я чувствовал внутреннюю потребность так поступить, мой поступок был поддержан моей совестью. И вы знаете, что все эти выгнанные потом, через 5-6-7 лет, присылали мне письма.

Совсем недавно, например, перед отъездом сюда, получаю письмо. Пытаюсь вспомнить, кто же это. Вспоминаю: я его выгнал несколько лет тому

назад. Он пишет: я участвовал в боях на оз[ере] Хасан²⁴ и поэтому должен сейчас написать письмо. Спасибо вам, что вы меня тогда выгнали. Если бы вы меня не выгнали, я бы так и остался никуда не годным человеком. А когда вы меня выгнали, я понял, как низко пал, и решил доказать, что я могу быть человеком. Через 8 лет я потерял из виду этого человека, и вот он написал, когда оказался победителем у озера Хасан; именно в этот момент он вспомнил обо мне как об одной из причин его сегодняшнего блеска.

Попробуйте поэтому предсказать – куда ведет каждый поступок!

Конечно, если коллектив слаб, то каждый нарывчик мешает, и в таком коллективе приходится выгонять с ласковой физиономией, но без достаточных поводов, а из сильного коллектива вы выгоните тогда, когда человек действительно пошел против коллектива, и тогда ваш поступок и на того, кого вы выгоняете, подействует в высокой степени отвращающе.

Кроме того, говоря о риске, я сказал с самого начала, что чем сильнее коллектив, чем правильнее он организован, тем сильнее вы можете его поворачивать и тем меньше будет риска, а в слабом, плохо организованном коллективе, я сказал бы так: каждое ваше движение рискованно. Вы не можете отвечать ни за что, если нет общей системы, вы не можете сказать, где у вас риск и где у вас его нет.

Затем одно мое возражение. Я не говорил, что у меня нет мастерства. Я говорил, что у меня нет таланта, его у меня, поверьте мне на слово, нет, а мастерства я добился. Мастерство – это то, чего можно добиться, и как может быть известный мастер-токарь, прекрасный мастер-врач, так должен и может быть прекрасным мастером педагог.

А что такое педагогический талант? Чего стоит педагогический талант, если нет мастерства? Ничего не стоит. Я, конечно, говорю о воспитательном таланте, в отличие, скажем, от талантов преподавательских. А мастерство – это очень достижимая вещь.

У меня был такой помощник – Тимофей Денисович Татарин²⁵. Он со мной долго работал. Это было нежнейшее существо, иначе он ни к кому не обращался, как «хлоп'ятки» (хлопцы), «дівчатка». Это была полная мне противоположность. Хороший учитель. Я взял его из сельской школы. Причем человек замечательной работоспособности, исключительной ловкости, многое умеющий изготовить, над многим умеющий подумать. Его многие любили, но в его мягкости видели какое-то противоречие. Потом он постепенно вырос и стал моим заместителем. И вот что удивительно. Я часто уезжал по делам, а он был на моем месте. По нашим законам и традициям – пока я в колонии, я имею все права, а уезжаю – все права переходят к нему. И вот Тимофей Денисович научился у меня целому ряду приемов. Я имел, надо сказать, грешные непедагогические приемы, любил иногда сказать: черт бы вас забрал! Так что же вы думаете? И он стал так говорить, но он говорил так: «Черт бы вас забрал» (тихим, мягким, добрым тоном). (*Общий смех.*) И что удивительно – это производило свое действие. В его характере это было негодование, и все понимали, что он негодует. (*Смех.*) Это было мастерство. Я потом его спрашиваю – тут вот говорят, ты кулаком стучал по столу, и кричать не кричал, а «черные» слова говорил. А он мне отвечает: «Да, я цэ нарочно робив». То есть человек по своей натуре при-

способил к себе внешние формы гнева (*смех*). И все говорили: «Он сердитый, Тимофей Денисович!» А это значит – нехорошо.

Так что я уверен, что все мы с вами – люди одинаковые. Я проработал 32 года, и всякий учитель, который проработал более или менее длительно, – мастер, если он не лентяй. И каждый из вас, молодых педагогов, будет обязательно мастером, если не бросит нашего дела, а насколько больше или меньше мастером – зависит от собственного напора и вашего просматривания.

Теперь о педагогическом гневе.

Не подумайте, пожалуйста, что я вас призываю вместо ровного голоса к громовому стуку кулаками по столу, крику и т.д. Это не может произвести полезного действия. А то, что я ударил Задорова и это произвело полезное действие, произошло потому, что Задоров был большой человек. Вы в «Поэме» не обратили на это внимания. Задоров был человек большой души, он сумел понять очень многое, а это бывает редко. Он и теперь такой. А если бы я нарвался не на него, а на такого, который бы мне сдачи дал, то было бы совершенно другое²⁶. Но именно потому, что это был Задоров, он [ко] мне пришел немедленно после удара на помощь, он понял, что я его ударил, но погибаю от этого. Так что в том случае это было полезно, а вообще – это преступление. Почему? Конечно, иногда ударить человека полезно, в особенности взрослого. Есть такие люди, что каждый из вас набил бы ему морду и считал бы себя правым (*смех*). А все-таки никто такого права не имеет. И если бы предоставить право физического наказания, то, поверьте мне, самые худшие наши представители стали бы пользоваться этим правом больше всех. Так что о физическом наказании разговаривать нельзя.

Точно также, что такое гнев? Всё мы понимаем с вами диалектически, ибо мы с вами – партийные или непартийные большевики. Говорили о мастерстве. Признали, что оно нужно. А при мастерстве гнев звучит иначе. Если вы мастер, то вы будете переживать негодование, но у вас это не примет никаких антипедагогических форм. Это будет искреннее проявление вашего настоящего человеческого чувства, но не вообще человека, а мастера-педагога.

Я хочу несколько развернуть эту тему.

Не только гнев противопоставляется ровному голосу, а вообще живое переживание человека. Разве можно представить свою лестницу: от простого недовольства до гнева! Я должен сказать, что я тут насобачился поневоле и я знал, что значит сказать: «Здравствуй» – сухим, сдержанным тоном и «Здравствуй» – спокойным, добрым тоном; или: «Все. Можешь идти» – суровым, холодным тоном; или: «Все. Можешь идти» – сдержанным, но мягким тоном. Все это практика. И если вы поставите перед собой несколько таких интересных задач и поупражняетесь, то это будет очень неплохо. Я неоднократно заставлял упражняться своих сотрудников в подобного рода вещах. Я говорил иногда: я – директор, ты – ученик, ты украл 3 рубля. Вот я буду с тобой разговаривать, а остальные слушайте, как я с ним разговариваю.

Вот представьте себе, что я ученик, я украл 3 рубля. Попробуйте со мной разговаривать. Задавайте мне вопросы. Как вы будете спрашивать: «Скажи, ты украл 3 рубля?» Или: «Это ты сделал. Я знаю!» (Смех.) Вот попробуйте. Вещь пустяковая, а встречается на каждом шагу. И без постановки голоса, без мимики здесь ничего не выйдет.

Это разворачивание вашего мастерского тона проявляется не только в крайних категориях гнева или радости.

Вот вам иллюстрация. Рыжиков спрашивает Ножика:

«Ты что? Тебе уже Захаров понравился? А, что! – Понравился, очень понравился (*читает*). И мне с ним тоже везет».

В чем тут дело? Дело в простом совпадении: нет света, человек говорит: «Сейчас будет свет», и вдруг свет появляется. И вот такой случайный пустяк создает вам авторитет на многие годы. Прошло уже три года, а об этом факте продолжают рассказывать. В чем аргумент? В тоне, в этом сильном напряжении вашей энергии.

Вот почему не нужно ровного голоса. А негодование, если вы мастер, вы знаете, когда потушить, а когда дать ему ход. И, когда нужно, негодование может делать больше, чем даже ласка, потому что в негодовании вы проявляете себя как гражданин, как человек и представитель учреждения, как представитель идеи, как представитель права, вы отстаиваете что-то большее. А что вы представляете собой, когда вы гладите по головке? Педагогическую идею, и притом вам неизвестную! (Смех.)

Теперь вопрос: *коллектив и семья* – чрезвычайно важный вопрос, который задал последний из выступающих товарищей.

Тут я вам скажу, что тоже прошу не следовать моему совету, потому что это вам покажется, откровенно скажу, парадоксом.

У меня было тоже много семейных [детей]. И вот не я придумал теорему, которую я вам предложу, а сама жизнь.

Какие у меня были дети? Приходят родители – отец и мать, похожие даже на ответственных [работников], приходят такие нежные и ласковые. «Нельзя ли как-нибудь нашего сына взять?» – «Почему вы хотите его к нам поместить?» – «Да, знаете, не ночует дома, матери грубит, украл радиоаппарат, продал облигации» и т.д. И вот, когда возьмешь [его], то говоришь: «Я возьму, но чтобы вас и близко не было, и машины вашей чтобы не было, и чтобы бензина вашего не было слышно!» (Смех.)²⁷

Говорить так я имел основание. Я считаю так: «Раз вы мальчика так довели до того, что мальчик вас обокрал дочиста, то вы уже больше не участвуете в воспитании. Давайте так и условимся: я воспитываю, а вы дожидаетесь продукции». (Смех.)

Мне дают мальчика, доведенного до известной степени «совершенства». И вот я подводил его к такой идее: он должен был нести в семью мою государственную идею. Таким образом, не я ожидал, что мне семья принесет какую-то свою идею, а мой воспитанник, мой мальчик. Когда он уходил в отпуск, я говорил ему: «Отцу – полное уважение, матери – полное уваже-

ние, ручку целуй! (Апл.) Помогай! Завтра встанешь, спросишь: „Может, что-нибудь сделать?“ Говорю: «Ты должен произвести на своих родителей сильное впечатление, понимаешь?» – «Понимаю». И вот [он] приходит к родителям и спрашивает: «Ну, что вам тут сделать? Может, помыть что-нибудь?» (Аплодисменты. Смех.) И вот тогда и родители понимают, что будущего своего сына, если он у них родится, нужно воспитывать иначе.

И вот я пришел к такому убеждению, что мы, учителя, представляем государственное социалистическое учреждение, социалистический сектор, и естественно, что наши воспитанники – тоже члены этого сектора, и они должны вносить в семью нашу правильную культурную и моральную идею. Если семья достаточно культурная, она всегда пойдет навстречу и у нас будет одна идея; если семья малокультурная, она подчинится влиянию не этого мальчика, а влиянию вашего коллектива, вашей организации.

Теперь вопрос о том – а как же так устроить, чтобы мальчик нес эти ваши государственные идеи в семью? А это дело вашего мастерства и всех остальных методов и приемов. Но иногда для этого бывает достаточно просто сказать ребятам: вы должны вести себя так-то и так-то, потому что я не представляю себе, что может стоять вопрос о детях-дезорганизаторах. Нет, дезорганизаторов не может быть!

Я говорю об этом вот в связи с каким фактом. Я был недавно в детском суде²⁸. Сидят пятеро из 5-х классов. Говорят, магазин ограбили, апельсины где-то рассыпали, покрали и поели, и вот попали на скамью подсудимых. Приходит завуч. Судья спрашивает его: «Можете характеризовать вот этого?» Завуч говорит: «Ужасный мальчик, дезорганизатор! Он опаздывает на занятия, курит и других учит. Веревки какие-то в класс приносит». Вот «веревки» меня сразу заставили насторожиться: что за изверг такой, с веревками в класс ходит. (Смех.) И вот судья вызывает: «Семенов». Он встает. Судья – женщина, прекрасного стиля большевичка – спрашивает:

- Отчего у тебя уши покраснели?
- Неловко как-то, – говорит он со слезами.
- А ты пионер?
- Пионер. (Жметя.)
- А галстук где?
- В кармане.
- Почему?
- Стыдно...
- Садись!
- Все понятно! – говорит она.

А вот завучу не было понятно, что у мальчика уши от стыда краснеют, что он жметя, что у него на глазах выступают слезы. Какой же он дезорганизатор? Такому «дезорганизатору» вы, учитель, можете сказать: «Чтобы этого больше не было! Понял?» Можете быть уверены, что этого не будет. А, конечно, когда вы веревку увидели у него в руках и – руки вверх, – то он папиросу после этого закурит и вам дым в глаза пустит! (Смех.) Вот такие «дезорганизаторы» – очень удобный материал, чтобы вносить в семью ваши правильные моральные идеи: вот вы позовите его и скажите: «Ты уче-

ник такой-то нашей славной школы, семья – это твоя близкая родня, так вот покажи ей, как нужно себя вести!» Это очень нетрудно. Но опять при двух условиях – когда есть коллектив и когда есть мастерство.

Что я предлагаю применять в школе? Я ничего не предлагаю и не имею права предлагать. Но если бы я был в школе, я и аресты применял бы, но у меня в кабинете, и арестовывал бы только лучших. (Смех.) Да, товарищи, наказывать вообще нужно не худших, а лучших; а худших надо прощать, но чтобы не [все. – Г.Х.] знали, что такой-то – самый лучший, и я ему пустяка не простил. Попробуйте наказывать не за самые тяжелые проступки, а за самые мелкие. А за воровство, например, у нас в коммуне Дзержинского не наказывали совершенно в последнее время. Что же делать – человек привык! И говорили даже так: «Еще раз украдешь». – «Нет, не украду». – «Украдешь, обязательно украдешь». – «Да никогда, да ни за что». А через две недели стоит на середине. «Ну, что, украл?» – «Украл». (Хохот.) «Ну вот видишь, мы же тебе говорили, что ты украдешь, и украл. А вот теперь говорим, что больше не украдешь». И действительно, не крадет. (Смех.)

Так что наказывать нужно за мелкие проступки.

Могу вам привести в пример одного моего воспитанника Ключнева²⁹, оканчивающего сейчас в Москве Военную академию. Он был 4 года командиром взвода и 4 года не выходил из-под ареста, – значит, виноват был весь взвод.

Я помню, был такой случай. Получаю я как-то из Москвы телеграмму о выезде. Нужно уезжать. И вот прощаемся. У самого все кипит, и они ревут – и пацаны и девчата. И вдруг я замечаю пыль на рояле. И я совершенно искренне, без всякого педагогического трюка, приостановил свою прощальную речь и спрашиваю: «Кто дежурит по залу?» – «4-й взвод». – «Кто командир?» – «Я». – «Почему пыль? Пять часов ареста». И он отсидел пять часов, хотя он не виноват, а виноват взвод, а он просто недосмотрел. Вот тех, на кого возложена ответственность, и нужно греть. Конечно, такая система наказания с первого раза не пойдет; нужно, чтобы коллектив знал, что в наказании тоже проявляется уважение. Это, безусловно, трудная и сложная философия, и ее не стоило бы сегодня даже затрагивать.

Затем мне задан такой вопрос: «Какая у вас связь с десятилеткой?»

У нас была собственная десятилетка³⁰, и я был [ее] директором.

Следующий вопрос: «Детская колония есть, на мой взгляд, эксперимент».

Какой же эксперимент? Там были живые люди. И рисковать мы можем, но эксперименты производить – едва ли.

«Как сохранить созданный коллектив?»

Очень просто: во-первых, сохраняйте его живое ядро, следите, чтобы всегда поколение сменялось при наличии подготовленного поколения, т.е. чтобы всегда было несколько слоев все повышающихся членов традиции.

Вы знаете, у нас когда-то было в приказе написано: «С утра по нарядам командиров на работу». Давно уже стали ходить на работу без нарядов, а в приказе все писалось: «С утра по нарядам командиров на работу».

Другая традиция: приказ читается – встать. Может быть, никакой пользы нет, а сохраняется по традиции. И это сохранение традиции – очень важная логика.

Затем кто-то спрашивает: «Знаете ли, где находится М. Терентюк?»
Спрашивает В. Терентюк.

М. Терентюк³¹ – артист Благовещенского театра на Дальнем Востоке.

Следующий вопрос: «Какие у вас творческие планы?»

Само слово «творческие» мне не нравится. Творческие планы могут быть, если мы с ребятами, а сейчас у меня – писанина. Я думаю кончить II и III том «Книги для родителей» и потом заняться большим трудом, на который мне дадут, кажется, средства. Года три я думаю писать большую книгу о коммунистическом воспитании, уже не художественную книгу, а самую настоящую учительскую³². (*Аплодисменты.*)

«Как поступить в том случае, если уполномоченные, или, как вы называете, командиры нарушают порядок?»

Также в первую очередь «греть», а самое главное – ответственность перед общим собранием, и еще более главное – у них должна быть честь, гордость.

Затем один товарищ меня упрекает в том, что мои мысли часто прячутся за устаревшими терминами. Это правильно. Действительно, наказание – это старый, ненужный, опороченный термин. Но что же делать, не могу же я выдумывать термины.

«Как быть с семьей, с друзьями, мамашами и папашами?»

На этот вопрос я ответил бы так. Очень многие учителя присылали мне свои произведения – рассказы, повести, причем иногда очень даже неплохие. И вот что удивительно – откуда у них такой тон: никто не пишет «отец», «мать», а все пишут «папаша», «мамаша». Чувствуется какое-то отчуждение в этих словах. Я думаю, что с отцами и матерями нужно разговаривать очень много и хорошо, но главное – это действовать на них через сыновей.

На целый ряд вопросов, связанных с семьей, я, конечно, не отвечу.

Очень вам, товарищи, благодарен за внимание. Простите, если у меня плохо формулировались некоторые положения. Это потому, что в один вечер всего, конечно, не скажешь. Нам бы хорошо еще и вас послушать, потому что у вас, я уверен, есть что рассказать, и я бы поучился, ибо в опыте у каждого столько ценного, что если бы каждый из вас был бы так же упрямым,

как я, и сел бы писать книгу, то получилась бы прекрасная, интересная книга.

Желаю вам успеха, товарищи. (*Продолжительные аплодисменты.*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, я думаю, что мы все коллективно благодарим Антона Семеновича за то, что он прие...³³

КОММЕНТАРИЙ

Рукописный отдел Росс. национ. библиотеки С.-Петербург, РІ-17-408, пост. 1947 г., № 1; также: РГАЛИ, 332-4-177.

Стенографический отчет. Машинопись (подлинник). Титульный лист документа: «Областной дом учителя. Мойка, 94. Встреча А.С. Макаренко – автора „Педагогической поэмы“ – с учителями начальных и средних школ Ленинграда и Ленинградской области. 16 октября 1938 г. Отпечатана в 3 экз. Бюро стенографов. № 3.102». Объем: 60 нумерованных страниц, текст на которых расположен с одной стороны.

Публ.: «Учит. газ.», 1940, № 159 (15.12) и № 160 (18.12); ВД, с.130-48 (в этих двух изданиях под названием «Некоторые педагогические выводы из моего опыта»); ИПП, с.159-74 (здесь и во всех следующих советских публикациях: «Некоторые выводы из моего педагогического опыта»); ИПС 4, с.118-37; С 5 (1951), с.225-48; С 5 (1958), с.227-50; ПС 4, с.230-48 (со ссылкой на экземпляр подлинника документа из наследия Макаренко – РГАЛИ, 332-4-177). Во всех этих версиях текст лекции в той или иной мере сокращен и изменен.

Полный текст стенограммы по маш. копии из РГАЛИ (332-1-28) впервые опубликован (с параллельным переводом на нем. яз.; под названием «Некоторые педагогические выводы из моего опыта») отдельным изданием в серии „OPUSCULA MAKARENKIANA“ (№ 2, Марбург, 1983). Составитель настоящего сборника принял решение о публикации именно этой версии документа, т.к. во времена конфронтации он не смог получить доступ к подлиннику в тогдашнем ЦГАЛИ СССР (РГАЛИ).

¹ «А.С. Макаренко перешел работать в колонию им. Дзержинского, переведя туда некоторое количество колонистов колонии им. Горького; остальные тоже стали к нему перекочевывать и перекочевало около 75%». Названный здесь процент переселенцев из Куряжа в новую коммуны далек от действительности. См. док. № 5, прим.21.

² «Лейка» – см. док. № 6, прим.3.

³ «Несколько времени [Некоторое время. – Г.Х.] тому назад в „Правде“ была статья, в которой была подвергнута жесткой критике опера Шостаковича „Леди Макбет Мценского уезда“. Она была охарактеризована, как „Сумбур вместо музыки“». Эта разгромная статья в газ. «Правда» вышла 28.01.1936 г.

⁴ Речь идет о фильме «Чапаев» (реж. Г. и С. Васильевы; 1934 г.), снятом по одноименной повести Д. Фурманова.

⁵ *Маршак С.Я.* (1887-1964), рус. сов. поэт, переводчик; автор стихотворений, сказок, пьес для детей.

⁶ «А.С. Макаренко говорил мне, что когда он написал эту книжку, он не считал ее художественным произведением и забросил на чердак, и только потом кто-то из его друзей ее оттуда

вытащил». Речь идет о начальнике финансовой части коммуны им. Дзержинского К.С. Кононенко (см. док. № 12, прим.5).

⁷ «[...] по вопросу об алиментниках». Согласно постановлению от 27.06.1936 г. (см. док. № 2, прим.5) были ужесточены меры наказания в случае уклонения от выплаты алиментов.

⁸ «Что касается единственного ребенка, то у педагогов это тоже редкое явление (смех), и если даже он единственный, то опасность плохого воспитания не так велика, ибо отец или мать – педагог». Критика Макаренко в отношении семей, имеющих только одного ребенка, и его требование об увеличении членов столь малых семей с целью образования коллектива, была отвергнута в статье литературного критика К. Лавровой, вышедшей в июле 1938 г.: «[...] предлагаемая писателем панацея направлена, как нам кажется, против воображаемого зла»; задача же была напротив, «искать пути организации подлинно социалистической семьи, независимо от числа детей» (ж. «Книга и пролет. революция», 1938 г., № 5-6, с.190).

⁹ «Значит, со стороны „Книги для родителей“ я если и боюсь вас, то не очень, а вот со стороны „Педагогической поэмы“ и других моих писаний, я боюсь, что вы будете меня ругать». Вполне очевидно, что опасения докладчика связаны с вышедшим в конце 1937 г./ начале 1938 г. в журнале «Октябрь» романом «Честь», против которого в первую очередь выступил с тремя публикациями в июне 1938 г. литературный критик К. Малахов. Так, в «Правде» (1938 г., № 155, 07.06, с.4) он обвинял Макаренко в «искажении русской истории» и «амнистировании шовинизма».

¹⁰ «Некоторые педагогические выводы из моего опыта» – название двух первых публикаций этого выступления Макаренко, а также отдельного издания стенографического отчета данного доклада в рамках серии «ОМ» (№ 2, Марбург, 1983); см. выше.

¹¹ «[...] то тем самым я уходил бы от нашей советской идеологии и приближался бы к ломброзовской идеологии». См. док. № 5, прим.2.

¹² «[...] недавно в «Правде» появилось несколько статей о производственном риске». Имеется в виду вышедшая в августе/сентябре 1938 г. серия статей о проблемах в промышленности. Один из этих материалов, составленных директорами фабрик и секретарями парткомов, имел следующее заглавие: «О техническом риске, трудностях и большевистской ответственности» («Правда», 1938 г., № 262, 22.09, с.3).

¹³ «„Надо разговаривать с ним ровным голосом, чтобы ученик понял, что вы делаете ему замечание не потому, что на него гневаются или сердитесь, а потому, что вы так должны поступить“». См. док. № 3, прим.8.

¹⁴ «И все споры, которые были у меня с педологами и со старыми наркомпросовскими работниками [...]». Имеются в виду работники НКП УССР под руководством Н.А. Скрыпника.

¹⁵ «Коллектив – это социальный живой организм [...]». В своем труде «Русская педагогическая терминология» (М., 1969 г., с.259) ученый-педагог Б.Б. Комаровский по этому поводу заметил: «В одной из работ Макаренко определяет коллектив как социальный организм (V, 231). Это выражение дало повод к незаслуженному обвинению педагога в биологизации коллектива».

¹⁶ «[...] что я имел все шансы на то, что меня могут на три года посадить». См. док. № 3, прим.6.

¹⁷ «И я, дав слово Алексею Максимовичу писать только правду [...]». Такое обещание Макаренко А.М. Горькому в действительности связано не с данным эпизодом (удар Задорову), а с изначально запланированным включением истории о коммуне им. Дзержинского в качестве 3-ей части в «ПП». Дословно в письме писателю от 07.03.1934 г. говорится: «Для окончания „Поэмы“ здесь нет хорошей правды, врать не хочу, окончить же 28-м годом тоже как будто неудобно». (Переписка, с.79).

¹⁸ «Поднимается ли у нас в нашей педагогической теории вопрос о таком «пустяке», как школьный центр? – Не поднимается, и мы совершенно не знакомы с этим вопросом [...]». О «школьном центре» в таком смысле действительно речь не идет в соответствующих законах и распоряжениях о советской школе.

¹⁹ «И так я „играл“ 16 лет, и не в этом только случае, а во многих случаях, в ту самую пресловутую военизацию, за которую меня в свое время «ели», – в этих командиров, в эти салюты и т.д.». Используемая в колонии им. Горького военизация была остро раскритикована на Всероссийской конференции работников детских домов в Москве (ноябрь 1927 г.), а также в Харькове (март 1928 г.) на специальном заседании Украинского научно-исследовательского института педагогики (УНДПП), посвященному обсуждению воспитательных планов, составленных Макаренко для коммуны им. Дзержинского.

²⁰ «[...] я написал для «Правды» о наказании два фельетона». См. «Правду», 1938 г., № 81, 23.03, с.4: «Проблемы воспитания в советской школе»; № 124, 07.05, с.4: «Воспитание характера в школе».

²¹ «Один из них так и назывался „Наказание“. Но как-то так случилось, что пока этот фельетон писался и оформлялся, самое наказание из него понемногу исчезало, исчезало и, наконец, его не осталось совершенно. (Смех.)». Несколько дней спустя (20.10.1938 г.; док. № 17) Макаренко в этой связи заявил: «Я написал в „Правде“ статью о наказаниях. Но там мне предложили переделать, и в результате статья получила такой вид: наказывайте, а потом: не наказывайте, давайте выговор и т.д.».

²² «[...] и буду и дальше считать на месте директора [...]». Здесь речь идет о первом публичном заявлении Макаренко о вступлении в должность директора одной из средних школ г. Москвы. После обнаружения разгромной критики на произведение «ФнБ» (декабрь 1938 г. / январь 1939 г.) Макаренко хлопотал о такой должности, которую он намеревался занять к началу нового 1939/40 уч. года.

²³ Это отрывок из повести «ФнБ».

²⁴ «Он пишет: я участвовал в боях на оз[ере] Хасан [...]». В районе этого озера на Дальнем Востоке в начале августа 1938 г. между СССР и Японией произошел крупный пограничный инцидент.

²⁵ «У меня был такой помощник – Тимофей Денисович Татаринов». Воспитатель-учитель колонии им. Горького с лета 1925 г. Руководил работой школы и в первые годы деятельности коммуны им. Дзержинского. В документе «Характеристики на работников учебно-воспитательной части Коммуны (2 апреля 1935 г.)» (см. док. № 6, прим.6) говорится: «Татаринов Тимофей Денисович (1894 г.р., обр. высшее, в уч.-восп. части с 1934 г.). Т[ов]. Татаринов Т.Д. преподаватель химии рабфака. Лучший педагогический работник в Коммуне. Добросовестный. Знающий. Умеющий обращаться с коммунарами. Старый работник с беспризорными. Пользуется авторитетом среди коммунаров и среди преподавателей. Принимает участие в общественной работе. Никогда не считается со временем. Предан Коммуне. Неоднократно был премирован денежными и благодарностями. Награжден грамотой Харьковским Облисполкомом за ликвидацию беспризорности». (ДАХО, р.4511-1-11, л.45.)

²⁶ «А если бы я нарвался не на него (Задорова), а на такого, который бы мне сдачи дал, то было бы совершенно другое». 08.02.1939 г. Макаренко в этой связи заявил (см. док. № 18): «Если бы на его (Задорова) месте был Волохов, он зарезал бы меня. Я в этом не сомневаюсь. Я думал, что и Задоров может зарезать, но Задоров оказался в высшей степени благородным».

²⁷ «„[...] и чтобы бензина вашего не было слышно!“ (Смех.)». Согласно другой версии данного эпизода (см. док. № 20), здесь речь шла о сыне чекиста: «Приезжает с ромбом муж с женой без ромба (смех)».

²⁸ «Я был недавно в детском суде». 23.02.1938 г. Макаренко принимал участие в судебном заседании по делам несовершеннолетних (ПС 4, с.390, пр.6).

²⁹ «Могу вам привести в пример одного моего воспитанника Ключишева». Имеется в виду коммунар-дзержинец Вася Ключишник.

³⁰ «У нас была собственная десятилетка [...]». См. док. № 1, прим.10.

³¹ Имеется в виду коммунар-дзержинец Дмитрий (!) Терентюк (Лыс., с.172-73).

³² «Года три я думаю писать большую книгу о коммунистическом воспитании, уже не художественную книгу, а самую настоящую учительскую». До сих пор мы не располагаем, сколько-нибудь достаточной информацией о том, что Макаренко в то время вновь хотел вернуться к своему намерению написать методiku коммунистического воспитания и для достижения этой цели ожидал финансового обеспечения.

³³ Окончание настоящей стенограммы – очевидно в размере одной страницы – как в санкт-петербургском, так и в московском ее экземпляре отсутствует.

16. ОБСУЖДЕНИЕ ПОВЕСТИ «ФЛАГИ НА БАШНЯХ» В ЛЕНИНГРАДСКОМ ДВОРЦЕ КУЛЬТУРЫ ИМ. С. М. КИРОВА (18.10.1938 г.)

А.С. МАКАРЕНКО. Товарищи, я полагаю, что все или почти все присутствующие здесь товарищи прочли «Педагогическую поэму», но другое мое произведение «Флаги на башнях», которое является продолжением «Педагогической поэмы», многие из вас, вероятно, не читали, поэтому о «Педагогической поэме» я говорить не буду, а о последней книге дам некоторое объяснение.

В «Педагогической поэме» меня занимал вопрос, как изобразить человека в коллективе, как изобразить борьбу человека с собой, борьбу коллектива за свою ценность, за свое лицо, борьбу более или менее напряженную. В[о] «Флагах на башнях» я задался совсем другими целями. Я хотел изобразить тот замечательный коллектив, в котором мне посчастливилось работать, изобразить его со стороны его внутренних движений, его судьбу, его окружение.

Это счастливый коллектив в счастливом обществе. И я хотел показать, что счастье этого коллектива выражалось [, выражаясь. – Г.Х.] очень часто в глубоко поэтических формах, заключается тоже в борьбе, но не в такой напряженной борьбе с явными препятствиями, с явными врагами, но в борьбе тонкой, в движении внутренних человеческих сил, часто выражаемых внутренними, еле заметными тонами. Все это очень важные и сложные вопросы. Только в коммуне им. Дзержинского я понял, почувствовал, что недостаточно охватил еще всю сложность процесса воспитания нового человека.

Это процесс, происходящий не только внутри самого коллектива, это процесс, происходящий во всем нашем социалистическом обществе. Это процесс труда, и процессы внутренних отношений, и процессы образования, знаний, и рост самого человека, и, наконец, многочисленные чрезвычайно тонкие внутренние междумальчишеские и междуколониетские отношения. Все это я и стремился показать. Может быть, с этой задачей в своем произведении «Флаги на башнях» я и не справился. Решения этой задачи, вероятно, хватит не одному поколению. Но я обратил внимание, что мальчики и девочки в таком коллективе – это, прежде всего, граждане, и в этом заключается отличие наших детей от детей какого угодно общества, они – всегда граждане. И чем больше гражданский долг связывается с их ростом и воспитанием, тем более полноценные воспитываются из них люди.

Эти социальные движения, имеющие характер важнейших движений, и в то же время явно детские – они тоже движения в нашем обществе, в нашей борьбе и сопровождаются тем же удовлетворением, теми же правами, той же степенью благородства, и деликатности, смелости и другими лучшими

человеческими качествами. Вот это я стремился показать, а как это удалось, как это вышло – судите вы, ибо очень часто бывает так, что хочется написать и рассказать многое, но не всегда это удается. Только читатель может судить о том, насколько удачно это получилось.

«Каковы действующие лица этого произведения?»

Захаров, зав. колонией, несколько старших колонистов-комсомольцев и бригада малышей, четвертая бригада. Это бригада мальчиков 10, 11, 12 лет... (*не слышно*).

В то же время они умели находить прекрасную середину, умели находить слушателей и не поддаваться давлению старших. Очень сложная конъюнктура.

«Вечером 7-го Захаров с дежурным бригадиром... (*читает*) ... проходил мимо».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, теперь мы приступим к разговорам.

Слово имеет т. Коваленко.

КОВАЛЕНКО. Товарищи, первый вопрос, о котором я хотел говорить, это вопрос о целях нашего сегодняшнего собрания.

Дело заключается в том, что мне в этом году весной приходилось говорить с одной из студенток, окончившей в этом году Педагогический институт им. Герцена. В этом разговоре выяснилось, что она и ее подруги «Педагогическую поэму» не читали.

Мне приходилось говорить с нашими студентами Государственного университета. К великому своему изумлению я узнал, что они тоже «Педагогическую поэму» не читали.

Я запросил – сколько человек у нас в Доме культуры читали эту книгу? Оказалось, кажется, человек 200. Поскольку у нас числятся десятки тысяч людей, читавших книгу 200 чел. – это не так много.

Мне кажется, что наша с вами задача в ближайшие дни такие книги, как «Педагогическая поэма», продвигать. Они стоят значительно большего внимания, чем то, которое им уделяется.

МАКАРЕНКО. Хвалиться мне неудобно, но могу прямо сказать, ибо я не один проделал эту работу, что, очевидно, мы со своей коммуной шагнули значительно дальше, чем вам кажется.

Я действительно не считаю своих воспитанников дефективными, и они не были дефективными ни одного дня.

Нашим читателям сплошь и рядом хочется, чтобы воспитатели мучились, перековывая беспризорников в новых людей. Но я не мучился и не перековывал. Я достиг больших успехов в своей колонии, достиг такого положения, что я мог практиковать [практически. – Г.Х.] брать группы по 50 чел. прямо с вокзала. Мы брали только тех, кто путешествует в поездах, самых настоящих [босяков]. Я брал, скажем, в данный вечер, и на завтра я

не беспокоился, и никто не беспокоился, как [по]ведут себя вновь принятые мальчики в колонии [коммуне. – Г.Х.].

Вы скажете, что это чудо? Нет, это не чудо, это наша советская действительность.

Совершеннейшая правда написана во «Флагах на башнях», правда, даже с сохранением фамилий, с сохранением событий и разговоров. Как пример укажу, что я встречал много делегаций – иностранных и советских. Иностранные делегации удивлялись и не верили, но наши советские люди не могли не верить, и те советские делегации, которые приезжали, никогда этого не говорили.

Это был, товарищи, счастливый коллектив, и за все 8 лет не было ни одного черного дня, не было ни одного несчастья. Я не хочу сказать, что это чудо. Это норма, и именно потому, что я в этой жизни жил, видел, ощущал каждый нерв, именно поэтому я считаю себя вправе настаивать на этом. Я ни к какой фантастике не прибегаю. Я считаю, что при нормальной организации детского коллектива он всегда будет похож на чудо. У нас в советской школе хулиганят в 5-6 классах, в 10 классе учатся, а потом делаются студентами и летчиками. А сколько хулиганов? Ни одного. А сколько кричали, что в школе хулиганы!

Если имеется настоящая организация детского коллектива, то можно сделать настоящие чудеса.

Нам указывают на «Путевку в жизнь», указывают, что вот, мол, какие они [ребята. – Г.Х.] вредные, испорченные. Я бы сказал так: попал в нормальные человеческие условия и на другой день стал нормальным. Какое еще счастье нужно? Это и есть счастье! И так бывает всегда в хорошо построенном детском коллективе. Они все любят дисциплину.

Товарищи, я себе никогда не позволю исказить советскую действительность, чтобы показать, какие бывают плохие люди. Я себе не позволю этого.

Теперь несколько замечаний по отдельным выступлениям.

Что касается «Чести», то я не совсем согласен с оценкой, хотя это, может быть, самое мое бездарное произведение.

К сожалению, выступление тов. Тихомирова сводилось только к одной критике; своих мыслей он не дал. Повторяю, я не совсем согласен с плохой оценкой романа «Честь». Критика была построена на цитатах. А к чему это приводит?

Тов. Тихомиров процитировал мои слова: «Вы меня все знаете, моя фамилия Макаренко». Эта цитата может быть приведена с некоторым изменением. Я только что приехал в Москву из Киева и на собрании сказал: «Вы меня не знаете, моя фамилия Макаренко». Это записано в стенографическом отчете данного собрания¹.

Теперь несколько ответов по существу.

Товарищ, читавший «Флаги на башнях», ставит некоторые вопросы, характеризующие его как читателя вдумчивого, но все-таки вопросы недоуменные. К сожалению, ответить на эти вопросы развернуто я не в состоянии за неимением времени.

Вопрос относительно того, почему я не удерживал Воленко, когда он решил уйти из колонии. Да, по традиционной педагогике я должен был его удерживать. По нашей, по советской педагогике его надо было удерживать. Я не боюсь риска и знаю, что иногда перемена обстановки бывает очень полезна, и иногда бывает полезно пережить то или иное потрясение. Вот поэтому-то я не захотел удерживать Воленко. Он считал себя ответственным за то, что в его бригаде происходит кража. Колония считала его ответственным. Это совершенно непедagogическое явление, чтобы в детском коллективе считали товарища ответственным за кражи. Но в бригаде Воленко были воры, и Воленко – мягкий человек, всепрощающий человек, не мог оставаться в колонии со спокойной совестью. Он должен был уйти. Это было требование, его собственное требование к себе. Я понимал, что это было для него тягостным, но я хотел, чтобы он пережил это. Очень хорошо, когда человек предъявляет к себе большие требования, это воспитывает человека. У многих наших педагогов есть такое ошибочное желание не слишком много наваливать на человека или вообще ничего не наваливать, а все расписать, как и что нужно сделать. Я с этим не согласен и поэтому не удерживал Воленко в колонии.

Кто такой Рыжиков? Это не сознательный вредитель, но по натуре враг.

Почему я не применил никаких методов? Главнейший метод – это была вся колония, все общество, весь коллектив. Когда ни я, ни другой педагог не можем сделать того, что нам надо, не можем воздействовать, то это за нас может сделать коллектив. Никогда ни я, ни другой педагог никакими разговорами, никакими взглядами не можем сделать того, что может сделать правильно организованный гордый коллектив, и так как Рыжиков ничего не смог взять в этом коллективе, то я не мог противопоставить своего влияния и не хотел. К сожалению, сейчас об этом я распространяться не могу и в романе не распространяюсь. Об этом я напишу в той большой серьезной книге, которую задумал написать о методике коммунистического воспитания.

Относительно перековки. Автор вопроса пишет: как я это не показал – перековки Игоря? – Трудно показать, когда не было этой перековки, не было у меня дефективных людей; приходили люди несчастные, которым трудно жилось в тех условиях, в которых они жили раньше. Я не верю в то, чтобы были морально дефективные люди. Стоит только человека поставить в нормальные условия жизни, предъявить ему определенные требования, дать ему возможность выполнить эти требования, и он станет обычным человеком, полноценным человеком, человеком нормы. Мы это хорошо понимали, и когда мы брали с вокзала 30-35 чел. новых воспитанников, мы выходили на вокзал всей колонией в 400 чел. в парадной форме с оркестром. Мы их встречали салютами, знаменами и маршем. Они этого не ожидали. И это внимание, эта любовь уничтожали немедленно всю дефективность. Ну, какая тут может быть дефективность? Я считаю, товарищи, что бывают только дефективные методы, а дефективных людей не бывает.

Я получил интересную записку: расскажите в своем заключительном слове об отношении к педагогической общественности.

Если под общественностью понимать учительское общество, то я не предполагал бы, что у нас могли быть плохие отношения. Я любил учителей.

А если под педагогической общественностью понимать тех людей, которые по разным причинам почему-то оказывались мудрецами педагогики и думали свои дела реализовать, то к ним было хорошее отношение.

Я стою за общественность в педагогике. Когда я воспитываю человека, то я должен знать, что именно выйдет из моих рук. Я хочу отвечать за свою продукцию. Я считаю, что в нашем «производстве» я должен отвечать за свою «продукцию», за воспитанников моих и моих сотрудников, за будущих инженеров и мастеров, за всю эту советскую организацию, за летчиков, студентов, инженеров, педагогов. За эту «продукцию» я несу ответственность.

Но для того, чтобы можно было отвечать за свою «продукцию», нужно в каждый момент своей педагогической жизни знать, чего я хочу и чего добиваюсь.

Среди наших педагогических руководителей в значительной мере оказались враги народа, у которых была такая логика: это средство соответствует всякой педагогической процедуре – и поэтому это хорошее средство. Какие будут результаты – неважно.

Я повторяю, что если из человека выходит хулиган, то в этом виноват не он, а виноваты педагогические методы.

В «Педагогической поэме», изданной в 33-м году, сказано, как я относился к педологам. Я педологов всегда ненавидел, никогда этого не скрывал, и они боялись со мной встречаться. Когда однажды они хотели, что[бы] я принял какую-то комиссию для проведения обследования, они пришли в класс и сказали: «Мы хотим проверить самый организованный коллектив», и начали задавать ребятам такие вопросы: «Представьте, у вас есть лодка, она затонула. Что вы будете делать?» Ребята на это ответили: «Никакой у нас лодки нет, и ничего мы делать не будем». (*Смех.*)

Следовательно, коллектив наш прекрасно знал, что такое педология. Ребята очень хорошо знали, что это такое. Детский коллектив может знать и о педологии, и о педологах, и может отвечать за свое к ним отношение.

Интересный вопрос *относительно Задорова*. «*Неужели вы думаете, что этот метод принес пользу?*» – спрашивает меня автор записки. Конечно, никогда я этого не думал. Конечно, это было полное отчаяние, это было полное бессилие. Если бы на месте Задорова был кто-нибудь другой, может быть это привело бы к катастрофе, но Задоров был благородным человеком, он понял, до какого я дошел отчаяния, он нашел в себе силу протянуть руку и сказать: «Все будет хорошо». Разве этого не видно? А если бы [я] ударил того же Волохова, то я мог быть им избит. Я был действующим лицом, но победителем был Задоров, и только благодаря ему я мог сохранить авторитет, он поддержал меня. Вот в чем заключается успех, а не в том, что я ударил. Разве удар – метод? Это только отчаяние.

Меня спрашивают: *преподавателем какой дисциплины я был раньше?* До колонии я в школе был преподавателем истории².

Где я сейчас работаю? По состоянию здоровья и по другим причинам я сейчас нигде не работаю, только пишу.

Где бы я хотел работать? Я бы хотел работать в так называемой нормальной школе. Но будьте уверены, семейные дети в тысячу раз труднее беспризорных. У беспризорников никого не было, только я один, а у семейных есть мама и папа в запасе, – и вот с этими-то нормальными детьми я бы очень хотел поработать.

Автор записки спрашивает: *за какие я стою наказания?* Я ни за какие наказания не стою, но на практике в своей работе с колонистами я применял наказания. Вот тот же самый Ключник был три года командиром первого комсомольского взвода, и ему попадало гораздо чаще, чем кому-нибудь другому. Почему? Да потому, что он был командиром и на него возлагалось больше ответственности, с него больше спрашивалось, чем с кого-либо другого. Такие наказания, которые выражают одновременно и уважение к человеку, и требование к нему, я считаю возможными, когда они применяются умело, а вообще наказаний в большом масштабе мне не приходилось применять. У меня был хороший коллектив.

Говорят, что недостаточно уделено внимания отношениям между девочками и мальчиками. Верно, это трудный вопрос. Я всегда был уверен, что не отдельное личное влияние определяет отношения, а организация. Я постарался, чтобы у меня не было половины девочек и половины мальчиков, так как я знал, что тут я уже ничего не сделаю. У меня было 25% девочек. На одну девочку приходилось по два [по три. – Г.Х.] мальчика. В таком положении особых «любовей» быть не могло.

В первое время существования коллектива комсомольской организации не было. Если я видел, что молодой человек слишком увивается за какой-нибудь воспитанницей, судьба которой мне дорога, то я вызывал его и говорил: «Брось, понимаешь, брось». Он говорил: «Понимаю».

Это я вам говорю по секрету, и вы никому не рассказывайте. Это ни в какой мере не педагогично, но это приносило большую пользу. Меня боялись.

Одно время я начал либеральничать и прозевал. Вижу такие парочки, которых не разгонишь. «Влюблен, не могу!». – Я очень испугался. 18-летний мальчик, 16-летняя девочка – ну какая тут может быть любовь? Какая любовь в 16 лет!

Комсомольская организация встала на мою сторону. Мы стали агитировать, уговаривать, собирать и говорить: «Рано, подождите, тебе кажется, что это любовь». Кое-кого уговорили, а кое-кого и не уговорили.

Тогда мы нашли блестящий метод: влюбился – женись! Что же получается?

Беззаботная юность, а тут нужно пойти и на базар, и в очередь за галошами. Сразу обнаружилось, что характеры как-то не подходят.

Начнет какой-нибудь парень увиваться за девочкой. Ты влюбился? Женись!

– Нет, нет, – говорит, – не влюбился.

Мы пришли к норме. Гриша влюблен в Валю. Влюблен, ну и хорошо, гуляет, разговаривает, и очень много парочки [парочек. – Г.Х.] потом ушли в вуз и только на V курсе поженились. Такая духовная любовь хорошо действует на характер и на самоопределение человека. Это я считаю нормой.

Какое я принимал участие в составлении учебника педагогики? Меня пригласили видные профессора помочь написать им учебник. Я ответил согласием, но при одном условии – если они дадут мне ответ на один вопрос: будем мы писать педагогику сегодняшнего дня или завтрашнего? Они сказали, что не могут писать педагогику завтрашнего дня. Тогда я сказал – пока вы будете писать педагогику сегодняшнего дня, педагогика вас перегонит, и в результате вы напишете педагогику не сегодняшнего, а вчерашнего дня³.

Что касается замечания тов. Тихомирова о том, что «Книга для родителей» не нужна, то это не совсем правильно. Хотя родители и взрослые люди, но не всегда знают, что им делать со своими детьми, и неправильно то, что взрослому человеку нечему учиться.

Так [То. – Г.Х.] же самое относительно того, что взрослая девушка не должна поцеловать человека, который ей помог. Почему не должна, что же тут предосудительного?

Об Игоре, что он сейчас делает? Игорь сейчас учится, любит отца, уважает его, любит Оксану, и они, наверное, поженятся.

Останавливаться на очень больших проблемах я сейчас не могу, но должен сказать: ваше внимание, ваши указания и замечания очень помогают мне в моей работе, и я всегда эти указания в своей работе использую.

Вот и все. (*Аплодисменты.*)

КОММЕНТАРИЙ

РГАЛИ, 332-4-179, лл.1-15.

Стенографический отчет. Машинопись (подлинник – экземпляр из наследия педагога-писателя). Титульный лист документа: «Дворец культуры имени С.М. Кирова. В.О., просп. Пролетарской Победы, 72. Встреча с писателем А.С. Макаренко. 18-го Октября 1938 года. Заявка № 3112. Бюро стенографов при Союзоргучете. (Отпечатано в 3-х экз.)». Объем: 27 нумерованных страниц, текст на которых расположен с одной стороны. Прения по докладу публикуются впервые.

Публ. вступительного и заключительного слов педагога-писателя под заголовком «О повести „Флаги на башнях“. Встреча А.С. Макаренко с читателями в Ленинградском дворце культуры им. С.М. Кирова» в: ПС (1948), с.251-56; ИПС 3; С 3 (1950), с.451-55; С 3 (1957), с.442-47 – во всех этих изданиях (без ссылки на источник) текст лекции в той или иной мере сокращен и изменен. В ПС 7, с.191-

98 – источник (там же, с.309): РГАЛИ, 332-4-179, лл.16-24. «Машинопись с правкой М.Е. Бобровской-Луппол»; некоторые из обширных сокращений восстановлены.

¹ «*Это записано в стенографическом отчете данного собрания*». Имеется в виду дебют Макаренко в кругу столичных писателей, который состоялся на их общем собрании по вопросу «Итоги пленума ЦК ВКП(б) и работа ССП» в начале апреля 1937 г., а именно в ходе обсуждения вводного доклада В.П. Ставского. Стенограмма выступления педагога-писателя от 05.04 не сохранилась, но существует переработанная автором версия, опубликованная в ж. «Октябрь» (1937, № 5, с.189-91. Первые слова оратора здесь гласят: «Товарищи, я в московской организации человек новый и деталей московской писательской жизни не знаю. Вообще в писательской среде я новый человек и пришел к вам, если так можно выразиться, из „потустороннего“ мира – из мира беспризорных. / С МЕСТА. – Откуда?) / Кто читал мою книгу – тому это ясно. Моя фамилия Макаренко. (*Продолжительные аплодисменты.*)». (GW 9, с.72; ПС 7, с.20).

² «*До колонии я в школе был преподавателем истории*». См.: ПС 7, с.310, пр.3: «А.С. Макаренко говорит, вероятно, о своей работе в школе в 1917-1920 гг. в Крюкове и Полтаве. В дореволюционной школе он преподавал преимущественно русский язык, русскую литературу, черчение и рисование». Как свидетельствует преподаватель истории Полтавского учительского института В.Н. Тарасов, любимый предмет Макаренко во время учебы там же была «гражданская история – всеобщая и русская». После окончания этого заведения он собирался изучать историю в Московском университете (Известия АПН РСФСР, вып.38, М., 1952, с.150). Очевидно, он полагал, что действовавшие в царской России правила приема в вузы будут пересмотрены после Февральской революции. Однако, распоряжением Временного правительства (циркуляр Министерства просвещения от 13.06.1917 г.) выпускникам учительских институтов предоставлялось право поступления в университет только после сдачи дополнительных экзаменов по латинскому и одному из новых иностранных языков (Журн. мин. нар. просв., ч.70, 1917, отд.І, с.69-70).

Своим «любимым предметом» Макаренко называет историю также и в ходатайстве о повышении квалификации в Москве (август 1922 г.). В приложении «Вместо коллоквиума» он написал: «Почти на память знаю Ключевского и Покровского. Несколько раз прочитывал Соловьева. Хорошо знаком с монографиями Костомарова и Павлова-Сильванского. Нерусскую историю знаю по трудам Виппера, Аландского, Петрушевского, Кареева. Вообще говоря, вся литература по истории, имеющаяся на русском языке, мне известна» (ПС 1, с.9-10). Поэтому не удивительно, что приibl. 75% книг из личной библиотеки педагога-писателя в Кременчугском музее А.С. Макаренко относятся к предмету история.

³ За расплывчатыми формулировками Макаренко – нужно было бы «писать педагогику завтрашнего дня» – по всей вероятности, скрывается его досада на ликвидацию мастерских в школах РСФСР. См. комментарии в ПС 7, с.310, пр.4: «Имеются в виду встречи и беседы А.С. Макаренко с И.А. Каириным, тогда заведующим кафедрой педагогики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. (См.: Каиринов И.А. Незабываемое. – Учительская газета, 1978, 28 марта.) Основным пунктом расхождений, вызвавшим отказ А.С. Макаренко от участия в подготовке учебника педагогики, был, очевидно, вопрос о трудовом воспитании школьников, их участии в производительном труде, без чего он не мыслит полноценного коммунистического воспитания. В тот период преподавание труда в школе и организация производственного труда учащихся были отменены (приказ Наркомпроса РСФСР „Об отмене преподавания труда в школе“ от 4 марта 1937 г.). А.С. Макаренко и в те годы продолжал отстаивать воспитательное значение общественно полезного, производительного труда детей и подростков». Каиринов, «в 1937-48 зав. кафедрой педагогики МГУ», действительно был «одним из организаторов коллективной разработки учебника педагогики для вузов (изд. 1939, среди авторов Е.Н. Медынский, Н.К. Гончаров, К.И. Львов и др. [...])» (РПЭ 1, с.409). А имя М.В. Ломоносова Московскому университету было присвоено лишь после смерти Макаренко – в 1940 г. (там же, с.596).

17. ДОКЛАД НА СОВЕЩАНИИ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ СПЕЦШКОЛ И ДЕТДОМОВ НАРКОМПРОСА РСФСР (20.10.1938 г.)

Председательствует тов. Данюшевский¹.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы имеем уже значительные достижения в области учебной работы. Наша школа растет, она выросла, у нас есть прекрасные мастера учебно-педагогического дела.

Но есть одна сторона нашей работы, где мы продолжаем еще испытывать значительные трудности, где школе предстоит еще очень многое сделать. Это та сторона работы, которая неразрывно связана с учебой, но которая не разрешается походя, а требует специальных наших усилий. Это – наша воспитательная работа.

Мы имеем сегодня удовольствие видеть в нашей среде Антона Семеновича Макаренко, известного деятеля в области наиболее нас интересующей – в области воспитания.

Предоставим ему слово. (*Аплодисменты.*)

ДОКЛАД ТОВА. МАКАРЕНКО

Я думаю, что едва ли в том, что я могу вам сказать, я сообщу какие-нибудь ценные для вас вещи. Я думаю, что и у вас есть чему учиться, так же как и у меня и у всех других товарищей.

Я очень стесняюсь и боюсь, что, может быть, позволю себе нечаянно что-нибудь рекомендовать, в то время как вы и сами «с усами». У вас самих имеется прекрасный опыт работы, имеются прекрасные учреждения.

Я думаю, что из того, что я вам расскажу, вы можете получить пользу исключительно в порядке толчка, отталкивания, даже, может быть, отталкивания-сопротивления, так как мой опыт довольно своеобразен и, пожалуй, имеет мало общего с вашим. Может быть, мне больше посчастливилось, чем вам.

Поэтому я прошу мои слова считать не рецептом, не законом, не выводами. Несмотря на то, что мне пришлось 16 лет подряд проработать исключительно с правонарушителями, я не могу сказать, что я пришел к каким-то окончательным выводам. Я нахожусь еще в процессе становления, так же, вероятно, как и вы, и при решении многих вопросов мне надо прибегать, может быть, к вашей помощи или к помощи других товарищей.

Поэтому то, что я вам скажу, – это не выводы; выводы могут быть сделаны в большом труде, в монографии, в трудах, подкрепленных марксистским анализом. У меня нет выводов в отношении воспитания, и поэтому позвольте мне говорить с вами, как товарищу с товарищами, о тех предчувствиях, которые у меня есть, ибо то, что я скажу, – это скорее предчувствие, чем выводы.

Я прекрасно понимаю, что мои мысли определяются моим педагогическим опытом, понимаю, что возможен другой опыт, и, если бы я его испытал, может быть, я думал бы иначе.

Мой опыт очень узок. Я 8 лет занимался колонией для правонарушителей им. Горького и 8 лет трудовой коммунной им. Дзержинского. Коммуна им. Дзержинского уже не была учреждением для правонарушителей. В первый год я получал обыкновенных беспризорных детей, а в последние 4 года я получал почти исключительно детей из семьи, большей частью из семей ответственных работников, где неблагополучие выражалось не в материальной обстановке, а исключительно в обстановке педагогической, бытовой.

Кто труднее из этих трех категорий: правонарушители, беспризорные или дети из семьи, – сказать трудно, но я думаю, что труднее всего дети из семьи. По крайней мере, по извилистости характеров, по их яркости и сопротивляемости эти дети кажутся мне в моем опыте наиболее трудными.

Но я к этому времени был лучше вооружен техникой своего мастерства, а самое главное – у меня был коллектив ребят, имеющий 16-летние традиции и 16-летнюю историю. Только поэтому работа с детьми из семьи была для меня более легкой, чем работа с моими первыми воспитанниками-правонарушителями, с которыми я еще работать не умел.

На основании работы со всеми этими тремя категориями я в последние годы своей работы пришел к следующему выводу, для меня самому важному. Этот вывод даже в настоящее время звучит для меня несколько парадоксально. Он утверждает, что трудных детей совершенно нет. Причем это утверждение вовсе не имеет у меня характера простого отрицания.

Вообще мне хочется сказать, что расстояние между моральной и социальной нормой, между моральными и социальными искривлениями страшно незначительно, почти ничтожно. Отсюда мне представляется еще один вывод, в котором я не уверен, что так называемая перековка, выправление характера, не должна происходить эволюционно, на протяжении длительного времени.

Я прихожу к такому убеждению, что так как это расстояние между антисоциальными привычками, между каким-то опытом, имеющим неприемлемый для нашего общества характер, и нормальным опытом очень незначительно, то это расстояние надо пройти как можно быстрее. Я это говорю, будучи очень слабо уверен, что этот вывод надо формулировать именно в таких словах. Я не очень уверен, что такая теория возможна, но я уверен в своем опыте.

За последние 5 лет, работая в коммуне им. Дзержинского, где было много ярких и трудных характеров, я не наблюдал уже процессов эволюции характера. Я наблюдал эволюцию в том обычном смысле, в каком мы всегда понимаем рост, развитие: мальчик учится в 3, 4 классе, потом переходит в 5 класс. Его кругозор расширяется, знаний и навыков у него больше. Он работает на заводе, повышает свою квалификацию, приобретает навыки общественного характера. Но это обыкновенный рост, а не какая-то эволюция от испорченного, искривленного характера к какой-то норме.

Это вовсе не значит, что нет никакого различия между искривленным характером и нормой, но это значит, что выправление характера гораздо лучше производить методом, если хотите, взрыва.

Под взрывом я вовсе не понимаю такого положения, чтобы под человека подложить динамит, поджечь и самому удирать, не дожидаясь, пока человек взорвется. Я имею в виду мгновенное воздействие, переворачивающее все желания человека, все его стремления.

Я так был изумлен внешним видом этих изменений, что впоследствии занялся вопросом методологии этих взрывов и эволюции в области искривленного характера и постепенно приходил все к большему убеждению, что метод взрывов (я не нахожу другого слова) может быть учтен педагогами как один из удачных. Может быть, найдут более удачное педагогическое слово для определения этого метода, я искал, но не нашел.

Я расскажу вам о некоторых своих впечатлениях, которые заставили меня не только думать так, как я думаю, но и продолжать дальше свою работу над этим методом.

Еще в 1931 году я должен был пополнить свою коммуну, где было 150 чел., новыми 350 чел., которых я должен был принять в течение двух недель.

У меня уже была очень хорошая организация коммунаров. Из 150 чел. 90 чел. были комсомольцами в возрасте от 14 до 18 лет, остальные были пионерами. Все были крепко связаны, были очень дружны, обладали очень красивой, точной, бодрой дисциплиной, прекрасно умели работать, гордились своей коммуной и своей дисциплиной. Им можно было поручать довольно ответственные задания, даже физически трудные, даже трудные психологически.

Вот какой метод я применял для того, чтобы произвести наиболее сильное впечатление на мое сильное [новое. – Г.С.М.] пополнение.

Конечно, этот прием был многообразен, он заключался и в самой подготовке помещения: спальни, рабочих мест, класса, в подготовке внешней обстановки, в виде цветов, зеркал. Коммуна жила очень богато, потому что была на хозрасчете.

Мы так принимали детей. Мы их собирали всегда в скорых поездах. Это было в Харькове. Ребята, ехавшие в скорых поездах, – это был наш контингент; мы имели право на этот контингент. Скорые поезда Москва – Минеральные Воды, Москва – Сочи, Москва – Кисловодск перевозили кандидатов в мою коммуну. Все эти скорые поезда проходят через Харьков ночью, и мы этих ребят тоже собирали ночью.

Семь-восемь коммунаров, один из которых назначался временным командиром на одну ночь, отправлялись для того, чтобы собрать этих ребят. Этот временный командир всегда отвечал за работу отряда и всегда делал рапорт.

Временный отряд в течение 2-3 часов собирал беспризорных с крыш, из уборных, вытаскивал из-под вагонов. Они умели собирать этих «пассажиров». Я никогда не сумел бы их найти.

Сотрудники НКВД – стрелки – отводили мне комнату на вокзале. В этой комнате происходил первый митинг. Этот митинг заключался не в уговари-

вании ребят идти в коммуну, а носил такую форму. Наши коммунары обращались к ребятам с такими словами: «Дорогие товарищи, наша коммуна испытывает сильные затруднения в рабочей силе. Мы строим новый завод, мы пришли к вам с просьбой помочь нам».

И беспризорные были уверены, что это так. Им говорили: «Кто не хочет, – может ехать дальше скорым поездом». И дальше начинался тот метод удивления, который я хочу назвать методом взрыва.

Обычно ребята всегда соглашались помочь нам в нашем строительстве. В этой комнате они оставались ночевать. А на другой день в 12 часов вся коммуна с оркестром – у нас был очень хороший большой оркестр, 60 белых труб, – со знаменем, в парадных костюмах с белыми воротниками, с наивысшим шиком, с вензелями и т.д. выстраивались в шеренгу у вокзала, и когда этот отряд, запахивая свои кафтаны, семена босыми ногами, выходил на площадь, сразу раздавалась музыка, и они видели перед собой фронт. Мы их встречали звуками оркестра, салютом как наших лучших товарищей. Потом впереди выстраивались наши комсомольцы, девочки, следом за ними шли беспризорные ребята, а потом шел еще взвод. И вся эта группа шествовала очень торжественно по 8 чел. в ряд. Граждане плакали от умиления, но мы видели, что это только техника и ничего сентиментального.

Затем, когда их приводили в коммуну, они отправлялись в баню и выходили оттуда подстриженные, вымытые, одетые в такие же парадные костюмы с белыми воротниками. Затем на тачке привозилась их прежняя одежда, поливалась бензином и торжественно сжигалась. Затем приходили двое дежурных по двору с метлами и сметали весь пепел в ведро.

Многим моим сотрудникам это казалось шуткой, но на самом деле производило потрясающее материальное [моральное. – Г.Х.], если не символическое впечатление.

Из этих беспризорных, которых я собирал с поездов, я мог бы назвать только 2-3 чел., которые не стали на надлежащие рельсы. Но эти ребята никогда не забудут их приема на вокзале, этого костра, новые спальни, новое обращение, новую дисциплину, и навсегда у них останутся сильные впечатления.

Я привел один из примеров того метода, который я называю методом взрыва. Этот метод продолжается и развертывается дальше во всей моей системе. Эта система, прежде всего, заключалась в коллективе.

К сожалению, у нас ни в каких книгах не описано, что такое коллектив и, особенно, что такое детский воспитательный коллектив. Об этом надо кому-то писать и надо производить большие исследования такого коллектива.

Первым признаком коллектива является то, что это не толпа, а целесообразно устроенный, действующий орган, орган, способный действовать.

Организация коллектива была такой, что коллектив обращался в социальный организм; он всегда оставался коллективом, никогда не превращался в толпу.

Это, пожалуй, самое трудное дело в нашей педагогической работе, и я не видал больше таких коллективов, какой был у меня. Я это говорю не в похвалу себе, а просто констатирую факт. И я не один создавал этот кол-

лектив. Об этом [можно] говорить очень долго, и я едва ли все сумею сказать.

Но сама организация коллектива должна начинаться с решения вопроса о первичном коллективе. Я над этим вопросом много думал, много возникало у меня разных способов организации коллектива, и я пришел к следующим выводам.

Первичный коллектив, т.е. коллектив, который уже не должен делиться дальше на более мелкие коллективы, образования, не может быть меньше 7 и больше 15 чел. Я не знаю, почему это так, я этого не учитывал. Я только знаю, что если первичный коллектив меньше 7 чел., он начинает обращаться в дружеский коллектив, в замкнутую группу друзей и приятелей. Первичный коллектив больше 15 чел. всегда стремится к разделению на два коллектива, всегда есть линия разделения.

Я считаю идеальным первичным коллективом только такой коллектив, который одновременно ощущает и свое единство, спаянность, крепость, и в то же время ощущает, что это не компания друзей, которые договорились, а это явление социального порядка, коллектив, организация, имеющая какие-то обязанности, какой-то долг, какую-то ответственность. Все это можно изложить на бумаге. В коротких словах трудно изложить.

Особенно меня занимала фигура того лица, которое должно руководить этим первичным коллективом и отвечать за него. Я все 16 лет своей работы употребил на решение этого труднейшего вопроса и пришел к такому убеждению, что во главе первичного коллектива должен быть обязательно единоначальник, одно лицо, которое по типу своей власти как единоначальник все-таки не является диктатором, но которое в то же время является уполномоченным этого коллектива.

Для меня потом стало важным еще одно обстоятельство – длительность [существования] такого первичного коллектива. Мне удалось сохранить такой первичный коллектив без изменения в течение 7-8 лет. Десять-пятнадцать мальчиков или девочек сохраняли качество первичного коллектива в течение 7-8 лет, причем производились изменения не больше, как в размере 25%: из двенадцати человек в течение 8 лет переменились трое: трое ушли и трое пришли.

Я заранее предчувствовал и видел на деле, что получается очень интересный коллектив, интересный в том смысле, что его можно было рассматривать как чудо по характеру движения, по характеру развития этого коллектива, по характеру тона, тона уверенности, бодрости, по тенденции к сохранению первичного коллектива. Этот коллектив имел у себя единоначальную власть командира и потом бригадира.

Сначала была тенденция выдвигать во главу такого первичного коллектива наиболее способного, наиболее «блатного», наиболее волевого мальчика или девочку, атамана, способного держать всех в руках: командовать, настаивать, нажимать.

И вот в течение 16 лет я наблюдал, как эта тенденция выбора в качестве командира наиболее сильной личности, способной командовать, постепенно изменялась, и как под конец во главе такого первичного коллектива, отряда (у меня обычно этот коллектив назывался отрядом) становился оче-

редной старший, ничем не отличающийся от всякого другого. В течение этих 16 лет, почти незаметно для меня и почти независимо от моих целей воспитания, такое изменение произошло, когда во главе отряда становился очередной старший.

В последние годы я достиг такого педагогического счастья, что мог любого коммунара в любом коллективе назначить старшим и мог быть уверен, что он будет блестяще руководить.

Я не имею сейчас возможности рассказывать вам подробно о характере этой интересной детской магистратуры, детского выборного лица, которое не только способно играть в старшего, но на самом деле руководить, вести за собой коллектив и, не будучи для этого ни самым сильным, ни самым талантливым, ни самым волевым, а имея только одно отличие от всех остальных – полномочие и ответственность, как будто чисто формальное отличие.

Мне пришлось в 1933 году выделить около 100 коммунаров на очень тяжелую, трудную, нервную, специальную работу по поручению правительства Украины, когда мои коммунары работали в течение нескольких месяцев в труднейших условиях вне коммуны².

Я не мог взять из коллектива самых лучших коммунаров, так как они обычно были в 9-10 классе и, кроме того, это были наиболее квалифицированные мастера, а я жил на хозрасчете и был заинтересован в рабочей силе. Эти квалифицированные мастера были начальниками цехов этого завода.

Я выделил середняков, выделил командиров, разбил людей на отряды. Я рискнул: сам с ними не поехал и никого старшего не послал, кроме одного завхоза, который их кормил.

И надо сказать, что они прекрасно справились со своей работой, и особенно вновь выделенные командиры, выделенные буквально по алфавиту. Они прекрасно поняли, до какой границы доходят их полномочия и до какой границы доходит их ответственность.

Для того чтобы воспитать это чувство границы, до которой доходят полномочия и серьезная ответственность, требуется, конечно, долгое время. Я думаю, что в течение года или двух ни в каком коллективе нельзя этого воспитать.

Потребуется 4-5 лет, чтобы воспитать эту интересную, нормальную магистратуру в детском коллективе. Здесь требуется большая работа, большое напряжение.

В той же логической связи стоит не только организация первичных коллективов, но и организация общественных зависимостей внутри большого коллектива. У меня первичным коллективом был отряд.

Сначала я организовывал отряды по такому принципу: кто с кем учится [и] кто с кем работает, тех я объединяю в один отряд. Потом я решил, что нужно младших отделять от старших. Затем пришел к выводу, что это вредно, и потом уже в каждом таком отряде были и малыши, и взрослые юноши 17-18 лет. Я решил, что такой коллектив, наиболее напоминающий семью, будет самым выгодным в воспитательном отношении. Там создается забота о младших, уважение к старшим, самые нежные товарищеских отношений. Там малыши не будут замкнуты в отдельную группу,

которая варится в собственном соку, а старшие никогда не будут рассказывать похабные анекдоты, т.к. у них есть забота о младших.

Очень важным вопросом являлся вопрос о временных уполномоченных. Казалось бы, пустячный вопрос, но я на этой теме, на постоянном, неуклонном ежедневном подборе поручений, на разбрасывании этих поручений по отдельным лицам, на строгих отчетах с короткими заданиями подготовил очень много интересных кадров своих коммунаров.

Наконец, в порядке той же коллективной логики, для [меня] было особенно интересно общее самоуправление большого коллектива.

У меня всегда, все 16 лет, были выделенные командиры, которые несли ответственность за отряд. [Был совет командиров. – Г.С.М.] Этот мой орган управления всегда вызывал возражение со стороны не только педагогов, профессуры, но [и] со стороны мыслителей и писателей. Все считали, что это нечто казарменное, что это муштровка. К сожалению, мало кто вникал в сущность этого явления.

Совет командиров как орган управления чрезвычайно выгоден вот в каком отношении.

В колонии у меня было 28 отрядов, надо было иметь 28 командиров.

Потом мы пришли к такому обычаю: действия командиров разбирались только по сигналу. Даже если командир был назначен по расписанию, обязательно давался сигнал сбора. Обычно мы собирали командиров без расписания.

Я был против составления плана работы [совета] командиров. И как на меня ни нажимали вышестоящие организации, я никогда не представил ни одного плана работы совета командиров. Совет командиров – это был орган управления, который должен был работать по тем задачам и темам, которые возникают каждый день, которые нельзя пересказать [предусмотреть. – Г.Х.] в плане. В последние 8-10 лет это было очень подвижное учреждение.

По любому вопросу, возникшему у меня, я мог собрать совет командиров в течение двух минут.

Давался трубный сигнал для сбора совета командиров, очень коротких три звука. Трубный сигнал давался только один раз, запрещалось давать его второй раз, чтобы никто из командиров не приучался волынить, чтобы немедленно шли на совет.

Услышав трубный звук, командир, где бы он ни находился: в классе, на работе, в бане – все равно, должен был привести себя в порядок и спешить на совет командиров. Сначала было трудно это сделать, а потом это стало привычкой, настоящим коллективным рефлексом.

И если кто-нибудь из моих заместителей созывал совет командиров, я, услышав сигнал, бежал как конь. Это был условный рефлекс. Я должен был спешить к исполнению своих обязанностей.

Был у нас один интересный закон: говорить можно было только одну минуту. Говоривший больше одной минуты считался трепачом, и его не хотели слушать.

Мы должны были иногда провести сбор в течение перемены: 5-10 минут.

Один остроумный председатель совета командиров где-то достал песочные минутные часы, причем он уверял, что пока падает одна песчинка, ты можешь сказать одно слово, а тут 2000 песчинок, – значит, ты можешь в одну минуту сказать 2000 слов. Что, тебе нужно больше 2000 слов в минуту? И это было необходимо.

У нас была полная десятилетка со всеми качествами десятилетки. Кроме того, у нас был завод, где каждый работал по 4 часа в день. Надо было 4 часа поработать на заводе, 5 часов поработать в десятилетке. Итого 9 часов.

Кроме того, мы никогда не имели уборщицы, а каждое утро натирали полы. У нас не могло быть пыли; бывали дни, когда к нам являлись 3-4 делегации. Все должно было блеснуть.

При этом проходили производственные совещания, комсомольские собрания, пионерские собрания, физкультурные [мероприятия] и др. Мы не могли тратить ни одной лишней минуты. Может быть, другие будут в лучших условиях и им не нужен будет такой минутный регламент.

Когда мы собирали совет командиров, то часть командиров могла быть в отсутствии или не могла бросить работу у какого-нибудь важного станка. Поэтому вошло в обычай – и это стало даже законом: если нет командира, идет помощник, а если нет помощника, идет любой член отряда.

Обычно в каждом отряде знали, что, если сегодня будут играть сбор, пойдет такой-то. Постепенно создалось такое положение, что, когда собирался совет командиров, мы не спрашивали, есть ли Иванов или Петров, а спрашивали: представлен ли 1-й отряд, 2-й, 3-й, 4-й. Важно, чтобы был представлен отряд.

Постепенно совет командиров сделался советом отрядов. Нам было не важно, кто пришел из отряда, важно было, что это был человек, имеющий звание коммунара.

Если на совете разрешался важный вопрос, мы требовали, чтобы обязательно был командир, так как сам командир выбирался у нас не отрядом, а общим собранием коммуны.

Мы пришли к такой формуле именно для того, чтобы совет командиров не только в коммуне, но и в каждом отряде имел вид совета уполномоченных, чтобы это были не только уполномоченные данного отряда, но уполномоченные всей коммуны. Этот совет стоял над отрядом.

Совет командиров помогал мне работать в течение 16 лет, и я и теперь чувствую благодарность и испытываю серьезное и большое уважение к этому органу, который постепенно изменялся, но всегда оставался только с каким-то одним тоном, одним лицом, одним движением.

Я хочу обратить ваше внимание на следующее.

Мы, взрослые, чувствуем себя страшно умными, всегда много знаем, всегда во всем разбираемся и все понимаем, и когда приходим в новое учреждение, когда нам дают новое дело, мы всегда пытаемся все поломать и сделать все по-новому.

Мы считаем, что наше молодое советское педагогическое дело, которому мы не можем насчитать даже 20 лет, страдает быстрой текучестью форм, страшной изменчивостью, отсутствием традиций.

Я только к концу 16-го года понял, в чем дело. Традиции, т.е. опыт взрослых поколений, ушедших 4-5-6 лет назад, что-то сделавших, что-то решивших, надо настолько уважать, чтобы этот опыт предшествующих поколений не так легко можно было бы менять.

В конце концов, в той же коммуне было так много интересных, оригинальных, точных правил, что какому-нибудь дежурному ничего не стоило вести коммуну за собой. Казалось бы, некоторые из этих правил даже потеряли свой смысл.

И я [не] помню, что[бы] любой педагогический реформатор, в особенности из таких «революционных» педагогов, мог [смог бы. – Г.Х.] сломать любую традицию.

Когда-то, когда мы были окружены в колонии им. Горького ворами и бандитами, у нас стоял в дверях часовой с винтовкой. Он так и остался стоять в 1936 году. Это была традиция. Я не хотел ее ломать, и мне было трудно ее поломать, так как все были убеждены, что это нужно.

Когда я точно [про]анализировал это явление, я пришел к выводу, что это нужно, во-первых, потому что когда ночью 600 чел. спят, и мальчик 13-14 лет стоит с винтовкой у незапертой двери на охране своей коммуны, ему и страшновато и жутко немного, он испытывает по сути этот страх и жуть, но это заставляет его поверить в себя.

Стояли на часах и девочки. Если стояла маленькая девочка, то я сверху поглядывал на нее одним взглядом [глазом. – Г.Х.], но девочка об этом не знала.

И винтовка была не простая винтовка, из которой можно было бы выстрелить, это была символическая винтовка. И держать ее – значило чувствовать к себе уважение, особенно когда винтовка почищена.

В 1929 году я перевел из моего кабинета денежный ящик поближе к часовому. Это было сделано по предложению коллектива. Говорили, что не стоит держать денежный ящик в кабинете. Лучше его поставить там, где стоит часовой. А что может сделать 13-летний мальчик с винтовкой в руках, об этом не рассуждали³. Денежный ящик стоял около часового, и мы были спокойны, потому что 13-летний мальчик, в случае нападения, принял бы все меры, чтобы отстоять этот ящик.

Здесь мы подходим к ряду тем, которые не входят [которые входят. – Г.Х.] в тему коллектива. Только стройный, хорошо организованный коллектив может почувствовать свои мускулы, а плохо организованный коллектив никогда этих мускулов не почувствует.

Перехожу к вопросу о дисциплине.

Если вы читали мою книгу «Педагогическая поэма», то вы помните, что я начал с вопроса о дисциплине. Я начал с того, что по лицу ударил несколько раз своего воспитанника. В «Педагогической поэме» все это описано более или менее пространно, и я был очень удивлен, когда на меня посыпались обвинения, что я рекомендую мордобой.

Как раз в «Педагогической поэме» этого не видно. Наоборот, это событие носило для меня печальный характер не в том смысле, что я дошел до такого отчаяния, а в том смысле, что выход нашел не я, а тот мальчик, ко-

того я ударил, – Задоров. Он нашел в себе страшную силу и бодрость [мудрость. – Г.Х.] понять, до какого отчаяния я дошел, и протянул мне руку.

Успех этого случая проистекал не из моего метода, а находился в зависимости от случайного человеческого объекта моего физиологического [физического. – Г.Х.] воздействия. Не всякому удастся натолкнуться на такого человека, которого ударишь, а он протянет тебе руку и скажет: я тебе помогу, – и действительно поможет. А мне посчастливилось, и я тогда это понял.

В своей практике я не мог основываться на такой дисциплине – на мордобое. Я пришел к той дисциплине, истинную форму которой и хотел показать в моем последнем романе «Флаги на башнях».

В этом романе говорится о железной, строгой, крепкой дисциплине, которая способна привести к идиллии. Это возможно только в Советской стране. Создать такую дисциплину очень трудно. Для того чтобы ее создать, требуется большое творчество, требуется душа, личность. В это дело надо вложить вашу собственную личность.

Это трудное дело еще и потому, что здесь успехи достигаются очень медленно, постепенно, почти невозможно заметить движения вперед. Здесь нужно уметь больше видеть впереди, надо уметь видеть больше того, что есть сегодня.

Цель такой дисциплины мы прекрасно понимаем. Это полное соединение глубокой сознательности с очень строгой и как будто даже механической нормой.

Я не представляю себе хорошей дисциплины, если в ней будет одно сознание. Такой дисциплины быть не может, и такая дисциплина будет иметь склонность обратиться в ригоризм. Она будет рассудочной, постоянно будет ставиться вопрос в отношении того или другого поступка, будет постоянное раздвоение, как поступить: так или не так.

Дисциплина, которая хочет опираться только на одно сознание, всегда сделается дисциплиной рассудочной. Она изменит нормы в любом коллективе и всегда в конечном счете будет представлять цепочку споров, проблем и нажимов.

Но, с другой стороны, дисциплина, основанная на технической норме, догме, приказе, всегда имеет склонность обратиться в слепое повиновение, механическое подчинение одному управляющему лицу.

Это не наша дисциплина. Наша дисциплина – это объединение полной сознательности, ясности, полного понимания, общего для всех понимания, как надо поступать с ясной, совершенно точной внешней формой, которая не допускает споров, разногласий, волюнкции, возражений, болтовни. Эта гармония двух идей в дисциплине – самая трудная вещь.

Этой гармонии удалось добиться моему коллективу не только благодаря мне, а благодаря многим счастливым обстоятельствам и многим лицам.

Каким же образом произошло объединение этой сознательности с точной дисциплинарной формой?

Здесь было очень много способов. В конце концов, все способы, все методы вели именно к этому. Дисциплина в этом случае не являлась условием благополучной работы. У нас обычно думают, что для хорошей работы в

качестве необходимого условия нужна подобная дисциплина, а я не так давно понял, что настоящая дисциплина не может быть условием работы, она может быть только результатом всей работы и всех методов.

Дисциплина не есть метод и не может быть методом. Как только дисциплину начинают рассматривать как метод, она обязательно обращается в проклятие. Она может быть только последним итогом всей работы.

Дисциплина – это лицо коллектива, его голос, его красота, его подвижность, его мимика, его убежденность. Все, что есть в коллективе, в конечном счете, принимает форму дисциплины.

Дисциплина – это глубоко политическое явление, это то, что можно назвать самочувствием гражданина Советского Союза. Я сейчас это очень хорошо понимаю. Уверяю вас, что в течение всех 16 лет я никак не мог понять, где поймать этот хвостик, где найти эту формулу, чтобы все разобрать и понять.

Поэтому нельзя говорить о дисциплине как [о] средстве воспитания. Я могу говорить о дисциплине как о результате воспитания. Этот результат воспитания проявляется не только в том, чтобы кто-то что-то предписал и кто-то что-то выслушал. Этот результат проявляется даже тогда, когда человек, оставаясь наедине, должен знать, как поступить.

Мои коммунары говорили: мы будем судить о твоей дисциплине не по тому, как ты поступил на виду у других, и не по тому, как ты исполнил приказание или выполнил работу, а по тому, как ты поступил, не зная, что другим известно, как ты поступил.

Например, ты проходишь по паркетному полу и видишь, что на полу лежит грязная бумажка. Никто тебя не видит, и ты никого не видишь, и тут важно: поднимешь ты эту бумажку или нет. Если ты поднимешь и выбросишь эту бумажку и никто этого не увидит, – значит, у тебя есть дисциплина.

Последняя форма дисциплины особенно проявлялась в фигуре дежурного бригадира или дежурного командира. Это один из бригадиров, мальчиков или девочек, обычно даже не самый старший, так как самые старшие комсомольцы, наиболее заслуженные члены бюро, несли уже более ответственную работу: то редактора газеты, то начальника цеха, то начальника конструкторского бюро, тем более, что это были ученики 10-х классов, то комсорга или секретаря комсомольского коллектива. А командир бригады или командир отряда – это был средний мальчик 15-16-17 лет или девушка.

Они обычно не имели права наказывать, не имели других особых прав в коммуне, но дежурный бригадир в течение дня ведет коммуну.

Воспитателей у нас в коммуне уже не было. Я всех их снял еще в 1929 году. Они просто перешли в школу как учителя, а от воспитателей мы отказались⁴. Все 8 лет коллектив жил без единого воспитателя.

Такой дежурный бригадир с 6 часов утра до 12 часов ночи или с ночи до утра должен был отвечать за все, что происходит в коммуне, за точность и порядок в расписании, порядок в уборке, должен был отчитаться за прием гостей, за хороший обед, если был поход – то за поход, если была какая-нибудь дополнительная работа – за работу. Ночью он имел право спать. Ему одному общее собрание дало право приказа. Постепенно это право

развилось в очень сложную традицию, которой все очень гордились и которой неуклонно следовали.

Такой 15-летний мальчик мог потом, не оглядываясь, сказать самому старшему комсомольцу, самому заслуженному члену коммуны: возьми тряпку и затри [вытри. – Г.Х.] эту лужу здесь на полу.

Он не имел права, обычно, повторять приказания, но кто бы ни услышал его [дежурного бригадира. – Г.Х.] приказание, должен был сказать: «Есть, товарищ бригадир». Если он даже вытер лужу, но не сказал: «Есть, товарищ бригадир», – считалось, что он не выполнил приказания. С этим дежурным нельзя было разговаривать сидя, а надо было разговаривать вытянувшись.

Нельзя было ему возражать. Можно было спорить со мной, с любым командиром, с бригадиром, а с дежурным нельзя было спорить, так как говорили, что у него очень много дела, и если каждый будет с ним спорить, то ему, бедному, и не выжить.

Если даже дежурный бригадир неправильно решал тот или другой вопрос, то тебе предлагалось: выполни и забудь, что это неправильно. Рапорт дежурного бригадира я не имел права проверять.

Он говорит, что в таком-то отряде сегодня случилось то-то и то-то. Свой рапорт он делает в присутствии всех, с салютом. Все должны стоять. И если я в чем-нибудь сомневался, я не мог сказать: позови мне этого коммунара, я у него спрошу. Это было бы сильнейшим оскорблением.

Создалась такая традиция: потом, на другой день, тот, о ком он докладывал, может сказать, что дежурный «набрехал», но так, чтобы я не услышал, ибо за такие разговоры я отправлял под арест. Если даже «набрехал» – не смей говорить! Это наш уполномоченный, мы ему подчиняемся, его слушаемся. Завтра ты можешь сказать, что он слаб, и мы его снимем, а в момент рапорта нельзя было ничего говорить. Этим мы избавились от бесконечных склок.

Особенно важным было то, что рапорт дежурного не проверяется. Дежурный бригадир докладывал мне вечером решительно обо всех [всем. – Г.Х.], и я не помню, чтобы мне кто-нибудь соврал. Он не мог соврать.

Если бы этот дежурный встретил меня на прогулке и что-нибудь о ком-нибудь сказал бы мне, то это можно было бы проверять на сборе, но если он говорил в присутствии всех, проверять было нельзя. Коммунары заявляли: ведь он Антону Семеновичу не на ухо сказал, ведь они не в саду сидели, он сказал в присутствии всех, с рапортом, с салютом, как он мог соврать. Человек не может соврать в таком положении. Коммунары были убеждены, что вся обстановка, все положение дежурного не дают ему возможности соврать. Это был моральный закон, и проверять [его] было не нужно.

Вот общая результативная картина, которую можно назвать дисциплиной.

Какие методы должны вести к такой результативной картине? Устройство коллектива как определенной организации и педагогическое мастерство.

Педагогическое мастерство – совсем не пустое дело. В педагогических вузах этим педагогическим мастерством и не пахнет. Там и не знают, что такое педагогическое мастерство. Мы имеем такое положение, когда это мастерство каждый имеет право назвать кустарным, и правильно.

Я тоже много мучился с этим вопросом, и тем более мучился, что никогда не считал себя талантливым воспитателем, и по совести говорю, что не считаю сейчас, так как иначе мне не пришлось бы так много работать, ошибаться и страдать.

Я и теперь глубоко убежден, что я скорее обыкновенный, средний педагог. Это очень похоже на правду. Но я добился педагогического мастерства, а это очень важная вещь.

Мастерство воспитателя не является каким-то особым искусством, требующим таланта, но это специальность, которой надо учить, как надо учить врача его мастерству, как надо учить музыканта. Каждый человек, если он не урод, может быть врачом и лечить людей, и каждый человек, если он не урод, может быть музыкантом. Один – лучше, другой – хуже. Это будет зависеть от качества инструмента, учебы и т.п. А у педагога такой учебы нет.

Что такое мастерство? Я имею склонность отделять процесс воспитания от процесса образования. Я знаю, что против этого возразит каждый специалист-педагог. Но я считаю, что процесс воспитания может быть логически выделен и может быть выделено мастерство воспитателя.

Можно и нужно развивать зрение, просто физическое зрение. Это необходимо для воспитания [воспитателя. – Г.Х.]. Нужно уметь читать на человеческом лице, на лице ребенка, и это чтение может быть даже описано в специальном курсе. Ничего хитрого, ничего мистического нет в том, чтобы по лицу узнавать о некоторых признаках душевных движений.

Педагогическое мастерство заключается и в постановке голоса воспитателя, и в управлении своим лицом.

Сегодня ваш уважаемый директор в моем присутствии разговаривал с одним мальчиком. Не каждый сможет так разговаривать. Я не буду подлизываться и говорить, что здесь большой талант, но здесь имело место мастерство. Он сердито разговаривал с мальчиком, и мальчик видел гнев, негодование, именно то, что было нужно в данном случае. А для меня это было мастерство. Я видел, что директор великолепно играет.

Педагог не может не играть. Не может быть педагога, который не умел бы играть. Нельзя же допустить, чтобы наши нервы были педагогическим инструментом, нельзя допустить, что мы должны воспитывать детей при помощи наших сердечных мучений, мучений нашей души. Ведь мы же люди. И если во всякой другой специальности можно обойтись без душевных страданий, то надо и у нас это сделать. Но ученику надо иногда продемонстрировать мучение души, а для этого надо уметь играть.

Но нельзя просто играть сценически, внешне. Есть какой-то приводной ремень, который должен соединять с этой игрой нашу прекрасную личность. Это не мертвая игра, техника, а настоящее отражение тех процессов, которые имеются в нашей душе. А для ученика эти душевные процессы передаются как гнев, негодование и т.д.

Я сделался настоящим мастером только тогда, когда научился говорить «иди сюда» с 15-20 оттенками, когда научился давать 20 нюансов в постановке лица, фигуры, голоса. И тогда я не боялся, что кто-то ко мне не пойдет или не почувствует того, что нужно.

А у воспитателя это мастерство проявляется на каждом шагу. И это проявляется вовсе не в парном положении, когда я – воспитатель, и ты – мой ученик. Парное положение не так важно, как то, что вас окружает. Ваше воспитательское отношение имеет значение даже в том случае, когда на вас никто не смотрит. И это не мистика.

Я сижу в кабинете один. Все коммунары на работе, в школе. Я на кого-то рассердился, мне что-то нужно сделать. Я принимаю определенное выражение лица, и это на всех отразится. Забежит один, посмотрит на меня, шепнет другому, даже между делом, и что-то станет на свое место. Это не значит, что от настроения одного лица зависит настроение всех детей, но надо уметь управлять своим настроением. Если вы будете в этом же кабинете плакать и рыдать, это тоже будет всем известно и произведет известное впечатление.

Это сказывается во всех мелочах. Бреетесь вы каждый день или нет. Чистите вы ботинки каждый день или нет. Чистый у вас носовой платок или нет. Воспитатель, который вытаскивает из кармана черный скомканный платок – это уже не воспитатель. Лучше пусть он пойдет в уголок и высморкается, чтобы никто не видел.

Но это мастерство имеет значение для организации каких-то специальных методических движений.

Например, я очень часто практиковал такие вещи. Я мог бы призвать к себе того, кто согрешил, и сделать ему выговор. Но я так не делал.

Я пишу ему записку с просьбой прийти обязательно вечером, обязательно в 11 часов. Я даже ничего особенного не буду ему говорить, но до 11 часов вечера он будет ходить в ожидании моего разговора. Он сам себе многое скажет, ему скажут товарищи, и он придет ко мне уже готовый. Мне ничего уже не нужно с ним делать. Я ему только скажу: «Хорошо, иди». И у этого мальчика или девочки будет происходить обязательно какой-то внутренний процесс.

Я представляю себе, что в педагогическом учебном заведении нужно проделать [проделывать. – Г.Х.] кое-какие упражнения. Мы – студенты: вы, вы и т.д.

Мне говорят: «Вы, тов. Макаренко, будете сейчас проводить практику.

Предположим, мальчик украл три рубля, разговаривайте с ним. Мы будем слушать, как вы будете разговаривать, а потом мы обсудим, как вы разговариваете: хорошо или плохо».

У нас такие упражнения не производятся, а ведь это очень трудное дело – говорить с мальчиком, который подозревается в том, что он украл, и неизвестно еще, украл он или нет. Тут, конечно, нужно мастерство не только в постановке взгляда или голоса, а даже в постановке логики. А мы, воспитатели, знаем географию, историю, литературу, но не знаем, что такое детское воровство. Кто знает, что это такое – случай, преступление или необходимость?

Если бы мы все были очень искренни, то высказали бы, что у многих в детстве был хоть один случай воровства. У меня, например, был. Когда мне было 8 лет, я украл, спер самым настоящим образом. А я совсем не был во-

ром. Очевидно, нам нужно подумать, что такое детское воровство и как на него реагировать.

Я узнал сегодня, что тов. Данюшевский поймал у вас тут вора, который украл мыло, чтобы передать домой. Тов. Данюшевский взял мыло, передал этому же мальчику и сказал: вот тебе мыло – уже не краденое, а настоящее. Зачем было красть, когда можно было и так тебе дать? Он даже премировал вора.

В таком же положении был и я как педагог, и мои коммунары, мои дзержинцы, иногда крали. Во время рапорта дежурный говорит: Грищенко украл кошелечек у товарища.

– Грищенко, выходи на середину.

Грищенко выходит. Все на него смотрят. Он краснеет. Ему говорят: ты еще новенький, ты привык воровать, у тебя такая привычка. Ты еще один-два раза украдешь.

– Как это я украду? Я больше не украду.

– Нет, увидишь, что еще раз-два украдешь.

Проходят две недели. Опять Грищенко стоит.

– Опять украл?

– Да, украл у товарища.

– А ты задавался, говорил, не украдешь, мы ж тебе говорили. А вот теперь ты больше не украдешь, у тебя есть опыт.

Мальчик уверен, что все «предсказания» сбываются, и действительно больше не крадет.

За воровство мы перестали наказывать. Новенький что-нибудь сопрет, и все на него смотрят и говорят: это у тебя не уголовщина, а привычка, которая потом пройдет. Но вот приходит старший, который пробыл два года в коммуне. Он докладывает, что такой-то не заплатил в трамвае за проезд.

– Как?!

Все вытягивают шеи.

– И что же, ты говорил, что ты беспризорный? Таких надо выгонять из коммуны.

– Может быть, ты снимешь свое предложение?

– Нет, я своего предложения не снимаю.

– Кто за предложение?

Подымается [Поднимается. – Г.Х.] рук двадцать.

Конечно, его не выгонят – он сидит и парится.

Знаем ли мы, что такое детское воровство? То, что мы знаем из опыта, – этого мало. Надо, чтобы это было написано в книге. Надо, чтобы люди прочитали, проверили, тогда они будут знать.

А что такое детское хулиганство?

Есть такой педагогический закон, что детям надо больше драться и кричать. В результате во время перемены наши коридоры превращаются в отделения ада. И все это потому, что ребенок должен бегать, кричать. Что

кричать? Просто открыть рот и кричать? Должен или не должен так кричать?

В некоторых книгах написано, что должен, а я в своем педагогическом опыте считал, что ребенок не должен ни бегать, ни кричать без толку. Я думал, что совершаю педагогическое преступление, что педагогический закон утверждает, что он должен кричать и бегать, но все-таки поступал по-своему.

У меня только что окрашены стены. Я из последних средств [на последние средства. – Г.Х.] пригласил мастеров, и они мне провели хороший ремонт. Я не могу допустить, чтобы ребенок проявлял здесь свои способности в области рисования.

Я совершаю преступление как педагог, но как хозяйственник поступаю правильно. А потом я убедился, что педагог и хозяйственник не должны расходиться.

Я добьюсь того, что ученик будет так же заботиться о чистоте стен, как и хозяйственник. И он ничего не потерял от того, что не порисовал. Он ничего не потеряет от того, что не покричал и что-то у него там не развилось.

Мы должны приучать воспитанников к порядочным, целесообразным движениям. Извольте двигаться целесообразно. Вы идете по коридору, чтобы выйти на улицу. Никакой скидки на ваши какие-то детские особые аппетиты к движению. Проходи спокойно по коридору, выходи на улицу, а когда выйдешь на улицу, там можешь удовлетворить свои аппетиты.

И [о]казалось, что никаких особых аппетитов у детей нет. И потом, может быть, торможение этих аппетитов даже полезнее, чем их удовлетворение. Мы мало об этом знаем, а все это нужно знать, чтобы быть мастером-педагогом. Такое мастерство совершенно необходимо, его надо воспитывать.

Я с моими коллегами, товарищами, сотрудниками всегда возился с этим мастерством. Мы собирались, обсуждали этот вопрос, но ничего не записывали.

Есть еще один важный метод – игра. Я думаю, что несколько ошибочно считать игру одним из занятий ребенка. В детском возрасте игра – это норма, и ребенок должен всегда играть, даже когда делает серьезное дело.

У нас, взрослых, тоже бывает эта склонность к игре. Почему одной нравится кружевной воротничок, а другой не кружевной? Почему надо вдруг надевать крепдешинное платье, а не ситцевое? Почему хочется надеть форму? Я думаю, что каждый из нас с удовольствием надел бы форму полковника. Почему привлекает форма? Потому что в этом есть какая-то игра. Почему мы ставим у себя в книжном шкафу красивые книги с золотыми корешками наверх, а другие, похуже – под низ? Мы играем в людей интеллигентных, культурных, имеющих библиотеку.

А возьмите влюбленных, как они играют?

У ребенка есть страсть к игре, и надо ее удовлетворять. Надо не только дать ему время поиграть, но надо пропитать этой игрой всю его жизнь. Вся его жизнь – это игра.

У нас была мастерская с заграничным оборудованием. Я делал фотоаппараты «Лейки» с точностью до одного миллиметра [микрона. – Г.Х.], и все-таки это была игра.

На меня многие педагоги смотрели, как на чудака, что я занимаюсь этими рапортами, как игрой.

Надо играть с ребятами, надо стоять во фронт, а потом можно рычать на них. Тот командир, который минута в минуту является ко мне сдавать рапорт, прекрасно играет, и я с ним играю. Я отвечаю за них за всех, а они думают, что они отвечают.

Когда Эррио был у нас⁵, он спросил у коммунаров: кто же это делает?

– Мы.

– А заведующий?

– Мы вместе делаем. Мы ему помогаем.

В некоторых случаях надо эту игру поддерживать.

Мы ездили на экскурсию, причем нужно было решить: ехать ли в Ленинград или в Крым. Большинство было за Крым, я тоже был за Крым. Но я начинаю бешено с ними спорить. Я им говорю: «Что вы увидите в Крыму? Только солнышко, и будете валяться на песке, а в Ленинграде – Путиловский завод, Зимний дворец». Они бешено со мною спорят. Потом все поднимают руки и смотрят на меня. Я хорошо с ними играл. Они играют победителей, а я – побежденного.

Через три дня они говорят друг другу: «А ведь Антон Семенович заливал, он тоже за Крым». А тогда они играли и прекрасно это понимали.

Дальше вопрос о педагогическом риске. Тоже вопрос неразрешенный. Можно рисковать или нет?

Года два назад в одном педагогическом журнале, в вашем московском журнале, я был тогда еще на Украине, была напечатана консультация⁶. Один педагог поставил вопрос: как быть с ребенком, который хулиганит в школе? Ответ: надо с таким ребенком поговорить. Педагог должен говорить ровным голосом, не повышая тона, чтобы ученик понял, что учитель говорит с ним не потому, что он раздражен, а потому, что в этом его долг.

Тут, конечно, нет никакого риска, а вот в таком тоне, каким разговаривал тов. Данюшевский, есть риск: «Что же это такое? Мы были с тобой друзьями, а теперь что ты скажешь?» Это не ровный голос.

Как идеальный педагог вы должны говорить ровным голосом, и тогда с ним ничего не случится. Он уйдет таким же хулиганом, каким и пришел.

Я позволял себе риск и видел, что, как только я позволял себе рискнуть, вокруг меня собирались все «ведьмы»: а ну, как ты рискнешь, а ну, как ты рискнешь?

Я говорил: «Ну, что это такое (ударяет по столу кулаком)?! И у нас получилось».

В Ленинграде, когда я говорил о риске, я получил такую записку: «Вы говорите о риске, а у нас в школе был такой случай: мальчику поставили плохой балл, а он повесился. Так вот, по-вашему, нужно допустить необходимые издержки?»⁷.

Я был очень удивлен. Это же не против меня, а против вас. Мальчик повесился не в результате какого-нибудь рискованного действия педагога, а в результате самого обыкновенного действия педагога. Если и это риск, то не ставьте плохих отметок, а то все перевешаются. Можно бояться поставить плохой балл, так как и здесь есть какой-то риск, а ведь это же пустяк.

Плохой балл – не рискованное действие. Погладить по головке – нет никакого риска. Говорить ровным голосом – тоже нет никакого риска.

А может быть, мальчик, избалованный постоянно такими нерискованными действиями, и получил склонность к самоубийству. И всякий человек, если с ним несколько лет подряд говорить ровным голосом, возымеет желание повеситься. Если бы все педагоги говорили с ребенком ровным голосом, я не знаю, до какого состояния они могли бы довести ребенка.

Но, к счастью, не все говорят ровным голосом. Некоторые рискуют, требуют, ставят плохие баллы, а главное – требуют. И только поэтому получается живое настроение в жизни.

Эта тема риска должна быть рассмотрена в педагогической практике.

Я как педагог открыто смеюсь, радуюсь, шучу, сержусь. Хочется мне шутить – я шучу. Хочется мне потихоньку шпырнуть человека – я это делаю. Такой риск не страшен. Мне приходилось рисковать больше, чем другим педагогам.

Например, иногда мое общее собрание выносило постановление: выгнать из коммуны. И как я ни боролся, как я ни грозил, они смотрят на меня, смотрят, а потом опять поднимают руки: выгнать. И я выгонял. За восемь лет я выгнал человек десять. Открываю дверь: иди на все четыре стороны, куда хочешь, иди в белый свет.

Страшный риск, но благодаря этому риску я добился постоянного искреннего, требовательного тона, и каждый знал, что такой тон встретит его в первый же день, и ни для кого это не было неожиданностью. И что удивительно, так это то, что все эти выгнанные писали мне письма.

Недавно я получил письмо от человека, которого выгнал шесть лет тому назад и потерял из вида. Он пишет: я, старший лейтенант такой-то, отличился в боях у озера Хасан⁸ и по этому случаю решил написать вам письмо. Если бы вы знали, как я вам благодарен за то, что вы тогда меня выгнали. Как я куражился над вами, над всем коллективом. А когда меня выгнали, я задумался: неужели я такой плохой, что 500 чел. не согласились со мной жить? Я хотел к вам идти проситься обратно, а потом решил, что надо самому пробивать дорогу. И вот я теперь лейтенант, я отличился и считаю долгом сообщить вам об этом, чтобы вы не беспокоились, что выгнали меня тогда.

Это – чтобы я не беспокоился через 6 лет!

Надо поставить вопрос о риске, ибо так называемый такт начинает сидеть в печенках не только у педагога, но и у воспитанников.

В то время как мне еще приходилось спорить с украинским Наркомпросом, где сидели чудаки и враги, меня спросили на педагогической конференции: вы знаете, что такое такт?

– Знаю.

– А что это такое?

– Предположим, вы обедаете с каким-нибудь человеком, и он плюнул вам в тарелку, и вы можете ему сказать: что вы делаете, это нетактично.

А можно поступить так: взять тарелку и разбить у него на голове. И никакого риска не будет. Иногда нужно разбивать тарелку на голове, доводить человеческий поступок до логического предела, а не замазывать его.

Разве такт иногда не является уклонением от ответственности? Передо мной мальчик или девочка, с которыми надо что-то сделать, а я не хочу ничего делать, боюсь риска и начинаю тактично поступать. Тактично отъезжать от данного случая в какой-то закоулок.

Может быть, я и ошибаюсь, но результаты были у меня хорошие.

Я у себя не знаю случаев рецидивов, за исключением одного, когда девушка, выданная мною замуж, опять сделалась проституткой.

Я уверен, что я в своем опыте подошел к какой-то правде так же, как и вы.

Я настаиваю на том, что основным принципом в нашей педагогической работе, школьной, внешкольной, дошкольной, является как можно большее уважение к человеку. Я даже восьмилетнего человека называл тов. Комаров. Так он – Петька, Васька и т.д., а когда я прихожу в коллектив, я называю его тов. Комаров.

Как можно больше уважения и настойчивого, ясного, открытого требования: веди себя так-то и так-то. Эти чудеса каждому доступны.

Меня одолевали родители, говорили, что я совершаю чудеса. Приезжают на автомобиле отец и мать и говорят: «Мы больше не можем с ним жить: патефон украл – продал, мамину шёлковую кофту украл – продал, папины часы украл – продал. Возвращается в 2 часа ночи, грубит, требует: давай деньги, давай билеты, не хочет за собой убрать [убирать. – Г.Х.] и т.д. Возьмите его, ради бога!» Посмотришь на мальчика: вполне нормальное лицо, никакой умственной отсталости нет, здоровый мальчик, учится в 8 классе, что же над ним работать?

«Хорошо, пусть останется, и чтобы вашего духа здесь не было два года, чтобы бензином вашим здесь не пахло, и не ходите, не пишите, не звоните по телефону».

Главные жалобы, что не хочет почистить себе костюм, не хочет постелить себе постель, не хочет в лавочку пойти. А здесь его командиры немного протрут с песочком, и он начинает меняться. Через полгода отпускаешь его первый раз в отпуск и говоришь: смотри, Сергей, ты идешь в первый раз, посмотри, как на тебе все надето. Когда придешь домой, смотри, чтобы отдал салют, и смотри, чтобы ты нашел себе дома работу, чтобы все время провел в работе.

– Слушаю[сь].

Приходит домой: что прикажете сделать, за водой сходить, пол помыть?

Родители думают, что [мы] сделали чудеса. Никаких чудес и никаких чудотворцев нет. А так надо потребовать, чтобы мальчик не сомневался. И мальчик находит в этом удовольствие. Он доволен тем, что может показать родителям, что он тоже способен работать. От педагога требуется уверен-

ность в своей правоте. Если вы уверены, что можете требовать до конца, ребенок всегда сделает все, что нужно.

Я еще раз прошу извинить, если в моем рассказе было что-нибудь назидательное. Это было случайно. Я ни в чем не убежден, ни на какую назидательность не претендую, а просто рассказываю то, чему я в жизни был свидетелем.

(Аплодисменты.)

П Р Е Н И Я

ХАРЕНКОВ. Мы, курсанты, приехали сюда из разных областей Советского Союза, чтобы здесь в Москве получить педагогическую закалку, которая поможет придать нашим детским учреждениям тот облик, который от них требуется, применить там же элементарные формы и методы воспитания детей, которых поручили нам партия и правительство. В постановлениях партии и правительства дается целый ряд указаний относительно методов коммунистического воспитания.

Заслушанный нами доклад является для нас весьма поучительным. Это не простой рассказ, а очень сложный, теоретически обоснованный, подтвержденный опытом методологического и педагогического воздействия на психологию ребенка. То, о чем рассказал тов. Макаренко, является результатом длительной педагогической работы, приведшей к блестящим результатам.

Докладчик сказал, что нет трудных детей. Мы получили здесь на курсах ряд теоретических обоснований в области педагогики. Мы должны все это претворить в своей работе, как заведующие детскими домами. У меня 83 таких дома, и из них только может быть в 5-6 правильно поставлена организация детской среды. А ведь у докладчика основная опора – это детский коллектив. Если мы развернем свою работу на основе привлечения детского коллектива, мы получим хорошие результаты.

Докладчик имеет богатый педагогический опыт работы в детских учреждениях, где приходится работать и нам, и поэтому доклад дает нам очень много. Мы должны поблагодарить докладчика за то, что он так умело и образно рассказал о той большой работе, которую он провел в течение 16 лет. У нас еще имеется большое поле работы в детских домах. Научно-практический институт должен это учесть и помочь нам в проведении этой работы.

Среди наших курсантов есть люди грамотные, которые могут помочь Научно-практическому институту создать такой материал, которым наши воспитатели могли бы пользоваться в практике своей работы.

КУФАЕВ⁹. Антон Семенович обострил сегодня очень интересные вопросы, но он затронул не все вопросы, которые нас интересуют. Он не затронул одного из существенных вопросов нашей педагогической практики: вопроса об авторитете воспитателя.

И в «Педагогической поэме» этот вопрос раскрыт не так, как в другой его книге, о которой он сегодня упомянул, в «Книге для родителей». Эту книгу мы разбирали в стенах нашего Института очень подробно, и не с тех позиций, с каких разбирал эту книгу журнал «Советская педагогика». Мы отнеслись с возмущением к рецензии Стороженко¹⁰.

«Книга для родителей» дополняет «Педагогическую поэму». Еще шире ставит вопросы воспитания, в частности вопрос об авторитете. Было бы интересно заслушать, как создавался ваш авторитет.

В «Книге для родителей» довольно образно показано, что авторитет создается прежде всего любовью, заботой и уважением к ребенку. Правда, вы указываете, что авторитет педагога должен создаваться его правотой и справедливостью. Это один из существенных вопросов, который тоже широко раскрыт в вашей «Книге для родителей» и в книге «Флаги на башнях». Вы там говорите о личном примере воспитателя.

Я думаю, что присутствующие товарищи поймут, какое громадное значение имеет личный пример воспитателя, личный пример заведующего. Это сказалось в одном штрихе, который вы приводили, что вы по сигналу, как и все воспитанники, как и все бригадиры, бегом бежите на совет бригадиров. Здесь подчеркивается очень важное качество педагога, то, что он так же требователен к себе, как к ученикам. Это очень важное педагогическое качество. Оно, правда, нигде не преподается, но оно должно подсказываться педагогической практикой.

Очень важным вопросом, который был хорошо вами раскрыт, является вопрос о дисциплине.

Само собой вытекает, когда вы говорите о дисциплине, что эта дисциплина должна быть внутренней. Вы это показываете очень хорошим примером. Внутренняя дисциплина выражается в том, чтобы ты поступал так, как установлено традицией или правилами общественной жизни, правилами жизни коллектива даже тогда, когда никто тебя не видит. Это воспитание внутренней дисциплины у ребенка достигается действительно педагогическим мастерством.

В рассказе это получается хорошо и гладко. Антон Семенович дает нам отдельные мазки своей педагогической практики, своего педагогического мастерства.

Но как трудно добиться, чтобы такой пачкун, который привык плевать на пол, стал бы внутренне дисциплинированным. А тем беспризорным, которых мы принимали в свои учреждения, и не беспризорным, с которыми мы встречаемся в своих учреждениях, ничего не стоит плюнуть на пол. И это не простой плевков на пол, а некоторая демонстрация неуважения к порядкам, к педагогам и т.д.

Если сказать, что он поддается педагогическому влиянию, тому, чтобы его отучить, то приходится добавить, что это возможно при наличии такого коллектива, какой был у вас.

Дисциплина не есть метод. Совершенно правильно, что дисциплина – это есть результат, и вы в своей практике нередко в этом убеждались. Дисциплина является результатом определенной постановки работы, результатом

определенных достижений. Часто мы говорим: если нет работы, нет и дисциплины. Одно другому не противоречит, а, наоборот, дополняет.

Я хочу перейти к разбору отдельных мест доклада.

Вы говорили о часовом на посту или при входе. В книге «Флаги на башнях» вы рассказываете о том, как часовой стоит на посту у входа. В это время приходит посторонняя гражданка или гостья, и он ей делает замечание:

– Вытрите пыль с ног и тогда входите.

То, что он сказал, – это правильно. Это говорит о достижении высокого понимания у 13-летнего воспитанника, говорит о том, что он сознает, что обязан заботиться о чистоте. Это правильно им воспринимается, но надо этот момент разобрать с точки зрения педагогической практики, с точки зрения воспитания. Надо разобрать: насколько вяжется сама фигура этого часового с общей постановкой работы.

Правда, вы потом дополняете указанием, что это игра. Но мне кажется, что фигура часового не вяжется с общей постановкой работы.

Вы ставите часовых из ребят. Я думаю, что это средство не совсем себя оправдывает, так как здесь уже будет игра во взрослого.

Затем надо поставить вопрос так: я представляю себе часового на протяжении всего дня. Если ребенок стоит определенное количество часов в качестве часового, то тем самым он отрывается от школы, от мастерской. Это не совсем правильно, и я не хочу, чтобы товарищи так поняли. Я хотел бы, чтобы товарищи поняли правильно, когда Антон Семенович говорит об игре. Я хочу, чтобы товарищи не поняли, что всю воспитательную работу с детьми, все педагогическое мастерство можно свести к игре.

Я тоже недавно на лекции говорил о том, что мы выбираем старосту класса, который отвечает за чистоту. За то, чтобы перед началом урока у всех были ручка, карандаши, чернила. Он должен следить за тем, чтобы ребята учили уроки, и если кто-нибудь из его группы не знает урока, он за это отвечает.

В своей последней работе я отметил, что на общем собрании бригадиров делаются замечания провинившимся. Между прочим, я употребил слово «игра». Отвечает за это не бригадир, а воспитатель.

Но товарищи курсанты не должны думать, что вся воспитательная работа относится к какой-то игре. Фактически это не есть игра, это подлинная воспитательная работа, которая осуществляется с помощью отдельных приемов, которые варьируются в зависимости от условий.

Хотелось бы отметить, и об этом говорится в «Педагогической поэме», в «Книге для родителей» и в книге «Флаги на башнях», что эти методы не представляют собой чего-то раз и навсегда данного, какого-то стандарта.

Ваше большое педагогическое мастерство и педагогическое искусство заключается в разнообразии ваших методов. Ваши книги «Педагогическая поэма» и «Книга для родителей» я изложил для себя, разбил по отдельным методам.

Вы тоже, товарищи педагоги, должны использовать эту книгу [эти книги. – Г.Х.] в целях педагогического изучения.

Нельзя рассматривать книги Антона Семеновича лишь как художественное произведение. Надо смотреть дальше. Это педагогика, изложенная в художественной форме.

И если вы так смотрите, то получается очень интересная поучительная вещь. Иногда при этом проверяешь и свои силы.

Надо уметь выделять и отыскивать во всех этих описаниях отдельные приемы работы, и тогда у вас получится довольно стройная система.

Я думаю, что книга «Флаги на башнях» является продолжением «Педагогической поэмы».

Антон Семенович учел в дальнейшей своей практике наблюдения над опытом других учреждений и школ и дополнил этим опытом свою педагогику. Он раскрывает перед нами целый ряд новых приемов и методов.

Я хочу с вами поделиться опытом работы над произведениями Антона Семеновича. Они очень полезные, кроме того, что дают в художественном изложении отдельные методы педагогической работы. Они дают их образно, доступно, ярко изложенными. Здесь мы находим целую систему разнообразных приемов и методов воспитания.

Я надеюсь, что в дальнейшем Антон Семенович разовьет эти методы и приемы воспитания и еще больше нас обогатит.

ПИСАРЕВА. Многоуважаемый товарищ докладчик всех нас завоевал, и мы ему очень благодарны. Мы вплотную почувствовали яркую, талантливую личность докладчика. Но в его докладе есть одно место, которое возбуждает у меня вопрос, место, где он говорит о ровном, спокойном тоне.

Вы все помните, как ярко сказал нам докладчик, к чему может привести ровный, спокойный тон. Но я думаю, что товарищ докладчик имел в виду механический, надуманный, искусственный тон. Если ровный, спокойный тон идет изнутри личности, является прочувствованным, его надо приветствовать особенно в наше время. У нас сейчас люди очень возбудимые. Мы, как врачи, хорошо это знаем. Мы все можем это наблюдать: стоит только проехать в трамвае.

Этот возбудимый тон, к сожалению, очень быстро передается детям. Это большая зараза, чем какая-нибудь инфекционная детская болезнь. Поэтому настоящий ровный спокойный тон надо приветствовать.

И я думаю, что мы все должны добиваться того, чтобы говорить с детьми спокойным тоном, но настоящим, прочувствованным, идущим изнутри личности педагога.

ПОНОМАРЕВА. Я хочу продолжить относительно ровного, спокойного тона.

Если во всех областях и всегда говорить ровным и спокойным тоном, то я согласна с докладчиком, что действительно можно повеситься. Но одно дело в трамвае, другое дело в жизни. Трамвай – не вся жизнь, а маленький кусочек, правда, иногда очень досадный.

Я хочу сказать о педагогическом такте. Если подходить так, как подходите вы, то это, пожалуй, немного с маху. Вы иллюстрировали педагогиче-

ский такт немного примитивно. Я считаю, что педагогический такт – это один из моментов педагогического мастерства.

Конечно, нельзя всегда говорить ровным, спокойным тоном. Иногда не хочется сердиться, но показать негодование нужно. В этом отношении докладчик совершенно прав. Ребенок должен понять, что вы возмущаетесь, негодуете. Негодовать спокойным, ровным тоном нельзя.

Вы возмущаетесь хулиганскими поступками, которые иногда бывают очень остроумными. И мне в своей практике иногда трудно удержаться от смеха, но я обязана показать свое возмущение. Ровным, спокойным тоном ничего здесь не сделаешь. Но иногда педагогический такт заключается в том, чтобы не заметить, что делает ребенок. Не всегда можно наброситься на ребенка. Иногда мальчишка скверно выражается, но не всегда следует делать ему замечание. Иногда надо не заметить, но не нужно при этом, чтобы ребенок понял, что вы не заметили.

Это не значит уклоняться от ответственности. Это значит быть гибким в понимании ребенка. Ну, что[бы] не создалось впечатление, что всегда можно рубить с маху.

«Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях» всегда привлекают меня, как педагога. Они доставляют мне большое удовольствие. Мне хочется с ним возвратиться.

«Книга для родителей», по-моему, менее удачна. Она не доставляет мне такого удовольствия, так как в ней много поучений, может быть потому, что она написана для родителей.

Почему нас привлекают эти книги, и почему мы можем многое из них получить?

Потому что в них сквозит большая любовь к детям, а главное, как сказал автор, – это любить и уважать ребенка.

К Синенькому¹¹ автор возвращается несколько раз, описывает его с большой любовью, с любовью говорит о том, какой он хороший, какие у него глаза, как он бежит.

Ванюшка-галчонок в книге «Флаги на башнях» тоже описан с большой любовью. Вспомните, как автор описывает его взгляд, улыбку, прекрасное детское лицо.

Вы видите педагога-художника, видите живого ребенка, его улыбку, его грациозные движения, все черты, которые делают ребенка привлекательным.

Все ли педагоги всегда видят в ребенке то очарование, которое есть у него? Всегда ли они проявляют то внимание, ту любовь к ребенку, которой надо учиться у автора книги. Я думаю, что основа успеха автора лежит именно в этом.

Я согласна с автором, что у нас нет обоснованной теории нашей советской науки о воспитании. Наша советская наука очень молода, традиции у нас еще не создались. Мы не умеем как следует относиться к опыту, не умеем его как следует собирать и оформлять. Этот опыт проходит для нас бесследно, не оставляет следа в нашей педагогической практике и науке.

Нам нужно учиться собирать этот опыт и вместе с тем учиться чрезвычайно внимательно подходить к нему.

Я не пыталась все разложить по полочкам.

(ГОЛОС. Это дело потребности.)

Может быть, не все можно разложить [по] полочками, но определенные приемы взять можно. Нельзя у какого-то определенного педагога перенять все приемы целиком.

Я расскажу о том, как один педагог в Московской области перенял все методы тов. Макаренко и что из этого получилось.

В «Педагогической поэме» описывается, как ребята постановили выгнать одного из воспитанников. Заведующий открывает перед ребенком дверь и говорит: уходи! И ребенок уходит.

Один из заведующих школьным детским домом решил применить этот метод к дошкольникам.

(ГОЛОС. Это было до «Педагогической поэмы».)

Нет, он мне сказал, что прочел «Педагогическую поэму» и решил этот опыт применить. (Смех.)

Получился не смех, а два года тюрьмы. Я много делала, чтобы освободить Соколова.

Дело было так: у Соколова был мальчишка 8 лет. Он был переростком для данного детского дома. Этот воспитанник не захотел выполнять требование заведующего. Заведующий решил довести дело до логического конца: раз ты не выполняешь требования, ты жить у нас не сможешь – уходи! Но там были юноши, а здесь дети.

И надо сказать, что Соколов очень хороший педагог. Но он говорит, что что-то запало ему в душу, и он решил немедленно это сделать.

Мальчишка ушел. Сначала он постоял у двери, поплакал. Потом ему вынесли пальто, и он ушел.

Педагог довел об этом до сведения надлежащих властей, начались розыски, и получилась очень нехорошая вещь.

(ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Он как раз не читал «Педагогической поэмы».)

Я с ним говорила, и он мне заявлял, что хотел заимствовать опыт из «Педагогической поэмы».

Получилась карикатура, получилось механическое перенесение метода. А механический прием – это как раз то основное, чему противостоит и сегодняшний доклад и две книги автора.

Основой воспитательной работы у докладчика является глубокая любовь к детям, любовь, совершенно захватывающая человека, и громадное уважение к детям.

Правда, в обеих книгах почти не видно лица педагога, учителя, воспитателя.

Тов. Макаренко сказал сегодня, что воспитателей у него не было, а были только учителя.

Не могло быть, чтобы педагогический коллектив не имел влияния в целом, вытянуть весь коллектив в 500 чел. одним Советом командиров и авторитетом одного какого угодно гениального педагога – нельзя.

В книге «Флаги на башнях» учитель, который занимается с Игорем, показан беглыми штрихами. Это нас, педагогов, не удовлетворяет. Ведь педагоги принимают участие в формировании этих замечательных ребят.

Если бы мы воспринимали эти книги не как художественные произведения в целом, а как методическое руководство, то это нас не совсем удовлетворило бы.

Но, поскольку мы рассматриваем эти вещи как художественные произведения, то должны считать, что некоторые черты можно воспринимать как случайные.

Эти две книги должны служить для нас большим примером. Ведь мы учтем то уважение и большую любовь к детям, которые там рассыпаны. В своей работе мы должны исходить от большой любви к детям и от уважения к ним.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я хотел бы прежде всего сказать, что плохое подражание имеет свои опасные стороны, но это не значит, что примеры, которыми нужно подражать, являются отрицательными.

Я недавно вспомнил и рассказал нашим курсантам анекдот о том, как старый врач обучал своего сына, молодого врача, медицинской практике.

Он сказал ему следующее: кроме знаний надо еще уметь вести себя у постели больного, надо понимать психологию больного. Больной обычно ценит, когда врач не только дает хороший рецепт, но когда врач умеет определить еще причины болезни. Тогда больной начинает сразу верить в силы врача. И вот он взял сына с собой для того, чтобы показать, как надо себя вести у постели больного.

Приходят к больному. Тот жалуется на боль в животе. Врач посмотрел, что делается кругом, и говорит: я понимаю, действительно, вы съели много яиц.

– Да, доктор, верно. Ах, как вы угадали. Сперва бог, а потом вы. Какой вы замечательный доктор.

Больной сразу поверил в силы врача.

Пришли к следующему больному. Там такие же жалобы. Посмотрел врач кругом и говорит больному: вы съели много апельсинов.

– Ах, доктор, как вы угадали, действительно, я съел много апельсинов.

Выходят они от больного, и сын спрашивает: как ты все это узнаешь?

– Надо быть наблюдательным. У первого больного валялось много яичной скорлупы, у второго много апельсиновых корок.

Тогда сын говорит: ну, теперь я понял все. И решил сам пойти к третьему больному.

Опять те же жалобы: живот болит.

Врач начинает смотреть и, наконец, обнаруживает под кроватью сбрую и говорит больному: вы сбруей объелись.

А больной был извозчик. И он по-извозчичьи сказал ему: иди ты к черту, или что-нибудь похуже.

Так учат и нас, а мы потом придем к воспитанникам и начнем их исключать.

Существует большая опасность попасть на эту же самую сбрюю.

В докладе Антона Семеновича имеется много указаний, взятых по-настоящему из жизни. Есть много обобщающего, и здесь можно идти гораздо дальше.

Даже из того, что было изложено в докладе, можно было бы сделать ряд обобщений.

В частности, из всей практики работы Антона Семеновича вытекает, во-первых, то, что он имел материал, изуродованный в прошлом воспитанием, с людьми, у которых много недостатков, много вывихов в воспитании и характере.

Но, видя эти недостатки, он не на них строил свою воспитательную работу, а на том положительном, что умел видеть за этими недостатками, на том здоровом, что имелось и что можно найти у любого, в том числе и у так называемого трудновоспитуемого, и строить свою работу на этом здоровом, на этом положительном.

Это чрезвычайно важно в любой воспитательной работе. Антон Семенович именно этим и отличался в своей работе, и он победил.

Антона Семеновича характеризовал и характеризует педагогический оптимизм. Тоже очень важный момент, имеющий очень важное значение. Отсюда, в частности, вытекает утверждение, что нет трудных детей.

Вообще этот термин заслуживает того, чтобы раз и навсегда с ним разделиться, так как все это очень условно.

Я не сделал отсюда такого вывода, что Антон Семенович выводит заключение, что нечего иметь учреждения с особым режимом, учреждения для тех ребят, которые так или иначе беспокоят общество своим стойким неуважением, антиобщественным поведением, что он предлагает закрыть такие учреждения и пустить этих ребят в нормальные школы.

Такие учреждения существуют, Антон Семенович в них работал, и там он отточил и сильно отточил свое педагогическое оружие. И там действительно можно его отточить, и, отточивши его, не страшно пойти в любую школу, где имеются разные ребята. Пользуясь этим отточенным оружием, можно переваривать в котле любого коллектива любого воспитанника, который не поддается воспитательному воздействию в тех случаях, где пытаются действовать тупым орудием.

Все это продиктовано педагогическим оптимизмом, но это не ураоптимизм, а оптимизм здоровый, вера в положительные качества людей, вера в то, что мы имеем все условия, чтобы людей перевоспитать. Надо только умело этими условиями пользоваться. Без этого педагогического оптимизма работать невозможно. Он является чрезвычайно важным в педагогической работе.

Антон Семенович правильно говорил, что мы не имеем сейчас законченных теорий, но изложенные здесь требования в отношении педагогов,

наталкивают на мысль, что неплохо было бы делать отбор людей, идущих на педагогическую работу. А может быть в этом и нет нужды, так как самым хорошим университетом являются сами ребята.

Если ближе присмотреться к ребятам, то они многому нас учат, и это мастерство проявляется там, где есть умение не только смотреть, но и видеть. Это мастерство поможет нам воспитать детей по-настоящему.

Кто-то говорил о том, что Антон Семенович стоит за педагогическую теорию, которую надо еще создать. Здесь не может быть и речи о голой практике, о голом эмпиризме. Эта теория должна создаваться с учетом всего положительного опыта нашей работы.

Мне хотелось бы только несколько уточнить терминологию, которой пользуется Антон Семенович.

Мне кажется, что содержание, которое вкладывает Антон Семенович, не совсем исчерпывается теми терминами, какими он обобщает ту или другую сторону работы.

Например, Антон Семенович говорил об игре. Я прекрасно понимаю, о чем идет речь, но мне кажется, что сам по себе термин не вскрывает содержание, потому что другой тезис, который безусловно вытекает из того, о чем говорил Антон Семенович, гласит, что педагог должен быть прежде всего искренним.

Дети чувствуют всякую фальшь. Искренность обуславливает успех в работе, а искренность с игрой не совсем уживается.

Я понимаю, что если посмотреть со стороны на нашу повседневную работу, то может показаться, что мы играем, что мы превратились действительно в маленьких. Когда я нахожусь среди ребят и стараюсь посмотреть на себя со стороны, у меня создается впечатление, что я действительно играю, но я настолько искренен, что ни о какой игре здесь не может быть и речи.

Я понимаю, что есть очень много условного, символического, такого, что может быть, с точки зрения философской, вообще говоря, не заслуживает того, чтобы им заниматься. Но в нашей педагогической работе все это имеет вес и пренебрегать этим нельзя.

Играя таким образом, мы должны быть естественными и безусловно бываем естественными, ибо в этой игре мы получаем серьезный дополнительный рычаг в деле воздействия на ребят.

Но мы тут вполне искренни, и не игра тут имеет место.

По существу, признавая большое значение того, что вкладывает в это понятие Антон Семенович, мне хотелось бы несколько уточнить этот термин. Другого термина я, к сожалению, не могу предложить.

Мне кажется, что неправильно поняли Антона Семеновича, когда говорят, что он осуждает ровный тон.

Я понимаю это таким образом, что если бы у нас был педагог, который то и дело кричит, суетится, шумит, то нетрудно представить себе, как ему нужно было бы заорать в нужный момент, чтобы выделить этот момент из общего его крика.

Все то, о чем говорил Антон Семенович, требует ровного серьезного тона.

Что значит говорить малышу «вы»?

Я, впрочем, не уверен, что это получается вполне естественно. Я не мог бы заставить себя сказать ему – вы.

(МАКАРЕНКО. Товарищ Комаров.)

У меня это не получилось бы. Там, где это поставлено так, как это было поставлено у вас, это может быть выходит само по себе, но там, где я хочу быть естественным, я этого не приемлю.

Но то, о чем говорит Антон Семенович, – это очень важная вещь в работе с современными ребятами, которые резко отличаются от тех ребят, какими были мы с вами. Это ребята, с мнением которых мы считаемся.

Разве можно говорить с ними, пользуясь другим тоном, кроме ровного, спокойного, серьезного тона? Другого тона быть не может.

Но там, где Антон Семенович говорит о другом тоне, я сказал бы это таким образом: хорош тот педагог, который в своей работе является эмоциональным, работает с огоньком, с темпераментом. Но этот огонек, этот темперамент, эта эмоциональность должны быть в меру, и это очень важная черта.

Можно ли в себе эту черту воспитать, или она должна быть прирожденной? Иногда трудно сказать. Если сочетается природное с приобретенным, то это очень хорошо. Во всяком случае, если человек на это способен, но сдавливают, душит в себе, потому что кто-то не разрешает, кто-то может сказать, что это не совсем приемлемая точка зрения какого-то особого такта, тот, конечно, не прав.

В частности, относительно этого самого такта и риска.

Мне кажется, что термин «риск» в данном случае не совсем вскрывает то содержание, которое вкладывает в этот термин Антон Семенович.

Говоря об этом риске и необходимости иногда действовать решительно, мы должны иметь в виду то, что имеет в виду и докладчик: то, что здорово для Иванова, может оказаться очень вредным и непригодным для Петрова. И в этом сила работы Антона Семеновича, в этом сила работы наших учреждений.

Это касается и данного момента, это то, о чем говорил здесь Куфаев, – множественность приемов, множественность методов. Было бы неверно выработать какой-нибудь один прием и только им пользоваться.

Всегда существует разница между педагогом и педагогом в кавычках. Педагог в кавычках уподобляется тому, кто пытается играть на рояле, подбирая одним пальцем.

Настоящий педагог тот, кто работает с детьми, берет целые аккорды. Брать целые аккорды – это значит действовать не одним каким-нибудь приемом. Надо действовать на все решительно струны, чтобы получился этот аккорд.

Учитывая опыт Антона Семеновича, надо сказать, что дело не в том, чтобы пользоваться только риском. Риск хорош, когда есть коллектив, ко-

гда работа организована, когда есть заинтересованность и взаимное уважение. На этом фоне риск хорош. Мы называем это «условным риском».

А попробуйте этот риск на другом фоне, где существует два враждебных лагеря. В таком случае мы получаем разгром учреждения и только. Одно с другим связано настолько, что оторвать одно от другого и действовать только при помощи одного этого средства невозможно.

Я хочу сказать о такте и тактике.

Такт я оставляю в стороне. Но многое из того, о чем говорил Антон Семенович, в частности, когда касался вопроса игры, когда говорил, что иногда надо отступить и показать детям, что они сами решают вопрос, – все это показывает, что существует какая-то педагогическая тактика. И иногда надо действовать, пораскинув мозгами, иногда надо быть с хитрецей, суметь создать нужную нам ситуацию, и здесь нужна педагогическая тактика. Существует военная тактика, существует и педагогическая тактика. Все эти приемы и являются частью педагогической тактики.

Антон Семенович совершенно правильно подчеркивал, и это всегда надо помнить, что дисциплина есть не условие, что дисциплина должна быть чем-то производным, а не первичным. Но это надо понимать условно. Дисциплина должна быть в какой-то мере первичной. Если не существует дисциплина, как что-то первоначальное, то невозможно говорить о чем-нибудь другом.

Но когда мы говорили о настоящей сознательной дисциплине, то она является производной, и нелепы требования и заявления горе-педагогов, что ничего у них не выходит, потому что нет дисциплины, а дисциплины у них нет потому, что нет работы.

(ГОЛОС. Потому что ничего не выходит.)

Я здесь внесу только одну маленькую поправочку: дисциплина – есть и условие, и следствие. Здесь надо подчеркнуть еще раз то обобщение, которое вытекает из доклада в части дисциплины.

Совершенно правильно говорится о том, что сознательная дисциплина не должна быть понимаема таким образом, что тут все идет по пути рассуждений и что она строится только на основе всяких убеждений.

И тут еще раз подчеркивается необходимость сочетания убеждений с принуждением. Убеждение – есть наша система, но принуждение вовсе не исключается в нашем советском понимании. И там, где нужно, необходимо издать приказ, но он будет иметь значение только тогда, когда он будет оправдан в сознании ребят.

Не обязательно голосовать, но надо чувствовать: оправдывается это или не оправдывается в сознании ребят.

Здесь уже вытекает совершенно определенная система, берется курс на то, чтобы ребята на любом шагу своей работы осознавали необходимость и имели бы иллюзию какой-то свободы, сугубо обусловленной. Этому отвечает вся система, о которой идет речь.

У меня нет никаких расхождений с докладчиком, но когда я читал ваши произведения, у меня всегда было какое-то досадное чувство, которое сегодня рассеялось, чему я очень рад. Мне казалось, что вы ополчаетесь на педагогику, отрицаете ее в то время, как вы сами делаете большое, хорошее

педагогическое дело. Это педагогическое дело, которое вы строите, не появилось сразу и само по себе. Оно обусловлено всем прошлым нашей педагогики. Когда я читал и перечитывал «Педагогическую поэму», у меня создавалось впечатление, что вы принципиально против педагогики и мне было очень досадно.

Мы давно с вами не встречались, были оторваны друг от друга. Мне было досадно, когда у меня возникало такое впечатление, и я мысленно вас поругивал. Сегодняшний ваш доклад это впечатление рассеял.

Есть, конечно, педагогика рафинированная, догматическая, оторванная от живой действительности, которая не учитывает ребенка со всеми его особенностями, а они несомненно имеются у нашей детворы. Наша детвора носит на себе все следы нашего нового времени в смысле непризнавания авторитета или признавания авторитета только экс официо, только потому, что ты мой учитель, хотят все нащупать, не хотят ничего принимать на веру.

Вы это учли и поняли, и вы делаете большое педагогическое дело: дополняете и обогащаете педагогику.

ГРОМОВ. Товарищи, мы сегодня вечером имели удовольствие посмотреть и прочувствовать великое педагогическое мастерство, которое сквозило в докладе.

Докладчик с самого начала оговорился, что он не рекомендует никакого рецепта, а просто делится с нами опытом своей работы, что мы сами можем и должны творить то огромное количество методов и приемов, какое необходимо применять в деле воспитания нашей детворы. Он сказал, что то, что он нам покажет, – это не больше и не меньше как опыт, на основе которого мы должны учиться работать. В докладе сквозило, что началом всех начал в опыте докладчика была определенная организация, и все его разнообразные приемы были направлены на то, чтобы ввести в эту организацию ребенка, чтобы этот ребенок подчинился организации, воспитал в себе привычки этой организации и, что чрезвычайно важно и поучительно для педагогов – в связи с последними событиями в области педагогики, это то, что педагогический процесс есть длительный процесс и что здесь нельзя рассчитывать на моментальный, быстрый эффект. Только годами упорной работы достигается приведение ребенка к норме.

Если посмотреть, что делается на фронте педагогики, то буквально не успеваешь следить, как все меняется, причем все это преподносится как догма.

У нас в педагогической практике большим злом является то, что если один руководитель учреждения имеет определенную установку, то другой, принимающий это учреждение и вступающий в эту работу, считает первым долгом и первой необходимостью отрицать и разрушать то, что было до сих пор, вместо того, чтобы изучить это дело, развивать и строить его дальше. Как раз на этом пути у нас очень много шероховатостей.

Мы слышали сегодня о богатейшей практике, о богатейшем опыте работы в детских учреждениях закрытого типа, где ребенок и учится, и воспи-

тывается, и трудится. Вопрос о таких учреждениях – это очень сложный вопрос.

У нас с воспитательной работой не очень благополучно в общеобразовательных школах. Докладчик сказал, что очень трудно работать с родительскими детьми, особенно когда эти родители связаны с ребятами. Может быть, это и является одной из трудностей воспитательной работы в школе.

Но из этого опыта не видно, что сейчас надо предпринять, чтобы продвинуть процесс воспитания в нашей школе, где учатся приходящие дети. В какую взаимосвязь надо поставить родителей и детей? Чего сейчас не хватает нашей школе? Для меня ясно, что сейчас наша школа переживает очень крупные недоделки, которые были допущены руководителями органов народного образования. Я имею в виду малую занятость в школе. Наша школа сводит пока свою работу только к классным занятиям, работая с детьми только в классе.

Когда анализируешь, в чем сила тех достижений, свидетелями которых мы были сегодня и о которых мы знаем из практики, то видишь, что сила в определенной системе, которая проводится от начала до конца. Сила в педагогическом коллективе или самой ученической среде, умело поставленной педагогом. Я считаю, что пока не надо этого резко различать. Важно, чтобы воздействие на каждого ребенка было постоянным и шло в определенном направлении. Этого в школе сейчас не хватает, и мы очень мало делаем в этом отношении по линии школы. Это очень важно, как вывод, если говорить обо всей нашей школе.

Теперь относительно традиций и постоянности в воспитании, обоснованности длительности воспитания и традиции.

В.С.¹² усомнился: уместно ли будет, если мы будем все перенимать, если, в частности, во всех наших детских учреждениях будут стоять часовые.

По-моему, докладчик подчеркивал, что это было когда-то, а потом все свелось к традиции и эту традицию не нужно было нарушать, поскольку ребята с ней свыклись.

Отсюда не следует вывод, что вы должны этому следовать, должны ставить часовых и т.д.

Основной вывод такой: надо установить порядок и к установлению этого порядка направлять все свои стремления. Вокруг этого определенно установленного порядка будут нарастать традиции. Когда этих традиций будет много, когда они будут достаточно тверды, тогда легче разнообразить приемы и методы, обогащать педагогическую практику и прочно ставить воспитательную работу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вас, Антон Семенович, упрекали в целом ряде случаев в недооценке роли педагога, в том, что вы очень большое значение и совершенно справедливо придаете коллективу.

Мне показалось, что вы сегодня в своем докладе вскрыли мысль, что надо уметь быть руководителем и надо дать детям почувствовать, что они как будто сами являются руководителем. Я просил бы вас на этом моменте остановиться.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВ. МАКАРЕНКО

Раньше, чем отвечать на вопросы, я остановлюсь на нескольких общих замечаниях, имеющих большое значение. Прежде всего, о моем отношении к педагогике.

Нападение на педагогику имеется у меня в первой части «Педагогической поэмы». Это было нападение на самого себя, это был результат несчастного случая.

Но это происходило еще от того, что педагогика повернулась ко мне провинциальным боком педологии. Вы не представляете себе, что за ужас – провинциальная педология, да еще украшенная комплексным методом¹³, да еще украшенная никчемностью представителей и методики педологии.

Я в течение нескольких лет находился в состоянии кровожадности в отношении педологов. Я не пускал их к себе в колонию и говорил ребятам: «Не пускать их без моего специального разрешения». А они боялись со мной встречаться даже в коридорах Наркомпроса, они боялись, что я могу на них наброситься, кусаться и драться.

Один только раз, по требованию НКВД¹⁴, я пропустил их в колонию. Они захотели узнать, насколько организован мой коллектив. Они не думали, что у меня есть такой организованный коллектив.

Они прибыли с товарищами из НКВД, под охраной, и сказали деревянным голосом: покажите ваш организованный коллектив.

Я решил, что они хотят подложить мне свинью и доказать, что мой организованный коллектив является неорганизованным. Когда мои ребята пришли в класс, эти педологи обратились к ним и сказали: дети, представьте себе, что у вас есть лодка.

Вдруг один спрашивает: а это для чего?

– Нет, вы представьте себе. Представьте себе, что вы будете в ней кататься.

Тогда ребята заявили, что им некогда, что у них сейчас консультация и они ничего не хотят себе представлять. Они заявили: реки у нас в Харькове нет, моря нет, лодок у нас нет. Мы не хотим даже представлять себе.

Тогда педологи заявили: больше вопросов у нас нет. Мы только хотели поговорить относительно лодки.

– Очень рад.

Мы распрощались, и они уехали.

Потом мои воспитанники мне говорили: мы думали, что они по серьезному делу приехали, а они говорят с нами, как с маленькими детьми.

После этого случая моя ненависть к педологам обратилась в болезнь. Это было в тот период, когда я писал свою первую часть «Педагогической поэмы». В частности, мои чувства были направлены против Руссо. Сейчас Руссо уже не имеет педагогического значения. Он положил начало большому гуманистическому движению. Он оказал влияние не только на педагогику. Такую педагогику нельзя применить к воспитательному процессу.

У нас нет воспитательной педагогики. У нас есть методики, которые можно приложить к основному общеобразовательному процессу.

У нас должна быть теория педагогики, конечно, не с неба взятая, а основанная на почве практической работы. Но здесь надо учесть нового человека в новой обстановке.

Попробуйте взять любой вопрос, например: воспитание воли. То, что раньше было основано на интересе, теперь основывается на долге.

Сегодня я иду по Мясницкой¹⁵, вижу, висит объявление: спешите видеть выставку Левитана¹⁶, сегодня последний день. Раньше вывесили бы такое объявление, чтобы побольше заработать денег, а теперь – по чувству долга, чтобы больше людей посмотрели эту выставку.

Нам необходима такая теория педагогики.

Теперь еще два замечания, которые я забыл сделать в своем докладе.

Во-первых, я считаю, что наша советская государственная школа должна занимать более важное, более блестящее и более величественное место в нашей жизни. В этом я глубоко убежден и всегда буду об этом говорить.

Наша школа представляет собой заброшенное учреждение. Никто о ней не знает. Висит только вывеска.

И не нравится мне, что наши школы называются школами, что наших учеников называют школьниками, что наши школы пронумерованы какими-то страшными астрономическими номерами: 667-я школа. Что это мне говорит?

В нашей стране школа должна быть важнейшим моментом в жизни не только детской, но и всего общества. Мне удалось этого добиться для моего учреждения, и я хочу, чтобы вы этого добились.

Я требовал внимания к себе, и мне это удавалось. В коммуне им. Дзержинского мы имели духовой оркестр в 60 труб. Это было важно не только в смысле воспитания. Когда шла коммуна им. Дзержинского, был гром на весь Харьков. У нас было несколько барабанов, тромбоны, причем мы не признавали никаких пианиссимо, играли как можно громче. Дети идут – смотрите!

Я употребил на это дело много энергии и не только в смысле парадном. В смысле парадном мы не встречали другой, равной нам, колонии. Мы не имели ни одного плаката, но имели знамя. Когда ребята со знаменем шли стройной ровной колонной по 8 чел. в ряд, – это было очень красиво.

Мы строили свое производство так, чтобы к нам ездили, просили, кланялись: продайте, пожалуйста, 10 «Леек», а мы не желаем, не продадим, не продаем такому-то.

Все это очень важно. В глазах каждого ученика все это должно иметь огромный общественный вес. Каждый день мы имели во всех театрах 31 место¹⁷. Для этого надо было, чтобы мои франты умели входить в театр. Они входили в театр с носовым платочком в кармане, политые одеколоном.

Мы добились права для моих коммунаров ходить потом в театр без билетов, так их там полюбили. Они бывали в артистических уборных, открывали занавес, могли стоять около каждого музыканта, были настоящими хозяевами.

Такой шикарный размах должно иметь каждое детское учреждение, и этого можно добиться красивой дисциплиной, красивой, интересной большой работой.

Наша школа должна иметь какое-то шефское имя, должна чем-то отличаться от другой школы, должна иметь свое лицо.

Я недавно был в 10-м классе школы им. Ворошилова и спрашивал учеников: скажите, пожалуйста, Ворошилов был у вас в школе?

– Нет.

– Почему?

– Не приехал.

– А куда смотрела администрация, почему не пригласила?

Когда я стал расспрашивать, то узнал, что Ворошилов не играет там какой-либо особой роли.

Я спросил: вы себя называете ворошиловцами?

– Нет.

– Тогда надо снять имя Ворошилова с этой школы.

Ученики этой школы должны быть ворошиловцами.

В Харькове предметом гордости коммунаров [колонистов. – Г.Х.] служило то, что они были горьковцы, и их гордость в этом отношении превосходила все нормы.

Мои коммунары гордились тем, что они – дзержинцы. У нас все было пропитано памятью Дзержинского, и это давало особый тон, особую гордость коллективу. И «Лейка» называлась «ФЭД», и на груди у них был значок «ФД».

Это дает большой размах школе. Я провел 8 походов¹⁸. Правда, мне пришлось много поработать с ребятами. Я работал [Мы работали. – Г.Х.] в течение 2-х месяцев не 4, а 5 часов. Это антипедагогическое действие, но зато мы могли заказать себе отдельный пароход и плавали, как хотели.

Это сообщает коллективу уважение к самому себе и дает мне такое средство в руки, какого не может иметь учреждение, заброшенное в переулке.

Мы должны были совершить экскурсию на Кавказ, причем должны были пройти пешком по Военно-Грузинской дороге¹⁹. Мы начали готовиться за несколько месяцев. Выбрали маршрут, маршрутную комиссию, шили костюмы.

Но у меня есть общее собрание, которое имеет право предложить не брать в поход какого-нибудь пацана, и вот к июню наберутся таких человек 5. Просишь у общего собрания дать им амнистию. Нет. Для меня это было очень тяжело. Общее собрание не хочет прощать, а для них надо специально оставлять кухарку и т.д.

В день отъезда, в 4 часа кончили работать, в 5 строились, чтобы идти на вокзал. Все уже готово, обоз готов, а в это время какой-нибудь малыш дергает тебя и говорит: неужели мы остаемся?

Жалко их, у них слезы текут.

– Антон Семенович, возьмите.

Да ведь не я, а общее собрание.

Они в тех же костюмах, в каких стоит строй. Обращаюсь уже теперь к строю: что же, теперь их оставить?

– Да как же их брать? У них в обозе ничего нет, корзинок нет, куда их брать?

А ребята кричат: все есть в обозе, есть наши корзины, только примите нас.

Их не могли простить в течение всей зимы, но в такой радостный момент, в момент отпуска, в момент начала похода как их не простить!

И только потом, во время похода, когда он что-нибудь не так сделает, говорят: ведь мы же говорили, что нельзя тебя брать в поход.

Если бы мне дали такую школу, как у вас, я обязательно наладил бы там производство. Вы не представляете себе, как это прекрасно, когда ребята делают нужные вещи.

Работая 4 часа в день на производстве, воспитанники коммуны им. Дзержинского окупали учителей, театры, походы, костюмы, свое содержание и еще дали чистой прибыли государству 5 миллионов рублей²⁰. Это, конечно, выгодное дело. Никаких налогов государству мы не платили²¹. Но там был технический интерес, там была ответственность, там был сложный процесс. Приближение коллектива к жизни дает новые основания для размаха, и это вызывает сильные движения души.

Например, приезжает Эррио. Его надо принять. Ты должен чувствовать, что за тобой стоит СССР. Каждый должен чувствовать, что за ним стоит СССР, и каждый это понимает. Ребята чувствовали себя дипломатическими представителями СССР, а перед ними Франция – буржуазный мир. Нужно вести себя деликатно, вежливо, не сдавая ни на копейку уважения к себе.

Я не могу вам советовать делать такие вещи на следующий же день после организации вашего учреждения, но добейтесь солидности своего учреждения, добейтесь красоты, эстетики, добейтесь того, чтобы это было крупное государственное учреждение; и тогда много можно выиграть на нашем советском гоноре. А этого достигнуть нетрудно. Для этого нужно 2-3 года хорошей работы и хорошей борьбы.

Теперь отдельные замечания.

Очень трудно добиться, чтобы перестали плевать на пол, но это дело необходимой организации и мастерства. У нас везде поставили плевательницы. Коммуны НКВД еще не открыли, а пришли уже жены чекистов и в каждый уголок поставили плевательницы. Ребята ходили и плевали в каждом углу и вместо плевательниц попадали на пол.

Я, в конце концов, обратился к общему собранию, и общее собрание постановило: человек – не верблюд и плевать не должен, а если тебе все-таки хочется плевать – обратись к доктору. Постановили все плевательницы перенести в больницу. У нас не осталось ни одной плевательницы. Эти «верблюды» мучились два дня. Кое-то плевал, их хорошенько взгрели. И плевать перестали.

Старшим ребятам мы выдавали папиросы, разрешали курить. Это с точки зрения педагогической незаконно, но я с курением «не боролся». Ребята

говорят: какой это курильщик, который после каждой затяжки плюет? Я с курением «не боролся», но многого добился.

У меня был доктор – Колька Вершнев, бывший беспризорный. Он заявил: курить можно с 16 лет. Если в отряде курили более молодые, то старшие курильщики за них отвечали. Если более молодые продолжали курить, доктор вызывал и говорил: дай я тебя послушаю. Потом качал головой, посмотри-ка, что у тебя в легких делается. Ты, знаешь, лучше брось курить.

И смотришь, тот бросал курить. А старшим выдавали казенные папиросы. Самый первый способ – действовать с помощью доктора и «разрешать» курить.

Что касается термина «игра», то вы не так меня поняли. Не педагог играет, а ученики главным образом играют, педагог только участвует в этой игре. И тут можно многому подражать из старой школы.

Как ни ругают старую школу, а у нее были прекрасные примеры классовой последовательности. Я присматривался к работе кадетского корпуса. С их дворянской точки зрения и классовой целесообразности это была очень остроумно организованная классовая дворянская игра.

А мы немного очиновничили быт школы. На каждом шагу слышишь официальный термин «учащийся». Что это за учащийся? Что это за название: неполная средняя школа?

Ведь не боялись же дворяне называть свои школы гимназиями, кадетскими корпусами. Это был своего рода дворянский шик.

А почему у нас не может быть своего шика?

Я окончил высшее начальное училище²², и я этим очень гордился: все-таки высшее, а тут: неполная средняя школа.

И здесь должна быть игра. Не я играю, а дети играют в жизнь, в ответственность, в работу. Тут должно быть как можно больше серьезности. Этого не надо забывать.

О дисциплине сказано все, но о режиме не говорили. Это само собой понятно.

Об искренности в игре, о том, что я не против ровного голоса.

Я вовсе не противопологаю ровному голосу обязательный крик. Я имею в виду эмоциональность. Я либо кричу, либо говорю язвительно, либо с намеком.

Моя обычная фраза: «Все, можешь идти». Так я обычно кончал разговор.

Тут можно показать и одобрение, и удовольствие, и насмешку, и холодность, и негодование, и гнев. Но этих слов никогда не скажешь ровно. Это уже не игра, а глубина жизни, которая должна быть всегда видна вашим воспитанникам. А для того, чтобы это была жизнь, у вас должна быть культура личности.

Главный метод педагогического воздействия – это повышение культуры личности. Тогда вы будете иметь разнообразные эмоции, различные переживания.

Относительно часового. Я не настаиваю, чтобы везде был часовой. Но у меня школа носила военизированный характер, и я являюсь сторонником военизации школы.

Недавно я нашел в 16-м томе сочинений Энгельса указание на то, что Энгельс требует военизации средней школы²³. Это имеет значение не только в смысле военной подготовки, но и в смысле воспитания характера.

Я допускаю, что тот, кто не испытал прелести военизации, может со мной спорить, но я должен сказать, что это богатая, очень красивая по содержанию вещь.

В армии не только салютуют, но [и] поворачиваются: строй смирно – в этом есть какая-то эстетика, есть какой-то большой смысл.

Такую военизацию хорошо проводить, когда она проводится серьезно, а не как-нибудь. Если дается сигнал, он должен играть идеально, с идеальным стаккато, с высшей формой музыкальной выразительности, а не так, как гуси кричат.

Если знамя стоит в одной комнате и надо перенести его ввиду ремонта в другую комнату, то вся комната одевается в парадные костюмы и в строю переносит знамя. Это не только символизирует любовь к нашей стране, но и чуткость [четкость. – Г.Х.] работы коллектива.

Это красиво также потому, что я могу с каким-нибудь коммунарком разговаривать по-товарищески, даже выпить рюмку вина (я и от этого не отказывался). А когда он приходит ко мне, он [я. – Г.Х.] должен встать, вот так (*показывает*). Я не позволю ему иначе стоять, и сам я не разваливаюсь.

Когда я вызывал его к себе, я вставал и говорил: товарищ, получите 5 часов ареста.

Здесь важна не только внешняя форма, но четкость, красота, уважение к коллективу и к себе. Это и есть тот фермент, который связывает отдельные части коллектива.

Приказ – вещь хорошая, если вы можете дать приказ о том, что сегодня форма одежды № 3, отделка такая-то, и вы знаете, что они могут эту форму надеть. Военизация требует логической последовательности.

Если все встали в строй, и кто-нибудь не пришел, его место остается свободным. После переключки спрашивается: где такой-то?

– Там-то.

– Сомкнись!

И строй смыкается.

Таких приемов, увлекающих мальчиков и девочек, можно рекомендовать много.

Возьмите школы, где сейчас готовят артиллеристов. Положение там улучшилось не только потому, что туда пришли военные и надели формы, но там ввели вежливость. Этот вытянутый позвоночный столб ввел известную культуру. Управлять своим позвоночным столбом – это прекрасный способ торможения.

У меня в коммуне не разрешалось сходить с лестницы, держась за перила, и никому в голову не приходило держаться за перила. Это не только правило красивого движения, но [и] правило свободного управления позво-

ночным столбом. Никакой коммунар не мог опираться о стенку, и здесь было не только оберегание стенки, но и гимнастика. Если представить себе в таком разрезе часового, то это красиво, а если представить часового, который не может прижать к себе винтовку, то незачем его ставить.

Здесь должна быть красота, шик.

Насчет педагогического коллектива. Я не считаю, что я обошел педагогов в своей книге, что я только писал о себе. Если посмотреть те места, где изображены мои личные действия, то их очень немного, но, поскольку я наблюдал, я становился в центре, как первое лицо, как лицо описывающее.

Но я считал, что я говорю от имени всего педагогического коллектива, и описывал отдельные моменты и отдельных педагогов, так как мы все работали вместе.

Я не представляю себе вообще хорошей работы, если нет единого педагогического коллектива, идущего за одним своим главой, верящего ему. Как вам будет угодно, но я думаю так.

За 16 лет я не имел у себя в штате заведующего учебной частью²⁴. Я считаю, что нельзя делить центр в детском учреждении. Здесь должен быть единый центр для педагогов и детей, и все дети и педагоги должны идти за главой коллектива по чувству веры, дружбы, по единству взглядов.

Если хоть один педагог не разделяет взглядов руководителя коллектива, он должен уйти по чести, по совести. Это ни для кого не обидно. Более молодой педагог будет сначала по дружбе идти за руководителем коллектива, а потом сам будет руководить другим учреждением. Я не допускал никакого разнобоя между собой и педагогами. Мы действовали единым фронтом.

У меня работал Татарин²⁵, талантливый учитель, но очень мягкий, [как] воск, который не мог иначе разговаривать, как: «дівчатка», «хлоп'ятка». Я не мог добиться от него жесткого тона.

Когда я уезжал, он становился на капитанский мостик и получал право наказать. Когда я приезжал, я спрашивал: ну, как, ребята, у вас хорошо?

– Ничего, хорошо, но только вы так кричите: черт вас побери, – а он тихо: черт вас побери, ребята, но хоть и тихо говорит, а все-таки страшно становится.

Может быть различие между характерами, манерами, темпераментами, но я на этом не останавливался только потому, что мы действовали совершенно одинаково. Это необходимое условие, и я очень боюсь, когда у нас в школах есть директор и завуч, который не только заведует программой, но и воспитательной частью.

Я не могу понять: как можно разделить такой важный единый процесс между двумя лицами. В моей колонии никто не мог накладывать наказание, кроме меня одного, и не потому, что я такой мастер, но тут особая политика.

Разрешите перейти к ответам на вопросы.

1. Я написал в «Правде» статью о наказаниях²⁶. Но там мне предложили переделать, и в результате статья получила такой вид: наказывайте, а по-

том: не наказывайте, давайте выговор и т.д. Я не знаю, что можно применять в школе.

Если бы я получил школу²⁷, я на другой день применил бы наказание, но это не значит, что это такой уже важный участок работы.

Вы обязаны наказывать детей, вы не имеете права не наказывать, если это нужно. Вы не должны считать наказание хуже другого метода, не должны никого прощать. Если вы так будете поступать, вам не придется никого наказывать. Тут есть диалектика. Я у себя такой диалектики придерживался, а это было хорошо известно не только моим коммунарам, но и всем беспризорным УССР. Они хорошо меня знали в лицо, и я их знал, по моей прежней работе. И они знали, что если попадешься, то без наказания не обойдешься. Наказание не было экстраординарным случаем, а было обычным делом.

При этом надо наказывать не самых плохих, а самых хороших. Надо наказывать не того, кто не понял, что делает. Что его наказывать? Надо наказывать того, кто знает, что нельзя этого делать, и делает.

Я приехал в Ленинград и выступил на одном большом собрании учителей в Доме учителя²⁸. Там один педагог говорит: что-то не так у Макаренко. Уж слишком у него все благополучно. Не может быть так в действительности. У вас были дефективные дети, как это у вас было так хорошо?

Вдруг слово берет Вася Ключник. Откуда, думаю, взялся мой коммунар? Оказывается, он кончает Военную академию механизации и моторизации, уже инженер, приехал на практику.

Он выходит и спрашивает: какие это дефективные, кто это у нас был дефективным? Откуда вы взяли, что я был дефективным? Я, правда, восемь лет был на улице, но ни на улице, ни в колонии я не был дефективным.

А другой педагог говорит: раз все-таки у вас были наказания, значит, не все благополучно.

Опять Вася Ключник выступает: откуда вы это взяли? Я три года командовал первым комсомольским взводом и не вылезал из-под ареста. Кто чего не сделал, не выполнит наряда и т.п. – меня моментально под арест, как командира взвода. Я из-под ареста не выходил.

А между тем, Вася Ключник был мой личный друг. Я доверял ему многое из своей личной жизни. Он был у меня в гостях, и сейчас, когда бывает в Москве, всегда приходит ко мне.

И этому моему личному другу я не прощал ничего. И все это знали. Этот закон я применял настойчиво.

От всех комсомольцев я требовал идеального поведения. Ни одного проступка не оставлял без наказания, а новеньких не наказывал. И новенькие тянулись, мечтали о том, когда они достигнут такого совершенства, чтобы их тоже наказывали, а признаком такого совершенства было получение звания коммунара. Это звание получали через 4-5 месяцев, получали его очень торжественно, на собрании, при этом получали значок «ФД», вышитый зеленым цветом²⁹. Его могли носить только коммунары.

Я по закону коммуны мог оставлять коммунара без отпуска, без денег и т.д., но я старался этого не делать.

Коммунары имели некоторые привилегии. Им должны были верить на слово. Если коммунар говорил: я даю слово – то проверять его было неудобно и неприлично.

Вторая привилегия коммунаров заключалась в том, что их можно было наказывать только арестом и больше никак. Простого воспитанника я не мог арестовать.

В самых тяжелых случаях наказание накладывало общее собрание. Здесь самым [важным] было осуждение проступка. Я не знаю, насколько это возможно в школах. Там вообще общие собрания не практикуются, а у нас общие собрания бывали через день.

Общее собрание могло вынести выговор перед строем и даже занести на черную доску. У нас висела черная доска. Это было в лучших случаях, а то могли наказывать, оставляя без отпуска, отправляя под арест и т.д. Но часто наказывать не приходилось.

2. Вы пишете книгу о чудаках и дураках. Скоро ли она выйдет?

Я эту книгу заканчиваю, и скоро она выйдет из печати³⁰. Это тоже педагогическая книга. Я считаю, что и те и другие люди хорошие, но надо уметь их направлять на правильный путь.

3. Находились ли все три категории [дзержинцев] вместе?³¹

Да.

4. Как бороться с ребенком, который лжет?

Коллектив реагировал на ложь так, что лгать становилось невозможно. Коммунар требовал, чтобы ему верили на слово. Что бы вы ни сказали, вам обязаны были верить. Значит, лгать было нельзя. К этому вела вся инструментовка хорошего коллектива.

5. Будут ли существовать дальше коммуны?

Сейчас все коммуны свертывают, так как беспризорных стало меньше. Мои коммунары почти все вышли из коммуны. Они вышли главным образом в вузы, человек 70 в летчики. Многие коммунары в разных частях Красной Армии.

Более молодые тоже постепенно выходят, и коммуны свертываются, поскольку в них сейчас нет такой нужды.

6. Расскажите о случае риска с вами, о попытке самоубийства.

Я рассказываю об этом в своей книге. Это был не риск, а это было отчаяние. Я был тогда плохим мастером.

7. Вы говорите, что приказание не должно повторяться, но как быть, если приказание не выполняется?

Записка без подписи, вероятно, кто-нибудь из молодежи.

Это вопрос диалектический. Я не представляю себе, чтобы в хорошем коллективе, с хорошей дисциплиной не выполнялись приказания. А если это случится, то ведь это же мировой скандал. Вы должны немедленно трубить общее собрание, доводить дело до крайнего скандала. Мне этого не приходилось делать. Я мог отдавать приказания буквально не оглядываясь, и никто не мог себе представить, что оно не выполняется.

Другое дело, что иногда мог быть не выполнен бумажный приказ по ошибке, по недоразумению, но всегда такие вещи разбирались на общем собрании.

Я сторонник доводить всякий случай до абсурда, если он к нему направляется. Я не позволю никому опоздать к завтраку или опоздать на работу. Если у меня запоздал завтрак по чьей-либо вине, то я не позволю всем сидеть за завтраком и опаздывать на работу. Дается сигнал – уходи из-за стола. Если ты опоздал – твоя вина, если опоздал завтрак – давайте позднее сигнал на работу, позднее с работы и т.д. И тогда я «грею» всех.

Если получился скандал, надо доводить дело до конца и всех «греть».

8. Не думаете ли вы писать научную работу?

Писать научную работу страшно, пока еще не думаю.

Вот, товарищи, все вопросы.

(Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разрешите на этом нашу работу окончить.

(Конец.)

КОММЕНТАРИЙ

РГАЛИ, 332-4-180, лл.1-45.

Стенографический отчет. Машинописный экземпляр из наследия педагога-писателя. Подлинник, напечатанный под копирку. Титульный лист документа: «Заказ № 10/208. Научно-практический институт. Стенограмма доклада тов. Макаренко и прений по докладу. От 20 октября 1938 г. [Вставка (рукой Г.С. Макаренко ?): /О коллективе и дисциплине/]. Моск. Бюро Съездовых стенографов». Объем: 85 нумерованных страниц, текст на которых расположен с двух сторон. Тексту предшествует список выступающих лиц («Оглавление»). Прения по докладу публикуются впервые.

Публ. доклада и заключительного слова в сокращенном виде под заголовком «Стенограмма доклада А.С. Макаренко в Научно-практическом институте специальных школ и детских домов НКП РСФСР 20 октября 1938 г.»: Бюллетень Научно-пед. ин-та, № 2-3, 1941 (выпуск был посвящен памяти педагога-писателя в связи с двухлетием со дня его смерти), с.6-31; название всех следующих изданий «О моем опыте» – ИПП, с.192-210; ИПС 4, с.137-60; С 5 (1951), с.248-72; С 5 (1958), с.251-76. В этих публикациях по сокращенной маш. копии из РГАЛИ 332-

4-180, лл.46-79, «с правкой и примечаниями Г.С. Макаренко» текст лекции (без ссылки на источник) в той или иной мере сокращен и изменен. Почти полный вариант заключительного слова в: Тип, с.76-86, 241, а также в рамках переиздания макаренковского выступления и заключительного слова – по источнику из РГАЛИ, 322-4-180 – в: ПС 4, с.248-66, 390, и ПС 8, с.179-87, 242.

¹ Данюшевский И.И. (1890-1950), педагог, один из основоположников дефектологии в СССР. Организатор и первый директор (1930-43 гг.) Экспериментального дефектологич. ин-та (с 1935 г. Научно-практич. ин-т спец. школ и дет. домов, на базе которого в 1944 г. создан НИИ дефектологии АПН РСФСР). См.: РПЭ 1, с.246.

² «Мне пришлось в 1933 году выделить около 100 коммунаров на очень тяжелую, трудную, нервную, специальную работу по поручению правительства Украины, когда мои коммунары работали в течение нескольких месяцев в труднейших условиях вне коммуны». Эта «специальная работа» была связана с подготовкой визита французского политического деятеля Э. Эррио в СССР (август 1933 г.; см. док. № 13, прим.4). Коммунары-дзержинцы помогли НКВД УССР очищать от беспризорников улицы, по которым планировался маршрут гостя (Одесса – Киев – Харьков). Приведенное здесь высказывание докладчика – это единственное, хотя косвенное и затемненное признание Макаренко о катастрофических последствиях голода на Украине. О том, как коммунары реагировали на данное поручение, есть воспоминания коммунаров, а также педагогов «Дзержинки».

³ «Говорили, что не стоит держать денежный ящик в кабинете. Лучшие его поставить там, где стоит часовой. А что может сделать 13-летний мальчик с винтовкой в руках, об этом не рассуждали». ПС 4, с.391, пр.5: «Вестибюль, где дежурил коммунар, находился вблизи от спален».

⁴ «Воспитателей у нас в коммуне уже не было. Я всех их снял еще в 1929 году. Они просто перешли в школу как учителя, а от воспитателей мы отказались». Должности воспитателей в коммуне им. Дзержинского были ликвидированы не в 1929, а в 1930 г. См. док. № 2, прим.33.

⁵ «Когда Эррио был у нас [...]». См. прим.2.

⁶ «Года два назад в одном педагогическом журнале, в вашем московском журнале, я был тогда еще на Украине, была напечатана консультация». См. док. № 3, прим.8.

⁷ «В Ленинграде, когда я говорил о риске, я получил такую записку: „Вы говорите о риске, а у нас в школе был такой случай: мальчику поставили плохой балл, а он повесился. Так вот, по вашему, нужно допустить необходимые издержки?“». См. док. № 15.

⁸ «Он пишет: я, старший лейтенант такой-то, отличился в боях у озера Хасан [...]» – см. док. № 15, прим.24.

⁹ Куфаев В.И. (1893-19..?). Дефектолог, специалист в области ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей; в 1930-х годах проф. педагогики Экспериментального дефектологич. ин-та (Научно-практич. ин-та спецшкол и детдомов НКП РСФСР). Автор книг: «Юные правонарушители» (М., 1924), «Борьба с правонарушениями несовершеннолетних» (М., 1924), «Систематический указатель русской педагогической и юридической литературы о социально-правовой охране несовершеннолетних, детской беспризорности, детских правонарушениях и мерах борьбы с детской беспризорностью за время с 1913 г. по март 1925 г.» (М., 1925), «Педагогические меры борьбы с правонарушениями несовершеннолетних» (М., 1927), «Школа-коммуна имени Ф.Э. Дзержинского. Из опыта работы» (М., 1938) и др.

¹⁰ Об отрицательной рецензии Н.П. Стороженко на «КдР» см. док. № 11, прим.6.

¹¹ Синенький – персонаж «ПП».

¹² В.С. Имеется в виду Куфаев Василий Исидорович (как видно из его выступления).

¹³ «[...] украшенная комплексным методом [...]». См. док. № 7, прим.6.

¹⁴ В действительности речь идет о ГПУ УССР.

¹⁵ Мясницкая – одна из улиц в центре Москвы.

¹⁶ «[...] спешите видеть выставку Левитана [...]». Речь идет об известном русском живописце-передвижнике И.И. Левитане (1860-1900).

¹⁷ «Каждый день мы имели во всех театрах 31 место». Речь идет о театрах г. Харькова.

¹⁸ «Я провел 8 походов». В действительности было четыре похода и два лагеря (см. док. № 10., прим.8).

¹⁹ «Мы должны были совершить экскурсию на Кавказ, причем должны были пройти пешком по Военно-Грузинской дороге». См. ТиП, с.342, пр.9: «Описание летнего похода коммуны в 1931 г. по маршруту Владикавказ – Баку – Тифлис – Батум – Сочи – Одесса».

²⁰ «Работая 4 часа в день на производстве, воспитанники коммуны им. Дзержинского окупали учителей, театры, походы, костюмы, свое содержание и еще дали чистой прибыли государству 5 миллионов рублей». О «чистой прибыли» от производства «Дзержинки» см. док. № 2, прим.29.

²¹ «Никаких налогов государству мы не платили». Постановлением Президиума ВУЦИКа от 25.07.1928 г. предприятия детской трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского были освобождены от республиканских и местных налогов и сборов (РГАЛИ, 332-4-369, лл.17-18).

²² «Я окончил высшее начальное училище». См. док. № 12, прим.17.

²³ «Недавно я нашел в 16-м томе сочинений Энгельса указание на то, что Энгельс требует военизации средней школы». См. док. № 7, прим.12.

²⁴ «За 16 лет я не имел у себя в штате заведующего учебной частью». Как видно из постановления СНК УССР «Типовые штаты опытных детских учреждений Народного Комиссариата Просвещения по Отделу Социального воспитания», опубликованного в «Собрании узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Украины» (1924, № 26-27, с.544-51, здесь: с.544), «Труд. Колония в Полтаве на 120 чел.» (как и другие соответствующие учреждения с большим числом воспитанников) кроме заведующего (Макаренко) должна была иметь и должность «пом. заведующ.»». Учебная часть при этом вообще не выделяется.

²⁵ Татаринов Т.Д. См. док. № 15, прим.25.

²⁶ «Я написал в „Правде“ статью о наказаниях». ТиП, с.243, пр.21: «Говорится о статье „Проблема воспитания в советской школе“, опубликованной в порядке обсуждения в „Правде“ 23 марта 1938 г.».

²⁷ «Если бы я получил школу [...]». См. док. № 15, прим.22.

²⁸ «Я приехал в Ленинград и выступил на одном большом собрании учителей в Доме учителя». См. док. № 15.

²⁹ «[...] получение звания коммунара. Это звание получали через 4-5 месяцев, получали его очень торжественно, на собраниях, при этом получали значок „ФД“, вышитый зеленым цветом». ТиП, с.243, пр.26: «Говорится, вероятно, о нарукавном значке коммунара, который нашивался на парадную форму, имел форму ромба с монограммой».

³⁰ «Я эту книгу (о чудаках и дураках) заканчиваю, и скоро она выйдет из печати». Это типичное макаренковское преувеличение. Рукопись такой книги, не считая отдельных записей, в наследии педагога-писателя не сохранилась.

³¹ «Находились ли все три категории (дзержинцев) вместе?». См. ТиП, с.244, пр.29: «Говорится, по-видимому, о дифференцированном членстве в коллективе дзержинцев: воспитанники, коммунары и коммунары-дзержинцы».

18. ВСТРЕЧА С УЧИТЕЛЯМИ ФРУНЗЕНСКОГО РАЙОНА г. МОСКВЫ (08.02.1939 г.)

Мои воспитанники, когда кто-нибудь при них начинал оправдываться, обычно говорили: оправдываться будешь в районе, а сейчас говори дело. Но я все-таки начну с оправданий.

Я боюсь, товарищи, что вы не получите от нашей сегодняшней беседы того, на что вы рассчитываете.

Руководство «Дома Учителя» поставило мой доклад на тему: «Воспитание детей в семье и школе». Это тема такая огромная, что о ней можно говорить не один вечер, и, пожалуй, всего не скажешь. За один вечер мы сможем коснуться только кое-каких узловых вопросов, главных вопросов. А вот в главном-то я, может быть, и не специалист. Вы спросите, почему? Да вот вы сами увидите. Я расскажу вам коротко о себе.

Я учитель. Учитель с 17 лет. Первые 16 лет я работал в нормальной школе, в заводской школе¹. Я сын рабочего и учительствовал на том [же] заводе, где работал отец. Проработал 16 лет. Это было еще при старом режиме, в старой школе.

Я никогда не считал себя педагогическим талантом и теперь не считаю. Говорю это совершенно серьезно. И я докажу вам это потом.

Первые 16 лет моей педагогической работы я в таких решающих, труднейших вопросах, как связь семьи со школой, плавал, хотя находился в более благоприятных условиях, чем многие из вас.

Почему? Да потому, что я был учителем, а потом заведующим заводской школой, которая и объединяла детей рабочих одного завода, одного рабочего поселка. И я сам был членом рабочего коллектива, членом рабочей семьи. И мои ученики, и мои родители представляли собой единое небольшое рабочее общество одного завода, более или менее отрезанное от остального мира.

Следовательно, возможности у меня были очень большие. У вас в Москве этих возможностей, пожалуй, меньше, так как вы объединяете детей по признаку их территориального размещения. Их родители не связаны в единый рабочий коллектив. Вы имеете, может быть, меньше возможностей подойти к семье, чем я. Но зато у вас такое прекрасное условие, как Советская власть. У меня этого условия не было. В то время была старая самодержавная Россия.

После революции судьба отдалила меня от семьи. 16 лет я работал с ребятами, не имеющими родителей, не имеющими семьи. С родителями я почти и не встречался.

Правда, за последние годы (я скажу потом, как это случилось) я опять приблизился к семье, но все-таки моя основная работа при Советской власти – это работа в учреждениях, в которых жили воспитанники, принципиально не признающие семьи.

И если у нас появлялся ребенок, у которого где-то далеко на горизонте были папа и мама, то к такому ребенку относились несколько свысока: ты, дескать, плебейского происхождения, а мы настоящие аристократы улицы. (Смех.)

Если же папа и мама располагались настолько близко, что иногда заезжали в коммуны, то их встречали очень нелюбезно и говорили: что вы сюда ездите? Что вам здесь нужно? Мы без вас управляемся хорошо, и ваш сын без вас тоже прекрасно управится, и нечего вам здесь делать. (Смех.)

Были случаи и более трагические. У меня был один замечательный случай. Произошел он в интересной обстановке. По поручению какой-то кинематографической организации приехал ко мне кинооператор заснять коммуну им. Дзержинского в Харькове. Юркий старичок, из тех, которые все умеют видеть, все умеют найти, очень разбитной, очень расторопный.

Он пришел в восторг от коммуны. Все ему нравилось. И вот в тот момент, когда я с ним в кабинете о чем-то договаривался, совершенно неожиданно вваливается товарищ довольно культурного вида, но видно, что человек только что из вагона, очень запыленный, и говорит:

– Я приехал из Мелитополя. Я получил сведения о том, что у вас живет мой сын Вася Столяров.

– Да, есть такой.

– Так вот, я его отец. Он убежал из дому, я его полгода искал, теперь узнал, что он у вас, приехал за ним.

Человек волнуется, голос у него дрожит.

– Ну что ж, пожалуйста, позовите Васю.

Прибыл Вася. Мальчику лет четырнадцать. Мальчуган полгода пробыл в коммуне. В форме, подтянутый, умеет стоять, смотреть, все как полагается. Пришел, встал, спрашивает:

– Вы меня звали?

– Да, приехал твой отец.

– Отец?

Ну, уж здесь все формы исчезли: бросились друг к другу в объятия, целуются, любовь необычайная: отец любит сына, сын любит отца и т.д.

Кончились объятия и поцелуи. Мальчик привел себя в порядок. Отец говорит:

– Так вы его отпустите со мной?

– Пожалуйста, решает сын. Как он захочет, так и будет. Захочет ехать с вами, пусть едет.

И вот этот самый мальчуган, который только что плакал от радости, покраснел, смотрит на меня, качает головой и говорит:

– Не поеду.

– Почему, ведь это же твой отец?

– Все равно, не поеду.

Отец побледнел.

– Как не поедешь?

– Не поеду.

– Почему?

– Не поеду – и все.

– Почему ты не хочешь ехать, это же твой отец?

– Не хочу никаких отцов, не поеду.

Отец начал горячиться:

– Хочешь, не хочешь, а я тебя возьму.

Здесь мои командиры вступились:

– Ша, здесь вы никого не можете взять, он коммунары-дзержинец; можете ему поклониться, захочет – поедет, не захочет – не поедет.

Отец упал в кресло. Истерика. Заволновались. Успокаивали его, успокаивали, водой поили. Успокоился он немного, говорит:

– Позовите Васю.

– Нет, теперь не позову.

– Да ведь только попрощаться.

Посылаю своего связиста:

– Спросите, хочет Вася попрощаться с отцом?

Пришел Вася. Опять начали плакать, обниматься, целоваться. Когда все кончилось, Вася спрашивает:

– Мне можно идти?

– Пожалуйста, иди.

Он ушел, а я с отцом еще часа два сидел, смотрел на него. Он сидел в кресле, вздыхал, плакал, успокаивался, опять плакал. Так и уехал без Васи.

Так вот, товарищи, я встречался с отцом только в такой обстановке.

Но «драматичнее» всего было в этой истории то, что мой кинооператор пришел от этой сцены в дикий восторг и, совершенно не способный к переживаниям, но все же заснял своим аппаратом, пока здесь отец с сыном плакали, целовались, обнимались, ухитрился все заснять и был страшно доволен:

– Нашему брату оператору, на такой случай раз в жизни удастся нарваться.

Вообще, товарищи, с родителями мне редко приходилось встречаться. Но за последние годы 1932, 193[3]-1935-й, когда коммуна наша выросла, когда коммуна начала выпускать фотоаппараты «Лейки»², стала богатой, перешла на полный хозрасчет и могла давать государству свою продукцию, многие родители начали обращаться к нам с просьбой принять их детей³.

Мы не были принципиальными сторонниками родителей. Но как мы [ни] вертели, пришлось все-таки уступить. Начали принимать детей, имеющих семьи, по просьбе родителей.

Обращались к нам очень многие со всего Союза, но принимали мы только в крайнем случае, т.е. когда ребенок был настолько великолепным экземпляром с нашей точки зрения, что мы нуждались в его обществе. (Смех.)

Детей хороших, послушных мы, конечно, принципиально не принимали. (Смех.) Нам нужны были такие, которые обокрали родителей, избивали

мать, называли ее всякими черными словами, вообще дети с «сильным» характером.

Но мы поставили перед собой одну задачу, одно ограничительное условие – дураков не принимать. Мы все хорошо знали, что дурак – это на всю жизнь дурак, и нам с дураками возиться не хотелось.

Но как узнаешь: дурак или не дурак? Товарищи педагоги будут [на] меня в обиде, они скажут, что я отрицаю педагогическую науку. Есть всяческие способы узнать – насколько человек глуп. Но я практиковал такой способ.

Соберешь, бывало, совет командиров – 28 чел. Командиры что надо: и Одессу, и Закавказье, и Восточную Сибирь, и Ленинград, и Москву, и Вятку прошли, во всех поездах ездили, во всех ящиках спали.

Так вот соберешь таких 28 командиров и говоришь:

– Привели мальчугана, посмотрите – брать или не брать.

И ведь знаете, товарищи, не было случая, чтобы кто-нибудь один сказал – не брать, а другой бы сказал – годится. Посмотрят полминуты, и кто-нибудь самый инициативный скажет:

– Нет, Антон Семенович, он нам не подходит.

– Ну, а остальные так?

– Да чего там, Гришка правильно сказал.

– Ну, мальчики, можно идти.

– Почему не берете?

– Да куда ж он годится, он же дурак.

Я считал себя, хвастливо считал, великим специалистом по перековке всякого рода правонарушителей. Я и думал: что такое ребенок, имеющий семью, разве трудно его перевоспитать, ведь это же легко. А как посмотрел я на этих ребятишек, имеющих родителей, так и увидел: куда наши правонарушители годятся.

Убийца, развратник, вор, самый отчаянный «путешественник» по сравнению с ребенком, имеющим папу и маму, просто агнец кроткий.

Дети, имеющие семью, большей частью были из хороших семей и очень балованные. Были такие, которые говорили:

– У моего папы «Бьюик», у моего папы «Линкольн»⁴.

Были такие, которые привыкли ездить только в международных вагонах. И вот эти были самыми трудными.

Беспризорный только на меня рассчитывал, на меня одного смотрел: человек дает мне путевку в жизнь. И хоть я иногда давал ему путевку в жизнь грубо, но он знал, что все-таки это путевка в жизнь.

Ну, а этот ребенок как смотрел на меня?

Что вы со мной так разговариваете, вы знаете, кто мой папа? Вы знаете, кто моя мама?

А в случае чего «смывался» и шел домой.

Так что дети, имеющие семью, нисколько не легче и не проще беспризорных.

Здесь я хочу заострить вопрос о семье и семейном воспитании. В 1935 г. мне поручили ликвидировать беспризорность и безнадзорность на Украине⁵. И вот здесь на практике я узнал, как работает семья и почему семья поставляет нам малолетних правонарушителей, беспризорных.

Мне пришлось бывать во многих семьях, пришлось познакомиться со многими родителями, пришлось помогать им в тех или иных случаях, когда они в этой помощи нуждались. Только в это время я ближе подошел к семье, главным образом к той семье, где неудачные дети.

Под влиянием этих своих впечатлений и своей работы я и решил написать свою «Книгу для родителей».

«Книга для родителей» задумана в четырех томах, поэтому в первый том вошло не все. Первый том посвящается вопросам семьи как коллектива. Все остальные вопросы, выходящие из этого круга, не могли [в него] войти.

Я хотел в первом томе показать, что для успешного воспитания ребенка семья должна быть, прежде всего, советским коллективом. В тех случаях, когда этот коллектив дает трещину по разным причинам: либо по причине раздора между родителями, либо по причине ухода одного из родителей, либо по такой причине, как отсутствие режима, отсутствие родительского авторитета, и даже по такой, как будто бы ничтожной причине, как единственный ребенок в семье, – условия воспитания становятся более тяжелыми, так как коллектив теряет признаки коллектива. Семья в некоторой своей части перестает как будто быть коллективом.

Только этот вопрос я и сумел разобрать в первом томе.

Второй том сейчас закончен и сдан в печать⁶. Во втором томе говорится о политико-моральном воспитании ребенка в семье и, конечно, в школе, поскольку семью от школы отделять нельзя⁷.

Третий том, который я сейчас пишу, будет говорить о трудовом воспитании и о выборе профессии.

И наконец, четвертый том посвящается важнейшему вопросу, к сожалению, до сих пор не поднятому в педагогике, вопросу о том, как воспитать человека, чтобы он был не только прекрасным работником, не только хорошим гражданином, но чтобы он был еще счастливым человеком. (*Аплодисменты.*)

Не подумайте, пожалуйста, что я хочу научить человека быть счастливым. Научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастливым, можно.

Это самый трудный вопрос, трудный потому, что над этим вопросом все родители думают. Каждый родитель хочет, чтобы его ребенок был счастливым. Это цель родительской жизни. Для этой цели родители готовы отказаться от собственного счастья, готовы пожертвовать собственным счастьем, лишь бы сын или дочь были счастливы. Очень трудно найти таких родителей, которые не думали бы об этом и не хотели бы этого. А если мы таких находим, так мы их осуждаем.

Вопрос, товарищи, как видите, важный, и вопрос очень трудный, потому что никогда еще не решено практически, от каких качеств характера, от каких привычек, традиций, развития, убеждений зависит счастье и что такое счастье.

Было бы, конечно, лучше, если бы были написаны все четыре тома «Книги для родителей» и все сразу выпущены. Тогда, пожалуйста, ругайте сколько хотите, дело уже сделано. Я, может быть, по ошибке выпустил сначала первый том, и меня многие упрекали в том, что я не сказал о том-то, не сказал о том-то. Конечно, не сказал, раз у меня в плане еще три тома.

Я коротко рассказал вам, товарищи, о себе, о своей работе в прошлом и о своей будущей работе. Это, так сказать, маленькое вступление. А сейчас переходим к основному вопросу: об отношениях к семье и школе.

Уместно поставить такого рода вопрос: кто воспитывает – семья или школа? И очень соблазнительно ответить коротко: и семья, и школа. Так обычно и отвечают.

В таком случае нужно несколько изменить вопрос: кто должен быть ведущим началом, семья или школа? Я сейчас этим вопросом очень занят. Я был во многих семьях, во многих школах. Ко мне приходит много людей, большей частью со всякими «несчастливыми» случаями. И вот видишь, что единого взгляда на этот вопрос нет. Причем оригинально вот что.

Я почти не слышал, чтобы родители говорили: «Мы должны воспитывать, зачем школа мешает?» И я не слышал, чтобы педагог сказал: «Школа должна воспитывать, зачем семья мешает?»

Обычно говорили так: «Мы – школа, а вы, родители, должны воспитывать детей, почему вы не воспитываете?» Родители же говорят обратное: «Мы отдали детей в школу, пускай школа и воспитывает их, почему она не воспитывает?»

Получается так, что желания захватить власть в свои руки в деле воспитания детей нет ни у семьи, ни у школы. Наоборот, каждый компонент этой пары старается свалить всю тяжесть воспитания на другого.

Это на словах. А на деле получается даже так. Допустим, ученик плохо учится. Учитель вызывает мать или отца (правда, не каждый учитель так делает, но есть такие) и говорит:

- Ваш сын плохо учится, примите меры.
- Есть, принять меры. (*Смех.*)

Это значит, что педагог думает: в моем распоряжении мало средств воспитания, а вот в распоряжении семьи этих средств больше. Отец или мать пустят в дело эти более сильные средства, и мальчик станет воспитанным, по крайней мере станет учиться.

Отдельные педагоги считают, что семья – это более мощный воспитательный фактор, что семья может сделать больше, чем они.

Я не стану разрешать этот вопрос в ту или иную сторону, не буду говорить отдельно о педагоге и отдельно о семье. Я являюсь сторонником иной точки зрения.

Здесь мне приходится коснуться моих педагогических убеждений, которые очень часто считались ересью, но на которых я тем не менее настаиваю.

Я считаю, что делать ставку на отдельного обособленного учителя, хотя бы даже он был классным руководителем, нельзя. Почему? Потому что это ставка на талант, на способности.

Если мы думаем о воспитании десятков миллионов наших детей – юношей и девушек, то давайте, как и всякие производственники, поинтересуемся: а какая же норма брака допускается?

Ведь на каждом производстве существует определенная норма брака, на некоторых производствах норма брака 0,5%, на некоторых 1%, на некоторых – 2%. Есть такие производства, например производство оптического стекла, где допускается до 50% брака.

А вот в нашем производстве какая норма брака? Думали мы об этом когда-нибудь? Из 30 миллионов детей сколько можно забраковать, т.е. воспитать плохо? Давайте об этом подумаем.

Начнем с простой арифметической задачи. Если найдется человек, который скажет, что допустим брак в 10%, то такого человека мы назовем врагом народа, потому что 10% от 30 миллионов – это 3 миллиона ребят.

А что значит 3 миллиона ребят забракovaných? Это 3 миллиона воспитанных вредителей, это значит 3 миллиона шкурников, это значит 3 миллиона преступников, это значит 3 миллиона каких-то отклонений от нашей советской моральной нормы.

Поэтому я говорю: никакого брака, ни одного процента. Кто может мне возразить? Кто может сказать, что допускается какой-то, хотя бы самый ничтожный брак в деле воспитания детей?

Я категорически утверждаю и всю жизнь говорю: ни одного процента брака, ни одной загубленной жизни.

Давайте же, товарищи, примем за норму – ни одного процента брака в воспитательной работе.

Если мы делаем ставку на отдельного учителя – это значит, что мы не только допускаем 1, 2, 10%, – словом энное количество брака, но это значит, что мы вообще снимаем этот вопрос с очереди: сколько выйдет брака, столько и выйдет – в зависимости от того, насколько способен и трудолюбив учитель.

А сколько у нас малоопытных, неумелых, неталантливых учителей. Следовательно, мы все эти дела отдаем случаю – как выйдет.

Допустим, что из миллионной армии учителей у нас сто плохих воспитателей. Что же, мы можем, значит, спокойно сказать, что от этих ста [что эти сто. – Г.Х.] плохих воспитателей дадут брак? Ничего подобного. Так ставить вопрос нельзя.

Нельзя ставить вопрос о воспитании в зависимость от качества или таланта отдельно взятого учителя. Если мы будем говорить о всесоюзных масштабах, если мы будем думать о воспитании целого поколения, так мы не одиночки-учителя, а представители единой учительской армии, единого педагогического советского общества, ни в коем случае не имеем права сваливать все на одного учителя.

Так, по крайней мере, говорит моя логика, логика гражданина, который хочет отвечать за работу. Так говорит и мой опыт.

Я тоже когда-то начинал с убеждения, что отдельный учитель – это все, и что именно он должен воспитывать. Я тоже представлял себе воспитание как какой-то парный процесс, как писали в старых педагогических книгах:

учитель, учитель, учитель, ребенок, ребенок, ребенок – и все это в единственном числе. Так и представлял себе: я – учитель, ты – ребенок, мы – один на один, и я тебя воспитываю.

Сейчас я настаиваю на том, что правильной воспитательной организацией, руководящей воспитательной организацией по отношению к отдельному учителю, и по отношению к отдельному ученику, и по отношению к семье должна быть школа как нечто целое, как единый школьный коллектив.

Как только мы поставим такой тезис, так на нас наваливается бесчисленное множество вопросов методики школьного воспитания. Едва ли мы во всех этих вопросах сумеем разобраться. Во всяком случае, наметим эти вопросы.

Первый вопрос – вопрос о педагогическом коллективе.

Второй вопрос – о детском коллективе, руководимом педагогическим коллективом.

И третий вопрос – педагогический коллектив и семья.

Какой вопрос из этих трех ни возьмите, он разбивается в свою очередь на множество отдельных вопросов. Если мы просидим с вами двадцать вечеров, хватит о чем поговорить.

Возьмем вопрос о педагогическом коллективе. Я в своей практике этот вопрос разработал до конца. И не в теории, а на опыте. Я много мучился, много ошибался, много путал, много пробовал, много сомневался и страдал от этих сомнений, но в конце концов пришел к определенной форме педагогического коллектива.

И я говорю вам (вы и без меня это знаете): там, где нет коллектива в полном смысле этого слова, там, где нет полного единства всех педагогов школы между собой, там, где нет помощи друг другу и большой требовательности друг к другу, там, где нет умения говорить своему товарищу неприятные вещи и не обижаться, если тебе говорят неприятные вещи, там, где нет умения приказать товарищу (а это трудное умение) и подчиняться товарищу (а это еще более трудно), там нет и не может быть педагогического коллектива.

Тов. Молотов будет докладывать на партийном съезде о необходимости коммунистического воспитания, о том, что только на базе коммунистического воспитания может быть построен коммунизм⁸.

В связи с этим я и обращаюсь сейчас к учителям: а как они смотрят на это дело применительно к себе, нужно их перевоспитывать или не нужно?

Коммунистическое воспитание. Мы очень часто говорим эти слова и думаем, даже искренно думаем и искренно хотим воспитывать детей коммунистами. А давайте проверим на своем собственном поведении – воспитаны ли мы сами по-коммунистически? Не всегда.

У моих коммунаров-дзержинцев были очень интересные измерители: кто воспитан [по-]коммунистически и кто не воспитан. Эти измерители они сами придумали. Надо сказать, что они очень много этим делом занимались.

Воспитателей у нас не было. Были только учителя, были бригадиры, командиры и был я.

Однажды коммунары постановили: в трамвае нужно уступать место. Ты молодой человек, у тебя позвоночный столб в порядке, ты здоров, зачем тебе сидеть в трамвае? А вот в трамвай вошел человек, может быть он болен, может быть он устал, может быть это старик, может быть человеку просто отдохнуть хочется. Уступи ему место. Постановили уступать всегда и всем, не только старикам, но и всем, конечно кроме мальчиков и юношей. И стали действительно уступать место.

Это постановление общего собрания не нужно было проверять. Вообще постановления общих собраний проверять не приходилось. Каждый считал за честь уступить место в трамвае.

Через два месяца на общем собрании поднимается такого рода вопрос: некоторые из наших ребят уступают место в трамвае, но, вы понимаете, противно смотреть на них. Он место уступил и каждому в глаза смотрит: заметили или не заметили, что он место уступил. (Смех.) И решили постановить: нечего в глаза заглядывать. (Смех.) Постановили – уступать место так, чтобы никто не заметил, никто не видел. И я потом сам видел, как это делается. Еду я в трамвае, сидят два коммунара. Они меня не видят. В трамвай входит человек. Коммунар встает и уступает ему место, но делает это так, как будто бы он встал не для того, чтобы уступить место, а потому что ему нужно выйти из трамвая. Совершенно незаметно уступает место.

Вот это настоящее коммунистическое воспитание, когда человек ничего не ищет, когда он достигает высшей сознательности, когда он чувствует уважение к самому себе.

Коммунары говорили так: если ты можешь так поступать, значит ты человек сильный. Пускай завидует, кто хочет, это твоя сила, держи ее у себя и никому не показывай.

Или, например, такой пустяковый вопрос: где можно плевать?

Построили нам дворец. На каждом шагу плевательница. В каждом углу плевательницы, каждый видит, где можно плюнуть.

На общем собрании ребят говорят: зачем стоят плевательницы, что мы больны, что ли, – стоит плевательница. Здесь мимо нее [пройдешь], невольно плюнешь. Но, глядишь, попал не в плевательницу, а на пол или на стену.

И постановили: убрать плевательницы.

Приезжает новый врач.

– Что это у вас?

– А ты не плюй. А если тебе плюнуть хочется, так иди к доктору, значит ты больной, пусть он тебя лечит.

А иной раз смотришь, кто-нибудь взял да и плюнул на середину натертого паркета. Это уже протест. Возникает целый диспут: почему плюнул и почему не надо плевать.

Вопрос становится [ставится. – Г.Х.] так: что ты можешь не плевать на пол, когда на тебя смотрят – это не удивительно, а вот ты не плюй тогда, когда тебя никто не видит, когда никто не узнает, что ты такой герой, прошел по паркету и не плюнул. (Смех.) Если ты это сделаешь, вот всегда [тогда. – Г.Х.] ты будешь коммунистически воспитанным человеком.

В дальнейшем выкристаллизовалась такая идея: поступать правильно для себя самого, когда никто об этом не знает, когда тебя за это никто не похвалит, никто не поблагодарит. Это мы сделали основным принципом нашей работы под флагом: моя сила, и я ее уважаю, уважаю себя, я настолько силен, что не нуждаюсь в аплодисментах окружающих.

Как будто бы пустяковый принцип, но я не вижу его в некоторых педагогических коллективах. Мне приходится бывать во многих школах. Иногда говорят: вот отличница, классный руководитель, у нее класс лучше всех. Я знакоюсь и вижу, что эта отличница заглядывает всем в глаза: все ли видят, что она отличница, все [ли] наслаждаются этим, все ли ей завидуют? Она живет своим очарованием, которое она распространяет вокруг себя как отличница. Она всё время думает об этом.

На этой почве на каждом шагу мы сталкиваемся с такими фактами. Вдруг появляется новая отличница, которая может ее, что называется, заткнуть за пояс. Может быть такой случай? Может. И вот я вижу уже в разговоре между ними какие-то странно дамские нотки. Как будто бы ничего плохого не сказано, все очень вежливо, но какие-то шипы выглядывают из каждого подлежащего, из каждого сказуемого. (Смех.) Внешне же все благополучно, даже благоуханье чувствуется: ах, какая вы милая, ах, как у вас все хорошо выходит! Но чувствуешь, что не просто, не по-товарищески говорится, чувствуешь, что человека зависть гложет.

Пригласили меня однажды в одном районе на собрание учителей-отличников. Пригласили меня в качестве почетного гостя. Пришел я на это собрание. Вижу – сидят люди, пьют вино, едят пирожные, пьют чай, произносят тосты. Все очень хорошо, очень дружно. А когда немного повеселели, и со мной дружеские отношения начались. (Смех.) И говорят: какие они там отличники (смех), та с директором в хороших отношениях, а у той в школе своя компания, так они друг друга выдвигают, а эта всем ученикам ставила «отлично», «отлично» и «отлично». (Смех.)

Поговорил я с тем, с другим, с третьим. Думаю: куда же это я попал? Выходит так, что сплошные мошенники собрались.

Тогда я начал спрашивать:

– Скажите, а вот этот как?

– Ах, это скучнейший человек, серое существо, ничего не стоит, вытягивал свои «отлично», как лошадь работает.

– А вот такая-то?

– Да вы же видите, как она держится: и плечи и глаза в ход пускает. (Смех.)

Что это значит? Вероятно, люди немало поработали, чтобы заслужить звание отличников, и все-таки за углом где-то считают, что это неправильно, кто-то недоволен.

Если такие люди в школе имеются, так какой же может быть разговор о едином школьном коллективе?

Поэтому я считаю: та школа, где нет единого школьного коллектива, как правило, не может руководить воспитанием в школе и не может руководить семьей.

На что может рассчитывать такой школьный коллектив? Только на силы отдельных учителей. Есть учителя хорошие, опытные, работоспособные. Они что-то сделают. А если учителя молодые, которые только что пришли в школу, – они ничего не сделают. Есть учителя, которые не умеют делать, и им никто не показывает, никто их не научит.

Между тем нет такой специальности, которой нельзя было бы выучить человека. Говорят, что если зайца бить, то он будет спички зажигать. А человека и бить не нужно. Он может освоить любую специальность. А специальность учителя – быть воспитателем, педагогом.

Это очень легкое дело. Уверяю вас, воспитание человека чрезвычайно легкое, очень хорошее, прекрасное дело. Но при каких условиях? Об этом я скажу дальше.

Не нужно иметь педагогического таланта. Я сам не обладаю педагогическим талантом и пришел в педагогику случайно, без всякого на то призвания. Отец мой маляр. Он сказал мне: будешь учителем. Рассуждать не приходилось. И я стал учителем. И очень долгое время чувствовал, что у меня плохо идет, неважный я был учитель. И воспитатель был неважный.

Но я научился. Я сделался мастером своего дела. А мастером может сделаться каждый, если ему помогут и если он сам будет работать. И хорошим мастером можно сделаться только в хорошем педагогическом коллективе.

Это, товарищи, как в институте. Ведь никакой институт не выпускает инженеров, он дает только звание инженера, а настоящим инженером человек делается через 3-4 года работы на заводе, когда как следует проработает в хорошем заводском коллективе.

Точно так же и настоящим учителем-воспитателем можно стать после работы в хорошем педагогическом коллективе через несколько лет.

Хорошим учителем человек может быть в силу своего таланта. Чтобы быть хорошим воспитателем, не обязательно иметь талант. Этому можно научиться.

В последние годы я приглашал к себе каких угодно учителей и прежде всего старался их учить. Я уже стал мастером, а они еще молодые. И я говорил каждому из них: пришел ко мне, ничего не знаешь, учись. И он видел, что я говорю правду.

У меня был заместителем Дидоренко [Татаринков – Г.С.М.] и в колонии им. Горького, и в коммуне им. Дзержинского⁹.

Я – человек более или менее строгий, могу крикнуть, надавить. А он, наоборот, мягкий, как воск. Повысить голос, крикнуть он не мог. По-украински это называли «мяло [мямля. – Г.Х.]». По-русски это значит – шляпа. (Смех.) Очень способный человек, прекрасный учитель, очень трудолюбивый, к тому же очень хотел стать хорошим воспитателем.

Что же вы думаете? Через 5-6 лет я [уже] мог на него положиться. Я уезжал куда-нибудь в командировку на полмесяца и оставлял его в коммуне вместо себя. Приезжаю, спрашиваю:

– Ну, как дела?

– Добре.

Вечером собираются ребята и смеются:

– Чего смеетесь?

– Да больно смешно было.

– А что?

– Да он все так же как вы делает. Вы говорите: черт вас побери. Он тоже говорит – черт вас побери, только тихоньким голосом.

– Ну, а вы слушались?

– А как же, мы же видим, что он сердится.

Человек не мог повысить голос, но в этом нежном «черт вас побери» он выражал предел своего гнева.

Он был настоящим воспитателем.

А почему он таким сделался? Потому что он доверял мне как руководителю коллектива, потому что он работал в коллективе, потому что он не противопоставлял коллективу свой талант, свои какие-то единоличные достижения. Он жил интересами коллектива и жил в коллективе.

Если в школе есть такой коллектив, для которого успех целой школы стоит на первом месте, а успех его класса стоит на втором месте и затем уже на третьем месте его личный успех как педагога, то в таком коллективе будет настоящая воспитательная работа.

Развивая дальше эту мысль, я настаиваю на придании особого значения главе коллектива.

У нас в школах есть директор, есть завуч, комсорг, старший пионервожатый и еще кто-то...

В некоторых школах все эти силы, включая, конечно, и учителей, подчиняются все-таки руководству, доверяют ему и слушаются его, т.е. в тех случаях, когда есть расхождения, поступают все-таки так, как говорит старший.

В некоторых же школах не разберешь, кто руководит: и директор руководит, и завуч руководит, и комсорг руководит, и старший пионервожатый руководит. Все руководят, и не разберешь, кто отвечает, кто кого учит, кто кем действительно руководит.

Я у себя по штату имел должность завуча, но ни разу его не приглашал. Мне было очень трудно. Я должен был вести и свою работу, и работу завуча. Кроме того, у меня был еще завод с миллионным промфинпланом, кроме того, у меня было еще общежитие. Следовательно, я должен был заниматься вопросами быта, столовыми, костюмами и т.д., и все-таки я не имел помощника, а работал один. Все остальные были на одинаковых ролях, в одинаковых отношениях друг с другом. Я был руководством в единственном числе. И я от этого выигрывал.

В тех случаях, когда имеется единое руководство, скорее может быть и единый коллектив.

Я не буду дальше рассказывать вам о едином педагогическом коллективе, потому что это завело бы нас очень далеко от темы нашей сегодняшней беседы, но это важнейшее условие правильной воспитательной работы в школе.

Вторым важным условием я считаю единый коллектив учеников школы. Я уже писал в «Правде» о том, что у нас нет школьного коллектива, а есть классный коллектив¹⁰. Школьный коллектив как-то не создается. Ученики старших классов не знают учеников младших классов. А если и знают, то относятся к этому так: я ученик 10 класса, я выделен пионервожатым в 5 класс, и я знаю, что делается в моем 5 классе.

Это, товарищи, совсем не то. Это не единый школьный коллектив. Школа все-таки разбита на несколько коллективов, и каждый коллектив живет отдельно. 9 класс знает только себя. Может быть, знает другие 9-е классы, но не больше.

Я не представляю себе такой работы. Я не сумел бы работать, если бы у меня не было единого школьного коллектива.

А что для этого хорошо? Я не знаю – располагаете ли вы для этого какими-нибудь средствами? Я вас ничему не учу, ничего не рекомендую. Я только говорю – иначе быть не может.

Я не имею права что-нибудь рекомендовать вам, потому что я был в других условиях, может быть в лучших условиях, чем вы. У меня был коллектив, который не только учился в школе, но и жил здесь же и работал на заводе здесь же. Все всегда были вместе.

Но, товарищи, я наблюдал в других колониях такое положение, когда и живут вместе, и работают вместе, а все-таки единого коллектива нет, а есть отдельные коллективчики. Далеко не во всех колониях созданы единые коллективы. Очевидно, нельзя отговариваться тем, что это, мол, колония. Вероятно и в школе можно создать единый коллектив.

Во всяком случае, если бы мне сейчас дали школу, то я первой своей задачей поставил бы создание единого школьного коллектива.

Что для этого нужно? Я уверен, что для этого нужны единые школьные интересы, единые школьные формы работы, единое школьное самоуправление и, наконец, общение, соприкосновение [членов] этого коллектива с частями коллективов.

Вопрос о первичном коллективе и о школьном коллективе у нас в методике не разработан, но я считаю этот вопрос главным.

Мой отряд в колонии им. Горького, в коммуне им. Дзержинского был для меня главной заботой. Я заботился о том, чтобы этот отряд оставался всегда цельным, чтобы он не распадался как можно дольше и чтобы этот отряд был обязательно органическим членом целого коллектива коммуны.

Если эти две задачи разрешены, то разрешены все вопросы воспитания. Они все легко становятся на свои места.

У вас есть такой инструмент, как коллектив школы и коллектив первичный. Коллективы эти расположены близко друг от друга и должны находиться в нормальных взаимоотношениях друг с другом.

Когда есть такой коллектив, тогда вопрос об отношении к семье разрешается гораздо легче.

Конечно, школьный коллектив трудно представить себе без хорошей дисциплины. Возьмем такой чисто технический вопрос, как ежедневные общие собрания. Когда говоришь: «ежедневные общие собрания», каждый

опускает глаза и думает: легко сказать – ежедневные общие собрания, разве это возможная вещь? А на самом деле – очень возможная вещь и к тому же очень интересная. Но эти ежедневные общие собрания нужно прежде всего хорошо организовать.

Как и все, это нужно сделать. Я, например, у себя в коммуне имел ежедневные общие собрания. Сначала было трудно. Что нужно прежде всего? Прежде всего нужна точность. Общее собрание назначается на 8 ч. 30 м. В 8 ч. 29 м. (не 28 и не 30 м., а точно 29 м.) дается сигнал, и ровно в половине 9-го общее собрание открывается.

Когда это делается один день, это очень трудно, когда это делается месяц – уже легче, а когда это делается годами – это очень легко. Получается традиция. Каждый сознательный, а впоследствии и каждый коммунар смотрит на часы: 25 м. 9-го. Он складывает книжки, инструменты и идет в зал, где будет общее собрание, чтобы потом, когда будет сигнал, не бежать бегом. Если сигнал застанет его за работой, ему придется бежать бегом, иначе он опоздает на собрание.

Это входит в привычку. Секретарь совета бригадиров¹¹ смотрит на часы и ровно в половине 9-го говорит: «Объявляю общее собрание открытым». Ни одной минуты мы не потеряли зря.

Регламент. Регламент определяется просто: одна минута по песочным часам.

– Дай слово.

– Получай.

Перевернул песочные часы. Песок высыпался, минутка кончилась. На общем собрании о деле нужно говорить одну минуту. Сначала было трудно, а потом привыкли, и приучились просто замечательно. Некоторые даже короче говорили.

Этот, казалось бы, небольшой вопрос имеет огромное значение. Во-первых, мы могли сказать на общем собрании обо всем. Во-вторых, каждый приучался говорить только то, что необходимо.

Вы возьмите часы и посмотрите, как идет секундная стрелка. В минуту можно сказать 400 слов. Это если человек говорит не очень быстро. Если же он говорит как пулемет, то в минуту можно сказать 500-600 слов.

При таком жестком регламенте люди приучаются говорить очень коротко, не размазывать, не говорить лишних слов. Человек приучается к деловитости, о которой говорится в тезисах товарища Молотова. Никакой воды, никаких трепаний, как у нас выражаются.

В некоторых случаях, когда вопрос особо важный или когда вносится особо важное предложение, выступающий говорит:

– Я не могу уложиться в одну минуту.

– Сколько тебе надо?

– Три минуты.

– Много.

– Ну, две минуты.

– Получай две минуты.

Такие собрания занимали у нас самое большее 20 минут. И никто не опаздывал, никто никого не ждал.

Ведь у нас, товарищи, существует специальная форма эксплуатации человека человеком. Хотя и доказано, что в Советском Союзе эксплуатации нет, но по сути дела она все-таки имеется: это тогда, когда половина опаздывает, а вторая половина сидит и ждет. Те, которые опаздывают, даром теряют время, зря растрачивают свои духовные силы и портят себе нервы.

Такой «эксплуатации» в школьном детском коллективе быть не может.

Председатель совета бригадиров, мальчишка, не имеющий вообще права наказывать, когда он председатель – получает право наказания. Опоздал на минуту – один наряд, на две минуты – 2 наряда, на десять минут – 10 нарядов. И ведь это командирам – членам совета, командирам моего коллектива, которых я не имел права наказывать, а мог только сажать под домашний арест. Если же он опаздывал на 3 минуты, он получал три наряда и шел чистить картошку.

Это очень простой и как будто бы даже не педагогический вопрос – расположение во времени, но этот вопрос является решающим. Надо выдерживать время, выдерживать точность.

Точность – это первый закон. Точность позволяет иметь и ежедневные общие собрания. А ежедневные общие собрания – это постоянный контроль коллектива, постоянное знание друг друга, постоянное знание дел друг друга и первичного коллектива.

Такие собрания я считаю полезным практиковать и в школе. Сначала будет скучно. Десятиклассники будут скучать. Почему? Да потому, что обсуждается поведение малыша из среднего класса. Но когда этот малыш один раз промелькнет на собрании, другой раз, третий, десятиклассники его узнают и невольно заинтересуются им. А потом, глядишь, в коридоре увидят его за какой-нибудь шалостью и вспомнят: «А ведь ты вчера был на общем собрании, отдувался там, а теперь опять летишь как сумасшедший!»

И малыш поймет, что этот старший был на общем собрании, заметил его и теперь узнал.

Это техника, которая, кажется, может быть нелогичной, но которая возникает сама в том коллективе, где практикуются общие собрания.

Не поймите меня превратно. Я являюсь сторонником некоторой военизации. Это не муштровка, а та же экономия сил. Такая военизация необходима. Форм военизации много: есть коллективные игры, которые очень увлекают ребят. При такой военизации очень легко руководить коллективом и легко ставить и разрешать вопросы вне общих тем.

Коллектив – это единое коллективное мнение, это мнение 500 чел., которое выражается даже не в речах, а в репликах.

А главное: что один сказал, то все и думают. Вы сами знаете, товарищи, что у ребят именно так бывает. У них удивительная общность взглядов.

Один сказал, и все понимают: он не сказал бы так, если бы это противоречило общему мнению. Есть какое-то чутье, какое-то именно общее мнение.

Такое коллективное воздействие дает в руки воспитателю, директору большую силу, и при этом силу чрезвычайно нежную, которая еле-еле заметна.

Я могу вызвать к себе самых отчаянных «дезорганизаторов», как у вас говорят, и сказать:

– Завтра ставлю вопрос на общем собрании.

– Антон Семенович, что угодно, как угодно накажите, только не ставь[те] вопрос на общем собрании.

А почему боялись общего собрания? Нужно выйти на середину комнаты, встать и отвечать на все стороны. Только и всего. Это не позор, а ответственность перед коллективом.

Это дается трудно, но зато, когда дается, – это очень сильное средство.

При этом разрешается проклятый наболевший вопрос, о котором мы толкуем в наших школах: не выдавать товарища. Это солидарность, обращенная обратной стороной к педагогу. Солидарность несоветская.

И она не может быть уничтожена, если нет общественного мнения единого школьного коллектива, созданного единым педагогическим коллективом.

Никогда не исчезнет это «геройство» – не выдавать товарища, если не будет общественного мнения. Я достаточно времени помучился над этим вопросом. И я увидел, как без моих усилий, без педагогической инструментовки, без каких-то особых методов выросла и укрепилась традиция: никто никогда не приходил ко мне тихонько и не говорил шепотом: «Антон Семенович, я вам что-то скажу». Каждый знал, что, если он это сделает, я его с лестницы спущу.

Никаких разговоров на ухо. Вечером на общем собрании кто-то поднимается и говорит: «Произошло то-то и то-то».

И никто никакой обиды на товарища не имел за то, что он поднял тот или иной вопрос на общем собрании.

Очень часто говорили так: «Такой-то – мой лучший друг, и тем не менее я заявляю протест в связи с его недостойным поведением».

И никому в голову не приходило обвинять человека, который так прямо и открыто выступал. Но поведение его не пахнет и героизмом, он делает обычное дело – на общем собрании призывает к ответственности своего товарища.

И тогда исчезает отрицательное движение коллектива, когда коллектив становится к педагогам спиной и делает что-то, чего педагоги не видят.

В педагогической литературе не разработан самый важный вопрос: какие формы коллектива должны действовать? Почему-то ученые-педагоги считают, что форма не имеет значения.

Я с этим не согласен. Форма имеет очень большое значение. У нас, например, был такой порядок. Если командир скажет мне что-нибудь о своем товарище в присутствии других товарищей, я могу ему не поверить, другой может сказать, что это неправда, что дело было не так, я могу вызвать свидетелей, допрашивать, расследовать и т.д.

Но если этот командир говорит то же самое вечером, во время рапортов, когда все стояли смиренно и когда я тоже стою смиренно, когда все друг другу салютуют, я его не проверяю, я ему верю.

Такой у нас был закон: рапорт не проверяется. Ребята говорили, что в рапорте командир соврать не может.

Торжественная обстановка. Ты рапортуешь. Соврать может только последний мерзавец, последний негодяй.

И мы отнеслись к этому делу так: лучше рискнем и не проверим рапорт, чем допустим, что у нас есть такой негодяй. Если он есть, он потом сам проявит себя.

Следующий закон, который почему-то не используется в школе.

У нас каждый коммунар, пробыв некоторое время в коллективе, становился настоящим членом этого коллектива, получал значок ФД – Феликс Дзержинский, и с тех пор, как он получал этот значок, ему обязаны были верить на слово, если слово касалось его лично. Если он говорил: я там не был, считалось неприличным проверять. Доверие – это первое право.

Правда, в некоторых случаях доверия не оправдывали, обманывали. Тогда мы поднимали настоящий скандал. Товарищи требовали исключения из коммуны за нарушение доверия. Это преступление считалось более важным, более сильным, чем воровство, чем невыход на работу. Твоему слову верить, поэтому ты соврать не можешь. Это закон.

Это тоже, товарищи, инструментовка. И таких форм инструментовки вы в ваших школах можете придумать множество. Но они будут эффективны только тогда, когда все они будут направлены к созданию единого общественного мнения, единой системы, единых традиций в коллективе. Тогда школьный коллектив делается исключительно мощным средством.

Тогда проясняется и вопрос о семье. Я не могу представить себе, чтобы не было такого коллектива, чтобы его нельзя было создать.

Возьмите, например, вопрос об отношениях старших и младших, десятиклассников и первоклассников. Надо добиться такого положения, чтобы 8-9-10-летний мальчик смотрел на старшего, на ученика десятого класса, как на свое заветное будущее, чтобы он его любил, чтобы он был в него влюблен, именно влюблен, чтобы он видел в нем что-то более высокое, чтобы старший был для него примером.

Тема дружбы младших учеников со старшими учениками – совершенно неизбежная тема, если только вы хотите организовать единый школьный коллектив.

Для организации такой дружбы нужно опять-таки применять специальную инструментовку. Не буду сейчас говорить о ней, потому что это далеко заведет нас. Скажу только, что я на протяжении последних восьми лет добивался такой дружбы.

У каждого старшего ученика обязательно был так называемый «корешок». Это, пожалуй, термин беспризорных, но он у нас укоренился. Он был у нас официальным термином. Каждый имел своего корешка в другом классе, в другом цехе, в другом отряде. Тем не менее они всегда были вместе. Это неразлучная пара, это младший и старший брат, причем старший брат крепко держит в руках младшего брата.

Если младший брат что-нибудь набедокурил, если он стоит перед общим собранием, то обязательно раздается голос:

– А чей он корешок?

– Володи Козыря.

– Пусть Володя Козырь даст объяснение.

И Володя Козырь – комсомолец, ученик 10 класса, семнадцатилетний парень, – вставал и говорил:

– Прозевал, я его исправлю, не наказывайте.

– Ну, иди, шеф за тебя поручился.

Такая дружба старших с младшими создает удивительные отношения в коллективе, придает им такую прелесть, какая бывает только в семье, прелесть отношений младших и старших.

Корешки ходили всегда компаниями. Человек десять корешков, и около них столько же старших.

Причем, товарищи, надо отметить, что старшие умели любить этих пацанов.

Отношения старших и младших ребят в наших школах, отношения, часто официальные отношения, старшего пионервожатого к младшим, – они неестественны.

Я добивался очень многого. Например, идем мы в поход. Надо сказать, что я со своими ребятами совершил 8 походов¹². Во время походов все идут по взводам, по ротам, по возрасту. Какой-нибудь 14-й взвод далеко отстает от первого взвода. Там самые маленькие. У них командир.

Пришли в лагерь. Разбили палатки. И не было такого случая, чтобы кто-нибудь из старших не сказал: «Антон Семенович, первый взвод займет палатку, а как же корешки будут. Отдельно? Мы хотим с ними вместе».

И они [мы. – Г.Х.] разрешили такую вещь: последние три взвода, т.е. самые маленькие, не имели отдельной палатки: там, где шефы, там и корешки. Они вместе купаются, вместе катаются на лодках, и в кино вместе, и играют вместе. Иногда старшие что-нибудь читают вслух.

Никакой школьной воспитательной работы старшие не проводят. Но у них настоящее братство, настоящие братские отношения к малышам. И такое братство сохраняется на всю жизнь. Старшие уезжали потом в вуз, в Москву, и не забывали своих корешков, переписывались с ними. Каждую неделю писали.

Если старший приезжал в отпуск из вуза, так корешок за три километра бежал встречать его. Полдня, бывало, в лесу торчит, ждет, когда его старший приедет.

Без такой инструментовки не может быть коллектива. Вы заметили, товарищи, что здесь пахнет семьей? Если бы в школе была такая дружба, которую всегда легко организовать, этим можно было бы очень многого достигнуть. Такую дружбу можно создать не силами хорошего педагога, а силами хорошего педагогического коллектива и хорошего руководителя. Я просто не хочу говорить об отдельных педагогах. Я не понимаю, что такое отдельный педагог.

Такую дружбу, товарищи, организовать очень легко, и об этом стоит подумать. Когда есть школьный коллектив, педагогический коллектив и детский коллектив, тогда все воспитательные вопросы становятся на свое место. И тогда высоко взвигается школьное знамя, встает вопрос о чести коллектива.

Честь коллектива поднимается у нас до сих пор либо очень редко, либо формально – на каких-нибудь заседаниях, во время торжественных заявлений – и не поднимается в быту.

Для организации коллективной чести также нужна инструментовка, и очень важная инструментовка.

Буду говорить об отдельных деталях.

Прежде всего – знамя. У нас знамя стояло в кабинете. Бархатный балдахин, под ним знамя. Если нужно было это знамя перенести из одной комнаты в другую, например на время ремонта, мы делали это очень торжественно. Все одевали [надевали. – Г.Х.] новые костюмы. Все 600 чел. выстраивались общим строем. Выходил оркестр в 60 чел. Равнялись. Взводные командиры впереди. Затем раздавалась команда: «Смирно!» И знамя в чехле торжественно переносилось из одной комнаты в другую.

Мы не могли допустить, чтобы знамя переносилось без отдания почестей.

Когда мы шли в город, или в поход, или на прогулку, мы шли со знаменем. Совсем другое дело идти со знаменем. Идешь как-то иначе.

А ведь знамя – это только одна из деталей. Но даже с помощью одного знамени, сколько можно сделать хорошего, полезного, и как можно все это торжественно обставить.

Например выборы знаменщика. Знаменщик считался у нас самым почетным человеком в коллективе. Его нельзя было наказывать, ему нельзя было объявить выговор. Он был неприкосновенен. Он был примером для остальных во всех отношениях.

Как проходил у нас выбор знаменщиков? Казалось бы, пустяк выбрать человека, который будет носить знамя. Но мы выбирали лучшего из всего коллектива. Знаменщик – это самый симпатичный товарищ, это самый лучший ученик, это самый лучший стахановец.

Знамя служило как бы предлогом для выдвижения человека.

Все это, товарищи, основания для того, чтобы сбить коллектив в единое целое. И таких оснований много. Я не буду говорить обо всех. Упомяну об одном только, которое у нас забыто, но которое, может быть, когда-нибудь будет восстановлено – это труд.

Я часто встречаюсь с учениками разных классов, и все они жалуются: некогда учить уроки, нет времени.

Я им всегда говорю: «А как же мои коммунары справлялись? У них ведь тоже была десятилетка¹³, как и у вас. Они тоже поступали в вузы, причем для них это было обязательным, необходимым условием». Вы, если не поступите в вуз, можете жить в семье. А если они не поступят в вуз, им негде жить. Остаться в коммуне – стыдно. Человек окончил десятилетку, что же он будет жить в коммуне без цели. Найти квартиру тоже нелегко. Нужны деньги, чтобы платить за эту квартиру.

Для коммунаров выход один – вуз. Там общежитие. Советское государство обеспечивает общежитиями всех студентов. Поэтому все коммунары стремились в вуз. Поэтому все коммунары старались учиться хорошо.

Кроме учебы они 4 часа в день работали на заводе. Это ведь не шутка, а настоящая заводская работа с нормами, да еще со стахановскими методами работы, с двойной и тройной нормой, с определенным процентом брака, с большой ответственностью за порчу и т.д. Выпускали аппараты «ФЭД» и «Лейку [типа «Лейка». – Г.Х.]». Точность до 1 микрона. Шутить нельзя было.

А кроме того, на них лежала уборка всего здания, ежедневное натирание полов, мытье стекол, стирание пыли, уборка всех помещений, не только спален, но и коридоров и кабинетов. Авральная работа ежедневно. Утром по сигналу все 600 чел. принимаются за уборку. У каждого свой определенный участок. На уборку полагается 20 минут. А потом еще самоуправление, вечерние общие собрания, комсомольская работа, пионерская работа, спортивная работа.

Спортивная работа была поставлена у нас очень серьезно. Мы придавали [ей] большое значение. Причем, работа была поставлена таким образом: если ты в первом взводе, ты должен быть Ворошиловским стрелком¹⁴. Если ты не имеешь Ворошиловского значка, переходи во второй взвод. А там ты будешь выше всех ростом, и тебе будет стыдно.

Во втором взводе все должны иметь значок ГТО¹⁵. Если ты не имеешь значка ГТО, переходи в третий взвод.

Обязательной была стрелковая работа, обязательными были прыжки с парашютом. Мы закаляли ребят. Они должны были расти сильными мужчинами и девушками.

Все это требовало времени, и все-таки ребята везде успевали, все делали и еще находили время для отдыха.

Я думаю, что и в наших школах могут быть введены некоторые трудовые процессы. Оперативная работа должна быть поставлена обязательно.

Дальше, товарищи, я буду говорить настоящую ересь. Прошу меня не слушать. (Смех.)

Я считаю, что труд для ребят полезен и необходим. Я при этом ссылаюсь на Маркса, который говорил, что дети с четырнадцатилетнего возраста могут принимать участие в общественно-полезном труде¹⁶.

Я не понимаю, что такое ребенок десяти лет. Тебе десять лет, ты гражданин Советской республики, и к тебе можно предъявлять соответствующие требования.

Если бы у меня была школа, я бы, кажется, на части разорвался, но что-нибудь стал бы делать. Веера начал бы делать. (Смех.)

Я помню, как мы организовали дело в коммуне им. Дзержинского. Пришел ко мне как-то жук:

- Хотите делать нитки?
- Какие нитки?
- Обыкновенные.
- Давай. А станки какие?

- Да поставим деревянные.
- А где возьмешь?
- Достанем.
- А с деньгами как?
- В кредит.
- А с сырьем как?
- Не беспокойтесь, достанем.
- Ну, давай.

Конечно, начальству я ничего не сказал. Если бы я сказал инспектору, он разошелся бы: «Почему нитки, какие нитки, какой промфинплан?» И т.д.

Поставили мы в подвале станочки. Говорю ребятам: «Будем зарабатывать деньги, давайте хорошо работать, давайте выпускать хорошие нитки».

Полгода поработали. Потом нам запретили, правда, но мы встали на ноги.

Не было денег – устроили оранжереи¹⁷. А устроить оранжерею очень просто. Выгода ж большая! Вырастили мы цветы, потом под праздник приезжают к нам (в городе все оранжереи уже опустошили), просят продать цветы.

– Цветы? Пожалуйста, 40 рублей за хризантему. (Смех.)

Когда все это делается в коллективе, когда каждый заинтересован в этом, каждый знает, сколько сегодня сделали, за сколько купили и за сколько продали, когда коллектив начинает жить как хозяин, а потом как производитель, потому что у него появляется план, появляется ОТК¹⁸, появляются браковщики, цеховые диспетчеры, тогда коллектив завоевывает себе право гражданства.

Когда коллектив так хорошо организован, тогда можно предъявить к нему требование: уметь предъявлять друг к другу определенные требования откровенно, прямо, по-товарищески, в лоб. Делать так и никак не иначе.

Если сделал не так, то почему? Почему неправильно сделал? Нужно предъявлять человеку большие требования. Это необходимое педагогическое принципиальное положение, без которого нельзя воспитывать человека. Если с человека не потребовать многого, то от него многого и не получишь.

Убеждение в том, что многое вырастает само из ничего при помощи каких-то химических влияний ваших педагогических взглядов, – неправильно (смех).

Многое может вырасти только тогда, когда вы не только про себя педагогически мечтаете, а когда вы по-настоящему требуете. Этого не может сделать не сбитый педагогический коллектив. И нельзя организовать его, если нет единого школьного коллектива. А когда имеется единый школьный коллектив, тогда можно требовать многое.

И наконец, последний момент – когда требование встречается детьми не с подавленным настроением, а даже торжественно, когда чем больше вы требуете, тем больше их радуете, потому что тем самым вы высказываете доверие их силам.

Если все эти требования соблюдены, то с таким коллективом можно, я бы сказал, делать чудеса.

У нас колоссальные возможности для того, чтобы очень легко, красиво и радостно воспитывать замечательные коллективы, а, следовательно, и замечательных людей.

Надо сказать, что последнее требование часто пугает педагогов. Боятся риска. Во всяком деле есть риск. Никакое дело без риска делать нельзя.

Два слова о педагогическом риске. Я говорил о педагогическом риске на одном из собраний в Ленинграде в октябре¹⁹. Мне сказали: «Вот вы говорите о риске, а у нас один ученик 10 класса взял да повесился, потому что ему поставили плохой балл. А вы говорите о риске. Ведь если мы будем так много требовать и рисковать, так это все перевешаются» (*смех*).

Вы знаете, что я им ответил? Поставить плохой балл – это вовсе не рискованное действие. Какой здесь риск? И сколько вообще мы совершаем таких нерискованных действий?

Ученик не ответил мне. Я ему поставил «плохо». Какой же здесь риск? Он сел мне на шею, я его осторожненько стащил и сказал: «Детка, не садись педагогу на шею». Никакого риска здесь нет. Он мне плюнул в лицо, а я перед ним извинился. Что же здесь рискованного? Ведь не я ему плюнул, а он мне. А я еще извинился перед ним.

Все это нерискованные действия. Одно нерискованное действие, другое, третье, десятое, двадцатое – и создается общая атмосфера нерискованности, такая атмосфера, что многим может захотеться полезть в петлю. Безысходная серая тоска: никто ничего не требует, никто ничего не хочет, каждый беспокоится только о том, как бы чего не вышло и как бы на меня мальчики не обиделись.

Такая атмосфера может привести к очень плохим настроениям и к очень плохим результатам.

Если же вы прямо, по-товарищески, открыто будете требовать, то от этого человек никогда не захочет повеситься. Он будет знать, что вы относитесь к нему, как к человеку.

Такая требовательность еще более сбивает коллектив, еще больше объединяет и учителей, и учеников.

А как разрешается, товарищи, у нас вопрос об учительском авторитете? Очень часто тот или иной учитель заявляет: «Вы подорвали мой авторитет, вы при учениках сделали мне замечание, вы объявили мне выговор».

Спрашивается, *на чем же базируется авторитет?* Неужели на вашей безнаказанности? Неужели на том убеждении, что вы никогда не можете согрешить?

Я ставлю вопрос так: учительский авторитет базируется на ответственности в первую очередь. Учитель должен, не стесняясь, сказать своим ученикам:

– С меня требуют, я отвечаю, я ошибаюсь, я за свою ошибку отвечаю. Вы видели, что я отвечаю?

– Видели.

– С меня требуют, поэтому и я требую с вас.

Нет ничего позорного, если директор объявит выговор учителю. Пусть учитель считает, что он не совсем виноват, но раз директор объявил ему выговор, он должен этим выговором воспользоваться для поднятия своего авторитета. Он должен сказать:

– Да, я ошибся. Я наказан, потому что я отвечаю за свою работу. И вы извольте отвечать за свою работу. Я требую этого от вас.

У меня был Иван Петрович Городич [Ракович. – Г.Х.]. Это было еще в колонии им. Горького. Он что-то не так сделал в походе. Он дежурил по колонии. Я страшно разозлился. Спрашиваю:

– Кто дежурный?

– Я дежурный.

– 5 часов ареста!

– Есть 5 часов ареста.

Слышу голос Ивана Петровича, моего заместителя, педагога. Мне даже холодно немножко стало. Он снял с себя пояс, отдал дежурному, пришел ко мне в кабинет:

– Прибыл под арест.

Я сначала хотел было сказать ему «брось». А потом думаю: «Ладно, садись». И просидел пять часов под арестом. Ребята заглядывают в кабинет – Иван Петрович сидит под арестом.

Когда кончился арест, он вышел на улицу. Ну, думаю, что-то будет. Слышу гомерический хохот. Ребята его качают:

– За что?

– За то, что сел под арест и не бузил. (Смех.)

А другой на его месте начал бы: «Как это так, меня, педагога, под арест. Ни за что. Мой авторитет пропадет».

Авторитет, товарищи, нужно создавать самим, пользуясь для этого всякими случаями жизни. В хорошем коллективе авторитет нельзя подорвать. Сам коллектив поддерживает этот авторитет.

Так вот теперь о самом главном, о семье. Семьи бывают хорошие, и семьи бывают плохие. Поручиться за то, что семья воспитает как следует, нельзя. Говорить, что семья может воспитывать как хочет, мы не можем. Мы должны организовать семейное воспитание, и организующим началом должна быть школа как представительница государственного воспитания. Школа должна руководить семьей²⁰.

Спрашивается, как руководить? Вызвать родителей и сказать: «Примите меры» – это не руководство.

Вызвать родителей, развести руками и сказать: «Ах, как же это так у вас плохо получается» – это тоже не поможет.

Что же может помочь, и как можно помочь? Плохого родителя, т.е. родителя, не умеющего воспитывать, всегда можно научить так же, как и педагога можно научить.

Между прочим, товарищи, многие родители, как и педагоги, не умеют разговаривать с ребенком. Нужно поставить голос. К сожалению, в педаго-

гических техникумах и вузах не ставят голоса (*смех*). Я бы обязательно в каждом вузе и техникуме имел хорошего специалиста, большого тенора или баса, который умеет ставить голоса. Это очень нужно.

Я попробовал бы провести такое упражнение: вы, товарищ, студент, и вы будете допрашивать меня, тоже как студента. Допустим, я украл у кого-то 10 рублей. Как вы будете меня допрашивать? Учтите, что вы будете допрашивать меня, а другие будут слушать и потом скажут, правильно вы меня допрашиваете или нет.

И вы, товарищи, увидели бы, что без постановки голоса нельзя правильно спросить. Я сам сначала думал: к чему это? Оказывается, это необходимо.

У меня вначале у самого не очень-то хорошо выходило. В чем, думаю, дело? Обратился к опытному актеру.

– Надо голос поставить.

– Как голос поставить? Я, что ж, петь буду?

– Не петь, а говорить.

Я позанимался с ним некоторое время и понял, какое великое дело постановка голоса. Очень важно, каким тоном говорится.

Простая фраза: «Можешь идти», но эту простую фразу, эти два слова можно сказать 50 способами. Причем в каждый способ вы подпускаете такие нотки, что это будет каплей яду для того, кто должен это почувствовать.

Это очень сложное дело. Если у вас голос не поставлен, вам, конечно, будет трудно. Руководителям [Родителям. – Г.Х.] не мешало бы поставить свои голоса.

Родители часто говорят: «Ванечка, убери за собой постель». (*Смех.*)

Ну, скажите, пожалуйста, разве после такого приказа может живой человек убрать постель за собой, даже если бы он и хотел это сделать? (*Смех.*) Некоторые родители и педагоги позволяют себе такую «роскошь», чтобы их голос отражал их настроение. Это совершенно недопустимо. Настроение у вас может быть каким угодно, а голос у вас должен быть настоящим, хорошим, твердым голосом.

Никакого отношения к вашему голосу настроение не имеет. Почему вы знаете, какое у меня сейчас настроение? Может быть, я в горе. А может быть, у меня радость какая-нибудь большая. Но я должен говорить так, чтобы меня все слушали. Каждый родитель, каждый педагог, перед тем как разговаривать с ребенком, должен себя немножко подкрутить так, чтобы все настроения исчезли. (*Смех.*) И это не так трудно.

После того как я три года прожил в лесу с бандитами, и кругом меня тоже были бандиты, какие же могут быть настроения? Какую же волю я могу давать своим настроениям? Я привык справляться со своим настроением и убедился, что это очень легко. Нужно делать так, чтобы ваша физиономия, ваши глаза, ваш голос были в некоторых случаях автономными. На душе у вас, может быть, кошки скребут и всякие другие гады, а с внешней стороны все должно быть в полном порядке, в полном параде. Педагог обязан иметь «парад на лице». Желательно, чтобы и родители имели на лице «парад».

Допустим, вы получили неприятное письмо, может быть, даже от любимого человека. (Смех.) Так что же, из-за неприятного письма должен пропадать месяц педагогической работы? Из-за какого-то любимого существа, которое, может быть, вообще ничего не стоит, и, может быть, хорошо, что оно написало такое письмо. (Смех.)

Постановка голоса, постановка лица, умение встать, умение сесть – все это очень и очень важно для педагога. Каждый такой пустяк имеет большое значение, и этим пустякам можно научить родителей.

Недавно ко мне пришел один родитель и говорит:

– Я коммунист, рабочий. У меня есть сын. Не слушается. Я ему раз говорю – не слушается. Второй раз говорю – не слушается. Третий раз говорю – не слушается. Что же мне с ним делать?

В моей коммуне были дежурные командиры. Это очень трудная обязанность. Дежурный командир целый день правит коммуну. Он распределяет день – и заводской день, и коммунарский день. Он всем руководит, он за все отвечает.

И у нас было такое правило: дежурному командиру обязаны подчиняться все. Никто не имел права идти против дежурного командира. Вообще ребята звали друг друга по имени, но к дежурному командиру обращались всегда: товарищ командир.

И все коммунары строго следили за выполнением этого правила. Если дежурный командир два раза повторял один и тот же приказ, вечером на общем собрании этот вопрос обсуждался.

– Володя Павленко дежурил сегодня, пусть он даст объяснение, почему он два раза отдавал приказание? Почему ты позволяешь себе повторять приказание? Ведь ты подорвешь авторитет дежурного командира.

Было четкое правило: дежурный командир отдает приказание один раз. Дежурный командир, 14-летний пацан, говорит 18-летнему комсомольцу: «Позвать заведующего хозяйством».

Повернулся и пошел сейчас же. Тот отвечает ему уже в спину: «Есть позвать заведующего хозяйством».

И каждый знал, что, если приказание отдано один раз, его нужно выполнять.

Я несколько отклонился в сторону.

Усадил я этого родителя, который пришел ко мне, и начал с ним разговаривать:

– Ну-ка, покажите, как вы говорите со своим сыном.

– Да вот так.

– А попробуйте вот так.

– Не выходит.

– Повторите.

Я позанимался с ним полчаса, и он научился отдавать приказание. Дело было только в голосе. Из-за такого пустяка, из-за голоса – и такая драма.

Однажды привели ко мне родители сына. Родители – чекисты, ответственные работники. Привели и говорят:

– Стыдно даже рассказывать. Патефон пропил, пальто матери пропил. Служебный револьвер у отца стащил, отец отнял. Из школы его выгнали: и там что-то украл. Мать свою кроет матом. Ничего не хочет делать. Постель за собой не убирает.

Посмотрел я на этого сынка. Юноша с проборчиком, довольно симпатичный.

– Ну, говорю, оставляйте. Только ставлю вам одно условие: месяца четыре не навещайте его.

Остался у нас парнишка. Взяли его на работу. Я его почти не видел. Ребята с ним поговорили сами. А коммунары, да еще бывшие беспризорники, могут говорить в лицо что угодно, без всяких прикрас. Вижу, парень выходит на работу, работает, в школу пошел.

Месяца через два в первый раз зову его к себе и говорю:

– Пойдешь в отпуск.

Обрадовался:

– Спасибо.

– Придешь домой и скажешь так: «Здравствуйте». Сумеешь?

– Сумею.

– А ну-ка, скажи.

– Здравствуйте.

– Хорошо. А потом спросишь: что нужно сделать, чем помочь, может быть в квартире прибраться.

– Так и спросить?

– Так и спроси.

– А если скажут, что ничего не надо делать.

– Тогда скажи: до свиданья, ухожу в коммуну.

Вечером вернулся парнишка в коммуну. За ним на автомобиле приезжают родители:

– Что вы с ним сделали? Он такой вежливый стал, всю квартиру перевернул вверх дном, всю пыль вытер.

– Да ничего не сделал. Я только сказал ему: сделай так-то. Если бы вы ему так же сказали, он тоже сделал бы. Как же он мог не сделать. Он обрадовался, что я его позвал к себе, а я не сомневался в том, что он сделает, как я ему скажу, сделай так-то и так-то.

Вы не знаете, товарищи, что человек по натуре своей существо пассивное и что он очень любит, когда ему говорят: сделай так-то. Очень мало людей, которые любят делать по-своему.

Найти гармонию, чтобы человек умел делать по инициативе общества и чтобы умел проявлять свою инициативу, – это задача всякого педагога. Без этого нельзя воспитывать людей.

Помощь родителям со стороны школы возможна тогда, когда школа представляет собой единый целый коллектив, знающий, чего он требует от учеников, и твердо предъявляющий эти требования.

Это один из способов помощи родителям. Кроме того, есть и другие способы. Нужно изучить семейную жизнь, нужно изучить причины плохого характера. Не буду перечислять здесь все способы помощи семье.

У меня была такая встреча с одной мамашей. Она жаловалась на то, что ее мальчугана выгоняют из всех школ. Мальчик был в такой-то школе, потом был в школе для дефективных детей, потом в школе с особым режимом, потом в лесной школе, потом был в санатории, потом был в психиатрической лечебнице, потом в колониях НКВД. И отовсюду бежал.

– Я, – говорит, – его раздела, спрятала одежду. Сейчас он сидит у меня в одном белье, и я его никуда не пускаю. Что же мне с ним делать? Я думаю отдать его учеником на наш завод. Ему четырнадцать лет.

Начал я расспрашивать:

– А в квартире у вас чисто?

– Да нет, особенно... порядка нет.

– А сын что-нибудь делает?

– Нет, ничего не делает.

– А постель за собой убирает?

– Нет, не убирает.

– А вы с ним за город когда-нибудь ездили гулять?

– Нет.

– А в цирке были?

– Ни разу.

– А в кино были?

– Ни разу.

– А подарили ему что-нибудь?

– Да он не заслуживает.

– Так что же вы от него хотите?

– Может быть, отправить его к дяде, в г. Истру?

Тут уж я не вытерпел. «Пощадите. Несчастный ребенок. Вы ему все нервы истрепали. Человек даже со здоровыми нервами не сможет выдержать перемены 20 коллективов в течение каких-нибудь пяти лет».

Человек не может привыкнуть ни к одному коллективу. Сегодня он в одном коллективе, завтра в другом, потом – в третьем, четвертом; человек начинает бродить между коллективами, и из него получается индивидуалист плохого сорта. Этот вопрос очень интересен, и педагог обязан его исследовать.

Другой вопрос – *беспорядок дома*. Пришел я на дом. Беспорядок ужасный. Просто бедлам. Три комнаты. Половина мебели поломана. За окнами мухи валяются с 1930 г. (*Смех.*) Кругом толстый слой пыли.

Какой же воспитательный процесс может быть в этой пыли, в этой свалке вещей, которую никто не разбирает, о которой никто не заботится.

Если в квартире идеальная чистота, если нет лишних вещей и если вы поддерживаете все в порядке, у вас ребенок не может быть очень плохим.

Внешний порядок, к которому вы приучаете ребенка с самого раннего возраста, формирует его, заставляет его предъявлять к себе большие требования.

К сожалению, такой внешний порядок мне не очень часто приходилось наблюдать в тех семьях, куда меня приглашали. Как же вы можете воспитывать ребенка, живое существо, человека, советского гражданина, если вы не способны организовать десяток неодушевленных предметов в вашей квартире? (Смех.)

Вам за воспитание живого человека и братья тогда нечего. Пригласите наемного воспитателя или отдайте ребенка навсегда дяде. Нужно научиться самим ухаживать за вещами, нужно научить этому ребенка, и тогда ребенок скорее станет членом коллектива. Вот этому и должна научить школа тех родителей, которые не знают, что делать.

Следующий вопрос. Я выдвигаю такое положение, что настоящая семья должна быть хорошим хозяйственным коллективом. И ребенок с малых лет должен быть членом этого хозяйственного коллектива. Он должен знать, откуда у семьи средства, что покупается, почему это можно купить, а этого нельзя и т.д.

Ребенка нужно привлекать к участию в жизни хозяйственного коллектива как можно раньше, с пяти лет. Ребенок должен отвечать за хозяйство своего коллектива. Отвечать не формально, конечно, не перед судом, а всей своей жизнью. Если в хозяйстве плохо, то в жизни его еще хуже. Этим вопросом следует заняться.

И наконец, товарищи, последний вопрос, пожалуй, самый трудный, – это *вопрос о счастье*.

Обычно говорят: я – мать и я – отец все отдаем ребенку, жертвуем ему всем, в том числе и собственным счастьем.

Самый ужасный подарок, какой только могут сделать родители своему ребенку. (Смех.) Это такой ужасный подарок, что можно рекомендовать: если вы хотите отравить вашего ребенка, дайте ему выпить в большой дозе вашего собственного счастья, и он отравится.

Надо ставить вопрос так: никаких жертв, никогда, ни за что. Наоборот, пусть ребенок уступает родителям.

Вы знаете манеру некоторых девушек говорить матерям:

– Ты свое отжила, а я еще ничего не видела.

Это говорится матери, которой иногда всего тридцать лет.

– Ты свое отжила, а я еще не жила, потому все мне, а тебе ничего.

А почему бы не сказать иначе:

– У меня вся жизнь впереди, а тебе, мама, мало осталось.

Так и нужно говорить.

Поэтому в своем четвертом томе «Книги для родителей» я прямо напишу: девочкам только поношенные платья, только перешитые, а новые платья – матерям. (Смех.)

И дети перестанут обижаться, если вы воспитаєте их в стремлении приносить счастье родителям. Пусть дети думают о родительском счастье в первую очередь, а что думают родители – это детей не касается. Мы люди взрослые, мы знаем, о чем мы думаем.

Если у вас есть лишние 50 рублей и вы думаете, кому купить платье – матери или дочери, так я говорю – только матери. (Смех.)

Отец и мать в глазах детей должны иметь право на счастье в первую очередь. Нет никакого смысла ни для матерей, ни для дочерей, ни даже для государства воспитывать потребителей материнского счастья. Самая ужасная вещь – воспитывать детей на материнском или отцовском счастье.

В нашей коммуне мы тратили 200 тыс. рублей на походы и 40 тыс. рублей на билеты в театр. Не скупилась на это. Денег не жалели. Но когда шли костюмы, то у нас было такое правило: малыши получали костюмы от старших. И они знали, что им шить новые костюмы не будут. Малыши могли рассчитывать только на перешитые костюмы. Правда, мы могли бы подождать, пока старшие ребята до конца износят свои костюмы, и потом эти костюмы выбросить. Но мы этого не делали. Старшие поносили немного, и костюмы перешивались для младших.

Что вы дадите девочке в 17-18 лет, если вы в 14 лет нарядили ее в крепдешин?

(Голоса: Правильно.)

К чему это? А какой у этой девочки разгон получается? Дальше у нее начинаются такие рассуждения: у меня только одно платье, а у тебя, т.е. у матери – три платья.

Нужно воспитывать в детях заботу о родителях, воспитывать простое и естественное желание отказаться от собственного удовольствия, пока не будет удовлетворен отец или мать.

У меня взрослый сын²¹. Окончил институт. Инженер. Очень красивый молодой человек. Финансы у нас общие. У меня до сих пор не было пальто. Кое-кто рассудил бы так: на что тебе, старику, пальто, ты и так хорош. Сыну пальто нужнее. Он молодой красивый человек, ему нужно с девушкой прогуляться, ему пальто необходимо.

Но я выдержал тон. И сын выдержал тон.

– Может быть, ты сошьешь себе пальто?

– Нет, не сошью, пока ты не сошьешь.

И он действительно не сшил себе пальто до тех пор, пока я не приобрел себе пальто. Бегал в паршивеньком пиджачишке. А когда деньги появились, я сшил себе пальто, а он пусть подождет, хоть он и красивый. (Смех.) Важно, что он пережил заботу обо мне. Ну, а девушки и в паршивеньком пиджачке любить будут. (Смех.)

Ну вот, товарищи, пожалуй, на этом я и кончу.

– Может быть, будут вопросы?

С МЕСТА. Существует ли сейчас коммуна им. Дзержинского, кто ею руководит, и какова ваша связь с этой коммуной сейчас?

Коммуна им. Дзержинского жила после меня еще два года, потом была ликвидирована. Почему? Потому что старшие беспризорники ушли в вузы, [а] завод, который был там создан, передали соответствующему ведомству²². Все коммунары были выпущены с честью.

Связь со своими коммунарами я поддерживаю.

Надо сказать, что эта связь начинает причинять мне огорчения. Их все-таки много. Их самих я еще помню, но я не могу помнить, кто на ком женился и у кого сколько ребят. А ведь в письмах приходится писать и об этом. (Смех.)

Вы знаете, товарищи, мне приходится один день в шестидневку тратить на переписку. Это меня очень затрудняет. Правда, я не обижаюсь, ведь у них, кроме меня, никого нет. Никаких родственников нет. К кому же им обратиться? Но мне тяжело бывает от такой массы корреспонденции.

Кто-нибудь из моих бывших воспитанников приезжает, например, в Москву. С поезда прямо ко мне. Иногда на целый месяц. С открытой душой заявляется: «Я, Антон Семенович, к вам на месяц!» Я в ужасе. Мне все-таки жаль жену. Не может же быть она содержательницей постоянной гостиницы. (Смех.) Мне не жаль того, что съедят мои гости, не в этом дело, но хлопоты большие.

– Ну ладно, приехал, так оставайся. Вот, Галя, приехал.

– Кто?

– Да Витька Богданович.

– Ну, здравствуй, Витя.

Через два дня начинаются разговоры:

– Я, пожалуй, в гостиницу поеду.

– Зачем в гостиницу? Живи здесь.

Через три дня опять разговоры:

– Надо, пожалуй, в Ленинград съездить.

– Да зачем тебе ездить, лучше здесь живи.

А когда уезжает, так и расставаться жаль:

– Переезжал бы в Москву, работал бы здесь, ну и жил бы у меня. (Смех.)

Ведь в большинстве своем хорошие люди получались из них. Связь хоть и тяжелая, но для меня это источник большой, настоящей радости. Правда, кое-кто потерялся.

По случаю награждения меня орденом²³ я получил радиogramму с острова Врангеля. Подписано: «Митька Жевелий». Вы его знаете по «Педагогической поэме».

Сегодня получил письмо, тоже поздравительное. Подписано: «Инженер-орденоносец Орисенко (Гуд)»²⁴.

Карабанов²⁵ – начальник колонии. Замечательный человек. Если про себя я говорил, что я мастер, а не талант, то Карабанов в первую очередь талант. Он буквально чудеса делает. Если написать об этом, так, пожалуй, никто не поверит.

Расскажу вам такой случай. В 1937 г. я руководил всеми колониями Украины. Вызвал из Ленинграда Карабанова.

– Бери новую колонию, будешь работать там.

– Хорошо.

Дал я ему старый совхоз, какие-то медздравовские бараки в пяти километрах от Винницы, около шоссе. Ничего там не было. Я решил: Карабанов человек сильный, дал я ему «лучших ребят». Со всей Украины собрал. Собрал настоящих «жуков», которые со мной без мата принципиально не разговаривали. Парню 14-15 лет, но у него в кармане отмычки и водка.

Месяц я продержал их в приемнике. Окружил высоким забором, часовых поставил.

Так эти часовые были несчастными людьми, хотя и со штыками, и с наганами. Ребята над ними просто издевались: и плевали им в физиономию, и швыряли чем попало. Что с ними сделаешь? Стрелять ведь в них не будешь. Извелся я, пока Карабанов подготавливал все к приему ребят.

Наконец получаю телеграмму от Карабанова: «Можно привозить». Погрузил я их в арестантские вагоны с решетками, поставил конвой и отправил.

Ночью они прибыли в Винницу. Карабанов подал к станции два грузовика. С соответствующими выражениями уселись в грузовики. Приехали. Постели приготовлены. Накормили их, уложили спать. Все равно, говорят, завтра будем в Виннице. Ночью не видели, куда приехали. Утром проснулись – кругом степи, пусто. И бараки.

Карабанов ушел на село. Ребята заявили: жить здесь не будем, пошли, братва, на вокзал. Поехали в Винницу.

Около них несколько чекистов. Уговаривают их: куда вы, дорогие ребятки, останьтесь. Они ответили им соответствующим образом и пошли пешком, целой ватагой. А чекисты за ними на автомобиле поехали, все уговаривают, продолжают.

Прибежал Карабанов:

– Где хлопцы?

– Ушли.

Схватив первого попавшегося коня, без седла, поскакал за ними. Видит – идут хлопцы по дороге.

Он спрыгивает с коня. Поскользнулся и упал. Лежит. Те к нему: что такое?

Пробуют поднять. Стонет. Потом говорит: несите меня в колонию. Понесли в колонию. Всей гурьбой пошли. Принесли. Осторожненько опустили его. А он и говорит: да вы меня поставьте. Поставили они его на ноги. А он и говорит: «Ну спасибо, что донесли, не хотелось мне пешком идти».

Ребята буквально обалдели. А он увидел самого курносого и говорит:

– Почему ты такой красивый?

Ребята в еще больший восторг пришли. Карабанов говорит:

– Ну что же, идите в Винницу.

– Ну, пойдём.

– А может быть, позавтракаете, а потом пойдёте?

– Ладно, отчего не позавтракать.

Позавтракали, да так и застряли там. Через три месяца я приехал к нему туда с ревизией, посмотрел на них. Дисциплина что надо. Все очень вежливые, приветливые, все читали «Педагогическую поэму».

Я не стал расспрашивать Семена, как он это сделал. А у ребят спросил:

– Ну-ка, скажите, какое у вас главное достижение?

– Наше главное достижение – Семен Афанасьевич. (Смех.)

Вот это настоящий талант. Не мастер, а именно талант, которому подчиняются самые тяжелые, самые вредные. И из них он делает хороших людей. Мы посылали ему самых трудных, и он делал с ними буквально чудеса.

Сейчас он прислал мне письмо, где пишет: дайте мне какую-нибудь колонию, здесь мне уже надоело, здесь уж слишком благополучно, дайте мне что-нибудь такое, что у всех в печенках сидит. (Смех.)

С МЕСТА. А что вы думаете относительно ремешка или подзатыльника? Допустимо это?

К сожалению, меня почему-то считают специалистом по этому вопросу. Основываются на том, что я один раз ударил Задорова. Вы помните, верно, этот случай в «Педагогической поэме».

И многие говорят: вот вы треснули Задорова – и все пошло хорошо. Значит, нужно трескать.

Вопрос спорный. Ударить человека иногда может быть полезно, даже взрослого. Есть такие люди, которым следует набить морду. Но никто не может сказать заранее, полезно это или нет.

Я противник физических методов воздействия. И раньше был противником. Я ударил Задорова не потому, что своим педагогическим разумом пришел к тому, что это хороший метод. И не потому так благополучно все кончилось, что это был хороший метод, а потому, что Задоров был благородным человеком. Я Задорова избил, а он протянул мне руку и сказал – все будет хорошо. Редкий человек способен на это.

Если бы на его месте был Волохов, он зарезал бы меня. Я в этом не сомневаюсь, я думал, что и Задоров может зарезать, но Задоров оказался человеком в высшей степени благородным. Сейчас он работает одним из ведущих инженеров на постройке Куйбышевского узла²⁶. Это мой настоящий друг. Когда он приезжает ко мне, у меня семейное торжество.

Один этот случай ничего не означает. Может быть, педагог и нарвется на такое благородное существо: треснет его, а тот ему руку пожмет. Все может быть. Но это ничего не доказывает. Вообще физическое наказание как метод я не могу допустить, тем более в семье.

В коммуне можно еще сорваться. Там есть какое-то оправдание. Там я один стоял перед сотней людей. А как можно сорваться в семье, где всего отец, мать и несчастных два-три ребенка, причем это не бандиты и не беспризорники. Я не видел ни одной семьи, где физическое наказание приносило бы пользу.

Правда, я не говорю о тех случаях, когда мать отшлепает рукой 2-3-летнего ребенка. Ребенок ничего не поймет даже. А мать не столько накажет его, сколько свой темперамент проявит. Но ударить мальчугана в 12-13

лет – это значит признать свое полное бессилие перед ним. Это значит, может быть, навсегда разорвать с ним хорошие отношения.

В коммуне им. Дзержинского ребята никогда не дрались.

Помню, был такой случай. Возвращались мы из Батуми на пароходе в Крым. Заняли всю верхнюю палубу. Нас очень полюбили. Мы были красиво одеты, у нас был прекрасный оркестр, мы устраивали там концерты. Публике и команде мы очень понравились. И вот как-то утром, за завтраком, перед самой Ялтой один старший коммунар ударил своего товарища, более молодого, по голове консервной коробкой. Случай для нас совершенно небывалый. Я был ошеломлен. Что делать? Слышу, играют общий сбор.

– Почему?

– Дежурный командир приказал.

– Зачем?

– Все равно вы прикажете созвать.

Хорошо. Собрались. Что делать? Вносится предложение: ссадить в Ялте, без денег, без вещей, расстаться навсегда.

Смотрю, никто не возражает.

Я говорю:

– Да вы что, шутите или серьезно?

– Серьезно.

– Да разве это возможно. Ну, ударил, ну, виноват, но нельзя же выкинуть человека из коммуны, да еще без денег.

– Чего там разговаривать, голосуй.

– Подождите, – говорю.

Тогда председатель говорит:

– Есть предложение лишить слова Антона Семеновича.

И что же вы думаете – лишили. Я говорю им:

– Мы на пароходе, я командир, я могу все общее собрание под арест посадить на пять часов, это вам не коммуна, где я с вами разговариваю, как же вы можете меня лишить слова?

– Ну ладно, говорите.

А говорить-то нечего. Голосуют: кто за предложение? – Все единогласно. И здесь же выносятся другое предложение: кто пойдет провожать, может обратно не возвращаться.

Прибежала делегация от пассажиров и команды. Просят простить этого мальчика.

– Нет, мы знаем, что делаем.

В Ялте ни один не сошел с парохода. Ждали Ялту с нетерпением, хотели посмотреть город, погулять, а здесь ни один с парохода не сошел. Дежурный командир отобрал у него деньги, вещи. Оставили в одном костюме.

– Иди.

И пошел.

Приехали мы в Харьков, а он на площади нас встречает. Наши грузятся. Он здесь же вертится. Дежурный командир говорит ему:

– Уйди с площади. Грузиться не будем до тех пор, пока ты будешь здесь. Ушел. Через три дня пришел ко мне в коммуну. У дверей часовой.

– Не пропущу.

– Ты же всех пропускаешь.

– Всех пропускаю, а тебя не пропущу.

– Ну, вызови тогда Антона Семеновича.

– Не буду вызывать.

Все-таки вызвали меня.

– Что тебе нужно?

– Попросите общее собрание.

– Хорошо.

Просидел он у меня до вечера. Вечером общее собрание. Прошу. Смотрят и молчат. Спрашиваю, кто хочет высказаться? Никто. – Да скажите же что-нибудь? Улыбаются. Ну, думаю, наверное, оставят. Прошу голосовать. Председатель голосует: «Кто за предложение Антона Семеновича, прошу поднять руки». Ни одной руки не поднимается. «Кто против?» – Все.

На другой день опять пришел.

– Не может быть, чтобы меня так жестоко наказали. Сзовите общее собрание, я хочу объясниться.

Созывается вечером общее собрание.

– Вот он требует объяснения.

– Хорошо. Говори, Алексеев.

Выступает Алексеев, начинает говорить:

– Ты на пароходе в присутствии всего Советского Союза, так как на пароходе были представители всех городов, в присутствии команды, из-за какого-то пустяка ударил товарища по голове. Этого нельзя простить, и никогда мы тебя не простим. После нас будут здесь ребята, и те не простят.

Ушел он. Через четыре года, в 1936 году, пришел в коммуну. Пришел в коммуну через четыре года! Его пропустили. Встретили его радостно, хорошо. Он растрогался. Вечером на совете командиров вдруг говорит:

– Может быть, теперь меня примете?

– Нет. Ты устроился в другом месте, живи там, мы тебя все равно не примем. Нам не важно, простить или не простить. Нам важно, чтобы все в коммуне знали, что вот был Звягин, ударил он своего товарища по голове, и его в коммуне никогда больше не будет.

Из старых ребят многие уже ушли, много новеньких. И новенькие всегда говорили: «Нужно поступать так, как поступили со Звягинцем [Звягиным. – Г.Х.]». Они Звягинца [Звягина] не видели в глаза, но знали о нем.

Видите, товарищи, как коммунары относились к битью. Педагогической душой я их осуждаю за такую жестокость, а человеческой душой – не осуждаю.

Это, конечно, жестокость, но жестокость вызванная. Конечно, в коллективе допускать побои нельзя. Я лично горячий противник физических методов воздействия.

С МЕСТА. У вас в коммуне были юноши и девушки 17-18 лет. Какие у них были взаимоотношения?

Вопрос очень трудный. Рассказывать бы пришлось очень долго.

С МЕСТА. Об этом есть у вас в книге, пусть почитает.

Да, об этом есть в книге. Коротко все-таки скажу. Любовь запретить нельзя, конечно, но разрешать влюбляться и жениться в 18 лет тоже нельзя. Никакого счастья от такого брака не будет. Вопрос этот требует сложной организации.

После многих педагогических неправильностей я добился у себя в коммуне такого положения. Если я видел вечером в коридоре влюбленную парочку, я вызывал их к себе и спрашивал:

– Влюблены?

– Да нет, Антон Семенович, честное слово нет.

А надо сказать, что у нас был уже случай, когда двое любили друг друга [влюбились друг в друга. – Г.Х.] и поженились, и ребята видели, какое у них «счастье» было.

– Мы, Антон Семенович, о географии разговаривали. Мы не влюблены. (Смех.)

Большую роль играло единство коллектива и доверие ко мне. Я мог собрать девушек и читать им лекции о том, как нужно влюбляться. (Смех.) Вы не смейтесь, товарищи, девушкам нужно рассказывать, как надо относиться к ухаживаниям мужчин, как надо разбираться в этом ухаживании, как нужно проверять любовь, как нужно переживать любовь.

А потом собирал и юношей. И тех я уж не столько учил, сколько просто требовал: в первую очередь отвечать так-то и так-то, поступать так-то и так-то. Рассказал им пример из своей жизни: я был влюблен так-то и так-то, поступал так-то и так-то. (Смех.)

И еще одно средство было у меня – организация пацанов. Человек 20 пацанов – самые младшие члены коллектива, страстные и принципиальные противники любви и женщин. (Смех.) Коммунарам я сказал: это мои глаза и уши за всеми влюбленными. И служили мне пацаны очень исправно. Если кого-нибудь где-нибудь увидят, так через пять минут мне сообщат об этом. На общем собрании пацаны говорили иногда: почему такие-то в темных уголках ютятся, может они жениться хотят (смех), так пусть прямо скажут.

Если идет влюбленная парочка, и вдруг мимо них кто-то шмыгнул, так он сейчас же говорил: ты, Клава, иди в эту сторону, а я сюда пойду. (Смех.)

И я, товарищи, добился очень многого. У меня было 90 спален. Причем никаких разных половин не было: спальня мальчиков, спальня девочек, спальня мальчиков, спальня девочек – вперемежку. В одной комнате пять девушек, рядом шесть юношей, потом опять девушки и т.д.

И в столовой такой же порядок был. Стояли маленькие столики на 4 человека. За столик садились два мальчика и две девушки. Никаких мужских и женских столовых. Садись с кем хочешь. Можешь влюбляться – пожалуйста, но никаких флиртов заводить было нельзя.

В этом меня поддерживали комсомольская организация, партийная организация и, конечно, пионерская организация. (Смех.) Поддерживало и общее собрание.

Только благодаря этому у нас было с этим вопросом все благополучно, несмотря на то, что девчата были очень красивые. Случайно, но подобрались девушки как на подбор, хоть смотр устраивай. Из 200 девушек понастоящему красивых было человек 150, и все-таки никаких драм и трагедий не было. Мы знали, например, что Кравченко любит Доню, а Доня любит Кравченко. Они всегда вместе ходили, вместе гуляли, но никакого свинства не было. Они отжили свой срок в коммуне, поступили оба в вуз и уж потом, через три года, поженились. Приехали в коммуну и на совете командиров заявили – мы женимся. Командиры поаплодировали им: вовремя женитесь, пять лет любви выдерживали. (Смех.)

С МЕСТА. Откуда у вас такое знание психики дошкольников?

Своих детей у меня нет, но есть приемные дети²⁷. В коммуне у меня был детский сад для детей сотрудников. Я его организовывал, я им руководил. Многих дошкольников хорошо знаю и очень люблю. Опыт небольшой, но все-таки есть.

Мне, товарищи, подали один вопрос запиской: «Какие меры наказания в школе вы предлагаете?» А я в школе никаких мер наказания не предлагаю и не могу предлагать. Вы моим предложением все равно не воспользуетесь. (ГОЛОСА. Почему?) Наказывать вообще можно в том коллективе, который органически сложился. Если коллектива нет, наказывать нельзя. Если коллектив крепкий, тогда можно наказывать.

КОММЕНТАРИЙ

РГАЛИ, 332-4-183.

Стенографический отчет (доклад, ответы на вопросы). Машинописный экземпляр из наследия педагога-писателя. Подлинник, напечатанный под копирку (неполный экземпляр). Титульный лист документа: «Записки Фрунзенского райпедкабинета. VI. А.С. Макаренко (писатель-педагог орденоносец). Из вопросов коммунистического воспитания в семье и школе. (Доклад на вечере с учителями Фрунзенского района). Москва 34. I Зачатьевский пер., д. № 8. (1939 г.)». Объем: около 75 нумерованных страниц, текст на которых расположен с одной стороны. Восстановление отсутствующих страниц подлинника на основании следующего экземпляра документа: РГАЛИ, 332-4-182 (маш. копия).

Публ. (с значительными сокращениями и изменениями, без ссылки на источник): «Учит. газ.», 1940, № 164 (27.12), с.2 – под названием «Воспитание детей в школе и семье»; то же: ВД, с.67-79; следующие советские издания с заголовком

«Воспитание в семье и школе»: ИПП, с.210-37; ИПС 1, с.123-55; С 4 (1951), с.479-510 – здесь комментарий (с.525): «Так как стенограмма автором выправлена не была, при подготовке к печати сделаны необходимые стилистические поправки (незначительные)»; С 4 (1957) – комментарий (с.540): «Так как стенограмма автором выправлена не была, при подготовке к печати сделаны необходимые поправки. Текст подготовлен к печати Г.С. Макаренко»; ПС 4, с.287-314 – со ссылкой на источник (с.393), но без характеристики воспроизведения текста. Указание на то, что «стенограмма автором выправлена не была», относится (с одним единственным исключением; док. № 3) ко всем представленным в настоящем издании документам, но в данном случае оно должно было послужить основанием и оправданием значительных сокращений и изменений авторского текста (см. предисловие «От составителя»).

¹ «Первые 16 лет я работал в нормальной школе, в заводской школе». С 1905 по 1914 и с 1917 по 1919 г. (в целом 11 лет) Макаренко работал не в заводской, а в железнодорожной школе.

² «Лейка» (Leica) – см. док. № 6, прим.3.

³ «Но за последние годы 1932, 193[3]-1935-й [...] многие родители начали обращаться к нам с просьбой принять их детей». Здесь речь идет о детях привилегированных лиц, в первую очередь чекистов.

⁴ «Бьюик» (Buick), «Линкольн» (Lincoln) – марки американских престижных автомашин.

⁵ «В 1935 г. мне поручили ликвидировать беспризорность и безнадзорность на Украине». Имеется в виду второстепенная должность Макаренко в ОТК НКВД УССР в Киеве; см. док. № 2, прим.9.

⁶ «Второй том [„КдР“] сейчас закончен и сдан в печать». В анкете о творческих планах писателей, опубликованной в «Лит. газете» от 10.02.1939 г. (№ 8, с.4), Макаренко сообщает, что он продолжает писать «КдР», второй том которой он «должен закончить [...] к 1 мая: таковы мои обязательства перед редакцией журнала „Красная новь“». Однако второй том и следующие тома этого произведения Макаренко так и не написал.

⁷ «Во втором томе говорится о политико-моральном воспитании ребенка в семье и, конечно, в школе, поскольку семью от школы отделять нельзя». Такова реакция автора на упрек рецензентов «КдР», что в данном произведении игнорируется ведущая роль школы в педагогическом процессе (см. док. № 2, прим.34).

⁸ «Тов. Молотов будет докладывать на партийном съезде о необходимости коммунистического воспитания, о том, что только на базе коммунистического воспитания может быть построен коммунизм». Имеются в виду тезисы доклада председателя СНК СССР В.М. Молотова «Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938-1942 г.г.)» на XVIII съезде ВКП(б) (10-21.03.1939 г.), одобренные в основном Политбюро ЦК партии (опубликованы 30.01.1939 г. в «Правде», № 29, с.1-2). Экземпляр отдельного издания тезисов находится в личной библиотеке педагога-писателя (Музей А.С. Макаренко, Кременчуг).

⁹ «У меня был заместителем Дидоренко [Татаринев – Г.С.М.] и в колонии им. Горького, и в коммуне им. Дзержинского». Здесь Макаренко перепутал двух своих близких ему по духу сотрудников: Дидоренко С.А. – чекист, завхоз коммуны им. Дзержинского, и Татаринев Т.Д. (см. док. № 15, прим.25).

¹⁰ «Я уже писал в «Правде» о том, что у нас нет школьного коллектива, а есть классный коллектив». Имеется в виду статья «Проблемы воспитания в советской школе», опубликованная 23.03.1938 г. в «Правде» (переизд.: ПС 4, с.203-07).

¹¹ «Секретарь совета бригадиров [...]». О существовании особого совета бригадиров (руководителей производственных объединений воспитанников) в коммуне им. Дзержинского наряду с традиционным советом командиров как орган самоуправления макаренковедению до сих пор ничего не известно.

¹² «Надо сказать, что я со своими ребятами совершил 8 походов». В действительности было четыре похода и два лагеря (см. док. № 10, прим.8).

¹³ Десятилетка – см. док. № 1, прим.10.

¹⁴ «Ворошиловский стрелок» – в СССР в 1932-41 почетное звание и значок, учрежден Центр. советом Осоавиахима [Об-во содействия обороне, авиаци. и хим. стр-ву] в честь К.Е. Ворошилова

[наркома обороны] для выполнивших установленные нормативы в стрельбе из винтовки» (СЭС, с.248, 956).

¹⁵ Значок «ГТО» («Готов к труду и обороне СССР») был введен в 1931 г.

¹⁶ «Я считаю, что труд для ребят полезен и необходим. Я при этом ссылаюсь на Маркса, который говорил, что дети с четырнадцатилетнего возраста могут принимать участие в общественно-полезном труде» Здесь докладчик ссылается на следующее положение К. Маркса из «Инструкции» I конгрессу Интернационала (Международное товарищество рабочих) в Женеве в 1866 г.: «При разумном общественном строе каждый ребенок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый трудоспособный человек [...]» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.16, с.197). Однако, как в этом, так и в последующих своих выступлениях, Макаренко «поправляет» Маркса, повышая возрастной ценз «производительного работника» до 14 лет. Докладчик вероятно знал о дискуссии Ленина с Крупской по поводу производительности труда и политехнического образования школьников при разработке 2-й программы РСДРП. Победила ленинская позиция – «не ранее 14 лет...». Во всех советских собраниях сочинений педагога-писателя слова К. Маркса восстановлены без комментария.

Следует еще отметить, что за два года до настоящего доклада (04.03.1937 г.) было принято постановление Наркомпроса РСФСР «Об отмене преподавания труда в школе», где речь шла о ликвидации мастерских в общеобразовательных школах этой республики (см. также док. № 16, прим.3).

¹⁷ «Не было денег – устроили оранжереи». См. ПС 4, с.293, пр.7: «Оранжереи в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф.Э. Дзержинского имели не только эстетическое, но и хозяйственное значение: выращивание огородной рассады, поставка продукции в цветочные магазины».

¹⁸ ОТК – отдел технического контроля, «структурное подразделение социалистич. пр-тия (объединения). Осуществляет контроль качества производимой продукции» (СЭС, с.959).

¹⁹ «Я говорил о педагогическом риске на одном из собраний в Ленинграде в октябре». Речь идет о встрече Макаренко с учителями в Ленинградском областном доме учителя 16.10.1938 г. (док. № 15).

²⁰ «Школа должна руководить семьей». См. прим.7.

²¹ «У меня взрослый сын». Речь идет о Льве Михайловиче Салько (1914-57), сыне Г.С. Макаренко от первого брака (см. также док. № 3, прим.1).

²² «[...] завод, который был там (в коммуне им. Дзержинского) создан, передали соответствующему ведомству». См. док. № 22, прим.9.

²³ «По случаю награждения меня орденом [...]». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31.01.1939 г. «за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы» 172 писателя награждены орденами, среди них: 21 чел. – «орденом Ленина», 49 (в т.ч. и Макаренко) орденом «Трудового красного знамени» и 102 – орденом «Знак почета» («Правда», 1939, № 31, 01.02, с.2).

²⁴ Орисенко А.М. – бывший воспитанник колонии им. Горького (Лыс., с.61); Гуд – персонаж «ПП».

²⁵ Карабанов – см. док. № 5, прим.10.

²⁶ «[...] Задоров оказался человеком в высшей степени благородным. Сейчас он работает одним из ведущих инженеров на стройке Куйбышевского узла». Задоров – здесь речь идет о бывшем горьковце П.П. Архангельском (1906-1984; см. док. № 3, прим.5), выпускнике Инженерно-мелиоративного факультета Харьковского с.-х. института, который в 1930 г. был направлен в Среднюю Азию на ирригационные работы, а в 1937-40 гг. принимал участие в строительстве Куйбышевского гидроузла (см. Лыс., с.52); г. Куйбышев – до 1935 г. и вновь с 1990 г. – Самара.

²⁷ «Своих детей у меня нет, но есть приемные дети». Кроме Льва Салько (см. прим.20) в семье педагога-писателя временно проживала и его родная племянница Олимпиада Витальевна Макаренко (см. док. № 11, прим.4).

19. РЕЧЬ НА ЮБИЛЕЕ ШКОЛЫ № 1 ЯРОСЛАВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В МОСКВЕ (18.02.1939 г.)

Дорогие товарищи!

Ваше сегодняшнее торжество волнует меня в нескольких, так сказать, разрезах. Прежде всего, я сам сын железнодорожника, сам окончил железнодорожное училище и сам девять лет работал учителем в железнодорожном училище. У меня поэтому достаточные основания для сравнения. На южных дорогах, а это были самые солидные дороги в старой России – они протянулись от Харькова до Одессы и от Харькова до Севастополя, – тогда было полтора десятка школ и не было среди них ни одной средней и ни одной неполной средней, а учеников было в этих школах всего около двух тысяч человек. И хотя вместе со мной работало очень много старых и заслуженных учителей, за девять лет моей службы я не помню ни одного чествования, ни одного юбилея, ни одного собрания такого радостного, такого торжественного и такого волнующего.

На вашем сегодняшнем празднике меня волнует еще одно обстоятельство. Я вижу ваши лица, слышу ваши слова, слышу высказывания многих общественных сил, создавших вашу школу. Здесь собрались не только учителя, здесь собралось советское общество. Страшно приятно, что в ваших лицах я не вижу ничего «шкрабьего»¹, я узнаю в вас настоящих, больших деятелей советской школы. И школа ваша прекрасная. Для этого заключения достаточно общего впечатления. Я не сомневаюсь, что ваша школа – одна из лучших московских школ. Многие сегодня говорили слова благодарности и восхищения по адресу отд[ельных] лиц, и прежде всего по адресу директора т. Рыжковца. Как будто совершенно уместно было подумать: хвалят, ничего не поделаешь, юбилей, всегда уместно похвалить. Сегодня так подумать нельзя. У меня наметанный глаз, я хорошо вижу т. Рыжковца, я [у]знаю его по походке и по полету – это настоящий большой мастер своего дела. Я знаю, какое большое дело – отдать одной школе двадцать лет. Это значит отдать жизнь. Я знаю, сколько таланта, сколько крупных начинаний, сколько мелочных забот нужно пережить, чтобы создать дружный коллектив – главнейшее условие для настоящей творческой учительской работы.

Среди вас я вижу и моего учителя – Александра Константиновича Волнина². После девяти лет работы в бедной железнодорожной школе я пошел учиться, и я попал в руки Александра Константиновича. Жизненные ценности не всегда поддаются точному измерению. Часто в руках наших нет даже тех масштабов, которыми можно измерить важнейшие явления. Так и мне трудно измерить и трудно вам рассказать, как много сделал для меня и для других Александр Константинович. Он был директором Полтавского учительского института перед самой революцией. В то время, разумеется, он не мог быть большевиком и открыто воспитывать большевистские характеры. Но из его рук много вышло большевиков, и многие из них поло-

жили головы на фронтах гражданской войны. Это потому, что он был всегда настоящим человеком, и он воспитывал в нас лучшие человеческие стремления. В моем же педагогическом развитии он создал самые главные принципы и навыки духа.

У него я заимствовал главное положение моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему³.

Сегодняшняя встреча с ним для меня чрезвычайно радостна. Я потерял его из виду двадцать два года назад. Я часто о нем вспоминал, и часто мне приходилось спрашивать себя: где Александр Константинович, отдал ли он революции свои замечательные силы? Не зная ничего о нем в течение такого долгого времени, я, естественно, начинал сомневаться. И вот сегодня я вижу, с какой большой благодарностью, с каким искренним горячим чувством здесь все чествуют Александра Константиновича, премируют его, подносят ему подарки и с каким искренним и надежным желанием все ожидают от него и впереди [впредь. – Г.Х.] такой же большой и такой же человеческой работы в деле коммунистичес[кого] воспитания.

У вас сегодня грандиозное торжество. Оно гораздо значительнее, чем вам кажется. Это торжество новой школы, торжество революции, торжество новой культуры. Сейчас, после тезисов доклада товарища Молотова⁴, наше учительство стоит перед самой почетной и самой трудной задачей: на него возлагаются надежды всей страны, это мы должны готовить людей для коммунистического общества, это на наших плечах должен подняться новый человек и [должно] поднять[ся] перед всем миром совершенное коммунистическое общество – в творчестве [сотворении. – Г.Х.] новой культуры нам принадлежит самое почетное и самое видное место.

Мы можем гордиться и нашим прошлым и нашим будущим, мы можем радостно продолжать нашу работу.

Поздравляю вас с праздником и желаю вам таких же больших побед впереди.

Да здравствует советский учитель!

18/II – 39 г.

А. Макаренко

/личная подпись/⁵

КОММЕНТАРИЙ

РГАЛИ, 332-4-185.

Стенограмма. Машинописный экземпляр из наследия педагога-писателя. Маш. копия подлинника с некоторыми рукописными изменениями, сделанными неустановленным лицом. Объем документа: 4 нумерованные страницы, текст на которых расположен с одной стороны. Речь Макаренко была произнесена на праздновании 20-летия школы.

Публ.: С 7 (1952), с.326-28 (полностью, с одним изменением текста); С 7 (1958), с.648-70 (в сокращенном и измененном виде) – в обоих изданиях без ссыл-

ки на источник; ПС 4, с.314-16 (с теми же сокращениями и изменениями, но без характеристики воспроизведения текста) – со ссылкой на источник.

---

¹ «Страшно приятно, что в ваших лицах я не вижу ничего „шкрабьего“». «Шкраб» (жаргон) – школьный работник.

² «Среди вас я вижу и моего учителя – Александра Константиновича Волнина». Волнин – директор Полтавского учительского института во время обучения там Макаренко в 1914-17 гг. Автор статьи «Антон Семенович Макаренко в учительском институте» (в кн.: Учебно-воспитательная работа в детских домах. Бюллетень 2-3, М., 1941, с.117-24). Как видно из неопубликованной части этих воспоминаний, в связи с украинизацией института после Февральской революции Волнин в конце 1916/17 уч. г. был вынужден покинуть полтавское заведение и переселиться в Новосибирск, где также стал директором учительского института (см.: РГАЛИ, 332-4-455, л.8). В 1950-х гг. – преподаватель пед. института в г. Кирове. Заслуженный учитель РСФСР (ПС 4, с.384, пр.2).

³ «У него (Волнина) я заимствовал главное положение моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему». Вариант этой фразы, которую газ. «Харьковский пролетарий» от 02.10.1927 г. привела как «важнейший лозунг в колонии» им. Горького, сам Макаренко цитирует в письме «пролетарскому писателю» от 18.04.1928 г. (Переписка, с.55, 156). Необходимо отметить, что вышеупомянутые слова из доклада, прочитанного педагогом-писателем в Москве, были произнесены в присутствии адресата (Волнина); однако тремя неделями позже, на выступлении в далеком Харькове, Макаренко, говоря о своей «основной педагогической вере», ссылается на Горького (см. док. № 21, прим.39) – такое понятие существует в макаренковедении до наших дней.

Достоин упоминания и то обстоятельство, что Волнин в своих написанных в 1940 г. воспоминаниях макаренковские слова обобщает таким образом: «Жизненные ценности не всегда поддаются точному измерению [...]. Так и мне трудно измерить и трудно... рассказать, как много сделали для меня и для других мои учителя. Они были работниками Полтавского учительского института перед самой революцией. В то время, разумеется, они не могли быть большевиками и открыто воспитывать большевистские характеры. Но из их рук много вышло большевиков, и многие из них положили головы на фронтах гражданской войны. Это потому, что они были всегда настоящими людьми, и они воспитывали в нас лучшие человеческие стремления. В моем же педагогическом развитии они создали самые главные принципы и навыки духа. У них я заимствовал главные положения моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему» (РГАЛИ, 332-4-455, л.9; курсивом выделены разночтения – Г.Х). Достоверность данного высказывания автор пытался подчеркнуть с помощью следующего примечания: «Эти слова [...] приводятся по тексту речи, отпечатанному на пишущей машинке, за собственноручной подписью Антона Семеновича» (там же). См. также прим.5.

⁴ «Сейчас, после тезисов доклада товарища Молотова [...]». См. док. № 18, прим.8.

⁵ Подпись Макаренко в настоящей маш. копии стенограммы отсутствует.

20. ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИЯ В МОСКОВСКОМ ГОС. УНИВЕРСИТЕТЕ НА ТЕМУ «О КОММУНИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ И ПОВЕДЕНИИ» (01.03.1939 г.)

Товарищи, мы собрались сегодня побеседовать по важнейшему вопросу нашей жизни – по вопросу о коммунистическом воспитании.

И сегодня, и завтра, и в ближайшие дни, и дальше в нашей жизни будет вспоминаться сегодняшней траурный день. Мы сегодня хороним большого деятеля коммунистического воспитания, великого гуманиста нашего времени, друга Ленина, создавшего новую эпоху в большевистской партии, в том числе и эпоху в человеческом поведении. Мы сегодня хороним Н.К. Крупскую¹. Я прошу вас почтить память Н.К. Крупской вставанием. (*Все встают.*)

Товарищи, я не чувствую себя в особенном праве говорить с вами о коммунистическом воспитании. Я не профессор, не ученый, не человек, который исследовал вопросы коммунистического воспитания и коммунистического поведения. Я прикоснулся к этим вопросам в таком же порядке, в каком и вы прикасаетесь к ним почти ежедневно, и поэтому не ожидайте от меня никаких формул или истин, не ожидайте от меня никакой мудрости.

Договоримся так, что вопрос этот, для нас всех важный, дорогой, вопрос этот всех нас интересует, и поговорить о нем в меру нашей искренности, нашего настоящего глубокого желания совершенствоваться в области коммунистического поведения, поговорить о нем никогда не грех и всем уместно.

Мое маленькое право говорить перед вами вытекает из моего маленького жизненного опыта. Но и опыт этот не совсем вплотную подходит к такому жизненному вопросу. Я сообщу, в чем заключается это мое право. Революция, советская жизнь поручили мне маленькое дело, совсем маленькое дело перевоспитания малолетних правонарушителей. Мне повезло. Я работал с ними 16 лет, работал без перерывов, без отпусков, без болезней, без выходных дней. Это, конечно, удача – такая длинная работа в одном коллективе. И когда я начал и продолжал эту работу, я считал, что передо мною стоит миниатюрная задача: как-нибудь вправить мозги, вправить души у этих самых правонарушителей, сделать их вменяемыми в жизни, т.е. подлечить, наложить заплатки на характеры, не больше, только то, что необходимо, чтобы человек мог как-нибудь вести трудовую жизнь, как-нибудь – я на большие достижения не претендую. Но по мере того, как я работал, как рос и богател мой коллектив, по мере того, как он становился комсомольским коллективом, а не «правонарушительским», я постепенно повышал требования к своему делу, к себе, и дело повышало требования ко мне и к моему коллективу, и я уже перестал интересоваться вопросом исправления, меня перестали интересовать так называемые правонарушители, потому что я увидел, что никаких правонарушителей нет, есть люди, попавшие в тяжелое

положение, и я очень ясно понимал, что если бы я попал в такое положение, я тоже крал бы, хулиганил, дебоширил, бузил, т.е. был бы таким, как они. И всякий нормальный человек, оказавшийся на улице без помощи, без общества, без коллектива, без друзей, без опыта, с истрепанными нервами, без перспективы – каждый нормальный человек будет себя вести так, как они.

Я пришел к заключению, что нет правонарушителей, а есть люди, не менее богатые, чем я, имеющие право на счастливую жизнь, не менее, чем я, талантливые, способные жить, работать, способные быть счастливыми и способные быть творцами. И тогда, конечно, совершенно ясно, – никакие специфические педагогические задачи уже не могли стоять передо мной. Передо мной стояла обыкновенная задача – воспитать человека так, чтобы он был настоящим советским человеком, чтобы он мог быть образцом поведения.

Последние годы, таким образом, я никого не исправлял, я просто выполнял обыкновенную советскую работу, воспитывал обыкновенных хороших советских людей. Мне повезло – меня сопровождал успех, и в этом виноват, конечно, был уже не я, в этом виновата вся наша советская жизнь, те цели, которые перед нами стоят, те пути, которые мы вместе с вами прошли, та энергия, которую мы находили в каждом часе нашей жизни. Вот почему и моя работа, и работа моего коллектива имели успех.

Вот в результате этого успеха я пришел к некоторым интересным для меня самому выводам. Первый вывод такой: воспитание – очень легкое дело, воспитание – счастливое дело, никакая другая работа по своей легкости, по тому страшно ценному, ощутимому, реальному удовлетворению не может сравниться с работой воспитания.

Я это всегда говорю, и многие коллеги, в особенности коллеги-педагоги, посмеиваются, слушая меня. Но они не имеют права улыбаться.

Здесь в Москве недавно пригласили меня на юбилей одной школы². Я уже видел московские школы, приблизительно знал, что такое московские школы, и уехал на этот юбилей с прохладно-теплым дружеским настроением. Я увидел замечательную школу, одну из лучших московских, и я спросил: «Наверно, у вас по 20 лет сидят педагоги?» – «Да, говорят, – директор 20 лет в школе, а этот – 15, а этот – 12». И у них большой успех. Потому что 20 лет быть директором в одной школе – это значит отдать жизнь этой школе. И это очень много. Вот и я отдал свою жизнь и так же, как они, работал успешно.

Я имею право утверждать, что работа по воспитанию – очень легкая работа. Легкая не в том смысле, что можно поработать, поработать, потом пойти погулять, потом почитать, отдохнуть, а потом, может быть, рюмку водки выпить и т.д. Нет, времени она берет много, но она легкая по типу напряжения.

Последние годы у меня было 600 коммунаров, тоже бывших правонарушителей, и последние годы для меня выбирали особые, так сказать, «цветки» во всесоюзном масштабе, и все-таки мне было легко работать, настолько легко, что с 1931 [по] 1936 г. я работал без воспитателей. Были учителя в школе, были инженеры на заводе, но коллектив этих 600 чел. жил самостоятельно, детский коллектив. И утром, когда я слышал сигнал «вста-

вать» и знал, что в моем коллективе нет ни одного взрослого человека, я не беспокоился. Я прекрасно знал, что они достаточно разумны, достаточно опытные, достаточно честны, дисциплинированы и воодушевлены, чтобы над ними не ставить надзирателя. Они могли сами проделать такую простую вещь, как вовремя встать с постели, вовремя умыться, вовремя убрать пыль, вытереть полы, выстроиться и встретить своего дежурного командира официальным торжественным приветствием как сегодняшнего руководителя. А после этого они давали сигнал на работу, и к ним приходили взрослые – инженеры, педагоги и я, которые проводили день дальше.

Я сначала поражался, зная, как трудно встать вовремя, натереть полы, когда за тобой никто не следит, а потом я перестал удивляться и увидел, что это нормальное коллективное действие, нормальный человеческий поступок, а нормальный человеческий поступок и есть самый простой и самый легкий поступок. Именно для этого...³ не нужно никого...⁴. Вот я и приношу к вам главный багаж, который могу вам предложить, – это моя уверенность в том, что коммунистическое воспитание – это счастливый процесс, который сам в себе несет успех. И поэтому дело воспитания, а тем более, дело самовоспитания – это легкое и счастливое дело.

Сейчас в тезисах доклада тов. Молотова мы встречаем призыв к коммунистическому воспитанию. Для меня вот эти слова, которые я сейчас читаю, праздник всей моей жизни, и они должны быть праздником для каждого мыслящего, для каждого настоящего советского патриота. Вы их, конечно, читали, но ничего, если я вам повторю⁵:

«На основе победоносного выполнения второго пятилетнего плана и достигнутых успехов социализма, СССР вступил в третьем пятилетии в новую полосу развития...

...когда решающее значение приобретает дело коммунистического воспитания»...

И дальше в тезисах доклада тов. Молотова мы встречаем очень краткое, очень строго [с]формулированное указание на человеческое поведение. Какие указания? Я кратко их перечислю. Он говорит о повышении производительности труда. Он вспоминает указание тов. Ленина о том, что производительность труда – это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Мы должны обеспечить всемерное развертывание социалистического соревнования и стахановского движения, неуклонно укреплять труддисциплину во всех предприятиях и учреждениях, во всех колхозах. Мы должны обеспечить достойную социалистического общества высокую производительность труда рабочих, крестьян, интеллигенции.

Дальше тезисы обращают внимание на такие детали, касающиеся поведения: отмечается, что важнейшим условием выполнения задания, программы роста производства в третьей пятилетке является подготовка квалифицированных рабочих кадров, техников, инженеров, а также широкое развертывание работы по внедрению новой техники и научной организации труда.

Дальше то, что мы можем отнести к человеческому поведению.

«Повышение государственных расходов на культурно-бытовое обслуживание...

Проведение широкого круга мероприятий для серьезного продвижения вперед в осуществлении исторической задачи – поднятия культурно-технического уровня рабочего класса СССР до уровня работников инженерно-технического труда...

Увеличение сети кинотеатров, клубов, библиотек, домов культуры и читален с широкой организацией и увеличением в шесть раз стационарных и других звуковых кино[у]становок»...

«В целях безусловного выполнения поставленных третьим пятилетним планом задач, XVIII съезд ВКП(б) требует от всех партийных, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций живой оперативности и деловитости хозяйственного руководства, сосредоточения работы руководителей на правильном подборе кадров, на повседневной фактической проверке исполнения установленных партией и правительством заданий... развёртывания социалистического соревнования и стахановского движения».

И подчеркивается:

«Осуществление великих задач третьего пятилетнего плана настолько тесно связано с кровными интересами рабочих и крестьян и советской интеллигенции, что обеспечение его выполнения зависит от нас – коммунистов и непартийных руководителей, а особенно от нашего умения организовать труд и поднять коммунистическое воспитание трудящихся. От всех нас, от рабочих и служащих, от крестьянства, от советской интеллигенции, требуется, в первую голову, сознательное отношение к своим обязанностям, честный труд и помощь отстающим для того, чтобы третий пятилетний план победил».

И дальше:

«Решающее значение для успеха нашего дела приобретает коммунистическая сознательность в работе на пользу нашего государства, народа и всех трудящихся. Гигантски поднимается роль советской интеллигенции, умеющей по-большевистски работать, по-большевистски бороться за подъем культурности и коммунистической сознательности трудящихся».

Вот то, что мы встречаем в тезисах доклада тов. Молотова.

Спрашивается: это и есть то, о чем мы собрались сегодня говорить, это и есть вопросы коммунистического воспитания? Производительность труда имеет отношение к коммунистическому поведению или это чисто производственная, экономическая категория, и она не стоит в плане этики, в плане нашей морали? Повышение уровня культурного и культурно-технического – это стоит в плане коммунистического воспитания или это какая-то узкая область, лежащая в плане производства? А оперативность, деловитость – это категории коммунистического поведения или нет? Эту оперативность, деловитость, умение подбирать кадры, подбирать помощников – это нужно отнести к вопросам коммунистического поведения или для этого нужно оговорить какую-нибудь узкую область и подписать: это подготовка кадров, это деловая работа, это дело? Вообще, в какой мере в тезисах доклада тов. Молотова затронуты вопросы коммунистического поведения? Или может быть они не затронуты, и мы можем сказать: это отно-

сится к производству, к деловой работе, к управлению, а вот есть какая-то область морали, коммунистического поведения, и эта область стоит отдельно от тезисов тов. Молотова? – Вот как нужно поставить вопрос.

Когда мы говорим о коммунистическом поведении, [то] по старинке, по привычке мы имеем склонность считать областью поведения отношение к товарищам, к согражданам, к женщине, ребенку, друг к другу. Это вопросы добра и зла, это вопросы бытовой этики. Одно дело поведение человека на улице, в гостях, другое дело – поведение на работе. Разные это дела или одно и то же дело? Как мы на этот счет думаем? Вот так мы ставим вопрос и посмотрим, как он разрешается в нашем собственном опыте.

Коммунистическое воспитание мы начинаем не сегодня, оно начато 20 с лишним лет назад, начато для всего нашего народа с первого удара Октябрьской революции, а для партии большевиков коммунистическое воспитание начато с первых слов тов. Ленина⁶. Коммунистическое воспитание – это не то, что стоит впереди перед нами, а то, что давно воспитывает и в значительной мере уже воспитало нас.

Наш советский человек, бывший русский, он отличается большими новыми особенностями. Русские, украинцы, белорусы, всякие иные народности, вообще советский человек приобрели новые качества характера, новые качества личности, новые качества поведения. Среди этих качеств можно отметить некоторые, всем прекрасно известные. Прежде всего, наш человек сделался субъектом мирового масштаба, он мыслит масштабами мира, у него дальний глаз, он видит, следит, интересуется всем тем, что происходит на всем земном шаре, он переживает те несчастья, которые происходят в Испании и в Китае⁷, он переживает эти несчастья, как гражданин мира. На наших глазах советский человек сделался именно этим гражданином мира, а 22-23-24 года назад он был еще провинциальным человеком Российской империи, и эта его провинциальность была одним из его главных качеств.

Вот это качество – сделаться человеком мирового знания, человеком мировых интересов и мировых вопросов – это уже большой шаг вперед в деле коммунистического воспитания.

Во-вторых, этот самый российский человек, советский гражданин, который на 80 процентов был неграмотен и который вообще так далеко стоял от техники, как никакой другой гражданин никакого другого государства, сейчас сделался прежде всего техником. У нас мальчик в 7-9-12 лет больше техник, чем мы, старики, люди старого поколения. Мы сплошь и рядом не знаем, что такое карбюратор, что такое зажигание и что такое капот, а большинство из нас, стариков, в особенности дам, серьезно думают, что капот – это часть одежды. А наши мальчики знают, что такое капот и что такое зажигание. Мне в особенности посчастливилось близко подойти к этой технической душе советского гражданина, пока этому гражданину 10-14 лет. Я и сам, как все педагоги, думал, что ребенку нужно давать легкую работу, т.е. давать шить трусики или чинить обувь, иногда делать табуретки. Когда мы говорим – делать плохую табуретку, шить плохие ботинки и кое-как сшить рубашку, мы считаем, что это полезный детский труд и детская техника. И я так думал и предлагал своим ребятам такую работу. А поработавши с ними 12 лет, я им предложил заграничные драгоценные

станки, сложнейшие, в которых действительно дышит интеграл, и делать «Лейки»⁸, советские – «ФЭД».

Что такое «Лейки»? Это 300 деталей, точность которых 0,001 миллиметра. Это производство с заменяемостью частей, это точное, сложное, трудное дело. Там, наконец, оптика, которую до сих пор знали только немцы, а у нас в Советском Союзе не умели вообще делать точной оптики.

И вот я не побоялся предложить это ребятам. И сам удивлялся: четырехчасовой рабочий день. Вот он стоит у автомата, у револьверного, зуборезного, шлифовального станка, и рядом с ним стоит взрослый наемный рабочий, у которого больше сил и больше, как будто, здравого смысла. Это человек моего возраста. И казалось мне и моим инженерам, что это все-таки рабочий, а это ребенок, детский труд. И сколько процентов нужно скинуть на эту детскую производительность труда? И оказалось, что этот ребенок в течение четырех часов делает полную норму рабочего восьмичасового рабочего дня. И что самое главное – делает быстро, делает со страстью и делает хорошо. Знаете, что такое станок? Он параден, он красив, он дорог. Он весь блестит, у него медные красивые металлические части. Его нужно беречь, холить. И наши советские мальчишки именно так к нему относятся. Какой может быть разговор о порче станка! Пятнышка на станке, неубранной стружки не должно быть. И я увидел, что проблема пятнышка на станке – это есть моральный вопрос, это этика. Этика нового человека, еще молодого, но взявшего эту этику от нашего общества, эту новую свою человеческую душу, которая в станке, в работе видит для себя какой-то транспарант для поведения. И у нас наша молодежь, вероятно, стоит выше какой угодно другой молодежи.

Откуда пошло стахановское движение? – Мы, молодые советские граждане, оказались талантливыми техниками, талантливыми покорителями природы, значит, талантливыми борцами за новые богатства, за новую жизнь.

Еще какие качества, уже как продукт коммунистического воспитания, которое мы прошли, есть у нас? Это всем известно, об этом все говорили, что русский человек – это по природе раб, который привык быть рабом и не может не быть рабом. В этом заключалось возражение против всяких реформ, в этом заключалась явная вера ретроградов и тайная вера либералов: русский человек – раб, и только оставаясь рабом, он может работать.

И вот – где наша привычка к рабству? Что осталось от нашей привычки к татарщине, к крепостному праву, к барину, к самодержавию? Ничего не осталось. Трудно себе представить, что советский гражданин мог допустить когда-нибудь возвращение к рабству. Но это не значит, что он сделался анархистом. Нет, он нашел в себе большой гений, большой талант. Там было рабство, теперь сознательная дисциплина. Это новое качество, воспитанное всем процессом нашей борьбы, – это результат коммунистического воспитания. Теперь тот самый неграмотный человек, который в подавляющем большинстве на бумагу печатную смотрел как на сырье для сигарки, этот самый неграмотный человек, мало того, что сделался читателем, что книг не хватает, что никакие тиражи не могут заполнить нашего спроса, – он сделался качественным читателем. Я часто встречаюсь с моими читателями на конференциях, на встречах и беседах, и по правде вам сказать, ко-

гда я в первый раз попал на такую конференцию, я про себя тайно думал: ну что? Это – читатель, как-нибудь поговорим. Это же не критик, который в меня и шпагой, и иголкой тычет. Это читатель, добрый человек, который то простит, того не разберет. Ничего подобного! Пожалуй, критик, журналист, литературовед не может сравниться с нашим советским читателем по вкусу, по умению определить, что хорошо сделано, что плохо сделано, что нужно, что не нужно, что интересно, что не интересно, что ценно, что не ценно⁹. Советский читатель – это человек богатого вкуса, больших требований к литературе и большого умения разбираться в литературе, и еще самое главное, что его отличает и всегда отличало [и] лучшую часть русской интеллигенции, – это подход к книге как к другу, как к идейной категории, а не как к тому, что должно развлекать. Наш советский читатель – это человек, который в книге ищет мудрости, знания, идею. Это требовательный, высокопринципиальный и высококультурный читатель. И вот он таким сделался на наших глазах на протяжении двух десятков лет. И таков он в какой бы то ни было аудитории. Я бываю и в московских собраниях, и в деревенских, и в провинции, и трудно сказать, где он выше. То, что он говорит, как он думает, как он умеет анализировать, как он умеет чувствовать, верить, а не ругаться – это [человек] огромной культуры души, огромной культуры личности. И ничто меня так не радует, как эта культура. И нельзя даже сказать, что это сделала школа. Это сделала вся наша жизнь, все наше движение. Это тоже результат коммунистического воспитания.

И, наконец, главное достоинство, главное качество нашего гражданина, в котором никто не может сомневаться, – это наше единство. Я всегда, – когда еще не было революции, интеллигенция всегда сомневалась, – я думал: что может быть? 100 народов, 100 языков, русский, якут, грузин, – как можно примирить всю эту массу, которую царь держал железным обручем? А у нас единственный обруч – это уважение, это наш гуманизм, которого история никогда, конечно, не видела. Вот это наше единство, единство всего народа, единство всех граждан, это наше чудесное уважение, любовь к большевистской партии, к нашему руководству, это единство, несмотря даже на то, что мы умеем критикнуть, иметь свое мнение и поговорить даже о другом, что вот это не нравится, позудить и т.д. или мысленно сдерживать это свое стремление, и все-таки, несмотря ни на что, несмотря на то, что у нас так много людей – 170 миллионов, эта единая советская душа советского народа – это страшное благо для всех нас и всего будущего человечества, это результат коммунистического воспитания уже в наличии, уже готовый.

Что же, можно сказать, что мы уже так коммунистически воспитаны, что дальше нам нечего делать? Я должен сказать, что в общем дело настоящего большого коммунистического воспитания только еще начинается. И вот поэтому уместно сейчас задать вопрос: а что такое коммунистическое воспитание, а что такое коммунистическое поведение?

Вы знаете, что в нашей жизни не всегда войдешь в глубину термина, и думаешь, что коммунистическое воспитание – это хорошее воспитание, [а] коммунистическое поведение – это хорошее поведение. И до революции было у людей хорошее поведение и плохое поведение. Может быть, и теперь так же: кто себя хорошо ведет, не пьянствует, жену не бьет, не слишком часто изменяет, заботится о своих детях до какого-то нормального пре-

дела, не врет, не крадет – значит, это хорошее поведение, значит, это коммунистическое поведение. Так это или не так? Поскольку мне приходится часто беседовать с молодежью и с пожилыми людьми, то приходится встречать такое мнение: хороший человек хорошо себя ведет, так будем считать, что он коммунистически воспитан. Так это или не так?

По вопросам коммунистического воспитания всем вам, людям образованным и грамотным, очень хорошо известны основные положения Ленина. Я напомню вам главное из них, и поэтому вы вспомните все остальные. Ленин говорит:

«Мы говорим – нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидая новое общество коммунистов»¹⁰. Все то, что служит этой задаче освобождения трудящихся, все то, что служит задачам революции, будет нравственно, а что не служит этой задаче, будет безнравственно. Это общий критерий для положения о коммунистической нравственности. Мы это знаем, мы в это верим, мы хорошо это знаем. Я не представляю себе одного из вас, если вас [кто-либо] спросит – а какой основной тезис тов. Ленина о нравственности? Каждый из вас обязательно это скажет и ответит. Но это общая формула. А вот коснемся частного случая, такой мелочи: «Почему ты не сделал того-то?» – «Забыл, выскочило из головы». Третий человек говорит: «Безобразно, что ты забываешь». А четвертый говорит: «Ну, чего ты к нему пристал, он не виноват, он забыл». И действительно, человек что-то помнил, помнил, а потом забыл. Ведь естественно, можно же забыть. Это естественный поступок. Значит, имеет это отношение к формуле тов. Ленина? Конечно, имеет.

Другой случай, не к ночи будь помянуто. У меня семья, жена, дети, а потом я встретил, ну где? – у знакомых, в театре, на работе, встретил красивую женщину. Очень важное обстоятельство – красивая женщина. Такие глаза, такой голос, характер, походка. Важное обстоятельство. И влюбился. Все говорят – правильно, нельзя не влюбиться. Бросил жену, бросил детей. Алименты платить вообще согласен. Плачу. Но мне не хватает на новую семью; и действительно, не хватает, тут же тоже дети. Где же набраться [набрать. – Г.Х.] столько средств? Не плачу. Суд требует. Это поведение проверяется формулой тов. Ленина или не проверяется? Могут найтись люди, которые скажут: «Ну, при чем тут победа революции? Я же влюбился, а революция мне именно позволила влюбиться. До революции черта с два, влюбляться нельзя, конченный человек. Именно революция освободила меня от семьи, ребят, от семейных цепей, и я хожу без цепей, в кого хочу, в того и влюбляюсь. Значит, какие могут быть разговоры, что такое поведение идет против революции, когда это дар революции, это успех, результат, это продукт, это революционная победа! Значит, тут нечего говорить». Я написал «Книгу для родителей», и там есть такой отдельчик, направленный против алиментщиков. Сколько я писем получил от товарищей мужчин, с какими упреками, где прямо сказано: «Вы что же хотите? Нерасторжимого брака?» И так и пишут: «Эти цепи, которые революция сбросила с человека». Я отвечаю: «Нет, не цепей, а хочу коммунистического поведения». И некоторые вступают со мной в переписку и доказывают, что коммунистическое поведение здесь ни при чем, напротив, именно человек, т.е. не член партии, а человек по характеру коммунист, должен жить счастливо, должен

жить свободно, не должен быть рабом ни своих чувств, ни своих действий, ни своей жены. И крыть нечем. Имеет право. Иначе, в самом деле, «для чего кровь проливали».

Так вот и такой вопрос имеет важное значение. И выходит, что формула тов. Ленина о том, что такое нравственность, нужна нам не только для того, чтобы ее выучить и щегольнуть на зачетах и когда нужно поспорить и доказать, что я человек грамотный. Она нужна нам для того, чтобы в каждом отдельном случае, на каждом шагу, в каждом движении уметь этой формулой проверить свое поведение и узнать – [по-]коммунистически я поступаю или не [по-]коммунистически. И совершенно ясно, что для того, чтобы эту формулу расширить до мельчайших деталей наших поступков, нужно большое усилие всех нас, нужна мысль, – нужно искать, анализировать проблемы, нужно расширять эту формулу до каждой маленькой проблемы. Но и этого мало. Еще нужно так привыкнуть к новым требованиям новой нравственности, чтобы соблюдать эти требования, уже не обременяя наше сознание каждый раз отдельными поисками.

Вот общее положение о коммунистической нравственности и общие наши обязательства по отношению к этой формуле.

Многие у нас часто злоупотребляют словом сознательность и говорят: он сознательно поступил или несознательно. Это значит, что если он сознательно поступил, то это хорошо, а несознательно поступил – значит плохо. Я, как педагог, а у меня всегда на руках были тяжелые характеры, старался добиваться сознательных поступков. Но я скоро увидел, что это невозможно всегда рассуждать о том, как поступить или, как говорят украинцы, «сісти і заходити в думи», сесть и подумать. Невозможно на каждом шагу «заходити в думи». Т.е., нельзя загружать наше сознание на каждом шагу этой страшной работой проверки. Причем, ведь человек всегда что-нибудь делает, всегда совершает акт поведения. Иногда это мелочь. Даже неловко вспоминать.

Тип москвича, например. Я в Москве 2 года и [раньше] не знал, какие [они –] москвичи. Я провинциал, да еще хохол, украинец, другое было представление о человеке. И вот мой первый образ москвича.

Я приехал в Москву с 2-3 чемоданами в длинную [длительную – Г.Х.] командировку, и друг-москвич меня встретил на вокзале. Я по-провинциальному говорю: «Такси, что ли, взять или извозчика?» – «Нет, говорит, едем на трамвае. У нас все делается на трамвае. Петька, Колька, Мишка есть и т.д.».

Ну, думаю, посмотрю, как это делают москвичи. Идет трамвай. Страшный разгон, и вся масса этих людей и чемоданов влетает в вагон. Ругань, протесты. Я думаю: «нет», а он кричит: «Что же ты стоишь, лезь в [на. – Г.Х.] переднюю площадку». Я растерялся. А он уже всех растолкал, кому-то подал чемодан, успел еще произвести какое-то разрушение и меня впихнул. Спрашиваю: «А где же третий чемодан?» – «Если Мишка не сел, чемодан у него, то он доедет на следующем трамвае». – «Да ведь ты не сказал Мишке куда ехать». – «Ах, не сказал? Ну, он сам догадается».

Не говоря о том, что мне истоптали сапоги (я 1 р. заплатил за их чистку), оторвали пуговицы, но я целый день искал третий чемодан, который завез Мишка.

Вот этот страшный патриотизм, эта энергия, эта гордость: у нас в Москве так! – убежденность, уверенность, уверенность, что в Москве все хорошо приспособлено. Целая куча неприятностей, а он уверен, что все правильно, что все так и нужно. Скажите, чем проверить его поведение? Неужели о таком пустяке, как вопрос о том, как перевезти чемодан, тоже нужно сесть и подумать? Это рефлекс, это привычка к определенному поведению. И совершенно ясно, что кроме сознания нам нужно выработать какую-то привычку. А мы идем к коммунизму. Легко сказать – «от каждого по способности, каждому по потребности»¹¹.

Давайте по секрету поговорим. Как мы об этом думаем – «каждому по потребности». И сколько очень легкомысленных мыслей иногда приходит нам в голову. Вот как хорошо – каждому по потребности. Вот у меня потребность – я желаю иметь 10 костюмов, получу я их или нет? Я желаю иметь дачу. Я не хочу «М-1», у меня потребность на «ЗМС»¹². Я хочу каждый день ходить в Большой театр и сидеть в 1-м ряду. Это моя потребность. Товарищи, для того чтобы справиться с таким вопросом, что такое потребности и как мы представляем себе, будет действительно удовлетворяться потребность каждого, для этого нужно, чтобы не только сознательно, умно относиться к своему поведению, а чтобы у нас была привычка правильно поступать.

Вот тов. Ленин в своей книге «Государство и революция», между прочим, подчеркивает значение именно привычки. Он говорит, как будет при коммунизме: это будет всенародный учет, и уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться таким быстрым и серьезным наказанием, что необходимость соблюдать несложные основные правила всего человеческого общежития очень скоро станет привычкой. Тов. Ленин слово «привычка» подчеркивает.

Таким образом, и наша задача не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но еще и воспитывать правильные привычки, т.е. такие привычки, когда мы поступали бы правильно во все не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе мы не можем, потому, что мы так привыкли. И воспитание этих привычек – гораздо более трудное дело, чем воспитание сознания.

Вот в моей работе воспитания трудных характеров из того материала, который у меня был, до сознания довести было всегда очень легко. Все же человек понимает, человек сознает, что нужно поступать так. А вот когда приходится на деле поступать, то он поступает иначе, в особенности в тех случаях, когда этот поступок совершается по секрету. Вот это страшная проверка сознания: поступок по секрету. Как человек поступает, когда его никто не видит, не слышит и никто не проверяет. И я потом над этим вопросом должен был очень много работать. Я понял, что легко научить человека поступать правильно в моем присутствии, в присутствии коллектива, а вот научить его поступать правильно, когда никто не слышит, не видит и ничего не узнает о том, как он поступил, – это очень трудно.

Я помню такой случай. Коммуна была уже в полном блеске, когда кто-то предложил на собрании такой тезис:

«Мы настолько сильны и настолько дисциплинированы и настолько себя уважаем, что мы предлагаем, что в трамвае коммунары обязаны уступать место всем».

Сначала предложили – уступать место старикам, старушкам, калекам, женщинам, но потом поговорили-поговорили на общем собрании и решили: нет, уступать место всем. Потому что мы не знаем: вот вошел человек в трамвай – болен он или устал, или далеко ему ехать, или он много работал. Поэтому постановили, что коммунары должны всегда уступать место всем. Все были довольны, все радовались, потому что это – признак уважения к себе, это – признак моей силы, и чувствовать эту силу в своем коллективе – это радостное переживание. И мы были довольны. Мы были довольны, что мы пришли к этой силе. И я был доволен.

Многие ребята в школе начали нам подражать. И вдруг на фоне этого общего благополучия месяца через два один коммунары говорит: «У нас, – говорит, – многие коммунары уступят место в вагоне и стоят и смотрят – все ли заметили, все ли увидели это. В глаза всем заглядывают. Предлагаю: пусть не заглядывает в глаза, пусть не задается своим поступком, как кокетка не смотрит вам в глаза. Надо так поступать, чтобы никому в глаза не заглядывать и чтобы никто не заметил, что ты ему место уступил».

И вот я дальше смотрю: он осторожно сдвинулся с места, чтобы никто не заметил, ушел в сторону, и никто не заметил. Вот, товарищи, поступок здоровый, красивый поступок, которым хочется пококетничать. Сделать для себя, для собственной идеи, для принципа – это уже трудно, и научиться так поступать – страшно трудно, и трудно научить так поступать. Хотя это сущий пустяк. Например, вы идете по берегу реки, тонет девочка, вы прыгнули, вытащили девочку, положили [на берег] и пошли. Что такое, если вас видят 3-4 человека и будут вам аплодировать? Пустяки. А хочется. Помните случай в Москве, когда был пожар? Какой-то молодой человек проезжал в трамвае, увидел девушку на каком-то этаже, полез, вытащил девушку и скрылся. Никто не знал, как его найти. Вот это идеальный поступок. Поступок для правильной идеи. И вот в каждом случае мне приходилось страдать над этой проблемой.

Мы натерли полы каждый день. Натерли пол, зал блестит, и кто-то плюнул на пол. Пустяковый случай: уверяю вас, никакое воровство, никакое хулиганство не доводило меня [до] такого белого каления, как этот плевок. Почему плюнул? Потому что никто не видел. Ведь это, может быть, тот самый лучший комсомолец, который от других требует правильного поведения, который сам прекрасный ударник, который идет впереди. И когда он остался один, наедине, когда его никто не видел, – он плюнул на работу своих товарищей, на свой собственный уют, на свое собственное жилище, на свою эстетику и красоту. Плюнул, потому что никто не видел. Вот это противоречие между сознанием, как поступать, и привычкой, как поступить. Между ними есть какая-то маленькая канавка, и нужно эту канавку заполнить опытом. Именно о такой привычке к правильным поступкам говорит тов. Ленин.

Вот общие положения о задачах коммунистического воспитания. Перед нами стоят эти задачи. Мы должны в ближайшие 5 лет, во всяком случае в эти 5 лет, мы должны пройти этот путь коммунистического воспитания.

Кто будет нас воспитывать? Конечно, нас будет воспитывать жизнь – та же самая советская жизнь, советское движение вперед, советские победы, которые и до сих пор нас воспитывали. Мы будем воспитывать сами себя.

Теперь только остается закончить вопрос так, чтобы ответить на такой вопрос: а уже возможно? Вот что интересно. Я написал книгу «Флаги на башнях», в которой я описал коммуны им. Дзержинского. Это была хорошая коммуна, это был образцовый коллектив. Я могу без ложного стыда это утверждать. И я так описал, как было дело. Первыми не поверили критики. Они сказали: Макаренко рассказывает сказки¹³. Другой критик добавил: это мечта Макаренко¹⁴. И я подумал: чего от критиков можно ждать? Сидят в своих кабинетах, ничего не видят, не слышат, – пусть [себе] пишут.

Но вот я получил письмо от школьников 379-й школы. Длинное товарищеское письмо. Поздравляют меня и говорят: «Читали вашу книгу „Флаги на башнях“, она нам очень нравится. Но только у вас там все какие-то очень хорошие коммунары, а у человека есть свои достоинства и свои недостатки, и так нужно людей и описывать».

И это – распространенное наше мнение, что у человека должны быть и достоинства и недостатки. Так думают и молодые люди, и школьники, и т.д. И как хорошо становится жить при сознании: достоинства имею, недостатки тоже имею! И дальше идет самоутешение: если бы не было недостатков, то это была бы схема, а не человек. Недостатки должны быть для красочности и т.д. И мы думаем, что познали жизнь.

А с какой стати должны быть недостатки? А я говорю: никаких недостатков не должно быть! И если у вас 20 достоинств и 10 недостатков, мы должны к вам пристать как собаки: а почему у вас 10 недостатков? Долой 5. Когда 5 останется – долой 2, пусть 3 остается. Ну, один, как для музея, можно оставить. Вообще, от человека нужно требовать, требовать, требовать. И каждый человек это от себя должен требовать. Я бы никогда не пришел к этому убеждению, если бы мне не пришлось в этом отношении работать. Зачем у человека должны быть недостатки? Я должен совершенствовать коллектив до тех пор, пока не будет у них недостатков. А что вы думаете? Получается схема? – Нет! Получается прекрасный человек, полный своей личной жизни. А разве это человек, если он хороший работник, но за галстук заливает, если он замечательный инженер, но любит солгать, так, не всегда правду сказать. Что это такое: замечательный инженер, но Хлестаков.

А теперь мы спросим: а какие же недостатки можно оставить?

Вот если вы хотите проводить коммунистическое воспитание активным образом и если при вас будут утверждать, что должны быть у каждого недостатки, вы спросите – а какие? Вы посмотрите, что вам будут отвечать. Какие недостатки могут оставаться? Тайно взять – нельзя, схулиганить – нельзя, украсть – нельзя, нечестно поступить – нельзя. А какие же можно? Можно оставить вспыльчивый характер? – Спасибо, с какой стати? Среди нас будет жить человек со вспыльчивым характером, и он может назвать меня мерзавцем, скотом, а потом скажет: извините, извините, извините, у меня вспыльчивый характер. Вот именно в советской этике должна быть серьезная категория требований к человеку, и только эти требования к человеку и смогут привести к тому, что у нас будет развиваться коммунисти-

ческое воспитание, в первую очередь – требование к себе. Это ужасно трудная вещь – требование к себе. Моя же специальность – правильное поведение, я-то должен был, во всяком случае, правильно себя вести в первую очередь. С других требовать легко, как от себя – черт его знает, на какую-то резину наталкиваешься, все хочешь себя чем-то извинить. То делаешь вид, что-то не заметил, а просто тайно сделаешь гадость потому, что никто не узнает. Это самая трудная вещь – требовать от себя. И я очень благодарен моему коммунарскому коллективу им. Горького и им. Дзержинского за то, что в ответ на мои требования к ним они предъявляли требования [и] ко мне. Они меня воспитывали.

Например, такой случай. Я наказывал коммунаров, сажал под домашний арест у меня в кабинете. Один час под арест. Приходит в кабинет и сидит под арестом. Бывал случай – посидит полчаса, и я говорю: иди. И думаю, какой я добрый человек, наказал на 5 часов и через полчаса отпустил. И дальше думаю: вот меня будут любить теперь, потому что я такой добрый и мальчика не мучаю. Вообще – благорастворение души. И вдруг на общем собрании говорят: «У нас есть предложение, Антон Семенович имеет право наказывать. Правильно, надо всегда наказывать, поддерживаем, приветствуем это право. Но предлагаем, чтобы он не имел права прощать и отпускать. Что это такое – Антон Семенович на 5 часов накажет, потом у него доброе сердце, попросили и он простил. Какое же он право имел прощать; если он наказал на 5 часов, значит, он [наказанный. – Г.Х.] должен сидеть 5 часов, а не должен заглядывать в глаза А.С. Иногда А.С. с размаху скажет: под арест на 10 часов, а потом через час отпускает. Неправильно. Вы раньше, чем наказывать, подумайте, на сколько часов. А то вы думаете 10 часов, а потом прощаете. Никуда не годится!» Постановили на общем собрании: «Начальник имеет право наказывать, но не имеет права прощать». Так, как судья: вынес приговор и через несколько минут сам ничего поделать не может. Приговор вынесен, и все. И я сказал: «Спасибо не за то, что правильное предложение внесли, а спасибо за то, что меня воспитываете». Стремление закрыть глаза – простить или не простить – это распушенность собственного поведения, разболтанность собственного решения. Я учился у моих коммунаров, как быть требовательным к себе. И каждый может учиться у других людей, но это очень трудная вещь.

Но вот тов. Сталин так говорит о трудных делах: «Мы не можем уподобляться расслабленным людям, бегущим от трудностей и ищущим легкой работы»¹⁵.

Воспитание себя, коммунистическое воспитание себя – это очень трудная работа, но не сделать ее может только расслабленный человек, который ищет легкой работы.

ПЕРЕРЫВ.

Как-то так выходит, [что] затягивается наша беседа. Я постараюсь все-таки сжиматься. У нас теперь вопрос о борьбе с пережитками капитализма¹⁶. Нечего скрывать, у нас в каждой пережитки капитализма есть. Но, к сожалению, не произведено такой серьезной работы по учету пережитков капитализма, и поэтому мы склонны в порядке домашних споров относить

к пережиткам капитализма решительно все. Ну, скажем, ревность – это пережиток капитализма или нет? Ко мне недавно пришла тройка студентов первого курса и спрашивает: «Спорим, спорим и никак выпорить не можем. Ревность – это пережиток капитализма или нет? С одной стороны, как будто пережиток капитализма, потому что я [ее] люблю, а она другого любит. Я как будто собственник и предъявляю свои права собственности. А с другой стороны, как же можно любить без ревности, как это можно любить и не ревновать? Это не настоящая любовь. Какая это любовь, когда тебе все равно, как она на тебя посмотрит, как она на товарища посмотрит». И на самом деле, ревность такая вещь, которую, пожалуй, так легко к капитализму не отнесешь. И приходится иногда подумать – а вдруг это советская ревность? Во всяком случае, такой вопрос поставить можно.

Дальше, допустим, выпить лишнее – пережиток капитализма или нет? Как же пережиток капитализма, если тебе 23 года, ты при капитализме не жил и начал выпивать вообще при Советской власти. Почему это пережиток? Это как раз наше явление.

Ну, даже возьмем такую очень распространенную штуку, как эгоизм. Опять-таки, есть люди, которые говорят: эгоизм – это пережиток капитализма несомненный. А другие говорят: нет, как раз без эгоизма не проживешь никак, эгоизм – здоровое явление. Человек, не имеющий эгоизма, это значит: что с ним хочешь, то и делай. Это не пережиток. И много других таких явлений есть, о которых мы так и не знаем и обычно сваливаем в одну кучу и говорим – это пережиток капитализма. А на самом деле некоторые вещи порождены нашей советской жизнью. Возьмите вы горячность, излишнюю самоуверенность, даже удалство, – оно у нас сплошь и рядом рождается от нас, от нашего советского патриотизма, пафоса, когда человек идет вперед, стремится к цели и часто [все] разрушает на своем пути. Это неосмотрительность, это плохая ориентировка. Это уже, конечно, не пережиток капитализма.

Вообще пережитков очень много, и они разнообразны. Самый настоящий пережиток капитализма как раз мы и не наблюдаем. Трудно представить себе, чтобы советский гражданин, пускай даже в порядке анекдота, мечтал о том или стремился к тому, чтобы открыть бакалейную лавочку, покупать дешево, продавать дороже. Уже такого явления мы не видим, и даже втайне никто об этом не мечтает. Этих настоящих пережитков экономических методов капитализма у нас, конечно, нет. Трудно себе представить человека нашего общества, который бы хотел кого-нибудь эксплуатировать: думал бы об этом сознательно. А [тем не менее] бывает, наблюдаем мы в жизни, эксплуатирует человек другого. Я в позапрошлом году поехал с товарищем по Волге¹⁷. Хороший друг. Но он меня всю дорогу, 20 дней, эксплуатировал. Заказать постель – он не мог, пойти на пристань что-нибудь купить – не мог. Пошел купить раз огурцов – купил гнилых. Кипятку достать, билеты купить, машину найти – ничего не мог. И я на него, как робот, работал все это время. Он эксплуатировал меня и спокойно жил на моем труде.

И на каждом шагу мы видим сейчас у нас этот пережиток капитализма. В особенности если спросим женщин – как мы их эксплуатируем. И я раньше думал: ну, когда это касается, по-семейному согласились. Я служу, и жена служит, а кроме того и обед готовит, и носки штопает. И мне в голову не

приходило, что я сам должен штопать носки. А в коммуне я понял, что такое атавизмы со стремлением эксплуатировать женщин. Вот у меня хорошие ребята, комсомольцы, воспитанные ребята, и спрашивают: кто будет чинить носки? Носки рвутся, и нельзя же каждый раз новые носки покупать. Правда. А девочки говорят: разве они не могут чинить? «Ах так, – говорю. – Вот вам инструктор, и вот вам, товарищи мальчишки-комсомольцы, каждый день урок: как штопать носки. – «Не мужское это дело», – говорят. И тут я им всласть наговорил. И учились, и научились, и чинили носки, и заплаты клали.

Я бы на месте наших женщин каждый день в работу мужа брал: научись чинить носки. Потому что просто стыдно: мы, мужчины советского героического периода, победившие на всех фронтах всех врагов, и такой пустяк сваливаем на женщин, а для женщин это трудно, это большая работа, и иногда приходится наблюдать наших замечательных советских женщин, которые работают вместе с нами, несут вместе с нами все наше напряжение и наши радости, и печали, [и] где-то там по ночам, когда глава семьи спит, чинят носки. Приятная это работа? Вы не думайте, что я достиг в этом вопросе совершенства, но я честно не ношу носков и ботинок, я ношу сапоги и портянки; но я не эксплуатирую свою жену. И я не дошел еще до того, чтобы купить себе хороший пиджачный костюм, как мне хочется, и чинить носки. Нет, все-таки я еще носков чинить не буду. Я еще не достиг совершенства. Но я ставлю такую задачу.

Мы очень много эксплуатируем женщин. В коммуне я добился, что там не было эксплуатации девушек, а в жизни я вижу, что этого еще нет. В особенности я задумался над этим вопросом недавно, когда ко мне пришла одна женщина. Ко мне иногда приходят разные люди. Но я никак не мог ожидать такого страдания. Она пришла, сидит и плачет. «Чего вы плачете?» – «Не могу выносить, как мужчины эксплуатируют женщин». – «Кого, вас?» – «Нет, я одинокая». Затем я понял, что у нее есть основания страдать. Это человек большой души, которая от революции ждала настоящего женского освобождения. И она видит, что настоящего женского освобождения нет. Тут пережиток капитализма крепко сидит в нас. Мы его всегда видим, все знаем и все благодушно допускаем, пользуясь чем? Предательски пользуясь тем, что женщины нас любят и хорошо к нам относятся. Предательски эксплуатируем не только работницу-женщину, но и любящего нас человека. Вот какая страшная форма эксплуатации. Это пережиток.

Есть пережитки не такие буржуазные в самом своем содержании, есть вытекающие из нашего незнания, нашего неумения, нашего роста – это уже не пережиток, а недожиток.

Но есть один сорт пережитков, о котором мы меньше всего думаем и который составляет настоящую систему пережитков старины. Это – старая этика, старая система морали, по которой мы жили, наш народ жил тысячу лет, а человечество – 2 тысячи лет или больше. Мы закрываем глаза, мы делаем вид, что мы этой старой системе морали не замечаем, что ее нет, а она есть. Не собрание пережитков, не сумма отдельных атавизмов и пережитков, а: система традиций, система взглядов, логика. Это христианская этика. Нам кажется, что мы покончили с этим: храмы, батюшки, мифы. Вся догматика христианства очень легко слетела с нашей территории. А вот

этическая система, представления о поведении, традиции, представления о нравах, об идеалах, поведении, у нас еще очень крепко живет, и у самых настоящих советских людей, у членов партии, у настоящих большевиков. Этическое представление христианства. Я под христианством вовсе не хочу понимать какое-то ортодоксальное христианство со всеми его положительными утверждениями. Я под христианством понимаю все то, что выросло на христианской почве. Я к христианству отношу всю эту европейскую цивилизацию, эту европейскую этику, которая выявляется не только в православном или в католике, а и в еврее и магометанине. Вся, накопленная двухтысячелетней историей, этическая жизнь классового общества. Это – самая страшная груда пережитков.

У себя в работе среди коммунаров я сначала по неопытности считал главным и самым трудным объектом воров, хулиганов, оскорбителей, насильников, дезорганизаторов. Это характеры, которые ничем не удержишь. Не за что взяться. Буянят, бузят. А потом я понял, как я ошибаюсь. Тот, который грубит, не хочет работать, который стащил у товарища три рубля из-под подушки, – это не было самой главной трудностью и не из этого вырастали враги в обществе. А тихони, Иисусики, которые всем нравились, которые все сделают, которые вам лишний раз на глаза не попадают, никакой дурной мысли не выразят, – у себя в спальне среди 15 товарищей имеют сундук и запирают его на замок.

И Иисусики (так их называли коммунары), я знал, что это тот характер, над которым мне прежде всего нужно работать, потому что этот Иисусик так и проскользнет мимо моих рук, и я не могу ручаться ни за мысли его, ни за поступки. Он выйдет в жизнь, и я всегда буду ждать: что он сделает. И по отношению к таким Иисусикам я особенно всегда настороже. Я трясу его изо дня в день, чтобы он почувствовал. Со своей подлой душой – и прикидывается хорошим человеком.

И потом мои коммунары научились бороться с таким характером и на серебряном блюде подавать его во всей его неприглядности.

И эта корзинка, которую человек запирает на замок, это страшная вещь. Представьте себе: живут 15 мальчиков. По нашей традиции нельзя было ничего запирают, кроме производства. Спальни не имели замков, корзинки не должны были запираются. 90 спален, когда [все] ушли на работу, остаются без охраны. А он один повесил замок. И я знаю, что из такого человека получится. И таких людей ни наказанием, ничем не проберешь. Взорвать нужно его каким-то динамитом. И я 6 лет с такими возился. Все знали, что он Иисусик, что у него добрые глаза, что он по виду как будто очень хороший человек, но ни одному поступку его мы не верим.

И когда он просил, чтобы его командировали в военное училище, – нет, – говорю. Почему? Потому, что ты Иисусик.

И, наконец, он понял, что нельзя быть Иисусиком. Старался, старался, но своей природы не мог переделать. Ловили его на всякой гадости: то слушок какой-нибудь пустит, то на девочек потихоньку гадость скажет.

Наконец, ушел он в один из южных вузов, и я не мог быть спокойным, что из него выйдет человек. И когда он пришел ко мне прощаться, я изменил своему педагогическому такту и сказал: «Сволочью ты был, сволочь есть, и сволочью ты и останешься».

Он приехал потом ко мне в гости и сказал: «Сколько вы со мной возились и ничего со мной поделывать не могли, но вот то, что вы мне сказали – сволочью был, сволочью и будешь – этого я забыть не могу. И сволочью я не буду». И вот этот взрыв: того, что я ему сказал, он забыть не может.

Он не может допустить, чтобы я был прав; и он приехал и говорит: «Вы ошиблись, не буду сволочью. Вы увидите». Я сказал: «Посмотрим. Вот ты кончаешь вуз, выходишь инженером, и мы посмотрим». А ребята пишут: «Как там Сергей? Мы слышали, что хорошо учится. Не верим». Из другого города писали: «Что с Сергеем? Что-нибудь уже он выкинул?». Но все-таки удалось удержать. А сколько таких, которые промелькнули между рук, с которыми не работали. Вот эти Иисусики – самые паскудные люди, это христиане, не в смысле религиозном, а в смысле наследия европейской христианской этики во всем ее объеме. Это – страшная вещь! Это опыт двух тысяч лет этической жизни, что нам дало христианство! Если посмотреть на этическую систему христианства, – вы все знаете его историю, его догматику, его этику. Я обращаю внимание только на одно обстоятельство: христианская этика это, конечно, индивидуализм, пессимистический индивидуализм. Это значит – ничего в жизни не могу взять. Возьми хоть какое-нибудь маленькое, свое, одинокое нравственное дело и соверши. А на небесах ты что-нибудь получишь. Это – индивидуализм, это – наплевательское отношение к коллективу. Если кто-нибудь ударит тебя в правую щеку, подставь ему левую. Почему? Каждый может распоряжаться своими щеками, но полная забывчивость о том, что есть негодяй, который ходит и лупит по щекам. А мне наплевать, я подставляю, я совершенство. А что происходит в жизни, меня мало интересует. Коллектив, общество меня не интересует. Хуже того: Блаженны... Радуйтесь и веселитесь...¹⁸ Переведем на советский язык: «Будьте счастливы, если вас оклеветают, если о вас наговорят гадости, если взвалят на вас небывалое обвинение, – радуйтесь и веселитесь».

Ну, хорошо. А тот мерзавец, который вас оболгал и оклеветал, он же живет в обществе и других может оклеветать! Нет, это меня не интересует, ибо «не судите, да не судимы будете». Это – полное отрешение человека от коллектива. Это – этика, совершенно противоположная нашей этике. Никакого требования ни к себе, ни к другим! Можно, конечно, упражняться, щеки подставлять. Хуже того: посмотрите на птиц небесных, они ничего не делают, а живут¹⁹. Никакого отношения к труду! Грехи сколько угодно, грех не запрещается. А потом покайся, и все благополучно, и ты будешь счастлив. Разве отражение этой двурушнической этики не осталось еще у нас? Разве не отсюда идет уверенность, что у человека могут быть недостатки? Это все идет от христианской этики. Все это породило только лишь кокетство.

Подать милостыню – это кокетство, подставить щеку – это кокетство своим совершенством. Это все – искривление какой бы то ни было человеческой нравственности. И это сохранилось в наших привычках. Сентиментальность, нежная расслабленность, стремление насладиться хорошим поступком, прослезиться от хорошего поступка, не думая, к чему вот [приведет] эта сентиментальность. Это самый большой цинизм в нашей практической жизни. И эти пережитки христианства остались в нашей жизни. Тот добр, тот все прощает, тот чересчур уживчив, тот чересчур нежен. И настоящий советский гражданин понимает, что все эти явления расслабленной

этики добра – все это противоречит нашему революционному делу, и с этими пережитками мы должны бороться.

Но главная борьба должна идти по выработке норм нашего коммунистического поведения. Я уверен, что наша коммунистическая этика, когда она сложится окончательно, она будет очень прозаической этикой. И этот прозаизм, эта близость к практической жизни, к простому здравому смыслу – и будет составлять силу нашей коммунистической этики.

Я в восторге от таких слов тов. Сталина:

«Особенность данного момента состоит в том, что мы сумели сделать практическое, живое дело построения социализма, спустив социализм с высоты иконы и сделав его практической, простой жизнью»²⁰.

И не нужно говорить об идеалах, о добре, о совершеннейшей личности, о совершеннейшем поступке, – мы должны мыслить всегда прозаически, в пределах практических требований нашего сегодняшнего, завтрашнего дня. И чем ближе мы будем к простой прозаической работе, тем естественнее и совершеннее будут и наши поступки.

Я думаю, что не может быть идеального совершенства в вопросах этики. Я переживал очень много сложных коллизий в своей педагогической работе, как раз в вопросе совершенства. Возьмем такой простой вопрос: пить водку можно или нельзя? Христианин обязательно скажет: нельзя. Полное воздержание, водка – зло, не пей! И вот этот максимализм, при всей прочей христианской инструментовке, он кажется даже близко стоящим к какому-то серьезному требованию. И рядом тут же всепрощение, полная нетребовательность к человеку. И максимализм висит в воздухе. В нашей этике не может быть такого максимализма. Ничего не может быть свято, если это святое не идет навстречу интересам революции.

Ко мне приходили ребята. Редко когда они приходили без бутылки водки в кармане. Эта беспризорная шпана больше пила, чем ела. Как это он придет в коммуны и не похвастается, что он пьет водку. И были такие люди среди них, которые приходили ко мне в 16-17 лет, и они уже привыкли пьянствовать. Что с ними делать? Вот в нашей советской современной школе есть подобный, хоть и более легкий вопрос – курение. Курят ученики 5-7-10 классов. Что мы, педагоги, делаем? Мы говорим с чисто христианским выражением на лице: «нельзя курить», а они курят. Мы опять говорим: «нельзя курить», а они курят. Что мы дальше должны делать? Выгнать из школы? Нет. Та же наша христианская душа не позволит выгнать из школы за курение. Эта же христианская душа: запрещает курить и не может выгнать за курение. И естественный результат – курят, только не открыто при вас, а в уборной, в отхожем месте, т.е. в самых вредных условиях. Что делать? Как бороться? Надо же [этот вопрос] решить, а мы его решить не можем и делаем вид, что все у нас благополучно. Мы запрещаем курить, – ребята курят, получают полное удовольствие, а мы не видим, мы ничего не знаем. Все благополучно. Но это еще курение. Ну, а водка? У меня были ребята, которые привыкли пить водку и которые иногда из отпуска приходили пьяные и потом сидели у меня в кабинете и плакали на моем плече. Что, мне легче от того, что он будет каждый выходной день плакать? Выгнать тоже нельзя. Я, конечно по секрету от педагогического начальства,

вынужден был заняться этим вопросом с точки зрения коммунистической этики.

Что мне делать? Выгонять? Куда же его выгонять? У меня последняя стадия его развития. И я знал, что если я буду сидеть на этой христианской двурушнической позиции, то он будет у меня жить пять лет, пять лет будет пить и будет пьяницей. И мы все знаем, товарищи педагоги, что у нас дети живут до 18 лет, потом выходят в жизнь, а в жизни они будут пить водку. Мы считаем это нормальным. Пусть он пьет после 18 лет, я за него не отвечаю. А я не мог так поступить. Потому что главной моей задачей было не образование, а воспитание.

Что я делал? Я пришел к выводу, что я должен был научить их пить водку. Я их приглашал к себе домой, завхоз покупал водку, я ставил на стол закуску, приборы, клал салфетки, ножи, вилки, все очень культурно, я собирал 8-10 чел. «отъявленных пьяниц» в 11 часов вечера, когда уже все легли спать, и говорил им: «Строгий секрет, никто не должен знать о нашем пире. Никто». – «Будьте покойны». Они уже перепуганы этой обстановкой. А я говорю: «Буду учить вас пить водку и дам вам следующий совет. Вот три правила: на голодный желудок не пей; второе правило – закусывай. Повторите! И третье правило – знай, когда нужно остановиться, на какой рюмке, чтобы не потерять лицо человека». Это, говорят, хорошие правила.

Ну, давайте сделаем первое упражнение. Налили по рюмке. Выпили, закусили. Есть такие, спрашиваю, которые считают, что нужно остановиться на первой. – Нет, говорят, таких нет. Выпили по второй, по третьей. Я говорю: «Проверьте себя, вы себя знаете». И вот кое-кто говорит: «Нужно остановиться». Но были такие храбрецы, которые на десятой остановились.

«Ну, теперь идите спать!» И все трезвые. Они уважали меня и понимали, что я делаю дело.

А вот наше российское дело: где-нибудь в переулке перевернуть литр, упасть и тут же заснуть у парадного крыльца.

Через неделю, через месяц спрашиваю: «Будете помнить мои правила?» – «Спасибо, сердечное вам спасибо, – говорят. – Будем всегда ваши правила помнить. В голову нам не приходило, что и в этом деле нужна культура и можно чему-нибудь научиться. Когда пойдешь в город и купишь бутылку, нужно ведь ее всю выпить, когда [куда. – Г.Х.] же девать остаток? Закусывать? Где будешь закусывать? И потому все так и делается неправильно. Пьешь – и все...». И человек 50 за свою жизнь я вот так научил пить водку. У меня не было другого выхода. Я только в этом году стал рассказывать об этом, а то делал это в секрете.

Когда, например, в гости приезжает какой-нибудь капитан Красной Армии, ну, поставишь графинчик, закуску. И он говорит: «Всегда на шестой останавливаюсь. Всю жизнь буду помнить».

Всю жизнь буду помнить.

Товарищи, я к чему это рассказываю? Если бы я был христианином и захотел бы балансировать, жонглировать этикой, они бы у меня вышли пьяницами, и теперь они были бы несчастные люди.

В колонии им. Горького, когда я еще не научился сам, как их исправлять, был у нас Лапоть, замечательная личность, блестящий характер, блестящая

натура, а спился. Не научил я его пить. Из-за пустяка спился. Влюбился в красивую девушку, женился. А он сам некрасивый. Какая же гарантия, что такая женщина не будет тебе изменять? А он нарвался на легкомысленную особу. Он – человек больших чувств, – запил. И теперь пьет. Я уже его взял в руки, я его отправил в...²¹.

Все силы он направил на это, но не мог. И некоторые из Горьковской колонии, хорошие ребята, только потому, что я не справился с этим проклятым грехом, не научил, как это привести в культурный вид, пьют. Мы все кричали: не пей, не пей, будь как голубь.

Точно так же и с курением. Я не пошел на путь максимализма, я покупал табак и папиросы, и они курили в моем присутствии, у меня прикуривали. И именно это позволило мне вести борьбу с курением другими средствами, средствами убеждения, врачебным вмешательством, и наконец, старшие курят на договоре: вы курите, а младшим курить не даете. И уже при этом условии – младшим не покурить. Конечно, я мог вызвать врача, своего воспитанника, и сказать ему: вызови к себе, посмотри и попугай. И тогда врач вызывал мальчика и говорил: «Что у тебя с легкими делается, ты год проживешь». – «А что такое?» – «Да там один никотин». Я ему не запрещал курить, а доктор его пугал. И процент курящих у меня был невелик, он не превышал 15-20. И очень многие взрослые мальчишки-комсомольцы бросали курить именно потому, что я из этого не делал максималистской проблемы.

Что это все доказывает? Прозаичность нашего этического подхода, близость к жизни, то, что по нашим силам, то и есть наша этика, то, что вы способны сделать. Мы требовать должны, но исключительно посильное требование. Я в особенности считаю, что в нашей коммунистической этике всякое превышение [завышение. – Г.Х.] [уровня требований] может только калечить. Я помню спор между двумя студентами, моими воспитанниками. Одному из них 19 лет. Вдруг на него нашла такая мизантропия: «А для чего жить, а какая цель?!».

У вас это тоже, наверное, бывает. Встает вопрос: а для чего жить? А какая цель жизни? И потом такая сентенция: везде материя. Материя, материя и материя. Живем, а потом умрем и сгнием.

Я с ним возился, возился – не за что взять. А тут приехал товарищ и замечательно сказал: «Материя, говоришь?» – «Да». – «И музыка Чайковского тоже материя?» – «Да». – «Ну, что же, с такой материей и жить можно. Материя хорошая. Никакой другой материи не хочу и духа другого не хочу». И убедил человека²².

И от всей этики ничего не останется, если говорить высокими выражениями о добре, истине и т.д. Наша этика должна быть этикой прозаической, деловой, сегодняшнего, завтрашнего нашего обыкновенного поведения. Вот поэтому и разделы, которые у нас проходят между добром и злом, между правильным и неправильным, выражаясь по-старому, проходят не по тем линиям, как в христианстве.

Какое дело христианской этике до вопросов труда? – Никакого. А у нас труд – это этическая категория. Все обязаны трудиться, а раз обязаны все, значит, это норма морали.

Но возьмем более сомнительные нормы, например, такие нормы, которые не могут значиться в христианстве, например, точность. Мы считаем часто, что у людей должны быть недостатки, и сплошь и рядом считаем, что если человек привык опаздывать, то это небольшой недостаток. Я в коммуне известным образом преследовал любовь, так как не хотел, чтобы были ранние браки, считал, что это большое зло, поэтому обрабатывал любовные сюжеты всякими и педагогическими и непедagogическими способами, т.е. говорил: «Брось свою любовь!» Так что это было объектом моего преследования.

И все-таки был случай, когда одна коммунарка назначила коммунару свидание где-то в парке. А я нарвался на эту историю. Сидит она на скамье, я подсел и говорю: «Ждешь кого-то?». – «Нет, так сижу». – «Неправда, – говорю, – ждешь такого-то и такого-то. Давай ждать вместе».

Ждем, ждем. 5 часов – нет, половина шестого – нет, и наконец в половине седьмого пришел. Я на него накинулся: «Что за безобразие! Обещал в 5 часов и приходи в 5, а то заставил ждать девушку, да и меня к тому же до половины 7-го».

И вы, товарищи, разлюбляйте его, если он будет опаздывать. Точность в нашей жизни – это моральная норма. Вот, например, у нас, в Союзе писателей, существует такой обычай. Если нужно, чтобы заседание состоялось в 7 часов, то пишут: «Просят прибыть в 6 часов без опозданий». Это значит – приходи в 7. Написано в 6, потому что хотят, чтобы все собрались в 7. И если это все знают, то на час еще опоздают и придут в 8. И все приходят в 8. Какое циничное отношение к точности!

А у нас привыкли: спокойно опаздывают на 1-2 часа, в высшей степени пренебрегая тем, что вас сидят и ждут 20 чел. Это точность в простом вопросе, а проверьте нашу точность в данном слове, точность выражений, точность выражения чувства. Сколько есть таких случаев, когда человеку только немного нравится женщина, а он говорит: влюблен, люблю, все отдам. Почему так говорят? Точности нет, уважения к точности нет. Если бы это уважение было, человек как-нибудь проверил бы и сразу увидел – влюблен или не влюблен. И если бы было уважение к точности слова, не говорили бы – «я вас люблю», а говорили бы «вы мне понравились». Все-таки это другое, тут надо подумать, еще надолго ли понравилась. Это отсутствие точности, это, в конце концов, очень близко к тому недостатку, который называется мошенничеством, и это наша советская логика. Точность – это великое дело в борьбе за наше богатство. Сейчас последний прекрасный закон о точном прибытии на работу. Многим кажется, что этот закон требует напряжения, что это жестоко²³. Есть такие разговоры. А я прихожу в восторг, я вижу, как создается традиция точного отношения к времени. (*Аплодисменты.*) Эта традиция станет привычкой через 10 лет, мы станем уважать ее, сознавать в каждом своем нерве, в каждом своем движении.

Я могу гордиться – в моей коммуне был такой порядок: я один имел право наказывать, больше никто никогда. Но в заседании, какое бы заседание ни происходило, – совет командиров и др., – председательствовал мальчик, он давал сигнал. Полагается ждать три минуты после сигнала. Имейте в виду – старших коммунаров нельзя было наказывать иначе, как домашним

арестом. Всякое иное наказание считалось недостойным звания коммунара. Младших можно было наказывать иначе. Если на заседание кто-нибудь из мальчиков-комсомольцев опаздывал на пять минут, председатель говорил: ты опоздал на пять минут – получи пять нарядов. Это значит пять часов дополнительной работы.

Точность – это производительность труда, это продуктивность, это вещи, это богатство, и это уважение к себе. Мы в коммуне не могли жить без точности. У нас была полная развернутая десятилетка. И наши десятиклассники говорят: не хватает времени и родителям, и педагогам. А в коммуне была десятилетка, завод, который отнимал 4 часа, завод серьезный – «Лейки», и серьезный тем, что мы жили на него, это наши средства к существованию. Мы не получали денег из казны. Мы каждый день натирали полы, – ведь мы принимали иностранные делегации. Затем физкультурная зарядка, мы не могли быть без значков ГТО. Хватало времени. И гуляли, и отдыхали, и веселились, и танцевали. И мы дошли до настоящего этического пафоса – мы не наказывали за глупость, говорили, нажимали, но не наказывали. А за опоздание – самое большое наказание. Коммунары имели право получить отпуск. Скажем, коммунары говорили мне: ухожу в отпуск до 8 часов. Он сам назначал себе время, я не имел право его задерживать. Но если он приходил в 5 минут 9-го, я его сажал под арест. Кто тебя тянул за язык? Ты мог сказать в 9 часов, а сказал в 8, значит, и приходи так.

Точность – это большое дело, и для меня это хороший коммунист, который точен. И когда я вижу, что человек, коммунары дожил до точности, я считаю, что хороший человек из него выйдет. В точности проявляется уважение к коллективу, без чего не может быть коммунистической этики.

Вы знаете, как тов. Сталин говорит о точности²⁴. В точности проявляется основной принцип нашей этики. Это постоянная мысль о нашем коллективе.

Вот вопрос об эгоизме и самопожертвовании. Маркс говорит очень часто, что коммунистическое общество не будет знать ни эгоизма, ни самопожертвования²⁵, но он не отрицает ни эгоизма, ни самопожертвования. Все эти проявления возможны и уместны в определенных формах. Наши поступки всегда, конечно, будут эгоистическими поступками.

Все вы знаете, как москвичи входят в трамвай, в особенности от 4 до 6 ч. Происходит это так. Стоит 50 чел. Механика вхождения в трамвай такая: 49 чел. сдавливают грудную клетку 50-го, 50-й с раздавленной грудной клеткой не может войти. Иногда он вырывается, и сдавливается грудная клетка следующего человека. И так, иногда придавив грудные клетки 5 чел., никто не входит в трамвай, и трамвай трогается. Вот это – старая этика. Каждый хочет войти в трамвай, и каждый друг другу мешает.

Я наблюдал в одной колонии, которую ревизовал в прошлом году, такой способ выхода из театра: все друг друга сдавили и выйти не могут. Хотите, говорю, научу, как нужно выходить из театра. Вы сейчас выходили из театра 20 минут, попробуйте выполнить мой совет, – и выйдете в течение 5 минут. Очень просто: хочешь выйти, – уступи другому место. И действительно – помогло. И оказывается, каждый выиграл. Эгоизм каждого удовлетворен.

И мы в Харькове демонстрировали вхождение в театр так: колонна в шестьсот человек приходит к театру, дается сигнал – справа по одному бегом, и коммунары, шестьсот человек, вбегали в течение 1 минуты. Это просто разум, просто логика, никакой хитрости нет. И в каждом нашем поступке может быть такая логика: именно потому, что я хочу, чтобы было лучше, именно потому, что я включаю свой эгоизм, я в первую очередь должен включить мой разум. Если бы все московские граждане при входе в трамвай уступали друг другу дорогу, никто бы никогда не давил и вошли бы [все]. Эгоизм выигрывает именно потому, что есть расчет на большие цифры и большие массы. Наша коммунистическая этика должна быть рассчитана на миллионы счастливых, а не на счастье только мое. Логика старая – я хочу быть счастливым человеком. Логика новая – я хочу быть счастливым человеком, но самый верный путь [к этому], если я так буду поступать, чтобы все остальные были счастливы. Тогда и я буду счастлив. В каждом нашем поступке должна быть мысль о всеобщем коллективе, о всеобщей победе, о всеобщей удаче. Поэтому страшно противно смотреть на наших жадных эгоистов, которые хотят сейчас ухватить: ухватили, пожирают и забывают, что именно при таком способе действия вместо радости обязательно в каком-то случае схватишь горе. И при таком способе действия увеличиваешь общее горе и несчастье в такой мере, в какой миллионы субъектов оказываются. Всякий поступок, не рассчитанный на интересы коллектива, есть поступок самоубийственный и вредный для общества, а значит, и для меня. И поэтому в нашей коммунистической этике всегда должен присутствовать разум и здравый смысл. Какой бы то ни было вы ни взяли вопрос, даже вопрос любви, один из проклятых вопросов нашего времени, и он решается тем, чем решается все наше поведение. Наше поведение должно быть поведением знающих людей, умеющих людей, техников жизни, отдающих себе отчет в каждом поступке. Не может быть у нас этики без знания и умения организации. И любовь. Мы должны уметь любить, мы должны знать, как нужно любить. Мы должны к вопросу любви подходить как сознательный, здравомыслящий, отвечающий за себя человек, и тогда не может быть любовных драм. Любовь также нужно организовывать, как и все дела. Любовь также любит организацию, как и всякая работа. А мы до сих пор думаем, что любовь – это дело таланта. Ничего подобного!

У меня в коммуне были сотни девушек и юношей, которые влюблялись. Они были убеждены сначала, что это личная симфония, а я поневоле смотрел на них как статистик и думал: вот на этого чернобровая произвела определенное химическое влияние, которое в ближайшее время сказывается, – в лишних «плохо» в школе, в позднем вставании, потом в измене, ревности, разочаровании, испорченных нервах, невращении. Я знал, чем это кончается.

И я это подсчитывал в массовых цифрах, в сотнях случаев. Для меня любовь была задачей организатора.

Я должен был организовывать любовь этих людей, если они сами этого не умеют. А потом я сказал: с какой стати я должен организовывать даже любовь, извольте сами организовать. Будьте сами организаторами. И я считаю, что эта этическая проблема: «полюбил – разлюбил», «обманул – бросил» или проблема «полюбил и буду любить на всю жизнь» не может быть

разрешена без применения самой тщательной ориентировки, учета, проверки и обязательно – плана. И мы должны учиться, как надо любить. Мы обязаны быть сознательными гражданами в любви, и мы поэтому должны бороться со старой привычкой и взглядом на любовь, что любовь – это наитие свыше: налетела вот такая стихия, и у человека только его «предмет» и больше ничего нет по сторонам: ни посторонних людей, ни работы, ничего. Я полюбил, поэтому я опаздываю на работу, забываю дома ключи от служебных шкафов, забываю деньги на трамвай и вообще черт знает что происходит. А любовь должна обогащать людей ощущением силы, и она будет обогащать. Я учил своих коммунаров не только пить водку, а учил их любить, влюбляться, проверять себя, думать о том, что будет завтра.

Такая разумная, точная проверка может быть сделана по отношению к каждому поступку. Возьмите такую простую категорию, как несчастье. Ведь по нашей старой христианской привычке говорят: это не его вина, а его беда. Иначе: это несчастный человек, с ним случилось несчастье, надо его пожалеть, поддержать. Правильно – поддерживать, конечно, нужно в несчастье, но гораздо важнее требовать, чтобы не было несчастий. Несчастий быть не должно, несчастных людей быть не должно. И я убежден, что при развернутом коммунизме будет так: такой-то привлекается к судебной ответственности по такой-то статье за то, что он несчастлив. Нельзя быть несчастным. Наша этика требует от нас, во-первых, чтобы мы были стахановцами, чтобы мы были прекрасными работниками, чтобы мы были творцами нашей жизни, героями, но она будет требовать, чтобы мы были счастливыми людьми. И счастливым человеком нельзя быть по случаю – выиграть, как в рулетку, но счастливым человеком нужно уметь быть. В нашем обществе, где нет эксплуатации, подавления одного другим, где есть равенство человеческих путей и возможностей, несчастий быть не должно.

Правда, мы еще мало об этом думаем. Но вот я уже в своем маленьком опыте, я уже подошел к этому, я уже говорил коммунарам: что может быть противнее несчастного человека? Ведь один вид несчастного человека убивает всю радость жизни, отравляет существование. Поэтому, если ты чувствуешь себя несчастным, первая твоя нравственная обязанность – никто об этом не должен знать. Найти в себе силы улыбаться, найти в себе силы презирать несчастье. Всякое несчастье всегда преувеличено. Оно всегда забывается и всегда пройдет. Постарайся, чтобы оно прошло скорей, сейчас. Найди в себе силы думать о завтрашнем дне, о будущем. А как только ты встанешь на этот путь, ты встанешь на путь предупреждения несчастья. Умей не бросаться в толпу, которая входит в трамвай, а уступи дорогу другим. Вот это и есть все то, [что] в конце концов убивает несчастье, ведет к организации счастья. Счастье делается нашим нравственным обязательством, и иначе быть не может при коммунизме. Несчастье может быть только продуктом плохой коммунистической нравственности, т. е. неумения, неточности, отсутствия уважения к себе и другим.

Вот, товарищи, я заканчиваю. Я думаю, что объять все вопросы коммунистического поведения мы, конечно, не скоро еще сможем. Об этом нужно много писать, думать, мыслить, к этому стремиться. Нужно себя тренировать в постоянном нравственном гимнастическом порядке. Вся наша жизнь, наша борьба, наше строительство, наше напряжение помогут нам расти в области коммунистического воспитания.

На этом разрешите закончить. (*Аплодисменты.*)

Товарищи, разрешите ответить на вопросы. Я буду отвечать по возможности кратко.

ОТВЕТЫ НА ЗАПИСКИ.

Вопрос: «Будьте добры, назовите все ваши произведения, которые напечатаны».

Ответ: «Педагогическая поэма», «Книга для родителей» и «Флаги на башнях».

Вопрос: «Могут ли быть у детей отрицательные черты характера или могут быть только дурные привычки, связанные с плохой средой?».

Ответ: Может быть, конечно, кое-что и унаследованное, но это легко может быть исправлено воспитанием. Могут быть дурные привычки у ребенка с плохой нервной системой, и часто раньше, прежде всякого педагогического вмешательства нужно просто пригласить врача. Но иногда врача нет. Нет ничего более вредного, как частая перемена коллектива для детей. Часто из этого вырастает антиколлективная личность. Так что действовать в сторону улучшения коллектива лучше, чем перемена коллектива.

Вопрос: «Англичане очень точны, но можно ли их назвать людьми с коммунистическими задатками?»

Ответ: Я не говорил, что точность единственный признак коммунистически воспитанного человека. Я говорил, что у нас точность должна быть моральной нормой, а у англичан точность существует лишь как норма этикета, норма вежливости. Мы требуем точности не только в быту, а и в работе, в словах, в ответственности за свои обязанности. Наша фигура точности глубже захватывает жизнь, но, конечно, не покрывает всего коммунистического воспитания.

Вопрос: «Недостатки изменяются. Достоинства с течением времени переходят в свою противоположность. И этот процесс всегда будет. Значит, никогда не может быть человека, который не имел бы недостатков?»

Ответ: Но это не значит, что на данном этапе мы не должны требовать уничтожения сегодняшних недостатков. Наши законные требования имеют моральное значение. А, конечно, недостатки всегда будут оставаться в обществе. Но чем больше мы будем требовать, тем меньше их будет.

Вопрос: «Очень часто ребята не хотят учиться, а хотят работать, а мы часто до 17 лет их мучаем и мучаемся сами. Правильно ли это?»

Ответ: Даже Маркс считает, что дети с 14 лет должны принимать участие в производительном труде²⁶. Труд очень увлекает детей, и я уверен, что наша будущая школа будет с участием производительного труда. Мы не

справились с трудовым воспитанием в большой мере благодаря отсутствию кадров.

Вопрос: «Прошу ответить, ваши герои во „Флаги на башнях“, вы встречали их, работали с ними, или вы полагаете, что они должны быть такие?»

Ответ: Я восемь лет руководил этой коммуной. Я убежден, что каждый детский коллектив может быть таким. Я поэтому требую, чтобы каждый детский коллектив был таким. Только, в отличие от некоторых моих педагогов-противников, я говорил: это возможно только, если от детей требовать правильного режима. Но кроме этого требования нужны [и] другие меры. Я вообще лично считаю, что у нас сейчас во многих школах главной бедой является дисгармонизация между бурными, сильными, горячими натурами ребят в 12-14 лет и скукой детского коллектива в школе. Детский коллектив должен быть гораздо более веселый, бодрый. Он должен быть, играть в жизни. И мы, педагоги, должны с ними играть. Вот я думаю, что должно быть так, потому что я наблюдал такие коллективы.

«Флаги на башнях» – здесь нет ничего выдуманного, там описана только правда²⁷. И я это сделал, прекрасно понимая, что я уменьшаю художественную силу своего произведения. Если бы я прибавил, оно было бы интереснее. Но я служу интересам коммунистического воспитания и считал себя вправе описать так, как было.

Вопрос: «Я знаю многих студентов, они познают науки, готовятся быть научными деятелями, а в то же время ходят грязные».

Ответ: Совершенно правильно, не только студенты. И как раз я на внешность обращал первейшее внимание. Внешность имеет большое значение в жизни человека. Кто привык носить чистое белье, тот привык носить и чистые намерения. Трудно представить себе человека грязного, неряшливого, чтобы он мог следить за своими поступками. Мои коммунары были франты, и я требовал, чтобы они были не только чистоплотными, но и изящными, чтобы они могли [красиво] ходить, стоять, говорить. Они были очень приветливыми, вежливыми, джентльменами. И это совершенно необходимо.

Здесь товарищ поднимает *вопрос о внешности*. Он касается не только одежды, но касается умения ходить, стоять.

Когда ко мне приехал инспектор Наркомпроса²⁸ и вот так со мной разговаривал, развалясь на столе, я ему сказал: «Товарищ инспектор, вы не умеете со мной разговаривать в присутствии коммунаров, укладываетесь на мой стол, это не корректно».

В коммуне было такое правило: сбегая с лестницы, нельзя держаться за перила. У тебя есть позвоночный столб – держись за него. Такой пустяк имеет огромное воспитательное значение. Заставляйте себя не держаться за перила лестницы, вы увидите, что у вас не только грации прибавится, но еще какая-то легкость [появится].

Вопрос: «Нет ли в книжке „Флаги на башнях“ замысла более широкого, чем показать детский коллектив?»

Ответ: Я хотел показать, что настоящая педагогика с детьми – это та педагогика, которая повторяет педагогику всего нашего общества. Требования нашей партии – большие требования к человеку и коллективу²⁹.

И я свою педагогику не выдумал. Я знал, что больше требуют от членов партии, чем от беспартийных, и поэтому я от своих старших коммунаров, комсомольцев в первую очередь требовал. И я считаю – наказывать нужно не худших, а лучших.

Лучшим ничего прощать нельзя, даже мелочи. А худшие за ними тянутся. Они хотят, чтобы [и] от них столько требовали. Так поступает и коммунистическая партия: она от лучших требует больше. И это наше советское достижение.

Вопрос: «Можно ли прозаические этические нормы сделать нормами в наших школах?»

Ответ: Это насчет курения. Я не имею права отвечать сейчас на такой вопрос. Я думаю, что если бы я был директором школы, я старшим ребятам разрешил бы курить. Но курить не больше 7 папирос в день, и сказал бы им, что вы отвечаете за то, если младшие будут курить. Вредно курить в 14-15-16 лет, а в 18 ничего. Я сам курю с 14 лет.

Вопрос: «Во избежание излишней задержки после лекции, объявите ваш адрес».

Ответ: Извините, пожалуйста, не могу.

Вопрос: «Один ученик избил другого. Последствия – увечье. Виновника наказывают так: исключают на несколько лет. Правильно ли это?»

Ответ: Я знаю такой случай, когда одна ученица обкрадывала других, и тогда всем синклитом постановили: отправим ее в летний санаторий, она отдохнет и поправится. Но она научилась там танцевать фокстрот и приехала такой же самой.

Я не сторонник избиений. Я даже считаю, что не должно быть толчков. Мы убеждены, что детский организм требует движения, а я не понимаю этого. Детский организм должен двигаться целесообразно. Никаких бесцельных движений детского организма быть не должно. И я своим коммунарам говорил: хочется побегать – вон площадка, можно там бегать.

Извольте здесь прилично вести себя и не драться. Вообще воспитание сдержанности физической, торможение движения – прежде всего. А избиение товарища у меня считалось самым страшным преступлением, за которое изгоняли из коммуны.

Вопрос: «Как воспитываете своих детей?»

Ответ: Я не воспитываю своих детей, потому что [их] у меня нет.

Я женился, благодаря моим беспризорным, очень поздно, в 40 лет, и детей уже мне иметь нельзя, не успею их воспитать. Но у меня есть дети моей жены, моего брата, и я их воспитываю, как умею.

Вопрос: «Поднять вопрос о журнале „Школа и семья“».

Ответ: Это очень нужно, это правильно. Я вижу, в каком беспомощном положении находятся многие родители, когда простого совета не от кого получить, никто не может дать. Журнал такой нужен.

Вопрос: «Считаете ли вы правильным сохранение единой школы, когда для всех обязательно семилетнее обучение по единой программе?»

Согласны ли вы с тем, что при таких условиях воспитание – самое легкое дело? Вы имели в коллективе только правонарушителей, а в обычной школе мы имеем такую смесь, что воспитание становится достаточно трудным.

Согласны ли вы с тем, что следует некоторых ребят изолировать от их родителей, даже если они еще не правонарушители? Я имею в виду советский соответствующий интернат.

Согласны ли вы с тем, что ребята, имеющие неоднократные приводы, должны оставаться в нормальной школе?»

Ответ: Такой вопрос задал мне Эррио³⁰ – французский министр, когда приезжал ко мне в коммуны: «Как вы допускаете, что у вас воспитываются вместе правонарушители и нормальные дети?» Я ему ответил, что в жизни тоже они живут вместе. Именно поэтому воспитывать нужно вместе.

Каждый ребенок в жизнь должен входить, умея сопротивляться вредному влиянию. Не оберегать человека от вредного влияния, а учить его сопротивляться. Вот это советская педагогика.

Я согласен, что воспитание – легкое дело, и, конечно, в нормальной школе оно легче, чем в коммуне. Я удивляюсь многим нашим директорам, которые говорят: «У вас было хорошо, у вас не было семьи, они все жили у вас под руками». А я их спрашиваю: «А что вы сделали, чтобы овладеть бытом ваших детей?» – «Мы вызываем родителей». Что их вызывать? Вы прекрасно понимаете, что обычно вызывают родителей и говорят: «Ваш мальчик не учится и плохо себя ведет. Примите какие-нибудь меры. Поговорите. Боже сохрани – не бейте». – «Хорошо, до свиданья». Каждый понимает, в чем дело. В глубине души педагог думает: но хорошо, если он его побьет. А родитель прямо берется за ремень.

Это в лучших случаях, а в худших так родители просто ничего не делают, и все идет по-прежнему.

Я считаю, что педагогический коллектив школы должен организовать быт. Что я бы сделал на месте директора школы? Я положил бы перед собой карту всех дворов, где живут ученики. Организовал бы бригады. Бригады приходили бы каждый день и давали мне рапорт, что делается во дворах. Раз в месяц под руководством бригадира бригада выстраивалась бы, и директор приходил бы на смотр. Я премировал бы лучшие бригады в школе. Я прикреплял бы родителей к бригадам. И можно было бы многое сделать.

Лиха беда начало. Во всяком случае, влиять на семью нужно через учеников. Самый верный способ. Вы в школе, в государственном воспитательном учреждении, и вы должны руководить в семье.

Был такой случай. Пришли два чекиста ко мне и говорят: «Вот продал часы, револьвер, мамины юбки, папины штаны, все продал. Он обещал больше не продавать, но он не хочет ничего делать – постель не уберет, ботинки не почистит. Возьмите, – говорят, – его».

Я его взял и забыл о его существовании. Некогда с ним, с маменькиным сынком, возиться. Ребята его там обрабатывали.

Приходит через месяц: «Позвольте в отпуск». Вижу: одет хорошо, чистый, аккуратный, подтянутый. Говорю: «Придешь домой, будь вежлив, сделай все дома, как нужно лучше, как можно больше и приходи ко мне».

Он пришел обратно. Родители приезжают на автомобиле и говорят: «Что вы с ним сделали, как вы его перевоспитали?».

И школа может просто сказать: сделай так-то и так-то и перевоспитывать.

Вопрос: «Какие взаимоотношения между мальчиками и девочками у вас были?»

Ответ: О, это очень трудный вопрос, и всякие бывали взаимоотношения. Но сейчас уже поздно и нет времени об этом говорить.

Вопрос: «Является ли пережитком то, что существует обычай, заставляющий мужчину платить за женщину в театре?»

Ответ: Ну, это дело вкуса.

Ну вот и все, товарищи.

КОММЕНТАРИЙ

РГАЛИ, 332-4-186.

Стенографический отчет (лекция, ответы на вопросы). Машинописный экземпляр (подлинник) из наследия педагога-писателя. Титульный лист документа: «Моск. Гос. Университет. Лекторий № 85. Лекц[ия] т. Макаренко. О коммунистическом воспитании и поведении. Начато 1/III – 39. Окончено – ». Штамп: «Архив Московского Гос. Университета». Объем документа: 74 нумерованные страницы, текст на которых расположен с одной стороны.

Как и в случае с документом № 13, вместе с другим, значительно сокращенным экземпляром стенограммы (РГАЛИ, 332-1-30; объем: 52 стр.) сохранился маленький, написанный рукой вдовы педагога-писателя листок: «Напечатано дословно со стенограммы. Все исправления карандашом внесены Макаренко Г.С. и Кононенко К.С. для сборника материалов научно-педагогической сессии Харьковского городского института совершенствования учителей. [Подписи отсутствуют]. 31/4 41 г.». Данная попытка Галины Макаренко привлечь харьковского соратника Кононенко для фальсификации наследия мужа не удалась. Это следует из характеристики сокращенного варианта документа в «Описи архивных материалов А.С. Макаренко Центрального государственного литературного архива СССР», опубликованной в Соч. 7 (1952), с.481, где говорится: «Машинопись с правкой Г.С. Макаренко».

Публ. (с значительными сокращениями и изменениями, без ссылки на источник): ПС (1948), с.60-81; С 5 (1951), с.412-36; С 5 (1958), с.437-58 (комментарий: «В настоящем томе лекция печатается с незначительными сокращениями»; с.537); ПС 4, с.322-42 со ссылкой на источник, но без характеристики воспроизведения текста, частично восстановленного по сравнению с прежними советскими изданиями. В вышеупомянутые публикации, в т.ч. ПС 4, с.321-22, также включен сохранившийся в наследии педагога-писателя план данной лекции (РГАЛИ, 332-1-22).

Опубликованный в настоящем издании подлинник документа Галина Стахивна в рамках подготовки семитомника «Сочинений» не отдала в распоряжение своих сотрудников по московской лаборатории А.С. Макаренко. Об этом свидетельствовал в 1970 г. ведущий советский макаренковед В.Е. Гмурман, слушатель макаренковской лекции в МГУ, в беседе с составителем настоящего сборника. Гмурман указал, что в известную ему стенограмму не включены отдельные фрагменты, которые он во время мероприятия слышал из уст докладчика. Его (ошибочное!) заключение: не следует доверять стенографистам того времени.

Аутентичное издание стенографического отчета состоялось в рамках книги «Святой Макаренко. К изданию произведений А.С. Макаренко Академией педагогических наук РСФСР / СССР (1959-1983 гг.)», Марбург, 1984, ОМ № 4, с.99-163. Здесь параллельно сопоставляются текст стенограммы и ранее опубликованное его изложение, значительно сокращенное и измененное.

---

¹ «Мы сегодня хороним Н.К. Крупскую». Крупская умерла 27.02.1939 г. в возрасте 70 лет. Кремация и захоронение урны у Кремлевской стены состоялись 01.03.

² «Здесь в Москве недавно пригласили меня на юбилей одной школы». См. док. № 19.

³ В тексте пропуск.

⁴ В тексте пропуск.

⁵ Здесь и далее цитируются тезисы доклада В.М. Молотова «Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938-1942 г.г.)» на XVIII съезде ВКП(б) – см. док. № 18, прим.8.

⁶ «[...] для партии большевиков коммунистическое воспитание начато с первых слов тов. Ленина». См. ПС.4, с.395, пр.3: «Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.41, с.311».

⁷ «[...] те несчастья, которые происходят в Испании и в Китае». Имеются в виду Испанская гражданская (1936-39 гг.) и Японо-китайская войны (1937-45 гг.).

⁸ «Лейка» (*Leica*) – см. док. № 6, пр.3.

⁹ «Пожалуй, критик, журналист, литературовед не может сравниться с нашим советским читателем по вкусу, по умению определить, что хорошо сделано, что плохо сделано, что нужно, что не нужно, что интересно, что не интересно, что ценно, что не ценно». Это намек на весьма неодобрительный прием повести «ФнБ» литературной критикой.

¹⁰ Цитата из речи Ленина на 3-м съезде Комсомола «Задачи союзов молодежи» (1920 г.).

¹¹ «Легко сказать – „от каждого по способности, каждому по потребности“». Цитата из Нового завета (Послания апостолов), а также из программы Первого интернационала.

¹² «Я не хочу „М-1“, у меня потребность на „ЗМС“». «М-1», «ЗМС» – марки автомашин Горьковского автозавода (ГАЗ); первая легковая («М-1»), 6-местная («ЗМС»).

¹³ «Первые не поверили критики. Они сказали: Макаренко рассказывает сказки». Имеется в виду первый отклик на повесть «ФнБ», опубликованный в ленинградском журнале «Лит. современник» (1938, № 12, с.226-27) – пародия А. Флита «А. Макаренко. Детки в сиропе. (Фрагменты медового романа)»; см. также статью лит. критика Ф. Левина «Четвертая повесть А. Макаренко» (Лит. критик, 1938, № 12, с.138-43).

¹⁴ «Другой критик добавил: это мечта Макаренко». Речь идет о подробной статье М. Лоскутова «Два писателя», напечатанной в «Лит. газете» (1938, № 69, 15.12, с.5). Проводя сравнительный анализ «ПП» с «ФнБ», рецензент доказывает, что эти произведения принадлежат как бы двум разным авторам. По мнению Лоскутова, книга «ФнБ» является «творческим перевоплощением некоей авторской мечты».

¹⁵ Цитата из письма Сталина «О задачах комсомола». Ответ на вопросы, заданные редакцией «Комсомольской правды» (см.: Сталин И.В., Соч., т.7, с.248).

¹⁶ «У нас теперь вопрос о борьбе с пережитками капитализма». ПС.4, с.395, пр.7: «А.С. Макаренко имеет в виду указание проекта третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР о возрастающей роли коммунистического воспитания, преодоления пережитков капитализма в сознании людей».

¹⁷ «Я в позапрошлом году поехал с товарищем по Волге. Хороший друг». О такой трехнедельной поездке Макаренко с товарищем в 1937 году исследователям ничего не известно. По всей вероятности здесь подразумевается волжско-черноморский поход коммунаров-дзержинцев летом 1933 г., в котором участвовал и начальник финансовой части К.С. Кононенко (о нем см. док. № 12, прим.5). В своих воспоминаниях «Забывать его нельзя» он пишет: «Наша дружба все крепла. Особенно она упрочилась во время летней поездки коммуны по Волге и на Кавказ. В долгие вечера и ночи, лежа рядом на полках вагона, сидя на палубе парохода, мы вели с ним нескончаемые беседы» (Свидетельства искренней дружбы: Воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко. Марбург, 1997, ОМ № 20, с.8). С помощью намеренного изменения даты этой поездки (с 1933 г. на 1937 г.) Макаренко, очевидно, хотел отвлечь слушателей от того обстоятельства, что данный поход состоялся во время голода на Украине и в южных областях России.

¹⁸ «Блаженны... Радуйтесь и веселитесь». См. Евангелие (канонический перевод на рус. яз.): «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика награда ваша на небесах». Лука 6, 22-23.

¹⁹ «[...] посмотрите на птиц небесных, они ничего не делают, а живут». См. Матф. 6, 26: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?»

²⁰ Цитата из обращения Сталина «К первой Всесоюзной конференции пролетарского студенчества» от 15.04.1925 г. (см.: Сталин И.В., Соч., т.7, с.80).

²¹ В тексте пропуск, который в ПС 4, 335, восполнен таким образом: «[...] колонию к Калабалину». Об этом бывшем воспитаннике колонии им. Горького см. док. № 5, прим.10.

²² «У вас это тоже, наверное, бывает. Встает вопрос: а для чего жить? А какая цель жизни? И потом такая сентенция: везде материя. Материя, материя и материя. Живем, а потом умрем и сгнием.

Я с ним возился, возился – не за что взять. А тут приехал товарищ и замечательно сказал: „Материя, говоришь?“ – „Да“. – „И музыка Чайковского тоже материя?“ – „Да“. – „Ну, что

же, с такой материей и жить можно. Материя хорошая. Никакой другой материи не хочу, и духа другого не хочу“. И убедил человека». См.: Ницше (Nietzsche) Фридрих (1844-1900): «Так говорил Заратустра», из гл. «О старых и новых скрижалях»: «К чему жить? Все – суета! Жить – это молотить солому; жить – это сжигать себя и все-таки не согреться». – / Эта старая болтовня все еще слывет за „мудрость“; за то, что стара она и пахнет затхлым, еще более уважают ее. Даже плесень облагораживает ... / ... Много ребяческого в старых книгах мудрости. / И кто всегда „молотит солому“, какое право имеет он хулить молотьбу! Таким глупцам следовало бы завязывать рот! / Они садятся за стол и ничего не приносят с собой, даже здорового голода; и вот хулят они: „все – суета!“ / Но хорошо есть и хорошо пить, о, братья мои, это, поистине, не суетное искусство! Разбейте, разбейте скрижали тех, кто никогда не радуется!»

См. также письмо Макаренко от 15.08.1938 г. бывшему коммунару-дзержинцу Федору Борисову, инженеру, по словам педагога-писателя, «без сомнения самому способному» из выпускников рабфака коммуны 1933 г. (ПС 1, с.195). Здесь говорится: «Рассуждения о том, что мы – материя, – рассуждения лишние. Никто еще не знает, что такое материя, но можно уже предчувствовать, что материя очень сложная штука. А если даже и материя, так почему это плохо? Какое ты имеешь право презирать материю? Материя – это прямо замечательная штука, богатая возможностями и красотой. И я хочу жить в материи, которая в моем ощущении все-таки представляется богатой и великолепной моей личностью. / Самое главное, Федор, надо уметь видеть прелесть сегодняшнего и завтрашнего дня и жить этой прелестью. В этом и заключается мудрость жизни и, если хочешь, ее цель. Только один человек видит прелесть жизни в куске хлеба или водке, а другой находит более сложные и богатые прелести – в работе, красоте, борьбе, в росте человеческой материи. Уже и сейчас материя, выраженная в музыке Бетховена или Чайковского, в великих изобретениях, в технике, – очень высокая штука, такая высокая, что я не променял бы ее на вечность» (ПС 8, с.87).

²³ *«Сейчас последний прекрасный закон о точном прибытии на работу. Многим кажется, что этот закон требует напряжения, что это жестоко». См. С 5 (1951), с.496; С 5 (1958), с.538: «А.С. Макаренко имеет в виду постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. „О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле“. В постановлении сказано: „Государство требует и рабочий класс поддерживает это требование, чтобы установленная законом продолжительность рабочего дня соблюдалась в точности и без всяких нарушений, чтобы там, где установлен восьмичасовой, семичасовой или шестичасовой рабочий день, работа производилась согласно закону, полных восемь, семь или шесть часов“ (см. сборник „Трудовое законодательство“. М., „Профиздат“, 1946. стр.87)». Указанное постановление явилось прологом к введению серии жестоких законов и подзаконных актов (1939-май 1941 г.), резко ухудшающих положение трудящихся в СССР.*

²⁴ *«Вы знаете, как тов. Сталин говорит о точности». С 5 (1951), с.496: «Речь идет о выступлении товарища Сталина на первом Всесоюзном совещании стахановцев в 1935 г. Отметив, что стахановское движение содержит в себе первые начатки культурно-технического подъема рабочего класса нашей страны, товарищ Сталин сказал, что стахановцы – это „...люди культурные и технически подкованные, дающие образцы точности и аккуратности в работе, умеющие ценить фактор времени в работе и научившиеся считать время не только минутами, но и секундами“ (см. И.В. Сталин, „Речь на первом Всесоюзном совещании стахановцев“, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1939, стр.496)».*

²⁵ *«Маркс говорит очень часто, что коммунистическое общество не будет знать ни эгоизма, ни самопожертвования». ПС 4, с.395, пр.9: «См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.3, с.236. Там же см.: „...Коммунисты не выдвигают ни эгоизм[а] против самоотверженности, ни самоотверженности против эгоизма и не воспринимают теоретически эту противоположность ни в ее сентиментальной, ни в ее выпяченной идеологической форме; они, наоборот, раскрывают ее материальные корни, с исчезновением которых она исчезает сама собой“».*

²⁶ *«Даже Маркс считает, что дети с 14 лет должны принимать участие в производительном труде». См. док. № 18, прим.16.*

²⁷ *«„Флаги на башнях“ – здесь нет ничего выдуманного, там описана только правда». Это типичная для макаренковских публичных выступлений 1936-39 гг. неискренность. См. также комментарий в ПС 4, с.395, пр.11: «А.С. Макаренко подчеркивает реализм этой книги („Флаги на башнях“), его соответствие жизненной правде. Это не означает, что в этом произведении нет художественного вымысла, типизации».*

---

²⁸ Имеется в виду Наркомпрос УССР.

²⁹ «Требования нашей партии – большие требования к человеку и коллективу». Здесь оратор публично отмежевывается от своей генеральной установки на неразрывное единство требования и уважения к человеку и, конечно, к коллективу в его макаренковском значении.

См. дикий и бессмысленный комментарий в ПС 4, с.395, пр.12: «А.С. Макаренко руководствовался марксистско-ленинским учением об объективных законах воспитания и его социальной, классовой природой». Никогда Макаренко таким положением не руководствовался. Только требование без уважения – это не марксизм-ленинизм, а сталинщина с ее крепостническим самодержавием, всевластием работодателя-государства.

³⁰ «Такой вопрос задал мне Эррио [...]». См. док. № 13, прим.4.

21. ДОКЛАД В ХАРЬКОВСКОМ ГОС. ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ (09.03.1939 г.)

т. ЛИТВИНОВ (зам. директора института).

Товарищи, разрешите педагогический и литературный вечер, посвященный встрече с писателем-орденоносцем т. Макаренко, считать открытым. (*Аплодисменты.*)

Слово имеет т. Макаренко. (*Аплодисменты.*)

Товарищи, я не докладчик, потому что я не ученый, у меня нет ученых трудов по педагогике и деятельности, мне нечего сказать. Я чувствую себя просто как человек, которому доводится перед вами отчитываться, сделать маленький авторский отчет: авторский педагогический и авторский литературный. Поэтому прошу вас иметь в виду, что никаких твердых выводов я сам еще не имею. То, что сделано мною в жизни и моими коллегами-товарищами коммунарами, – это еще опыт, и очевидно, для того чтобы из этого опыта можно было сделать какие-либо определенные точные выводы, надо еще проверить его не раз и не два. Поэтому единственная форма внимания, которую я у вас прошу, – это такая.

У меня свой опыт, своя жизнь: у вас свой опыт, свои мысли, – и сегодня произойдет маленькое столкновение наших мыслей: может быть, они пойдут параллельно, может быть, пересекутся, может быть, при встрече рассекут друг друга, но от этого столкновения всегда будет польза.

Наше дело, дело коммунистического воспитания, – новое дело в мировом масштабе, потому что какую бы то ни было область если возьмете: технику, литературу и другие, – там всегда вы что-то получаете от прошлого поколения; в области [же] коммунистического воспитания мы, конечно, ничего не могли получить, потому что 20 лет назад эти два слова почти не сочетались: коммунистическое воспитание. И нам совсем не стыдно сказать, что во многих деталях нашей работы мы еще плаваем, и будем еще плавать, и не можем не плавать. И было бы просто зазнайством утверждать, что за 20 лет мы могли создать, довершить, окончить, оформить большую, новейшую педагогическую школу, школу коммунистического воспитания. Мы с вами именно пионеры в этом деле, а пионерам свойственно ошибаться. И самое главное – это не бояться ошибок, дерзать.

Вот коротко о значении нашей сегодняшней встречи.

Мне очень трудно перед вами отчитываться, потому что у вас есть литературный факультет, там преобладают интересы литературные. Я немножко литератор, – значит, я должен отчитываться и в литературных моих делах. Но я чувствую себя педагогом не только прежде всего, а везде и всюду педагогом, и моя литературная работа – только форма педагогической работы. Поэтому говорить о литературе я буду очень немного.

Коротко я вам расскажу о своей биографии, педагогической и литературной, чтобы не было недоразумений, потому что и сейчас многие думают, будто я – бывший полковник. Я не только не был полковником, а и военным никогда не был. Я сын рабочего, маляра, железнодорожника, который на вагонном заводе проработал 47 лет¹. На этом заводе работал и я, уже в качестве учителя, с 1905 г., получив самое низкое педагогическое образование: я закончил одногодичные педагогические курсы при трудовом начальном училище. Теперь такого низкого образования, кажется, даже и в помине нет, вот я его получил. Это было такое низкое образование, что мне могли доверить только должность помощника учителя в низшей начальной школе с жалованьем 25 рублей в месяц². (*ГОЛОС. Церковноприходской?*) Нет, извините, не церковноприходской, нет, заводская школа. Эта школа была прекрасной школой в том смысле, что там было единое рабочее общество, я сам был членом этого общества как сын рабочего этого завода, и в этой школе я работал 9 лет, и этот опыт имел для меня большое значение. Потом, уже в 1914 г., я поступил в учительский институт, даже не педагогический вуз, который закончил с золотой медалью, и после этого я получил колонию им. Горького, колонию для правонарушителей.

Вот 16 лет, с 1920 по 1936 г., я вел один коллектив: колонию им. Горького и коммуны им. Дзержинского³. Это один коллектив. Если вы читали «Педагогическую поэму», вы помните, что когда меня Наркомпрос «ушел» из колонии им. Горького, то я перешел в коммуны, здесь, у вас, в Харькове; и там уже было пятьдесят моих бывших горьковцев. А вслед за мной очень много, еще сотня горьковцев тоже перешли в коммуны им. Дзержинского⁴. Так что фактически коммуна им. Дзержинского продолжала не только опыт колонии им. Горького, но и продолжала историю одного человеческого коллектива. Это имеет очень большое значение для меня и для дела, потому что продолжались и накапливались традиции, созданные в колонии им. Горького.

Вот тогда, в колонии им. Горького [коммуны им. Дзержинского. – Г.Х.], я и написал первую свою книгу «Марш 1930 года». Этой книги я не видел в глаза, какая она. Она вышла, но я ее не видел и не читал. Ни одного письма учительского по поводу этой книги, ни одной критической заметки⁵. Она так провалилась, где-то исчезла, и только один учитель на эту книгу отзывался и похвалил ее. Этот учитель, самый неутомимый учитель – Алексей Максимович Горький, который, живя в Сорренто, ухитрился получить [ее] (я ему не послал, и он не знал, что я ее написал⁶), прочитать и написать мне письмо⁷.

А после этого я написал «Педагогическую поэму», которая вышла частями – в 1933, 1934 и в 1935 гг. Потом еще написан был роман «Честь», неудачный роман, ошибочный во многих отношениях, «Флаги на башнях» – последняя книга, имевшая для меня и для истории моих взглядов очень большое значение и в литературе сейчас принимается с большой войной. Многие утверждают, что это лучше «Педагогической поэмы», другие говорят, что это никуда не годится (*смех*). Я склоняюсь, конечно, к серединке: это, ну, и не лучше «Педагогической поэмы», но и не такая уж плохая книга; во всяком случае, есть что-то такое и хорошее.

Я еще написал первый том «Книги для родителей». Почему я решил написать эту книгу? Последние два года я работал в Киевском управлении НКВД УССР, в отделе трудовых колоний, и организовал трудовую колонию. Мне уже пришлось меньше возиться с беспризорными, чем с «семейными» детьми. Если в коммунах Горького и Дзержинского были беспризорные правонарушители, то в последние годы пришлось больше собирать детей семейных, имеющих папу и маму, но за «хорошее» поведение осужденных на три-четыре года.

Я должен был присмотреться, заинтересоваться семьей, и мне показалось нужным написать такую книгу «для родителей». Я выпустил первый том, в котором касался вопроса семьи как коллектива. Сейчас я сдал в печать второй том⁸, который говорит о нравственном и политическом воспитании в семье, главным образом, но приходится касаться и школы. Третий том будет посвящен вопросам трудового воспитания и выбора профессии, и четвертый том, самый для меня важный, на такую тему: как нужно воспитывать человека, чтобы он, хочешь – не хочешь, был счастливым человеком. Правда, интересно? *(В зале смех, аплодисменты.)*

За «Книгу для родителей» меня ругали и критики, и педагоги. Критики ругали за то, что эта книга слишком поучительна, больше говорит о поучении, чем о художественных достоинствах, а педагоги говорили, что она слишком литературна и ничему не поучает. Но больше всего педагоги обрушились [на меня] за то, что я ничего не говорил о школе.

Это недоразумение. Я и не собирался говорить о школе, я хотел говорить о родителях, для родителей, для семьи.

Я пришел в Московский НКПрос и сказал: «Вот мною написана книжка для родителей: может быть, я ошибаюсь или выступаю как еретик. Посмотрите!» А они говорят: «Не хотим, потому что у нас нет такого отдела для семейного воспитания». Я спрашиваю: «А какие отделы у вас есть?» Мне отвечают: «Есть школьный отдел, есть отдел дошкольного воспитания и т.д.» Я говорю: «До свидания!» Я решил, что мы поделили функции: у них отдел школьного воспитания, у меня будет отдел родительского воспитания. Чувствуя за собой такой авторитет, как школьный отдел НКПроса, который обладает глубокой эрудицией, я думал, что мне не надо касаться тех вопросов, обслуженных НКПросом, а я буду касаться тех вопросов, которые никакого отдела не имеют и которыми никто не заведует.

Вот почему получилось, что я писал больше о семейном воспитании и нарочно назвал книгу «для родителей». И все-таки не помогло: в одном московском журнале была напечатана статья «Вредные советы родителям»⁹.

Вообще я не люблю читать критических статей о моих произведениях, но эту я прочел. Что там вредного, думаю. Может быть, плохо написано? Оказывается, что она вредна именно потому, что там ничего не говорится о школе; следовательно, книжка вредная. Я решил, что это упрек не такой большой руки, и продолжаю писать книгу «для родителей». А о школе я не буду писать. Кто меня может заставить писать на все темы? И вообще, писателю рекомендуется выбрать одну тему, а не двадцать. А о школе должны писать вы – педагоги, получившие педагогическое образование. У вас много мыслей, много чувств, хорошее отношение к школе. Пишите!

Вот мой краткий отчет моей истории.

Ну, что же еще сказать о литературных достоинствах и недостатках моих книг? Есть одна область, которая вас как литературоведов, возможно, интересует. Говорят, в этой книге [т.е. в «Педагогической поэме». – Г.Х.] нет выдумки – это фактография. Один критик даже так написал: «Была у человека интересная жизнь, он ее описал. Всякий, у кого есть интересная жизнь, может написать такую книгу, и поэтому Макаренко не литератор и не художник, а мастер-фактограф»¹⁰.

Я обиделся, конечно. Как это так: я не литератор, [а] написал книгу? (Смех.) Спрашиваю на одном диспуте: «Как это так вы говорите, почему вы говорите, что это фактография?» А он мне отвечает: «Потому что у вас написано все то, что было; нет выдумки, нет синтетических образов». Я тогда сделал такое умное лицо и говорю (смех): «Позвольте, откуда вы знаете, что там нет выдумки? Какие у вас доказательства, что это все правда?» (Смех, аплодисменты.) А мне отвечают: «Так это же видно (смех). Вот по Задорову вашему [видно], что [он] был и вы его ударили». – «Ничего подобного! Задорова не было, и я его не бил; это все выдумка»¹¹. Он мог мне поверить, мог не поверить – это его дело. Но доказать мне, что я неправ, он не мог. Я имею право выдумывать? Имею, и поэтому никто не может ко мне придрататься: это выдумка или не выдумка. Никто не имеет права требовать от меня отчета этого – я выдумал или не выдумал. А вам так, по дружбе, говорю (смех), что ни в «Педагогической поэме», ни в [о] «Флагах на башнях» нет выдумки, за исключением отдельных фамилий и отдельных ситуаций. Иногда, скажем, вписал факт, сам факт вписал Иванов, а через самый факт вписал Иванов. Зачем мне писать, что сначала Иванов, потом Петров, а я беру факт, вписал Нестеренко¹². Выдумка это или нет – кто его знает, я не знаю.

Вот единственный литературный вопрос, который я считал нужным осветить вам.

Теперь, товарищи, перейдем к педагогике. Я хочу говорить очень коротко, потому что очень много вопросов, и в ответе [ответах. – Г.Х.] на эти вопросы, думаю, все и придется сказать.

Какое право я имею с вами говорить сегодня? Единственное право: я работал 32 года педагогом – раз, и старался размышлять над своей педагогической работой – два, и у меня была некоторая своя, как бы это сказать, манера педагогической работы. Эта манера пришла ко мне не от моих талантов и, тем более, не от моей гениальности; она пришла от необходимости, от характера того дела, которое мне поручили.

Мне повезло в том отношении, что я был 16 лет в одном «правонарушительском» и «беспризорном» коллективе, в том отношении, что [там] были прекрасные товарищи, сотрудники, коллеги. Благодаря этому самые трудные и большие задачи нами постепенно [вы]кристаллизовались в некоторое подобие системы, системы более оригинальной. И у меня самого в порядке размышления над опытом выработалась некоторая система взглядов, может быть отличных от общеизвестной, общеупотребительной системы взглядов. И вот об этих моих отличиях я и хочу говорить.

Отличия эти оправдываются тем, что я не работал в нормальной школе, а в особом учреждении, и тем более мне повезло больше, чем кому-нибудь другому.

Если [о]характеризовать мою удачу, то она была очень большой. Достаточно вам сказать о такой удаче. Последние семь лет коммуна им. Дзержинского жила на хозрасчете – это совсем не пустяк¹³. Вы представляете себе детский коллектив, который живет на хозрасчете? Это очень важное обстоятельство: он окупал расходы не только по школе, [на] жалованье учителям, расходы по кабинетам и все прочие расходы, а и все расходы по содержанию ребят. Кроме того, [мы] давали несколько миллионов рублей чистой прибыли государству¹⁴. Это удача огромная, потому что хозрасчет – замечательный педагог; как будто он закончил три педагогических вуза. Он очень воспитывает, и, кроме того, хозрасчет гораздо лучше бюджета, богаче бюджета. Я мог тратить в год 200 тыс. рублей на летние походы, 40 тыс. рублей заплатить за билеты в харьковские театры, я мог купить автобус, легковую машину, другую легковую машину, грузовую машину. Разве школа может это купить?

Хозрасчет – это результат хозяйственной деятельности, но он дает еще и другие результаты.

Я только недавно встретился с одной коммунаркой, которая заканчивает исторический факультет, но она, кроме этого, имеет квалификацию пятого разряда фрезеровщика и пятого разряда по оптической специальности и, кроме того, будет иметь квалификацию историка¹⁵. Вот букет квалификаций, прекрасный букет, а марш к этому букету еще приятнее и организует часто сильные пучки влияния.

Мне повезло, и вот в результате этого везения я не стесняюсь высказать некоторые мысли, которые сейчас могут показаться странными, но через несколько лет, я уверен, вы будете со мной согласны.

Первое, о чем я хочу говорить, главнейшее отличие, главнейшие особенности моих точек зрения заключаются в следующем. В нашей школьной практике (а я хорошо знаком сейчас со школами; нет такого дня, когда я не был бы в школе) можно наблюдать то, что я называю гипертрофией индивидуального подхода. На медицинском языке вы слышали термин «гипертрофия сердца» – увеличение сердца. Ну, так вот, этой гипертрофией мы в работе с нашими ребятами надеемся на чудеса индивидуального подхода и до сих пор увлекаемся верой в спасительность такой педагогики сил. Один педагог против одного ребенка. Я не против индивидуального подхода, но я считаю, что решающим в деле воспитания (собственно воспитания, я не касаюсь вопросов образования), решающим в деле воспитания является не метод отдельного учителя и даже не метод целой школы, а организация школы, коллектива и организация воспитательного процесса.

Вот, к примеру, сегодня мне пришлось слушать реферат одного студента педагогического института на тему такую: «Как нужно воспитывать советский патриотизм?» Реферат интересный; солидная работа, студент хорошо поработал. В нем изображается опыт одной хорошей школы и доказывается, что советский патриотизм воспитывается, во-первых, на уроке, во-вторых, во внешкольной работе. Приводятся примеры хороших уроков, воспитывающих советский патриотизм, хорошей внешкольной работы, а

вторая часть докладывает, [доклада. – Г.Х.] рассказывает о многих результатах [работы] с учениками школы, о разговорах с ними. В этих разговорах виден советский патриотизм как результат воспитания, доказывающий правильность метода.

Я прослушал реферат и задал такой вопрос референту: «Ну хорошо, методы прекрасные и результаты налицо. Но пытались ли вы проверить эти детские слова, которые у вас приведены? Вот такой-то школьник, ребенок утверждает, что пограничники должны быть смелыми и что он тоже хочет быть смелым, – а вот вы проверили этого мальчика, который хочет быть смелым и считает, что нужно быть смелым? Проверили вы, а он-то смел или труслив? И если при проверке окажется, что этот мальчик трус, просто трус, и если его оставить ночью одного в лесу, он будет плакать, то я имею право сомневаться в том, что в нем достаточно воспитан советский патриотизм». Я допускаю, одним словом, что может быть такое положение, когда воспитание правильное, представления правильные, советские патриотические представления, и не воспитана правильная советская привычка.

Допустим, такая вещь, как терпение, терпеливость, умение преодолевать длительные затруднения, брать препятствия не рывком, а давлением. Сколько бы вы ни воспитывали правильных представлений о том, что нужно это делать, [но] если вы не воспитаете привычки преодолевать длительные трудности, я имею право сказать, что вы ничего не воспитали. Одним словом, я требую, чтобы детская жизнь была организована как опыт, воспитывающий определенную категорию, определенные пучки привычек. Если представления правильного воспитания на уроке будут связаны с привычками, с опытом правильного воспитания в детском коллективе, тогда можно говорить о правильном детском коммунистическом воспитании.

Я настаиваю на том, что в наших школах вопросу организации детского опыта, жизненного опыта, коммунистического опыта не уделяется достаточно внимания.

Я потом этого референта угробил еще одним вопросом: «Те дети, которых вы считаете правильно воспитанными, как они ведут себя в известном вопросе, который называется – не выдавать товарища педагогу?» (Есть такая проклятая проблема – проклятый вопрос.)

Все прекрасные дети, прекрасное советское коммунистическое воспитание, но если один товарищ сделал что-нибудь нехорошее, то класс его педагогу не выдаст. Если уж такое противоречие может иметь место, то я имею право усомниться в правильной линии воспитателя.

Значит, я настаиваю на усилении внимания к форме организации детского коллектива. Я не буду долго говорить об этом: вероятно, придется отвечать в этом направлении, но перечислю детали проблемы, на которые надо обратить внимание, – центр коллектива, организация центра – это запущенный вопрос.

У нас четыре центра плюс N центров неучтенных: директор, завуч, комсорг, старший вожатый. Это проблема очень важная. Я в своей работе вопросу организации центра уделил очень много сил – я не так скоро решил этот вопрос. Для меня это чрезвычайно важно, как капитанский мостик, откуда идет все управление учениками, а не как центр административный.

Вопрос центра влияния не разрешен совершенно ни теоретически, ни практически. Сколько я видел школ – все по-разному: в одной школе директор держит все, даже покраску полов, потолков, всем он ведает; в другой – завуч всем ведает; в третьей школе, говорят, комсорг решает вопросы, а в четвертой школе – старший вожатый. Это одна деталь проблемы.

Вторая важнейшая деталь – устройство коллектива, то, что я называю сечением коллектива. Я различаю первичный коллектив классов и общий коллектив школы. Какие принципы руководят нами в устройстве коллектива? Пока, можно сказать, никаких принципов, просто есть классы, они существуют – и все. Каждый класс живет отдельно: 10-й класс не знает, что делается в 9-м, а что делается во 2-х и в 3-х классах и знать не хочет! [А] 2-й и 3-й классы как относятся к старшим? С уважением, с почтением, с влюбленностью? 2-е классы не замечают, что есть старшие, и знать не хотят. Полное разобщение первичных коллективов.

Следующий чрезвычайно важный вопрос – дисциплина, которая всех беспокоит, всех волнует, а до сих пор даже не сформирован [сформулирован. – Г.Х.] как следует. До сих пор в нашей школьной практике говорят о дисциплине как о дисциплине торможения, а это разве советская дисциплина – дисциплина торможения? Т.е., того не делай, [э]того не делай, не опаздывай в школу, не бросай чернильниц в стены, не оскорбляй учителя; можно прибавить еще несколько подобных же правил [и] обязательно с наречием [частицей. – Г.Х.] «не». Это не советская дисциплина. Советская дисциплина – это не дисциплина торможения, а дисциплина преодоления, дисциплина борьбы и движения вперед, дисциплина стремления к чему-то, борьба за это что-то – вот такая борьба нам нужна действительно.

Такой вопрос не решен. А решен ли вопрос о целях воспитания? Да, вопрос о целях воспитания разрешен, удивительно только, в наших вступительных словах, в каждом вступительном слове мы говорим «Да здравствует коммунистическое воспитание» и считаем, что мы вопрос разрешили, а когда переходим к изложению, мы говорим в лучшем случае – что мы говорим? Что мальчик должен быть прилежным, развитым, аккуратным, дисциплинированным, смелым, честным, еще и волевым, еще много хороших слов. Ну, проверим; а в английской школе [разве] этих хороших слов нельзя сказать, что, там не говорят и не добиваются, чтобы мальчик был волевым, честным, аккуратным мальчиком? Тоже говорят! Нет, такие цели еще не определяют наших целей. Наши цели особые: мы должны воспитать коммунистическое поведение; иначе говоря, наши цели могут быть выражены только в качествах характера, определяющих коммунистическую личность, и эти качества должны быть выражены очень подробно, точно.

И вот давайте подумаем, что мы знаем о качестве характера коллективиста, человека коммунистического поведения. Какие наши идеалы, какие наши представления об этом человеке? Ведь если мы скажем, что он честен, что у него воля, что он энергичен, то это еще ничего не говорит – это качества мирового масштаба, а не качества только наши.

И, наконец, честность коммуниста должна отличаться от честности хорошего англичанина. Ведь и в Евангелии есть указание на честность. Там говорится: не бери чужого, не укради; а это не наша честность, если нужно, мы и чужое возьмем, если нужно для дела строительства коммунизма, мы

не заплатим долги буржуазии, не заплатили, и мы не считаем, что украли, мы честно поступили с ними, они лучшего не заслуживают. Наша честность вовсе не сопровождается наречием [частицей. – Г.Х.] «не» – не украли, не бери чужого; наша честность положительная, она требует положительных усилий, она требует положительного единства между трудящимися, уважения к каждому трудящемуся, уважения к коллективу своему маленькому, к коллективу всего советского государства, уважения к трудящимся всех стран. Вот только на этом фоне мы можем говорить о честности. Любое нравственное качество, какое хотите, какое вы ни возьмите, и вы увидите, что для нас требуется особая инструментовка нравственных качеств, вовсе не таких, как, скажем, в Германии и Англии. И вот эти особые качества нравственной личности мы должны воспитать. К примеру, возьмем такую важную способность, как деловитость, на которую обращает[ся] серьезное внимание в тезисах доклада тов. Молотова¹⁶.

Ведь и в буржуазном представлении деловитость – это хорошее качество, но какая деловитость в буржуазном мире? «Ты должен быть деловитым, потому что много есть шляп неделовитых, и ты должен быть сильнее их». Деловитость – это качество для того, чтобы победить неделовитых, взять над ними верх, обратить их в рабов, в эксплуатируемых.

Такая деловитость – орудие эксплуатации; а у нас каждый советский гражданин должен быть деловитым, причем деловитость одного человека не может мешать деловитости другого человека. Значит, у нас деловитость – нравственное качество, и требование деловитости – это моральное требование, и воспитывать деловитость мы должны в каждом человеке, а вовсе не в том, который собирается быть фабрикантом.

Возьмите такое понятие, как точность. И последние указания нашего правительства¹⁷, и тезисы тов. Молотова, и одно из последних высказываний тов. Сталина¹⁸ говорят о точности. И в нашей воспитательной работе точность как качество настоящего коммунистического характера должна быть такой точностью, когда точность начальника и точность подчиненного должны быть воспитаны как моральное качество.

Почему я называю его моральным, всем обязательным условием поведения? Возьмите такое качество характера, как способность к ориентировке, умение ориентироваться, умение в самой сложной обстановке ориентироваться очень быстро, очень точно, очень спокойно, уверенно, без крика, без истерики, без паники, без визга – такое умение крайне необходимо каждому гражданину Советской страны, и мы обязаны его воспитывать.

Наконец, такое важное качество характера, чисто наше коммунистическое, как умение подчиняться товарищу, не богатому человеку, не хозяину, а товарищу, и умение приказывать товарищу. Мы с тобой товарищи, друзья, но наступает какой-то момент, и я получаю право приказывать – я должен уметь приказывать, [а] ты должен уметь подчиниться, забыть о том, что минуту тому назад мы были товарищами. Это качество характера может быть только в нашей стране, где нет классов, где нет власти, вытекающей из экономической силы, из собственности, из хозяйничанья. Все эти качества мы должны воспитывать в нашем молодом человеке.

Я называю очень немногие из очень многих качеств.

Теперь спросят: какими средствами мы обладаем для этого? Ведь для того, чтобы научиться приказывать товарищу, нет других путей, как упражнения в этом приказании, и упражнения не в порядке баловства, шутки, а так, что невыполнение приказа влечет за собой коллективный порыв, где товарищ несет ответственность перед коллективом.

Вот, товарищи, то основное, о чем я хотел сказать. Надо организовать коллектив так, чтобы воспитывались действительные, не воображаемые, а настоящие, реальные качества личности, – вот что мы обязаны сделать, и тогда, при этих условиях, индивидуальный подход будет действовать значительно сильнее, красивее и целесообразнее; потому что, если организации коллектива, организации коллективного воспитания не будет, индивидуальный подход рискует воспитать индивидов, и только. Я не буду вас утруждать другими деталями этого вопроса; уверен, что в ответах на вопросы придется об этом говорить.

Теперь только в заключение моего вступительного слова скажу, что все эти вопросы чрезвычайно трудные, – трудные потому, что качества хорошие создаются годами. Нельзя создать характер каким-нибудь приемом или методом. Создать характер можно только длительным, очень длительным участием человека в жизни правильно организованного, дисциплинированного, выдержанного, гордого коллектива, и организовать такого рода опыт – это значит обязательно рисковать.

Вопрос о риске – самый трудный вопрос. Первый риск заключается в том, что, если вы решили так вести работу с коллективом, вы обязательно через четыре месяца встретитесь с контролером, который вас спросит: «А что вы сделали? А покажите готовые характеристики коммунистические, которые вы сделали». А вы не можете показать: они у вас будут сделаны через пять лет. Как через пять лет?! Сейчас в отчете показать нужно, что вы создали (*смех*).

Это очень большая опасность, потому что сейчас в погоне за отчетными данными мы встречаемся с такими анекдотами. Вот я сегодня встретился [встречался. – Г.Х.] в одной школе. Паника среди учителей, говорят – как же так: Облоно¹⁹ принял обязательство о 100% успеваемости, Горono²⁰ принял обязательство, наша школа приняла обязательство, наш класс принял обязательство о 100% успеваемости, а у меня сидит в 9-м классе ученик Балмесов, который не может получить других оценок, кроме «плохо» (*смех*), это его специальность: он получает только «плохо»; ничего с ним не можем сделать, и не может быть 100% успеваемости. Мы не можем выполнить данные обязательства, мы окажемся обманщиками перед всем советским обществом. Мы дали обязательство, дети дали обязательство, мошенниками окажемся, потому что дали обязательство, заранее зная, что есть Балмесов, и окажемся мошенниками на деле (*смех*), потому что «крути-верти, а треба вмерти»²¹. Придет такой момент, когда учитель скажет: «Да поставлю уж ему тройку» (*смех*). И все об этом будут знать, и Балмесов будет знать, и все ученики, и все ученики других классов. Но все будут думать: «Не обманешь – не продашь» (*смех*). Это и называется 100% успеваемость! Вот для отчета нужно. Я им и говорю: «Неправильно поступаете». – «А как же поступить?» – «Так должны поступать: не можем взять на себя таких обязательств, не можем выполнить».

А вам скажут – а объективные причины? А не объективные причины, субъективные причины этого самого субъекта Балмесова. Нужно. Нельзя, человека пожалеть, этого человека нужно, Балмесова, он не в силах получить больше «плохо», не может (*смех*). Мы его насилуем, мы ему измочалили нервы, класс его ненавидит, потому что он мешает классу, целому классу, он сделался отщепенцем коллектива, предметом ненависти учителей, учеников, родителей, предметом собственной ненависти к самому себе.

Какой смысл это имеет? Если вы держите его в 9-м классе, заведомо зная, что он программы не сможет освоить? Несите ответственность, но не обманывайте ни учеников, ни себя.

Вот такая опасность ждет и нас.

Вторая опасность, очень серьезная; у нас любят говорить: «Создадим людей сталинской закалки!» Ну, давайте создавать! Что такое закалка?

Можно ли закалить человека, если его обмотать ватой, чтобы он не простудился? Сознательно надо рисковать (я говорю, конечно, в переносном смысле). Нельзя закалить человека, если не ставить перед ним трудных задач, на которых иногда можно и сорваться; и если вы будете бояться, что он сорвется, – значит, он сорвется.

Я директору одной школы, которому помогаю по-товарищески и люблю как человека, говорю: «Заведи ты сторожевой отряд, чтобы охранять школу; конечно, с пустыми винтовками. Составь из старших учеников 10-го класса, 8-го, 6-го, 4-го и потом из вторых классов. И пусть этот сторожевой отряд с 8-9 ч. вечера занимает свои посты, пусть дежурят по два часа поочередно – одни дежурят, другие ожидают в караульном помещении». А директор говорит: «Но ведь таких маленьких мать не пустит!» А я говорил с маленьким, и он говорит: «Пусть только мать не пустит, я убегу». Правильно, он убежит! Он будет воодушевлен мыслью о том, что он охраняет свою школу, да еще под командой десятиклассника, с которым он волеяневолей должен будет подружиться. Конечно, мальчик будет стоять на посту. Тут ночь, жутко, собаки бегают, помещение далеко. Пусть подрожит, испугается, в крайнем случае – переполох выльется. (*В зале смех.*)

Во всяком случае, я не знаю, до сих пор я не встречал еще иного способа закалки, как закалка. Это единственный способ закалки, и на это надо идти. И знайте, что у ребят аппетит к этой закалке страшно большой, и никакого сопротивления вы со стороны ребят не встретите. Наоборот, встретите полную поддержку. Тот мальчик, который будет стоять на посту и побаиваться, никогда не скажет, что он боялся. Придет, ты его спросишь: «Что, боялся?» А он отвечает: «Нет! Чего там бояться?»

Храбрый – это не тот, который не боится, а храбрый человек тот, который умеет свою трусость подавить; другой же храбрости и быть не может. Вы думаете, идти на смерть под пули, под снаряды – это значит ничего не испытать, ничего не бояться? Нет, это именно значит и бояться, и испытывать, и подавить боязнь. Это мое убеждение, я только предлагаю, а вы мне говорите: «А если он будет бояться?» Так он и должен бояться, и пускай боится, чтобы было что преодолевать. Я говорю к примеру. Ну, директор, конечно, не согласился поставить сторожевой отряд.

Другой пример. В той же школе. Прекрасная школа, новостройка, одно-
сменная, паркет в коридорах, широкие коридоры, вот половина вашего за-
ла, паркет. Паркет грязный, т.е. цвета грязи. Другого цвета быть не может.
«Почему, – спрашиваю, – такой грязный паркет? Ведь паркет не для того
здесь укладывали паркетчики, чтобы его сверху покрыть просто грязью,
ведь паркет для того укладывали, чтобы он блестел?» Говорят: «Ну что ж
мы можем делать? Натираем два раза в месяц, но его же нельзя натереть,
его нужно [по]мыть, а потом натереть. Что же делать?» Я говорю: «Пускай
ученики натирают». – «Как ученики?» – «Обыкновенно. Вот по утрам, пе-
ред занятиями, приходит какая-то очередная группа во главе со старшим,
становится на щетки и натирает паркет» (*смех*).

Вы думаете, это детям не понравится? Им мало того, что натирать, нет:
натирать, а за десять минут до звонка приходит другой какой-нибудь това-
рищ из какого-нибудь 5-го класса, с каким-нибудь краснокрестовским зна-
ком, [со] знаком санитарии и чистоты, и спрашивает у старшего десяти-
классника: «Сдавай паркет. Как ты натер? Это что? Это что? Не принимай
работы!» (*Смех*.) И с рапортом к директору: «[Я] такой-то, такая-то группа
под руководством такого-то десятиклассника паркет не натерла». Вы вызы-
ваете десятиклассника и говорите: «Как же так?» И начинается вообще уже
всякая последующая педагогическая работа (*смех*).

Это что – закалка или нет? Закалка! Для такой работы нужно на час
раньше встать и нужно проделать другую работу; и это полезно знать.
Очень полезно уметь [натирать паркет].

Вот та же самая девушка, о которой я говорил, которая заканчивает ис-
торический факультет, рассказывает мне: «Я живу с четырьмя девушками в
студенческом общежитии. Только одна беда – они не умеют натирать пар-
кет, а я умею. Коммунары все умеют, так они меня заставляют натирать
паркет, чтобы было чисто». – «Что же ты сделала?» – «Я их уговорила –
нужно натирать паркет», вот все до одной коммунарки пришли.

А у коммунаров натирался паркет каждый день и принимался страшно
строго, и блестел как зеркало. Каждый день натирают паркет. Это очень
важно, вот это умение и эта помощь, оказываемая ее друзьями. Но такая
натирка паркета [и] есть закалка, и трудно на такой паркет плюнуть, как в
московском метро, где никто не стоит и не смотрит [за тобой] – нельзя
плюнуть на пол, нельзя бросить окурок, физически нельзя: мускулы не дей-
ствуют для этого (*смех*). Так же точно, если ваши школьники, все школьни-
ки знают, знают в порядке своего опыта, знают по опыту своей работы, что
он школьник, ученик, его товарищи каждый день натирают свой паркет – то
никто уже не [с]может на него ни плюнуть, ни бумажку бросить. И я знаю,
что без такой закалки не может быть настоящего коммунистического вос-
питания и на такой закалке транспаранты открываются коммунистического
воспитания. Тот ученик 5-го класса, который придет принимать от ученика
10-го класса проделанную работу, будет учиться приказывать товарищу, а
десятиклассник будет уметь подчиняться.

Я на этом заканчиваю, товарищи, а теперь приступлю к ответам на во-
просы. (*Аплодисменты*.)

Товарищи, здесь есть такие вопросы, которые устанавливают взгляды на меня, как на оракула, как мудреца, – на такие вопросы я отвечать не буду, а буду отвечать на такие вопросы, на которые ответить посильно.

Меня спрашивают: «Каким путем установить, кто обокрал кладовку?»

Я на этот вопрос не буду отвечать.

Есть такой вопрос: «В ваших произведениях показывается процесс перевоспитания детей. Почему же не показана ведущая роль учителя, воспитателя в этом процессе?»

Почему называется ведущая роль? Почему обязательно – как учитель, так и ведущая роль? Ведь никто не ведет коллектив, учитель не ведет, а вы хотите, чтобы я показал роль отдельных учителей педагогического коллектива.

В «Педагогической поэме» я показал свою ведущую роль – я учитель или нет? Я педагог, или не так надо понимать? Или вы хотите, чтобы я показал ведущую роль в классе?

Видите, я не описал школы, я описал колонию беспризорных, и в [книге] «Флаги на башнях» я тоже описал жизнь коллектива, жизнь товарищей, а не в другом месте, и описал жизнь коллектива, и в том числе и учителя; но нам не нужно обязательно чваниться. Ведь когда молодой человек оканчивает инженерный вуз, он идет в конструкторское бюро самым рядовым работником и выполняет самые простые задачи – разрабатывает конструкцию какого-нибудь маленького узла. А когда мы оканчиваем педагогический вуз и идем работать в школу, то мы говорим – я имею ведущую роль. Кого мы можем вести? Нас вести еще нужно, и еще довольно долгое время (*смех*). Надо быть скромным по отношению к себе, и я настаиваю на том, что учитель – это рядовой работник. И если он не сумеет быть хорошим рядовым работником, он никогда не сможет быть хорошим руководителем. Ведущая же роль в коллективе должна принадлежать старому опытному педагогу, руководителю коллектива, которому весь коллектив должен быть предан.

И вот, например, если бы мне поручили сейчас взять школу, что я прежде всего сделал бы? Я собрал бы всех учителей и сказал: «Вот мой план, согласны или не согласны? Вы – талантливый педагог, опытный человек, не согласны с планом – очень вас прошу, уйдите от нас. Вы молодой педагог, только что окончили педвуз и еще мало знаете, оставайтесь с нами, если вы согласны с нашим планом».

Единство педагогического коллектива – совершенно определяющая вещь, и самый молодой, самый неопытный педагог в едином спаянном коллективе, возглавляемом хорошим мастером-руководителем, товарищи, больше сделает, чем какой угодно опытный педагог и талантливый, который идет вразрез с педагогическим коллективом. Нет ничего опаснее индивидуализма и склоки в педагогическом коллективе, нет ничего отвратительнее, нет ничего вреднее.

Вот в едином педагогическом коллективе не нужно гнаться за тем, чтобы блеснуть своими собственными достижениями, а нужно гоняться за тем, чтобы блеснуть достижениями целого коллектива, и тогда вас будут лю-

бить, получится [тот] самый советский [стиль], самый важный и самый нужный. Такую роль я именно и пытался изобразить, и не хотел выпячивать отдельного педагога, потому что я хотел писать о коллективе и о влиянии коллектива.

«Ваше мнение, как необходимо построить курс педагогики, чтобы вооружить студентов – будущих учителей – необходимыми знаниями?»

Товарищи, дорогие, не думал над таким вопросом – о курсе педагогики, и сейчас быстро не сумею сообразить; но над некоторыми отдельными вопросами думал. Я, например, считаю, что у нас в педагогическом институте нужно кое-что добавить для того, чтобы воспитательная работа для учителя была все-таки подготовлена в вузе. Так, например, я бы обязательно ввел у вас как предмет обязательный постановку голоса. Пригласил бы хорошего оперного артиста, и он поставил бы всем голос. Без постановки голоса очень трудно, это ведь инструмент нашей работы, надо его отточить.

Вот в моей работе приходилось часто говорить такую фразу коммунару, с которым [за]кончил беседу: можешь идти. Эту фразу можно сказать 50-ю способами, и учитель и должен так владеть голосом, чтобы всегда пользоваться и тем, и другим тоном, обертоном, наиболее лучше, выгоднее и быстрее.

Вы же прекрасно знаете, чем поддерживается дисциплина в классе. Можно послать самого боевого, самого «свирепого» (*смех*) человека в класс; он войдет в класс и скажет: «Тише, тише, чего вы кричите, тише!» – Над ним будут хохотать. А можно послать в класс нежнейшее существо, почти не обладающее никакой властью, которое скажет так: «Иванов, сядь на место!» – что он сядет, и все остальные сядут, довольные тем, что заметили Иванова, а не его.

Кроме того, я ввел [бы] еще такие практические работы в педагогическом институте. Вот группа, вас 25 чел., вы собираетесь, усаживаетесь где-нибудь под стенкой. Один из вас занимает директорское кресло, а другой изображает провинившегося ученика, который обвиняется в том, что он соврал, сказал неправду. Пожалуйста, разговаривайте с ним, а мы будем смотреть, как вы с ним будете разговаривать. Это очень интересное упражнение, потому что товарищи обсудят, как он разговаривал, и только таким путем можно научиться разговаривать, а с родителями тоже нужно учиться разговаривать.

Я видел много педагогов, хороших людей, знающих советских патриотов, а разговаривать не умеют ни с родителями, ни с учениками. Это надо поставить в программу педагогики.

Кроме того, пора поставить вопрос о том, что такое коллектив, о сечении коллектива, о функциях коллектива, об органах коллектива, о стиле коллектива и много всяких других вопросов.

Следующий вопрос: «Каковы основные пути воспитания сознательной дисциплины в школах?»

Товарищи, я понимаю дисциплину так, что это результат воспитания, так что основной путь дисциплины – это весь воспитательный процесс. Дисци-

плина – это не средство воспитания, [а] результат, и как результат она становится средством.

Я считаю, что главные пути воспитания – это хороший коллектив педагогов [и] хорошо устроенный единый коллектив учеников. Требований – вот чего мы не умеем еще предъявлять. После «Флагов на башнях» группа учеников 379-й московской школы пишет мне: «Мы читали „Флаги на башнях“, нам нравится, но мы недовольны. Отчего у ваших ребят так мало недостатков? На самом деле у человека бывают и достоинства, и недостатки, и вы должны были описать и достоинства и недостатки, а вы недостаточно их описали». И критики говорят: «Что это за беспризорные? Никого не режут, никому не плюют в физиономию, ничего не крадут, ничего не разбивают». Я ответил десятиклассникам: «То, что вы проповедуете, я называю моральным оппортунизмом».

Почему должны быть недостатки? Кто это придумал: вот мои достоинства, вот мои недостатки. Актив – пассив, и все довольны: недостатки есть, достоинства есть – все в порядке. Что это такое? Попробуйте проводить это утверждение на каждый жизненный случай.

Допустим, вы – молодая девушка и полюбили молодого человека, а он вам говорит: «Я имею недостатки». – «Какие же это?» – «А вот, я – хороший инженер, но враль (просто брехун). – Девушка думает: что ж, человек должен иметь достоинства и недостатки, пусть будет, но молодой человек говорит: «Кроме того, я могу и украсть», и девушка думает: что ж, должны быть недостатки, пусть украдет.

Никакая девушка не должна согласиться мириться с такими недостатками.

Я считаю, что педагог не должен допускать никаких недостатков, и наши ученики не должны так думать, чтобы были недостатки. Мы должны требовать от человека идеального поведения (другое дело, что мы не всегда его получаем), но во всяком случае будет какое-то приближение к идеалу – это вам и нужно.

Представьте, я в трагическом положении: мне не верят критики. Ну, ничего не поделаешь, но коммуне не верят!.. За восемь лет в коммуне не было ни одного дня прорыва, какой-нибудь паники, каких-нибудь страшных случаев – и так только и должно быть, иначе быть не может в советском детском коллективе. [Мы] не имеем права допускать иных порядков. Но ко мне приезжали люди, делегации, экскурсии и в глаза мне говорили, оглядев [осмотрев] коммуну: «Нет, не может быть! Тут что-то подстроено». Я написал книгу, и на книгу мне отвечают: «Это сказка, это мечта»²². А я утверждаю – нет, это не только действительность советская, а это та действительность, которая должна быть на каждом шагу.

Детский коллектив должен быть счастливым коллективом, и поэтому к нему должно быть большее требование. Я, например, в системе своих наказаний настаивал на таком принципе: в первую очередь наказывать лучших, а худших в последнюю очередь или совсем не наказывать. Это наш, советский принцип. Мы от члена партии требуем больше и наказываем сильнее, чем беспартийных. И поэтому лучшие коммунары, мои друзья, которым я могу доверить что угодно, за пустяк все равно сидели под домашним арестом.

Вот есть в Москве сейчас мой друг Вася Ключник, который командовал три года первым комсомольским взводом. А что такое комсомольский взвод, можете судить по тому, что, когда мы ехали в один поход и у меня был чемодан, в котором было 55 тыс. рублей, я сказал: «Не хочу носить чемодан двухпудовый в походе Харьков – Николаев – [Нижний] Новгород²³ – Сталинград – Новороссийск – Сочи – Севастополь – Харьков²⁴, не могу носить двухпудовый чемодан – я не носильщик, кто будет носить?» Подумали, постановили: «Действительно одному человеку все время носить такой чемодан невозможно – пусть носит первый комсомольский взвод». Это[т] незапертый чемодан с 55 тыс. болтался всегда у кого-то в первом взводе, и ни одна троячка из него, конечно, не пропала.

Такой был комсомольский взвод. И вот его командир Вася Ключник, прекрасный человек, командир такого взвода, он у меня из-под ареста не выходил. Почему? Вот он говорит, что он имеет право уходить без отпуска. Он не спрашивал отпуск, а докладывал мне: «Антон Семенович, я уйду до семи часов в отпуск». Есть, записал. Я не имел права возразить. Он не нуждался в разрешении, он сам отвечает за себя. Раз уходит в отпуск, – значит, знает, что делает, он не нуждался в моем разрешении, но пришел в 10 минут 8-го, сядь, Вася, под арест, тебя никто не тянул, что вернешься в 7, что [же] ты мне голову морочишь, что в 7 [придешь], а пришел в 8-м часу. Дал обещание, назначил срок, исполни срок, а опоздал – садись под арест! От таких, как Вася Ключник, я требовал, ничего не прощал, и Вася знал, что ему никакой пустяк не будет прощен.

Я прощался с ними. Вы понимаете, что для меня это один из трагических моментов моей жизни, дзержинцы ...²⁵.

Я получил телеграмму – немедленно прибыть к месту назначения в Киев²⁶. Неожиданная телеграмма. Я работал в НКВД, и я должен был с сегодняшним поездом уехать; телеграмму я получил утром, а поезд в 5 часов, и я должен был немедленно проститься.

Я работал 16 лет в коллективе, и кто понежнее, тот слезу пустил, и мне было трудно говорить. На что уже заведующий хозяйством был хитрюга такой, что к нему на козе не подъедешь, и тот стоит – плачет. Вдруг вижу: в большом зале на рояле пыль. Я продолжаю речь и тут же говорю: «Кто сегодня убирает?» Мне называют. Я говорю: «На пять часов под арест этого коммунара!» А он говорит: «Антон Семенович, ведь вы прощаетесь», но я и тут его наказал, и тут не простил.

И когда коллектив знает, что его корешки получают в первую очередь, тогда наказание приобретает настоящий советский оттенок. Новенький придет, украдет, «попарят» его, но не наказывают и говорят ему, что ты и второй раз украдешь; он украл во второй раз, ему говорят: ты и в третий раз украдешь, а он говорит: «Здесь не наказывают, а предсказывают», но после третьего раза ему говорят: теперь ты больше не украдешь, и смотрят – кто командир первого комсомольского взвода, и новичок начинает мечтать о том времени, когда его начнут наказывать. Эти противоречия наказания начинаются тогда, когда начинается поворот и начинают считать, что это – настоящий коммунара. В этом заключается доверие к его человеческой личности. Вот условия дисциплины.

Такой вопрос мне задали: *поощрения*. Я теперь противник излишних поощрений. У нас в коммуне лучшим поощрением считается благодарность в приказе, объявленная по коммуне, а приказ слушают все стоя. Приказ – это выражение воли коллектива, это коллективное поощрение. Так у нас велось непрекращающееся, постоянное соревнование отрядов по всем показателям. Кстати, для дисциплины огромное значение имеет учет, а я ни у одного директора в кабинете не нашел картотеки. Как можно руководить 1200 детей, если нет картотеки! Это некультурно, так руководят десятилеткой только на какой-нибудь Новой Гвинее. У нас должны быть картотека, учет²⁷.

Я достиг больших результатов только благодаря придирчивости, благодаря учету. Скажем, мальчик ходил по классу – в его карточке будет отмечено, что такого-то числа он ходил по классу. Разговоров по этому поводу не ведется; это не кондуит²⁸, потому что тут другие традиции, поддерживающие этот порядок. Товарищ совершил поступок – записали: ты в апреле, в марте что-то сделал, и все поступки мы всегда забывали, человек «отдувается» за то, что он сделал, и после этого он опять прекрасный товарищ, никаких разговоров не ведется; но тем не менее учет ведется. Каждый знает, что, если он сказал учителю грубость, он за это получит [сполна], но упрекать его за это никто не будет, однако в карточке это будет отмечено.

Тут много всяких способов, чисто даже механических, которые укрепляют дисциплину. Вот одним из таких способов является ежедневный рапорт. Мне вечером иногда рапортовали человек 60, это командиры отрядов, взводов, классов, бригад производственных, но это делалось торжественно. Они выстраивались в две-три линии, давалось командам с рапортами – смирно! И я должен был приходить в поясе, подтянутый, как нужно. И рапорту бригадира или командира [от]давался салют. Все присутствующие, и учителя в том числе, стоят с салютом, и в таком рапорте, когда сказано о проступке ученика, это звучит на весь коллектив совершенно серьезно. И рапортам этим мы придавали такое большое значение, что у нас было правило: рапорт не проверяется. Это значит, если мальчик пришел ко мне в кабинет и рассказал о поведении товарища, о плохом, я смогу проверить; если тот [же] мальчик заявит на общем собрании о плохом поведении товарища, можно [тоже] проверить, можно допросить свидетелей, можно устанавливать – правда или неправда, но если это сказано во время рапорта – проверять нельзя. Почему? Известно почему: во время рапорта человек соврать не может, потому что ему же салютует вся коммуна, его рапорту, его работе, его отчету отдают салют 70-80 чел., как он может соврать? И вы знаете, не было случая, чтобы в рапорте была ложь. Такой рапорт должен был устанавливать дисциплину, что командир обязан отметить в рапорте то, что произошло, он не имеет права скрывать, ибо он говорит: в таком-то отряде все благополучно. Если он что-то скрыл, – значит, он соврал; значит, он идет наперекор, получается, что рапорт нужно проверить, и тут вопрос, выдавать [или] не выдавать товарища, отпадает. Механически вопрос такой не может стоять, и командир не может скрыть проступка товарища.

Это один из путей воспитания взрослых, но одним из важнейших путей я считаю игру. У нас принято под игрой разумеать специальное дело, в свободное время спортивную или подвижную игру. Я под игрой понимаю всю жизнь. Вся жизнь детского коллектива должна быть серьезная, и ответ-

ственная, и деловая, и должна быть всегда игрой. А [И. – Г.Х.] вы, педагоги, обязаны играть. Я вот немолодой человек, а я играл. Что такое: скажите, пожалуйста, пришел ко мне командир, дает рапорт; я должен встать перед ним. Я не имел права сидя принять рапорт, и другие всякие правила моего, собственно, поведения, я должен был понимать эту детскую игру. Это то, что наркомпросовцы называли военизацией. Пускай военизация, но это совершенно необходимо. Между прочим, к вашему сведению, долго меня ели за эту военизацию, и я долго чувствовал себя преступником, но решил так – все-таки пойду по этому преступному пути, так [и] буду идти по нему далее. И только в прошлом году я, наконец, прочел большую статью Энгельса, в которой он прямо в лоб настаивал на военизации в школе²⁹, и теперь уже меня не ругают, а если только скажут, я говорю: «16 том, часть 2» – прочтите.

Такой вопрос еще: «Пути и способы полового воспитания в школе».

Ох, и вопрос! Очень трудный вопрос! Разрешите мне не отвечать, честное слово, голоса не хватит.

Дело в том, что я ведь был в более трудных условиях, чем вы, или, может быть, в более легких. С одной стороны, дети жили день и ночь со мной, они не знали родителей, я был для них все, но, с другой стороны, это были люди, повидавшие свет и многое испытавшие. Мы ведь брали первый сорт – с крыш курьерских поездов, так что в половом отношении они были очень развиты, и воспитывать их было трудно.

У меня были тяжелые случаи, [и] я не сразу нашел способы правильного полового воспитания (правда, я считаю, что в общем-то мы выбрались благополучно). Особенных скандалов не было, но влюблялись.

Я решил сейчас обязательно написать книжку о любви, потому что я поневоле сделался специалистом в этом вопросе (*в зале смех*), хотя я пришел к этому убеждению в самое недавнее время, что любовь – это вовсе не наитие, и не случайность, и не несчастная случайность, а это обыкновенное дело, которое нужно организовать (*в зале смех*). Поэтому, воспитывая хороших организаторов, вы тем самым (простите меня за тривиальность) воспитываете хороших влюбленных; способность к организации навыков проявится и в этом. Ответственность за работу коллектива, привычка к этой ответственности, привычка отвечать за коллектив, эта привычка к ответственности сказывается и в любовном отношении. Главные драмы проистекают от ощущения безответственности, при этом в области морального воспитания, как вы знаете, самая трудная цель вот такая.

Надо, чтобы человек поступил [поступал. – Г.Х.] правильно не тогда, когда на него смотрят, его слышат, могут похвалить, или, во всяком случае, могут одобрить, а очень трудно поступить [поступать. – Г.Х.] правильно тогда, когда никто не видит, никто не слышит, не увидит, не услышит никогда, навечно не узнает, а надо поступить [поступать. – Г.Х.] правильно для себя, для правды, для своего долга перед самим собой. Если такую цель, абсолютно не имеющую отношения к половому воспитанию, поставить перед воспитателем, – тогда она облегчается.

Само собой разумеется, что любовь в 17 лет – это, конечно, чепуха, в особенности у мужчины, который развивается позднее женщины. С влюбленным 17[-летним] мальчишкой женщина даже не должна разговаривать. Но и девушка в 17 лет тоже знает, какая так[ая] любовь, и всякая такая любовь, если дать ей ход, она всегда оканчивается несчастьем. В очень редких случаях, я, по крайней мере, не знаю ни одного случая, чтобы ранняя любовь, приведшая к браку, не кончилась какой-то драмой. И это очень хорошо. Я так говорю тем девушкам, которые влюбились в 17 лет: вот [вышли] замуж, а потом приходите и плачете – убитые глаза, похудевшее лицо, горе. Человек уехал, даже адреса нет (*смех*).

А я таким девушкам говорю: «Ставь магарыч. Выскочила ты хорошо из этого дела. Радуйся и играй, что все благополучно кончилось и что тебе не нужно подавать заявление об алиментах куда-нибудь». (*Смех.*) Но лучше обойтись даже и без такого. И поэтому я сейчас, когда встречаю своих бывших коммунаров, а встречаю я их очень часто во всех городах, я просто беру за плечи – дорогой, милый, хороший друг, не женись, подожди немножко, тебе 20 лет, ну подожди, для меня подожди. Ну, в таких случаях мне обычно обещают: «Да, да, нет, вы не беспокойтесь, ничего такого нет. Там один есть, ну кто его знает, он так только, смотрит, а ничего не говорит». Значит, если скажет, – все равно дело пропащее!

Тем не менее, я в своей практике своим торможением добивался того, что задерживал эту любовную историю. Иногда приходилось стучать кулаком – брось, все равно знаю, все равно не оставлю. И пугливые натуры бросали (*смех*), а более экспансивные, конечно, не могли бросить. Ну, и приходилось женить, даже приданое покупать, всякие цветы, [швейную] машину, квартиру, гардеробные шкафы и т.д., т.е. обеспечить то, что противоречит абсолютно моим педагогическим убеждениям, и тем не менее я должен был делать. Но факты женитьбы в 1932-1933 г[г]. показали коммунарам все «счастье» брачной жизни. Во-первых, жить на маленький бюджет. Какой заработок в 19 лет? Во-вторых, начинаются семьи, «ребенки», тайное исчезновение на вечерние заседания, ну, мало ли что начинается (*смех*). А потом начинается и изменяется сакраментальная формула: ну, не сошлись характерами. И так одна, другая неудачи состоялась [составили. – Г.Х.] мимходом один из важнейших козырей.

И обычно возле батареи [стоит] где-нибудь парочка, когда все спят, спрашиваю, нежно даже: говорят, что влюблены? – Они говорят: честное слово, нет! Полгода назад сказал: да, есть, можно жениться. А теперь? Скажи: женись, вот вам приданое, квартира и т.д., пожалуйста. Нет, все прекрасно поняли, что квартира и приданое – небольшое такое счастье. В общем удалось задержать некоторые «любви» и большинство «любвей», во всяком случае; удалось создать такой институт, знаете, верховный и как-то запретительным актом как будто. В массе, естественно, никто не запрещает, нельзя запретить, но затягивать, оттягивать это дело нужно.

Кроме того, я считаю, в таких случаях совершенно необходим и полезен прямой разговор о любви с мальчиками отдельно, с девушками отдельно. Прямые разговоры, без всяких прикрас, со взрослыми ребятами, т.е. 17-18 лет – это не только можно, а нужно, нужно учить любви. Как это ни странно звучит, а есть такая наука и нужно ее учить. Девушек нужно учить – это

больше уважения к себе, к своей женской гордости. Девушку надо учить, чтобы она даже приятных ухажеров принимала с некоторым перцем. (*В зале смех, аплодисменты.*)

И девушкам и мальчикам нужно рассказывать об ответственности за каждый прожитый день, за каждый кусок чувства, потому что за все приходится платить жизнью, причем надо рассказывать не два-три раза, а каждый день. Вообще было бы ошибкой думать, как думают буржуазные педагоги, которые считают, что никаких «любвей» не может быть в юношеском возрасте. И мы с разгона тоже берем такую позицию – это шкрабья позиция. Буржуазные педагоги считают, что в школах до 18 лет человек любить не может, потому что он в школе, а после школы любите с алиментами или без алиментов, с драмами или без драм.

Мы [, педагоги,] не можем с себя снять ответственности, мы обязаны воспитывать будущих отцов, будущих матерей и будущих любовников во всех областях жизни. У педагогов есть все для того, чтобы преподать юношеству хорошие советы.

Я получил несколько писем от группы юношей по поводу книжки о родителях. Пишут, что в книжке о родителях вы такой – святой святоша, хотите узы брака надеть. Подписались все с указанием своих адресов, причем среди них были и педагоги.

Это значит – либо среди педагогов мало алиментщиков, либо они считают нужным скрывать свое преступление. (*В зале смех.*)

Мне задан еще такой вопрос: «Как вы понимаете отношение между педагогической теорией и практикой?»

Я чрезвычайно уважаю педагогическую теорию, не могу жить без нее, люблю педагогическую теорию. Удовлетворит такой ответ того, кто спросил? – это я сказал правду.

Маленькое замечание. Я люблю именно педагогическую теорию, а не педагогическую болтовню, а у нас часто каждую болтовню называют педагогической теорией. Я говорю о такой педагогической теории и хочу, чтобы это была настоящая педагогическая теория.

Маленькую монографию [Нужна маленькая монография. – Г.Х.] на такую тему, как влияние костюма учителя на характер учащихся, влияние мимики учителя на воспитание характера ученика, мельчайшие детали, на которые надо обратить внимание. Ведь даже Гоголь в своем «Ревизоре» обратил внимание на то, что учитель такую рожу скорчит, что хоть святых выноси.

Очень многое зависит от того, как учитель может оживить свой уголок [урок. – Г.Х.], как он умеет смотреть на класс, – и под таким большим вопросом надо рассматривать вопрос воспитания способности ориентировки. Об этом можно написать целый том. Такую теорию я очень люблю и уважаю.

Такой вопрос: «Какие детские книги вы считаете лучшими?»

Я не читаю детских книг, я же взрослый человек. (*Смех.*)

«Как вы советуете поступать в тех случаях, когда дети в переходном возрасте увлекаются книгами, не подходящими для них, хотя и высокохудожественными – Куприна, Мопассана, Цвейга³⁰? Следует ли запрещать такое чтение и каким образом?»

Что из того, что я отвечу – следует запрещать? А кто будет запрещать, вы? А вы сумеете запретить? Нет! Попробуйте запретить мальчикам читать эту книгу [эти книги. – Г.Х.]. Будут читать. Попробуйте запретить курить в школе. Будут курить. Я вообще не верю особенно в запрещения, тут что-то другое нужно. Системы нет специальной. И не верю в то, что ребенок должен читать книгу по какой-то там системе. Вот вы боитесь – он взял Куприна, Мопассана. Я знаю, чего боитесь: там есть такие сценки, которые не всегда вслух при женщине прочтешь, так ребенок уже интересуется, из-за этих сценок и читает эти книги; так что совершенно ясно, что его привлекает. И как вы думаете: вашим запрещением снимаете вопрос или не снимаете? Нет, не снимаете. Вы запретили читать Мопассана – он будет слушать похабные анекдоты какого-нибудь старшего товарища; хуже это Мопассана или лучше? Хуже! Едва ли можно при помощи одного наблюдения и запрещения руководить всем этим процессом, когда у подростка в 15 лет возникает довольно острый и довольно неприятного вида половой интерес. И вы знаете, что я думаю? Я не знаю детей, мальчиков 15 лет (ни [из] своего детства, товарищи, ни потом не встречал), у которых бы этот острый половой интерес не возникал. Этот интерес имеет форму вовсе не развратного стремления к женщине. Стремления к женщине еще нет, не осознается, напротив, такой мальчик боится женщин, стесняется, и может быть платонически влюблен в кого-нибудь, и может быть даже где-нибудь плачет втихомолку от любви, чтобы никто не видел, что от любви, чтобы этот вопрос прикоснулся к нему своей самой пустотной стороной, если вообще может быть пустотная.

И знаете, что я думаю? Пусть он переживает эту болезнь без вашей помощи и без вашего вмешательства, потому что я не помню случая да и нужно ли потушить [тушить. – Г.Х.] в нем это заболевание. Это, конечно, какое-то заболевание, и, вероятно, его нужно так же перенести, как иногда нужно перенести корь в детстве, скарлатину, в 15 лет. Он не может пройти мимо этого вопроса, и, конечно, он не будет о нем разговаривать с учителем этот анекдот [об этом анекдоте. – Г.Х.]. В мальчишеской среде да и в девчачьей среде идет такая струя острого интереса к самым натуралистическим выражениям в половой сфере, точно [точнее. – Г.Х.] ими он ругается, мальчик шепчет, по секрету рассказывает неприличный анекдот и, тем не менее, вот в чем я убедился: это проходит по каким-то верхним коркам души и вовсе не развращает и не превращает человека в развратника периода 18-19 лет. Смотришь, из этого самого мальчика вырастает чистейшая, хорошая мужская душа, потому что мы еще не имеем точных исследовательских данных, но если обратиться просто к нашему жизненному впечатлению, я очень многих знаю мальчиков, моих товарищей, которые только тем и занимались, что на переменке собирали нас в кружок и рассказывали нам (эти 15-летние ребята!) такие невероятные вещи, что у меня теперь волосы дыбом [встают], когда о них вспоминаю, а потом из них вышли прекрасные большевики, чистейшие люди, нравственно чистые люди. Очень многие из

них погибли на фронте [фронтах. – Г.Х.] гражданской войны героическим образом. К женщинам они относились прекрасно.

В то же время я наблюдал мальчиков, которые не хотели слушать таких разговоров, удалялись, которые вели себя, как тихони, «исусики», а из них вышли развратники, насильники, беспринципные животные. Может быть и такой случай.

Это мальчишеский взрыв острого интереса к половому натурализму, и может быть, лучше всего пусть он прочитает Мопассана. У него вся эта область предстанет хотя в волнующем оформлении, но все-таки в искусстве, в антураже человеческих страстей, несчастий, радостей. Поэтому я никогда никому не запрещал читать книг, кроме книг контрреволюционных, вредных своей проповедью, идеями, и думаю, что дети от этого ничего не теряют. Я не знаю ни одной системы чтения, предложенной кем-нибудь, которая бы меня удовлетворяла.

Задан такой вопрос: «Как воспитывать внимание учеников?»

На этот вопрос отвечать не буду.

Следующий вопрос: «Как воспитывать интерес к истории?»

Честное слово, я не оракул, никогда не интересовался этим вопросом.

Следующий вопрос: «Меня интересует вопрос о самолюбии человека, как оно вредно и в какой мере, и как можно воспитать у человека самолюбие, не имеющего его?»

Если у человека нет самолюбия – надо воспитать его, конечно; но я не знаю, как воспитать его, если [это] не делать в коллективном оформлении. Видите ли, в хорошем коллективе самолюбие очень легко воспитать. В школе я бы обязательно предложил делать то, что я делал в коммуне. В коммуну мальчики приходили как воспитанники, а через четыре месяца они получали звание коммунара и значок «ФД» на рукаве – это удовлетворяло, это и обязывало.

Во всяком случае, надо воспитывать так, чтобы человек знал, какой коллектив за его спиной, каким коллективом он должен гордиться. Человек всегда должен выступать от имени коллектива.

Я в Москве был в одной школе, которая называется школой им. Ворошилова³¹, я там был несколько дней, но я не слышал, чтобы кто-нибудь вспоминал Ворошилова, я не слышал гордости за то, что школа носит имя Ворошилова.

Я спросил: «Вы называете себя ворошиловцами?»

Они ответили: «Нет».

Я спросил: «А как же?»

Они отвечают: «Мы называем себя учащимися».

Я спросил: «А вы видели Ворошилова?»

Они говорят: «Нет».

Я спросил: «А что бы вы сделали, если бы он приехал?»

Они говорят: «Ничего».

Школа не находит в этом ничего для воспитания гордости своего коллектива, потому что самое главное – это коллектив, а не название школы.

Я думаю, каждая школа наша, кроме того, что должна быть единым типом советской школы, должна иметь свое лицо, и гордиться этим лицом, и гордиться своим именем, принадлежностью к коллективу.

«Чем вы объясняете такое быстрое перерождение Короткова из произведения „Педагогическая поэма“?»

Я, товарищи, вообще не верю в медленное перерождение. Воспитание, рост человека – это медленно, а перековка так называемая, она всегда совершается взрывно, и вы не верьте тем, которые говорят, что перековка – это эволюционный процесс; это взрывной процесс, совершенно нельзя наблюдать, кто наблюдал образование взрыва, но это совершается в один короткий момент, вот будто чувствовался.

Обратите внимание на это обстоятельство: «Каким способом можно сломить человеческое упрямство, если ребенку уже 7 лет?»

На такие вопросы нельзя отвечать. Смотря: какой ребенок, какой папа и какая мама, кого там ломать в первую очередь нужно, [и] кто ломает? Вопрос слишком абстрактный, совершенно невозможен для ответа.

Тут несколько вопросов, которые касаются вопросов историко-литературных. Я курса не читаю и на эти вопросы отвечать не могу, к таким вопросам нужно специально готовиться. Если бы это был мой специальный доклад по этим вопросам, я обязан был бы тогда ответить; сейчас я просто недостаточно подготовлен.

«Какие лучшие конкретные способы преодоления лени?» (Смех.)

Если вы говорите о преодолении лени в детском коллективе, там много способов, специальная методика может быть предложена, и прежде всего ответственность перед коллективом. Если же вы пишете: ведь даже в нашей студенческой среде есть учащиеся, ленивые люди – даже в нашей среде. Значит, тут не лень, преодолевать самовнушением, самотеком. Для этого есть единственный, вернейший способ – это заставлять себя делать то дело, которое нужно делать. Другого способа нет.

«Не считаете ли вы, что ликвидация мастерских по школам³², отсутствие трудовых процессов ведут к воспитанию барчуков, людей, пренебрежительно относящихся к труду взрослых?»

Я вообще сторонник не только трудового воспитания, а [но. – Г.Х.] и производственного воспитания, и Маркс прямо об этом говорит, что все дети с 14 лет должны принимать участие в производстве³³. Я поэтому являюсь противником каких бы то ни было [трудо-]учебных процессов в школе, я являюсь сторонником производственных процессов в школе, даже самых простых, самых дешевых, самых скучных, потому что только в про-

изводственном процессе вырастает настоящий характер человека, члена производственного коллектива, там именно человек учится чувствовать свою ответственность за деталь, когда нужно выполнить весь промфинплан.

Я думаю, что такая производственная школа у нас со временем будет; сейчас у нас просто средств не хватает для такой школы.

Следующий вопрос: «Если можно – скажите, пожалуйста, кого вы считаете лучшим писателем современности?»

Я больше всего люблю Шолохова. Я даже считаю, что он писатель в мировом масштабе.

Следующий вопрос: «Связаны ли вы с педагогической практикой и в какой форме?»

Связан, очень часто принимаю у себя на дому клиентов по разным вопросам, хотя на моих дверях не висит дощечка «Прием от такого-то до такого-то».

Недавно пришла ко мне женщина лет 45 (думаю, что моей книги не читала) и говорит: «Сын продал мои ботинки, юбку, облигации, не работает, требует денег, по ночам гуляет, ударил меня кулаком в лицо. Мне посоветовали прийти к вам за советом».

Я решил, что же мне обижать женщину, которая нуждается в совете? Я спрашиваю: «А сколько сыну лет?» Она говорит: «18». Я говорю: «Могу вам дать единственно возможный совет: если можете, удирайте тайно от этого сына в другой город». Она говорит: «Хорошо, спасибо за совет, а сколько вам за совет?» (В руках у нее пятерка.) Я считаю, что я честно заработал пятерку, но все-таки не приходится брать. *(В зале смех.)*

Вы знаете, что еще? Иногда приходят ко мне влюбленные и просят совета – чи покинути, чи любити?³⁴ И вы знаете, нельзя прогнать, пошел разговор, и хотя [я] не специалист в этом вопросе, а поневоле начинаешь расспрашивать, говорить, потом влюбленный начинает плакать, начинаешь утешать – и смотришь, даешь какой-то совет и даже сам не знаешь, к чему это может привести.

Так что, видите, приходится [и] нехорошими педагогическими делами заниматься.

А раз пришла ко мне мать в очень трагическом положении, приехала из Ленинграда: у нее сын пропал, прекрасный мальчик, ученик 9-го класса. Вытопил печь и исчез. Мать пришла в теплую комнату с работы, а сына нет. Дело в том, что мальчика обвинили в краже каких-то физических приборов в школе, и вот он исчез. Единственный сын. Мать приехала ко мне, привезла карточку и спрашивает: «Скажите, может ли он покончить с собой?»

Разве я могу сказать, что я не знаю, не понимаю? Я взял карточку, посмотрел и сказал: «Ни в коем случае не может покончить с собой». *(В зале смех, аплодисменты.)*

Следующий вопрос: «Нам очень хочется быть счастливыми. Скажите, пожалуйста, что вы собираетесь написать по этому вопросу в вашей последней книге, а то придется долго ждать другой книги, а человек создан для счастья, как птица для полета, – поэтому нельзя терять ни одной минуты».

Я отвечу товарищам. Буду писать такую книгу, и первым правилом такой мудрости – как быть счастливым – я рассчитываю поставить: не спешите быть счастливым, а то вы вертитесь, вертитесь (*смех*). Нужно очень осмотрительно к этому делу подходить.

В произведении «Флаги на башнях» Рыжикова, Балковского переслали в «Дзержинку» на воспитание, но не перевоспитали, как это, между прочим, и получилось – так всех и перевоспитал, [а] Митягина в «Педагогической поэме», я ничего с ним не мог сделать. Было несколько таких человек. Брак очень незначительный, но процент брака все-таки бывает у всех. Я, товарищи, не нашел такого средства, чтобы таких, как Рыжиков, перевоспитать. Не знаю, я не смотрел просто как перевоспитать. Очень возможно, если бы прожил еще 15 лет в коммуне им. Дзержинского и не старел, не терял бы сил, я нашел бы таких, как Рыжиков; но было несколько человек, с которыми я не [с]мог справиться, в том числе и в коммуне. Я не знаю [как], [но] если бы знал, так я, наверное, перевоспитал бы [и] их.

«Наши школы забросили физическое воспитание».

Конечно, забросили, так не надо забрасывать. Что я могу сказать по этому поводу? Его очень легко восстановить. Физическое воспитание, какое физическое? Это спартанское воспитание в стране Спарте методом закалки. Ну вот дальше, как вам сказать, какая разница, спартанское воспитание не такое плохое воспитание, а, во-первых, я всегда настаиваю все-таки, что всякое воспитание наше должно направляться интересами коллектива, сознательным восприятием личностями. У спартанцев воспитание закаленных людей не сопровождалось таким сознательным оформлением, как у нас, такой философией жизни.

«Вы предлагаете натирать ученикам паркет. Но ведь, утомляясь натиранием, ученики не смогут продуктивно учиться».

Вот видите, вот уже испугались! А как же мои коммунары учились? Ведь они заканчивали полную десятилетку, полную, и четыре часа на заводе серьезной работы, с нормой, и с самообслуживанием, и с самоуправлением и физкультурой; и иностранные делегации принимали, и в походы ездили. Нет, товарищи, слишком балуем мы наших ребят. Много им можно спать, и натирать полы в течение полчаса – ничего [ничему. – Г.Х.] не повредит.

«Расскажите коротко о вашей встрече с Горьким, его влиянии на вашу деятельность как писателя».

Я с ним встретился основательно один раз, когда он приехал ко мне в колонию Горького. Жил у меня три дня³⁵. Ну, тогда меня интересовали больше вопросы педагогические, а не литературные; я с ним о литературе совершенно не разговаривал. А потом, когда я написал «Педагогическую по-

эму», я с ним встречался по этому [поводу] раза четыре. Два раза был у него³⁶ – один раз в поезде приезжал вместе с ним³⁷ и еще где-то один раз в Одессе видел, когда он ехал из Италии через Турцию³⁸.

Его влияние на меня выражается в прочитанных книгах Горького. Самое важное, что я нашел в нем, – это большая вера в человека и большая требовательность к человеку.

Я считаю, что в этом смысле Горький – один из лучших педагогов, ибо он предъявляет максимальные требования к человеку, максимальное уважение. Это и моя основная педагогическая вера³⁹.

Кроме того, оптимизм в горьковских произведениях меня увлек. Горький – большой оптимист; он умеет проектировать лучшее в человеке.

Когда вы видите перед собой воспитанника – мальчика или девочку, вы должны уметь проектировать больше, чем кажется для глаза, и это всегда правильно. Как хороший охотник, давая выстрел по движущейся цели, берет далеко вперед, так и педагог в своем воспитательном деле должен брать далеко вперед, много требовать от человека и страшно уважать его, хотя по внешним признакам этот человек не заслуживает уважения.

Следующий вопрос: «Встречали ли вы в своей практике неисправимых нарушителей?»

Встречал, но неисправимых для меня, но я глубоко убежден, что через 10-20 лет наша педагогика и вы со своими свежими силами и мыслями признаете, что неисправимых быть не может.

Следующий вопрос: «Если неисправимых нет, то как вы смотрите на высшую меру наказания – расстрел?»

Я вам расскажу один случай в ответ на этот вопрос, и на этом я закончу – голоса больше нет.

Был такой случай: наша коммуна плыла на теплоходе «Крым» из Батума в Одессу. На теплоходе нас прекрасно принимали, мы понравились пассажирам, команде, потому что были оживленны, культурны, вежливы. У нас был оркестр, мы играли, беседовали с публикой.

И вот в конце третьих суток утром произошел несчастный случай: один довольно взрослый коммунар консервной коробкой во время завтрака другому, более молодому коммунару до крови расшиб голову. Это было сделано в присутствии команды и пассажиров.

Я не успел оглянуться, как дежурный командир протрубил общее собрание, и было одно предположение – посадить этого коммунара в Ялте, а кто пойдет провожать, может на теплоход не возвращаться.

Приходили делегации от команды, от пассажиров и просили простить коммунара, но им ответили: мы знаем, что мы делаем, и о том, что сделаем – потом сообщим.

В Ялте посадили этого коммунара, никто не пошел его провожать, хотя все хотели посмотреть [город]. Потом послали делегацию к команде, к пассажирам с извинениями, что произошел такой несчастный случай.

Когда мы прибыли в Харьков, нам на вокзал подали грузовики, и этот уволенный коммунары ходил между грузовиками и хотел помочь разгрузить нам обоз, но его устранили. Потом он пришел в коммуны просить, чтобы его приняли. Я сам просил общее собрание принять его, потом приходил один из виднейших чекистов с ромбами и просил за него, а когда дошло до голосования, то все единогласно подняли руки за то, чтобы обратно не принимать его. И после собрания чекист просил в группе старших коммунаров, собравшихся у меня в кабинете, но ничего не помогло.

Мне могут задать вопрос: вы говорите, что коммунары может всех исправить, а вот с одним человеком не можете справиться. Какое особое преступление совершил этот командир [коммунары – Г.Х.] – он ударил товарища. Между тем я должен сказать, что этот коммунары считался хорошим товарищем, был не на плохом счету.

Почему мне не возражали? А просто против голосовали. И вот один мальчик, комсомолец, один из таких гвоздей коммуны, ответил: я вам скажу и тебе, – говорит, – скажу (*аплодисменты*) вот потому, что мы говорили правду. Наша коммунары так сильна, что она может справиться с вами словами (*аплодисменты*), и, конечно, тут его исправлять нечего, не стоит, так как он нам неинтересен. Он совершил большое преступление, он в походе, когда военная дисциплина, на глазах представителей всего Союза, на пароходе всех городов, он оскорбил товарища, он оскорбил коммунары, мы его ссадили, а сейчас он нам неинтересен. Пусть его кто угодно исправляет, да он и так на всю жизнь не забудет этого урока. Он уже исправился, но мы желаем, чтобы у нас в коммуны, [когда] мы уйдем, еще один набор [пр]идет, чтобы все вспоминали этот случай.

И действительно, вы знаете, ушло то поколение, уже новые ребята, которые не плыли на этом пароходе, они, чуть вопрос о драке зайдет, говорили: а помните, ссадили с теплохода «Крым» – вот правильно поступили в вопросе о такой репрессии! В коммуны [изгнание] было высшей мерой наказания и т.д. Значит, вовсе не для одного индивидуума.

Откажитесь, товарищи, от индивидуальной логики. Здесь воспитывается не один человек, а коллектив. И вот не препятствуя этому совету коллектива, весь коллектив закалялся в борьбе за свое качество. Как вы думаете, поднять руку за исключение товарища, это значит взять на себя очень большое обязательство. Это страшная закалка характера. И, конечно, и расстрел в нашей стране вовсе не значит, что тот человек, которого расстреляли, почему-либо неисправим; наверное с ним еще можно возиться, но коллективный опыт, коллективное требование, коллективный гнев – вот что нас прежде всего интересует. Мы уничтожаем таких врагов, хотя возможно, что они как-нибудь могли прожить, и, уничтожая их, мы усиливаем наше требование к человеку, и наше уважение к коллективу, и наши надежды, и нашу ненависть к врагам⁴⁰.

«Я хотел бы быть хорошим педагогом. Я боюсь одного, [что] я не смогу поставить дисциплины, а значит, у меня не будет авторитета. Скажите, как себя надо держать с детьми, чтобы стать нужным наставником?»

Я готов сказать, товарищ, [но] тогда долго придется говорить, [а] я уже вас утомил и еще утомлю, отдельно, если хотите, поговорим с вами.

«Если вызвать ученика к доске, а он слабоват в математике, конфузится начинает его преподаватель, хорошо [это] или нет?»

Иногда хорошо, честное слово, хорошо. Иногда самый легкий способ иронии [хорош] и в общем собрании. Было однажды такое постановление, пускай такой-то в 3 часа, в выходной день, поймет, как себя нужно вести. А пришли в 3 часа, наверное, тот не заставил себя так подумать (*смех*). Не обойдешь этого вопроса.

Он студент, готовится к педагогической практике – воспитывать детей. В хорошем коллективе совершенно достаточно этого.

Мне говорят, что «в вопросе о „балмесовых“ вы ошиблись, у нас нет навечно плохих, обреченных».

Вам кажется так, мне кажется так. Я говорю из рассказов учителей. Я в своей жизни наблюдал людей, которые в известном классе учатся плохо. И опять-таки насильно нельзя заставить учиться хорошо; это часто приводит к трагическим последствиям. Иногда лучше дать человеку отдых, передышку, но это не значит, что он обреченный.

Мне пишут: «Приведите пример, где бы закалка наша отличалась от закали в Англии?»

Я говорил, что наша закалка должна направляться интересами коллектива, а не персональной, личной тренировкой, и каждый ребенок должен это понимать, а в Англии это делается для собственной личной силы, тренировки.

У меня спрашивают о самоуправлении.

Я об этом написал.

Меня спрашивают: «Как воспитать человека, чтобы он был счастливым?»

Я лучше об этом в своей книге напишу.

Меня спрашивают: «Дайте короткую характеристику вашу о том, какими должны быть здоровые отношения между парой – мужчиной и девушкой?»

Искренние отношения, т.е. такие, которые ничего не преувеличивают и не преуменьшают, когда не обманывают друг друга, когда есть уважение к себе и к другому, – и тогда отношения будут здоровые, независимо от того, какие это отношения: дружеские, любовные и т.д. Во всяком случае, если есть забота о жизни и счастье, – такие отношения всегда будут прекрасны.

Следующий вопрос: «Почему вы думаете, что среди нашей педагогической братии процент семейных бракоделов меньший?»

Потому что я получил от многих педагогов брак в значительно меньшем количестве.

Следующий вопрос: «Скажите, типичным ли является тот профессор педагогики, о котором вы пишете в „Книге для родителей“?»

В свое время он был типичным как лицо, у которого собственная эрудиция педагогическая противоречит его собственной домашней практике, а такое противоречие, в известной мере, может быть типичным.

Следующий вопрос: «Типичен ли учитель, который не может ответить ученику?»

А почему не типичен? На такой вопрос, как задал Володя, не так легко ответить, и я лично считаю, что учитель ответил очень хорошо, а вы считаете, что он не смог ответить. Либо я, либо вы путаете.

Мальчик спрашивает: «Что такое написано у Пушкина: „Прелестная ножка влечет за собою желанья?“ Учитель не ответил на этот вопрос и сказал: „Я приду домой и объясню это, чтобы родители слышали“».

Учитель поступил правильно, когда сказал, что приду домой и поговорю, а вы «пришиваете» мне, что я похвалил за это учителя (*в зале смех*).

Вот все ответы на вопросы, которые от меня требует Соломоновой мудрости. В частности, поднимался вопрос о дружбе мальчика и девочки.

«Ваш виступ має для нас навчальне значення».

Маленька подяка⁴¹ за мое выступление.

Вот по поводу моего выступления. Я очень вас прошу посмотреть на мой опыт и мои некоторые выводы, которые я мог сегодня вам изложить в моих кратких замечаниях, без формальных выражений, исключительно как на один из случаев опыта.

Я хочу вас убедить только в одном, вовсе не в том, что мне нужно подражать и повторять мои приемы, я хочу вас убедить только в том, что вы должны быть смелыми, что вы должны дерзать, но что это вы должны делать не в порядке индивидуального военизаторства, а в хорошем, сильном, хорошем, дружном, товарищеском педагогическом коллективе.

От души вам желаю найти такой коллектив в вашей жизни.

(*Аплодисменты.*)

КОММЕНТАРИЙ

РГАЛИ, 332-4-187.

Стенографический отчет. Машинописный экземпляр из наследия педагога-писателя. Название: «Стенограмма доклада т. Макаренко в педагогическом институте 9 марта 1939 г. (г. Харьков)». Заверенная маш. копия подлинника с печатью вуза и текст: «Верно. Секретарь Харьковского пединститута [подпись]». Объем: 37 нумерованных страниц, текст на которых расположен с двух сторон.

Как видно из писем Макаренко жене и Леве Салько, педагог-писатель 6-12 марта последний раз находился в Харькове, будучи приглашенным выступить в трех учреждениях, в т.ч. в день приезда, вечером, в Пед. ин-те иностранных языков. Об этой беседе он сообщает жене в письме от 7 марта: «Было много народу – человек 600, встречали хорошо – поднесли цветы. На вечере были много коммунаров, была и Лиля» («Ты научила меня плакать...»). Переписка А.С. Макаренко с женой [1927–1939]. В двух томах. Т.2. М., 1995, с.268) – Олимпиада Макаренко, в то время студентка этого вуза. Существует ли подобное сообщение об атмосфере мероприятия 9 марта, до сих пор не известно.

Публ. (с большим количеством сокращений и изменений): Наукові записки Харківського держ. пед ін-ту. Т.4, 1941, с.1-17 (заголовок: «Виступ А.С. Макаренка на вечорі зустрічі його з студентами і викладачами Харківського державного педагогічного інституту»); ИПП, с.174-92 (заголовок – как и во всех следующих советских публикациях документа: «Мои педагогические воззрения»); ИПС 4, с.160-81; С 5 (1951), с.273-303 – с дезориентирующим комментарием: «В настоящем томе текст печатается по стенограмме. Название „Мои педагогические воззрения“ дано редакцией» (с.489); С 5 (1958), с.277-307 – с этим же комментарием (с.531); ПС 4, с.343-64 – без характеристики воспроизведения текста.

¹ «Я сын рабочего, маляра, железнодорожника, который на вагонном заводе проработал 47 лет». Симеон Григорьевич Макаренко, отец педагога-писателя, работал в ремонтных мастерских Южной ж.д. Последнее его место работы, Крюковские мастерские, лишь в советское время были реорганизованы в вагонный завод.

² «Это было такое низкое образование, что мне могли доверить только должность помощника учителя в низшей начальной школе, с жалованьем 25 рублей в месяц». В действительности Макаренко 01.09.1905 г. был назначен учителем (а не помощником учителя) двухклассного ж.д. училища в Крюкове. О величине его заработной платы см. опровержение В.С. Макаренко (в письме от 03.02.1975 г. составителю данного издания): «Это ложь: он получал 47 р. 50 к., плюс 12 билетов бесплатных (6 на Южн. ж.д. и 6 по всей Империи), плюс бесплатно 2 тонны угля в год, плюс керосин, плюс бесплатную медицинскую помощь вплоть до больницы, плюс бесплатную баню и пр. И т.д., и т.д.». Зарплату в размере 47 рублей 50 копеек брат А.С. Макаренко Виталий уже упоминал в своих воспоминаниях 1973 г. Подтверждение этой суммы содержится в воспоминаниях учителя Л.Т. Степанченко «Антон Семенович Макаренко в моей жизни» (Кривой Рог, 1963), где сказано: «[...] ж.д. школы были почему-то в особо привилегированных условиях: рядовой учитель здесь получал около пятидесяти рублей, плюс бесплатные билеты на проезд по второму классу». (Хиллиг Г., Он родился и вырос в России. Вместо некролога. Марбург, 1987, ОМ № 8, с.ХХ-ХХІ).

³ «Вот 16 лет, с 1920 по 1936 г., я вел один коллектив: колонию им. Горького и коммуну им. Дзержинского». См. док. № 5, прим.20.

⁴ «[...] там (в коммуне) уже было пятьдесят моих бывших горьковцев. А вслед за мной очень много, еще сотня горьковцев тоже перешли в коммуну им. Дзержинского». По поводу числа переселенцев из колонии в коммуну см. док. № 5, прим.21.

⁵ «Ни одного письма учительского по поводу этой книги («Марш 1930 года»), ни одной критической заметки». На самом деле известна одна рецензия на данное произведение: журн. «Худож. литература», 1933, № 4, с.31-32 (Л. Гессен).

⁶ «[...] Алексей Максимович Горький, который, живя в Сорренто, ухитрился получить (я ему не посылал и он не знал, что я ее (книгу „Марш 1930 года“) написал) [...]». Вопреки этому предположению оратора, Горький все же был в курсе дела. Уже в июне 1931 г. издательство по настоянию «пролетарского писателя» выслало ему рукопись «Марша». Ознакомившись с этим произведением, Горький неоднократно обращался к председателю Госиздата А.В. Халатову с просьбой ускорить его публикацию (см.: Архив А.М. Горького, т.10, кн.1. М., 1964, с.254). Макаренко, очевидно, не знал о таких усилиях своего покровителя.

⁷ В письме от 17.12.1932 г. Горький писал: «Дорогой Антон Семенович – / вчера прочитал Вашу книжку „Марш 30-го года“. Читал – с волнением и радостью. Вы очень хорошо изобразили коммуны и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я Вас искренне поздравляю с этой книгой. Вероятно, немножко напишу о ней». (Переписка, с.72-73.) Экземпляр книги с отдельными подчеркиваниями и правками рукой Горького находится в личной библиотеке писателя (Музей А.М. Горького в Москве).

⁸ «Сейчас я сдал в печать второй том („КдР“) [...]». См. док. № 18, прим.6.

⁹ Речь идет о статье Н.П. Стороженко «Вредные советы родителям о воспитании детей» (Сов. педагогика, 1938, № 3, с.124-8). См. также: док. № 11, прим.6.

¹⁰ «[...] Макаренко не литератор и не художник, а мастер-фактограф». Имеется в виду статья Ф. Левина «Четвертая повесть А. Макаренко» (см. док. № 20, прим.13), где рецензент пришел к заключению: «Макаренко обнаруживает неумение создавать характеры, не говоря уже о типизации их. Он силен лишь как рассказчик о действительных событиях и людях и слаб как художник – творец синтетических образов» (с.154).

¹¹ *Задоров* – см. док. № 3, прим.5.

¹² «Иногда, скажем, вписал факт, сам факт вписал Иванов, а через самый факт вписал Иванов. Зачем мне писать, что сначала Иванов, потом Петров, а я беру факт, вписал Нестеренко». Смысл этих двух предложений не ясен.

¹³ «Последние семь лет коммуна им. Дзержинского жила на хозрасчете – это совсем не пустяк». Переход цехов на хозрасчет коммуна начала лишь с 06.07.1932 г. (Вт.р., с.30), т.е. в связи с передачей «секретных цехов» ее производства в АХУ НКВД УССР (см. док. № 2, прим.9).

¹⁴ «Кроме того, [мы] давали несколько миллионов рублей чистой прибыли государству». См. док. № 2, прим.29.

¹⁵ ПС 4, с.396, пр.3: «Имеется в виду воспитанница коммуны им. Ф.Э. Дзержинского П. Джуринская, окончившая в то время исторический факультет Харьковского университета, впоследствии кандидат исторических наук».

¹⁶ «К примеру, возьмем такую важную способность, как деловитость, на которую обращает[ся] серьезное внимание в тезисах доклада тов. Молотова». См. док. № 18, прим.8.

¹⁷ «Возьмите такое понятие, как точность. И последние указания нашего правительства». См. док. № 20, прим.23.

¹⁸ «[...] одно из последних высказываний тов. Сталина». См. там же, прим.24.

¹⁹ *Облоно* – Областной отдел наробраза.

²⁰ *Гороно* – Городской отдел наробраза.

²¹ «Треба вмерти» (укр.) – нужно умереть.

²² «Я написал книгу, и на книгу мне отвечают: „Это сказка, это мечта“». См. док. № 20, прим.13, 14.

²³ *Нижний Новгород* – название г. Горького до 1932 г. и вновь с 1991 г.

²⁴ Имеется в виду волжско-черноморский поход коммунаров-дзержинцев летом 1933 г.

²⁵ В тексте пропуск.

²⁶ «Я получил телеграмму – немедленно прибыть к месту назначения в Киев». См. док. № 2, прим.9.

²⁷ «Как можно руководить 1200 детей, если нет картотеки! Это некультурно, так руководят десятилеткой только на какой-нибудь Новой Гвинее. У нас должны быть картотека, учет». С таким требованием по поводу эффективного руководства писателей Макаренко уже выступал на их общемосковском собрании в апреле 1937 г.: «Нам нужен настоящий, специальный, прекрасно организованный американский учет нашей работы, наших недостатков, наших тем, наших ошибок. Это, конечно, не бухгалтерский учет. На таком учете должны работать хорошие писательские

кадры. Такой настоящий учет, такой совершенный учет по последнему слову техники должен быть в президиуме правления [...]». (GW 9, с.75).

²⁸ Кондуит – см. док. № 3, прим.11.

²⁹ «И только в прошлом году я, наконец, прочел большую статью Энгельса, в которой он прямо в лоб настаивал на военизации в школе». См. док. № 7, прим.12.

³⁰ Цвейг (Zweig) Стефан (1881-1942), австрийский писатель, мастер психологической новеллы.

³¹ Школа им. Ворошилова – см. док. № 1, прим.2.

³² Ликвидация мастерских в школах РСФСР произошла в марте 1937 г.; см. также док. № 18, прим.12.

³³ «Я вообще сторонник не только трудового воспитания, а [но. – Г.Х.] и производственного воспитания, и Маркс прямо об этом говорит, что все дети с 14 лет должны принимать участие в производстве». См. док. № 18, прим.16.

³⁴ «Чи покинути, чи любити?» (укр.) – «бросить ли, любить ли?»

³⁵ «Я с ним (Горьким) встретился основательно один раз, когда он приехал ко мне в колонию Горького. Жил у меня три дня». Это Макаренко утверждает также в статье «Максим Горький в моей жизни» (1936 г.): «[...] прожил в ней три дня [...]». В колонию его имени Горький прибыл 08.07.1928 г. Но уже на следующий день из Куряжа он отправился в коммуну им. Дзержинского.

³⁶ «Два раза был у него [...]». У Горького в Москве Макаренко был 21.09.1933 г. (передача рукописи «ПП») и во второй половине апреля 1934 г. (консультация по поводу пьесы «Мажор»); см.: Переписка, с.172, 176.

³⁷ «[...] один раз в поезде приезжал вместе с ним [...]». 21.09.1934 г. Макаренко встречался с Горьким на его даче в Горках под Москвой, а с 23 по 25.09 сопровождал его в поездке в Тессели, Крым; см.: Переписка, с.179.

³⁸ «[...] и еще где-то один раз в Одессе видел, когда он ехал из Италии через Турцию». 17.05.1933 г. Горький прибыл из Италии в Одессу – окончательное его возвращение в СССР; см.: Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып.4, М., 1960, с.295.

³⁹ «Самое важное, что я нашел в нем (Горьком), – это большая вера в человека и большая требовательность к человеку. / Я считаю, что в этом смысле Горький – один из лучших педагогов, ибо он предъявляет максимальные требования к человеку, максимальное уважение. Это и моя основная педагогическая вера». См. док. № 19, прим.3.

⁴⁰ «/.../ расстрел в нашей стране вовсе не значит, что тот человек, которого расстреляли, почему-либо неисправим; наверное с ним еще можно возиться, но коллективный опыт, коллективное требование, коллективный гнев – вот что нас прежде всего интересует. Мы уничтожаем таких врагов, хотя возможно, что они как-нибудь могли прожить, и, уничтожая их, мы усиливаем наше требование к человеку и наше уважение к коллективу и наши надежды, и нашу ненависть к врагам». Данное высказывание в советских изданиях трудов педагога-писателя в таком виде никогда не публиковалось. Для его оценки следует обратить внимание на то, что Макаренко эти чересчур острые слова сказал в присутствии неизвестной ему публики.

⁴¹ «„Ваш виступ має для нас навчальне значення“. / Маленька подяка [...]» (укр.) – «„Ваше выступление имеет для нас учебное значение“. / Маленькая благодарность [...]».

22. ВЫСТУПЛЕНИЕ «ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ» НА СОВЕЩАНИИ УЧИТЕЛЕЙ ЯРОСЛАВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В МОСКВЕ (29.03.1939 г.)

Товарищи! Я очень слабый докладчик и докладов делать не умею. Никак не укладывается в моей голове, что я могу сделать доклад, тем более, что вы сами с усами и поучать вас я не имею права. Я представляю, что у нас будет маленькая беседа, может быть, и вы скажете что-нибудь. Тем более я считаю [себя] не вправе предложить мой доклад, потому что мой опыт, а я основываюсь только на [своем] опыте, круто отличается от вашего.

Я не ученый, у меня нет ни одной строчки научной работы, и я несправедливо прославлен.

Я могу говорить только как практический работник, как ваш скромный коллега, могу рассказать о тех мыслях и чувствах, которые возникли у меня после моего опыта.

Если считать, что я рассказываю то, что я делал, то, о чем я думал, к чему пришел, – то это мой опыт, но вовсе не обязательный для школы и для учителей.

Я сам учитель (железнодорожный учитель) и сын железнодорожника, так что в этом смысле я должен педагогически мыслить так [же], как вы, но мне, может быть, повезло больше, чем вам.

В 1920 году советская власть дала мне колонию правонарушителей. Я пошел туда вовсе не потому, что считал себя сильным воспитателем, и не потому, что у меня были такие-то убеждения в этом отношении, – ничего этого не было. Я пошел с отчаяния в эту колонию. Мне в Полтаве предложили заниматься в здании Групп совнархоза [Губсовнархоза. – Г.Х.]¹. Приходя туда, я всегда находил там грязные канцелярские столы, окурки на полу и, как правило, воздух, состоящий главным образом из никотина и дыма. Обстановка была ужасная. Заниматься в таких условиях было очень трудно, и, разумеется, я готов был удрать куда угодно, даже к правонарушителям². Так начался мой «правонарушительский» опыт. И он продолжался 16 лет. И тут мне повезло в нашем Советском Союзе. Мало людей, которым посчастливилось руководить [так долго] одним и тем же «правонарушительским» коллективом.

Вот в 1936 году этот мой опыт закончился более или менее насильственно, не по моему желанию, не по моей вине³.

16 лет я работал с одним коллективом, в котором, правда, менялись люди, но менялись постепенно, сохраняя традиции, преемственность между поколениями. Работа в этом коллективе привела меня к некоторым убеждениям, которые я имею склонность распространять и на обычную школу, а вы, конечно, можете их не иметь. Вот почему? Почему я так подошел к общешкольному вопросу? Потому, что в последние 8 лет коммуна им. Дзержинского

жинского НКВД Украины мало отличалась по характеру детского общества от обычной школы.

У меня была полная средняя школа⁴, и дети очень быстро, приблизительно через 3-4 месяца, становились нормальными детьми или даже сверх нормальными, если нормальными считать среднего московского школьника. Так что я не имею основания полагать, что у меня был особенно трудный состав. Состав у меня был [даже] более легкий, чем в московских школах. Я настолько мог позволить себе свободу действий, что, например, [в коммуне] с третьего года я уничтожил должность воспитателей⁵. Уже в быту мои воспитанники не нуждались в каких[-либо] воспитателях. В быту мне не нужна была специальная надзирательская помощь.

Школа у меня была труднее, чем у вас, потому что я получал детей, более или менее отставших: в 13-16 лет [подросток] кое-как читает, кое-как пишет, а иногда совсем не пишет. Так что закончить курс десятилетки к 17 годам им было труднее.

Наши интеллигенты представляют [себе], что беспризорный всегда способный, гений, а на самом деле он менее способный, чем нормальный человек. Это затрудняло прохождение ими курса средней школы, но у них было нечто, что позволяло мне и им преодолевать большие трудности. Они не могли рассчитывать ни на помощь родителей, ни на протекцию, а должны были рассчитывать только на себя. И это они понимали. Они стали понимать, что школа дает им дорогу в вуз. Особенно они стали понимать это, когда появились первые студенты[-коммунары], когда студенты стали приезжать [в коммуну].

Они поняли, что дорога в вуз – самая богатая дорога. Они знали, что вуз давал общежитие.

Поэтому у моих коммунаров страсть к учебе была сильнее, чем у среднего школьника. И они при помощи этой страсти преодолевали лень и все, что встречается на этом пути.

Воспитательная работа в коммуне у меня была обставлена лучшими условиями, чем у вас, потому что коммунары находились в моих руках полные сутки в течение 5-6-7 лет. Никто мне [не] лез под руку, никто не кричал караул, когда я выделял, может быть, что-нибудь «антипедагогическое» (*смех*). А вам нельзя этого делать. У вас есть такая терминология: это средство воспитательное, а это средство не воспитательное. Причем у вас воспитательное средство не то, которое ведет к цели, а то, при котором меньше скандалов, меньше крика (*смех*), когда и волки сыты, и овцы целы. А к каким результатам ведет это средство – не проверяется, не имеет особого значения.

А я считал воспитательным средством то средство, которое ведет к цели. Поднимается крик, скандал, пожалуйста, иду на какой угодно скандал. Я был поставлен в этом отношении в более выгодные условия и был оперативным. Наконец, легкость работы обуславливалась еще одним обстоятельством: в коммуне было производство.

Я был когда-то сторонником трудовых процессов. Мы все считали, что в трудовых процессах ребенок дает выход своим трудовым инстинктам. Я тоже думал, что трудовой процесс нужен для придания ребенку трудового

колорита. Я понял, что ребенок должен учиться какому-то труду, добиваться какой-то квалификации.

Мы, педагоги, теоретически залетали очень высоко, а практически были очень низко. Думали, что дадим нашему ребенку хорошую квалификацию, а на самом деле давали такую, при помощи которой ребенок мог сделать плохую табуретку, и сделали швею, которая могла сшить только трусики. Я сам переживал даже чувство некоторого пафоса, когда мне хорошо чинили ботинки, шили трусики и плохо делали табуретку. Потом я избавился от этого педагогического предрассудка. Вы помните, наверное, предрассудок, что трудовой процесс должен быть связан с учебной программой. Сколько мы поломали головы на этом проклятом вопросе? Вот он делает табуретку, а надо, чтобы это было связано с географией и с математикой. (Смех.) Я очень плохо себя чувствовал, когда приезжала комиссия и не находила согласованности между табуреткой и русским языком. (Смех.) Потом махнул рукой и прямо стал утверждать, что не должно быть никакой связи. Долой связь между учебным процессом в школе и процессом производства!

Сейчас я это могу аргументировать, когда в коммуне развернулся прекрасный завод, сработанный нашими руками, завод, производящий «Лейки»⁶. Очень богатый завод. «Лейка» имеет 300 деталей, точную оптику, где имеются сложнейшие процессы по точности [до 0,001 мм], каких в старой России никогда не бывавшие [бывало. – Г.Х.]

Когда я наблюдал работу такого завода, а такой завод – это значит точный план, нормы допуска, нормы качества, когда такой завод обслуживается десятками инженеров, инструкторским [конструкторским. – Г.Х.] бюро и т.д. и т.д., – только тогда я увидел, что значит такое производство. И как жалок был лепет, что это связано с учебным производством в школе. Оказалось, что процесс учебного производства и качества в школе и [производство] продукции без моего усилия крепко определяют личность, потому что они уничтожают ту грань, которая лежит между личным [физическим. – Г.Х.] и умственным трудом, и у меня выходят высококвалифицированные люди.

В Харькове я встретил девочку, которая оканчивает институт. Но она имеет 6-й разряд полировщицы на линзах. Она учится в институте, а между тем этот 6-й разряд у нее сохраняется в руках, она все помнит⁷. Разве можно рассчитать это какой-то мелкой методикой? И вот, когда у меня выходили ученики 6-7 разрядов, то я видел, что им учеба принесла пользу.

Условия производства, производства серьезного, – это мне мою [это моему. – Г.Х.] было теми условиями, которые облегчили педагогическую работу. Я теперь буду бороться за идею, что в нашей советской школе должно быть производство⁸. Тем более буду бороться, что при производстве в руках детей открывается очень много воспитательных путей.

И наконец, еще одна сторона, совсем не презренная, – это выгодность такого дела. Коммуна Дзержинского существовала восемь лет⁹ и только один год была на бюджете. Остальные семь лет она была снята с бюджета, и последние семь лет она покрывала содержание завода, общежития, всего быта, пищи, одежды, школы целиком и 5 млн. рублей давала государству чистой прибыли¹⁰. При этом только потому, что была на хозрасчете.

Вы представляете, какая страшная инструментовка была в руках педагогов! Мы решаем: едем 500 чел. по Волге, на Кавказ. Для этого нужно 200 тыс. рублей. Постановили: в течение месяца работать полчаса лишних, и в результате имеем 200 тыс. рублей.

Я имел возможность одевать детей в суконные костюмы – мальчиков, девочек – в шелковые и шерстяные платья. Я имел возможность 40 тыс. рублей оплачивать за театр. А когда это делается в порядке трудовой дисциплины, в порядке завоевания богатства, когда весь коллектив за это бьется, то что можно сравнить с этой страшной педагогической силой, какая имеется в наших руках?

Я уже не говорю о других, мелких достоинствах такой системы. Хотя бы зарплата. Зарплата не потому совершенна, что дает деньги ученику, она совершенна потому, что ставит его в условия своего бюджета, она дает возможность воспитать будущего хозяина. Ведь у нас каждый коммунар[-выпускник] имел в сберкассе по 2 тыс. рублей.

Я убежден, что цель нашего воспитания заключается не только в том, чтобы воспитать человека-творца¹¹, человека-гражданина, способного с наибольшим эффектом участвовать в строительстве государства. Мы должны воспитать человека, который должен быть счастливым и обязан быть счастливым. Деньги – прекрасный воспитатель, прекрасный педагог. Так что говорить о педагогическом опыте я могу, только основываясь на своем опыте, а он был обставлен лучше, чем у вас.

Я настаиваю и буду настаивать на том, что такие условия должны быть созданы в школе. Сначала это кажется очень страшным, а на деле это не так страшно. Если бы мне сейчас дали школу, я бы на педагогическом собрании говорил: я такие-то идеи буду применять, а на самом деле думал: где бы достать необходимые пяти-мети¹²? В коммуне им. Дзержинского я стал искать человека, который умеет все купить, все продать, все умеет делать, а на самом деле ничего не умеет делать, потому что у него нет никакой специальности. Я нашел такого жука, спекулянта. Он говорит: «У вас 200 рабочих рук, чего же вы плачете?» – «А что мы будем делать?» – спрашиваю. Он говорит: «Знаете что, мы будем делать нитки». – «А где средства?» – «А зачем средства? Мы заключаем договор, купим кустарные деревянные станочки». Действительно, купили такие старые станочки и начали делать нитки, а через 6 лет имели лучший в Союзе оптический завод, который стоит несколько десятков миллионов рублей.

Вот я и начал с ниток и табуреток. А как табуретки надо делать? Один говорит: для того, чтобы сделать стул, [одному работнику] надо сделать все части, тогда он будет хороший мастер. А другие говорят: нет, один делает вот эту часть, второй – другую часть, третий полирует и т.д. И это верно! И вот когда настоящий «душевный педагог» вникал в такую работу, он падал в обморок, бледнел: как можно так издеваться над мальчиком; мальчик отрезает только эту штуку. Ведь это просто ужас.

Да, мальчик отрезывает [отрезает. – Г.Х.] только эту штуку, но он отрезывает [отрезает. – Г.Х.] 200 штук за несколько минут, он работает на коллектив. А разделение труда – это то, что нам нужно. Сейчас не так нужен мастер, который умеет сделать стул целиком, а нужен столяр, который уме-

ет работать на циркулярном и фрезерном станках. Только такой коллектив, такое производство были в моем опыте.

Какие я сделал выводы, которые не имеют с вашими, вероятно, ничего общего?

То, что я говорил вам, вовсе не значит, что я только хозяйственник или спекулянт. Нет, я всегда оставался педагогом, и всегда меня интересовали вопросы воспитания. Я пришел к некоторым выводам, которые, может быть, противоречат ходячим теоретическим убеждениям. Я всегда был противником такого взгляда, который говорит, что педагогика – это теоретическая [наука], которая строится на изучении ребенка и на изучении отдельно взятых, абстрактно мыслимых воспитательных методов. Я представляю, что педагогика есть политическое искусство воспитания и что это есть проявление политического кредо [педагога], а его теоретические знания являются только подсобными в этом воспитании. Сколько хотите накачивайте меня методическими средствами, а я белогвардейца воспитать не сумею. И вы не сумеете. Вы смогли бы воспитать белогвардейца только тогда, если бы у вас душа была белогвардейца.

Это искусство может быть доведено до большой степени совершенства, почти до степени техники. Я в это верю и всей своей жизнью искал доказательства этой веры. Я никак не отрицаю педагогики, но я настаиваю, что вопрос воспитания, методику воспитания надо совершенно отделить от вопроса преподавания, тем более надо отделить, что воспитательный процесс совершается не только в классе, а буквально на каждом квадратном метре нашей земли. И надо, чтобы педагогика овладела такими средствами влияния, которые были бы настолько универсальными, могучими, чтобы оно [так] было; когда наш воспитанник встретит любые влияния – самые вредные, самые мощные, они бы нивелировались и ликвидировались нашим влиянием. Значит, ни в коем случае нельзя представить, что эта воспитательная работа может быть только в классе. Воспитательная работа руководит всей жизнью ученика.

Второе, на чем я, может быть, произвольно настаиваю, – я сторонник активного воспитания, т.е. я хочу воспитать такого-то человека, и я все делаю, весь интеллект, все попытки [и] усилия свои направляю на то, чтобы достигнуть этой цели, и я должен на части разбиваться, чтобы этого достигнуть. Я всегда должен видеть перед собой цель, должен видеть тот образец, идеал, к которому я стремлюсь. Не беспокоиться о том, что эта «личность запищала», пускай пищит, но я буду добиваться своей цели. Это вовсе не значит, что я являюсь сторонником страданий, напротив, я убежден, что многие недостатки, особенно дисциплины, тона и стиля, происходят от того, что мы не придаем значения весьма важному обстоятельству. С беспризорными это обстоятельство я видел лучше: это испорченные детские нервы. Я думал: этот – дезорганизатор, этот – вор, лентяй, а в большинстве случаев [оно] представляет из себя просто потрепанные нервы. Он каждое наше слово, каждое движение встречает с сопротивлением, у них нервы болят, когда вы подходите. И иногда самые хитроумные наши педагогические измышления являются для них трепкой нервов.

Говорят: ребенок должен после урока покричать (у вас в школе этого нет), иногда ему хочется поколотить стекла, говорят: натура ребенка этого

требует. Говорят, что для того, чтобы ребенок не бил стекла, надо его отвлекать чем-то, надо нервы раздражать в другом направлении. Надо заставить, чтобы он пел, танцевал, или радио для него завести.

Надо его каким-то шумом оглушить, треском оглушить, чтобы ребенок обалдел (*смех*). И я бываю во многих школах, не только московских, но и в провинциальных, у меня закаленные нервы, нервы как тросы, и вот, когда я захожу в такую школу, я превращаюсь в тик. А все ваши ребята в течение 8 лет находятся в школе.

Но мы должны быть «педагогичны» и только про себя говорим: «чтоб вы пропали!», а на деле ничего не показываем. У нас иногда только губы дрожат, по ночам не спим, или это все обрушивается на нашего мужа или на жену, и мы глубоко убеждены, что учительская работа – нервная работа и учитель должен быть обязательно неврастеником.

Я об этом задумался очень давно. И потом увидел, какое благо – полный порядок: никакого крика, никакого бега. Хочешь побегать – вот площадка, а если хотите кричать – не кричите! Надо побережь и меня, ведь я государственная вещь, и меня поберегите. И поэтому насчет окон я считал единственное решение: не смей бить стекла, я не буду тебе заводить радио, музыку и не позволю бить государственное имущество. Я тебя ничем отвлекать не буду, а ты не бей.

И вот, когда коллектив делается сознательным [сознательно привычным. – Г.Х.] к такому порядку, [то] действительно в коллективе получается тот покой, та строгость, грань и точность обозначения, где можно бегать, где нельзя, которые так необходимы для успокоения нервов. Я сам к этому пришел не так скоро. Но коммуны вы могли [посетить] в любое время и никогда не увидели [бы], чтобы ребята толкали друг друга, били стекла и т.д. Коллектив бодрый, жизнерадостный, никто никого не бьет. Я глубоко убежден, что стремление ребенка побегать, покричать прекрасно может быть переведено на внутренний покой. Ведь очень часто может выдаваться за педагогическую мудрость то, что на самом деле может подвергаться сомнению: мудрость ли это педагогическая или мудрость вообще.

Поэтому такое требовательное, активное воспитание, которое руководствуется только целью дать ребенку политическое воспитание, вовсе не значит, что приведет к страданию ребенка. Что такое страдание?

Вас, вероятно, занимает вопрос о риске. В Ленинграде на одном из совещаний, когда я рассказывал о риске, мне такой вопрос задали: да, на производстве можно требовать риска, и чем больше риска, чем больше дерзаний, тем более возможны успехи. Но когда вы имеете дело с живым человеком, как вы можете рисковать? И вопрошающий дополнил так: у нас был случай, когда девочка повесилась потому, что ей поставили плохой балл по немецкому языку¹³. И вспомнил я, как у нас в одном московском педагогическом журнале был отдел консультации¹⁴, и там консультант отвечает на вопрос читателю, как надо разговаривать с мальчиком, который хулиганит в классе, нарушает внутренний распорядок. С таким мальчиком воспитатель должен поговорить ровным голосом, ни в каком случае не повышая тона, так, чтобы ученик видел, что учитель говорит с ним не потому, что негодует, а потому, что это его долг, долг учителя поговорить.

Вот я считаю, что такой ровный голос с хулиганом и вот то, что учитель боится показать свое негодование, а показывает свою боязнь, – это [и] есть самое рискованное действие. И если бы со мной все люди говорили только ровным голосом, я повесился бы через год. Разговаривать ровным голосом – это значит: мне безразлично, как ты себя ведешь, но я разговариваю с тобой потому, что я исполняю свои обязанности.

Например: «Иванов, не смей ничего [плохого] делать...» и таким спокойным монотонным голосом. А про себя думает, а что если бы тебя по голове как следует стукнуть кулаком. Что это, не риск?

Почему девочка повесилась? Ведь плохая отметка – нерискованная отметка. Нет, потому что там были действия нерискованные, человеку тошно стало жить на свете, и он повесился. А тот человек, который живет в живом коллективе, где есть риск, там люди не вешаются. Вешаются люди от тоски... И нерискованное действие – самый страшный риск.

Я поэтому открыто говорю: в действиях педагога, в действиях педагогического коллектива должна быть предельная требовательность.

Это вовсе не значит, что вы должны кричать на хулигана, опрокидываться в кресле; нет, вы должны так говорить, чтобы хулиган видел, что вы негодуете, чтобы он видел, что вы решили сопротивляться хулиганству, что это приводит вас в гнев. Не всегда надо кричать, можно иногда прошептать (*смех*), но в вашем голосе должна быть эмоция, чувство, и тут не надо уступать никакому начальству.

Пришел ко мне один директор и говорит: как бы вы поступили? Выгнал я ученика, и он принес записку из Горона¹⁵, чтобы я его обратно взял. Этот ученик наткал несколько кусочков лезвия – ножичка на [в. – Г.Х.] перила, чтобы ученики руки себе порезали. Спрашиваю: «Как вы поступили?» – «Принял», – говорит... «А надо было с запиской его выгнать». – «Да ведь я места лишусь», – отвечает он. Ты сдрейфил и испугался записки, принял хулигана обратно. Это неверно: когда вы чувствуете себя правым, вы не имеете права никому уступать, даже если вы рискуете быть выгнанным со службы. И наконец, директора никто не выгонит. Не так уж легко выгнать директора, и директор должен на своем поставить.

Вот дальше о теме «риск». Когда на самом деле общий тон требования, целеустремленность действия воспитывается в детском коллективе, тогда и детский коллектив вас поддерживает, и рисковать вам почти не приходится. Когда я право наказания ставил как совершенно недвусмысленное право, от которого не откажусь, то ученик прекрасно понимал, что так и будет. Чем ярче, определеннее право требования, тем менее приходится требовать, тем естественнее возникает общий стиль.

Вот это требовательное воспитание кажется трудным делом до тех пор, пока мы по-настоящему не решились его проводить, а когда решились – оно становится легким.

Я подчеркиваю, чтобы вы требовали поведения, не оглядываясь, не боясь, что вас выгонят и что вы кого-то приведете к самоубийству.

Вот, товарищи, общие положения. Я могу развить их подробно, но к ним необходимы некоторые дополнения весьма важного свойства. Это вопросы стиля и тона. Вопрос стиля у нас совершенно не разработан в педагогике.

А между тем стиль очень много решает. Сколько я видел школ, столько я видел стилей.

Вы сами знаете, что стиль детского коллектива бывает просто возбужденный, наглый, крикливый, страдающий, пониженный, пессимистический. Можно без конца называть стили. Стиль создается путем воспитания уважения к себе и коллективу. Это то, что [чего. – Г.Х.] так мало во многих наших школах.

Я был в одной школе, которая называется именем Ворошилова¹⁶, и спросил ребят 10 класса: вы называете себя ворошиловцами? Нет, зачем, отвечают они. Ведь вы единственная школа, которая носит имя тов. Ворошилова. Неужели работники не воспользовались этим названием? Каждая школа должна гордиться таким именем, и оказывается – здесь педагоги не использовали это.

Вот ученик 899-й школы. Конечно, звучит очень ровно, ничем не выдается. Но эта самая 899-я школа называется им. Кирова. Это уже многое значит. У нас сплошь и рядом педагоги не умеют пользоваться таким счастливым обстоятельством. В таких школах день рождения тов. Кирова должен быть большим праздником, каждый ученик должен знать биографию тов. Кирова назубок. Так у меня и было. В Горьковской колонии были горьковцы. Дзержинцы знали, что тов. Дзержинский – это их настоящий образ, их вдохновитель.

Вот я читал, как в одном педагогическом журнале обсуждался вопрос, как называть учеников: называть ли «ребята», «товарищи» или просто «Ваня», «Коля». А почему не понимают того, что ребенок в школе обязательно гражданин? Я 10-летнего ребенка называл товарищем, особенно когда к нему обращался по делу. Я мог, гуляя в парке, назвать его Петей. А когда он провинился, я говорил: товарищ Федоренко, получите два часа ареста. Это не значит, что при других обстоятельствах вы не можете назвать его Петей, а в деле этот стиль подчеркивает, что это не игра, что это государственное дело.

Главнейший метод, в котором меня обвиняли всегда, – это военизация. В одной газете меня называли жандармом, в другой Аракчеевым и т.д.¹⁷. Все же я 16 лет не отказывался от военизации. Только на 16-м году я нашел у Энгельса место, где было написано, что в школе должна быть проведена правильная военизация¹⁸. И когда я показал это людям, которые называли меня жандармом, они просто онемели.

Я противник муштровки. Вот иногда водят детей в раздевалку парами. Это совсем лишнее. Когда у вас дисциплинированный коллектив, в приказе пишется: одеваться по порядку такому-то классу за таким-то классом, наблюдение поручается такому-то. И каждый знает, когда ему идти одеваться, а вовсе не надо идти парами. Военизация – это свобода.

Я в Кисловодске 7 ноября 1938 г. наблюдал, как одна школа строилась на демонстрацию, причем это не было злым умыслом, просто они не могли построиться¹⁹. А когда построятся, учителя стоят как овчарки, стоят и смотрят, чтобы не разбежались. Это не военизация. Вот что называется военизация: марш, стройся, минута – равняйся, справа по б. Построились. Спрашивают: «Долго будем здесь стоять?» – «2 часа». – «Разойдись». Ребя-

та расходятся, покупают конфеты, мороженое. Но вот трубач дал сигнал, прибежали – строятся.

Военизация – это свобода для учителя и учеников, а вовсе не муштровка.

Я не знаю, как у вас собираются общие собрания. Я знаю, как собираются писатели. Никакой военизации нет. Получают повестку, собрание назначено на 6 часов. Это значит, надо сесть и долго размышлять, когда же начнется общее собрание. Все прекрасно знают: если написано в 6 часов, то оно начнется в 7. Но [если] все опаздывают на час, то все придут к 8 часам. Надо на собрание идти к 8 часам. Повестка написана [В повестке написано] в 7, собрание начнется в 9 с половиной. «Почему вы пришли в 9 с половиной?» – спрашивают писателя. «Потому что я знал, как все наши опаздывают», – отвечает он. Время здесь перестает действовать, шесть часов превращаются в пустой звук. И если так будет продолжаться дальше, то, чтобы собрать собрание в 7 часов, надо будет писать, что собрание назначается в 12 часов дня.

А вот военизация позволяет приучить коллектив учителей собираться точно. Я 16 лет каждый день принимал рапорт командиров, а рапорт отдавался обычно в 9 часов. Кончился день – дежурный командир дает сигнал. И я, начальник учреждения, ни разу не опоздал. Ни одного раза не позволил себе опоздать. И все 28 командиров всегда вовремя были на месте.

Военизация позволяет воспитать движение. А движение – это не такой пустяк. Уметь ходить, уметь стоять, говорить, уметь быть вежливым – это не пустяк. Можно не сомневаться, что такой коллектив производит сам на себя впечатление коллектива обещающего.

Вот в коммуне Дзержинского запрещалось держаться за перила. Стало обычаем не ходить возле перил. Но через 3 года, когда [коммуна] «накачивали» новенькими, я слышу [, как] один командир [внушает] новеньким: отвечайте так-то, ведите себя так-то, а теперь запомните: за перила не держитесь, держитесь за своей позвоночный столб! И я видел, как люди уже пожилые и менее пожилые пробовали сходить по лестнице, не держась за перила, и как они от этого молодели, становились грациознее. Попробуйте вы так сделать, и вы станете, пусть на копейку, но грациознее (*смех*).

И такая организация – не муштровка. У меня было правило: дежурным командиром назначать обыкновенного мальчика 15-16 лет, он отличался от других только шелковой повязкой. И вот сделался обычай говорить [отвечать] на его вопрос [приказ]: «Есть, товарищ начальник командир». И в этом была своя логика. Дежурный командир ни с кем не разговаривал, ему некогда было долго разговаривать; выслушал... и уходит.

Умение встать – тоже много значит. Если [воспитанник] пришел к убеждению, что перед директором надо стоять смиренно, – это значит: он признал закон коллектива.

Я допускал некоторые идущие навстречу военизации приемы. Для [своего] кабинета я выделил самую большую комнату, обставил ее диванами, и любой коммунары мог присутствовать здесь, мог читать, мог слушать, что говорят. Имел полное право делать это. И тут не нужно было никому ни перед кем тянуться. А когда я его призывал, он стоял передо мной так, как нужно.

И наконец, последнее о стиле. Это внешняя игра. Ведь мы все, взрослые, в жизни играем. Тот – особенный воротничок сделает, особенные очки наденет, в которых ему кажется, что он похож на профессора. То у него прическа, как у поэта. А когда вам подадут на экскурсию «ЗИС»²⁰, вы воображаете себя несколько «обуржуазненным».

А дети? Как ребенок играет, так и будет работать. Сама детская жизнь должна быть игрой, а вы с ними должны играть, и я 16 лет играл. Эта игра педагога – серьезная, настоящая деловая игра; когда приносит ценность, она делает красивую жизнь. Что такое красивая жизнь? Жизнь, связанная с эстетикой. Детский коллектив должен жить красиво. Эта игра должна наполнять каждую минуту. И вот военизация – это один из видов игры. Когда-то мои ребята ходили на работу в поле, огород, в цеха, и каждую неделю издавался приказ советом командиров, который начинался одной и той же фразой²¹. Каждый знал свое рабочее место, за которое отвечал, на котором квалифицировался. Каждый слышал каждое утро эту фразу приказа. И так было в течение многих лет.

Это – игра. И такие моменты игры надо беречь. Изобретать надо так, чтобы детям казалось, что они изобретают.

Такая же игра – сторожевой отряд. Вы думаете, что коммуны надо было охранять? Коммуна была НКВД, кто посмел бы ее грабить. А мы нарочно денежный ящик, сейф, держали в вестибюле при входе, и часовой с винтовкой дежурил день и ночь. Когда я говорил об этом учителям, они удивленно спрашивали: «И девочки стояли, и маленькие стояли?»

Да, и ночью стояли. Вся коммуна спит, а он один стоит с винтовкой, и дверь не заперта. Становится страшно, получается риск. Я говорю одному директору в Москве: «Неплохо было бы, если бы у вас сами дети охраняли школу». Он говорит: «Да они же будут бояться, мать не пустит». А детишки, которые слышали слова директора, как закричат: «Пусть попробует не пустить!»

Что такое храбрость? Это то, что человек боится, но делает то, чего боится. Я прихожу в 12 часов ночи в вестибюль, стоит мальчик с винтовкой. Спрашиваю его: «Боишься?» – «Нет». Да и бояться нечего, потому что там есть старшие коммунары. Это игра, но ответственная игра. Человек учится преодолевать страх.

У нас так хотят: надо закалить ребенка. Это очень полезно, но только чтобы без закалки, чтобы само собой выходило. Говорят: вы, ребята, должны быть закалены, вы ничего не должны бояться. А как дойдет до дела, когда можно проявить закалку, заявляют: он испугается, мать не пустит и т.д.

Вот в Твери, вы знаете, что ученик застрелил учительницу²². Это было в 7 классе. Меня в этой истории заинтересовал не тот ученик, который застрелил, он, может быть, был шизофреник, может быть, подослан врагами. Меня заинтересовал класс. Класс испугался, не [с]мог помешать мальчику застрелить учительницу.

Попробуйте в коммуне войти в класс с винтовкой. Кто мог разрешить ему стрелять? А вот там испугались, и это надо преодолевать при помощи игры.

Последний раздел – это отношение к родителям. Здесь мой старый опыт в железнодорожной школе пополняется 5-летней работой в коммуне. Последние 5 лет мне присылали школьников, которые в школе дошли, что называется, до ручки, и мне отдавали этих ребят в качестве братьев [бариннов. – Г.Х.].

Эти дети, конечно, тяжелее беспризорных. У беспризорного все дороги сходятся на коммуне, на мне и на учительском коллективе. У этого – папа и мама. А у папы иногда автомобиль, ромб²³, патефон и деньги²⁴. Попробуйте взять в обработку такого. Это труднее. И я поневоле пришел к необходимости быть в контакте с родителями.

Средняя норма вам прекрасно известна: когда вызывают родителей и говорят: вот ваш мальчик то-то и то-то сделал. Смотрят в глаза и думают: что родитель с ним сделает? А у вас добродетельное выражение лица, и вы говорите: конечно, бить не надо. Отец уходит, вы никому ничего не скажете, а в глубоких тайниках [души], скрытых даже от жены, думаете: вот хорошо, если бы он все-таки постегал мальчишку.

Другая форма обращения. Для классного руководителя и директора ясно, что семья данного мальчика воспитывать не может. И тогда классный руководитель и директор что должны делать? Обычно что они делают, хотя и пришли к убеждению, что семья воспитывать не может? Тем не менее, они идут в семью и начинают учить родителей, как надо воспитывать ребенка. Семья, испортившая ребенка, сколько бы вы ее ни поучали, в большинстве случаев не поймет этого, и если вы начнете натаскивать ее на педагогические действия, можете еще больше испортить дело.

Но это не значит, что нельзя воздействовать на семью. И лучший способ воздействия – через ребенка.

У меня был такой случай: приезжает с ромбом муж и жена без ромба (*смех*) и говорят: наш мальчик такой, что мы просто не знаем, что с ним делать. Это такой барин, мать поносит, постель не застилает, ничего не хочет делать, в школе тоже плохо учится, грубиян, а еще взял и продал облигации. Возьмите его, пожалуйста, пусть поживет у вас четыре месяца. Уехали, на одном договорились: не ходите к нам, не пишите нам и не переписывайтесь с мальчиком. Сдашь мальчика в отряд, он пойдет на завод.

Через некоторое время спросишь командира, как такой-то. Ничего, держится, отвечает командир. Проходит два месяца. Мальчик просится разрешить пойти в отпуск. Отпускаешь и говоришь ему: когда придешь домой, скажешь, прежде всего, здравствуйте отцу и матери, а потом спросишь, что надо сделать. И когда сделаешь, скажи до свиданья, надо идти в коммуну.

Приходит, докладывает: из отпуска прибыл. Все прошло хорошо. Через полчаса приезжают родители и говорят: ах, что вы с сыном сделали, его прямо не узнаешь.

Действие на семью через учеников я мог усилить, когда у меня была военнизированная школа. Я держал учеников на учете, я их держал по бригадам. Были руководители. Все руководители утром отдавали рапорт. Приказом я назначал смотр, на смотре присутствовали, кроме меня, старосты классов. Я приходил во двор, бригада была выстроена, и я со всей бригадой обходил квартиры²⁵. Вот такие бригады, ответственные через бригадиров

перед директором, отдающие отчет на общих собраниях, – прекрасное воздействие на семью. Я думаю, что лучшая форма влияния на семью должна быть [с] такой логикой, что школа – это государственная организация, а семья – это бытовая организация, и воздействовать на семью лучше всего через ученика.

Было у меня, например, постановление общего собрания: в трамваях коммунары не имеют права сидеть, если есть хотя [бы] один [взрослый] человек стоящий. Постановили и строго выполняли. Я думал, что здесь все было получено. Но на общем собрании вдруг говорят: у нас получается так: уступил место, а сам смотрит в глаза всем, чтобы все заметили, что он уступил место. И постановили так уступать место, чтобы никто этого даже не заметил. И стали так уступать место в трамвае, что никто этого не заметил. Вот и в школе должны быть такие же требования. Я благодарен моим коммунарам: они меня во многих отношениях воспитали.

И вот, скажем, такой вопрос, как соревнование. Они открыли новое в нем, потому что я от них требовал больше и требовал весь коллектив. Соревнование было поставлено без договоров парных, а было общее постановление всех классов, отрядов по всем показателям: быть вежливым, вести себя хорошо и т.д. Я имел карточку и учет, и лучший отряд, победитель месячного соревнования, получал премию: 6 билетов в театр, каждый день на весь отряд, на 30 чел., и право убирать мужскую уборную.

Сейчас мне смешно, когда я вспоминаю это. Сначала уборка уборной распределялась по жребью, потом стали распределять по справедливости. Был прекрасный 4-й отряд. Он получил первенство на уборке уборной. Он мыл уборную щелочной [щавелевой. – Г.Х.] кислотой, а потом поливал одеколоном. Все знали, как он возится с уборной, какая здесь чистота. Прошел месяц, отряд заявил: мы за собой оставляем уборку уборной. На третий месяц тоже оставил за собой. И наконец, на следующий месяц третий отряд тоже получил первенство и заявил: нет, теперь мы получили первенство, и уборную должны убирать мы.

Товарищи, – эта логика не моя выдумка, это естественная логика, вытекающая из требований (простите за примерчик).

Нельзя никакие требования предъявлять, если нет единого сбитого, сбитого по-настоящему коллектива. Если бы мне дали школу сейчас, я прежде всего сделал бы следующее: я прежде всего собрал бы учителей и сказал им: дорогие друзья, предлагаю делать так. Если учитель не согласен, то, несмотря на его высокую квалификацию, я бы сказал: уходите в другую школу. Девочке же 18-летней, если бы я видел, что она согласна со мной, сказал: вы еще неопытная, но у вас так горят глаза, я вижу, что вы хотите работать, оставайтесь и работайте!

Был такой случай. Меня пригласили в один район на собрание учителей-отличников. Посмотрел – 200 или 300 учителей-отличников. Приятно на душе, даже трогательно.

На столах стоят портвейн, кагор, немножко после выпили, и вот некоторые учителя подходят ко мне и говорят: этот отличник у нас в школе первая подлиза. А это, вы думаете, отличница? Посмотрите, как она ведет себя, всякие ужимки, кокетничанье... Я стал спрашивать, все говорят: да больше очковтирателей...

Конечно, это были настоящие отличники, а какая же между ними коллективность, если они так говорят.

Настоящий коллектив – это очень трудная вещь. Когда я неправ или я прав – эти два вопроса должны разрешаться не по собственному гонору, а по интересам коллектива. Вот когда соблюдать дисциплину, хотя неприятно это делать, – это дисциплинированность.

Я считаю, что учителя одной школы должны быть в хороших отношениях между собой не только в школе, но быть друзьями и дома, в гости друг к другу ходить.

Я недавно спросил одного учителя и друга: «У вас хороший коллектив?» Он ответил: «Да, хороший». – «А интриганы бывают?» – «Бывают». – «Что вы с ними делаете?» – «Выдавливает...» Самое верное дело.

Простите за мою, может быть, несколько излишнюю болтовню.

(*Аплодисменты.*)

КОММЕНТАРИЙ

РГАЛИ, 332-4-188, лл.16-33.

Стенограмма. Маш. копия подлинника. Экземпляр из наследия педагога-писателя «с правкой А.Г. Тер-Гевондяна». Название: «Стенограмма выступления тов. Макаренко А.С. на совещании учителей Ярославской ж.д. 29/III – 1939 г.». Объем: 18 нумерованных страниц, текст на которых расположен с одной стороны.

Как свидетельствует А.К. Волнин (инф. о нем см. в док. № 19, прим.2), «на совещании присутствовало до 200 учителей, впечатление от выступления было громадное». Далее в семитомнике «Сочинений», в комментарии к данному мероприятию, говорится: «Это было последнее выступление А.С. Макаренко, – через два [три!] дня его не стало, он умер 1 апреля 1939 г. / Инициатива приглашения А.С. Макаренко на это совещание принадлежала А.К. Волнину. Название доклада воспроизведено по его воспоминаниям»; С 5 (1951), с.489; С 5 (1958), с.532.

Публ. (с большим количеством сокращений и изменений, но без характеристики воспроизведения текста и ссылки на источник): ПС (1948), с.21-35 (заголовок – как и во всех следующих советских публикациях документа: «Из опыта работы»); С 5 (1951), с.304-18; С 5 (1958), с.308-22; ПС 4, с.365-75 – со ссылкой на источник (с.396), но без характеристики воспроизведения текста, который, по сравнению с прежними изданиями данного документа, частично восстановлен.

¹ «Мне в Полтаве предложили заниматься в здании Групп совнархоза [Губсовнархоза. – Г.Х.]». Летом 1920 г. Макаренко временно работал в аппарате Полтавского губотдела наробразы заведующим секцией детских колоний (Центральный державний архів вищих органів влади України, 166-1-950, л.43). Губнаробраз находился в здании Губсовнархоза.

² «Заниматься в таких условиях было очень трудно, и, разумеется, я готов был ударить куда угодно, даже к правонарушителям». Первый редактор стенограммы данного выступления А.Г. Тер-Гевондян, сотрудник макаренковской лаборатории при Институте теории и истории педагогики АПН РСФСР, дополнил в конце 1940-х годов соответствующее место высказывания докладчика таким образом: «Заниматься с детьми в таких условиях [...]» (РГАЛИ, 332-4-188, лл.1, 16, 24). Так он закладывал основы для традиции советского макаренковедения: великий педагог до момента его перевода в колонию якобы работал учителем в одной из школ Полтавы.

³ «Вот в 1936 году этот мой опыт закончился более или менее насильственно, не по моему желанию, не по моей вине». О стремлении Макаренко (в своих выступлениях московских лет) продлить срок работы в коммуне им. Дзержинского см. док. № 5, прим.20.

⁴ «У меня была полная средняя школа [...]». См. док. № 1, прим.10.

⁵ «[...] (в коммуне) с третьего года я уничтожил должность воспитателей». См. док. № 2, прим.33.

⁶ «Лейка» – см. док. № 6, прим.3.

⁷ «В Харькове я встретил девочку, которая оканчивает институт. Но она имеет 6-й разряд полировщицы на линзах. Она учится в институте, а между тем этот 6-й разряд у нее сохраняется в руках, она все помнит». См. док. № 21, прим.15.

⁸ «Я теперь буду бороться за идею, что в нашей советской школе должно быть производство». К «еретическим» планам восстановления производительного труда школьников Макаренко возвращался и в предыдущих выступлениях (см. док. № 18, прим.16; № 20, прим.26; № 21, прим.33). В настоящем докладе в присутствии уже известной ему публики эти мысли были уточнены и усилены: «в нашей советской школе должно быть производство».

⁹ «Коммуна Дзержинского существовала восемь лет». «Дзержинка» работала и после 1935 г., когда Макаренко ушел из коммуны. С начала 1939 г. эта «производственно-воспитательная база для правонарушителей» НКВД УССР была реорганизована в промышленный комплекс и переименована в Харьковский комбинат НКВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского; см. многотиражку «Дзержинец» (Харьков), 1939, № 4. 20.01, с.2.

¹⁰ «[...] последние семь лет она (коммуна) покрывала содержание завода, общежития, всего быта, пищи, одежды, школы целиком и 5 млн. рублей давала государству чистой прибыли». О доходе производства коммуны им. Дзержинского см. док. № 2, прим.29; № 17, прим.20.

¹¹ «Человек-творец» – настоящая формулировка восходит к известному выражению римского историка Гая Саллюстия (Gaius Sallustius; 86-35 до н.э.) «Всякий человек есть творец своей судьбы». Затем это выражение использовалось и в трактовке «человек – творец своего счастья» и в более широком плане «человек-творец».

¹² «Пети-мети» – жаргонное обозначение денег.

¹³ «[...] у нас был случай, когда девочка повесилась потому, что ей поставили плохой балл по немецкому языку». В другом выступлении (док. № 18) речь идет о том, что повесился мальчик.

¹⁴ «И вспомнил я, как у нас в одном московском педагогическом журнале был отдел консультации [...]». См. док. № 3, прим.8.

¹⁵ Горono – см. док. № 21, прим.20.

¹⁶ «Я был в одной школе, которая называется именем Ворошилова [...]». См. док. № 1, прим.2.

¹⁷ «В одной газете меня называли жандармом, в другой Аракчеевым и т.д.». «Жандарм», «Аракчеев» – см. док. № 1, прим.12.

¹⁸ «Только на 16-м году я нашел у Энгельса место, где было написано, что в школе должна быть проведена правильная военизация». См. док. № 7, прим.12.

¹⁹ «Я в Кисловодске 7 ноября 1938 г. наблюдал, как одна школа строилась на демонстрацию, причем это не было злым умыслом, просто они не могли построиться». С конца октября до конца ноября 1938 г. Макаренко лечился в Кисловодске (санаторий Курортно-санаторного управления им. М. Горького).

²⁰ «ЗИС» – марка автомобилей Московского автозавода им. Сталина.

²¹ «Когда-то мои ребята ходили на работу в поле, огород, в цеха, и каждую неделю издавался приказ советом командиров, который начинался одной и той же фразой». См. ПС 7, с.397, пр.7 (без указания источника): «Первая фраза еженедельного приказа по коммуне: „С утра все по нарядам командиров“».

²² «Вот в Твери, вы знаете, что ученик застрелил учительницу». Тверь – см. док. № 5, прим.13. Как явствует из редакторской правки настоящего места А.Г. Тер-Гевондяном, очевидно на основании сообщения в данном документе, упомянутый случай произошел «в селе Давизове, недалеко от Калинина» (РГАЛИ, 332-4-188, л.18).

²³ Ромб – знак различия воинских званий в РККА до 1943 года. Имеется в виду комбриг – командир бригады (ныне генерал).

²⁴ «У этого – папа и мама. А у папы иногда автомобиль, ромб, патефон и деньги». Имеются в виду руководящие сотрудники ГПУ/НКВД УССР.

---

²⁵ «*Действие на семью через учеников я мог усилить, когда у меня была военизированная школа. [...] Я приходил во двор, бригада была выстроена, и я со всей бригадой обходил квартиры*». Такое обращение к собственному опыту является плодом фантазии докладчика. А.Г. Тер-Гевондян на основании произвольной вставки Г.С. Макаренко в первую фразу («[...] военизированная школа в Крюкове»; РГАЛИ, 332-4-188, л.21.) «уточнил» данное сообщение следующим образом: «*Действие на семью через учеников можно усилить. Я работал в Крюковской железнодорожной школе. Ученики жили в семьях. Я организовал бригады учащихся по территориальному признаку. Все руководители бригад каждое утро отдавали рапорт о том, что делается во дворах, как ведут себя ученики, члены бригад. Приказом я периодически назначал смотр, на смотре присутствовали, кроме меня, старосты классов. Я приходил во двор, бригада была выстроена, и я с членами бригады обходил квартиры, где жили ученики моей школы*»; С 5 (1951), с.318. Именно в таком виде данный эпизод включен во все советские издания трудов педагога-писателя. Впрочем, этот способ контроля за учащимися, их семьями, считается изобретением именно Макаренко и по сей день используется некоторыми школьными администраторами, причем не только (пост)советскими.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаринов А.А. 11, 16, 51, 254
Аксенова 56
Аландский П.И. 332
Александр II 246
Андреев Л.Н. 117
Аракчеев А.А. 17, 122, 125, 141, 145, 489, 495
Архангельская Е.Ф. 61
Архангельский П.П. 61, 414
- Балабанович Е.З. 254
Балицкий В.А. 51, 117, 118, 125, 144, 145
Балмесов 459-460
Барткмич М.А. 125
Бейлинсон В. 10
Белканов Н. 10
Белоусов 18-19
Белых Г. 31, 50
Белявцев П. 10
Березнев 227-231
Бетховен (Beethoven) Л. ван 289, 449
Бехтерев В.М. 116
Блонский П.П. 17
Бобровская-Луппол М.Е. 332
Борисов Ф. 449
Брайтман Р. 53
Браткевич А. 118
Брун-Цеховой В. 10
Бубнов А.С. 17, 60, 144
Буденный С.М. 232
- Букшпан М.М. 217
Бунин И.А. 248
Бурменко 26-27, 28
- Вайтс (Weitz) З. 12, 118
Васильев Г. 322
Васильев С. 322
Васильков В. 79
Вербицкая А.А. 183, 191
Виль (Wiehl) И. 12
Виноградова М.Д. 11
Виппер Р.Ю. 332
Власов 53
Волков 175
Волнин А.К. 415, 417, 494
Волченко И. 202
Вольпе 292
Ворошилов К.Е. 13, 232, 367, 413, 471
Воскобойников 174
Высоцкая Н. 10
- Георгиевский 36
Герцкович 311
Гессен Л. 479
Гетманец М.Ф. 116
Гмурман В.Е. 11, 12, 15, 51, 447
Гоголь Н.В. 293, 469
Гончаров Н.К. 332
Горбунов К. 119
Гордин Л.Ю. 11, 12

- Горелова 292, 312
Горький А.М. 8, 11, 19, 39, 43, 49, 51, 52, 53, 58, 95, 103, 117, 119, 244-249, 251, 254, 255, 291, 323, 417, 452, 474, 475, 480, 481
Гречишникова 53
Григорьев 56
Громов 363
- Данстон (Dunstan) Д. 118
Данюшевский И.И. 333, 347, 349, 375
Деникин А.И. 37, 51
Джуринская П. 480
Дзержинский Ф.Э. 393
Дидоренко С.А. 387, 413
Диккенс (Dickens) Ч. 251, 255
Доброхотов 56, 57
Добрынина 56
Догаева 75-77
Дортман 225, 226-227
Драйзер (Dreiser) Т. 269
- Евстигнеев 187
Енцов 18
Ефремов С.А. 57, 61
- Жукова 53
- Завитаева 312-314
Залесский И.А. 116
Залужный А.С. 217, 218
Затонов 60
Захряпин 18
Зелинский К. 255
Землянский А.Н. («Робеспьер») 103, 108, 173, 208, 212
Золотарьев В. 118
- Каиров И.А. 11, 12, 332
Калабалин С.А. 117
Калмыкова 72
Камардинов В. 53, 58
Канторович В. 50
Капралов 18, 26
Карамзин И.М. 104
Кареев Н.И. 332
Кауфман Я. 89
Киркевич 70
Киров С.М. 489
Киселев 70
Ключевский В.О. 332
Клюшник В. 324, 330, 372, 465
Клячко 309-311
Коваленко 326
Коган С.Б. 185, 191, 196-198, 217, 291
Козин В.Р. 252, 255
Козлов И.Ф. 11
Козырь В.М. 200, 208, 394
Комаровский Б.Б. 323
Коменский (Comenius) Я.А. 56
Кондаков М.И. 11
Кононенко К.С. 254, 278, 323, 447, 448
Копачев 28-29
Коротов В.М. 11, 12
Коршунов 69-70
Косиор С.В. 51
Костомаров Н.И. 332
Кремер 70
Кренкель Э.Т. 283, 284, 290, 291
Кропачев 191
Крупенина М.В. 16

- Крупская Н.К. 5, 291, 414, 418, 447
Кузнецова 74
Кузовлев В. 5-7
Куприн А.И. 470
Курич 72-73
Куфаев В.И. 352-355, 361, 375
- Лаврова К. 323
Лагода 30-31
Лапирова 33-34
Лапотенко Г. 115
Лапотецкий Н.П. 118
Левин Ф. 448 480
Левитан И.И. 366, 375
Лейц (Leitz) 125
Ленин В.И. 13, 14, 17, 28, 41, 129, 219, 220, 243, 256, 283, 414, 418, 420, 425-427, 428, 448
Литвинов 451
Лобанов 48
Ломброзо (Lombroso) Ч. 92, 116
Ломоносов М.В. 332
Лоскутов М. 448
Лузгин М. 119
Лукьянченко О.А. 10
Лысенко (Лисенко) П.Г. 11
Лысенко Т.Д. 116
Львов К.И. 332
Любимова 271-273, 274, 279
- Макаренко В.С. 479
Макаренко (Салько) Г.С. 6, 9, 10, 12, 15, 60, 119, 144, 242, 243, 278, 374, 375, 413, 414, 415, 447, 479, 496
Макаренко О.В. 243, 414, 479
Макаренко С.Г. 51, 479
- Макаров 219-220, 232
Малахов К. 323
Маркс (Marx) К. 13, 14, 28, 41, 141, 145, 396, 414, 439, 442, 449, 472, 481
Марочко В.И. 254
Мартов Л. 253, 256
Мартьянов 314
Маршак С.Я. 295, 322
Медынский Е.Н. 12, 117, 332
Мезяк 152
Микитенко И.К. 100-102, 117
Михальков С.В. 11
Молотов В.М. 17, 384, 390, 413, 416, 417, 420-422, 447, 458, 480
Мопассан (Maupassant) Г. де 269, 270, 470, 471
Морозов 31-33
Морозов П.Т. 135, 145
Морозова Н.А. 11, 16
- Наторп (Natorp) П. 17
Науменко Ф.И. 60
Невская С.С. 11, 125, 243
Нежинский (Ніжинський) Н.П. 117
Немченко 61
Нечаев В. 49
Ницше (Nietzsche) Ф. 449
- Орисенко А.М. 406, 414
Остапченко А.И. 61
Островский Н.А. 244 296
- Павлов И.П. 68, 116, 130
Павлов-Сильванский Н.П. 332
Пантелеев Л. 31, 50
Папанин И.Д. 169, 283, 290, 291
Пеккер М. 135, 145

- Пенкин Н.Т. 243
Першикова 73-74
Песталоцци (Pestalozzi) И.Г. 14, 15, 17, 41, 57
Петрушевский Д.М. 332
Писарева 355
Пистрак М.М. 16
Пичугина П.Н. 80-81, 89
Поздняков 55
Покровский М.Н. 332
Поляков Д. 10
Пономарева 355-358
Постышев П.П. 38, 51
Пристайко В. 118
Пришвин М.М. 255
Пушкин А.С. 252, 276-277, 478
- Равинов Н. 36
Ракович И.П. 399
Резков В. 10
Руссо (Rousseau) Ж.Ж. 14, 28, 41, 49, 50, 56, 365
Рыжковец 415
- Саллюстий (Sallustius) Г. 495
Салько Л.М. 53, 58, 60, 243, 414, 479
Сангайло 56
Свадковский И.Ф. 11
Свиридов 231-232
Сейфуллина Л.Н. 26, 50, 95-97, 101, 116
Сенченко А.Г. 254
Скрыпник Н.А. 57, 61, 323
Слоба 76
Смоленкова 71-72
Советов С. 243
Соловьев С.М. 332
- Ставский В.П. 332
Сталин В.И. 17
Сталин И.В. 17, 27, 37, 41, 78, 79, 93, 116, 129, 142, 144, 145, 219, 220, 230, 244, 279, 283, 430, 435, 439, 448, 449, 458, 480
Сталина С.И. 17
Станиславский К.С. 116
Степанченко Л.Т. 479
Стороженко Н.П. 243, 353, 375, 480
Сундуков Н.А. 60
- Тарасов В.Н. 332
Татаринов Т.Д. 316-317, 324, 371, 376, 387, 413
Тененбойм З. 10
Тер-Гевондян А.Г. 11, 12, 494, 495, 496
Терентюк Д. 134, 321, 324
Терентюк М. 321
Терехов 123
Терский В.Н. 121, 125, 184-185, 191
Ткаченко А. 10
Токарев Ю.И. 10
Толстой А.Н. 253
Толстой Л.Н. 49, 229, 250, 251
Тонконов 34-37, 78-79
Туполев А.Н. 17
Тургенев И.С. 248
Тюркин П.А. 144
- Убийвовк И.С. 11
- Файнергольц Л. 53
Фейгельсон 118
Флит А. 448

- Фоменко М.В. 12
Форд Г. 106
Франциск Ассизский (Franciscus Assisiensis) 259, 278
Фрезе (Froese) Л. 7, 12
Фролов А.А. 11, 12
Фурманов Д.А. 296, 322
- Харенков 352
Хелемендик В.С. 11
Холмс (Holmes) Л.Ю. 17
Хрущев Н.С. 78
- Цвейг (Zweig) С. 470, 481
Цикина 29-30
- Чайковский П.И. 437, 448, 449
Чаплин (Chaplin) Ч. 116
Черняков 56
Чехов А.П. 33, 250
- Шаповал Ю.И. 118
- Шафир 28
Шекспир (Shakespeare) В. 223
Шершнеф Н.Ф. 118, 244
Шимбирев П.Н. 56, 57, 58, 61
Шишков В.Я. 111, 119
Шкловский В.Б. 229, 244
Шмидт О.Ю. 17, 125, 126, 136, 145
Шолохов М.А. 473
Шостакович Д.Д. 295, 322
Шульгин В.Н. 13, 15, 16, 55, 61
Шуркая 123
- Экк Н. 49
Энгельс (Engels) Ф. 141, 145, 370, 376, 414, 449, 481, 489, 495
Эррио (Herriot) Э. 269, 279, 289, 291, 349, 368, 375, 445, 450
- Ягода Г.Г. 51, 118, 144
Яни 76
Яновский 215

Научное издание

А. С. МАКАРЕНКО

ПУБЛИЧНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ (1936 – 1939 гг.)

Аутентичное издание

Составитель, автор комментариев: Гётц ХИЛЛИГ

Оригинал-макет – П.А. Белявцев, Д.Д. Поляков

Техническое исполнение – В.М. Гришин

Дизайн обложки: Д.Д. Поляков

Переплет и обложка выполнены

в МУП "Типография" г. Ельца

Лицензия на издательскую деятельность

ИД № 06146. Дата выдачи 26.10.01.

Формат 60 x 84 /16. Гарнитура Times. Печать трафаретная.

Усл.-печ.л. 31,4 Уч.-изд.л. 31,6

Тираж 1000 экз. (1-й завод 1-100 экз.). Заказ 111

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии

Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего профессионального образования

«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28

Составитель, автор комментариев:
Гётц ХИЛЛИГ (г. рожд. 1938)

Д-р философ. наук; приват-доцент истории педагогики Марбургского университета, руководитель лаборатории «Макаренко-реферат» (осн. в 1968 г.); 1998-2003 гг. президент, 1991-1998 и с 2003 г. вице-президент Международной макаренковской ассоциации (осн. в 1991 г. в Полтаве); Иностраный член АПН Украины и РАО. Автор около 250 публикаций о Макаренко.

goetz.hillig@web.de